This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 475.65

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ VII. ДЕКАБРЬ. 1888 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стр.
I.	Измѣна. Повѣсть **І. І. Ясинскаго** (*Максима Бѣлинскаго*).	5
II.	Два сонета. **Д. Мережковскаго.**	38
III.	Поѣздка въ Королевскую Монцу. **Вас. И. Немировича-Данченко**	39
IV.	Фантазія. Стихотвореніе. **К. М. Фофанова.**	63
V.	Колдунья. Разсказъ. **Ж. Рони**	64
VI.	Наша комерція передъ лицомъ юстиціи. **М. Гребенщикова.**	86
VII.	Поздняя любовь. Повѣсть **Д. Л. Мордовцева.** (*Оконч.*)	104
VIII.	Одинъ изъ безсмертныхъ. Романъ. **А. Додэ.** (*Оконч.*)	156
IX.	Наши литературные нравы. **О. В.**	252
X.	Передъ портретомъ. Стихотвореніе. **В. Величко**	286
XI.	Проба вина. Повѣсть **Ганса Гофмана**	288
XII.	Изъ дневника. Шесть стих. **Л. Медвѣдева**	333
XIII.	Чѣмъ была для Пушкина женитьба? **П. В. Засодимскаго.**	338
XIV.	Якобиты. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, **Коппэ.** Переводъ **А. А. Слѣпцова**	383
XV.	Изъ Сырокомли. Стих. **В. Н—ой.**	458
XVI.	Разсказы **Захеръ-Мазоха**	460
XVII.	Будни. Стих. **Ѳ. Ромера.**	472

(См. на оборотѣ).

№ 12 «Наблюдателя» вышелъ 15-го декабря 1888 года.

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XVIII. Парижскія письма. К. Д—ча 1
«Заговоръ Флокэ»; буланжисты и монархисты.—Въ чемъ опасность положенія? Политическіе скандалы.—Довѣрчивость публики и ея причины.—Французскіе общественные нравы.—Ошибки правящей партіи.—Манифестація 2-го декабря и ея характеръ.

XIX. Политическая хроника 10
Разногласіе въ политикѣ государства, народа и правителя.—Войны по прихоти монарховъ немыслимы въ наше время. — Войны освободительныя и національныя.—Паденіе личной политики германскаго канцлера.—Наслѣдникъ Цесаревичъ въ Берлинѣ.—Юбилей датскаго короля.—Экономическая война Германіи противъ Россіи.—Рѣчь Вильгельма II въ рейхстагѣ и полемика прусскихъ газетъ съ австрійскими.—Венгерскіе жиды.—Сорокалѣтняя годовщина царствованія Франца-Іосифа.—Новый военный законъ въ австрійскомъ парламентѣ. — Итоги прусско-германской политики.—Франція въ борьбѣ съ буланжизмомъ и непопулярнымъ правительствомъ.—Политическое шулерство Милана.—Русская дипломатія, потерпѣвшая пораженіе въ Персіи.

XX. Новыя книги: 1) **Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.** Выпускъ шестой. Тифлисъ. 1888. 2) **Сибирскій разсказъ изъ жизни пріисковаго люда.** Спб. 1888. 3) **Иванъ Николаевичъ Крамской.** Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. Издалъ *Алексѣй Суворинъ*. Спб. 1888. 4) **Всеобщая исторія.** Георга Вебера. Т. IX. Переводъ *Андреева*. Москва. 1888. 5) **Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ.** Составилъ *В. Я. Бутковскій*. Спб. 1888. Два тома 25

XXI. Наши внутреннія дѣла 33
Къ вопросу о земскомъ элеваторѣ въ Ельцѣ.—Ожидаемыя выгоды.—Хлѣбная инспекція и ея устройство.—О чемъ должно заботиться теперь елецкое земство?—Отношенія министра народнаго просвѣщенія, графа И. Д. Делянова, къ студентамъ.—Заботы его объ улучшеніи матеріальнаго положенія университетскихъ преподавателей.—Какъ слѣдуетъ рѣшить вопросъ о гонорарной системѣ, введенной университетскимъ уставомъ 1884 года.—Мѣры проэктируемыя главноуправл. С. Е. И. В. канцеляріею по учр. Импер. Маріи, статсъ-секретаремъ И. Н. Дурново, для улучшенія участи незаконнорожденныхъ дѣтей въ провинціи.—Наши замѣчанія по этому вопросу.—Нѣсколько словъ по поводу конверсіи 5% займа 1877 г. на новый 4% заемъ.—Ожидаемое сбереженіе для казны.—Удачно проведенная техника займа.

XXII. Объявленія.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:

Библіотеки и кабинеты для чтенія пользуются (по выбору) *комисіонной уступкой* или *разсрочкой годовой платы*, но только въ томъ случаѣ, если выписываютъ *не менѣе пятнадцати годовыхъ экземпляровъ журнала.*

Книжные магазины, *выписывающіе журналъ для находящихся при нихъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія*, подчиняются тому же условію.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ГОСТИНАЯ ГСАМАРЫ БИБЛІОТЕКА

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 12. ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора переведены изъ Поварскаго переулка (№ 5) на уголъ Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.
1888.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

PSlav 475.65 (7 / 12 / 1888)

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

ВЪ 1889 ГОДУ (ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: **Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ (Г*), проф. В. П. Даневскій, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Н. Сѣверинъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, Е. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ) и др.**

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ Спб. . . .	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	7 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылк. за границу. . .	16 р.	Съ пересылк. за границу	9 р.

Годовые подписчики **„Наблюдателя"**, желающіе получить **второе изданіе монографій редактора: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія"**, высылаютъ **17 р. 50 к.** (копѣйки—марками).

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 12 1979

79*2

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ
во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
НОВАЯ КНИГА:
«ИЗЪ ИСТОРІИ
НАШЕГО
ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО
РАЗВИТІЯ».
второе дополненное изданіе монографій и критическихъ статей А. П. ПЯТКОВСКАГО.
Цѣна 4 руб. 50 коп., съ пересылкой 5 рублей.
Складъ въ Главной конторѣ журнала «НАБЛЮДАТЕЛЬ»
(Спб., Владимірская, № 1—6).

Всѣ изданія редакціи, прежде публиковавшіяся на этой страницѣ, разошлись до послѣдняго экземпляра, кромѣ романа „СЕРАПИСЪ“, который высылается подписчикамъ за 1 рубль съ пересылкою. Подписчики, приславшіе **16 руб.**, получаютъ этотъ романъ, а излишній рубль могутъ: **1**) или вытребовать обратно, за вычетомъ стоимости пересылки, или **2**) зачислить въ подписку будущаго года.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
Г. САМАРЫ

ИЗМѢНА.

I.

Ивановы давали вечеръ. Они ожидали къ себѣ гостей даже изъ деревни: къ нимъ долженъ былъ сегодня пріѣхать Дементій Васильевичъ Аларинъ, ихъ родственникъ, и Жабровскіе, которые давно обѣщали показать имъ свою воспитанницу Агату. Агата, въ этомъ году, вернулась изъ Москвы, гдѣ училась въ частномъ пансіонѣ и уже окончила курсъ. Жабровскіе получали большой доходъ отъ опеки надъ состояніемъ Агаты, но нельзя сказать, чтобы разоряли ее, потому что они все же недаромъ пользовались репутаціей порядочныхъ людей. Ивановы славились своимъ гостепріимствомъ. Сегодняшній вечеръ былъ послѣдній въ сезонѣ: перваго іюня они сбирались въ свое имѣніе, на Кавказъ. Ихъ домъ на Большой Гончей улицѣ былъ ярко освѣщенъ, не смотря на неполный сумракъ поздняго лѣтняго вечера. Въ залѣ были разложены карточные столики; на террасѣ, выходившей въ тѣнистый старый садъ, горѣли фонарики пестрыми гирляндами, а въ гостинной сидѣли два старика съ сѣденькими серебряными бачками — изъ тѣхъ раннихъ гостей, которые являются за часъ до назначеннаго времени и по неволѣ всецѣло принадлежатъ хозяевамъ.

Гости сходились и съѣзжались мало по малу. Хозяйка дома, Вѣра Ильинична, была пятидесятилѣтняя старуха съ красивымъ правильнымъ лицомъ и фигурой Екатерины II-й. Молодыхъ людей почти не было видно. Даже прислуга была пожилая. Особенно старъ былъ самъ Ивановъ. Онъ ожирѣлъ отъ дряхлости, глаза его выцвѣли, роть былъ весь въ морщинахъ, и губы свинцоваго цвѣта непроизвольно шевелились. Онъ однако сохранилъ бодрость и ясность ума, не смотря на свои

семьдесятъ лѣтъ. Вокругъ него собралась кучка слушателей—онъ разсказывалъ анекдоты объ императорѣ Николаѣ I-мъ. Когда жена его стала играть на роялѣ, причемъ старый генералъ переворачивалъ ноты, Ивановъ, тысячный разъ въ своей жизни, если не больше, слушалъ ея игру съ восторгомъ и благоговѣйнымъ молчаніемъ, качая въ тактъ головой, покрытой сѣденькимъ пухомъ.

Аларинъ пріѣхалъ поздно—пьянистка уже кончила играть; ей хлопалъ мужъ и вѣжливо аплодировали старики. Новый гость присоединился къ нимъ и подошелъ къ Ивановой, хлопая обѣими руками.

— Я давно стою въ передней, не дышу и внимаю. Я не смѣлъ войти, боялся помѣшать.

Аларину было лѣтъ сорокъ пять. Иванова—его троюродная сестра. Онъ былъ плечистый человѣкъ съ бронзовымъ загорѣлымъ лицомъ и небольшими черными усами, которые сливались съ расширяющимися къ низу курчавыми подъусниками. Брови у него тоже были черныя, но вся голова покрыта серебряной сѣдиной. Отъ этой сѣдины онъ казался интереснѣе, и среди собранія стариковъ его можно было назвать молодымъ человѣкомъ.

— А Жабровскихъ нѣтъ, и Агаты нѣтъ, — сказала Иванова, давая ему поцѣловать свою руку и цѣлуя его въ лобъ.

— Я не ради ихъ пріѣхалъ.

— Не для Жабровскихъ, но, можетъ быть, ради этой пресловутой барышни... Недаромъ же вы ее такъ расхваливали.

Аларинъ улыбнулся, къ нему подошелъ хозяинъ и сталъ упрекать его за то, что онъ рѣдко бываетъ.

— Ему нравится свое гнѣздо, сказала Иванова.—Онъ безъ Матусовки жить не можетъ. Честное слово, Дементій Васильевичъ, тихо сказала она ему:—я только для васъ пригласила Жабровскихъ. Но я не виновата, если ихъ не будетъ.

Но тутъ пріѣхали Жабровскіе съ Агатой.

II.

Агату нельзя было назвать красавицей: тонкая, съ маленькимъ лицомъ, съ темными густыми волосами, со сверкающими глазками, она производила впечатлѣніе не русской тихой дѣ-

вушки, а цыганки изъ хорошаго московскаго табора. Она была одѣта по послѣдней модѣ, но очень скромно, что́ еще больше выдѣляло странный блескъ ея оригинальной, почти некрасивой наружности.

Аларинъ встрѣчалъ ее уже нѣсколько разъ. Оба Жабровскіе, толщины необъятной, съ тройными подбородками и счастливыми польскими глазами, были усажены въ гостинной и, поболтавши о разныхъ мелочахъ, выразили желаніе играть въ винтъ. Партія мигомъ составилась. Тогда молодая дѣвушка подошла къ Аларину и посмотрѣла на него.

Слегка съуженные глазки Агаты, въ которыхъ была разлита свѣтящаяся влага—такъ казалось Аларину—смутили его своимъ неспокойнымъ, насмѣшливымъ и какимъ-то влекущимъ выраженіемъ. Онъ сказалъ, чтобы только не молчать:

— Какъ вы поздно!

— Что же спѣшить? Я и то не знаю, зачѣмъ я пріѣхала?.. Здѣсь не танцуютъ. А еслибы эти старики вздумали плясать, завтра прислуга вымела бы ихъ прахъ изъ залы.

— Вы злая!

Онъ оправился отъ смущенія и теперь пристально разсматривалъ дѣвушку тѣмъ взглядомъ, которымъ смотрятъ на молодежь пожилые люди. Но Агата точно хотѣла наказать его за это. Она опять подняла на него глаза и заставила его опустить свой взглядъ.

— Да, я злая, произнесла она, улыбаясь.

— Надолго вы пріѣхали въ городъ?

— Казиміръ Клементьевичъ уѣзжаетъ съ Марьей Болеславовной завтра. Ну, а я поживу здѣсь нѣсколько дней.

— Однѣ?

— Одна. Впрочемъ, у меня есть гувернантка—m-lle Müller.

— Я тоже пробуду нѣсколько дней.

— Помнится, вамъ была ненавистна городская пыль.

— Благодарю васъ: вы изучаете мои вкусы.

— Ахъ, вы думаете! Но, Боже мой, какъ здѣсь душно!..

Аларинъ повелъ дѣвушку въ садъ. Дверь изъ гостинной выходила на балконъ, который широкими ступеньками спускался въ цвѣтникъ и весь заросъ по колоннамъ и даже по карнизамъ темнымъ плющемъ. Деревья возвышались и направо,

и налѣво, и прямо, безпорядочными группами, облитыя серебрянымъ свѣтомъ полной луны.

— У вашихъ родственниковъ, m-iur Аларинъ, чрезвычайно почтенный видъ. Вмѣстѣ съ вами имъ, вѣроятно, двѣсти лѣтъ.

— Да, пожалуй, больше ста пятидесяти... Но, послушайте, невѣжливо говорить при мнѣ о годахъ!

Они шли по ровной аллеѣ. Деревья пропускали сквозь густую листву блѣдные лучи мѣсяца, и свѣтъ падалъ на Агату. Аларинъ видѣлъ, по временамъ, какъ смотрятъ насмѣшливо и томно ея чудесные цыганскіе глазки. Ему нравилось, что она идетъ возлѣ него, и онъ слышитъ шорохъ ея платья, и до него долетаетъ запахъ ея душистыхъ волосъ.

— Такъ вы будете искать со мною встрѣчъ эти дни? А?

Онъ взялъ ее подъ руку, она стала смѣяться.

— Я буду искать съ вами встрѣчъ, повторилъ онъ.

— Напримѣръ?

— Какъ случится. Я могу прійти къ вамъ. Вы позволите?

— Вы не умѣете ходить съ дамой. Нельзя такъ жать руку!

Но, не смотря на свой протестъ, Агата опиралась на его руку почти всей тяжестью своего легкаго теплаго тѣла. Аллея была не велика и въ концѣ сада впадала въ другую, которая тянулась вдоль забора. Они пошли по этой темной аллеѣ.

III.

Агата начала болтать и говорила, не переставая, битыхъ полчаса. Рѣчь ея перескакивала съ одного предмета на другой—отъ московскаго пансіона и продѣлокъ школьницъ она переходила къ своему теперешнему деревенскому житью-бытью и къ шуткамъ надъ наивной m-lle Müller. Казалось, что Агатѣ четырнадцать лѣтъ:—въ ея характерѣ, рядомъ съ опытностью записной кокетки, было пропасть чего-то дѣтскаго. Поэтому не было странно, что при ней до сихъ поръ состояла гувернантка, хотя эту гувернантку она могла всегда прогнать по собственному усмотрѣнію.

— M-lle Müller больна, несчастная: у нея по временамъ бываютъ приступы сантиментальныхъ слезъ. Вы знаете, что́

она дѣлаетъ теперь? Сидитъ у окна, смотритъ на луну, вспоминая Швейцарію и жениха, котораго оставила тамъ двадцать лѣтъ назадъ, и плачетъ. Я кажусь ей тираномъ. Она разсказала мнѣ всѣ свои тайны и съ тѣхъ поръ блѣднѣетъ, когда я коснусь ихъ...

Аларинъ остался равнодушенъ къ разсказу о m-lle Müller. Но такъ какъ онъ пристально смотрѣлъ на дѣвушку, и Агата видѣла каждый разъ, вступая въ полосу луннаго свѣта, устремленныя на нее рѣсницы его глазъ, то съ оживленіемъ продолжала говорить о своей гувернаткѣ, пока ей самой не надоѣло; Аларинъ узналъ, что m-lle Müller, будучи вѣрна своему швейцарскому жениху, тѣмъ не менѣе очень влюбчива... Вступивши на этотъ путь, разговоръ сталъ скользить, скользить, и Аларинъ почувствовалъ странное удовольствіе вмѣстѣ съ чѣмъ-то непріятнымъ, когда бесѣда исключительно сосредоточилась на любви. Агата смѣялась надъ клятвами въ вѣчной любви, утверждала, что сама никогда не полюбитъ, и предложила Аларину нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчать прямо онъ не могъ и, улыбаясь, подумалъ, что эта развязная и бойкая дѣвушка, въ сущности, еще до смѣшнаго невинна.

— Вотъ вы какое дитя! сказалъ онъ. — Не давайте обѣтовъ, которыхъ нельзя выполнить.

— Вы, кажется, взволнованы!

— Я спокоенъ.

— Говорите, что я дитя! Ахъ вы, дѣдушка! Я ни въ кого не влюблюсь, но мнѣ можетъ понравиться... кто нибудь...

Они вышли на площадку, гдѣ сильно пахло резедой. Луна обливала ихъ яркимъ свѣтомъ. Вдали на балконѣ, до половины скрытомъ въ темной зелени кустовъ, горѣли пестрые фонарики. Агата остановилась и прямо стала смотрѣть въ лицо Аларину. Глаза ея блестѣли, смѣхъ дрожалъ въ углахъ очаровательнаго рта. Она такъ близко прижалась грудью къ Аларину, что онъ слышалъ, какъ бьется ея сердце. Но потомъ Агата выдернула свою руку, пошла впередъ и по пути стала рвать цвѣты.

Дементій Васильевичъ проворчалъ: „стрекоза“.

Иванова спросила у возвратившагося Аларина:

— Отчего у васъ такое веселое лицо?

— Садъ у васъ чудесный.

— Помилуйте, какой онъ чудесный!.. Я, знаете, начала уже немножко побаиваться за васъ, заговорила она шопотомъ:—вы ушли вдвоемъ... Это нехорошо.

— Гдѣ Агата?

— А вотъ сидитъ.

Дѣвушка сидѣла за стуломъ Жабровскаго и смотрѣла въ его карты съ усиленнымъ любопытствомъ: можно было подумать, что она уже забыла прогулку въ саду.

— Послушайте, Дементій Васильевичъ, шопотомъ продолжала Иванова:—вы, кажется, не на шутку...

— Оставьте... Конечно, она мнѣ нравится, но она дитя!

— Что за дитя! Двадцать лѣтъ! Это въ наше время выдавали дѣтей. Я вышла замужъ, мнѣ еще не было пятнадцати лѣтъ, а все же мы очень счастливы. Не забывайте, голубчикъ, что она съ приданымъ. Она здѣсь лучшая невѣста, а вамъ пора уже, пора, пора!

Аларинъ сталъ ходить съ нею по залѣ.

IV.

По окончаніи вечера, Ивановы оставили Дементія Васильевича ночевать. Ему была отведена боковая комната, выходившая итальянскимъ окномъ въ садъ. Было уже за полночь, и короткая лѣтняя ночь какъ будто дрогнула, и востокъ начиналъ блѣднѣть. Надъ дремлющимъ садомъ мигали звѣзды. Дементій Васильевичъ всталъ раздѣтый—сонъ бѣжалъ отъ него. Ему казалось, что тутъ гдѣ-то, во мракѣ, стоитъ какой-то призракъ, плѣнительный, безпокойный, капризный, и горячо дышетъ... Деревья застыли въ блаженной лѣни; объятые сномъ, дремали цвѣты. Закатилась луна. Отъ розовыхъ кустовъ поднимались благоуханія. Дементій Васильевичъ былъ раздраженъ на свою одинокую жизнь, и въ его умѣ вставали образы былаго.

Десять лѣтъ ухлопалъ онъ на свой никому ненужный трудъ собиранія народныхъ примѣтъ и суевѣрій. Потомъ страсть къ суевѣріямъ прошла. Ему захотѣлось написать романъ или драму изъ далекой эпохи — изъ временъ введенія въ Россію христіанства. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, читалъ въ публичной библіотекѣ источники, переписывалъ рукописи, покупалъ

на толкучкѣ вороха грязныхъ бумагъ, и кончилъ тѣмъ, что сочинилъ двѣ главы романа, которыя ему самому показались нелѣпыми. Онъ пробовалъ писать стихи, но риѳмы его стѣсняли, а въ бѣлыхъ стихахъ его не было поэзіи. Такъ какъ онъ владѣлъ юридическимъ образованіемъ, то ему вздумалось быть присяжнымъ повѣреннымъ. „Нельзя жить т а к ъ,—я обязанъ работать для блага всѣхъ“. Онъ мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ громить зло и защищить все чистое, высокое и святое. Но, въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго, ему пришлось отстаивать разныхъ мелкихъ воришекъ и вести дрянныя невидныя дѣла. Когда же онъ сдѣлался присяжнымъ повѣреннымъ, имя его прогремѣло въ газетахъ, благодаря странной рѣчи его, сказанной не въ защиту, а противъ своего кліента, обвинявшагося въ жестокомъ обращеніи съ женою. Совѣтъ присяжныхъ сдѣлалъ замѣчаніе Аларину; онъ бросилъ адвокатуру. Въ это время онъ познакомился съ странной дѣвушкой... Она была тиха, скромна и съ рѣдкой силой воли. Всю свою недолгую жизнь она отдала такому дѣлу, которое считала святымъ. Аларинъ не раздѣлялъ ея взглядовъ, но долженъ былъ прійти къ заключенію, что еслибы всѣ служившіе этому дѣлу были такъ безгрѣшны, какъ она, то, конечно, они были бы правы. Былъ моментъ,—забудетъ ли онъ его когда нибудь?—когда Аларину ничего больше не оставалось, какъ броситься въ вихрь новой жизни со всѣми ея ужасными превратностями. Онъ такъ полюбилъ странную дѣвушку!

Аларинъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ внизъ, на дремлющіе цвѣты. Оттуда словно повѣяло зноемъ. Блѣдный образъ строгой красоты, съ чистыми глазами и прямой рѣчью, былъ вдругъ заслоненъ раздражающимъ образомъ другой красоты, съ глазами, полными соблазнительнаго блеска, и съ нѣжными, не то дѣтскими, не то порочными рѣчами.

Онъ замеръ отъ ужаса и счастья. Страшно полюбить старику молоденькую дѣвушку, но онъ любитъ, и бѣсъ ему шепчетъ, что молодо еще его сердце и жизнь его еще, быть можетъ, будетъ скрашена женской лаской; вокругъ его шеи обовьются теплыя гибкія руки, и алыя свѣжія уста прильнутъ къ его сухимъ губамъ...

Тѣ рѣшенія, которыя приходятъ мечтателямъ только ночью, волновали Дементія Васильевича. Онъ поѣдетъ къ Жабров-

скимъ, объяснится, сдѣлаетъ Агатѣ предложеніе. Въ самомъ дѣлѣ, она выйдетъ за него и, кажется, она къ нему не равнодушна. Этими днями онъ будетъ ухаживать за ней... Нѣтъ, онъ еще вовсе не такъ старъ! Хоть годъ счастья, хоть полгода. Былое не сулило блаженства, вся жизнь прошла въ разочарованіяхъ... Мѣсяцъ счастья—и довольно! Долго сидѣлъ такъ у окна Дементій Васильевичъ. Онъ очнулся отъ угара лишь на зарѣ. Кровавый кругъ солнца уже пылалъ, какъ зарево, за стволами деревьевъ. На площадкѣ, гдѣ вчера Агата смотрѣла въ глаза Аларину и смѣялась своимъ загадочнымъ смѣхомъ, синѣли струйки пара и быстро таяли въ розовыхъ лучахъ. Вдругъ запѣли птицы. Садъ зашумѣлъ, затрепеталъ, стряхнувши сонъ съ своихъ вѣтокъ, и Аларинъ, улыбнувшись надъ своими ночными волненіями, легъ въ постель.

V.

— Такъ вамъ Агата продолжаетъ нравиться? — спросила Дементія Васильевича г-жа Иванова за позднимъ чаемъ, который пили на балконѣ, въ тѣни парусинныхъ жалюзи и занавѣсокъ.

— Какъ вамъ сказать?—отвѣчалъ съ улыбкой Аларинъ:—она милочка, у нея съ огнемъ глаза, стройная, гибкая, но только вотъ... немножко... нѣтъ, даже не немножко!.. я не знаю, какъ это назвать... ужъ больно развязна. На каждомъ шагу разставляетъ силки. Того гляди, запутаешся и споткнешься. Признаться, я избѣгаю такихъ дѣвицъ.

— У васъ усталое лицо—вы сегодня дурно спали?

Аларинъ промолчалъ.

— Слышите?

— Спалъ отлично, но дурно легъ. Кажется, я лишнее выпилъ... Агату напрасно считаютъ красавицей...

— Никто ее не считаетъ! Это вы говорили!

— У нея оригинальная наружность, но вы замѣтили, какъ у нея широкъ носъ?

— Терпѣть не могу этихъ мужчинъ!—вскричала со смѣхомъ старуха:—надоѣдалъ мнѣ Агатой, удивлялся, какая она прелестная, скучалъ, пріѣхалъ для нея за двадцать верстъ, а теперь ему носъ широкъ!

— Да, зеленъ виноградъ,—прошамкалъ Ивановъ и задумчиво глянулъ въ пространство, быть можетъ, вспоминая то блаженное время, когда и онъ былъ „молодъ“, и въ сорокъ пять лѣтъ заглядывался на зеленый виноградъ.

— По мнѣ, она испорченная дѣвчонка,—продолжалъ Дементій Васильевичъ, не обращая вниманія на замѣчаніе Иванова.—Мнѣ и глаза ея, въ сущности, мало нравятся. Развѣ можно имѣть въ двадцать лѣтъ такіе глаза! Въ двадцать лѣтъ дѣвушка должна быть тише воды, ниже травы, и благоухать невинностью, а отъ нея пахнетъ какими-то пряными духами и въ каждомъ зрачкѣ сидитъ по дьяволу.

— Дементій Васильевичъ, что съ вами? Вы сердитесь?

— Нисколько. Конечно, молодость привлекательна, и когда снѣгъ выпалъ—Аларинъ показалъ на свою голочу — хочется погрѣться возлѣ огня, который весело трещитъ въ печкѣ. Но досадно, что Агата преувеличиваетъ свое значеніе для нашего брата. Она воображаетъ о себѣ богъ знаетъ что!

— Дементій Васильевичъ, не горячитесь—я серьезно подумаю, что вы влюбились въ Агату...

— Не скрою, она все таки притягиваетъ къ себѣ, съ улыбкой сказалъ Аларинъ.—Но знаете что? не будемъ больше говорить о ней.

— Не будемъ.

Дементій Васильевичъ сталъ мѣшать ложечкой въ стаканѣ.

— Правда ли, Вѣра Ильинична, что Агата одна проведетъ здѣсь еще нѣсколько дней?

— Мнѣ говорили Жабровскіе.

— Ну, вотъ вамъ, началъ Аларинъ:—ни отца, ни матери, ни брата, фиктивная опека, фиктивная гувернантка и дѣвушка съ этакими глазами одна. Возможенъ рядъ ложныхъ шаговъ и ошибокъ. Изъ рукъ вонъ!

— Э, голубчикъ! вскричала Иванова и замахала рукой:—не вѣрю, не вѣрю вашимъ нападкамъ! У васъ нѣтъ другихъ мыслей, кромѣ какъ объ Агатѣ. А еще зарокъ даетъ—не будемъ говорить объ Агатѣ! Лучше прямо попросите, и я васъ женю на ней. Ничего, что снѣгъ. У насъ не много хорошихъ невѣстъ, да зато и жениховъ нѣтъ. А вы чѣмъ не человѣкъ? Сосватать?

— Нѣтъ, Вѣра Ильинична, я шучу, сказалъ Аларинъ

серьезно. — Въ мои годы не женятся... Молодая, пикантная жена—мученье для стараго мужа. Еще разъ прошу васъ, не будемъ больше говорить объ Агатѣ.

На другой день, утромъ, Дементій Васильевичъ, послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собой, сѣлъ въ почтовую кибитку и уѣхалъ въ свою Матусовку.

VI.

Агата Парменовна Шамраева и ея компаньонка, m-lle Müller, занимали щегольской номеръ въ Европейской гостинницѣ, лучшей въ городѣ.

Проснувшись и лежа въ постели, Агата будила m-lle Müller и бросала въ нее маленькой подушкой, корсетомъ, ботинками, коробкой конфектъ. Швейцарка спала крѣпко. Истощивъ средства, Агата начинала громко пѣть, перевирая аріи изъ „Фауста“. Она пѣла, увлекаясь своимъ голосомъ, и, глядя въ потолокъ, прижимала къ груди руку, трясла головой, выразительно хмурилась и воображала себя на сценѣ. M-lle Müller все спала. Агата сползала съ кровати, скользя спиной по ея краю и держась на локтяхъ, вытягивала ногу и толкала нѣсколько разъ столикъ, который, наконецъ, опрокидывался вмѣстѣ съ стаканомъ воды. Вода лилась на постель, и m-lle Müller вскакивала, испуганная и гнѣвная. Агата уже лежала, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и притворялась спящей; но ее выдавалъ смѣхъ, потрясавшій все ея тѣло. M-lle Müller разражалась потокомъ укоризнъ.

— Я не дѣвочка, кричала она по французски:—я не могу позволить шутить со мною, какъ съ дѣвчонкой! Мнѣ не двѣнадцать лѣтъ, мнѣ ужь сорокъ!

— Не правда! возражала Агата.

Начинался споръ о лѣтахъ.

— Ну, хорошо, пусть я одна буду дѣвочка! заключала Агата и, упершись ногами въ кровать, старалась держаться на одномъ затылкѣ: все ея тѣло выгибалось, какъ дуга.

M-lle Müller складывала въ ужасѣ руки, негодовала и не знала, какъ себя вести. Ворча, одѣвалась гувернантка, пудрилась и нажимала пуговку звонка, чтобъ приказать подать кофе. Агата продолжала валяться въ постели. Завтракать она будетъ

въ постели и пообѣдаетъ также, причемъ съѣстъ только нѣсколько порцій мороженаго.

— Зачѣмъ пріѣхали мы въ городъ? каждый день спрашивала m-lle Müller.

Она одна ходила по магазинамъ, а тѣмъ временемъ, часовъ до шести-семи, молодая дѣвушка скучала въ номерѣ, не могла придумать, что дѣлать съ собой, изобрѣтала, какъ школьница, какія нибудь шалости, разсматривала себя въ зеркало, читала французскій романъ натуралистической школы и, послѣ нѣкоторыхъ главъ, томно задумывалась, потягиваясь и прислушиваясь къ шуму мужскихъ шаговъ въ коридорѣ.

Передъ вечеромъ, Агата оживлялась. Она принимала холодную ванну и зачесывала волосы по послѣдней модѣ. Разрядившись и надушившись, она отправлялась съ m-lle Müller въ городской садъ, гдѣ играла полковая музыка. Агата возвращалась въ гостинницу поздно, требовала тонкій ужинъ, пѣла и акомпанировала себѣ на роялѣ. Съ m-lle Müller она подвергала строгому разбору наряды дамъ, которыхъ видѣла въ саду, и была недовольна наружностью мужчинъ.

„Куда дѣлся Аларинъ? Отчего онъ не приходитъ?“ спрашивала она себя и смѣялась, вспоминая, какъ она кокетничала съ нимъ въ тотъ вечеръ.

M-lle Müller молилась Богу и ложилась спать, а Агата долго раздѣвалась, снимала одинъ башмакъ, черезъ полчаса другой. Нѣсколько разъ тушила она и зажигала свѣчу; ее мучила безсонница. Агата сердилась, капризно переворачивалась съ боку на бокъ и лишь къ утру забывалась тревожнымъ призрачнымъ сномъ, разметавшись на постели.

Такъ прошло нѣсколько дней.

VII.

Аларинъ былъ на похоронахъ — умеръ графъ Парпура. Онъ возвращался домой, большою почтовою дорогой, и думалъ о томъ, о чемъ обыкновенно думаютъ послѣ похоронъ... Вотъ графъ жилъ, какъ владѣтельный принцъ, его домъ былъ чудомъ роскоши, всѣ завидовали графу; онъ приводилъ въ исполненіе малѣйшую свою прихоть и мѣнялъ любовницъ, какъ перчатки. Можетъ быть, онъ былъ счастливъ, но смерть вдругъ

явилась нежданно-негаданно, и какъ теперь ничтожны стали всѣ его затѣи—мраморныя статуи въ англійскомъ паркѣ, тысячныя картины, оранжереи, восточныя бани, кухня, первая въ губерніи... Бѣдный графъ! Пыль поднималась съ обѣихъ сторонъ, было душно и жарко, и Аларинъ обрадовался, когда вдали мелькнула и заблестѣла рѣка, и представилась возможность отдохнуть отъ пыли и зноя...

Рѣка широкой, голубой лентой извивалась межъ низкихъ береговъ. Пароѣмъ уже слегка отчалилъ, когда подъѣхалъ экипажъ Аларина, и паромщики вернулись назадъ, чтобъ взять его. На паромѣ стояло нѣсколько возовъ и чья-то карета. Тарантасъ съ громомъ взъѣхалъ по мосткамъ и занялъ мѣсто возлѣ кареты. Мужики стали тащить канатъ деревянными распорками, онъ выгибался дугой и билъ по водѣ—летѣли брызги и сверкали на солнцѣ.

— Боже мой, какъ хочется пить! послышался изъ кареты знакомый голосъ.—M-eur Аларинъ, будьте же любопытнѣе, взгляните на меня!

Агата кивнула головой Дементію Васильевичу. Онъ вылѣзъ изъ тарантаса. Безотчетное смущеніе охватило его, и онъ подошелъ къ окну кареты.

— Намъ хочется пить. Вотъ m-lle Müller. Ей всего сорокъ лѣтъ, и замѣтьте, какими глазами она уже смотритъ на васъ. Не бойтесь, она порусски не понимаетъ. Право, она сейчасъ станетъ увѣрять, что вы похожи на ея швейцарскаго жениха. Вотъ чашка—прикажите зачерпнуть воды.

Аларинъ подалъ воды.

— Благодарю васъ... А что же это вы надули меня? Я ждала васъ! Откуда вы ѣдете?

— Хоронилъ сосѣда.

Онъ разсказалъ о похоронахъ.

— Царствіе ему нѣмецкое! заключила Агата. А теперь вы къ себѣ? А намъ стало до того скучно въ городѣ: m-lle Müller каждый день ссорилась со мной, васъ нѣтъ и нѣтъ—и вотъ мы вспять... Послушайте, садитесь сюда. Поѣдемъ вмѣстѣ. Намъ вѣдь по дорогѣ. M-lle Müller пересядетъ въ вашъ тарантасъ... Ничего, ничего, она любитъ одиночество... M-lle Müller!

Гувернантка повиновалась. Пароѣмъ причалилъ къ берегу,

Аларинъ помогъ швейцаркѣ сѣсть въ свой экипажъ, а самъ забрался въ карету.

— Вотъ неожиданная встрѣча! съ улыбкой сказала Агата, глядя на Аларина.—Признайтесь, испугались и сбѣжали? Хорошъ, нечего сказать, а еще васъ женихомъ называютъ! Вотъ, говорятъ, Дементій Васильевичъ—приличная партія, а эту партію надо ловить на большихъ дорогахъ!.. Какъ вамъ нравится моя шляпка?

— Чудесная шляпка.

— Ко мнѣ идетъ эта накидка?

— Очень идетъ.

— Но жарко, я сниму...

Она сбросила накидку до локтей и осталась въ какой-то бѣлой кисейной, шитой золотомъ куркѣ, стянутой шолковымъ поясомъ. Ея голыя руки были украшены браслетами, и пряные духи отдѣлялись отъ ея, повидимому, безпорядочно разметавшихся, а въ сущности тонко и кокетливо завитыхъ волосъ, черныхъ, какъ смоль, съ синеватымъ отливомъ. Похоронныя мысли Аларина неизвѣстно куда дѣлись; онъ чувствовалъ присутствіе молодой дѣвушки, весь ушелъ въ это чувство и жадными глазами смотрѣлъ на ея нѣжную, высокую шею.

— Къ намъ, въ Шамраевку пріѣдете?

— Да ужъ непремѣнно пріѣду.

— И опять солжете?

„Зачѣмъ она такъ фамильярна?“ подумалъ Дементій Васильевичъ.

VIII.

— Знаете что? мнѣ ужасно странно, что вы до сихъ поръ не женаты! начала она.

Воспоминаніе о той дѣвушкѣ пронеслось въ умѣ Аларина. А потомъ опять ослѣпила его высокая шея Агаты, и онъ загляделся на ея глаза.

— Я не женатъ, отвѣчалъ онъ, потому что всегда боялся женщинъ.

Онъ вдругъ сочинилъ цѣлую исторію о томъ, какъ ухаживалъ за дѣвушкой, имѣвшей разительное сходство съ Агатой—такая же плѣнительная, капризная, съ такими же глазами... Уже былъ назначенъ день свадьбы, но Аларинъ узналъ, что у

его невѣсты сердце изъ папье-маше — маленькое игрушечное сердце — и въ испугѣ онъ убѣжалъ, и съ тѣхъ поръ ему все кажется, что у каждой барышни такое же ничтожное сердце.

— А у меня?

— У васъ?

Онъ посмотрѣлъ въ ея глаза, и ему показалось, что ея взглядъ дрогнулъ... Лицо у нея загорѣлось, румянецъ разлился до подбородка; она отвернулась и стала глядѣть на убѣгающія придорожныя деревья.

— Нѣтъ, можете не говорить о моемъ сердцѣ! сказала она.—Если хотите, у меня совсѣмъ нѣтъ сердца. Вотъ я сейчасъ прикажу и, хоть я васъ совсѣмъ не люблю и никогда не полюблю, а вы что угодно для меня сдѣлаете. Ахъ, вы еще презираете женщинъ! Ну, такъ я же вамъ отомщу!

Когда она опять повернула голову къ Аларину, манящая усмѣшка играла на ея полныхъ румяныхъ губахъ, глаза съузились и блестѣли.

Руки Аларина протянулись къ таліи дѣвушки и крѣпко обняли ее; душистые локоны и некрасивое, но благоухающее молодостью лицо коснулось его лица.

— Пустите меня.

Онъ пустилъ, а она захохотала.

— Надо умѣть владѣть собою, произнесла Агата, высвободила изъ подъ накидки руку, взяла букетъ цвѣтовъ, увядшій отъ жары, и стала имъ обмахиваться.

Аларинъ молчалъ. Агата искоса взглянула на него и слегка ударила букетомъ.

— Вы не сердитесь на меня? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

Агата крѣпче ударила его.

Опять очутившись въ его объятіяхъ, она уронила голову къ нему на плечо. Ни слова, ни полслова не произнесла она... Дементій Васильевичъ только слышалъ ея горячее дыханіе; вся Агата была въ его власти, она не шевелилась, точно внезапный сонъ охватилъ ее. Въ нѣсколько минутъ разрослась его страсть... „Но какая нелѣпая дѣвушка“! думалъ онъ.

— Что жъ, вы женитесь на мнѣ? вдругъ со смѣхомъ спросила она.

— Клянусь!

— Ямщикъ, ямщикъ! Кучеръ! Стой, стой!

Агата отворила дверцу кареты и, не дожидаясь, пока остановится экипажъ, выскочила и упала на песокъ.

IX.

Аларинъ въ смущеніи пересѣлъ въ свой экипажъ. Карета съ Агатой и m-lle Müller осталась позади. По обѣимъ сторонамъ побѣжали поля. Вонъ лѣсъ — за нимъ открылась даль, и кругомъ шумѣлъ поникшими вѣтвями зеленый рядъ березъ.

Аларинъ глядѣлъ на поля и на березы, и думалъ объ Агатѣ. Онъ припоминалъ свои встрѣчи съ нею, сравнивалъ ее съ другими дѣвушками, удивлялся ея смѣлости, не могъ понять ея, хоть она казалась ему несложной и пустенькой. „Что тянетъ къ ней? спрашивалъ онъ себя. Откуда эта сила? На днѣ ея души невинность или порокъ?“ Онъ не находилъ отвѣта. „Непремѣнно поѣду въ Шамраевку“, заключилъ онъ.

А дорога вилась и бѣлѣла, все уходя въ даль. Аларину казалось, что придорожныя березы шумятъ какъ-то особенно уныло. Въ этомъ шумѣ ему слышались вздохи о чемъ-то позабытомъ. Онъ одинокъ—деревья тоже должны жаловаться на свое одиночество и лить незримыя слезы... Копыта лошадей однообразно звенѣли, ударяясь о щебень шоссе. Аларинъ заѣхалъ на постоялый дворъ мужика Парфена, который былъ когда-то крѣпостнымъ его отца, встрѣтилъ тутъ сосѣда Лузгу, пережидающаго жару, и отца Митрофана. Онъ заговорился съ ними, словно обрадовавшись ихъ обществу. Парфенъ угостилъ ихъ обѣдомъ и подалъ штофъ водки.

Уже вечерѣло, когда Дементій Васильевичъ подъѣзжалъ къ Матусовкѣ. Догоралъ румяный закатъ, и на легкихъ блѣдныхъ тучкахъ свѣтло-лиловыхъ небесъ змѣился и искрился червонный блескъ погасающаго солнца.

Усадьба Аларина лежала на ровномъ мѣстѣ и была обсажена высокими, старыми тополями, темная листва которыхъ шелестила при малѣйшемъ вѣткѣ. Дементій Васильевичъ любилъ отцовскій домъ. Онъ привыкъ къ его почти нежилымъ комнатамъ, къ его солидному старинному убранству. Роднымъ и чѣмъ-то милымъ вѣяло отъ этого дома. Казалось, въ немъ живетъ домашній геній, ходитъ кругомъ своимъ чиннымъ до-

зоромъ и ревниво сторожитъ его вѣчный сонъ. Балконъ былъ увитъ дикимъ виноградомъ. Внизу пестрѣлъ коверъ цвѣтовъ. Межъ дынь, огурцовъ и тыквъ желтѣли подсолнечники. Отъ плодовъ гнулись деревья. Надъ садомъ почилъ лѣнивый миръ.

Аларинъ вышелъ на балконъ. Собаки бросились къ нему— онъ не приласкалъ ихъ и прогналъ съ глазъ лакея... Что это значитъ? Отчего домъ сегодня кажется ему такимъ скучнымъ?

Угрюмо легъ Аларинъ въ своемъ кабинетѣ. Высокіе книжные шкафы стояли тамъ вдоль стѣнъ. Горѣла лампа, кидая изъ-подъ зеленаго абажура кругъ яркаго цвѣта. Кожаная мебель пришла въ ветхость, ковры полиняли, на письменномъ столѣ пылились груды бумагъ. Печально смотрѣлъ кабинетъ. Глазъ отдыхалъ только на чудесномъ портретѣ, который въ рѣзной золотой рамѣ висѣлъ надъ диваномъ. Онъ былъ мастерской кисти—Флавицкій писалъ его для Аларина. Колоритъ скромный, старой школы. Туманенъ и теменъ былъ портретъ, но поглядишь—и вдругъ оживетъ онъ: взоръ черныхъ глазъ печаленъ и нѣженъ, уста цвѣтутъ молодою улыбкой, на головѣ—ни ленты, ни цвѣтка, два потока прямыхъ волосъ, слегка раздѣленныхъ межъ собой проборомъ; рука длинна и воздушна. То былъ безупречный образъ чистой красоты. Дементій Васильевичъ взглянулъ на портретъ и потупился: затаивъ нѣмой упрекъ въ тѣни рѣсницъ, глядѣлъ на него портретъ изъ рамы. Со дна души Аларина поднялся, какъ полузабытый сонъ, безшумный рой грезъ и завѣтныхъ думъ. Онъ распахнулъ окно. Сіяла ночь, луна плыла, прячась за мглистой тучкой. Въ голубомъ туманѣ тонула серебряная даль. Надъ селомъ гремѣлъ хоръ дѣвокъ и парней.

Самъ не зная почему, расплакался старый холостякъ.

X.

На другой день Аларинъ отправился въ Шамраевку. „Что ни говори, думалъ онъ: — какой-то лучъ согрѣваетъ мнѣ сердце, что-то шепчетъ мнѣ: „жди“. Пусть споритъ со мною разсудокъ и выдвигаетъ противъ меня цѣлый арсеналъ нравственности: міръ холоденъ и пустъ безъ Агаты. Прошлое не можетъ воскреснуть, надо ловить настоящее... Вѣчно одинъ да одинъ. Довольно! Надоѣло!“

Онъ пріѣхалъ въ Шамраевку къ обѣду. Шамраевъ, дѣдъ Агаты, былъ извѣстный взяточникъ. Свои огромныя средства онъ тратилъ на роскошную жизнь, и его усадьба походила на маленькій городокъ. Въ резиденцію губернатора съѣзжались пировать даже изъ сосѣднихъ губерній. Теперь обширные флигеля были заброшены, ихъ ставни были заколочены. Только главный домъ красовался своимъ фасадомъ и сверкалъ бѣлыми колоннами, а кругомъ его разрослась темная зелень сирени, молодыхъ тополей и липъ.

Супруги Жабровскіе сидѣли въ прохладной темной залѣ.

— А! Милости просимъ! Вакулка! живо, обѣдъ! Скажите, какія жары! Слыхали, кому завѣщалъ Парпура свои Блисковки? А этой же Катрѣ, которая у него жила. Имѣется новая невѣста! Не первой свѣжести, но съ деньгами, что̀ по моему лучше всего.

Разговоръ нѣсколько минутъ вертѣлся на Катрѣ. Марья Болеславовна, присыпанная пудрой, розовая и веселая, радовалась за Катрю.

— Слава богу, говорила она: — Катря милая женщина. На меня всѣ напали, что я позволила Агатѣ познакомиться съ Катрей. А теперь сами станутъ искать съ нею знакомства.

— А какъ здоровье Агаты Парменовны? спросилъ Аларинъ.

— Бѣгаетъ въ саду, со смѣхомъ отвѣчала Марья Болеславовна.—Повѣрите, она у насъ, какъ маленькое дитя. Смотрю утромъ, а она выскочила въ туфелькахъ на босу ногу и танцуетъ себѣ на террасѣ. А эта дура Миллерша сердится, и очи къ небу завела. Вакулка, ступай, покличь барышню!

Уже сѣли за столъ, когда вошла Агата въ своемъ вчерашнемъ костюмѣ, съ бѣлой розой въ рукѣ.

— Здравствуйте, произнесла она, потупляя глаза.

Мѣсто возлѣ Аларина было не занято—Агата сѣла.

— Я знала, что вы пріѣдете, сказала она ему: — потому что, еслибъ вы не пріѣхали... Впрочемъ, поговоримъ объ этомъ послѣ обѣда.

Она почти ничего не ѣла и, когда подали ледъ, грызла его и глотала кусками.

— Хотите простудиться? спросилъ Аларинъ.

— Я не боюсь простуды, отвѣчала она со смѣхомъ.

Послѣ обѣда, она пошла съ нимъ въ садъ.

— Зачѣмъ вы пріѣхали? спросила она серьезно.

— Сдѣлать вамъ предложеніе, отвѣчалъ онъ.

— Такъ скоро!

— До вчерашней встрѣчи... началъ онъ.

— Что до вчерашней встрѣчи! Оставьте, пожалуйста! Вы опытный человѣкъ, и должны понимать, что бываютъ шутки. Ну, нехорошія, скверныя шутки. Я знаю, что позволила вамъ черезчуръ много — хотѣлось узнать васъ... Такъ вотъ хорошо, что вы здѣсь, а то ужь я думала, какъ вамъ объ этомъ сказать, чтобъ вы не вообразили... чего нибудь.

— Вообразили! съ досадой вскричалъ Аларинъ. Послушайте, и теперь вы шутите?

Онъ остановился, взялъ ее за обѣ руки и посмотрѣлъ въ глаза. Агата стояла, потупившись, все съ тѣмъ же серьезнымъ выраженіемъ на поблѣднѣвшемъ лицѣ.

— Я вамъ нравлюсь? Вы любите меня? прошептала она.

— Да, Агата, мнѣ кажется, что я теперь безъ васъ не могу жить.

— Отчего вы бѣгали отъ меня? Зачѣмъ вы уѣхали изъ города, когда знали, что я тамъ?

— Я боялся васъ, боялся напрасныхъ мукъ... Я старъ—нераздѣленная любовь въ мои годы вызываетъ не сочувствіе, а смѣхъ... Что же вы мнѣ скажете, Агата?

— Нѣтъ, вы мнѣ сначала скажите... Скажите еще разъ, что любите меня.

— Да, я люблю васъ, вы не даете мнѣ покоя, я борюсь съ вами, и не въ силахъ побѣдить васъ—тутъ, въ сердцѣ, все шевелится ваше имя... Люблю васъ, люблю!

— Еще разъ!

— Не мучьте меня, Агата.

— Дементій Васильевичъ, я позволяю вамъ любить меня. Но вы никогда не должны спрашивать, люблю ли я васъ. Слышите? И вы женитесь на мнѣ только когда я прикажу.

— Когда же?

— Еще времени много впереди. Я вѣдь не старуха! Итакъ вы мой женихъ... Объ этой радости мы, однако, никому не будемъ говорить!

Она смущенно разсмѣялась, Аларинъ покраснѣлъ и, на-

хмурившись, смотрѣлъ вслѣдъ Агат:, которая побѣжала на встрѣчу m-lle Müller.

XI.

Ивановы уѣхали на Кавказъ и приглашали къ себѣ Агату съ Аларинымъ. Но Агата отказалась, объявивши Дементію Васильевичу, что боится жить среди живыхъ мертвецовъ, и Аларинъ тоже, конечно, не поѣхалъ.

Дни шли мучительно вяло. Дементій Васильевичъ бывалъ въ Шамраевкѣ и каждый разъ возвращался оттуда съ неудовлетвореннымъ чувствомъ, раздраженный и грустный. Онъ пробовалъ совсѣмъ не видать Агаты—бродилъ съ ружьемъ по болотамъ, или на парѣ лошадей обозрѣвалъ свои поля и смотрѣлъ, какъ потухало солнце, какъ гаснулъ пурпуръ его косыхъ лучей, широко разливаясь по жирной свѣжей пашнѣ. Черезъ недѣлю, Агата присылала за Аларинымъ нарочнаго—онъ летѣлъ въ Шамраевку, сломя голову.

Стоялъ іюль, и рожь вязали въ снопы. Жара томила всѣхъ; воздухъ былъ раскаленъ весь день и всю ночь. Лишь на зарѣ вѣтерокъ перебѣгалъ по тополямъ и чуть колебалъ деревья. Небо висѣло безстрастнымъ шатромъ. Но вотъ однажды подулъ вѣтеръ, сильный, какъ ураганъ. Садъ поблѣднѣлъ и низко, низко гнулся. Въ раскрытое окно, рѣзво кружась, какъ бабочка, влетѣлъ къ Аларину оторванный отъ яблони листокъ. Вотъ со стономъ покачнулся старый кленъ. Аларинъ поспѣшно захлопнулъ окно. Протяжно рокоталъ громъ и мерцалъ огонь блѣдныхъ зарницъ. Таинственная рать косматыхъ сѣдыхъ тучъ, какъ легіонъ какихъ-то суровыхъ существъ въ крылатыхъ свинцовыхъ плащахъ, неслась отовсюду и пожирала робкія, золотыя, напрасно убѣгающія облачка. Быстро темнѣло. Но стеклянный свѣтъ озарялъ еще тревожныя вершины далекихъ ивъ. Въ лиловомъ мракѣ надъ рѣчкою выдѣлялся рядъ бѣлыхъ хатъ. Вихрь вздымался за вихремъ и, крутясь, бѣжалъ вдоль по пути.

Аларинъ смотрѣлъ въ окно. Вдругъ во дворъ, гремя бубенцами, въѣхала тройка и, описавъ огромный хвастливый полукругъ, застыла передъ крыльцомъ. Изъ кибитки выскочилъ стройный, высокій человѣкъ, въ свѣтлыхъ висячихъ усахъ и въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Онъ увидѣлъ Алариан.

— Аларинъ, cher! крикнулъ онъ и вбѣжалъ въ домъ.

Дементій Васильевичъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на пріѣзжаго.

— Не узнаешь? Дай обниму! Давненько не видались — чай, лѣтъ пятнадцать... Я вотъ дрожу — такъ радъ!.. Ну, что жъ?.. Эй! Любезный, эй! скорѣй чемоданъ! Какой дождь пошелъ! Бѣда! А, Дементій Васильевичъ, стыдно, братъ, не узнавать друзей, а вѣдь мы съ тобою одною ложкой ѣли.

— Неужели Рубановъ?

— Ну, вотъ, давно бы такъ.

Онъ бросился на шею къ Аларину.

— Ты не могъ меня не узнать! Ты меня всегда любилъ. Послѣднимъ рублемъ дѣлился со мной! Такъ вотъ ты какъ живешь, бариномъ? А я случайно попалъ въ вашу глушь. Тетка, Лучицкая, скапутилась и оставила мнѣ наслѣдство. Являюсь—имѣнье назначено за долги въ продажу. Только и попользовался, что этой тройкой, да и ту придется спустить жидамъ за безцѣнокъ... Что грустенъ, братъ? Я слыхалъ, ты до сихъ поръ не женился. У, да какой ты серебряный! А красиво; чортъ побери! Неужели одинъ живешь?.. Ни-ни?

Аларинъ силился вспомнить, когда именно онъ былъ друженъ съ Рубановымъ. Рубановъ былъ вмѣстѣ съ нимъ въ гимназіи и потомъ въ университетѣ. Но, кажется, онъ никогда не былъ съ нимъ даже на „ты“. Бухалъ громъ, шумѣлъ дождь, сверкала молнія, и это мѣшало Дементію Васильевичу отчетливѣе представить себѣ отношенія, о которыхъ говорилъ Рубановъ. Онъ улыбался, слушая болтовню Рубанова, и, наконецъ, позволилъ себя увѣрить, что передъ нимъ стоитъ другъ его юности.

Они сѣли за столъ и пропировали подъ раскаты грозы до самаго вечера.

XII.

Рубановъ намѣренъ былъ прогостить у Аларина недѣли двѣ. Онъ скоро надоѣлъ хозяину, и тотъ не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться—возилъ къ сосѣдямъ въ гости и въ уѣздный городъ на ярмарку, гдѣ Рубановъ продалъ своихъ лошадей. Аларинъ познакомилъ его съ Лузгою, и Рубановъ сталъ уха-

живать за сорокалѣтнею женою Лузги. Познакомилъ Аларинъ своего друга съ отцомъ Митрофаномъ—Рубановъ признался въ любви обѣимъ поповнамъ. Онъ ухаживалъ за деревенскими дѣвушками и бабами, и цѣлые часы простаивалъ на берегу рѣчки, глядя въ бинокль.

Онъ былъ очень красивъ собою и хорошо сохранился. На худыхъ щекахъ его игралъ румянецъ, когда онъ возвращался съ прогулки верхомъ, вооруженный элегантнымъ хлыстикомъ. Рубановъ одѣвался щегольски, по послѣдней петербургской модѣ, каждый день мѣнялъ бѣлье, употреблялъ духи, и у него былъ запасъ свѣжихъ перчатокъ и галстуковъ.

Онъ былъ расточителенъ, спустилъ когда-то большое состояніе и имѣлъ кучу долговъ. Но себя онъ холилъ, и при малѣйшемъ нездоровьѣ посылалъ за докторомъ. Онъ былъ себялюбивъ, но у него не было силы характера, чтобы сберечь что нибудь на черный день, и безпечность была основною чертою его характера.

Пребываніе въ университетѣ оставило на немъ весьма легкій слѣдъ. Онъ давнымъ давно все перезабылъ, если и зналъ что нибудь, питалъ отвращеніе къ книгамъ, терпѣлъ только юмористическіе журналы и заучивалъ наизустъ анекдоты и пародіи. Правда, въ кушаньяхъ, въ винахъ и въ женщинахъ онъ зналъ толкъ. Съ Аларинымъ у него ничего не было общаго, кромѣ сомнительной дружбы въ прошломъ, и Рубановъ сердилъ друга, пускаясь въ описаніе своихъ безчисленныхъ любовныхъ приключеній и пировъ, которые онъ задавалъ своимъ петербургскимъ пріятелямъ.

Однажды Аларинъ, распивъ съ нимъ бутылку вина, сказалъ:

— Вотъ ты, говоришь, изучилъ женское сердце. Поѣдемъ—я покажу тебѣ дѣвушку, которая меня мучитъ тѣмъ, что я не знаю, кто она. Поговори съ ней, посмотри на нее и скажи мнѣ свое мнѣніе. Можетъ быть, я пристрастно отношусь къ ней, и тебѣ будетъ виднѣе со стороны.

— А!

— Безъ всякихъ „а!“ А, впрочемъ, мнѣ дѣйствительно нравится она и, можетъ быть, я на ней женюсь, если не разочаруюсь окончательно.

Онъ велѣлъ заложить лошадей въ фаэтонъ, и друзья отправились въ Шамраевку.

XIII.

Аларинъ представилъ друга юности Жабровскимъ и Агатѣ Парменовнѣ. Молодая дѣвушка сердито встрѣтила Аларина, потому что онъ не пріѣхалъ вчера, когда она ждала его. Рубановъ сейчасъ же сталъ ухаживать за Агатой, но она сухо слушала его жалобы на деревенскую скуку, не улыбнулась, когда онъ разсказалъ анекдотъ, всегда производившій желанное дѣйствіе. Никакъ не могъ Рубановъ установить съ ней тѣхъ отношеній, которыя сразу возникаютъ между людьми, желающими сближенія. Съ рискомъ для себя, онъ направилъ разговоръ на литературу, но оказалось, что Агата много читаетъ, и Рубанову стоило большихъ усилій скрыть свое невѣжество подъ маской снисходительной усмѣшки.

Солнце заходило, и Агата предложила кататься въ лодкѣ. Она сѣла на руль, Аларинъ взялъ весла. Рубановъ очутился въ обществѣ m-lle Müller и сталъ говорить съ ней по французски, громко произнося красиво построенныя фразы, чтобъ Агата слышала, какой онъ французъ. M-lle Müller была въ восторгѣ отъ Рубанова и жеманно смотрѣла на него своими старыми глазами, а Агата не обращала на него вниманія и вполголоса бесѣдовала съ Аларинымъ, нахмуривъ тонкія брови.

— Мнѣ кажется, я ужасно пуста.

— Можетъ быть.

— Вы не имѣете права соглашаться — вы должны защищать меня! Знаете, я все утро сегодня писала дневникъ? Я увидала себя въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ...

Аларинъ поднялъ весла и произнесъ:

— Вамъ, должно быть, нечего дѣлать.

— А что же мнѣ дѣлать? Что вы сами дѣлаете?

Аларинъ не могъ отвѣтить—онъ растерялся, опустилъ весла и, сильно гребя, думалъ: „да, что я самъ дѣлаю?“

Вода была прозрачна, и въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражалось небо съ золотыми облаками. Агата нагнулась и смотрѣла на свое изображеніе въ водѣ.

— Не понимаю, сказала она:—какъ я могла считать себя интересной и красивой.

Она погрузила руку въ воду и затѣмъ стряхнула съ паль-

цевъ капли, которыя полетѣли прямо въ лицо Дементію Васильевичу.

— Возражайте же!

— Ахъ, я самъ не знаю, за что я такъ безумно люблю васъ...

— Хорошо, я съ вами больше не буду говорить.

Лодка причалила къ берегу. Агата подошла къ Рубанову и спросила:

— Хотите любоваться природой? Съ этой горки удивительный видъ на закатъ!

Она подала Рубанову руку и быстро пошла съ нимъ по витой дорожкѣ, которая нѣсколько разъ опоясывала высокій насыпной холмъ. Наверху стояла сквозная бесѣдка съ позолоченнымъ шпицемъ.

Аларинъ остался внизу съ m-lle Müller. Онъ видѣлъ, какъ Агата и Рубановъ вошли въ бесѣдку и какъ въ просвѣтахъ бесѣдки бѣлѣлось платье ея, залитое свѣтомъ догорающаго солнца.

M-lle Müller сказала:

— Они—молодые люди, и имъ можно бѣгать по горамъ.

— Ну, мы тоже не старики, возразилъ Аларинъ.—Рубановъ мой товарищъ.

— О, да, да, monsieur, вы правы,—отвѣчала француженка, и не покидала Аларина, глядя на него такими же старыми, жеманными глазами, какими глядѣла сейчасъ на Рубанова.

Солнце разливало по небу блѣдно-красный свѣтъ, и лиловатыя тучки загорались по краямъ спокойными желтыми огнями. Прозрачныя голубыя тѣни окутывали деревья внизу, на берегу пруда. Садъ сейчасъ заснетъ. Но птицы еще пѣли тамъ и сямъ, и высоко въ поднебесьѣ, неровнымъ трехугольникомъ летѣли куда-то на ночлегъ дикія утки. Потомъ начало темнѣть. Все тише и тише становилось въ саду. Туманъ, клубясь, подползалъ къ деревьямъ и кустамъ, и словно накидывалъ на нихъ полупрозрачныя покрывала. Потухъ закатъ, и на его мѣстѣ, расплываясь и вытягиваясь надъ горизонтомъ, висѣли тихія красивыя тучи. Онѣ казались гигантскими птицами съ тонкими и длинными крыльями, окаймленными тусклымъ золотомъ. Медленно и безшумно, одна за другой, улетали воз-

душныя птицы въ какую-то далекую, далекую страну, лежащую за чертой кругозора.

XIV.

Аларинъ все ходилъ съ m-lle Müller. Наконецъ, онъ поднялся наверхъ. Но въ бесѣдкѣ Рубанова и Агаты уже не было.

Ему послышался ея смѣхъ внизу, въ аллеѣ. M-lle Müller была бременемъ, которое съ каждой минутой становилось для него невыносимѣе. Онъ сѣлъ на скамейку и сталъ упорно молчать. Старая швейцарка, въ жилахъ которой текла сантиментальная нѣмецкая кровь, забыла объ Агатѣ и болтала о себѣ— кто были ея отецъ, мать, сестры и братья, какъ она могла быть счастлива на родинѣ, и какъ она любитъ смотрѣть на звѣзды, которыя сливаются съ ея душой и сочувствуютъ ея одиночеству. Аларинъ всталъ и ушелъ.

Темная лазурь неба казалась еще темнѣе, отражаясь въ спокойной глади пруда. Изрѣдка плескалась рыбка. Дементій Васильевичъ шелъ по берегу скорымъ шагомъ. Швейцарка почти бѣжала за Дементіемъ Васильевичемъ. Такъ дошли они до террасы, освѣщенной лампами. Марья Болеславовна разливала здѣсь чай; Казиміръ Клементьевичъ хохоталъ, слушая Рубанова, который разсказывалъ анекдотъ. Аларинъ увидѣлъ Агату: она стояла, опершись на рѣшетку балкона, и смотрѣла на него.

— Однако, m-lle Müller заставила васъ забыть время...

Аларинъ молча улыбнулся съ недовольнымъ видомъ. Онъ взялъ стаканъ чаю и удалился въ глубину террасы. Агата подошла къ нему.

— Что вы все хмуритесь? Воображаю, какой изъ васъ выйдетъ супругъ.

— Агата, зачѣмъ вы смѣетесь надо мною? тихо спросилъ онъ.—Вѣдь вы вполнѣ порядочная дѣвушка, а выдумываете богъ знаетъ какія развлеченія.

— Я мщу вамъ—впередъ наука.

— За что мстите?

— За то, что мнѣ скучно! Откуда выкопали вы Рубанова? Скажите: онъ глупъ или уменъ? Онъ такъ сначала расхваливалъ васъ, что мнѣ вообразилось, будто вы дали ему это по-

рученіе. А я на васъ нападала, сочиняла на васъ, называла чудовищемъ — и кончилось тѣмъ, что онъ... Но, впрочемъ, я не скажу, чѣмъ кончилось.

— О чемъ говорилъ ты съ Агатой? спросилъ Аларинъ у Рубанова, возвращаясь въ Матусовку поздней лунной ночью.

— Что за дѣвушка! Она въ восторгѣ отъ тебя!

— Да?

— Безспорно, ты ей нравишься, дружище. Совѣтую, дѣлай предложеніе!

— Что же именно она говорила?

— Что ты хорошъ собою... уменъ... добръ... цѣнишь дружбу. Твоя старинная привязанность ко мнѣ очень тронула ее.

— Дальше.

— Чего же тебѣ больше!

Рубановъ замолчалъ, а Дементій Васильевичъ думалъ: „зачѣмъ эта ложь? Онъ глупѣе, чѣмъ я предполагалъ".

Голубая ночь далеко раздвинула туманные неясные предѣлы кругозора. Пахло медомъ въ спокойномъ серебристомъ воздухѣ, стучалъ гдѣ-то перепелъ, и экипажъ отбрасывалъ на землю черную, короткую, бѣгущую тѣнь.

— Странный ароматъ, произнесъ Аларинъ: — Это духи Агаты!

Рубановъ повелъ носомъ.

— Ничего не слышу.

— А я слышу... Ты все время ходилъ съ ней подъ руку?

— Все время, cher.

„Ну, и я же хорошъ, обругалъ себя Аларинъ.—Нашелъ, передъ кѣмъ раскрывать свое сердце. Къ кому обратился за помощью!"

Онъ посмотрѣлъ искоса на Рубанова, небрежно развалившагося въ фаэтонѣ и глядѣвшаго на какую-то звѣзду,—и возненавидѣлъ его.

XV.

Съ этихъ поръ слово, сказанное Рубановымъ кстати, а тѣмъ болѣе некстати, его движенія, походка, манера пить чай и ѣсть супъ, его цвѣтные галстуки и лакированные башмаки, его нищенство—все это стало возмущать Аларина,

и онъ блѣднѣлъ, встрѣчая друга юности въ своей столовой или гостинной. По цѣлымъ днямъ Дементій Васильевичъ молчалъ, а Рубановъ былъ веселъ и безпеченъ, и называлъ его „меланхоликомъ“. Аларинъ ѣздилъ въ Шамраевку и волей-неволей бралъ съ собой Рубанова... Много горькихъ минутъ заставилъ его пережить этотъ сорокалѣтній хватъ. Двѣ недѣли, которыя разсчитывалъ Рубановъ провести въ Матусовкѣ, давно прошли. Чтобы облегчить ему отъѣздъ, Аларинъ предложилъ ему денегъ взаймы, а самъ уѣхалъ по дѣлу объ отчужденіи участка земли подъ желѣзную дорогу въ городъ и нарочно пробылъ тамъ нѣсколько лишнихъ дней. Когда онъ возвратился, Рубанова уже не было... Дементій Васильевичъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

Одѣвшись получше, онъ отправился въ Шамраевку. Въ боковомъ карманѣ его лежало письмо отъ кузины Ивановой: она благословляла его на бракъ съ Агатой и совѣтовала свадьбы не затягивать, а прямо, опираясь на согласіе Агаты, объясниться съ Жабровскими. Аларинъ думалъ: „можетъ быть, Агата сжалится надо мной и позволитъ открыто поднять этотъ вопросъ. Иногда она такъ тепло жметъ мнѣ руку и такимъ чистымъ взглядомъ смотритъ на меня, что я не сомнѣваюсь: въ то время она любитъ меня. А ея экцентричности—не есть ли это разница лѣтъ? Выйдетъ замужъ, пойдутъ дѣти, и все какъ рукой сниметъ!“

Въ Шамраевкѣ пообѣдали, когда пріѣхалъ Аларинъ. Жабровскіе спали послѣ обѣда, и Агата встрѣтила Аларина на балконѣ.

— Будете ѣсть что нибудь?

— Нѣтъ, не хочу.

— Обрадовать васъ? Къ намъ переселился Рубановъ...

— Шутите.

— Нѣтъ, право. Ему у васъ неловко жить, потому что вы любите одиночество и меланхоличны... Всѣ старые холостяки несносны—онъ такъ выразился—и въ то же время ему хотѣлось быть поближе къ вамъ. А что ближе Шамраевки? Казиміръ Клементьевичъ помѣстилъ его вонъ въ томъ флигелѣ.

Аларинъ смотрѣлъ на флигель. „Тѣмъ лучше!“ подумалъ онъ, хотя не могъ бы сказать, что лучше и почему лучше. Но пребываніе Рубанова въ Шамраевкѣ какъ-то пришпорило

его, и онъ проникся рѣшимостью серьезно поговорить съ Агатой и склонить ее къ тому шагу, который она все откладывала на неопредѣленное время.

Онъ взялъ дѣвушку за руку—и она почувствовала, что предстоитъ разговоръ, догадалась даже какой, и заглянула въ лицо Аларину, бросивъ на него пытливый и яркій взглядъ со смѣющимися углами глазъ и тревожно потемнѣвшими зрачками.

— Что́ вы хотите сказать? спросила она.

— Агата, назначьте день свадьбы, и пусть объ этомъ всѣ будутъ знать.

— Зачѣмъ спѣшить?

— Мнѣ все кажется, что вы избрали меня предметомъ какой-то злой шутки... Слишкомъ тяжело переносить неизвѣстность! Непремѣнно, вы непремѣнно должны выйти за меня!

— А вы забыли мое условіе?

— Вы жестоки! Это не условіе, а пытка.

Они шли скорымъ шагомъ по аллеѣ, гдѣ отъ деревьевъ косо вытягивались тѣни. Быстрота походки мѣшала Агатѣ что нибудь сказать. Она тяжело дышала, и ей было пріятно, что Аларинъ такъ крѣпко держитъ ее за руку и чуть не бѣжитъ съ нею. Домъ остался далеко позади. Они очутились въ низенькой каштановой аллейкѣ, которая похожа была на бесѣдку—такая она была короткая. Вѣтки сплелись въ густой сводъ, тамъ и сямъ пропускавшій сквозь изумрудные просвѣты теплые лучи. Солнечныя пятна горѣли среди затаеннаго, спокойнаго золотистаго полусумрака. Аларинъ бросился на скамейку и, посадивъ возлѣ себя Агату, обнялъ ее.

— Агата, я не пущу васъ, пока вы не скажете, когда свадьба! вскричалъ онъ.

Она перевела духъ.

— Не пускайте меня. Но я не знаю, когда свадьба.

Щоки ея вспыхнули, густой румянецъ охватилъ ея маленькія хорошенькія уши и сообщился Аларину, у котораго сладко и больно заныло сердце. Агата положила ему на плечо свой подбородокъ и чуть слышно продолжала:

— И зачѣмъ свадьба?.. Надо узнать сначала другъ друга короче. Что́ если вы женитесь на мнѣ и черезъ мѣсяцъ станете хлопотать о разводѣ? Можетъ быть, я скверная, мерзкая?

— Ничего, будьте, какой хотите! отвѣчалъ Аларинъ и, схвативъ за руки, сталъ цѣловать ее въ губы.

— Что жъ, вы согласны?

— А вы думаете, что и это шутка? произнесла Агата, смѣясь и прижимаясь къ Аларину своимъ тонкимъ дрожащимъ тѣломъ.

— Свадьба, положимъ, въ концѣ августа? Слышите, въ концѣ августа? спрашивалъ Аларинъ.

Она уронила голову къ нему на плечо.

— Не нужно свадьбы, прошептала дѣвушка:—я не хочу терять свободы.

XVI.

„Что это значитъ? Какая безумная дѣвушка! Чего добивается она?! Никакъ не пойму ея или, вѣрнѣе, боюсь понять... А все же я дурной адвокатъ самого себя, и вотъ уѣзжаю ни съ чѣмъ... Въ сердцѣ досада, голова пылаетъ... Да ужь не бросить ли мнѣ эту игру? Я не мальчикъ—страсть не должна ослѣплять меня. Мечта погоритъ, погоритъ и потухнетъ“..

Такъ говорилъ себѣ Аларинъ всю дорогу изъ Шамраевки въ Матусовку. Еслибы Жабровскіе не пріютили Рубанова, можетъ быть, Аларинъ постарался бы забыть Агату. Но теперь онъ не могъ забыть ея—вѣчно стоялъ передъ нимъ, день и ночь, образъ дѣвушки и манилъ къ себѣ... „Рубановъ живетъ подъ одной кровлей съ ней и дышетъ однимъ воздухомъ! Онъ ничтоженъ и дерзокъ... Ужасъ! Я не могу объ этомъ хладнокровно думать!“ Чтобъ помѣшать Рубанову, Дементій Васильевичъ чуть не каждый день ѣздилъ въ Шамраевку. Онъ сталъ замѣчать, что Жабровскіе косо посматриваютъ на Рубанова. Однажды Казиміръ Клементьевичъ разговорился съ Аларинымъ объ его другѣ.

— Послушайте, какой онъ другъ! вскричалъ съ негодованіемъ Аларинъ. — Я его почти не помню! Я не ручаюсь за него—мнѣ кажется, онъ способенъ на низость.

Аларинъ съ безпокойствомъ глянулъ на садъ, гдѣ въ это время гулялъ Рубановъ съ Агатой.

— Та-акъ! протянулъ Жабровскій, показавъ бѣлки своихъ глазокъ.—А онъ богатый человѣкъ?

— Нищій. Должно быть, всегда живетъ на чужой счетъ.

— Та-акъ! опять протянулъ Жабровскій и покачалъ головой.

Аларину стало стыдно, что онъ уронилъ Рубанова въ глазахъ Жабровскаго. Онъ торопливо закурилъ сигару и все поглядывалъ на садъ. Но въ этотъ вечеръ долго не возвращалась Агата съ Рубановымъ. Аларинъ уѣхалъ, не дождавшись ихъ, съ сердцемъ, переполненнымъ горечью.

Стояла темная августовская ночь. Звѣзды слабо мерцали тамъ и сямъ, сквозя межъ тучъ. Казалось, небо совсѣмъ приникло къ землѣ, и нѣтъ воздуха, нечѣмъ дышать. Аларинъ, пріѣхавши домой, пробовалъ читать—и не читалось. Было душно... Онъ вышелъ на балконъ, разстегнулъ воротъ рубахи и подставилъ грудь вѣтру...

Нѣсколько дней не показывался Дементій Васильевичъ въ Шамраевкѣ. Началась дождливая погода. Съ каждымъ днемъ, въ саду прибывало желтыхъ листьевъ. Уже облетѣли розы, и только астры да георгины цвѣли подъ окномъ.

Отъ Аларина только что ушелъ гость—смертельно надоѣвшій ему Лузга,—какъ во дворѣ послышался стукъ экипажа. Аларинъ глянулъ—пріѣхала Агата. На ней было щегольское пальто, все забрызганное грязью. Она сама правила лошадью, которая побѣлѣла отъ пѣны. Аларинъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ выбѣжалъ на крыльцо, и Агата въ волненіи бросилась къ нему, улыбаясь и стараясь смотрѣть прямо въ глаза.

XVII.

— Голубчикъ, милый! заговорила Агата, сбрасывая пальто на полъ и съ увлеченіемъ обнимая Аларина. Какъ я измучилась, какъ я люблю васъ!

— За что? спросилъ Аларинъ, растерявшись.

— Ахъ, вѣрьте же мнѣ! За что! Почемъ я знаю! Все думала о васъ, и полюбила васъ. Мнѣ стыдно вспомнить, что я съ вами дѣлала! Но, право же, я не такая гадкая на самомъ дѣлѣ! Всю ночь сегодня я видѣла васъ и вотъ примчалась, какъ сумашедшая... Простите меня! Дорогой, славный!

Аларинъ смотрѣлъ на Агату съ улыбкой.

— Школьница, дѣвочка! сказалъ онъ и сталъ цѣловать у нея руки.

— Какъ весело мнѣ вдругъ стало, когда рѣшилась я пріѣхать къ вамъ!.. Не прогóните, нѣтъ? Забудете мои шутки надъ вашимъ чувствомъ? Вѣдь я же и надъ собой шутила. Смотрите, кажется, я наказана!

Она опустилась передъ нимъ на колѣни и вдругъ разрыдалась.

— Милый, я только теперь поняла вашу любовь! произнесла она, ломая руки.

— Дитя мое, успокойтесь, чтó съ вами? говорилъ Дементій Васильевичъ.

— Еслибъ вы знали, какъ теперь вы для меня недосягаемы! вскричала Агата.

— Встаньте, Агата, ради бога.

Онъ нагнулся къ ней, взялъ на руки и сталъ покрывать поцѣлуями ея заплаканное лицо. Она тряхнула головой и, улыбаясь сквозь слезы, сказала:

— Не думайте, что у меня былъ какой нибудь разсчетъ. Вы меня этимъ окончательно убьете! У меня все вдругъ!

Крѣпко обнявъ обѣими руками шею Дементія Васильевича, она прильнула губами къ его уху и прошептала:

— Мы повѣнчаемся теперь. Да?

Потомъ она спрыгнула на полъ, схватила свое пальто и, нѣсколько разъ поцѣловавъ жениха, убѣжала. Взмыленная лошадь помчала ее обратно въ Шамраевку. Въ тотъ же день Аларинъ отправился къ Жабровскимъ и сказалъ имъ, что женится на Агатѣ. Толстяки переглянулись и дали свое согласіе.

— А что Рубановъ? дружелюбно спросилъ Аларинъ, уже не чувствуя къ нему никакой злобы.

— Ахъ, этотъ Рубановъ! вскричалъ Казиміръ Клементьевичъ. Онъ уѣхалъ, взявши у меня сто рублей...

— Куда?

— А представьте, онъ теперь у этой Катри въ Блисковкахъ.

— Можетъ быть, женится на ней?

— Какое! Просто будетъ обирать ее! Всѣ женщины — дуры.

— Онъ, еслибы и хотѣлъ, не можетъ жениться, по-

тому что женатъ уже, сказала Марья Болеславовна, опуская глаза.

— Я не зналъ, вскричалъ Аларинъ.

— Мы сами вчера только узнали.

— Э, не будемъ объ этомъ говорить—въ концѣ же концовъ и не наше дѣло.

Жабровскіе замолчали, пришла Агата и взяла за руку Аларина. Ея, еще недавно веселые, глазки были теперь задумчивы, и въ складѣ дерзкихъ чувственныхъ губъ лежало что-то кроткое и покорное.

— Пойдемте на верхъ, сказала она:—на хоры. Тамъ стоитъ фортепьяно—смѣшной старинный инструментъ... Мнѣ хочется развеселить васъ.

Она увела жениха на хоры. Внизу, не смотря на двойные ряды оконъ, дремалъ полусумракъ въ огромной овальной залѣ съ лѣпными стѣнами и затѣйливыми колоннами. На хорахъ было свѣтлѣе, въ круглое окно врывались яркіе лучи солнца и падали на пустынные пюпитры и на желтые клавиши четырехногаго фортепьяно, за который сѣла Агата и стала играть. Нестройные звуки понеслись по залѣ.

— Что, вамъ не смѣшно?

— Нѣтъ.

Агата ударила по клавишамъ еще разъ, прозвенѣли порванныя струны; она закрыла лицо руками, нагнулась надъ фортепьяно, рыданія подступили къ ея горлу, и она не могла сдержать ихъ.

— Агата? со страхомъ спросилъ Аларинъ.

— Ничего, дорогой мой! отвѣчала она:—я плачу отъ счастья! Клянусь вамъ, отъ счастья!

XVIII.

Аларинъ торопился со свадьбой. Ему все казалось, что Агата вдругъ раздумаетъ выходить за него. Ихъ обвѣнчалъ отецъ Митрофанъ, и сейчасъ послѣ вѣнца супруги уѣхали за границу.

Старики Ивановы вернулись съ Кавказа, и перваго ноября у нихъ былъ вечеръ. Вѣра Ильинична исполняла одну изъ самыхъ блестящихъ пьесъ Рубинштейна, престарѣлый генералъ переворачивалъ ей ноты, мужъ ждалъ конца, чтобы отъ души

похлопать ей, и всѣ гости хранили то молчаніе, которое обязательно, когда на роялѣ играетъ хозяйка дома. Въ половинѣ одиннадцатаго, Ивановъ, похлопавъ женѣ, собралъ вокругъ себя кружокъ и сталъ разсказывать анекдоты изъ жизни императора Николая Павловича, а Вѣра Ильинична задумчиво стояла у окна и вспоминала свои концерты въ огромныхъ залахъ передъ громадной публикой... Вдругъ дверь отворилась и вошли Аларины, только что пріѣхавшіе изъ Флоренціи.

Агата Парменовна очень похорошѣла, на ея губахъ играла молодая презрительная улыбка, ея глаза горѣли темнымъ, красивымъ блескомъ. Она шла впереди мужа. Дементій Васильевичъ слегка сгорбился, поблѣднѣлъ, и его долго сохранявшіеся черные усы начали сѣдѣть.

— Вотъ мило! вскричала Иванова, цѣлуя гостью и поднося свою руку къ губамъ Аларина.—Я сегодня все думала о васъ. Все случилось по моему! Поздравляю васъ отъ всего сердца!— Понизивъ голосъ, она сказала кузену:—Ничье вмѣшательство не понадобилось!

— Ничье, глухо подтвердилъ Дементій Васильевичъ.

Гости съ любопытствомъ смотрѣли на Аларинихъ.

— Кладбище! прошептала Агата мужу. — Не доставало только тебя.

Престарѣлый генералъ тихо сказалъ Иванову:

— А говорятъ, молодая жена бодритъ. Не замѣтно! Аларинъ постарѣлъ лѣтъ на пять.

— Ме-до-вый мѣсяцъ, съ разстановкой произнесъ Ивановъ, и оба старика закрыли отъ удовольствія глаза и разсмѣялись.

Послѣ ужина, Аларины уѣхали въ Европейскую гостиницу.

— Отчего съ тобой такъ скучно? спросила Агата, раздѣваясь.

— Не знаю.

— Ты клялся, что безъ меня жить не можешь, а вотъ теперь зѣваешь.

— Хочется спать.

— Ты не любишь меня! Съ тѣхъ поръ какъ ты прочиталъ мой дневникъ, я не знаю, что́ съ тобою сдѣлалось.

Аларинъ молчалъ.

— Я выдумала дневникъ!. Я все сочинила. Надо было его сжечь, а я забыла — не придавала ему значенія. Чѣмъ я виновата, что у меня такое воображеніе! Ну, хорошо, пусть въ дневникѣ все правда... Боже мой, такъ вѣдь это же прошлое!

— Я ничего не говорю. Молчи, Агата.

На другой день Аларины пріѣхали въ Матусовку. Дементій Васильевичъ, входя съ женой въ залу, вспомнилъ, какъ еще недавно былъ онъ неизъяснимо счастливъ: Агата одна явилась къ нему, обнимала его, плакала у его ногъ. Теперь онъ не могъ понять трагизма тѣхъ слезъ, и ему казалось, что онѣ были притворны... Онъ съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на жену.

Отрекомендовавши ей слугъ, Аларинъ отправился въ свой кабинетъ. „Въ самомъ дѣлѣ, я мертвецъ,—подумалъ онъ, останавливаясь среди комнаты и оглядывая ее внимательнымъ взоромъ:—мнѣ люба эта архивная пыль, эти книги, въ которыя я теперь зароюсь, эта родная старина и, Боже мой, какъ дорогъ мнѣ этотъ чудный портретъ!“

Дементій Васильевичъ подошелъ къ картинѣ и не сводилъ глазъ съ прекраснаго лица... Отъ очаровательной улыбки свѣжихъ устъ вѣяло странной жизнью... Казалось, вотъ-вотъ раскроются они и шопотъ долетитъ до напряженнаго слуха... А въ тѣни густыхъ рѣсницъ сіялъ скорбный молодой взглядъ, и съ затаеннымъ упрекомъ смотрѣли на Аларина большія темныя очи.

Онъ долго, съ тоской стоялъ передъ портретомъ.

І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій).

ДВА СОНЕТА.

I.

Лилія.

Съ тѣхъ поръ какъ расцвѣла ты, блѣдная, нѣмая,
Доступная зари лишь розовымъ огнямъ,—
Никто не прижималъ, о, лилія святая,
Горячихъ устъ къ твоимъ холоднымъ лепесткамъ.
Незримая никѣмъ, безъ жалобъ увядая,
Послѣдній вздохъ любви, послѣдній ѳиміамъ
Отдавъ безропотно пустыннымъ небесамъ,
Ты, одинокая, умрешь, благоухая.
Но расцвѣтешь опять, какъ тамъ, въ лѣсной глуши,
Ты въ сумеркахъ моей тоскующей души,
Цвѣтокъ поэзіи, цвѣтокъ уединенный.
И набожный пѣвецъ, въ полуночной тиши,
Склонюсь я предъ тобой съ молитвой, умиленный,
Какъ передъ образомъ колѣнопреклоненный.

II.

Тайна.

Январь кристаллами наполнилъ воздухъ льдистый;
Отъ яркихъ фонарей надъ улицей огромной
Изъ бѣлыхъ глобусовъ, волною серебристой,
Обильно льется свѣтъ чарующій и томный.
Въ немъ кружатся, летятъ и падаютъ снѣжинки;
Чуть радугой блеснутъ,—и въ сумракъ безконечный
Уносятся навѣкъ алмазныя пылинки,
Очей не утоливъ красой недолговѣчной.
Смотрю, но нѣтъ въ душѣ стариннаго вопроса,—
Пускай уносятся созвѣздій хороводы,
Какъ этотъ снѣжный вихрь, въ нѣмую даль хаоса,
Пускай вся наша жизнь ничтожна и случайна,
Но въ призмѣ радужной измѣнчивой природы—
Я вѣрю, вѣрю—есть божественная тайна!

Д. Мережковскій.

ПОѢЗДКА ВЪ КОРОЛЕВСКУЮ МОНЦУ.

(Изъ воспоминаній объ Италіи 1883 г.).

I.

Дымчатыя очки и деревушка Горла.

Города, какъ и люди, страшно надоѣдаютъ; не рѣшишь даже, что́ больше. Засидѣлся я какъ-то въ Миланѣ и не зналъ куда дѣваться отъ скуки: площадь знаменитаго собора, галлерея Виктора-Эммануила, Корсо, вечера у Биффи,—гдѣ же опредѣлишь, что́ хуже: неизбѣжное кофе или оркестръ? Все одни и тѣ же оставшіеся не у дѣлъ „шарманщики", лупоглазые, голодные, жадные, готовые пѣть гдѣ и что угодно и посему, словно мухи къ сахару, такъ и липнущіе къ алчнымъ, подло улыбающимся и какимъ-то насквозь прозеленѣвшимъ импрессаріо; англичане, рыжіе, точно сію минуту изъ пекла и переодѣться не успѣли, англичанки съ красными „путеводителями", съ красными отъ неумѣренной, хотя и тайной преданности къ коньяку лицами и красными же волосами; неуклюжіе Собакевичи-нѣмцы, которые, положивъ себѣ за свои деньги находить во всемъ удовольствіе, съ восторгомъ пьютъ уксусъ, нагло выдаваемый за настоящее Кіанти, жарятся на солнцѣ съ такимъ наслажденіемъ, точно ихъ за это, по окончаніи „Reise", сдѣлаютъ всѣхъ гофратами или доставятъ имъ возможность ежедневно раскланиваться съ самимъ Бисмаркомъ—и это все съ утра до ночи одно и то же, сегодня какъ вчера, вчера какъ третьяго дня и, что всего хуже—завтра какъ сегодня! Было отъ чего чуть не сойти съ ума. И жара же стояла! Мой сосѣдъ—черномазый сициліецъ, не знавшій на чемъ ему окончательно остановиться:—возвратиться ли въ Сиракузы и шить сапоги или продолжать готовиться въ „Мазини",—совсѣмъ осовѣлъ и сталъ показываться на балконѣ въ костюмѣ столь откровеннаго направленія, что очень набожная старушка напротивъ, цѣлые дни обучавшая попугая читать „Pater noster" наизустъ и оставлявшая эти занятія только затѣмъ, чтобы про-

износить весьма длинныя и трогательныя проповѣди коту дурнаго поведенія,—была поставлена въ необходимость обратиться къ помощи „Guardia“ [1]), стоявшаго на углу въ своемъ черномъ сюртукѣ и черной шляпѣ. „Guardia“ перемѣнилъ постъ и съ видомъ Цицерона, готоваго разгромить Катилину, водрузился противъ балкона несчастнаго сицилійца, принужденнаго такимъ образомъ надѣть свою пару, столь клѣтчатую и яркую, что въ глазахъ рябило, глядя на него. Сициліецъ, впрочемъ, отомстилъ за себя: онъ такъ усердно сталъ орать „evviva! evviva il re“ [2]), что „квестурино“ [3]) дѣлалъ только подъ козырекъ, а попугай, къ ужасу старухи, вовсе не признававшей современной Италіи съ ея королемъ живо перенялъ это восклицаніе. (Che papagallo stupido! [4]) въ отчаяніи восклицала она). Не удовольствовавшись этимъ, мстительный сициліецъ окончательно развратилъ и ея кота, кормя его скоромнымъ въ постные дни.—„Я вѣдь, знаете, потомокъ тѣхъ, которые сицилійскія вечерни устроили!“ гордо говорилъ онъ мнѣ по этому поводу. Въ концѣ-концовъ, мнѣ все это крайне надоѣло и я рѣшился уѣхать, хотя на одинъ день, въ Монцу, только разумѣется не по желѣзной дорогѣ. Я выбралъ иной, болѣе долгій и несравненно интереснѣйшій путь. Взобрался на верхъ „конки“ по нашему и вдвинулъ себя между необыкновенно толстымъ и сопѣвшимъ падре и глистообразною нѣмкой съ „Бедекеромъ“ въ рукахъ, занявшей столь высокое положеніе, чтобы лучше видѣть „die wilde Natur“.—Это въ Миланѣ! А что она могла видѣть, когда на ней подъ двойной вуалью были еще и унылыя дымчатыя очки. Тѣмъ не менѣе, разъ заплативъ деньги, она должна была восторгаться, иначе зачѣмъ бы она и ѣхала сюда?

— Nicht wahr was für eine schöne Gegend? [5]), сейчасъ же обратилась она ко мнѣ.

Я взглянулъ передъ собою и, увидѣвъ „колбасную“ въ первомъ этажѣ, толстѣйшую съ бородкой Henri IV тушу на балконѣ втораго и меланхолическую дѣвицу лѣтъ сорока съ подвязанными зубами, напоминавшую задумчивую кошку надъ помойною ямой, въ окнѣ третьяго этажа,—поспѣшилъ согласиться съ сосѣдкой.

— О, не правда ли, что прекрасная Италія — наилучшая страна въ мірѣ? продолжала она.

— Точно также, какъ лошадь—благороднѣйшее животное.

---

[1]) Guardia—городской муниципальный стражъ.

[2]) Да здравствуетъ король!

[3]) Квестурино—городской стражъ.

[4]) Какой попугай глупый.

[5]) Не правда ли, какой прекрасный видъ?

— А золото—драгоцѣннѣйшій изъ металловъ,—проснулся вдругъ сопѣвшій prete [1]) и подмигнулъ мнѣ съ видомъ человѣка, хорошо понимающаго шутку.

— О, и вы говорите по нѣмецки?—восхитилась она, обращаясь къ нему.

— Ein wenig, gnädige Frau, ein wenig [2]).

— О, я еще не Frau. Я еще Fräulein, съ мило разыгранной наивностью закивала она.

Увы, она не нуждалась въ доказательствахъ. Какъ ни храбры пруссаки, но едва ли кто нибудь изъ нихъ рѣшился бы на осаду такой крѣпости. Но какъ вамъ нравится это „еще“? Очевидно, „дымчатыя очки“ не потеряли надежды. И ей грезился померанцовый вѣнокъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, и она мечтала о „mein Mann“, о чистенькой кухнѣ, гдѣ она станетъ собственноручно приготовлять ему удивительные „пфанъ-кухены“, о собственномъ разбитомъ фортепьяно (купленномъ по случаю), за которымъ по вечерамъ, надѣвъ вымытыя митеньки и шиньонъ, она будетъ пѣть: „o, bitt'euch liebe Vögelein“ [3]) и, наконецъ, о маленькомъ Карльхенъ, который окажется очень умнымъ мальчикомъ и съумѣетъ беречь свои штанишки, пуще зѣницы ока (ты знаешь, твой папа не можетъ тебѣ покупать каждый день новые Hosen!)

— Вы гдѣ же выучились нѣмецкому языку, нашему прекрасному нѣмецкому языку? спросила она у священника.

— Въ далеко не прекрасномъ мѣстѣ, gnädiges Fräulein! Я пять лѣтъ, въ молодости, сидѣлъ въ австрійской тюрьмѣ. Да!.. Пять лѣтъ.

— Ach, mein Gott! Herr Probst, ist nicht möglich [4]).

— Да.—И жирное лицо его вдругъ оживилось; глаза, совсѣмъ, казалось заплывшіе, вышли наружу и въ нихъ сверкнуло что-то до нельзя симпатичное, молодое, точно на старую и пыльную картину брызнули водою, и вдругъ выразились въ роскоши прежнихъ красокъ и очертаній всѣ ея фигуры и детали: глубина фона и яркая зелень деревьевъ, и улыбающіяся ясныя лица.

— Сидѣлъ! Мы, знаете, тогда „дѣлали Италію“; я принадлежалъ къ падуанскому кружку. Ну, извѣстно, собирались, костюмы придумали, знаки, шифры всякіе—все какъ слѣдуетъ. Назначили даже день для возстанія—только все дѣло было за оружіемъ. Одинъ импрессаріо изъ нашихъ пожертвовалъ старыя театральныя шпаги, рапиры. Мнѣ даже

---

[1]) Prete—священникъ.

[2]) Немного, сударыня, немного.

[3]) Скажите мнѣ, милыя птички!

[4]) Ахъ, батюшка, возможно ли это?

мечъ достался—и очень большой, увѣряю васъ. Вотъ какой!—поднялъ онъ руку надъ головой.—Даже, знаете, шлемы были. Но никуда это не пригодилось. Насъ всѣхъ перехватали. Мы были такъ таинственны, что обратили на себя вниманіе... Какъ же! задумчиво проговорилъ онъ, я тоже „дѣлалъ Италію“, только не то вышло. Мы не о такой Италіи мечтали, какъ эта,—не объ Италіи журналистовъ и лавочниковъ.

И онъ мало по малу опять сталъ погружаться въ свое оцѣпенѣніе; глаза потухли и спрятались, и улыбка сбѣжала съ пухлаго лица, и вода высохла, и всѣ краски и очертанія картины поблекли, слились въ какія-то неопредѣленныя, тусклыя пятна... Заговорившись съ нѣмкой и бывшимъ карбонаромъ-священникомъ, я не замѣтилъ, какъ мы выѣхали изъ города. Porta Venezia [1]) была ужъ позади, и таможенные (въ Италіи существуютъ повсюду городскія таможни) производили въ этой Porta большой шумъ, придираясь къ поселянамъ, привозившимъ въ городъ овощи, обыскивая однихъ, споря съ другими и неистово переругиваясь съ женщинами.

Нашъ „трамъ“, какъ здѣсь сокращенно называютъ трамвай, медленно двигался мимо громадныхъ тополей, за которыми лежали поля свѣжія, роскошныя, горѣвшія изумруднымъ моремъ подъ лучами этого волшебника-солнца. Городъ еще преслѣдовалъ насъ своею неимовѣрною суетою, то окутывая дымомъ фабрикъ, то оглушая криками, на которые способно одно только ломбардское горло. Вы не знаете, что́ такое настоящее ломбардское горло? Мѣстная пословица говоритъ: тотъ не ломбардецъ, кто не перекричитъ десятокъ ословъ. Замѣтьте, что и ослы здѣсь также громогласны! По другую сторону дороги, тянулись высокіе многоэтажные дома. Ихъ можно было принять за родовспомогательныя заведенія: столько на ихъ балконахъ копошилось дѣтей малъ-мала меньше. Вотъ и Лоретто съ пустынною площадью, которую соединенныя усилія всѣхъ мѣстныхъ водовозовъ не могутъ отучить отъ дурной привычки пускать путешественникамъ пыль въ глаза.—Что́ это они дѣлаютъ? обезпокоились дымчатыя очки подъ двойною вуалью. Смотрю: по площади пара коней влечетъ длинную-длинную бочку съ водой. На переднемъ концѣ, осѣдлавъ бочку, сидитъ черномазый малый, да какъ сидитъ! Точно онъ видѣлъ Цезаря, въѣзжающаго въ Римъ на тріумфальной колесницѣ. Позади въ бочку вдѣлана длинная и глухая кожаная кишка. На концѣ ея нѣсколько отверстій и короткая веревка, держась за которую бѣгущій за колесницей оборванецъ качаетъ кишку во всѣ сто-

[1]) Porta Venezia—одинъ изъ выѣздовъ (прежде, когда Миланъ былъ обнесенъ бастіонами—ворота), гдѣ стоитъ таможня городская.

роны, орошая такимъ образомъ преимущественно собственныя свои великолѣпныя панталоны, нѣкогда игравшія аристократическую роль мѣшка подъ кукурузу.

— Вы видите, началъ было объяснять grete: — это прекрасное учрежде.... и онъ закашлялся, потому что пыль поднялась громаднымъ клубомъ и окутала насъ всѣхъ. При нѣкоторомъ усиліи воображенія, я могъ принять ее за преобразившагося въ облако Юпитера, благо цѣломудренная нимфа была рядомъ. Старикъ Зевесъ, какъ извѣстно, занимался обыкновенно не исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей по управленію ввѣреннымъ ему Олимпомъ, а легкомысленнымъ поведеніемъ, не гнушаясь даже украшать свою божественную особу рогами. Когда Юпитеръ исчезъ вмѣстѣ съ пылью, я замѣтилъ, что мы движемся по единственной въ мірѣ платановой аллеѣ, — единственной въ мірѣ! Представьте себѣ громадные вѣковые платаны, которымъ обрубили вѣтви и верхушки, такъ что вы ѣдете мимо двойнаго ряда гигантскихъ бѣлыхъ палокъ. Но какихъ палокъ! Даже нашему Микулѣ Селяниновичу такія едва ли были бы по плечу. Положимъ, на этихъ палкахъ уже кое-гдѣ пробиваетъ зелень. Молоденькія нѣжныя вѣточки тихо вздрагиваютъ подъ легкими, шаловливыми крыльями вѣтерка, дующаго сюда съ Лаго-ди-Комо. Черезъ два мѣсяца — деревья опять обростутъ пышно, и сквозь ихъ гущу трудно будетъ пробиться даже этому южному страстному солнцу! А теперь зато передъ вами въ дали разстилается величавая панорама швейцарскихъ горъ. Точно серебряные побѣги на голубомъ небѣ, ихъ глетчеры; серебряными шапками повисли въ воздухѣ ихъ ледники. Часто не видишь самыхъ подножій, только эта вѣнчальная фата бѣлаго убора падаетъ легкими и красивыми складками... Прямо — горы ближе, и ихъ суровыя массы отчетливѣе выдѣляются на сѣверѣ... Налѣво Монте-Роза — это необыкновенно цѣльное, художественное произведеніе швейцарскаго творчества. Какъ громадная эпическая поэма посреди лирическихъ стихотвореній, она выдвинулась изъ-за нихъ и давитъ ихъ собою. Это ужь не серебристая фата вѣнчальная, это — царственная порфира на ней. Еслибы не такъ сопѣлъ мой сосѣдъ направо и не такъ охала „еще фрейленъ“ налѣво — я бы весь ушелъ въ эту чудную картину.

— Ахъ, какъ хорошо! Какъ будто нарочно сдѣлано! восторгалась по своему нѣмецкая дѣвица. Совсѣмъ какъ нарисовано!

— Да это и сдѣлано! не выдержалъ я, наконецъ.

— Что́ вы говорите? недоумѣло повела она на меня дымчатыми стеклами своихъ очковъ.

— Да именно. Іоганнъ Мюллеръ изъ Нюренберга постав-

ляетъ всѣ эти горы на Швейцарію. Вы развѣ этого не слышали?

Нѣмка погрузилась въ размышленіе, очевидно соображая, въ чемъ именно тутъ соль, и наконецъ пришла къ неожиданному заключенію.

— Я теперь понимаю!.. Вы, должно быть, изъ этихъ, которые не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ любовь, и не признаютъ природы!.. Да? Вы не признаёте природы?—И она, насколько можно было замѣтить за двумя вуалями, закатила глаза совсѣмъ на затылокъ.

— Сударыня, мой хорошій пріятель не признавалъ совсѣмъ холеры и все таки умеръ отъ нея.

— Да! О, какъ жаль! И онъ былъ женатый? меланхолически спросила она у меня.

— Нѣтъ, холостой.

— Это—непростительно. Das ist sogar unverzeilich (это даже непростительно)!—Дѣвица обидѣлась.—Das ist schrecklich!

— Что онъ умеръ?

— О, нѣтъ; но только подумайте, что онъ могъ осчастливить какую нибудь порядочную дѣвушку; у него была бы прекрасная, разсчетливая жена, хорошій недорогой обѣдъ, своя кружка пива, вечеромъ—музыка.

— И маленькій Карльхенъ въ чистенькихъ штанишкахъ... прибавилъ я неожиданно къ этой картинѣ семейнаго счастья.

— О, какъ вы это хорошо понимаете!—И дымчатыя очки даже всплеснули руками.—Какъ вы это отлично даже понимаете!—Она вдругъ стала ужасно сладка.—Какъ вы это понимаете!—У васъ, должно быть, есть этакій маленькій Карльхенъ въ... въ... (нѣмка вдругъ вся покраснѣла), въ чистенькихъ штанишкахъ,—принудила она себя проговорить ужасное слово. Я было хотѣлъ ей объяснить, что предпочитаю имѣть штанишки безъ Карльхена, но въ эту самую торжественную минуту мой сосѣдъ справа вдругъ пересталъ сопѣть и выпалилъ, очевидно, только что проснувшись:

— И знаете, я тоже написалъ „Мои темницы“—но только не нашелъ издателя, ибо современники неблагодарны!

— Что такое? сразу не сообразилъ я.

— Въ австрійской тюрьмѣ когда сидѣлъ!—Бѣдный герръ пробстъ, очевидно, продолжалъ прерванный разговоръ, не подозрѣвая, что послѣ того уже прошло болѣе получаса.

— Нѣтъ, вы не скажите; это такъ пріятно, когда маленькіе ангелочки кругомъ, умилялась нѣмка, не слушая его.

— Хороши были ангелочки! обидѣлся пробстъ и даже привсталъ,—этакихъ свиней (porci) я потомъ никогда не видалъ и не увижу.

— Wie... Schweine!.. Нѣмка вся позеленѣла.—Вы, вы—

священникъ, и ангеловъ божіихъ называете... называете... Пфуй, какъ это нехорошо.

— Да-съ, свиней! Они меня вѣдь какъ запирали, — на хлѣбъ и на воду. Этакихъ каналій—я никогда... и онъ чуть не задохнулся отъ внезапно охватившей его злобы.—Представьте себѣ: въ пять лѣтъ и ни капли вина!.. Ни одной капли. Ну, не свиньи ли?

— Позвольте, герръ пробстъ, я здѣсь ничего не понимаю! все больше возмущалась она.—Я въ качествѣ дѣвицы и вы—священникъ—не можемъ...

Неизвѣстно, къ чему бы пришли остроумные собесѣдники, еслибы въ эту минуту „трамъ“ не остановился разомъ.

— Gorla! крикнулъ снизу кондукторъ: Gorla, signori, Gorla.

Я оглянулся. Небольшая деревушка Горла, вся утонувшая въ тѣни громадныхъ каштановъ, тополей и миндальныхъ деревьевъ, пріютилась какъ разъ тамъ, гдѣ каналъ пересѣкалъ шоссе. Кругомъ счастливая равнина цвѣтущей Ломбардіи. Воздухъ, переполненный запахомъ цвѣтовъ, опьянялъ до того, что голова начинала кружиться; пышныя розы, словно обезумѣвъ отъ зноя, безстыдно раскрывали свои розовыя губы страстнымъ поцѣлуямъ солнца; безсильно повисли внизъ какія-то полныя тяжелыя кисти бѣлыхъ цвѣтовъ, совсѣмъ закрывая небольшія галерейки, прилѣпившіяся къ домамъ, точно ласточкины гнѣзда. Всюду видны были дворики, заслонившіеся отъ жара виноградными вѣтками. Кое-гдѣ цѣлыя волны плюща перекидывались черезъ стѣны, очевидно наводнивъ ихъ сплошь внутри. Между длинными зелеными вѣтками его, при каждомъ лѣнивомъ движеніи полусоннаго вѣтра, съ изящною нѣгой колыхались какіе-то запутавшіеся въ плющѣ голубые цвѣты, точно серьги, едва-едва шевелившіяся вмѣстѣ съ капризными локонами хорошенькой дѣвичьей головки. А позади, налѣво — темный, лелѣемый солнцемъ цѣлые вѣка, подымался садъ, откуда неслись къ намъ тысячи птичьихъ голосовъ, то веселыхъ и задорныхъ, то меланхолическихъ и грустныхъ, тысячи руладъ и трелей,—такихъ звонкихъ стоккато, такихъ чистыхъ хроматическихъ гаммъ, какихъ не сдѣлать ни одному горлышку оплачиваемой сотнями тысячъ „дивы“... Полнотою жизни дышало все кругомъ: и пышные тополи, молитвенно возносившіеся къ небу, и густо разросшіеся кусты, сплошь осыпанные пестрымъ налетомъ скабіозъ, жасминовъ, геліотропа, и важныя магноліи съ своими крупными царственными цвѣтами, благоуханіе которыхъ, точно презирая землю, подымалось вверхъ, прямо къ этому безпощадному жадному солнцу, и какія-то странныя деревья, похожія на колоссальные канделябры. Подъ деревьями всюду стояли маленькіе столики: очевидно, сюда съѣзжались

по праздникамъ миланцы—кое-какъ убить, среди деревенской прохлады, знойные и душные въ городѣ вечера. Изъ-за одного стола слышался даже печальный звонъ гитары, видимое дѣло—подневольный артистъ репетировалъ впроголодь къ вечеру какую нибудъ изъ тѣхъ простыхъ мелодій, которыя, какъ весенніе цвѣты, тысячами рождаются и умираютъ на югѣ, не давая никому ни имени, ни денегъ, ни славы! Прозвенитъ такая пѣсня и замретъ, а на смѣну ей цѣлыя стаи еще болѣе красивыхъ, звонкихъ, легко запоминаемыхъ и, надо сказать правду—банальныхъ.

— Gorla, signori, Gorla.

— Горла, господа, Горла, надсаживался кондукторъ, самъ видимо наслаждаясь модуляціями собственнаго голоса... Горла—отличное вино и много тѣни! рекомендовалъ кондукторъ, но изъ насъ никто не сходилъ внизъ...

А между тѣмъ—Горла имѣетъ свою исторію...

Къ сожалѣнію, въ ней фигурируетъ наша соотечественница, одна изъ тѣхъ, которыя, кажется, такъ и являются на свѣтъ божій высокорожденными—хоть сейчасъ ставь ее на пьедесталъ и монументъ готовъ. Это было еще тогда, когда царствующій нынѣ благополучно Умберто носилъ титулъ наслѣдника итальянскаго престола и въ одномъ усердно подражалъ своему отцу—въ сокрушеніи женскихъ сердецъ, которыя, какъ извѣстно, только и создаются природою для этой цѣли. Наша компатріотка — особа титулованная — попала въ самую жару въ Миланъ и, не зная куда дѣваться, рѣшилась снизойти съ высоты своего величія и провести день en bonne bourgoise. Разумѣется, она поѣхала въ Горлу не въ трамваѣ, а въ великолѣпномъ ландо, куда посадила, на запятки и на козла, попугая-лакея и еще болѣе попугайнаго вида грума. Въ Горлѣ она заняла мѣсто за столикомъ, гдѣ уже сидѣла какая-то дама. Публика относилась къ сей послѣдней съ величайшимъ почтеніемъ и несовсѣмъ благосклонно встрѣтила русскую. Но послѣдняя поняла это наоборотъ. Она отнесла общее перешептываньe къ эффекту, произведенному ея особой...

Лакей, слѣдовавшій за нею—въ галунахъ и ливреѣ—такъ и остался за ея стуломъ.

Россіянка начала лорнировать бывшую въ саду чернь, затѣмъ довольно небрежнымъ взглядомъ окинула свою сосѣдку и, замѣтивъ, что та красавица — обидѣлась. На бѣду сосѣдка ея заговорила съ нею.

Прежде, чѣмъ отвѣтить ей, наша соотечественница еще разъ распустила хвостъ, взглянула на нее въ лорнетъ и уже потомъ процѣдила сквозь зубы, придавъ своему лицу самое высокомѣрное выраженіе:

— Pardon, madame, a qui ai-je l'honneur de parler.

Сосѣдка ея улыбнулась и тотчасъ же разрѣшила ея недоумѣніе.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, я принцесса Маргарита, жена наслѣдника итальянскаго престола...

Теперь Горла пережила свою славу.

Увы, принцессы уже не пріѣзжаютъ сюда и не садятся отдыхать въ густой тѣни ея каштановъ. Сколько разъ я ни укрывался здѣсь отъ страшнаго миланскаго зноя, кромѣ рабочихъ и мелкихъ прикащиковъ съ своими возлюбленными, прачками, здѣсь не бывало никого. Хозяева „кафе“ смотрѣли уныло. Кромѣ дешеваго вина, никто ничего не спрашивалъ и только порой имъ выпадали праздники, когда здѣсь появлялись всероссійскія широкія натуры—въ лицѣ нашихъ артистовъ, поющихъ въ Италіи. Такъ, если вы будете здѣсь, вамъ camerrieere съ религіознымъ благоговѣніемъ разскажетъ объ одномъ учившемся здѣсь пѣть москвичѣ, который „пріѣхалъ, сѣлъ, спросилъ одну за другою три бутылки шампанскаго, расплатился и уѣхалъ!“

— И пѣлъ онъ здѣсь—вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ!..

Прибавьте къ этому жестъ, точно это мѣсто стало съ тѣхъ поръ священнымъ...

А жаль, что перестали посѣщать Горлу. Окрестности ея прелестны. И чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ красивѣе.

Мнѣ надоѣло торчать на верху, да и солнце начинало жарить—и какъ еще!

Я спустился внутрь. „Трамъ“ былъ устроенъ отлично; по обѣ стороны громадныя окна, на сей разъ открытыя, позволяли отлично видѣть всѣ окрестности.

Очевидно, не я одинъ увлекался ими.

— Посмотрите, какая красота! обратился ко мнѣ сосѣдъ, все время читавшій радикальный Secolo. — Есть ли гдѣ нибудь на свѣтѣ что либо подобное? И подумайте только, что еслибы не эти assassini (убійцы) — размахался онъ газетою—Италія была бы раемъ. Но эти bestii и canglii даже небо обратили въ помойную яму!

— Кого это вы такъ? заинтересовался я.

— Прочтите сегодняшній Secolo. Стоило для „такихъ“ освобождать Италію.

Оказалось, что assassini это — Депретисъ и его министры.

Пославъ по ихъ адресу нѣсколько весьма энергичныхъ выраженій, мой сосѣдъ злобно скомкалъ газету и швырнулъ ее въ окно.

Я невольно засмотрѣлся туда.

Дѣйствительно, хорошо было! Изъ-за зелени полей чуть-чуть приподымались бѣлыя стѣны, да и то только на мгнове-

ніе, потому что ихъ тотчасъ же заслоняли большія деревья. Тонкія и высокія колоколенки мелькали по сторонамъ. Разъ даже, точно выросъ величавый готическій храмъ, съ красивою розеткой и мраморными кружевами, висѣвшими внизъ съ галерейки надъ входомъ. И какъ красива была сама эта галерейка, уставленная тоненькими витыми колонками, какъ развѣтвлялись онѣ вверху въ стройныя арки! Смутно мелькнули старинные барельефы, кроткая мраморная мадонна съ божественнымъ младенцемъ на колѣняхъ, и разомъ этотъ строгій фасадъ собора отошелъ назадъ. Взглянувъ въ окно еще разъ, я уже увидалъ его торжественный профиль съ недостроенною башней. И опять эти голубыя горы въ серебряной парчѣ своихъ ледниковъ, эти твердыни Швейцаріи, съ которыхъ, въ самыя смутныя для Ломбардіи времена, дыханіе свободы вѣяло въ ея плодоносную равнину.

II.

Monza Reale.

Я, правду сказать, даже не прислушивался къ тому, что́ мнѣ разсказывалъ итальянецъ, только что швырнувшій Secolo въ окно, хотя слѣдовало бы отнестись къ нему повнимательнѣе. Онъ повѣствовалъ въ негодующихъ выраженіяхъ о союзѣ съ Австріей, объ этомъ „противоестественномъ“ союзѣ, который уже тогда подготовлялся Робиланомъ. О немъ говорила вся итальянская печать, что́ не помѣшало нашей римской дипломатической миссіи проглядѣть его... Это, разумѣется, было не въ первый разъ да и не въ послѣдній. Я пропускалъ филиппику моего сосѣда до тѣхъ поръ, пока въ нашу бесѣду или, лучше сказать, въ его монологи не вмѣшалась дама, сидѣвшая напротивъ.

— И для насъ—это очень печально! вырвалось у нея.

— Для кого для насъ?

— Для русскихъ.

— Вы русская? вырвалось у меня.. Такъ неожиданно было встрѣтить соотечественницу тутъ — между Горлою и Монцей — въ трамѣ, которымъ наши пользуются очень рѣдко..

— Да, я давно живу здѣсь и вижу, какъ мало по малу наши недруги подготовляютъ общественное мнѣніе къ этому союзу, разумѣется, враждебному Россіи. Еще три года назадъ, въ итальянской печати нельзя было сказать ни одного слова противъ Россіи: такъ здѣсь любили и высоко цѣнили сочувствіе, обнаруженное Россіей къ Италіи—въ свое время... Вы замѣчаете, какъ мало по малу перемѣнились обстоятельства?

Теперь вся итальянская печать, начиная отъ консервативнѣйшей La Perseveranza и кончая либеральнѣйшимъ Il Secolo — полны самыхъ отвратительныхъ вымысловъ о Россіи, имѣющихъ одну цѣль: дискредитировать насъ въ общественномъ мнѣніи, сдѣлать насъ, въ одно и то же время, ужасомъ для цивилизаціи и постоянною угрозою свободѣ даже такихъ отдаленныхъ странъ, какъ Италія. И хуже всего то, что наши въ Римѣ не желаютъ обращать на это никакого вниманія.

— Они, вѣрно, не знаютъ.

— Я говорила имъ.

„Я говорила имъ“ — это меня привело въ нѣкоторое недоумѣніе. Самый способъ выражаться, манера держать себя, нѣсколько печальный характеръ ея лица съ большими, грустными глазами—все въ ней заинтересовывало сразу.

— Вы говорили?

— Да, я въ Римѣ имѣла случай часто встрѣчаться кое съ кѣмъ и предупреждала: смотрите, наши враги сильно работаютъ надъ тѣмъ, чтобы обратить общественное мнѣніе страны противъ насъ. Я знаю, что во многія изданія тутъ проникли необыкновенно приличные молодые люди, отлично оплачиваемые англійскимъ и австрійскимъ золотомъ, которые чуть не ежедневно по всѣмъ отдѣламъ спѣшатъ распространять о насъ самыя невѣроятныя вещи... Невѣроятныя, разумѣется, не для легковѣрныхъ итальянцевъ... И знаете ли, что́ отвѣчали мнѣ?

— Вѣроятно, что это уже давно предвидится. Наша дипломатія все предвидитъ всегда, но никогда не оказывается ни къ чему готовой.

— Нѣтъ! Передо мною пожали плечами и потомъ изрекли съ самымъ презрительнымъ выраженіемъ: „что́ такое пресса?.. Развѣ для порядочныхъ людей существуетъ пресса?..“ Что́ я могла отвѣтить на это? Развѣ только пожалѣть, что начинала говорить съ ними?.. Что такое пресса?! — и вы увидите, чѣмъ все кончится. Когда Робиллану съ Депретисомъ удастся примазаться къ австро-германскому союзу—общественное мнѣніе, возбужденное противъ насъ печатью, приметъ это не съ негодованіемъ, какъ можно было бы ожидать, а съ чувствомъ удовлетвореннаго сознанія необходимости бороться противъ общаго врага...

Я только что хотѣлъ разспросить у моей сосѣдки нѣкоторыя подробности и узнать, кто она сама, какъ наша конка черезъ городскія предмѣстья добралась до первой большой и широкой улицы Королевской Монцы,—Королевской потому, что каждое лѣто здѣсь живетъ Гумбертъ, среди прохлады своихъ изумительныхъ парковъ, забывая на время о знойномъ и душномъ Римѣ, гдѣ въ жаркое время года остаются только тѣ, кому рѣшительно некуда дѣваться. Ярко въ свѣтлые цвѣта

раскрашенные дома, съ пестрыми, обвитыми зеленью балконами и настежъ открытыми окнами; сады, откуда вѣяло чарующею свѣжестью; нѣсколько палаццо, тяжело осѣвшихъ на свои старыя и глубокія арки, покрытыхъ точно, чешуею, полусгладившимися барельефами и забытыми мраморными гербами; веселыя толпы народа, беззаботно сновавшаго по улицамъ; уходящіе въ тѣнь переулки; узкія, какъ корридоры, и точно сжатыя семью-этажными домами какія-то дряхлыя церкви, точно задумавшіяся о временахъ Теодолинды и хмурящіяся на мѣщанскую пестроту, выросшую вокругъ; на кровлѣ одной изъ нихъ выросли цѣлыя деревья—тощія и сухія. Много ли питательныхъ соковъ въ старой черепицѣ и камнѣ? Башни, тонкія и слѣпыя, слѣпыя до самаго верху, и только тамъ съ галерейками изъ мраморныхъ колоннъ и четырьмя окнами — по одному на каждую сторону... И какъ эти тонкія башни красиво и изящно рисуются на этомъ темно-синемъ фонѣ чистаго ломбардскаго неба!..

— Ecco la Monza! точно поздравляли онѣ кондуктора.

То и дѣло изъ-за угловъ улицъ мы различали вдали какіе-то памятники, которымъ здѣсь вообще случается придавать мало значенія. Итальянцы ставятъ ихъ повсюду и по всякому случаю. Въ каждомъ городѣ голова (sindaco) считаетъ неблаговиднымъ не ознаменовать своего управленія мѣстнымъ муниципалитетомъ—сооруженіемъ какого нибудь общественнаго зданія, а если на это денегъ мало, то вспоминается какая нибудь полузабытая легенда съ неизбѣжнымъ героемъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, и самымъ торжественнымъ образомъ возводится монументъ. Мѣстные скульпторы берутъ дешево, мраморъ стóитъ здѣсь не богъ знаетъ что, пышную подпись сочиняетъ уѣздный поэтъ, и смотришь: на заброшенной площади ни съ того, ни съ сего вдругъ водворяется остолбенѣлый истуканъ, безъ котораго, какъ оказывается, Италія бы навѣрное погибла... Это имѣетъ свою хорошую сторону, украшая города и заполняя въ нихъ пустыя мѣста. Мѣстные магазины, редакціи, промышленныя общества, пользуясь случаемъ, заклеиваютъ новорожденный памятникъ своими объявленіями; торговки подъ нимъ открываютъ лари со всевозможною, никому ненужною, но, тѣмъ не менѣе, раскупаемою дрянью, и въ самомъ скоромъ времени—въ виду постояннаго стеченія здѣсь народа — непременно воздвигаются вблизи желѣзныя ширмы для потребностей, не пользующихся правомъ гражданства въ печати.

Наконецъ, докатившись до какой-то старинной, обставленной нахмуренными палаццо, площади—нашъ трамвай остановился по знаку, данному нашей соотечественницей.

— Мнѣ выходить, до свиданія!—проговорила она и вышла, не подавая руки.

— Вы знаете, кто это? заговорилъ вдругъ мой сосѣдъ, таинственно наклоняясь ко мнѣ и принявъ столь многозначительное выраженіе, что его толстый носъ совсѣмъ утонулъ въ крашеныхъ усахъ.

— Русская.

— Э, мало ли дамъ русскихъ, англійскихъ и всякихъ другихъ. Дамъ вообще на свѣтѣ много, гораздо больше, чѣмъ нужно. Это — una principessa. Una principessa molto ricca (княгиня и очень богатая). Вы знаете, что́ она сдѣлала? Сюда пріѣхала она съ мужемъ. Тотъ—извѣстно, богатый человѣкъ—увлекся одною танцовщицею, но она не потерялась. Она поступила во флорентинскій женскій университетъ нашъ. Это тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, и такъ кончила курсъ, что сама королева Маргарита, ecco, signore, la Regina—благодарила ее. И вы знаете, что́ она теперь дѣлаетъ?

— Нѣтъ, не знаю!

— Она, una principessa e principessa ricca—даетъ уроки за деньги.

— Почему же вы думаете, что она principessa?

— Потому что всѣ русскіе или principi, или nichilisti...

— Вотъ тебѣ и на!

— Я самъ читалъ это въ Secolo... O, questa nazione dei cosacchi, fara ancora dell belle, gran'belle cose (о, эта казацкая нація, она еще натворитъ хорошихъ дѣлъ)!.. Вы—русскій, но я долженъ быть откровененъ. У васъ десять милліоновъ солдатъ, и мы всѣ должны соединиться противъ васъ. Иначе вы насъ проглотите. Русскіе, вообще, храбрые люди... Я знаю одного русскаго въ Миланѣ, онъ иначе не пьетъ коньякъ, какъ полбутылки сразу. Потомъ у васъ былъ Суворовъ... И... и есть городъ Mosca, который вы называете своимъ сердцемъ...

Блеснувъ глубокими свѣдѣніями о Россіи, онъ по военному приложился къ козырьку и вышелъ... Передъ нимъ всѣ снимали шляпы на улицѣ. Меня это заинтересовало.

— Кто это такой?—обратился я къ небольшому и юркому итальянцу, все время съ почтительностью лакея и внимательностью сыщика прислушивавшемуся къ нашему разговору

— Какъ, вы не знаете... O, это онъ... тотъ самый, котораго имя узна́ютъ черезъ недѣлю всѣ углы и столбы Монцы. Вы прочтете всюду: cittadini elegette l'eminente Borsari, Paolo Borsari... Это онъ самый и есть, великій Борсари.

Чѣмъ же онъ великъ?

— Онъ? l'unico patrioto, l'amico di Garibaldi—il glorioso organisatore... Онъ тѣмъ великъ, что сказалъ: il clericalismo —ecco il nemico; e al nemico intimava coraggiosamento

guerra inplacabila. (Клерикализмъ — вотъ врагъ. И этому врагу онъ объявилъ войну безпощадную).

Мой собесѣдникъ до того зажестикулировался, что не замѣтилъ, какъ сползшій, наконецъ, сверху сонный падре остановился около и сталъ внимательно прислушиваться.

— Эге, Антоніо,—прервалъ онъ его, наконецъ.—Давно ли ты сталъ разсуждать такъ?

Восторженный шпіонъ круто обернулся и, увидавъ передъ собой моего сосѣда сверху, спавшаго падре, „тоже написавшаго и свои темницы", оторопѣлъ, закраснѣлся и изъявилъ желаніе приложиться къ его пухлой рукѣ.

— Нехорошо, нехорошо, синьоръ Антоніо,—сунулъ онъ ему эту руку мимоходомъ.—Мы получше тебя знаемъ враговъ Италіи!.. И не твоимъ (тутъ онъ уперся въ его лобъ перстомъ) и не твоимъ мозгамъ разсуждать объ нихъ. Эти клерикалы тоже побольше твоего сдѣлали въ свое время, да! Наша молодость не на одну болтовню уходила. Мы по столбамъ не расклеивали своихъ именъ. Вы, видно, забыли добраго отца, старика Мостап. Nostro Pio nono тоже былъ итальянецъ, да еще какой.

— Я знаю, illustrissimo padre, что вы сидѣли въ темницѣ,—отбояривался мой собесѣдникъ, теряясь все больше.

— Ну, вотъ видишь. А ты въ то время еще даже въ проэктѣ не существовалъ... L'unico patrioto!.. Дураки вы всѣ, вотъ что! А повѣсятъ вашему единственному патріоту св. Маврикія на шею, да дадутъ подрядъ на перестройку какого нибудь казеннаго дома, такъ онъ сейчасъ, „великій гражданинъ и славный организаторъ", старцу изъ Страделлы начнетъ руки лизать. Всѣ вы хороши! Да и не только Августину, а всякому префекту.

Зеленый двойной вуаль и дымчатыя очки въ это время нетерпѣливо похлопывали Бедекеромъ по перекладинѣ трама, стоя на его платформѣ. Но въ эту минуту трамъ неожиданно тронулся и „еще дѣвица" упала прямо въ мои объятія, причемъ я почуялъ весьма противный запахъ соединенныхъ лавандоваго масла, камфары и ромашки. Думаю, что не обошлось и безъ аподельдоку.

— Ach, mein Gott!.. И нѣмка, цѣломудренно отшатнувшись отъ меня, начала поправлять свое смятое платье.

— Это моя вина. Я заговорился съ этимъ imbecille,—опять ткнулъ онъ перстомъ въ несчастнаго,—и забылъ, что обѣщалъ вамъ, синьорина, показать нашъ знаменитый соборъ... Ну, stupido, иди съ миромъ!—отпустилъ онъ врага клерикаловъ.—Это вотъ всегда такъ. Мы его опредѣлили управляющимъ къ графу Мельци, и какъ только онъ накралъ первую тысячу франковъ, сейчасъ же противъ насъ запѣлъ. Пожалуйте, синь-

орина. Bitte, mein gnädige Fräulein!.. Bitte. Если и вамъ угодно видѣть славу Монцы, я буду очень счастливъ показать вамъ тоже все,—обратился онъ ко мнѣ.

Разумѣется, я воспользовался и пошелъ.

„Gloria di Monza“ оказалась дѣйствительно прекрасной. Уединенная пустынная площадь, обставленная старыми домами. Вся глубина ея занята величавымъ соборомъ, словно прислонившимся къ своей громадной башнѣ. Посреди площади—древній колодецъ съ двумя мраморными колоннами, поддерживающими Христа благословляющаго. Тишина царитъ здѣсь самая молитвенная. Фасадъ собора въ высшей степени красивъ. Онъ весь въ томъ style de cabinet, который въ четырнадцатомъ вѣкѣ такъ былъ популяренъ въ Ломбардіи. Но онъ еще молодъ въ сравненіи съ самимъ соборомъ, царственные своды и колонны котораго были возведены тысячу триста лѣтъ тому назадъ, въ 595 году, благочестивою королевою ломбардовъ Теодолиндой, той самой, которая, думая освятить храмъ, на первый камень брызнула собственною кровью, ударивъ себя ножемъ въ руку.

Въ небольшихъ медальонахъ надъ порталомъ до сихъ поръ сохранились бюсты Теодолинды и ея мужа Аутарикса. Надъ ними весь фасадъ съ великолѣпіемъ и изяществомъ украшенъ и инкрустаціями разноцвѣтныхъ мраморовъ, и тонкою кружевной рѣзьбой, и всякаго рода розетками, круглыми и четыреугольными вставками всевозможныхъ арабесокъ. Мы долго стояли, внутри, передъ превосходнымъ Гверчино, передъ барельефами хоровъ и кафедры и, наконецъ, сошли внизъ, гдѣ за семью замками находится знаменитая желѣзная корона. Въ обручъ ея вдѣланъ одинъ изъ гвоздей честнаго животворящаго креста.

— Вотъ наша святыня! — показалъ ее падре. При тускломъ огнѣ большой восковой свѣчи, изъ темноты прорѣзывались тонкія грани алмазовъ, да краснымъ огнемъ горѣлъ громадный рубинъ.—Вы знаете, ее разъ украли эти „porci“ австрійцы, о, какіе это тюремщики, Боже мой!! Но послѣ виллафранкскаго мира должны были ее вернуть. Самъ Наполеонъ надѣвалъ ее на себя! Вы знаете, вѣдь онъ былъ чистый итальянецъ, и еслибы разные еретики не заточили его на этотъ островъ, какъ его?

— Святой Елены.

— Ну да, „Константина и Елены“, именно, онъ непремѣнно основалъ бы всемірную имперію, и былъ бы на цѣлый свѣтъ одинъ папа въ Римѣ и одинъ императоръ въ Парижѣ. Но Богъ еще не хочетъ, вѣроятно, счастія человѣчества.

Мы долго оставались здѣсь, осматривая разные подарки, сдѣланные Теодолиндой и другими ломбардскими королями

этому храму. Нѣмка, при всякомъ случаѣ, ахала, взвизгивала и, очевидно, разсчитывала, чего все это стóитъ; негодовала на Бедекера, почему онъ не говоритъ ни слова объ этихъ прелестяхъ, и, наконецъ, выразила полное свое удивленіе, какъ королева могла разстаться со всѣми этими сокровищами.

— Еслибы мнѣ тольто одинъ такой камешекъ, только одинъ,— совсѣмъ замирающимъ голосомъ какъ-то стонала она.

— Что же бы вы сдѣлали изъ него?

— О, я знаю... Я бы его за хорошую цѣну продала и тогда, тогда купила бы себѣ большой тамъ домъ, откуда было бы все видно, и все сидѣла бы на балконѣ съ работой...

Когда мы вошли въ соборъ опять—на одной изъ скамеекъ его я издали различилъ тонкую и стройную фигуру моей русской спутницы. Она слегка приподняла брови, повела на меня недоумѣвающимъ взглядомъ своихъ красивыхъ глазъ и, наконецъ, принудила себя улыбнуться.

— Вы здѣсь въ первый разъ? спросила она.

— Да.

— Какъ хорошъ этотъ соборъ, какъ благородны эти размѣры, пропорціи, какъ чисты его линіи. Васъ удивляетъ, что я такъ говорю о немъ? Я его считаю своимъ, я каждый день провожу здѣсь часъ, два. Сядешь и забудешься. Тишина тутъ какая бываетъ—точно и кругомъ, и въ тебѣ самой все замерло, улеглось. Дѣлается такъ покойно, такъ хорошо. Ни къ чему не тянетъ, никто не зоветъ. Всѣмъ порывамъ конецъ. Старушки вонъ эти, Маріэтта и Анунціата—совсѣмъ неслышно ходятъ. А вслушаешься въ эту тишину... Какъ она въ сущности много говоритъ о томъ, что́ будетъ тамъ, послѣ... Когда всему земному конецъ, когда ни этихъ воспоминаній... Впрочемъ, что же это я? Давно русскаго не видала—наговориться хочется.

Я сѣлъ рядомъ. Моя сосѣдка замолчала...

Нѣсколько минутъ спустя, я тоже совсѣмъ забылся. Соборъ и меня поднялъ. Мнѣ казалось, что стѣны его раздвинулись, своды ушли въ какую-то недосягаемую высь. Только и видны были основанія темныхъ колоннъ, пропадавшихъ тамъ, въ сумракѣ, точно онѣ развѣтвлялись въ стройныя арки гдѣ-то въ небесахъ уже. Именно то, о чемъ думала она—спокойствіе безконечности охватывало. Все мелкое, земное отходило прочь, пропадало передъ этою неизмѣримостью, тонуло въ ней... Здѣсь тѣмъ не менѣе, подъ этими сводами, совершались ужасныя вещи. Пять столѣтій тому назадъ, вся Монца раздѣлялась на разныя враждующія партіи и не нашла лучшаго мѣста для драки, какъ свой соборъ. По окончаніи службы, когда люди уже начали выходить—одинъ изъ мѣстныхъ патриціевъ подошелъ къ другому и ударилъ его ножемъ въ сердце. Это было сигналомъ

общаго боя. Къ вечеру, храмъ былъ полонъ трупами и умирающими. Другой разъ, здѣсь думали найти убѣжище отъ войскъ Фридриха Барбароссы и заперлись въ соборѣ провинившіеся граждане Монцы. Но свирѣпая солдатчина, ворвавшаяся сюда, перерубила ихъ безъ различія пола и возраста... Кровавыя воспоминанія! Каждый камень этихъ историческихъ мѣстъ полонъ ими.

— Пора! съ усиліемъ поднялась моя новая знакомая.

Я послѣдовалъ за нею.

Маріэтта и Анунціата уже ждали насъ у двери. Онѣ „состояли при соборѣ“, это—почетное нищенство, оплачиваемое очень дорого. Разъ одинъ итальянецъ-сапожникъ при мнѣ похвастался:

— Я хорошаго рода!

— Какого именно?

— Мой отецъ былъ справа вторымъ на паперти падуанскаго Санто.

Падуанское Санто — не кладбище (въ другихъ городахъ они такъ называются), а соборъ св. Антонія.

— Вы, разумѣется, не хотите видѣть знаменитую мумію.

— Какую?

— Тутъ же въ соборѣ показываютъ высохшаго Гектора Висконти. Онъ лежитъ, не измѣнялсь, четыреста семьдесятъ лѣтъ.

— Нѣтъ, слуга покорный, я не охотникъ до такихъ зрѣлищъ.

Черезъ минуту, мы были уже на пустынной площади. Съ спокойною строгостью смотрѣлъ на насъ соборъ... Вотъ на его башнѣ мелькнуло что-то зеленое и черное рядомъ... Оказалось, что падре Виченцо, какъ истинный prete galantuomo, самъ повелъ на верхъ дымчатыя очки—любоваться окрестностями Монцы, затопленными зеленью и солнечнымъ свѣтомъ. Надо правду сказать, черный padre былъ похожъ отсюда на ворону, присѣвшую отдохнуть на галерейкѣ старинной башни. Онъ замѣтилъ насъ и раскланялся.

Мы свернули направо въ узкую улицу. Здѣсь было прохладно и сыро. Дома жались другъ къ другу и толкались балконами, точно локтями.—То старинная арка въ стѣнѣ, то вдѣланъ камень съ латинской надписью, то черезъ улицу переброшенъ смѣло сводъ и на немъ псстроена легкая башня, тоже вся сквозная, въ арки ея видна глубокая лазурь, теплая, бездонная. А за нею, за этою аркою, вдругъ старый домъ, едва ли не ровесникъ Теодолиндѣ, съ грифами, на которые опираются колонны соборнаго портала. Всѣ его окна въ рѣшоткахъ и какихъ рѣшоткахъ! За ними тьма кромѣшная—строгонько должно быть жили въ такихъ каменныхъ мѣшкахъ старые рыцари.

Вотъ на стѣнѣ гербъ. Стерся совсѣмъ, только графская корона наверху цѣла, да ее всю затянуло нѣжною и мелкою зеленью, точно бархатнымъ футляромъ. А на щитѣ—вмѣсто геральдическихъ изображеній, громадный сѣрый паукъ раскинулъ свои сѣти и ждетъ въ гости довѣрчивыхъ мухъ. Подъ домомъ, какая-то дыра внизъ, оттуда валитъ тяжелый паръ.

— Это здѣшняя кухня для бѣдныхъ. Отравляютъ ихъ ужасно всякою гадостью, а берутъ дорого...

— Что же это? благотворительное stabilimento какое нибудь?

— Нѣтъ, видите ли: одному здѣшнему лавочнику захотѣлось непремѣнно въ члены парламента попасть. Онъ и открылъ это. И вѣдь почитали бы вы, какъ въ мѣстныхъ газетахъ его изобразили. Я уже думала, не аллюминіевы ли дворцы какіе нибудь онъ воздвигъ. „Отнынѣ нѣтъ въ Монцѣ нищеты—синьоръ Поджи для всѣхъ голодныхъ открылъ превосходную столовую, которой могутъ позавидовать даже залы первоклассныхъ отелей. „Я помню, смѣялась тогда. Какъ эти залы будутъ завидовать, думала. А его все таки избрали, и теперь онъ законодатель. Ну, понятно, на столовую для бѣдныхъ—нуль вниманія. Своего добился.

Отсюда мы повернули на болѣе людную улицу.

— Вотъ лучше полюбуйтесь этою стариною. Шестьсотъ лѣтъ стоитъ и какая еще крѣпкая.

— Это Бролетто.

— Да. Вы угадали по рисункамъ?

На массивныхъ красныхъ колоннахъ стояло тяжелое зданіе съ окнами въ родѣ тѣхъ, на которыя я еще недавно любовался въ пантуанскомъ дворцѣ герцоговъ Гонзаго. Уродливые барельефы, высокая, словно сторожевая башня, балконъ, съ котораго когда-то объявлялись смертные приговоры, и помостъ внизу, гдѣ они для краткости исполнялись тотчасъ же,—и вдругъ предобродушное старческое лицо, въ колпачкѣ на бекрень, почему-то усердно кивавшее мнѣ и подмигивавшее изъ этого самаго окна.

Я вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Subito, signor, subito!.. крикнулъ онъ, и не успѣлъ я еще опомниться, какъ онъ уже былъ внизу, приглашая меня на верхъ, осмотрѣть эту „достопримѣчательность“, которая, разумѣется, оказывалась и unica, и bellissima, и manifica.

— Я вовсе не хочу видѣть этого.

— Зачѣмъ же вы тогда звали старика Франческо?

— Я васъ не звалъ, но вотъ вамъ за вашъ трудъ.

Старикъ сдѣлалъ шагъ назадъ, смѣрилъ меня съ ногъ до головы горящимъ взглядомъ и съ истиннымъ достоинствомъ проговорилъ:

— Я получаю, когда показываю, за работу, но милостыни не беру... Я, синьоръ, изъ гарибальдійцевъ, я одинъ изъ „тысячи“, и меня знаетъ вся Монца.

— Тогда не сдѣлаете ли вы мнѣ честь, въ слѣдующій разъ, выпить со мною рюмку вермута вонъ въ томъ кафе?

— Это дѣло другое!—И старикъ просіялъ, даже красная феска съ громадной кистью сползла у него на затылокъ. — Очень вамъ благодаренъ! Буду ждать васъ.

Я ему пожалъ руку—и мы пошли дальше, любуясь всѣмъ, что̀ насъ окружало здѣсь—и старыми выступающими кровлями вверху, и безчисленными балконами, которые, словно чудовищныя сѣти сказочныхъ пауковъ, опутали всю улицу, вмѣсто мухъ, застрявшими въ нихъ пузатыми мальчуганами, звонко хохотавшими на весь околотокъ,—съ ихъ нянъками-красавицами изъ Бріанцы, украшенными оригинальнымъ головнымъ уборомъ въ родѣ сіянія изъ серебряныхъ шпилекъ вокругъ затылка съ двумя большими, похожими на ложки, справа и слѣва;—и веселымъ трепетомъ нѣжной листвы, еще шумѣвшей мягко и ласково на новыхъ побѣгахъ старыхъ деревьевъ, и, наконецъ, этой быстрой Ламбро, торопившейся въ каждой своей каплѣ разомъ отразить и слѣпящее солнце, и голубое небо...

Мнѣ оставалось только осмотрѣть королевскій паркъ.

Я думалъ, что о дворцѣ нечего и думать, такъ какъ король въ это время былъ въ Монцѣ. Оказалось, напротивъ. Меня пригласили войти и, кромѣ комнатъ, занятыхъ лично королевской четой, показали мнѣ все.

Дворецъ убранъ съ изящною простотою. Нѣсколько старинныхъ картинъ, выбранныхъ королевой Маргаритой въ туринскихъ дворцахъ, нѣсколько произведеній молодыхъ художниковъ, которыхъ хотѣли поощрить, висятъ на стѣнахъ. У великолѣпнаго рояля—громадная этажерка нотъ.

— Наша королева большая музыкантша,—пояснили мнѣ.

Я вскользь взглянулъ на ноты и увидѣлъ, между прочимъ, „Жизнь за Царя“ Глинки, изданную фирмою Риккорди для итальянскихъ театровъ, потомъ симфоніи и романсы Чайковскаго, „Демона“ Рубинштейна и еще нѣсколько произведеній русскихъ композиторовъ. Королева Маргарита не только хорошо исполняетъ музыкальныя пьесы, но она очень тонко судитъ о нихъ. По крайней мѣрѣ, въ Римѣ нѣкоторое время появлялись музыкальныя рецензіи, обращавшія на себя общее вниманіе. Потомъ уже секретъ открылся—авторомъ ихъ была королева. Она великая поклонница Вагнера, пламенно пропагандируетъ его въ Италіи и если „развращенное“ (зри нашихъ кучкистовъ) итальянское ухо стало примиряться съ Вагнеромъ въ послѣднее время—и въ Миланѣ, и въ Болоньѣ, и въ Римѣ—

ея величество заслугу эту можетъ въ значительной части приписать себѣ.

— Прежде мы пускали форестьеровъ даже въ личныя комнаты короля, но должны были прекратить это.

— Почему?

— Англичане... Они ужасны. Чуть не доглядишь—англичанинъ непремѣнно отломитъ что нибудь или такъ положитъ въ карманъ на память. Мы, если узнаемъ англичанъ, такъ ужь пристально слѣдимъ за ними всюду.

Прохлада и поэтическая тѣнь великолѣпнаго парка—неописуемы.

Въ итальянскую лѣтнюю жару—это рай въ полномъ смыслѣ слова. Самыя разнообразныя деревья и въ самыхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ разрослись здѣсь на полной волѣ. Глаза разбѣгаются, не знаешь чѣмъ любоваться! До сихъ поръ, точно въ явь, раскидываются передо мною эти аллеи, гдѣ стоитъ вѣчная темень, въ которую золотыми полосами рѣдко-рѣдко врываются солнечные просвѣты. Тысячи ручьевъ пробѣгаютъ незамѣтно у самыхъ корней, наполняютъ тишину этого единственнаго парка своимъ звонкимъ рокотомъ; меланхолическій шопотъ фонтановъ на полянахъ, пѣніе птицъ вверху — и вездѣ мертвое безмолвіе, какой-то подавляющій покой заснувшей природы. Вдали, въ пролѣскахъ, мелькаютъ силуэты оленей... Ходишь и невольно поддаешься этому торжественному молчанію. Ни одинъ храмъ—не производилъ на меня такого удивительнаго впечатлѣнія. Мой добрый пріятель — итальянскій поэтъ Виченцо де Кастро — передъ самою смертью своей написалъ здѣсь послѣднія свои стихотворенія; молодая поэтесса Патуцци, о которой мнѣ случалось говорить какъ-то, пріѣхавъ въ Монцу—написала цѣлый циклъ прелестныхъ сонетовъ, посвященныхъ монцскому парку.

Надо сказать, что итальянцы—первоклассные мастера устраивать сады и парки. Ни одна національность въ мірѣ не обладаетъ такимъ вкусомъ въ расположеніи разнообразныхъ деревьевъ купами, подбирая такъ, чтобы листья ихъ были разныхъ оттѣнковъ, формы стволовъ разныхъ рисунковъ. Никто не съумѣетъ такъ разбросать и составить цвѣтникъ, посѣять траву самую, причемъ и она служитъ общей картинѣ пышности и нигдѣ не повторяемаго разнообразія. Итальянскіе сихъ дѣлъ мастера даже въ самой Англіи вытѣснили англичанъ, и только наши баре, не зная этого, для разбивки парковъ, по старой памяти, выписываютъ англичанъ. Дальше всего англичане садо- и парко-воды забрались на Гибралтаръ, но и отгуда, наконецъ, итальянскіе спеціалисты ихъ вытѣснили прочь, и надо видѣть, въ какой эдемъ они обратили хотя бы ту же гибралтарскую

Аламеду. Монцскій паркъ въ этомъ отношеніи является истиннымъ чудомъ итальянскаго искусства.

Черезъ нѣсколько времени, мнѣ пришлось еще разъ посѣтить этотъ паркъ—былъ вечеръ, короткій, южный, быстро смѣнившійся теплою, полною нѣги, ночью... Я, какъ обвороженный, не зналъ, гдѣ я и какія чудеса творятся со мною въ этомъ поэтическомъ призрачномъ царствѣ... Я помню нѣсколько строкъ, набросанныхъ тогда же, и мнѣ кажется—онѣ вѣрно передаютъ впечатлѣнія, навѣянныя монцскимъ паркомъ:

Въ полный тайны сумракъ сада
Я иду. Журчитъ ручей...
Такъ заманчивы прохлада
Кипарисовыхъ аллей,
Пышныхъ розъ благоуханье,
Крикъ цикады, лунный свѣтъ,
Горъ далекихъ очертанье,
Скалъ туманный силуэтъ,
Шелестъ листьевъ, отраженье
Кроткихъ звѣздъ въ стеклѣ рѣки, —
Тѣней робкое движенье,
Бриллianты-свѣтляки,
Шорохъ крыльевъ поздней птицы,
И, какъ будто въ полуснѣ,
Опустивъ свои рѣсницы,
Ночь идетъ на встрѣчу мнѣ:
Подъ лазурною фатою,
Величава и пышна,
Вся обрызгана росою
И звѣздами убрана.
Въ складкахъ платья дремлютъ тѣни,
Вьется сонмъ блаженныхъ сновъ,
И на встрѣчу—дымъ куреній
Изъ кадилъ ночныхъ цвѣтовъ.
Позабывъ дневныя битвы
И страданія свои,
Міръ молчитъ—зато молитвы
Распѣваютъ соловьи.
Вѣтерокъ въ благоговѣньѣ
Тихо вторитъ, упоенъ—
Словно струнъ далекихъ пѣнье,
Словно арфъ волшебныхъ звонъ.

Но въ первый разъ, когда изъ тѣни и прохлады этого парка мнѣ пришлось вернуться въ жаркія улицы, въ духоту настоящаго ломбардскаго лѣта, признаюсь, я не чувствовалъ себя особенно счастливымъ. Я едва успѣлъ добѣжать до станціи, какъ поѣздъ, шедшій изъ Швейцаріи черезъ Комо, на всѣхъ парахъ подлетѣлъ и остановился у платформы. Еще

нѣсколько минутъ, и я былъ въ Миланѣ. Въ полномъ смыслѣ слова адомъ показался онъ мнѣ. На улицахъ ни души. Солнце не только жгло, но и слѣпило. Въ эти часы, здѣсь все вымираетъ, одни ослы бродятъ по дальнимъ его закоулкамъ, да англичане бѣгаютъ съ путеводителями въ рукахъ, точно потерявъ что-то, крайне имъ необходимое.

Право, нужно родиться здѣсь, чтобы выносить эту паровую жару. Недаромъ мнѣ разсказывали объ одномъ московскомъ купцѣ, который, напившись пьянъ по случаю торжества оппозиціонныхъ депутатовъ надъ министерскими (ни тѣхъ, ни другихъ онъ не зналъ и не вѣдалъ, въ чемъ собственно ихъ различіе), раздѣлся посреди „пьяцца дель Дуома“ и потребовалъ шайки и вѣника. Едва-едва трое изъ „Publica sicurezza“ могли увести его въ квестуру, гдѣ сначала никакъ не могли опредѣлить его національности. Ни на какомъ языкѣ, кромѣ русскаго, онъ не объяснялся, а сотоварищи, въ виду скандала, оставили его на произволъ судьбы. Зато на другой день, когда его выпустили, онъ уложился и тайкомъ удралъ изъ Милана въ Россію—не досмотрѣвъ всей Италіи, зачѣмъ собственно и пріѣхалъ сюда. Балконы были пусты—нижніе этажи всѣ опустили, точно вѣки, свои маркизы и спали; вдали весь на свѣту сіялъ бѣлый въ готическихъ иглахъ соборъ съ своей изящной башней, ажурный, слозно нарисованный на голубомъ небѣ полувоздушною нѣжною кистью сказочника-художника, предпочитающаго дѣйствительности фантастическіе сюжеты.

Я не знаю, какъ уже добрался къ себѣ и собирался было уже разлить по каменному полу нѣсколько графиновъ воды чтобы, охладивъ такимъ образомъ комнату—улечься, какъ въ дверь ко мнѣ постучали:

— Avanti (войдите, собственно—впередъ), крикнулъ я по мѣстному обычаю. Chi e?

— Я, синьоръ!—вскочилъ ко мнѣ сосѣдъ мой, беззаботный сициліецъ съ такимъ веселымъ видомъ, точно умеръ какой-нибудь баснословный дядя и оставилъ ему громадное наслѣдство.

— Я, синьоръ!..

— Что это вы, въ національную лотерею сто тысячъ выиграли?

— Нѣтъ, уѣзжаю. Пришелъ сказать вамъ свое addio!

— Куда вы?

— Въ Сиракузы, домой, ессо!..

— Зачѣмъ?

— Сапоги шить!

— А въ Мазини?...

— Э! не всѣмъ же быть Мазини—Италіи нужны также и хорошіе сапожники. Мой профессоръ сегодня мнѣ сказалъ:—

ты, Луиджи былъ, есть и будешь всегда настоящимъ азино (asino—оселъ), никакого толку я отъ тебя не добьюсь. Ты поешь, какъ собака (come un cane), и будь увѣренъ, что если гдѣ нибудь выступишь на сцену—такъ въ этомъ городѣ гнилыхъ апельсиновъ не хватитъ. Всѣ въ тебя полетятъ.

— А потомъ.

— А потомъ онъ меня прогналъ. Я уложился—вотъ (показалъ онъ мнѣ крошечный узелокъ) сбѣгалъ на прощанье поцѣловать Розину и сейчасъ отправлюсь.

— Ну, а Розина въ отчаяніи, я думаю?

— Эта дѣвчонка-то? Нѣтъ, она умнѣе меня гораздо. Она себѣ высмотрѣла одного англичанина, тоже баритонъ, только онъ хорошо платитъ профессору, тотъ съ нимъ и возится. А ужъ баритонъ этотъ, знаете, не то, что лаетъ, а блеетъ, какъ баранъ. Ну, она, Розина, живо острижетъ его. Ахъ, да,—главное-то съ попугаемъ забылъ проститься.

Онъ живо вернулся къ себѣ, выскочилъ на балконъ и какъ-то удивительно защелкалъ языкомъ. Зеленый попугай, до тѣхъ поръ спокойно дремавшій въ теплѣ, встрепенулся.

— Evviva il re!.. заоралъ сиракузецъ.

— E-vvi-vvi-vvi-va il re!.. отвѣтилъ ему попугай, пресмѣшно переступая съ одной ножки на другую и кивая ему круглой головой съ разинутымъ клювомъ.

— Che brutto ragazzaccio, che stupido... выскочила изъ прохладныхъ комнатъ старушка, яростно потрясая своимъ маленькимъ, какъ лимонъ, и, какъ онъ же, желтымъ кулачкомъ. Maladetto, diavolo porco!.. По тебѣ, mascalzone, давно уже тюрьма плачетъ...

Попугай тоже волновался въ это время и, все переступая съ ноги на ногу—оралъ крайне возбужденно свое evviva il re, такъ что старушка должна была накрыть его платкомъ.

— Не сердитесь, mia bella!.. Я сегодня уѣзжаю... addio!..

— Въ адъ, въ адъ... Скорѣй въ адъ! выходила изъ себя сосѣдка.

— Che buona signora! Не правда ли, свѣсился съ балкона внизъ сициліецъ. Che ettimo cuore!.. Addio, addio, sol di rose... И черезъ нѣсколько секундъ я уже слышалъ, какъ онъ, проходя мимо моего коридора, пѣлъ La donna e mobile. Шаги его все утихали, голосъ послѣдними отзвучіями слышался еще на лѣстницѣ—и воцарилась тишина. Старушка освободила загипнотизированнаго имъ попугая, ворча про себя что-то весьма не лестное по адресу молодаго человѣка. Я бы не поздравилъ его — еслибы его душѣ пришлось совершать хоть часть тѣхъ путешествій, въ которыя она посылала ее... Становилось жарко. Моя комната была на солнечной сторонѣ. Въ открытыя на балконъ двери и въ окно—улица дышала такимъ

удушливымъ зноемъ, что кровь приливала къ вискамъ. Я вышелъ на мгновеніе и зажмурился. Слѣпящимъ свѣтомъ было затоплено Corso, только и осталось впечатлѣніе бѣлой, въ безчисленныхъ мраморныхъ кружевахъ и узорахъ, башни и кровли собора. Сквозь его ажурную фантасмагорію орнаментовъ, статуй, галерей, зубцовъ, иголъ, башенокъ, лѣстницъ, смотрѣло темное, темное небо, какое только здѣсь бываетъ при сорока градусахъ,.

Я поспѣшилъ опустить деревянныя жалузи, и въ комнатѣ стало темно. Потомъ, на сильно нагрѣвшійся за день каменный полъ я вылилъ цѣлый умывальникъ воды и, раздѣвшись до тла, съ наслажденіемъ протянулся на кровати. Освѣженный воздухъ, какъ мягкая рѣчная вода, ласкалъ тѣло. Глаза невольно смыкались...

Вас. Немировичъ Данченко.

ФАНТАЗІЯ.

О, какъ мнѣ отрадно въ этомъ свѣтломъ мірѣ,
Точно улетѣлъ я къ Богу за созвѣздья;
Здѣсь не знаютъ мести и за месть возмездья—
Въ честь безсмертной жизни здѣсь гремятъ на лирѣ.
Въ облачныхъ гирляндахъ, сотканныхъ изъ свѣта,
Дремлютъ горъ кремнистыхъ синія вершины,
И дуброва пышной зеленью одѣта,
И ковромъ цвѣтистымъ вытканы долины...
. . . . . .
Я вчера спустился по зеленымъ склонамъ
Къ рощѣ, освѣженной быстрою грозою:
На узорныхъ листьяхъ, на коврѣ зеленомъ
Серебрились капли искристой слезою,
И въ дали прозрачной различало око,
Какъ подъ яснымъ солнцемъ, стройно выступая,
Двигалась павлиновъ золотая стая,
Радужныя перья распустивъ широко.
И, казалось, будто войско ровнымъ строемъ
Надвигалось тихо съ пестрыми щитами,
И, казалось, феи, утомивши зноемъ,
Въ стройномъ полонезѣ машутъ вѣерами...
Я присѣлъ подъ ясень; въ воздухѣ хрустальномъ
Онъ сквозной листвою выдѣлялся рѣзко,
И подъ нимъ журчали стономъ музыкальнымъ
Три ключа, сверкая зыбью, полной блеска.
И вдыхалъ я грудью воздухъ ароматный,
И смотрѣлъ на зелень жадными очами,
Душу окрылялъ мнѣ трепетъ непонятный...
Думы колебались звучными струнами.
. . . . . .

К. Фофановъ.

КОЛДУНЬЯ.

Разсказъ Ж. Г. Рони.

I.

— Ничего тутъ не подѣлаешь! вскричалъ костоправъ.

Въ душномъ, полутемномъ хлѣву, чуть-чуть освѣщенномъ сверху крошечнымъ косымъ окошкомъ, толпилось и волновалось четверо людей вокругъ коровы Чернушки, издыхающей на гнилой подстилкѣ: арендаторъ Гроссъ-Эполь, кузнецъ, костоправъ и крестьянинъ Петръ Клотаръ. Несчастное животное жалобно мычало; дыханье его было тяжело и порывисто; томные глаза словно просили о помощи и состраданіи; раздувающіяся ноздри силились вдохнуть больше воздуха, который въ жалкомъ хлѣву былъ зараженъ всевозможными міазмами.

— Да что же это такое съ ней? Что съ ней?.. съ жалостью воскликнулъ арендаторъ,—вѣдь священникъ благословилъ ее вчера...

— Кто ее знаетъ, что́ съ ней! возразилъ костоправъ,—извѣстное дѣло, нечисть какая-нибудь, не безъ того...

— Порча! колдовство! вырвалось у Клотара.

Всѣ молча многозначительно переглянулись.

— Э, да навѣрно! Вотъ уже два года, на деревнѣ словно напасть какая...

— Господи создатель! вскричалъ горячо Клотаръ, — это все съ дурнаго глазу, помяните мое слово! Этакъ, подъ конецъ, у насъ все подохнетъ, все пойдетъ прахомъ...

— А что нога вашей Бертины, лучше?

— Какое лучше, все хуже...

Корова снова замычала, на этотъ разъ еще тише и жалобнѣе, а глаза ея съ какой-то мольбой устремились на окружающихъ.

— Какъ она смотритъ на насъ! словно человѣкъ, только не говоритъ!..

— Бѣдная моя Чернушка! Бѣдная Чернушка! съ горемъ вскричалъ арендаторъ, и крупныя слезы показались на его глазахъ.

Чернушка съ видимымъ усиліемъ приподнялась въ полутьмѣ, тяжело, порывисто дыша. Двѣ большія мухи кружились надъ ея головой, поперемѣнно садясь то на одно, то на другое ухо. Въ открытую настежъ дверь падали лучи, придававшіе что-то фантастическое несчастному животному, которое, въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній, простояло, словно задумавшись, освѣщенное трепетнымъ сіяньемъ; затѣмъ, почувствовавъ, что силы оставляютъ ее, Чернушка съ тяжелымъ страдальческимъ вздохомъ опрокинулась на подстилку и—издохла.

— Вотъ и все кончено! сказалъ Гроссъ-Эполь, гдѣ же тутъ справедливость?

— Какая ужь справедливость! поддержалъ кузнецъ.

— Что жъ? мы такъ и смиримся что ли? такъ и позволимъ надъ собой глумиться, какъ безсловесное стадо барановъ?.. съ волненіемъ вскричалъ Петръ Клотаръ.

При ворвавшемся яркомъ солнечномъ лучѣ, въ полутьмѣ хлѣва бѣшено закружился цѣлый рой мошекъ надъ кучей жалкихъ грязныхъ лохмотьевъ коровьей подстилки, а четверо людей, озадаченные, взволнованные, съ чувствомъ затаенной злобы въ душѣ противъ невидимаго врага, стояли и смотрѣли другъ на друга.

— Ровно сто лѣтъ назадъ, прошепталъ наконецъ Клотаръ,— тамъ, внизу передъ церковью, сожгли „одну“... Мой дѣдъ тысячу разъ мнѣ разсказывалъ объ этомъ... онъ самъ видѣлъ...

— Да, въ тѣ времена было правосудіе, замѣтилъ Гроссъ-Эполь.

— И хорошее... пробормоталъ кузнецъ.

Клотаръ стоялъ и съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ покусывалъ ногти, задумчиво смотря на бездыханную Чернушку, шерсть которой лоснилась и блестѣла подъ падавшимъ

на нее солнечнымъ лучемъ, при отблескѣ котораго какъ-то странно оживлялся ея незакрытый, огромный, остановившійся глазъ, да виднѣлись ссадины и рубцы на спинѣ и бокахъ измученнаго животнаго.

— Все кончено! — пойдемъ, пропустимъ по стаканчику! предложилъ кузнецъ.

II.

Клотаръ шелъ по окраинамъ луговъ. Вечерѣло. Молодой мѣсяцъ золотился на свѣтломъ прозрачномъ небѣ, спускаясь къ западу. Стоялъ благодатный іюнь. Могучіе злаки, высокія сочныя травы молодыми побѣгами волновались вокругъ на обширномъ пространствѣ полей; порывы теплаго вѣтра шумѣли въ вѣтвяхъ стройныхъ тополей и тихое кваканье болотныхъ жабъ сливалось въ звуки своеобразной гармоніи со звенящей трескотней древесныхъ лягушекъ. Клотаръ со злобой ударялъ палкой о землю и, то и дѣло, разражался угрозами и ругательствами.

Это былъ человѣкъ плотнаго сложенья, съ лицомъ широкимъ, мускулистымъ, лишеннымъ всякой растительности, полускрытымъ подъ объемистымъ козырькомъ огромной фуражки, надвинутой на самые глаза. Вѣтеръ съ силою развѣвалъ на немъ его широкій крестьянскій балахонъ синяго цвѣта, надувавшійся пузыремъ вокругъ его коренастой неуклюжей фигуры.

— Да ужь это вѣрно, какъ Богъ святъ... хоть всѣми святыми поклясться, бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, между тѣмъ какъ винные пары бродили у него въ головѣ.

Высокіе колосья пшеницы, колеблемые вѣтромъ, задѣвали его. Созвѣздіе Льва яркими большими звѣздами горѣло на потемнѣвшемъ небѣ. Золотой серпъ мѣсяца спустился низко къ западу и становился почти багрянымъ. Крестьянинъ какъ-то недовѣрчиво и насмѣшливо поглядывалъ на заостренный кусочекъ краснаго полумѣсяца.

— Богъ совсѣмъ несправедливъ... ворчалъ онъ.

Вблизи послышалось мелодичное журчанье ручейка подъ сѣнью развѣсистыхъ кустовъ, и Клотаръ, войдя подъ ихъ темные своды, ощупью отыскалъ мостикъ, перекинутый черезъ потокъ, и перешелъ на другую сторону, грозно и воинственно помахивая своей дубиной.

— Пусть „она“ побережется! „Она“ исправитъ зло, которое нанесла, или бѣдный человѣкъ учинитъ свое собственное правосудіе!..

Невѣрныя ночныя тѣни равнины смѣнились трепетными отблесками мерцавшихъ огоньковъ въ деревенскихъ избахъ.

— А! она сидитъ у своего окна, проворчалъ Клотаръ, украдкой пробираясь къ двумъ избамъ, одиноко стоявшимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ деревни.

У окна ближайшей изъ нихъ сидѣла, облокотясь на подоконникъ, женщина.

— Что она такое замышляетъ?

Крестьянинъ присѣлъ на корточки позади забора и, стиснувъ зубы, въ какомъ-то безотчетномъ суевѣрномъ страхѣ напряженно всматривался въ эту темную фигуру, выдѣлявшуюся силуэтомъ въ рамкѣ открытаго въ ночную темноту окна, слабо озаренную сіяньемъ мерцавшей свѣчи. Волосы женщины были распущены и волнистыми прядями обрамляли задумчивое лицо.

— Ишь ты, все у нея не по людски... подумалъ Клотаръ. Кровь его кипѣла, и онъ съ гнѣвомъ сжималъ палку сильной рукой, между тѣмъ какъ лепетъ струящагося ручья, мелодично-звенящіе звуки перекликающихъ сверчковъ и тихій трепетъ растеній, взволнованныхъ ночнымъ вѣтеркомъ, призывали къ сладкому миру, наслажденію и милосердію...

— Постой-ка, я тебя кое-чѣмъ попотчую!

И порывшись въ мягкой глинистой землѣ, онъ нашелъ булыжникъ, зажалъ его въ кулакъ и, размахнувшись, пустилъ въ окно. Пораженная камнемъ въ плечо, женщина тихо вскрикнула отъ испуга.

— Подѣломъ тебѣ, колдунья!.. съ злобнымъ смѣхомъ прошипѣлъ Клотаръ сквозь стиснутые зубы.

Нѣсколько мгновеній женщина оставалась неподвижной, охваченная внезапнымъ ужасомъ таинственнаго преслѣдованія. Съ трепетомъ вглядывалась она въ окружающую мглу пустынныхъ полей и затѣмъ, чувствуя, что „кто-то“ прячется тамъ, подъ защитою мрака ночи, какой-то страшный невидимый врагъ,—поднялась и затворила окно.

Между тѣмъ, Клотаръ, крадучись тихими предательскими шагами, обогнулъ заборъ и подошелъ къ сосѣдней хижинѣ съ

противоположной стороны. Въ окнахъ его жилища тоже былъ свѣтъ; жена и дочь его сидѣли въ кухнѣ, въ углу, около холодной нетопленной печи. На голубоватомъ фонѣ стѣнъ виднѣлись полки съ разстановленной посудой и рядъ топорныхъ аляповатыхъ картинъ, по большей части, страшнаго содержанья; здѣсь же красовалось уродливо написанное коронованіе императора и изображеніе папы. Стѣнные часы съ кукушкой однообразно тикали въ уголку. Очагъ, большой гладильный столъ и шесть стульевъ съ высокими спинками составляли всю утварь бѣднаго жилища. Полъ былъ старый, неровный, весь въ щеляхъ, впадинахъ и буграхъ.

— Добрый вечеръ! сказалъ, входя, Клотаръ.

Жена его, худощавая женщина съ маленькими глуповатыми глазками и шеей красной и сморщенной, какъ у индюшки, медленно поднялась ему на встрѣчу, а дочь съ длиннымъ лицомъ, покрытымъ страшной блѣдностью, принялась вздыхать.

— Что, все также плохо, Бертина?

— Да, отецъ... нога моя горитъ, точно огнемъ жжетъ ее изнутри...

— Господи Іисусе!..

Дѣвушка держала вытянутой больную ногу и вскрикивала при малѣйшемъ движеніи.

Отецъ проводилъ около нея бо̀льшую часть своихъ вечеровъ, съ глубокимъ волненьемъ разсматривая ея ногу. Сердце его надрывалось отъ горя, а въ умѣ роились самыя ужасныя предположенья...

— Вотъ что, сказалъ онъ въ этотъ вечеръ, послѣ нѣкотораго размышленія,—если священникъ ничего тутъ не можетъ подѣлать со своей святой водой, такъ я кое-что другое придумалъ. Завтра будетъ здѣсь тотъ самый братъ Гонора̀, о которомъ Маморэ давеча намъ разсказывалъ. Онъ—знаменитый заклинатель бѣсовъ... если ужь онъ не сниметъ порчи,—ну, тогда значитъ „та“ слишкомъ сильна!..

— О, этотъ навѣрное сниметъ! отозвалась съ увѣренностью жена,—какъ онъ отлично вылѣчилъ свиней у Шавра, которыя ужь совсѣмъ были плохи.

Въ эту минуту часовая кукушка тихо открыла маленькую дверцу и, просунувъ въ нее головку, прокуковала девять разъ.

— Хочешь ужинать? спросила Клотара жена.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я поѣлъ окорока у Маморэ...

Тогда всѣ трое просидѣли еще съ полчаса, не перекинувшись ни словомъ, и томительная унылая тишина нарушалась только однозвучнымъ тиканьемъ маятника. Затѣмъ, мало по малу, всѣ погрузились въ тяжелый сонъ.

III.

На другой день, около трехъ часовъ пополудни, вся семья Клотара стояла въ величайшемъ волненіи ожиданія на порогѣ своего жилища.

Широкое пространство лежало передъ ними, все освѣщенное яркимъ полуденнымъ солнцемъ вплоть до самаго горизонта, на волнообразной линіи котораго причудливо рисовались группы деревьевъ; побѣлѣвшія нивы золотились подъ теплыми солнечными лучами.

— Онъ идетъ! вскричалъ Клотаръ.

Между тополей показалась чуть замѣтная движущаяся человѣческая фигура, которая то скрывалась за холмами, то снова появлялась, ослѣпительно освѣщенная лучами солнца. По мѣрѣ приближенія этого человѣка, можно было различить его длинную рясу, совершенно непохожую на обыкновенную крестьянскую одежду. Онъ очень спѣшилъ, обрывая упрямыя вѣтви ивъ, заграждающія ему путь, и ломая нѣжную зелень изгородей. Клотаръ пошелъ ему на встрѣчу. Минутъ черезъ десять, братъ Гонора уже входилъ въ хижину. Одежда его, вся засаленная, лоснилась; брюшко сильно выдавалось впередъ изъ подъ впалой груди; глаза высматривали хитро и злобно. Отецъ и мать разсказали ему болѣзнь Бертины. Монахъ слушалъ, и насмѣшливая самоувѣренная улыбка не сходила съ его губъ, а молодая дѣвушка вся дрожала отъ волненья, и сердце въ ней замирало отъ радостной надежды.

— Я понимаю... я понимаю... успокоивалъ монахъ.

Онъ вполнѣ отвѣчалъ за счастливый исходъ, но выздоровленіе не могло послѣдовать разомъ; кромѣ того, требовалась нѣкоторая сумма денегъ для уплаты издержекъ на заклинанія и на вкладъ въ церковь Богоматери.

— Такъ, франковъ сорокъ... не больше...

Крестьянинъ, съ видомъ мрачнымъ и недовольнымъ, поднялся наверхъ, порылся въ потаенномъ уголку, гдѣ хранились его немногія сбереженья, и, возвратясь, съ суровой строгостью во взглядѣ, дрожащими руками вручилъ монаху нѣсколько потемнѣвшихъ отъ времени монетъ. Монахъ, съ плохо скрытой безстыдной усмѣшкой, запряталъ деньги въ свой поясъ.

— Гдѣ у васъ боль? обратился онъ къ Бертинѣ.

Дѣдушка указала на правое бедро:

— Ноетъ, тянетъ... ударяетъ въ колѣно... рѣжетъ... точно огнемъ жжетъ или когтями скребетъ...

— Такъ, вѣрно! отозвался монахъ, я понимаю, что̀ это такое. Присядьте.

Она сѣла, дрожа съ гловы до ногъ, а онъ, съ помутившимся взоромъ блуждающихъ глазъ, простоялъ съ минуту неподвижно, торжественно, какъ бы священнодѣйствуя.

— Нѣтъ знака на вашей ногѣ?

— Никакого.

— Прекрасно, я такъ и зналъ.

Клотаръ и его жена съ какимъ-то рабскимъ благоговѣніемъ созерцали всемегущаго монаха.

— Сложите руки, приказалъ онъ и повторяйте за мною слова молитвы.

Бертина сложила руки, и монахъ началъ глухимъ, замогильнымъ голосомъ:

— О, Пресвятая Дѣва Марія! никогда еще никто, возложившій на Тебя все упованіе свое, не оставался неуслышаннымъ Тобою! Съ чистымъ сердцемъ, съ полной вѣрой и надеждой на Твое всемогущее заступничество, прибѣгаю къ тебѣ, о, Марія! о, добрая Матерь наша, съ горячей мольбой о помощи... Умоляю тебя, милосердная Пресвятая Дѣва Марія, сокруши злыхъ демоновъ, которые вселились въ мою ногу! изгони изъ меня нечистую силу!..

Голосъ монаха, глухой и прерывающійся, постепенно понижался до страшнаго таинственнаго шопота, производившаго подавляющее впечатлѣнье на молодую дѣвушку. Полуопущенныя вѣки его судорожно дрожали. Клотаръ съ мрачнымъ, торжественнымъ видомъ низко склонилъ голову...

— Теперь, сказалъ монахъ, я буду выгонять злыхъ духовъ... нѣтъ ли у васъ ножа или сабли, очень блестящихъ?

— Отецъ мой былъ солдатомъ, отвѣчалъ Клотаръ: —у меня есть его сабля.

— Блеститъ она?

— Да, очень сильно.

— Ступайте, принесите ее!

Крестьянинъ ушелъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и возвратился вооруженный кавалерійской саблей.

— Станьте въ дверяхъ... я выйду на дворъ... и когда начну заклинанья, вы ударяйте саблей, кружа ею въ воздухѣ, чтобъ нечистые духи не вошли въ жилище... Они боятся блестящаго лезвія!..

Родители осторожно вывели Бертину подъ навѣсъ двора. Тамъ свинья тихо ворчала въ своей канурѣ, голуби прогуливались взадъ и впередъ, а воробьи прыгали на своихъ тонкихъ гибкихъ ножкахъ, легкіе и воздушные, среди важно расхаживающихъ куръ, роющихъ землю.

Монахъ выпрямился, и злая усмѣшка отразилась на его лицѣ.

Крестьянинъ съ грознымъ и торжественнымъ видомъ поднялъ широкую саблю, клинокъ которой ослѣпительно сверкнулъ въ солнечныхъ лучахъ. Жена его стояла блѣдная, неподвижная, какъ бы застывшая въ ужасѣ ожиданія чего-то сверхъестественнаго...

Тогда раздался грозный, оглушительный голосъ монаха, слова котораго, произнесенныя на незнакомомъ латинскомъ языкѣ, глубоко потрясли простодушныхъ крестьянъ:

— „Exi, anathema, non remaneas nec abscondaris in ulla compagine membrorum“. . . . . .

. . . . . .

Внезапно воцарилось безмолвіе и длилось минуты двѣ. Всѣ четверо стояли, обратясь лицомъ къ деревнѣ, —женщины дрожали, охваченныя священнымъ трепетомъ; Клотаръ, облитый холоднымъ потомъ, съ обнаженной саблею въ рукѣ, съ выраженіемъ ужаса въ лицѣ—вѣрилъ глубоко въ эту комедію, между тѣмъ какъ хитрый монахъ, глумясь и издѣваясь надъ легковѣріемъ бѣдныхъ простолюдиновъ, самодовольно ощупывалъ за поясомъ сотню су, безстыдно выманенную изъ скудныхъ крестьянскихъ сбереженій.

Наконецъ, Бертина робко прошептала:

— Буду я исцѣлена?..

— Черезъ восемь дней, отвѣчалъ монахъ и затѣмъ прибавилъ съ непогрѣшимымъ видомъ человѣка, совершившаго свое дѣло:

— Если только вы имѣете вѣру!

IV.

Восемь дней миновали. Погода измѣнилась; тяжелыя тучи темной пеленой застилали ясное лѣтнее небо. Въ сѣренькій пасмурный полдень, когда дождь уже висѣлъ въ воздухѣ, а вѣтеръ съ гнѣвомъ налеталъ могучими порывами, Клотаръ, мрачный и суровый, вошелъ въ свою хижину, укутанный въ теплую фуфайку глинистаго цвѣта. Бертина, вытянувшись на скамейкѣ около стола, на которомъ дымился жирный супъ и горячій картофель, жалобно стонала.

— Ну, что? все хуже? спросилъ отецъ.

— Ахъ, точно кто грызетъ или гложетъ мнѣ кости!

Вѣтеръ сильнѣе застоналъ за окномъ, стекла дрожали, густой туманъ поднялся надъ равниной. Клотаръ съ какой-то дикой поспѣшностью уничтожалъ свой обѣдъ, глотая большіе куски и набивая ротъ огромными картофелинами; затѣмъ подошелъ къ дверямъ и остановился на порогѣ съ выраженіемъ злобы на лицѣ.

Домашнія птицы, нахохлившись, собрались въ кучку подъ навѣсомъ и тихо кудахтали; бѣглые просвѣты пробивались мѣстами изъ-за быстро несущихся тучъ; высокіе тополи низко склонялись подъ напоромъ вихря; цвѣты и травы шелестили и трепетали, пригибаясь къ самой землѣ.

Клотаръ стоялъ и смотрѣлъ на сосѣднюю хижину, принадлежавшую семьѣ Ластръ; оштукатуренная на-бѣло, съ кровлей, густо крытой соломою, среди стеблей которой мелькали, тамъ и сямъ, красные цвѣтки, съ садикомъ, обнесеннымъ свѣжей изгородью, и маленькимъ бассейномъ, въ которомъ плескались утки съ зеленовато-сизыми атласистыми шейками—она смотрѣла привѣтно и весело, но Клотаръ съ негодованіемъ и злобою сжалъ кулакъ и, потрясая имъ по направленію сосѣдней хижины, пробормоталъ:

— Колдунья!..

Между тѣмъ, прояснило; изъ-за облаковъ показался край голубаго неба, свѣтлый лучъ пробѣжалъ по волнующимся ни-

вамъ и шумящимъ деревьямъ... Въ хижинѣ Ластръ растворилась дверь, изъ нея вышелъ плотный приземистый человѣкъ и направился внизъ по мокрой грязной тропинкѣ.

— Этотъ простофиля ни въ чемъ неповиненъ, замѣтилъ Клотаръ своимъ домашнимъ, — онъ даже и не подозрѣваетъ... Вдругъ онъ остановился и прервалъ себя на полусловѣ, задыхаясь отъ безсильнаго бѣшенства... глаза его налились кровью, какъ у разъяреннаго цѣпнаго дога...

На порогѣ сосѣдняго дома появилась женщина съ волосами черными, какъ смоль, съ великолѣпными темными лучистыми глазами. Задумчивымъ взоромъ обвела она разстилающуюся передъ ней картину: поля и рощи смотрѣли весело, облитыя живительнымъ дождемъ; по холмамъ мирно бродили стада; взмокшія тропинки извилинами убѣгали въ даль; вода журчащими ручейками струилась по склонамъ пригорка; овцы и ягнята весело выбѣгали со двора мызы; въ отдаленіи виднѣлась удаляющаяся фигура мужа, быстро шагавшаго по засѣянному клеверомъ полю; пирамидальный силуэтъ церкви рельефно выдѣлялся на фонѣ зеленой вязовой рощи.

— Господи Іисусе! пробормоталъ Клотаръ, — и подумать только, что она приноситъ несчастье цѣлой странѣ!.. Женщина порывисто обернулась въ его сторону, и Клотаръ почувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ ея широко раскрытыхъ глазъ. Ужасъ охватилъ его, онъ весь поблѣднѣлъ, сильныя руки его задрожали, и неодолимая жажда мести проникла все его существо... Она поклонилась, онъ также.

— Какъ здоровье вашей дочери? крикнула она.

— Очень скверно, отвѣтилъ онъ и прибавилъ про себя: — тебѣ это лучше знать, проклятая! — Молодая женщина, граціозная въ своей коротенькой юбочкѣ, спокойная и миловидная, казалась крестьянину какимъ-то исчадіемъ ада, исполненнымъ тайнаго могущества и сверхъестественной силы.

Она скрылась за дверью, а Клотаръ не двигался съ мѣста, въ тяжеломъ раздумьѣ. Тяжкія воспоминанія поднялись въ немъ; въ возбужденномъ мозгу проносились, однѣ за другими, всевозможныя картины и представленія съ роковой развязкой.

Воображеніе рисовало ему ужасы...

Онъ сталъ припоминать подробности пріѣзда супруговъ Ластръ въ ихъ края, два года тому назадъ. Онъ тогда же сразу

почувствовалъ къ нимъ антипатію и недовѣріе. Женщина съ огромными глазами, любившая бродить по полямъ подолгу останавливаясь на уединенныхъ тропинкахъ, разсматривать растенія и наблюдать за животными,—странностями своими невольно внушала всѣмъ какой-то суевѣрный страхъ.

И подлинно, несчастія такъ и посыпались градомъ на бѣдную деревню. Сначала бараны: у Белотти, у Громпаръ, у Лебренъ пали цѣлыя стада отъ чумныхъ нарывовъ. Затѣмъ, на лошадей пошло,—стали падать отъ чесотки, отъ сапа; потомъ рогатый скотъ повалило, потомъ свиней... Онъ самъ, Клотаръ, потерялъ трехъ свиней отъ повальнаго поноса.

И вездѣ, куда бы ни приближалась эта женщина, по пятамъ за ней слѣдовала какая нибудь бѣда. Людей, однако, она сначала боялась затрогивать, но глупость мэра и снисходительная слабость приходскаго священника придали ей смѣлости, и вотъ Жакъ Бонно сломалъ себѣ ногу, а Мишель Кашэ скоропостижно скончался, не успѣвъ и раскаяться въ своемъ смертномъ грѣхѣ. И все это—съ ея дурнаго глазу...

— Нѣтъ, этому пора положить конецъ! воскликнулъ съ отчаяніемъ крестьянинъ:—если священникъ и мэръ ничего не замѣчаютъ, это еще не причина—терпѣть намъ у себя колдунью...

Холодный потъ выступилъ на его вискахъ... страшный планъ созрѣвалъ у него въ головѣ... Онъ видѣлъ дочь свою во власти злой, могущественной силы, обреченную на смерть, которая, быть можетъ, вскорѣ угрожаетъ и ему самому...

Солнечные лучи погасли и, мало по малу, темныя тучи снова заволокли все небо, оставивъ лишь блѣдную полосу свѣта на линіи горизонта. Стадо гусей медленно двигалось по склону холма. Роковое рѣшеніе созрѣло въ душѣ крестьянина...

Онъ вошелъ въ свою хижину, гдѣ въ мрачномъ унынiи сидѣли его жена и блѣдная, истощенная болѣзнью, Бертина.

Минутъ съ десять, онѣ съ трепетомъ выслушивали его признанья, сообщаемыя таинственнымъ шопотомъ, подъ страхомъ стражайшей тайны. Онъ задыхался отъ бѣшенства и грозно сжималъ кулаки.

Женщины, сначала испуганныя и оробѣвшія, мало по малу, подстрекаемыя Клотаромъ, ободрились, набрались смѣлости; возбужденное состояніе его, дошедшее до изступленья, невольно сообщилось и имъ, и онѣ, слѣпо подчинившись

всѣмъ его требованьямъ, составили между собою страшный заговоръ.

— Я иду туда! прошепталъ Клотаръ и вышелъ изъ хижины съ видомъ непреклонной рѣшимости.

V.

Онъ поднялся на крыльцо домика Ластръ и постучалъ въ дверь. Молодая женщина отворила и, при видѣ его, величайшее изумленье выразилось на ея лицѣ.

— Я насчетъ дочери своей, сказалъ онъ съ самой предательской улыбкой,—ей что-то плохо... Не зайдете ли вы къ ней на минуточку?

Отвѣчая на поклонъ крестьянина привѣтливой улыбкой, она проговорила глубокимъ груднымъ голосомъ:

— Конечно... я приду сію минуту!

— Благодарю, пробормоталъ Клотаръ и съ торжествующимъ видомъ пошелъ впередъ, чтобъ предупредить своихъ сообщницъ. Минуты черезъ двѣ, сосѣдка показалась въ дверяхъ и робко остановилась на порогѣ.

— Входите же, вскричалъ Клотаръ: —входите, сосѣдка!

Она вошла, смущенная страннымъ видомъ двухъ женщинъ, сидѣвшихъ въ глубинѣ комнаты и подозрительно смотрѣвшихъ на нее. Ее невольно объяло какое-то смутное предчувствіе.

Пользуясь ея минутнымъ замѣшательствомъ, Клотаръ ловко проскользнулъ за ея спиной, заперъ дверь на ключъ и затѣмъ, моментально преобразившись, сбросивъ личину притворства, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ грубо схватилъ женщину за руку и съ ненавистью взглянулъ ей въ лицо.

— Господи, Пресвятая Богородица! что съ вами? кротко спросила она безъ малѣйшаго сопротивленья.

— Это ужъ слишкомъ долго длится! бѣшено заревѣлъ Клотаръ, — изъ-за васъ подохли всѣ мои свиньи... пали коровы у Бернарденъ и у Гроссъ-Эполь... Вамъ этого было мало!.. Вы принялись за людей! Я требую, чтобъ вы сняли порчу съ Бертины!

Женщина стояла и, не уясняя себѣ смысла его словъ, помутившимся взоромъ обводила окружающихъ ее людей...

Наконецъ, зрачки ея расширились отъ ужаса, — она начала понимать, какая страшная западня ей разставлена, и тихо сложила руки.

Съ своимъ чистымъ, строгимъ профилемъ, слишкомъ черными волосами, смуглымъ цвѣтомъ лица, со всей своей рѣзкой красотой южанки—она олицетворяла для нихъ образъ настоящей колдуньи. Клотаръ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, отъ суевѣрнаго страха передъ ней, спросилъ ее:

— Слышали вы меня, колдунья?

— Я не понимаю, что́ вы хотите сказать, пролепетала она.

— Я говорю вамъ, чтобъ вы сняли съ нея порчу.

— Какую порчу?

Крестьянинъ, весь блѣдный отъ негодованія, толкнулъ женщину къ стѣнѣ и вскричалъ:

— Какую порчу!.. Проклятая колдунья! говорю вамъ, что вы не выйдете отсюда, пока не снимете ея.

Она какъ будто застыла въ безмолвномъ ужасѣ... Ей казалось, будто она видитъ страшный сонъ или сцену въ театрѣ, или слышитъ фантастическую сказку, и въ сердцѣ ея шевелилась тайная надежда, что вотъ сейчасъ, сію минуту, иллюзія порвется и все очень счастливо и просто разрѣшится... Но Клотаръ сильнѣе встряхнулъ ее и, придя въ себя, она съ усиліемъ проговорила:

— M-eur Клотаръ, сжальтесь надо мною!.. Я совершенно невинна... Я ничего не знаю... я отъ всего сердца желала бы вылѣчить вашу милую Бертину!..

Тогда Бертина умоляющимъ голосомъ обратилась къ ней:

— Видите, какъ я страдаю! Зачѣмъ вы испортили меня? Что́ я вамъ сдѣлала?

Со сложенными смиренно руками, со страдальческимъ выраженіемъ на блѣдномъ исхудаломъ лицѣ она казалась такой жалкой, несчастной. Мать около нея безмолвно пролизала тихія слезы.

— Да, вскричалъ Клотаръ, да! вы—единственная причина всѣхъ нашихъ несчастій и вы... вы еще упорствуете въ вашей злобѣ!..

Мало по малу страшное воздѣйствіе этихъ помраченныхъ суевѣріемъ умовъ невольно сказалось на женщинѣ, прислонившейся къ стѣнѣ, въ состояніи какого-то столбняка. Подавлен-

ная ужасомъ своего безвыходнаго положенія, несчастная плѣнница чувствовала, что у нея начинаетъ мутиться разсудокъ...

Подобно невинно осужденнымъ, заключеннымъ въ тюрьму, ей начинало казаться, что, быть можетъ, она дѣйствительно преступна, что и на ней тяготѣетъ проклятье за какой-то совершенный ею грѣхъ, который долженъ быть искупленъ страшнымъ испытаніемъ...

Клотаръ, мучимый ея долгимъ молчаньемъ и страхомъ измѣны съ ея стороны, въ отчаяньѣ воскликнулъ:

— Да, скажете ли вы хоть одно слово, колдунья?..

— Я ничего не сдѣлала, отвѣтила она.

— А, негодная!.. неистово заревѣлъ онъ и плюнулъ ей въ глаза.

Тогда чувствуя, что силы оставляютъ ее, что почва ускользаетъ изъ подъ ея ногъ и послѣдняя искра надежды чѣмъ либо смягчить и тронуть этихъ людей, погруженныхъ въ темное невѣжество,—изчезаетъ въ ея сердцѣ,—она какъ-то безсознательно подняла руку и обтерла свое лицо, между тѣмъ какъ крупныя слезы выкатились изъ подъ ея рѣсницъ...

Раздраженный и возмущенный до крайней степени, какъ разъяренный звѣрь, заметался крестьянинъ изъ угла въ уголъ по своей хижинѣ, разражаясь страшными проклятіями и ругательствами. Вѣроломство колдуньи казалось ему чудовищнымъ, достойнымъ всякой пытки; упорство ея—непонятнымъ, нелѣпымъ, такъ какъ оно обрекало ее на гибель...

— Вы видите! обратился онъ наконецъ къ своей женѣ и дочери:—она отказывается исправить зло... отказывается!

Мало по малу, женщины, сначала менѣе жосткія и суровыя, видя, что колдунья не поддается, тоже воспламенились злобой и жаждой мщенія, и сдѣлались неумолимы, не сознавая даже своей безчеловѣчной жестокости. На одно мгновенье въ хижинѣ воцарилось страшное зловѣщее безмолвіе, словно затишье передъ бурей...

— Зажги огонь въ сосѣдней комнатѣ! закричалъ наконецъ крестьянинъ женѣ.

Жена медленно поднялась съ своего мѣста и, набравъ охапку хвороста, отнесла его въ сосѣднее помѣщенье, гдѣ принялась растапливать большой старый коминъ, не служившій уже нѣсколько лѣтъ.

Густой, удушливый дымъ распространился по комнатамъ. Беззащитная, безмолвная молодая женщина смотрѣла передъ собою такъ грустно и кротко, какъ загнанная овечка...

— Послѣдній разъ я спрашиваю, закричалъ Клотаръ:— хотите вы снять порчу, или нѣтъ?

— Я ничего не сдѣлала, промолвила несчастная.

— А, а! проклятая! такъ ты не хочешь выгнать нечистую силу, когда тебѣ стóитъ сказать для этого одно только слово.

И онъ снова бѣшено заметался по комнатѣ съ угрожающими жестами, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ. Вдругъ онъ замахнулся и три раза ударилъ по лицу молодую женщину.

— Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!.. Ты у меня снимешь порчу! Я заставлю тебя силой...

Женщина упала на полъ, заглушая рыданья, не осмѣливаясь стонать, а крестьянинъ протянулъ дубину своей дочери и закричалъ ей:

— Бей ее!.. вѣдь она виновница всѣхъ нашихъ бѣдъ! бей же! ну, ну!..

И, подстрекаемая разсвирѣпѣвшимъ отцомъ, блѣдная дѣвушка взяла въ руки палку и стала бить распростертую на полу женщину.

— Ну же!.. такъ! еще... еще! хорошенько! выбивай изъ нея доброе желанье...

При одномъ слишкомъ жестокомъ ударѣ, несчастная вскочила съ раздирающимъ душу воплемъ:

— На помощь! спасите!

Тогда Клотаръ бросился къ ней и, схвативъ ее за горло, прекратилъ эти крики. Вся посинѣвшая и безмолвная, она упала на колѣни.

— Ну, сдаешься ты? спросилъ Клотаръ, освобождая ее.

— Увы! пролепетала она, имѣйте ко мнѣ состраданье! я невинна... Богъ свидѣтель! Я не знаю никакого колдовства! Я никогда никому не дѣлала зла!..

— Хорошо, сказалъ Клоторъ.

Онъ остановился въ мрачномъ раздумьѣ посреди комнаты и словно застылъ въ зловѣщемъ молчаніи, затѣмъ тихо, почти кротко, спросилъ:

— Итакъ, рѣшено, ты отказываешься?

— Я не отказываюсь... я сдѣлаю все, что́ вы хотите!

— Снимешь порчу?

— Я не могу этого!

— Жена! громко позвалъ Клотаръ:—исполнила ты мое приказанье?

— Да, спокойно отвѣтила та:—упорство колдуньи убило и въ ней всякое состраданіе.

— Подай мнѣ веревку! собачью цѣпь!

И когда веревка и цѣпь были поданы, онъ, не говоря ни слова, скрутилъ руки женщины за спину и сталъ ихъ связывать; затѣмъ, приѣвъ на корточки, старательно укрѣпилъ цѣпью.

Полубезчувственная, обезсиленная жертва не сопротивлялась и съ поразительной покорностью позволяла себя связывать.

— Тряпку! скомандовалъ крестьянинъ.

Несчастная плѣнница задрожала съ головы до ногъ, охваченная паническимъ страхомъ. Тогда крестьянинъ взвалилъ ее на столъ и съ помощью жены заткнулъ ей ротъ тряпкой. Окончивъ это, онъ вздохнулъ.

Непрошенное смутное чувство состраданія вдругъ шевельнулось въ глубинѣ его ожесточеннаго сердца... Онъ поблѣднѣлъ и содрогнулся. Брови его сдвинулись, глаза опустились въ землю и, въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній, онъ простоялъ въ тяжеломъ раздумьѣ.

Жестокая борьба совершалась въ немъ. Наконецъ, глубокій продолжительный вздохъ приподнялъ его стѣсненную грудь, лицо его прояснилось.

У него оставалась еще совѣсть.

— Послушай! сказалъ онъ какимъ-то особенно тихимъ, смягченнымъ тономъ своей плѣнницѣ:—я ничего не имѣю противъ тебя! Я все забуду, если ты вылѣчишь мою дочь... Тебѣ сто́итъ только кивнуть головой, и я сейчасъ же освобожу тебя.

Она не шевельнулась, но въ большихъ глазахъ ея, устремленныхъ на него, выражалась такая кротость и невинность, что у него сердце дрогнуло. Но въ то же мгновеніе мысль о колдовствѣ ударила ему въ голову и, снова ожесточившись, онъ воскликнулъ:

— Не смотри на меня такъ!.. И если ты не хочешь, сама виновата!.. Ты сама рѣшишь свою судьбу... Идемъ!

И сильныя руки его повлекли ее въ сосѣднее помѣщеніе, между тѣмъ какъ мать, поддерживая больную Бертину, послѣдовала за ними.

Тамъ, въ старомъ большомъ очагѣ съ трескомъ пылали яркимъ пламенемъ полѣнья и хворостъ; красноватые отблески трепетали на стѣнахъ и полу. Всѣ четверо, какъ парализованные страхомъ, остановились. Что-то зловѣщее чуялось въ воцарившемся внезапно молчаніи...

Наконецъ, крестьянинъ какъ-то автоматически, не спѣша, подтащилъ свою жертву ближе къ огню и, поваливъ на полъ, сорвалъ съ нея башмаки и чулки. Тогда только поняла она, что́ ее ожидаетъ, и въ смертельномъ ужасѣ начала биться и вырываться изъ его рукъ.

Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ человѣка, исполняющаго свой долгъ, Клотаръ прикрѣпилъ цѣпь, связывавшую женщину, къ огромному крюку въ каминѣ и торжественно воскликнулъ:

— И бѣдный человѣкъ можетъ самъ оказать себѣ правосудіе!..

Жена и дочь, безчувственныя, неумолимыя, стояли и смотрѣли на страшное дѣло, считая его исполненіемъ воли провидѣнія и высшей справедливостью...

А Клотаръ, совершая безчеловѣчную казнь, неподвижно и безмолвно стоя надъ безпомощной жертвой, походилъ на грознаго древняго идола, олицетворяющаго собою бога мщенія.

Адскія муки несчастной, корчившейся у огня, не трогали ея палачей и только когда по комнатѣ распространился запахъ паленой кожи, Клотаръ приблизился къ страдалицѣ и, замѣтивъ, что она силится сказать что-то, отцѣпилъ цѣпь съ крюка и отодвинулъ ее дальше отъ огня.

— Хочешь ты снять порчу?

Она сдѣлала чуть замѣтный знакъ бровями и глазами, изъ чего онъ заключилъ, что она желаетъ говорить, и вынулъ тряпку изъ ея рта.

Тогда она пролепетала:

— Я сниму порчу...

— А-а! проговорилъ Клотаръ съ гордымъ торжествомъ одержанной побѣды.

Она колебалась нѣсколько секундъ, терзаемая разнородными ощущеніями: мучительнымъ страхомъ и смутной надеждой... Жестокая боль въ обгорѣлыхъ ногахъ почти лишала ее сознанія. Наконецъ, понявъ, что ей нужно сказать что нибудь, она сдѣлала надъ собой нечеловѣческое усиліе, пролепетала нѣсколько непонятныхъ отрывистыхъ словъ и затѣмъ, употребивъ хитрость, сказала:

— Завтра поутру ваша Бертина будетъ здорова!

Но Клотаръ не поддался на это.

— Завтра! закричалъ онъ,—какъ бы не такъ! Кто могъ испортить, долженъ умѣть и вылѣчить тотчасъ!

— Я не могу... вдругъ... на это нужно время.

— Сію минуту! Слышишь, колдунья? Сію минуту, или я тебя брошу въ огонь!

Въ смертельномъ страхѣ, она прибѣгла къ другой хитрости.

— Мнѣ нужна для этого какая нибудь освященная вещь.

— Что? прекрасно! У меня есть образокъ Богоматери...

Онъ вышелъ и поднялся на верхъ. Тогда несчастная обратилась съ послѣдней мольбой къ Бертинѣ:

— Сжальтесь надо мной, умоляю васъ, милая Бертина! вѣрьте мнѣ, заклинаю васъ Богомъ, я не виновата въ вашей болѣзни...

Бертина отвѣчала, дрожа съ головы до ногъ:

— Сначала снимите съ меня порчу!

— Но я невинна... невинна! Это вѣрно, какъ евангеліе!

— Снимите съ меня порчу!

И съ какимъ-то дикимъ, непобѣдимымъ упрямствомъ она твердила одну и ту же фразу до самаго возвращенія Клотара. Онъ принесъ маленькій, продолговатый образокъ изъ посеребреной мѣди и показалъ его женщинѣ.

— Вотъ вамъ святыня,—сказалъ онъ:—начинайте!

Она взглянула на этотъ крошечный, полустертый образокъ и, усомнившись, чтобъ изъ него могла выйти всеисцѣляющая сила, замѣтила:

— Я должна имѣть свободныя руки!

Сначала крестьянинъ колебался, но, сообразивъ, что просьба основательна, развязалъ ей руки. Тогда она осторожно взяла маленькій образокъ, взглянула на него, пробормотала нѣсколько непонятныхъ, безсвязныхъ словъ и затѣмъ спросила:

— Увѣрены ли вы, что онъ освященъ?

— Я самъ видѣлъ, какъ его освящали вмѣстѣ съ другими.

— А-а!.. протянула она.

И вдругъ, подъ пронизывающимъ ее злымъ взглядомъ враговъ, послѣ тщетныхъ попытокъ сыграть роль колдуньи, руки ея сами собой опустились и съ движеньемъ, исполненнымъ безконечной тоски и отчаянья, она простонала:

— Я не могу... не могу...

— Ты не можешь?.. Что же ты издѣваешься надъ нами?.. А, проклятая колдунья! теперь ужь ты заплатишь мнѣ за все!—дико заревѣлъ крестьянинъ и бросился къ ней.

— Ахъ!—воскликнула она,—Клотаръ! Бертина.. Господь Богъ не потерпитъ этого!..

Но когда она увидала, что онъ снова схватился за веревку, чтобы вязать ее — смиреніе и покорность сразу ее оставили. Въ виду смертельной опасности, она сразу преобразилась и, рѣшась защищаться до послѣдней капли крови, стала испускать страшные, пронзительные крики, которые должны были слышать въ деревнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она стала биться и бороться изо всѣхъ силъ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ трудно было опредѣлить исходъ этой борьбы. Тогда жена пришла на помощь Клотару, и соединенными силами они снова схватили ее и потащили въ огонь.

Теперь крестьянинъ потерялъ все свое безстрастіе „судьи“. Бѣшенство и жажда мщенія въ конецъ овладѣли всѣмъ его существомъ. Онъ схватилъ свою жертву за волосы и приблизилъ лицо ея къ огню. Ему хотѣлось всю ее, сейчасъ же, сію минуту, бросить въ пылающій огонь, но что-то въ глубинѣ души еще удерживало его: не то страхъ послѣдняго рѣшительнаго шага, не то голосъ еще не совершенно уснувшаго чувства человѣчности, хотя онъ не переставалъ повторять себѣ, что сожженіе колдуньи—дѣло похвальное и правое...

Но, мало по малу, искушеніе покончить съ ней разомъ становилось непреодолимымъ; страшная мысль, что провидѣніе избрало его своимъ оружіемъ для совершенія казни, все шире охватывала его помраченный мозгъ, и въ фанатическомъ изступленіи онъ отдался всецѣло овладѣвшей имъ безумной идеѣ справедливаго мщенія...

VI.

Вдругъ жена Клотара, вся дрожа, поднялась съ мѣста и прошептала:

— Какъ будто шумъ? слышны голоса...

— Иди... посмотри!—пробормоталъ Клотаръ.

Въ эту минуту послышался сильный ударъ кулакомъ въ наружную дверь и громкій, повелительный голосъ прокричалъ:

— Отворите, именемъ закона!

Несчастная мученица раскрыла глаза, и въ нихъ мелькнулъ слабый лучъ надежды на спасенье... Клотаръ съ женой, застигнутые врасплохъ, съ ужасомъ переглянулись. Они застыли на мѣстѣ... зубы ихъ громко стучали...

Дочь, повидимому, невполнѣ сознававшая всю опасность положенія, спокойно замѣтила:

— Спрячь же колдунью на чердакъ, отецъ... подъ сѣно...

— Правда!—пробормоталъ крестьянинъ,—а ты, жена, задержи ихъ какъ нибудь разговоромъ...

— Убей ее! теперь ужъ поздно ее спасать! — прошептала жена и затѣмъ, ставъ къ двери, за которой все громче раздавались голоса, закричала:

— Господи Іисусе! что это за шумъ такой?

— Это я, мэръ, и полевой стражъ... отворяйте сейчасъ же, или я выломаю дверь...

— Не дѣлайте этого, господинъ мэръ, не разоряйте бѣдныхъ людей... Я отворю по доброй волѣ... у меня и причины нѣтъ не отворять вамъ..

Она начала возиться съ замкомъ, охать и кряхтѣть.

— Чуточку терпѣнья, господинъ мэръ... когда спѣшишь—дѣло никогда не спорится... просто голова кругомъ идетъ...

Сильный ударъ ломомъ въ дверь положилъ конецъ ея разглагольствованіямъ; замокъ отскочилъ и дверь широко распахнулась въ ту самую минуту, когда Клотаръ взбирался по лѣстницѣ на чердакъ съ колдуньей на плечахъ.

— Остановитесь! крикнулъ мэръ.

— Это—колдунья! отозвался Клотаръ, продолжая поспѣшно подниматься.

Тогда мэръ, въ сопровожденіи полеваго стража и нѣсколь-

кихъ крестьянъ, ворвался въ жилище, но Клотаръ былъ уже на чердакѣ и съ силою захлопнулъ за собою опускную дверь, за которой поднялась страшная возня.

Слышно было, какъ тяжелые предметы одинъ за другимъ падали на дверь, отнимая всякую возможность открыть ее снизу...

Напрасно старались всевозможными усиліями приподнять горизонтальную опускную дверь; по временамъ, она нѣсколько уступала, приподнималась, затѣмъ снова упадала... Притащили со двора бревно, натискъ становился все сильнѣе, нападающіе уже начинали одолѣвать, какъ вдругъ сверху раздался громкій голосъ Клотара:

— Все кончено! она получила должное...

И, собственноручно устраняя всѣ преграды, въ отверстіе приподнятой двери показался Клотаръ... Лицо его было синевато-багроваго цвѣта, глаза дико блуждали...

— Я отомстилъ за деревню... берите меня!..

Около самой двери лежала вся почернѣвшая и задушенная женщина, и когда мэръ нагнулся къ трупу для освидѣтельствованія, ему почудилось, что въ остановившихся мертвыхъ зрачкахъ ея отпечатлѣлся образъ убійцы...

Въ ноябрѣ, рано поутру, чуть только первые лучи зари заалѣли на востокѣ, Клотаръ былъ гильотинированъ на большой городской площади.

Много народа сбѣжалось на это зрѣлище, въ особенности изъ окрестныхъ деревень; нѣкоторые жалѣли осужденнаго. Преступникъ былъ менѣе блѣденъ, чѣмъ его палачъ. Взоръ его былъ кротокъ и спокоенъ. Онъ шелъ на казнь мужественно, и внимательно слушалъ напутственное слово священника. Но когда взоръ его упалъ на воздвигнутую для него гильотину— силы на мгновенье измѣнили ему... Его охватила смертельная скорбь разставаться съ жизнью, между тѣмъ какъ въ ушахъ раздавались утѣшенія духовника, говорившаго объ Искупителѣ. Но въ послѣднюю, предсмертную минуту, когда волнующаяся народная толпа вдругъ вся стихла и замерла, объятая ужасомъ предъ лицомъ смерти,—присутствіе духа вновь вернулось къ крестьянину и, поцѣловавъ священника, онъ проговорилъ:

— Смерть моя несправедлива... сожженіе колдуній—дѣло благое!..

Затѣмъ онъ отдался въ руки палача съ полнымъ спокойствіемъ, съ глубокой вѣрой въ божеское правосудіе, съ надеждой на будущую вѣчную жизнь.

И палачъ совершилъ свое дѣло...

НАША КОМЕРЦІЯ ПЕРЕДЪ ЛИЦОМЪ ЮСТИЦІИ [1].

«Не надуешь, не продашь».
Пословица.

«И мы насчетъ хищеніевъ черезъ урядника обнадежены, и хищеніевъ теперь у насъ нѣтъ, а кои мужички допрежъ сего воровали, тѣ и сейчасъ другъ у дружки взаимно поворовываютъ; только надо полагать, что сіе въ скорости прекратится, потому что въ настоящемъ случаѣ у насъ въ деревнѣ только подковы остались, а лошади всѣ до одной на уплату хищеніевъ пошли»,—такъ писалъ фантастическій староста въ «Пестрыхъ письмахъ» Щедрина. Подтверждалъ прекращеніе хищеній и отмѣтчикъ Подхалимовъ. Все это было въ сатирѣ, а на дѣлѣ хищенія продолжались и продолжаются, надѣляя судебную хронику банковскими процессами и дѣлами о злостномъ банкротствѣ.

Рядомъ съ этимъ, на промышленныхъ съѣздахъ, въ обществѣ и печати, слышатся жалобы на плохую торговлю, промышленный застой и отсутствіе кредита. Фабриканты и купцы то и дѣло заваливаютъ министерства разными ходатайствами и петиціями. Очевидно, что наша комерція переживаетъ плачевный періодъ. Какъ и почему это происходитъ: оттого ли, что «лошади всѣ до одной на уплату хищеніевъ пошли», или оттого, что насъ Лодзь подкузьмила—это могутъ разрѣшить лишь политико-экономы и финансисты. А мы посмотримъ, какою является эта страждущая комерція предъ лицомъ юстиціи, выслушаемъ господъ прокуроровъ и защитниковъ, и пробѣжимъ обвинительные акты, раскрывающіе тайны комерціи, кредита, «ломанія рубля на гривенники» и способовъ накопленія богатствъ, основанныхъ не столько на бережливости и солидной спекуляціи, сколько на старой пословицѣ: «не надуешь, не продашь».

---

[1] Статья эта доставлена намъ авторомъ, незадолго до печальной катастрофы, преждевременно пресѣкшей его молодую жизнь. Пользуемся случаемъ помянуть добрымъ словомъ честнаго и даровитаго публициста, еще не такъ давно защищавшаго съ умомъ и достоинствомъ судъ присяжныхъ отъ разныхъ недобросовѣстныхъ нападокъ. («Наблюд. 1888 г. № 4). *Ред.*

Не желая утомлять подробностями, остановимся главнымъ, образомъ на трехъ дѣлахъ: Саратовско-Симбирскаго банка, Андреевыхъ, и о гибели парохода «Августусъ» въ Амурскомъ лиманѣ. Три этихъ дѣла настолько характеристичны, настолько интересны и по главнымъ, и по второстепеннымъ обстоятельствамъ, что о каждомъ изъ нихъ можно написать цѣлую книгу. Въ нихъ раскрывается цѣлая картина, болѣе пикантная, нежели эпизоды изъ «Петербургскихъ трущобъ», потому что ея персонажами являются не мелкіе воришки и обитатели дома Вяземскаго, а тѣ самые комерсанты, которые такъ заботятся о преуспѣяніи родной промышленности и, которые своевременно, можетъ быть, подписывались не подъ однимъ «ходатайствомъ» о возвышеніи заграничныхъ тарифовъ.

I.

Чтобы установить правильную точку зрѣнія на банковскіе процессы и на вердикты по нимъ присяжныхъ засѣдателей, необходимо припомнить вкратцѣ исторію нашихъ частныхъ банковъ. Возникновеніе послѣднихъ совпадаетъ съ лучшимъ временемъ великихъ реформъ прошлаго царствованія, съ временемъ пробужденія русскаго общества отъ того сна, изъ котораго его не могли вывести ни мощная воля Петра, ни преобразовательная дѣятельность Екатерины II-ой. Хотя Петръ и завелъ комерцъ-коллегію, биржу и другія учрежденія по западно-европейскому образцу, наше купечество продолжало жить и вести свои торговые обороты по старинѣ. Достаточно вспомнить ту картину дореформенной купеческой жизни, которую рисуетъ въ своихъ комедіяхъ Островскій, чтобы понять, что русская торговля не имѣла ничего общаго съ западно-европейскою: въ ней всецѣло царилъ принципъ—«не надуешь, не продашь».

И вотъ, среди такихъ условій, вдругъ возникаютъ одинъ за другимъ частные банки разныхъ наименованій. Отвѣчали ли эти банки дѣйствительной потребности—объ этомъ никто даже и не думалъ. Да и можно ли было думать, когда никто не зналъ новыхъ потребностей Россіи, когда вся экономическая жизнь государства сразу круто измѣнилась? Какъ ни инертно и заскорузло было наше купеческое «темное царство», оно почувствовало струю свѣжаго воздуха, но на первыхъ порахъ не выдержало ея и заболѣло спекулятивной горячкой, заразившей и тѣхъ, которые до этого смотрѣли на комерцію съ презрѣніемъ. Подхалюзины и Большовы почуяли, что теперь можно сдѣлать выгодные обороты и не при одномъ только пресловутомъ «ломаніи рубля». Къ нимъ присоединились новые Разположенскіе, цивилизованые, знакомые не съ однимъ крючкотворствомъ, но и съ «основами» политической экономіи и науки финансовъ, знавшіе хорошо исторію Джона Ло, тюльпаноманіи и другихъ эпохъ, когда люди безъ гроша въ карманѣ, при помощи лишь ловкости и изворотли-

вости, наживали милліоны. У насъ сразу народилось цѣлое сословіе аферистовъ, которые и устремились къ учрежденію банковъ.

«Ближайшее знакомство съ дѣлами лопнувшихъ у насъ банковъ,—говоритъ г. Городыскій [1]),—указываетъ на то, что нѣкоторые изъ нихъ и возникли, и погибли именно въ рукахъ аферистовъ, и что моментъ возникновенія каждаго изъ такихъ банковъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и моментомъ, съ котораго начинались злоупотребленія, направленныя въ хищнической наживѣ на чужой счетъ».

Еще французы—учредители «Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ»—говорили: «les actionnaires sont des pigeons a plumer». Аферисты и Подхалюзины это отлично поняли. Не одна щедринская Арина Михайловна разсуждала, что «банкъ—все равно, что ломбардъ», что «банка не спричешь», что «ужь ежели тутъ невѣрно, стало быть, и вездѣ невѣрно». Такъ разсуждала вся русская публика, и самъ законодатель не въ состояніи былъ рѣшить, какая нормировка совершенно достаточна и какая нѣтъ. Но и не однѣ Арины Михайловны и «отцы-дьяконы» давали поддержку аферистамъ: помощь учредителямъ являлась и со стороны плутократіи—биржевыхъ тузовъ, понимавшихъ, что банки будутъ способствовать биржевой игрѣ. Банки, возникшіе ради цѣлей плутократіи и аферистовъ, получали и уставы, соотвѣтствовавшіе этимъ цѣлямъ, т. е. такіе, при которыхъ надъ банками въ сущности не было никакого контроля. Въ эпоху реформъ, когда вопросъ возникалъ за вопросомъ, проводить подъ шумокъ подобные уставы не представляло ничего труднаго, да и пора тогда была такая, что даже въ правительственныхъ сферахъ регламентація и мѣропріятія въ духѣ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій не пользовались особыми симпатіями. Это была великая эпоха, время перестройки давно не ремонтированнаго государственнаго зданія, а въ такое время легко возможны и ошибки. Но, само по себѣ, возникновеніе нѣсколькихъ дутыхъ банковыхъ предпріятій еще не представило бы почти никакой опасности: они бы лопнули, разоривъ небольшой кругъ лицъ—и только. Бѣда въ томъ, что они, какъ совершенно вѣрно говоритъ г. Городыскій, «сразу сдѣлались разсадниками продѣлокъ темнаго свойства». Порядки, установившіеся въ нихъ, послужили образцами и для солидныхъ банковъ, во главѣ которыхъ стояли честные люди. «Стоило только,—утверждаетъ все тотъ же г. Городыскій,—чтобы эти послѣдніе сошли со сцены и были замѣнены лицами, склонными къ аферамъ и не особенно устойчивыми въ нравственномъ отношеніи, и зародышъ зла, скрывавшійся до того подъ прикрытіемъ комбинацій, съ виду невиннаго свойства, допускавшихся только потому, что «такъ вездѣ дѣлается», того «требуетъ

---

[1]) «Банковыя хищенія». «Журн. Гр. и Уг. Права». 1887 г., № 7.

форма», или такъ «необходимо для баланса»,—быстро пускалъ корни, росъ и давалъ плоды, въ видѣ извѣстныхъ банковыхъ краховъ».

Далѣе мы увидимъ, что̀ такое нашъ комерческій міръ, и тогда поймемъ, что при указанныхъ условіяхъ совершенно логично должны были проистечь и тѣ колоссальныя банковскія хищенія, и тѣ крахи, которые многихъ, неспособныхъ вникать въ сущность дѣла, заставили трепетать за Россію и обвинять во всемъ новый общественный и государственный ея строй, созданный великими реформами шестидесятыхъ годовъ.

Среди не только такъ называемой «большой публики», но и среди весьма многихъ лицъ, выступающихъ въ качествѣ руководителей общественнаго мнѣнія, на банковое дѣло, на хищенія и крахи кредитныхъ учрежденій господствуютъ крайне смутныя воззрѣнія. Достаточно указать на фактъ привлеченія къ дѣлу кронштадтскаго банка князя Оболенскаго—фактъ, по поводу котораго возникла цѣлая путаница разногласія даже среди судебныхъ инстанцій и должностныхъ лицъ. У насъ врядъ ли многіе видятъ разницу между дѣломъ пресловутаго Юханцева, дѣломъ кронштадтскаго банка, хищеніями Рыкова и дѣломъ саратовско-симбирскаго банка. А между тѣмъ разница существуетъ громадная. Хищенія, подобныя растратѣ Юханцева, представляютъ собою явленія обыкновенной преступности, уничтожить которыя пока еще не найдено средства, какъ ни ломаютъ надъ этимъ головы юристы всевозможныхъ школъ, начиная съ послѣдователей устарѣлой теоріи устрашенія и кончая увлекающимися уголовными антропологами. Но есть такія формы хищенія, предотвратить которыя вполнѣ возможно путемъ измѣненія самыхъ уставовъ банка и введенія болѣе строгаго контроля. Длинный рядъ банковскихъ процессовъ указываетъ, что уставы нашихъ банковъ какъ бы разсчитаны на праведниковъ, но именно этихъ-то праведниковъ всего менѣе въ средѣ русскаго комерческаго міра, какъ мы это и постараемся доказать. Исторія саратовско-симбирскаго банка уже достаточно извѣстна, и мы будемъ выбирать изъ нея только тѣ факты, которые характеризуютъ нравственную сторону нашей комерціи, — пріемы, господствующіе въ ней, ея стремленія.

Какъ извѣстно, этотъ банкъ и по своимъ задачамъ, и по составу дѣятелей, строго говоря, не принадлежалъ къ міру комерческому въ тѣсномъ смыслѣ, но наша современная жизнь давно уже перемѣшала какъ сословные элементы, такъ и понятія и нравы, которые еще тридцать лѣтъ назадъ были строго различны въ средѣ купеческой и дворянской. Дѣлецъ изъ дворянъ мало чѣмъ, а часто и совершенно ничѣмъ не отличается отъ дѣльца изъ породы Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Въ этомъ отношеніи, саратовскій банкъ, не только какъ кредитное учрежденіе, можетъ служить характеристикой интересующаго насъ вопроса: въ его исто-

ріи, независимо отъ виновности или невиновности его дѣятелей, выясняется одна черта нашего комерческаго и финансоваго міра—семейственность, кумовство, которое какъ бы стало условіемъ sine qua non всей русской жизни. «Свои люди—сочтемся»—эта фраза, повидимому, раздавалась всего чаще въ правленіи банка, которое все было подобрано изъ лицъ, «находившихся въ тѣсныхъ отношеніяхъ между собою» [1]). Даже дѣловая переписка этихъ друзей и родственниковъ ведется такъ, какъ самая обыкновенная пріятельская частная корреспонденція. Членъ правленія Якунинъ пишетъ Борисову въ слѣдующемъ игривомъ тонѣ: «Я положительно не могу ни въ бухгалтеріи, ни въ облигаціонномъ отдѣленіи выяснить себѣ, сколько у тебя закладныхъ листовъ и какіе у тебя разсчеты съ банкомъ. Насъ заемщики ругаютъ на всѣ корки за медленность; оказывается, что намъ нечего имъ давать» [2]). Во всемъ судебномъ слѣдствіи только и фигурируютъ добрыя отношенія родныхъ, друзей и знакомыхъ. Въ Кано-Никольскомъ имѣніи Томасовъ поручаетъ завѣдываніе своему хорошему знакомому, лѣсничему Гельту. Во время торговъ на мельницу въ этомъ имѣніи, покупщики нѣсколько разъ просили пріостановить торги и совѣщались между собою, а нѣкоторые выходили изъ правленія и заходили къ Борисову, который жилъ въ томъ же домѣ.

Возмущаться этимъ нѣсколько трудно: гг. Борисовы, Алфимовы, Якунины, Томасовы и пр. ничуть не хуже и не лучше большинства русскихъ дѣятелей, которые изстари повторяютъ фразу Фамусова: «ну, какъ не порадѣть родному человѣчку». Это «радѣніе», это превращеніе всякаго общественнаго дѣла въ домашнее проходитъ красною чертою черезъ всю нашу русскую жизнь, благодаря мало развитому соціальному чувству и преобладанію патріархальности. Мы смѣемся надъ совѣщаніемъ уѣздныхъ чиновниковъ, обсуждающихъ извѣстіе о грозящей ревизіи, въ домѣ Сквозника-Дмухановскаго, но та же патріархальность господствуетъ и до сихъ поръ во всѣхъ сферахъ. Рядомъ съ этою патріархальностью и кумовствомъ, стоитъ наклонность къ фиктивнымъ операціямъ — черта, тоже присущая всему русскому обществу, допускаемая въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и законодательствомъ. Можно сказать съ увѣренностью, что Борисовъ никогда бы не подписалъ подложнаго векселя, не выступилъ бы лжесвидѣтелемъ, но совершить фиктивную покупку на имя Зиберта онъ считаетъ вполнѣ возможнымъ: фиктивныя сдѣлки купли-продажи, заклада, аренды, выдача бронзовыхъ векселей,—вѣдь все это совершается ежедневно самыми порядочными людьми то для спасенія имущества отъ кредиторовъ, то для полученія голоса въ собраніи акціонеровъ, то для

[1]) „Новое Время“, 1887 г., № 4018.
[2]) Ib.

права быть мировымъ судьею, то для открытія нотаріальной конторы. И кто въ этомъ отношеніи «Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ!»

Алфимовъ переводитъ свое механическое заведеніе на имя жены—пріемъ тоже не новый: въ годы взяточничества, у насъ всѣ дома покупались чиновниками на имена женъ; ни одно банкротство прежде не обходилось безъ такого же перевода недвижимыхъ имѣній. Да и теперь такія операціи въ ходу у людей, которыхъ никто на скамью подсудимыхъ не привлекаетъ и которые совершаютъ спокойно свое восхожденіе по «ступенямъ извѣстнымъ». Фиктивныя сдѣлки такъ въѣлись въ плоть и кровь нашего финансоваго, торговаго и промышленнаго міра, что еслибы былъ изданъ законъ, подводящій ихъ подъ мошенничество, каковымъ, съ нравственной стороны, девять десятыхъ изъ нихъ и является,—то, пожалуй, бо́льшая половина не только купцовъ, но и всего городскаго населенія очутилась бы на скамьѣ подсудимыхъ. Но, къ счастію или несчастію, даже самые суровые представители прокуратуры считаютъ большинство такихъ операцій невиннѣйшимъ уголовно-безразличнымъ обманомъ. Не мудрено, что на разбираемомъ процессѣ многимъ комерсантамъ приходило въ голову: «да за что́ же судятъ эти фиктивныя сдѣлки? кто же изъ насъ не выдавалъ бронзовыхъ векселей? вѣдь «не надуешь—не продашь».

Процессъ саратовско-симбирскаго банка есть не болѣе, какъ иллюстрація къ русской финансово-торговой жизни. Еслибы самъ Ламброзо явился въ залу суда и измѣрилъ черепа благообразнаго старичка Алфимова и изящнаго джентльмена Якунина, то онъ не нашелъ бы въ нихъ анатомическихъ признаковъ «преступнаго человѣка», а еслибы знаменитому итальянскому психіатру и антропологу прочли отчеты о процессахъ изъ банковаго и торгово-промышленнаго міра, комедіи Островскаго и разныя петиціи нашего купечества, то онъ бы сказалъ навѣрное: «вы, господа, еще не вырождаетесь, а находитесь на той ступени общественнаго развитія, которую остальные народы давно уже оставили позади себя, и надо удивляться, что вы такъ неумѣренно хлопочете о протекціонизмѣ».

Подхалюзины, Большовы, Титы Титычи, Кречинскіе, Ризположенскіе—вотъ составъ нашего финансоваго и торговаго міра, хотя умывшагося и нарядившагося въ европейскій костюмъ, но не нашедшаго въ окружающихъ условіяхъ почвы для выработки въ себѣ настоящихъ нравственныхъ началъ. Въ процессѣ саратовско-симбирскаго банка, на скамьѣ подсудимыхъ сидѣла вся наша кредитно-торговая система, вся наша комерція, и не мудрено, что она была оправдана; тутъ и судъ присяжныхъ не причемъ: результатъ получился бы тотъ же и въ судѣ коронномъ.

Но, спрашивается, возможно ли финансовое и торгово-промышленное

процвѣтаніе при такихъ условіяхъ, когда кредитъ предоставляется не тѣмъ, кому онъ нуженъ на дѣло, а тѣмъ, кто заручился связями, кому удалось покумиться съ господами Борисовыми и Якуниными (беремъ ихъ имена наугадъ)? Алфимовъ, Борисовъ и другіе,—разорили ли они акціонеровъ умышленно, или по неопытности,—ушли изъ суда бѣдняками и врядъ ли обогатили кого нибудь. Мы много видѣли разрушеній русскихъ богатствъ, но что-то мало изъ ихъ руинъ возникло новыхъ. Князь Оболенскій опустошилъ кассу кронштадтскаго банка, но и самъ разорился, какъ человѣкъ не комерческій, не постигшій тайнъ русской промышленности и торговли. Односторонне поняли ихъ, повидимому, и дѣятели саратовско-симбирскаго банка.

«Послѣ насъ хоть потопъ»—вотъ принципъ современныхъ нашихъ дѣльцовъ. Дерунов скупаетъ лѣсъ на срубъ, не думая о томъ, что онъ обезлѣситъ мѣстность; углепромышленникъ хлопочетъ о новомъ тарифѣ, не заботясь о чугуннозаводчикѣ; купецъ сбываетъ гнилье, не думая о томъ, что онъ подрываетъ довѣріе къ себѣ и другимъ. Этотъ принципъ, по даннымъ процесса, усвоенъ и банковскими дѣльцами. Трухачевъ сперва бьетъ тревогу, но стоило купить у него домъ, и всѣ угрозы скандаломъ прекращаются. Все это очень милые, добрые люди (такимъ именно свидѣтель г. Немировскій нарисовалъ подсудимаго Коваленкова), они готовы отдать первому встрѣчному свои послѣднія деньги, но въ этой-то добротѣ и проявляется безшабашный принципъ — жить лишь текущимъ днемъ. Почти всѣ подсудимые жили не по средствамъ. Алфимовъ жилъ такъ широко, что свидѣтель г. Васильевъ, проживавшій до восьми тысячъ въ годъ, стѣснялся бывать у него. Трухачевъ держалъ по нѣскольку лошадей.

Не менѣе рѣзко проявилось на судѣ и невѣжество финансистовъ и комерсантовъ. Про Трухачева говорили, что онъ ровно ничего не понималъ въ булгалтеріи. Свидѣтель г. Китаевъ, купецъ 1-й гильдіи, нѣкогда богатый землевладѣлецъ, самъ говоритъ про себя, что онъ «человѣкъ темный». И такой-то финансистъ, считающій на счетахъ, состоялъ членомъ ревизіонной комисіи въ кредитномъ учрежденіи, устроенномъ на европейскихъ началахъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, итальянская бухгалтерія, учетныя операціи, выдача бланковыхъ кредитовъ, европейскія формы обращенія богатствъ, а съ другой—пріемы допетровскихъ суконныхъ и черныхъ сотенъ, пріемы, сохранившіеся чуть ли не со временъ Гостомысла, когда «аще убо словени погани суще»,— выдача и полученіе сотенъ тысячъ чуть не на слово. Ну, какъ тутъ не быть крахамъ и банкротствамъ, какъ не разрываться старымъ мѣхамъ подъ напоромъ новаго вина?!

Нѣкоторые могутъ найти слишкомъ широкимъ обобщеніемъ наши выводы изъ дѣла саратовско-симбирскаго банка, основанные на дѣятель-

ности подсудимыхъ. Но дѣло въ томъ, что процессъ доказалъ, что тѣ черты финансоваго и комерческаго міра, которыя мы отмѣтили, существовали и до вступленія въ банкъ подсудимыхъ. Свидѣтель, купецъ Очинъ, показывалъ, что до вступленія г. Якунина онъ пользовался такими, напримѣръ, льготами: вносилъ только половину слѣдуемыхъ съ него денегъ и, тѣмъ не менѣе, его имя вычеркивалось изъ печатающагося въ газетахъ списка неисправныхъ плательщиковъ. Нѣкоторые изъ подсудимыхъ были дѣятелями не одного только саратовско-симбирскаго банка, но и другихъ. Трудно предположить, чтобы они не проявляли вездѣ однихъ и тѣхъ же пріемовъ. Наконецъ, припоминая старые банковскіе процессы, мы вездѣ наталкиваемся на тѣхъ же прожигателей жизни, тѣхъ же «темныхъ людей», которыхъ дѣльцы водятъ за носъ, на то же кумовство и ту же халатность. Вотъ почему послѣдніе банковскіе процессы и проходятъ сравнительно безъ шуму, никого не волнуя: слишкомъ шаблонны они стали, слишкомъ фотографично въ нихъ повторяются одни и тѣ же грѣхи, которые какъ бы неразрывны стали съ русскимъ кредитнымъ дѣломъ и банковыми операціями. Сбылось пророчество Струсберга: «дайте мнѣ на короткій срокъ власть прокурора, и заправители всѣхъ банковъ будутъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ».

Мы не будемъ вдаваться въ критику приговора присяжныхъ засѣдателей, но несомнѣнно, что какому бы суду ни подлежало дѣло саратовско-симбирскаго банка, этотъ судъ не могъ бы не принять во вниманіе тѣхъ неизмѣнныхъ сторонъ русской комерціи, которыя обнаружились въ этомъ дѣлѣ.

II.

Рядомъ съ банковыми неурядицами, стоятъ такъ называемыя злостныя банкротства. Операціи эти отнюдь не являются продуктомъ новаго времени, а изстари практиковались въ комерческомъ мірѣ. Островскій изобразилъ ихъ еще въ первыхъ своихъ комедіяхъ, и для нихъ существуетъ особая терминологія, — «ломать рубль», «вывернуть шубу»,— такъ и напоминающая «доброе старое время», когда не было ни банковъ, ни широкаго развитія вексельныхъ операцій и дѣло велось по простотѣ. Для насъ онѣ интересны именно какъ остатки старины, доказывающіе, что нынѣшній торговый русскій людъ, хотя и понялъ сладость субсидій и покровительственной системы, хотя постигъ тайны кредита, въ европейскомъ смыслѣ, и биржевыхъ операцій, но твердо сохранилъ и вѣру въ старинную пословицу:—«не надуешь, не продашь».

Въ ряду цѣлаго ряда процессовъ о злостныхъ банкротствахъ стоятъ процессы Тулякова и Фуковой (или Андреева и Таушъ). Остановимся главнымъ образомъ на послѣднемъ. Въ ноябрѣ 1884 года, богатая вдова—купчиха Фукова (нынѣ умершая) была объявлена злостною несо-

стоятельною должницею. Имѣя свыше трехсотъ тысячъ рублей долгу, Фукова, въ концѣ 1882 года, вдругъ прекратила платежи по своимъ обязательствамъ. Встревоженные кредиторы вскорѣ убѣдились въ томъ, что она не только задумала объявить себя несостоятельной должницею, но успѣла продать всю свою недвижимость, а движимость скрыть. При дальнѣйшемъ ходѣ дѣла выяснилось, что въ этой исторіи, напоминающей комедію «Свои люди—сочтемся», были и свои Подхалюзины, и свои Ризположенскіе. Роль Подхалюзина игралъ нѣкій купецъ Василій Андреевичъ Андреевъ, купившій домъ Фуковой, лавки и бо́льшую часть имѣній, и представившій, сверхъ того, въ конкурсъ на нѣсколько сотъ тысячъ бронзовыхъ векселей. Роль Ризположенскаго исполнялъ коллежскій ассесоръ Аркадій Ивановичъ Таушъ, одинъ изъ тѣхъ нелегальныхъ адвокатовъ, которые, не смотря на законъ о частныхъ повѣренныхъ, продолжаютъ ходатайствовать и устраивать темныя дѣлишки. Всѣ договоры и купчія были совершены за нѣсколько дней до прекращенія Фуковою платежей и признаны комерческимъ и окружнымъ судами недѣйствительными. На судѣ, Андреевъ повторилъ чисто подхалюзинскую сцену, съ тѣмъ только различіемъ, что увѣрялъ судей, что онъ не виноватъ нисколько въ несостоятельности Фуковой, что, владѣя магазиномъ мануфактурныхъ товаровъ въ гостинномъ дворѣ, онъ никогда не собирался торговать дровами. Онъ, какъ агнецъ невинный, былъ-де втянутъ въ дѣло, благодаря довѣрію къ Фуковой, которая заняла у него до 30,000 рублей. Узнавъ, что ея дѣла пошатнулись, онъ волей-неволей поспѣшилъ къ ней на помощь и купилъ бо́льшую часть ея движимаго и недвижимаго имущества. Не правда ли, какъ просто, мило и невинно такое объясненіе? Ну, ужь гдѣ такому комерсанту конкурировать съ нѣмцами, для которыхъ особые законы понадобились!

Но, конечно, ни одному нѣмцу не придетъ въ голову и такое примитивное средство зашибить копѣйку. Нѣмецъ предприметъ цѣлую торговую компанію, выкажетъ спекулятивный умъ; ему покровительственныя пошлины и всякіе тарифы въ прокъ идутъ; а для господъ Андреевыхъ чьи теоріи ни осуществляй: Адама ли Смитта и Бастіа, или Бисмарка и Кольбера, все одно выйдетъ, и они въ концѣ концовъ съумѣютъ лишь «вывернуть шубу», и то самымъ грубымъ способомъ. Намъ интересна, въ данномъ случаѣ, не нравственная сторона дѣла, а именно примитивность пріемовъ Фуковыхъ и Андреевыхъ. Публицисты, экономисты и разныя частныя и правительственныя комисіи, ученыя и псевдо-ученыя общества трактуютъ и спорятъ о средствахъ поднятія фабричной промышленности, о значеніи баланса между ввозомъ и вывозомъ, объ открытіи разныхъ рынковъ; а призовутъ нашу комерцію въ храмъ Ѳемиды,—и она можетъ выставить лишь Туляковыхъ, Фу-

вовыхъ да Андреевыхъ. Если къ послѣднимъ прибавить Очкиныхъ и другихъ, то и окажется, что никакой еще серьезной комерціи у насъ нѣтъ.

Весьма наивной выставлялъ на судѣ покойную Фукову свидѣтель г. Шевалье-де-ла-Серъ. Приходитъ онъ къ ней, прослышавъ, что дѣла ея пошатнулись. Но она утверждаетъ, что все у нея обстоитъ благополучно, а между тѣмъ у милліонерши, у которой «все обстоитъ благополучно», изъ квартиры исчезли и шкапы съ серебромъ, и даже рояль. Тутъ уже, очевидно, и хитросплетеній никакихъ нѣтъ, а всѣ пріемы сохранены во всей неприкосновенности дореформенныхъ временъ, и отъ нихъ вѣетъ чѣмъ-то архаическимъ.

Нѣсколько болѣе искусною является несостоятельность Тулякова, при помощи зятя и падчерицы. Тутъ уже есть и пониманіе кредитныхъ банковыхъ дѣлъ, и залоговыя операціи въ «обществѣ взаимнаго кредита»; но сущность дѣла, конечно, все та же—«выворачиваніе шубы» и «ломаніе» рубля. И Туляковъ съ своими сообщниками, и Андреевъ съ Таушомъ осуждены вердиктами присяжныхъ засѣдателей. Такіе приговоры доказываютъ, что хотя въ составъ каждаго присутствія присяжныхъ засѣдателей и входятъ купцы, но и ихъ судъ не всегда чувствуетъ склонность къ покровительству злостнымъ банкротамъ, которые въ послѣднее время какъ-то особенно расплодились.

На такомъ явленіи нельзя не остановиться и не поставить его въ связь съ упадкомъ нашей торговой промышленности, который трудно отрицать. Казалось бы, разумѣется, что упадокъ этотъ долженъ увеличить число банкротствъ обыкновенныхъ, такъ какъ злостныя банкротства вызываются отнюдь не дѣйствительнымъ упадкомъ дѣлъ купца. Но нѣтъ сомнѣнія, однако, что умноженіе злостныхъ банкротствъ вызвано именно этимъ упадкомъ. Быстрая нажива сдѣлалась уже давно невозможною; на нашихъ глазахъ уже не совершается превращеній разнощиковъ яблокъ въ капиталистовъ и домовладѣльцевъ; но вкусы и нравы русскаго купечества измѣнились очень мало. Нашъ комерсантъ до сихъ поръ не привыкъ довольствоваться тѣмъ «ничтожнымъ» процентомъ, которымъ удовлетворяются западно-европейскіе капиталисты. При общемъ промышленномъ упадкѣ, при хроническомъ паденіи курса и при избыткѣ товаровъ, создаваемомъ покровительственными тарифами и непривычкой къ правильной спекуляціи, нечего и думать о большихъ процентахъ. Вотъ почему тѣ, въ комъ бурлитъ жажда наживы, и обращаются къ старому пріему своихъ отцовъ при помощи искусственныхъ банкротствъ. Все это, конечно, показываетъ, какъ далека наша комерція отъ правильной постановки дѣла, какъ мало развито въ комерческомъ мірѣ чувство солидарности. Нѣмцы этими обстоятельствами отлично пользуются, и на послѣдней нижегородской ярмаркѣ имъ едва, напримѣръ, не удалось нанести весьма серьезнаго удара торговлѣ средне-азіатскимъ хлопкомъ.

Много способствуютъ злостнымъ банкротствамъ и недостатки нашего законодательства. Если въ банковыхъ операціяхъ развиты сильно дисконтъ безденежныхъ векселей и наполненіе портфелей ничего не стоющими бумажонками, которое загубило кронштадтскій банкъ, то бронзовые векселя въ обыкновенномъ обиходѣ — такое частое явленіе, безъ котораго не обходится ни одна несостоятельность. Со стороны уголовнаго закона, нѣтъ рѣшительно никакихъ преградъ выдачи бронзовыхъ векселей и взысканіямъ по фиктивнымъ претензіямъ, основаннымъ на такихъ векселяхъ. Хотя въ торговомъ уставѣ и предусмотрѣна выдача векселей заднимъ числомъ, которая приравнивается къ подлогу, но на дѣлѣ намъ неизвѣстно случая преслѣдованія за такіе векселя. Взысканія даже по протестованнымъ векселямъ сопряжены съ такими излишними проволочками, въ теченіе которыхъ можно подавить всякаго кредитора выдачею бронзовыхъ векселей, которые, при учрежденіи конкурса, нерѣдко лишаютъ кредитора возможности получить даже гривенникъ за рубль. Вообще нашъ конкурсный процессъ на практикѣ, въ большинствѣ случаевъ, является положительнымъ грабежемъ дѣйствительныхъ кредиторовъ. Вотъ почему понятно, что г. Шевалье-де-ла-Серъ предлагалъ Фуковой уплатить ему по полтинѣ за рубль, когда еще не было и рѣчи о ея несостоятельности.

Обращаясь къ строгости суда присяжныхъ по отношенію къ злостнымъ банкротствамъ, мы не можемъ видѣть въ ней средства для борьбы съ этимъ зломъ. Банковые крахи и злостныя банкротства—это явленія все одного порядка: не ссылки и тюремныя заключенія могутъ излѣчить зло, которое коренится въ общемъ характерѣ нашей комерціи.

III.

Весьма яркой картиной нравственнаго уровня нашего купечества является, напримѣръ, дѣло торговаго крестьянина Миронова, слушавшееся въ октябрѣ въ с-петербургскомъ окружномъ судѣ и извѣстное болѣе подъ названіемъ «поджога съ одиннадцатью человѣческими жертвами». Мы не дѣлаемъ различія между купцами и торговыми крестьянами, потому что наше именитое купечество весьма малочисленно, и между торгующими крестьянами и мелкимъ купечествомъ нельзя поставить рѣзкой грани.

Въ ночь на 14-е марта 1887 года, въ деревянномъ флигелѣ дома № 45, по 5-й улицѣ Песковъ, произошелъ пожаръ, при которомъ сгорѣло одиннадцать человѣкъ. При полицейскомъ дознаніи было обнаружено, что пожаръ этотъ начался въ нижнемъ этажѣ дома, въ мелочной лавкѣ крестьянина Миронова, успѣвшаго выйти изъ своей квартиры совершенно невредимымъ и спасти часть своего имущества. Помощникъ при-

става Мальцевъ, производившій дознаніе, нашелъ Миронова во дворѣ сосѣдняго дома, одѣтымъ въ обыкновенный свой костюмъ, — въ пальто, шарфѣ и шапкѣ,—и держащимъ на рукахъ свою малолѣтнюю дочку, которая была не только одѣта въ верхнее платье, но обута въ чулочки и башмачки, и завернута въ одѣяло. Въ томъ же домѣ, въ квартирѣ колбасника Куркова, Мальцевъ нашелъ мѣшокъ съ вещами Миронова, въ которомъ находились полисъ на застрахованное имущество, свидѣтельство на мелочной торгъ и шкатулка съ золотыми вещами; все находившееся въ мѣшкѣ было акуратно сложено.

Далѣе, путемъ осмотра и допроса свидѣтелей, выяснилось, что вещи Миронова были застрахованы выше дѣйствительной стоимости, что въ его лавкѣ были поддѣльные товары, и что нѣкоторыя вещи были очевидно пропитаны керосиномъ. На основаніи этихъ данныхъ, Мироновъ былъ привлеченъ къ слѣдствію и суду, признанъ виновнымъ въ поджогѣ и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на двѣнадцать лѣтъ.

Все время, на судѣ, Мироновъ отрицалъ свою виновность и держалъ себя съ тѣмъ же хладнокровіемъ, съ какимъ очевидно готовился къ катастрофѣ четырнадцатаго марта. По своей внѣшности, онъ не представлялъ ничего злодѣйскаго, а являлся довольно типичнымъ мелкимъ торговцемъ. Онъ, конечно, никого сжигать и не собирался, а хотѣлъ просто, какъ и Фукова, совершить комерческій оборотъ. Врядъ ли онъ даже и теперь, послѣ вердикта присяжныхъ засѣдателей, считаетъ себя «душегубцемъ»: жертвамъ, значитъ, на роду было написано сгорѣть; онъ ихъ смерти не желалъ, а хотѣлъ лишь поправить свои дѣла страховою преміей. А полученіе страховой преміи есть такой же оборотъ, какъ и «выворачиваніе шубы». Въ «темномъ царствѣ», нравственность и религіозность далѣе формальности и до сихъ поръ не идутъ, хотя уже завелись «спинжаки», турнюры и модныя брюки «наваринскаго дыма съ пламенемъ». Какъ мясникъ полагаетъ, что «тухлость не отъ насъ, а отъ Бога», такъ и Мироновъ полагалъ, что отъ него былъ лишь пожаръ, а люди сгорѣли по волѣ божіей.

Стóитъ припомнить многочисленныя дѣла о фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ и объясненія по нимъ обвиняемыхъ, чтобы понять вполнѣ личность Миронова. Нравственное и умственное невѣжество—вотъ корень всѣхъ этихъ проступковъ и преступленій. Отсутствіе истинныхъ религіозныхъ понятій, отсутствіе чувства общественной солидарности, которымъ отличается громадное большинство комерческаго міра—вотъ гдѣ главная причина преступленія Миронова. Мироновъ—это то, чтó нынѣ называется «спинжакъ», а по старинному «чуйка», т. е. мужикъ, схватившій верхушки цивилизаціи. Онъ утратилъ въ себѣ всѣ хорошія качества настоящаго крестьянина и не усвоилъ ни одного достоинства, присущаго цивилизованному человѣку; напротивъ, все, чтó есть въ город-

ской жизни и въ современной культурѣ дурнаго, къ нему привилось въ сугубой степени. Мироновы не разъ выводились въ нашей литературѣ: это—тѣ Колупаевы и Разуваевы, которые опутали своею паутиною и мужика, и помѣщика, и земство, и городское самоуправленіе, которые плодятся, благодаря разнымъ условіямъ русской жизни, какъ грибы послѣ теплаго лѣтняго дождя.

Колупаевы и Мороновы не только не злодѣи, какъ было сказано выше, но даже и не злые люди; это и не люди, называемые современной психіатріей «нравственно помѣшанными». Мироновъ—прекрасный отецъ; поджигая свою лавку, онъ въ то же время не упустилъ въ туалетѣ своего ребенка ни одной мелочи, которая могла бы предохранить отъ простуды. Можно навѣрное сказать, что онъ не отказывалъ нищему въ копѣечной милостынѣ, ставилъ свѣчи. Это не тотъ западный преступникъ, для котораго нѣтъ ни Бога, ни церкви, ни семьи. Нѣтъ, Мироновъ—настоящій, самый похвальный членъ общества... похвальный, пока не всплыветъ что либо изъ его темныхъ дѣлъ. Это какой-то наивный преступникъ, но преступникъ, какимъ можетъ ежеминутно сдѣлаться всякій изъ того класса общества, къ которому Мироновъ принадлежитъ.

Случай натолкнулъ его на поджогъ, но только потому, что ему не подвернулась другая афера, въ родѣ той, которую совершилъ нѣкій выборгскій купеческій сынъ Богдановъ, тоже, по всей вѣроятности, не видѣвшій въ своихъ поступкахъ ничего дурнаго, а лишь разсуждавшій, что «на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ».

Богдановъ—не комерсантъ въ строгомъ смыслѣ слова, а аферистъ, которыми кишмя кишитъ Петербургъ. Его можно назвать городскимъ кулакомъ. Начиная съ мелкаго ростовщичества, онъ можетъ сдѣлаться и банкиромъ, и домовладѣльцемъ, и комерсантомъ въ строгомъ смыслѣ. Среди петербургскихъ домовладѣльцевъ, вамъ укажутъ не одного такого Богданова, которые теперь ѣздятъ на резиновыхъ шинахъ, отдаютъ сыновей въ университетъ, а дочекъ въ лучшіе пансіоны, которые теперь выносятъ обвинительные вердикты, а своевременно сами совершали то же, что́ и подсудимые.

Въ 1881 году Богдановъ далъ крестьянамъ, супругамъ Носовымъ, подъ векселя 750 руб., съ платою по 10% въ мѣсяцъ. Черезъ четыре мѣсяца, онъ предложилъ своимъ должникамъ купить у него лошадь и пролетку, но тѣ отказались; тогда Богдановъ разсердился и предъявилъ вексель въ комерческій судъ, откуда и получилъ исполнительный листъ на обезпеченіе иска. Узнавъ объ этомъ, Носова заняла у своей матери 300 рублей подъ заемное письмо и просила Богданова отсрочить взысканіе, причемъ внесла 250 руб. по векселю и 50 руб. процентовъ на остальную сумму долга и расписалась на исполнительномъ листѣ; потомъ, черезъ нѣсколько времени, уплатила еще 100 рублей, расписавшись на томъ же

исполнительномъ листѣ. Богдановъ, не смотря на это, 20 октября получилъ исполнительный листъ на взысканіе всей суммы, 750 руб. съ процентами. Носовы ничего объ этомъ не знали до января 1886 года, когда къ нимъ явился судебный приставъ Гаммъ и вручилъ повѣстку на взысканіе 750 рублей въ пользу Богданова. Дѣлать было нечего и пришлось платять. Но однако Носовы догадались и въ тотъ же день подали жалобу прокурору. Въ результатѣ, Богдановъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ и былъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію.

Богдановъ, конечно, не первый и не послѣдній, и его проступокъ, разумѣется, представлялся ему столь же мало предосудительнымъ, какъ и взятіе двойного векселя, выдача бронзовыхъ векселей и другіе обороты, которые не наказуются по закону, но граничатъ съ мошенничествомъ.

И Богдановъ, и Мироновъ—люди одной категоріи, люди, не усвоившіе себѣ никакихъ нравственныхъ началъ и признающіе, по традиціи отцовъ, старый экономическій принципъ русской комерціи—«не надуешь—не продашь». Никакой другой злой воли у нихъ нѣтъ. Они просто думаютъ, что такъ поступилъ бы всякій на ихъ мѣстѣ; знаютъ хорошо, что такими же оборотами нажились многіе ловкіе люди, пользующіеся почетомъ,—и идутъ безтрепетно по стопамъ этихъ многихъ. Если согласно съ торговой моралью—платить гривенникъ за рубль, то отчего же нельзя взыскивать вмѣсто рубля—два? Поговорите съ такимъ Богдановымъ по душѣ, выясните ему истинный характеръ его дѣянія, и онъ вамъ скажетъ: «дѣйствительно, Носовы бѣдные поплатились, а сколько разъ другіе-то меня надували». И, въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ оборотахъ существуетъ круговая порука взаимнаго обиранія.

Но при такихъ условіяхъ, когда отъ верху и до низу въ комерціи господствуетъ по прежнему принципъ «не надуешь—не продашь», какъ же вѣрить разнымъ ходатайствамъ и петиціямъ? Можетъ ли помочь покровительственная система, даже съ точки зрѣнія самихъ протекціонистовъ, когда одновременно нижегородское биржевое купечество проситъ защитить его отъ Лодзи, а московскіе комерсанты участвуютъ, вмѣстѣ съ нѣмцами, въ стачкѣ противъ средне-азіатскаго хлопка? Во всемъ этомъ дѣйствуетъ не стремленіе поднять экономическое положеніе Россіи, а тотъ же принципъ, которымъ руководствуются всякіе Авиловы, Туляковы, Мироновы и Богдановы?

IV.

Для пополненія картины, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о процессахъ по поводу искусственныхъ аварій. Изъ нихъ первое мѣсто, по своей извѣстности, занимаетъ дѣло объ аваріяхъ въ Керченскомъ проливѣ. Это дѣло, какъ и всѣ вообще дѣла объ аваріяхъ, показываетъ,

что на почвѣ русской комерціи даже иностранцы смѣло прибѣгаютъ къ пріемамъ, на которые они, вѣроятно, не рѣшились бы у себя дома. Въ числѣ соучастниковъ, въ керченскомъ дѣлѣ былъ вице-консулъ Великобританіи, мистеръ Колледжъ, а душею всего, предсѣдателемъ общества кораблекрушеній—нѣкто Франческо, превратившійся въ короткій періодъ изъ пароходнаго поваренка въ почтеннаго комерсанта, знакомствомъ съ которымъ не брезгали керченскія власти. Подобныя метаморфозы, конечно, возможны только при неправильно поставленной торговлѣ. Мы живемъ не во времена тюльпаноманіи, Джона Ло или французской революціи, когда обогащали случай и необычайность событій. На Западѣ, если и являются Бонту, то вмѣсто дворцовъ они попадаютъ въ тюрьмы. У насъ же можно насчитать сотни милліонеровъ, которые чуть не вчера ничего не имѣли. Какъ ни могущественна сила ума въ спекуляціяхъ, но не ей одной обязаны своими богатствами Франчески, Мари Вальяно и Овсянниковы. Франческо организовалъ правильное товарищество для посадки на мель спеціально англійскихъ комерческихъ судовъ. Никто въ этомъ предпріятіи, повидимому, ничего дурнаго не видалъ, такъ какъ къ дѣлу было привлечено до 30-ти обывателей и должностныхъ лицъ, между которыми были: помощникъ капитана надъ керченскимъ портомъ Михайлопуло и начальникъ еникальскаго лоцманскаго цеха, капитанъ 2-го ранга Прасоловъ. Что касается до «пушку», то у многихъ оказался онъ на рыльцѣ. Компанія дѣйствовала много лѣтъ вполнѣ успѣшно, пока наконецъ ея своеобразнымъ комерческимъ оборотамъ не положила конецъ безжалостная прокуратора. Франческо оказался на скамьѣ подсудимыхъ, а мистеръ Колледжъ предпочелъ бѣжать въ Англію и тамъ уже приняться за легальную комерцію.

Къ сожалѣнію, слѣдствіе было произведено черезчуръ по домашнему, а на скамьѣ подсудимыхъ очутились далеко не всѣ участники преступленія, такъ какъ многіе были признаны лишь «неусмотрѣвшими», хотя неусмотрѣніе и составляетъ особый видъ преступленія. Въ виду такой неполноты, присяжные оправдали всѣхъ подсудимыхъ.

Но, да не радуются враги суда присяжныхъ, ибо столь же мягко къ аваріямъ относятся и коронные, и притомъ дореформенные суды, какъ это показываетъ дѣло нѣкоего Небеля, практиковавшаго въ Амурскомъ лиманѣ. Обладая по дѣлу г. Небеля богатымъ матеріаломъ, характеризующимъ аваріи вообще, мы остановимся на немъ болѣе подробно. Аваріи въ Амурскомъ лиманѣ издавна не составляли чего либо выдающагося, такъ какъ до послѣдняго времени лоція лимана и прилегающихъ водъ была болѣе, нежели въ жалкомъ положеніи. Сѣсть на мель или получить пробоину было столь же обыкновенно, какъ въ зимнее время провалиться въ трещину между Ораніенбаумомъ и Кронштад-

томъ. Это, такъ сказать, условія мѣста и времени той трагикомедіи, которая насъ занимаетъ.

Довольно давно въ Николаевскѣ проживалъ нѣкто г. Небель, комерсантъ, пользовавшійся не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ Франческо. Небель, между прочимъ, былъ агентомъ разныхъ страховыхъ обществъ и въ то же время представителемъ торговаго дома Дикманъ и К°. Въ 1882 году, въ Одессѣ, по порученію Дикмана былъ зафрахтованъ въ Николаевскѣ пароходъ «Августусъ» на имя Небеля. Когда пароходъ пришелъ въ Де-Кастри, то обнаружилось, что на амурскомъ барѣ только 13 футовъ, тогда какъ пароходъ сидѣлъ на 15 футахъ. Шкиперъ Глевеке просилъ Небеля выслать на баръ баржи, но тотъ объ этомъ и не подумалъ. Лоцманъ совѣтовалъ Глевеке дождаться прилива, но тотъ рѣшилъ идти немедленно. Баръ проходили такимъ образомъ, что пароходъ все время касался килемъ песочнаго грунта, но ни сотрясеній, ни ударовъ слышно не было, а судно лишь «шебарчило» по дну. Только тогда, когда пароходъ вышелъ на свободную воду, въ трюмѣ оказалась течь. Хотя вода въ трюмѣ не превышала $17^1/_2$ дюймовъ, Небель, грузопринимателъ и агентъ страховыхъ обществъ, по приходѣ парохода въ Николаевскъ, потребовалъ, чтобы Глевеке выбросилъ пароходъ на мель, что̀ на другой день утромъ и было исполнено. Встревоженные грузополучатели приняли мѣры къ скорѣйшей разгрузкѣ парохода, но Небель всячески сталъ этому препятствовать, требуя записи марокъ и пріостанавливая выгрузку на ночь подъ предлогомъ, что помощники капитана устали.

Въ результатѣ всѣхъ затрудненій, которыя причиняли Небель и шкиперъ Глевеке, получилось то, что добрая половина товаровъ оказалась подмоченною. Для г. Небеля, какъ представителя фирмы Дикмана, это было, конечно, очень пріятно и выгодно, такъ какъ устраняло конкуренцію. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкій комерсантъ, усвоившій пріемы русской торговли, глядя на выкинутый на банку «Августусъ», строилъ планъ за планомъ относительно разныхъ выгодъ, которыя онъ могъ извлечь изъ происшедшей аваріи. Каждый часъ приносилъ ему барышъ, и онъ до того увлекся, что совершенно забылъ, что онъ—представитель страховыхъ обществъ, интересы которыхъ страдаютъ. Ему, повидимому, рисовалось одно: какъ бы повыше поднять цѣны на товары, вслѣдствіе порчи транспорта,—пріемъ самый излюбленный на Амурѣ. Цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что, не взирая на полную возможность, во время стоянія парохода «Августусъ» на рейдѣ, испробовать всевозможныя средства для уменьшенія течи въ пробоину, Небель и Глевеке выбросили пароходъ на банку безъ малѣйшихъ къ тому основаній и не посовѣтовались объ этомъ съ экспертами, причемъ не позаботились даже узнать у спеціалистовъ о мѣстѣ, годномъ для посадки

судна. Доказано было также и то, что, не смотря на самое критическое положеніе парохода, наступившее съ момента посадки на мель, Небель не принялъ никакихъ мѣръ къ энергичному откачиванію воды, вопреки инструкціи, и лишь оказывалъ откачиванію поверхностное, только для видимости, содѣйствіе.

Но все это были, сравнительно, пустяки. Небель задумалъ «комерческій оборотъ» и рѣшилъ его осуществить. Пригласивъ правительственныхъ агентовъ для освидѣтельствованія «Августуса» лишь на сорокъ первый день послѣ посадки на мель и получивъ ихъ письменное заключеніе, что пароходъ, кромѣ пробоины въ гротъ-люкѣ, никакихъ другихъ поврежденій не имѣетъ, что до момента всплытія онъ легко можетъ быть выкачанъ простыми помпами, что горизонтъ воды въ немъ не сравнялся еще съ наружнымъ, Небель скрылъ это заключеніе и отъ страховыхъ обществъ, и отъ военнаго губернатора Приморской области, присудилъ пароходъ, въ качествѣ агента страховщиковъ, погибшимъ и добился разрѣшенія аукціона. На аукціонѣ явилось лишь двое серьезныхъ покупателей: купецъ Бабинцевъ и нѣкто Эткинъ, съ которымъ Небель заключилъ домашнее условіе о покупкѣ парохода съ остаткомъ груза для фирмы Дикманъ, т. е. для себя. Имѣя право, какъ замѣститель страховщиковъ, разрѣшить отсрочку въ платежѣ денегъ, онъ этого не сдѣлалъ и устранилъ отъ конкуренціи Эткину Бабинцева, пріобрѣтя такимъ образомъ пароходъ и грузъ за безцѣнокъ отъ самого же себя. Судъ (дореформенный) Приморской области не нашелъ въ этомъ ничего преступнаго и оправдалъ и Небеля, и его компаньоновъ по выгодному комерческому предпріятію. Но, конечно, такой приговоръ не измѣняетъ сущности дѣла, т. е. того, что наша комерція, даже когда ею занимается иностранецъ, зачастую сводится къ осуществленію принципа «не надуешь—не продашь».

Хозяинъ мелочной лавки, крестьянинъ Мироновъ, для наживы поджигаетъ свою лавку; купецъ Туляковъ, Фукова, Канецкій, при помощи разныхъ подпольныхъ адвокатовъ въ родѣ Таута и Волжинскаго, ради той же наживы, сочиняютъ уже болѣе сложную комбинацію фиктивнаго банкротства, а иностранецъ Небель строитъ и такую систему, въ которой распутаться рѣшительно не по силамъ дореформенному суду далекой окраины. Въ сущности, это, конечно, одно и то же.

И какой бы «купецкій процессъ» мы ни взяли, увидимъ то же самое со стороны не только подсудимыхъ, но и многихъ свидѣтелей: или крайнее невѣжество, или стремленіе къ наживѣ при помощи какихъ угодно средствъ. Ради облегченія наживы, пускаются въ ходъ петиціи и разныя ходатайства, мало ихъ—услуги новѣйшихъ Ризположенскихъ. Рѣдкимъ явленіемъ представляется именно правильная и честная торговля.

При такихъ условіяхъ, одинаково непримѣнимы къ нашей торговлѣ

и ученіе протекціонистовъ, и ученіе фритредеровъ, вообще никакія политико-экономическія теоріи. Пускай кричатъ, что «промышленность сдѣлала огромные успѣхи»:—относительно цѣлокупной промышленности это неправда, а относительно отдѣльныхъ лицъ это значитъ, что такой-то фабрикантъ или заводчикъ нажился, держа впроголодь своихъ рабочихъ или ловко обдѣлывая свои дѣлишки. Купечество,—то, конечно, которое уже начиталось изъ газетъ и наслышалось о разныхъ теоріяхъ кризисовъ, о балансѣ внутренней и внѣшней торговли, о ввозѣ и вывозѣ,—плачется на недостатокъ «содѣйствія», на недостатокъ кредита. Имъ вторятъ, въ нѣкоторыхъ жалобахъ, и публицисты, и экономисты, и отчасти они даже правы. Но можно ли разсматривать кризисъ нашей промышленности и торговли съ той же точки зрѣнія, какъ кризисъ гдѣ нибудь въ Англіи, Германіи или въ Америкѣ? Конечно, и на Западѣ бываютъ Бонту и разные гешефтмахеры; но тамъ они появляются лишь временами, производятъ страшный скандалъ и становятся историческими личностями, а у насъ Небелей, Туляковыхъ, Синебрюховыхъ, Лофгагеновъ, Борисовыхъ, Рыкочыхъ, Фуковыхъ, Канецкихъ и не перечтешь. Они плодятся, какъ моль, и даже не особенно возмущаютъ общественное чувство. Однимъ банковскимъ процессамъ потерянъ счетъ, ужь не говоря о злостныхъ банкротствахъ, которыя чуть-чуть не также обыкновенны, какъ кражи со взломомъ.

Неужели же это правильная торговля? Развѣ возможно, чтобы при правильной торговлѣ «темный человѣкъ» дѣлался богачемъ? Развѣ въ Германіи или Франціи возможно, чтобы такой «темный человѣкъ» становился членомъ ревизіонной комисіи банка или кредитнаго учрежденія? А у насъ именно такой «человѣкъ» является ревизоромъ саратовско-симбирскаго банка въ лицѣ купца 1-й гильдіи Китаева.

Нѣтъ, прежде, чѣмъ развивать нашу фабричную промышленность и замышлять о конкуренціи съ англичанами и нѣмцами въ Китаѣ, Средней Азіи и Персіи, мы должны подумать кое о чемъ другомъ и раньше всего—о правильной постановкѣ торговаго дѣла и о замѣнѣ плутовства—торговымъ разсчетомъ. Не уголовныя преслѣдованія и обвинительные вердикты помогутъ этому дѣлу, а прежде всего образованіе, котораго, къ сожалѣнію, у насъ именно и мало. Всякіе банковскіе крахи, злостныя банкротства и искусственныя аваріи зависятъ отъ множества причинъ, какъ и всевозможные кризисы, которые мы переживаемъ. Устранить сразу всѣ эти причины, конечно, трудно; но намъ кажется, что для столь важной цѣли останавливаться передъ самыми величайшими трудностями было бы непростительно. Но—увы!—мы передъ многимъ опускаемъ руки или ищемъ причинъ зла совсѣмъ не тамъ, гдѣ онѣ лежатъ въ дѣйствительности.

М. Гребенщиковъ.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

Повѣсть.

(*Окончаніе*).

VII.

— Гдѣ же Старая мельница? спросила Ольга, выходя изъ ольховника.

— А вотъ мы ее сейчасъ увидимъ, отвѣчалъ Гранцевъ:—пойдемте этимъ берегомъ, не будемъ въ другой разъ переходить черезъ ручей.

— А вы развѣ боитесь, что я опять утону? улыбнулась дѣвушка.

— Нѣтъ; но Старую мельницу и съ этого берега будетъ видно.

Они пошли вверхъ, вдоль ручья, правымъ крутымъ берегомъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, Гранцевъ остановился надъ небольшою крутизною.

— Вотъ и знаменитая въ лѣтописяхъ Друскеникъ Старая мельница, сказалъ онъ, улыбаясь.

— Какъ? — гдѣ? — я ничего не вижу,

— Да вотъ это они — остатки столбовъ: — на нихъ когда-то покоилась мельница.

— Бѣдная!—такъ отъ нея только это и осталось? съ грустью спросила дѣвушка.

— Только—какъ и отъ всего, что́ дѣлаютъ люди.

— Какъ все это грустно!—Хоть не обломки римскаго форума вижу я здѣсь, не Колизей, не разрушающуюся отъ времени Альгамбру, а вотъ только эти догнивающіе пеньки,—а все же какъ-то обидно. И здѣсь была жизнь, было, вѣроятно, и счастье, и любили тутъ...

— Да.—Мнѣ почему-то здѣсь вспоминается «Русалка», задумчиво сказалъ Гранцевъ.

— Да, можетъ быть, и здѣсь было то же, что тамъ...

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...

— Такъ, кажется?

— Кажется—такъ, милая дѣвочка.

Они нѣкоторое время стояли въ задумчивости. Почему-то Граицеву вдругъ грустно стало. Не эти ли слова, сказанныя дѣвушкою — «невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ» — грустью запали ему въ сердце? Вѣроятно — они. Вѣдь въ его жизни не было ничего подобнаго—ничего похожаго на любовь—и нѣтъ у него въ прошломъ ни «этихъ грустныхъ береговъ», ни другихъ дорогихъ мѣстъ, куда бы влекла его «невѣдомая сила» — сила дорогихъ воспоминаній. Ничего подобнаго!

Дѣвушка украдкой взглянула на него.

— О чемъ вы задумались, Борисъ Николаевичъ? тихо спросила она.

— Да вотъ о двустишіи, что́ вы сейчасъ сказали, отвѣчалъ тотъ.

— Почему же именно?

— Да потому, что въ моей сѣренькой жизни не было «этихъ грустныхъ береговъ».

— А, можетъ быть, были не грустные?

— Нѣтъ, милая дѣвочка—никакихъ!

— Развѣ вы не любили?

— Въ томъ смыслѣ, какъ вы спрашиваете,—нѣтъ.

— А говорятъ, что каждый, неизбѣжно каждый человѣкъ въ своей жизни хоть одинъ разъ да любитъ.

— Можетъ быть, но *я*—ни разу.

Дѣвушка посмотрѣла на него. Онъ говорилъ серьезно. Лицо его было грустно—она замѣтила эту тѣнь, этотъ налетъ чего-то.

— Какъ же могло такъ случиться? съ участіемъ спросила она.

— Не знаю, Ольга Петровна.—Сначала, юношей, когда другіе влюбляются въ институтокъ, въ кузинъ, я глядѣлъ на любовь свысока и считалъ пошлостью — «влюбляться въ дѣвчонку!» Самонадѣянный мальчишка, я представлялъ себѣ, что «влюбляться» могутъ только пошляки — какіе-нибудь пустые гимназисты, офицеры да военные писаря, и презиралъ подобныхъ людей. Когда я былъ студентомъ, во мнѣ сидѣло то же высокомѣріе: мы призваны міръ перестроить, новые идеалы ввести въ жизнь, работать для идеи и для одной идеи жить, чуть не аскетами,—гдѣ же тутъ «влюбляться»! А дальше—какъ я и вашей тётѣ объяснилъ—книжки да бумажки поглотили всю жизнь, всю душу, и любовь, о которой я читалъ у Шекспира, у Байрона, во всѣхъ хорошихъ книжкахъ—вся любовь вошла въ эти самыя книжки, а потомъ нача-

лось мыканье по бѣлу свѣту, и вотъ, во время одного изъ такихъ мыканій, вы и набрели на меня въ Гранадѣ, въ отелѣ «Вашингтонъ-Ирвингъ», за табль-дотомъ... Я зналъ одну дѣвочку, Ольга Петровна—продолжалъ онъ, улыбаясь—дочь моего пріятеля—премилый, преживой ребенокъ, вся кровь и нервы—и вѣчно растрепанная, непричесанная, вѣчно суетится то съ книжками, то съ кошкой, и когда отецъ, бывало, скажетъ ей: «ахъ, Вѣрочка, ты все растрепой ходишь, никогда не причешешься»,—такъ она всегда отвѣчаетъ: «ахъ, папка,—да все не приходится!»—Это въ суетѣ-то постоянной. Такъ и я могу сказать о себѣ, когда меня спросятъ—любилъ ли я: «нѣтъ—все не приходилось»... Такъ и не пришлось—такъ и жизнь проѣхала мимо.

Дѣвушка съ видимымъ участіемъ слушала своего собесѣдника, и когда онъ кончилъ, ей невыразимо стало жаль его.

— Бѣдный вы, тихо сказала она.

— А, можетъ быть, это и къ лучшему, возразилъ онъ.

— Можетъ быть — я не знаю... А мнѣ бы хотѣлось перейти на ту сторону:—тамъ такая зеленая лужайка.—Можно?

— Отчего же?—Вонъ тамъ, выше по ручью, можно перейти: тамъ бревно перекинуто.

Они пошли туда. Бревно было хотя толстое, прочное, но неровное, съ сучками.

— Ну, теперь я васъ не пущу впередъ, сказалъ Гранцевъ.

— Боитесь—опять напомню вамъ Гранаду и Дарро?—Милая Гранада!

— Почему же не Друскеники?

— И Друскеники милыя—здѣсь я опять нашла васъ.

Гранцевъ перешелъ по бревну и подалъ ей руку. Переправа совершилась благополучно.

— Ахъ, какая здѣсь трава красивая — вотъ эта сѣренькая! обрадовалась дѣвушка.—Я нарву ее для своего букета на память о Старой мельницѣ.

— И о старой «нянѣ»?

— О, да! И вы должны въ Петербургѣ пріѣхать къ намъ, чтобы видѣть этотъ букетъ.

Они начали усердно рвать траву и разошлись въ разныя стороны. Гранцевъ выбиралъ самые лучшіе, самые свѣжіе экземпляры указанной дѣвушкою травы.

— Ахъ, что́ я нашла! вдругъ раздался ея голосъ за кустами.

— Что́ такое?—покажите.

— А вотъ, смотрите, какая прелесть!—И дѣвушка показалась

изъ-за кустовъ, вся раскраснѣвшаяся отъ усталости. Въ рукѣ у нея былъ свѣжій стебель съ незабудками.

— О, да—теперь это рѣдкость, любовался Гранцевъ счастливой находкой:—но онѣ, бѣдненькіе, скоро завянутъ—ихъ надо спасти.

— Чѣмъ же спасти?

— Я ихъ теперь положу въ воду, а когда будемъ возвращаться, заверну ихъ мокрымъ лопухомъ.

— Пожалуйста! Merçi! Вы настоящая няня.

Пока Гранцевъ клалъ въ воду незабудки и прикрывалъ ихъ огромнымъ листомъ лопуха, Ольга взобралась наверхъ, гдѣ было суше, и, усѣвшись на толстый пень стараго, давно срубленнаго дерева, стала разбирать сорванныя ею травы.

Гранцевъ подалъ ей и свой пучокъ.

— Merçi! merçi! ваши еще лучше моихъ.

— А что-то подѣлываетъ нашъ рыболовъ? Что-то его не слышно, сказалъ Гранцевъ.—Пойду, навѣдаюсь.

— Пожалуйста, вы такъ насъ балуете, настоящій папа!

— И немножко няня?

— Совсѣмъ няня! самая милая няня!

Гранцевъ ушелъ и скоро скрылся за пригоркомъ.

«Бѣдненькій! его никто не любилъ... А, можетъ быть, и любили, да не рѣшились сказать, а онъ самъ не догадался, бѣдный. Какъ это грустно, что иногда нельзя все сказать. А отчего нельзя?—Да, впрочемъ, и то правда, что нельзя. Вонъ, когда я сегодня промочила ноги и онъ такъ ласково, такъ нѣжно, точно папа, просилъ меня снять и высушить ботинку, такъ заботился обо мнѣ,—вѣдь мнѣ какъ хотѣлось въ этотъ моментъ обнять его, приласкаться къ нему, какъ къ папѣ—такъ онъ вдругъ сталъ мнѣ дорогъ и близокъ, точно родной,—а я не посмѣла ни обнять его, ни сказать ему это. — Такъ и тѣ, которыя любили его. А его нельзя не любить—онъ такой славный, такой милый! Вонъ и объ Сашѣ какъ заботится, самъ объ немъ вспомнилъ. Бѣдненькій мой! я непремѣнно обниму его, приласкаю! Вѣдь въ Гранадѣ, маленькая, я же ласкалась къ нему»... Такъ думала дѣвушка, сортируя свою коллекцію травъ.

VIII.

Солнце нижнимъ краемъ своего диска касалось уже вершинъ сосноваго лѣса за Нѣманомъ, когда наши путешественники возвращались со Старой мельницы. И теперь, какъ прежде, шествіе

открывалъ маленькій Саша съ удочкою въ одной рукѣ и жестянкою въ другой. Въ жестянку онъ поминутно заглядывалъ, какъ бы опасаясь, чтобы пойманный имъ головель не выскочилъ изъ жестянки прямо въ Нѣманъ.

За нимъ слѣдовали Ольга и Гранцевъ. И тотъ и другая были задумчивы, и разговоръ между ними видимо не вязался. Прогулка и пребываніе на Старой мельницѣ оставили у каждаго какой-то смутный слѣдъ на душѣ. Казалось, будто что-то случилось, хотя оба знали, что ничего не случилось,—даже того, на что́ дѣвушка въ порывѣ душевнаго движенія, казалось, совсѣмъ рѣшилась: это—обнять Гранцева, какъ отца, какъ старшаго брата, и сказать ему: «какой вы славный, добрый». Гранцевъ тоже хотѣлъ что-то сказать ей, за что-то поблагодарить—и ничего не сказалъ. Онъ чувствовалъ, что въ душѣ у него творится что-то новое, неизвѣданное, тревожное, чего съ нимъ никогда прежде не бывало. У Ольги же на душѣ было свѣтло и радостно, какъ никогда; радость эта была глубокая, но тихая, хорошая.

И вечеръ былъ такой тихій, ласковый. Внизъ по Нѣману медленно плыла большая лодка съ перилами и деревяннымъ переплетомъ для тенты, и по водѣ далеко раздавалось хоровое пѣніе катающихся. Сначала дамскій, но довольно сильный голосъ выкрикнулъ: «Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ», а за нимъ грянулъ хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Затѣмъ хоръ перешелъ на другія мелодіи: «Шуми, Марица», далѣе «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», и, наконецъ, тотъ же дѣтскій голосъ, въ качествѣ запѣвалы, затянулъ: «Распрекрасная столица», и все общество разразилось веселымъ смѣхомъ, когда маленькій запѣвало окончилъ свою партію припѣвомъ по французски: «Tula, Tula, ma patrie», т. е. «Тула, Тула, родина моя!»—Послышались одобренія, смѣхъ.

— Должно быть, имъ очень весело, замѣтилъ Гранцевъ.

— Да... Но я имъ не завидую, тихо отвѣчала дѣвушка.

Такъ, почти молча, они и дошли до самаго парка. Когда они проходили мимо курзала, съ эстрады раздались знакомые звуки.

— Слышите? какъ бы замерла на мѣстѣ Ольга.

И Гранцевъ остановился.—Да, это она—это «Старая мельница», тихо сказалъ онъ.

Они молча слушали. Имъ обоимъ казалось, что сегодня эта музыка говоритъ что-то другое, чего они прежде въ ней не слышали. Въ ней было теперь такъ много тепла, задушевности, поэзіи. Она говорила имъ знакомымъ языкомъ, прямо проникавшимъ въ душу, и говорила то, что́ имъ самимъ хотѣлось высказать.

Дѣвушка глубоко вздохнула, когда музыка кончилась.

— Это видно, что онъ самъ все это прочувствовалъ, тихо сказала она.

— Что же именно? задумчиво спросилъ Гранцевъ.

— Ахъ, я не знаю, только я сама это чувствую и готова плакать.

— Ахъ, я забылъ свою рыбу! жалостно проговорилъ Саша.

— Какъ!—да вѣдь она въ жестянкѣ, милый мальчикъ.

— Нѣтъ, не эту, а другую, что́ на куканѣ, въ Ротни́чанкѣ.

И онъ опрометью бросился назадъ, а за нимъ послѣдовали Ольга и Гранцевъ.

Наконецъ, уклейка была вытащена изъ воды, но оказалась уже мертвою: она слишкомъ сильно металась на куканѣ и убилась о прибрежные камни. Саша былъ въ отчаяньѣ, но его утѣшили тѣмъ, что онъ скоро покажетъ своимъ живаго, «большаго головля».

Старушекъ своихъ они застали на той же террасѣ за трапезой. Онѣ угощались простоквашей.

— Ну, что—довольны прогулкой? спросила тетя Соня.

— Очень, очень, милая тетя, — а все благодаря Борису Николаевичу.

— А я какого головля поймалъ!

И разсказамъ о головлѣ не было конца: и какъ онъ клевалъ, и какой онъ хитрый, и какъ два раза срывалъ червяка, и какъ онъ, Саша, его «подцѣпилъ» наконецъ.

— Теперь, Fräulein, давайте самый большой тазъ! заключилъ онъ.

— Ach, mein Kind!

— Не хотите ли деревенскаго кушанья, Борисъ Николаевичъ,— простокваши? обратилась тетя Соня къ Гранцеву.

— Съ удовольствіемъ, благодарю васъ.

— А съ чернымъ хлѣбомъ, вмѣсто удовольствія, не хотите? весело сказала Ольга.

Ей опять было весело на душѣ: «точно съ папой, дома, — и простокваша тутъ—онъ какъ свой», подумала она, быстро взглянувъ на Гранцева.

— И съ чернымъ хлѣбомъ, и съ удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ.

— А завтра непремѣнно за Нѣманъ, прибавила дѣвушка.

— И въ большой лодкѣ, досказалъ Саша,—въ которой сегодня катались.

— Нѣтъ, Саша, та лодка для насъ троихъ слишкомъ велика, сказала Ольга.—Мы возьмемъ простую «чайку».

— И съ Антономъ, Оля?

— Непремѣнно съ Антономъ: онъ, говорятъ, самый искусный гребецъ.

За простоквашей и послѣ простокваши разговоръ продолжался до самыхъ сумерекъ. Ольга еще разъ перебрала и окончательно очистила свои травы и иммортельки, а незабудки, которыя Францевъ очень бережно донесъ въ мокромъ лопухѣ, она тщательно расправила и положила въ «Княжну Дубровину», а потомъ книгу подсунула подъ ножку кушетки, какъ подъ прессъ.

Она все время была очень оживлена и часто поглядывала на Францева, который былъ задумчивѣе обыкновеннаго. Но дѣвушка не могла не замѣтить, что онъ долго, хотя украдкой, глядѣлъ на нее, и она не разъ ловила на себѣ его взглядъ. И ей опять хотѣлось подойти къ нему, приласкаться и спросить — «отчего вы стали такой задумчивый?» — но она этого не сдѣлала и досадовала на себя.

Наконецъ, Францевъ собрался уходить и попрощался со всѣми. Ольга сошла за нимъ съ террасы, чтобы проводить его до калитки, — и невольно остановилась. Вечеръ былъ теплый, и небо горѣло звѣздами.

— Ахъ, моя Капелла! невольно вырвалось у нея восклицаніе.—Посмотрите, Борисъ Николаевичъ, какъ она блеститъ!

Прямо передъ ними, между темными силуэтами тополей и сосенъ, за Нѣманомъ, ярко искрилась прекрасная звѣзда.

— Видите, Борисъ Николаевичъ?

— Вижу отлично—прелестная.

— Она моя давно..

— Почему же?

— Мнѣ ее давно подарилъ папа, бѣдный!.. А вотъ папина звѣзда.

Дѣвушка обернулась и указала на яркую звѣзду, горѣвшую на сѣверо-западѣ за ихъ дачею.

— Это, кажется, Арктуръ? сказалъ Францевъ.

— Да, Арктуръ: онъ былъ папинъ и теперь остался папинымъ. А это, лѣвѣй и выше, смотрите, у самаго млечнаго пути— это Атаиръ, въ созвѣздіи Орла:—это тетина звѣзда.

— А какая же будетъ моя звѣзда? спросилъ Францевъ, чувствуя надъ собой все большее и большее обаяніе этой милой дѣвушки.

Ольга задумалась.

— Ахъ, да! быстро сказала она: — ваша звѣзда будетъ Сиріусъ—лучшая звѣзда на всемъ сѣверномъ небѣ.

— Но ея теперь не видать, милая дѣвочка, возразилъ Францевъ.

— Такъ она будетъ видна зимой, и мы на нее будемъ съ вами смотрѣть въ Петербургѣ.

— А гдѣ моя звѣзда, Оля? раздался голосъ Саши, который тоже выбѣжалъ на дворъ.

— Твоя пусть будетъ Вега, въ созвѣздіи Лиры. Вонъ, смотри, тоже у млечнаго пути.

— Однако, вы хорошо знаете звѣздное небо, замѣтилъ Гранцевъ.

— Меня всему этому папа научилъ. А вонъ надъ нашими головами, на самомъ млечномъ пути,—Лебедь, а въ головѣ у него — вонъ, вонъ прямо — Денебъ. А вонъ, выше Капеллы — Кассіопея. А вправо отъ нея (дѣвушка понизила голосъ) — звѣзда Fräulein Амаліи.

— Какая же? также тихо спросилъ Гранцевъ.

— А Голова Медузы — ее отрубилъ Персей и держитъ за змѣиные волосы, шепотомъ говорила Ольга: — только этого Fräulein не знаетъ.

— Kinder! Kinder! раздался вдругъ съ террасы голосъ Медузы:—kommen sie nach Haus—s'ist kalt!

— Gleich, gleich, Fräulein! отвѣчала Ольга.

— Идите, милая дѣвочка,—въ самомъ дѣлѣ свѣжо. Такъ, до свиданія, до завтра, сказалъ Гранцевъ.

— А утромъ не пойдемъ къ дѣдушкѣ? спросила Ольга, все еще не прощаясь.

— Хорошо. Я зайду за вами. Уходите! покойной ночи.

— До свиданія, мой лордъ! Благодарю васъ за все, за все! И Ольга протянула ему свою руку.

Рука была холодна. Гранцевъ крѣпко сжалъ ее и тихо, беззвучно поцѣловалъ.

— Такъ къ дѣдушкѣ же! услыхалъ онъ съ террасы уже звонкій голосъ дѣвушки—и тутъ только опомнился. Онъ чувствовалъ глубокое волненіе.

IX.

«Такъ вотъ оно—то, о чемъ я читалъ у Шекспира, у Байрона, у Гёте и въ другихъ хорошихъ книжкахъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ? Такъ это то, что называютъ любовью? Какъ! и неужели въ одинъ день? Ужели достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы вся вселенная измѣнилась? Это какое-то безумство. Вдругъ для меня вся вселенная потеряла цѣну,—все, что меня влекло къ себѣ, занимало мою мысль, мое сердце, всѣ люди, сношенія съ которыми составляли сущность моей жизни, мои любимыя занятія, книги, мои мечты, мои планы, все, что наполняло

мою душу, мою жизнь. Какъ! ужели все это утратило для меня всякій смыслъ? Ужели же все это заключилось теперь только въ *ней*, въ этой дѣвочкѣ, которую пять лѣтъ назадъ я безъ всякаго волненія бралъ на колѣни къ себѣ, игралъ ея волосами, — ужели все, все въ ней одной? Да, въ ней — только въ ней, а за предѣлами этого маленькаго изящнаго тѣльца, внѣ этого существа—нѣтъ другаго міра. Такъ *это* любовь? Если *это* такъ, значитъ, я ее люблю.

«Боже мой! этого еще недоставало! Зачѣмъ же она взяла у меня все, все! Нѣтъ, не можетъ быть. Это какое-то недоразумѣніе, капризъ моихъ нерновъ—дурманъ какой-то. А, можетъ быть, и правда. Недаромъ всѣ они говорили мнѣ, друзья мои, всѣ увѣряли и предостерегали меня, что поздняя любовь — роковая. Вотъ она и пришла, да и какъ пришла? подкралась, какъ тѣнь, поразила меня въ нѣсколько часовъ, какъ поражаетъ тифъ, горячка. Не можетъ быть, чтобъ я любилъ ее. Такъ скоро нельзя полюбить. Впрочемъ, я много разъ читалъ и слышалъ — вѣдь я не мальчикъ—читалъ, что часто любовь вспыхиваетъ при первой встрѣчѣ, при одномъ взглядѣ, и испепелитъ всю душу или остается вѣчною, до гроба. Какъ же это объяснить — этотъ логическій абсурдъ? Чѣмъ его объяснить? А иначе—это абсурдъ и логическій, и физіологическій: вокругъ все, весь міръ, всѣ привязанности, склонности, всѣ симпатіи—все разомъ забыть и все вложить въ одно существо, да притомъ почти моментально, точно по волшебству. Развѣ такъ это объяснить: я всю жизнь любилъ что-то и многое любилъ, — сначала мать, няню, игрушки, потомъ дѣтскія игры, товарищей, а тамъ — знанія, науку, чтеніе, путешествія, природу, друзей, — постоянно, всю жизнь любилъ что либо, что было внѣ меня. Это законъ природы — вложить свою душу, свое чувство во что либо внѣ себя. Ясно, что я всю жизнь любилъ что-то, кого-то и, не видя, кого именно люблю, отдавалъ это чувство природѣ, книгамъ, труду, наукѣ, знанію. И вдругъ я встрѣчаю *ее*, которую я любилъ всю жизнь, не зная ея—любилъ въ поэзіи, въ музыкѣ, въ живописи, въ скульптурѣ, въ людяхъ, въ природѣ, въ идеѣ, во всей вселенной, — и когда я встрѣчаю *ее*, узнаю *ее*—что жъ удивительнаго, если она разомъ замѣняетъ для меня всю вселенную, всю жизнь, весь смыслъ жизни и бытія? Иначе и быть не можетъ.

«Притомъ, по отношенію къ этой Олѣ Заливиной, можетъ быть, и не было этой внезапности. Я давно ее знаю. Тогда, въ Гранадѣ, она восхищала меня, какъ очаровательный ребенокъ и, какъ свѣтлый лучъ утра, какъ яркій нѣжный цвѣточекъ, какъ

ароматъ этого цвѣтка—оставила слѣдъ въ моей душѣ, слѣдъ голоса, взгляда, улыбки, наконецъ—профиль! недаромъ вчера онъ такъ приковалъ меня къ себѣ. Ясно, что все это уже сидѣло у меня въ душѣ, какъ нераспустившійся еще цвѣтокъ. И вотъ сегодня онъ распустился, да какъ пышно! всю душу мою занялъ собою.

«Странно, очень странно. Это я-то, вѣчный бобыль и бродяга, никогда не знавшій семьи, не вѣдавшій, что̀ такое любовь и знавшій ее только по книгамъ, какъ любовь Петрарки и Данта, какъ любовь Офеліи, любовь Ромео и Джульетты, любовь Лассаля къ Еленѣ, — это я-то ощущаю ее въ своей душѣ, чувствую ее въ себѣ, какъ чувствовалъ бы физическую боль отъ свѣжей раны въ груди, и когда же? въ пятьдесятъ лѣтъ! А объектъ этого непостижимаго, божественнаго чувства,—да, это нѣчто божественное!—объектъ этого дивнаго, божественнаго экстаза души—семнадцатилѣтняя дѣвочка, годящаяся мнѣ во внучки. Да, именно, во внучки. Еслибы я женился двадцати одного года — терминъ возмужалости,—то въ двадцать два года я былъ бы отцомъ своей дѣвочки, а эта дѣвочка, выйдя замужъ семнадцати лѣтъ, — восемнадцати лѣтъ была бы уже матерью; слѣдовательно, въ сорокъ лѣтъ я былъ бы уже дѣдушкой. Но я могъ жениться и восемнадцати лѣтъ... Какой вздоръ! Къ чему я все это высчитываю? Ну, пятьдесятъ лѣтъ, шестьдесятъ, даже семьдесятъ,—вѣдь всегда можно захворать, и всего естественнѣе хворать въ семьдесятъ, даже въ пятьдесятъ, чѣмъ въ двадцать. А я, безъ сомнѣнія, захворалъ, я боленъ, я страдаю, тоскую, тоскую вотъ съ того самаго момента, какъ пожалъ ея холодную ручку, а она въ догонку мнѣ крикнула съ террасы: «такъ къ дѣдушкѣ же!» И вотъ то, что я теперь тоскую, не видя ея, не слыша ея голоса,—это самое называютъ любовью! Да это несчастіе, великая кара небесъ, — какое же это блаженство! Потерять все, чѣмъ жилъ прежде, потерять самую нить жизни и думать только о пожатіи маленькой холодной ручки,—да это безуміе, это душевная болѣзнь, и за любовь, какъ за пироманію, слѣдуетъ сажать въ сумасшедшій домъ. Какъ же иначе назвать это чувство, какъ не однопредметнымъ помѣшательствомъ? Помѣшался на пожатіи холодной ручки какой-то дѣвчонки,—вотъ тутъ и призывай на помощь волю, разумъ, гордость, наконецъ, человѣческую, свое личное достоинство, — и ничто не помогаетъ».

Въ такомъ смутномъ состояніи духа Гранцевъ воротился къ себѣ на дачу. Тамъ ожидали его газеты, письма, холодный ужинъ, но онъ ни на что не обратилъ вниманія и ни до чего не дотро-

нулся. Его ничто не интересовало. Ему хотѣлось только думать, и думать все въ одномъ и томъ же направленіи. Кромѣ Ольги, онъ ни о комъ и ни о чемъ теперь не могъ думать. Его это пугало, но въ то же время ему сладко было отдаваться этимъ мыслямъ. Ничего подобнаго въ жизни онъ не испытывалъ.

Чтобы хоть какъ нибудь развлечься, онъ вышелъ на балконъ, и первое, что бросилось ему въ глаза, это Капелла. «Ея звѣзда». Онъ сталъ искать другія звѣзды, на которыя ему указывала дѣвушка: Персей съ Головою Медузы... «У насъ, на Wasilli-ostrof...» Но ему теперь не смѣшно было. Вонъ Арктуръ, Вега, Атаиръ... «А на Сиріуса будемъ зимою смотрѣть въ Петербургѣ вмѣстѣ — это ея слова».

Онъ опять глянулъ на Капеллу. Она теперь поднялась гораздо выше, чѣмъ была тогда, когда «она» указывала на нее у себя на дворѣ.

«А поди спитъ теперь дѣвчонка, какъ ни въ чемъ не бывало».

Но «дѣвчонка» не спала. Сначала ее долго не могли услать въ ея комнату—она все возилась съ букетомъ да то и дѣло вынимала изъ подъ кушетки «Княжну Дубровину» и разсматривала положенныя въ нее незабудки. А потомъ, когда ее уложила Fräulein, она долго ворочалась въ постели, вспоминая сегодняшнія приключенія до мельчайшихъ подробностей. Она тоже чувствовала, что въ ней что-то произошло, что-то случилось. Она испытывала какое-то сладкое волненіе: «это оттого, что онъ мнѣ папу напомнилъ—все оттого». Потомъ она думала собственно о немъ, а вовсе не о папѣ, вспоминала его голосъ, лицо, выраженіе его черныхъ глазъ, его фигуру, походку. И этотъ случай съ чулкомъ—она чувствовала, что краснѣетъ... «Бѣдненькій, никто его не любилъ — не знаетъ, что значитъ любить». Ей стало очень, очень жаль его. Такъ бы она теперь прижалась къ нему, приласкала бы эту одинокую сѣдую голову, поплакала бы у него на груди, какъ плакала у папы... «А все это оттого, что онъ мнѣ папу напомнилъ». Она думала и о томъ, какъ зимой, въ Петербургѣ, они вмѣстѣ будутъ смотрѣть на Сиріуса и на Оріона: «точно съ папой». Когда-то, когда еще онъ былъ живъ, она всякій разъ, передъ тѣмъ какъ закутаться въ одѣяло, чтобъ ужь спать совсѣмъ,— всегда крестила воздухъ въ ту сторону, «гдѣ папа», въ его спальню; теперь, передъ тѣмъ какъ ей окончательно хотѣлось уже закрыться простыней—ей было душно въ постели,— она вспомнила, гдѣ дача Граціева, и, повернувшись туда лицомъ, три раза перекрестила воздухъ въ этомъ направленіи: «его—онъ мнѣ папу напомнилъ». И во снѣ ей видѣлся папа: она сидѣла у него на

колѣняхъ и ласкала его сѣдую, шелковистую бороду,—и вдругъ оказалось, что это не папа, а онъ, Гранцевъ. «Такъ онъ напоминаетъ папочку!»

Гранцевъ долго сидѣлъ на балконѣ. Уже за Нѣманомъ, надъ горизонтомъ, довольно высоко поднялось созвѣздіе Близнецовъ—Касторъ и Поллуксъ; уже давно горѣлъ на востокѣ Альдебаранъ, поднимаясь все выше; показались наконецъ звѣзды, что̀ въ плечахъ Оріона; а онъ все сидѣлъ. Капелла была уже надъ головою у него, и, взглянувъ на эту звѣзду—«ея звѣзду»—съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, только тогда ушелъ онъ въ свою комнату.

Мало по малу, однако, въ душѣ его улеглись тревоги пережитаго дня, и онъ съ глубокимъ умиленіемъ и благодарностью думалъ о милой дѣвушкѣ, которая теперь стала для него такою дорогóю. Завтра онъ увидитъ ее, и это завтра стало для него какъ бы роковымъ вопросомъ: что-то будетъ?—что будетъ дальше, потомъ, всегда? Онъ забылъ тревоги этого вечера, забылъ, что для него невозможно это счастье, что счастье свое онъ прожилъ и не имѣетъ даже права мечтать о немъ: онъ только хотѣлъ видѣть ее, быть около нея, слышать ея милый голосъ. И это будетъ завтра!

X.

Этотъ день, наконецъ, насталъ.

Гранцевъ проснулся подъ звуки музыки. Играли знакомую мелодію, которая теперь для него, болѣе чѣмъ когда либо, была полна глубокаго смысла.

Онъ чувствовалъ прелесть жизни какъ бы просвѣтленный душой и торопился туда, куда влекло его взволнованное чувство.

Подходя къ ихъ дачѣ, онъ со двора уже услыхалъ ея голосъ. Она увидѣла его съ террасы.

— Что жъ вы не декламируете? весело сказала дѣвушка, идя ему на встрѣчу.

— Чего не декламирую, Ольга Петровна?

— А привѣтствіе мнѣ:

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало.

— Виноватъ—забылъ, каялся Гранцевъ.

Дѣвушка радостно протянула ему руку.

— Хорошо спали? спросила она.

— Несовсѣмъ, — долго сидѣлъ на балконѣ — дождался даже восхода Ориона.

— Но не Сиріуса, конечно?

— Сиріуса не дождался; да онъ, вѣроятно, показался бы не раньше зари.

— Отчего жъ вы такъ долго не спали?

Сдѣлавъ этотъ вопросъ, дѣвушка вдругъ покраснѣла. Она вспомнила свой сонъ, вспомнила, какъ сидѣла у Гранцева на колѣняхъ и ласкала его. Но, вспомнивъ это, она почувствовала, что послѣ этого онъ, Гранцевъ, этотъ совсѣмъ чужой мужчина, сталъ ей какъ бы ближе, родственнѣе.

Она заговорила торопливо, забывъ первый вопросъ, тѣмъ болѣе, что Гранцевъ медлилъ отвѣтомъ.

— Не хотите ли чаю или молока?—Если чаю желаете, то Fräulein сейчасъ нальетъ, а если молока—то я сама.

— Благодарю васъ. Я уже пилъ молоко, отвѣчалъ онъ, здороваясь со старушкой Заливиной и съ Амаліей Карловной, которыхъ онъ опять нашелъ на террасѣ.

— А когда жъ мы къ дѣдушкѣ пойдемъ? подбѣжалъ къ нему Саша.

— Когда будетъ угодно Ольгѣ Петровнѣ.—А что вашъ головель?

— Чужая кошка съѣла, отвѣчалъ мальчикъ, стыдливо опуская глаза.

— Ахъ, какое несчастіе! пожалѣлъ Гранцевъ.

— Да, ужь у насъ сколько тутъ слезъ было, съ улыбкой замѣтила Ольга.—Когда же мы, въ самомъ дѣлѣ, къ дѣдушкѣ?

— Я готовъ хоть сейчасъ—пока не жарко.

— Что ты, Оля! вступилась тетка: — дай Борису Николаевичу хоть стаканъ чаю выкушать.

— Я ничего, тетя Соня, отвѣчала дѣвушка:—я не тороплю.

— Знаю я тебя!—бывало, и отца вонъ также гоняла.

«И тетя Соня про папу—все папа—и онъ точно папа», мелькнуло въ головѣ дѣвушки:—«вотъ еслибъ онъ жилъ съ нами».

И Ольга опять вспомнила свой сонъ: «кажется, я и цѣловала его вмѣсто папы».

«Что жъ!—это во снѣ—это ничего».

Черезъ полчаса, они уже выходили изъ парка, направляясь къ Ротничанкѣ. Завидѣвъ еврея-паромщика, Саша закричала ему:

— Сегодня мы поѣдемъ кататься на вашей чайкѣ за Нѣманъ!

Еврей подбѣжалъ, любезно кланяясь и улыбаясь.

— Когда же господа желаютъ кататься—сейчасъ?

— Нѣтъ, послѣ обѣда. Да чтобъ Антонъ былъ.

— Какъ же, какъ же!—безпремѣнно будетъ.

Гранцевъ не зналъ, о чемъ сегодня говорить—слова не шли у него съ языка. Ему казалось, что дѣвушка за эту ночь и выросла, и похорошѣла. Она, дѣйствительно, похорошѣла въ нѣсколько часовъ: въ ней просыпалась женщина, въ ней начинало пробуждаться чувство, котораго она сама не сознавала. Это чувство необыкновенно быстро преобразуетъ женщину. Вчера еще она была дѣвочкой, хотя ей уже пошелъ восемнадцатый годъ, а сегодня она проснулась женщиной, сама того не подозрѣвая. Оттого Гранцеву и казалось, что она выросла и возмужала. Вмѣстѣ съ тѣмъ она и похорошѣла, превратившись изъ дѣвочки въ женщину. Любовь—великій художникъ.

Хотя Ольга за собой ничего не замѣчала, но, по свойственной молодымъ дѣвушкамъ наблюдательности (это въ нихъ остается еще дѣтское свойство—все подмѣчать), она видѣла, что сегодня Гранцевъ одѣтъ тщательнѣе обыкновеннаго. Онъ, повидимому, всегда одѣвался джентльменомъ, какъ вчера и третьяго дня; джентльменомъ она помнила его и по Гранадѣ; но сегодня онъ былъ одѣтъ еще изящнѣе. Темный, наглухо застегнутый легкій костюмъ очень шелъ къ нему и прекрасно оттѣнялъ его изкрасна-серебристую бороду; только онъ казался блѣднѣе обыкновеннаго.

— Вы сегодня здоровы, Борисъ Николаевичъ? спросила дѣвушка, ласково глядя на него своими добрыми глазами и съ тревогой въ голосѣ.

— Благодарю васъ, милая дѣвочка, отвѣчалъ Гранцевъ: — здоровъ, какъ всегда.

— Но вы немножко блѣдны.

— Это, можетъ быть, оттого, что вчера я долго не могъ уснуть.

— Отчего же?—Что нибудь васъ безпокоило.

— Нѣтъ, милая дѣвочка.—Такъ почему-то.

Не могъ же онъ сказать ей, сколько тревогъ пережилъ онъ вчера и кто былъ этому причиною.

— А я васъ видѣла во снѣ, потупилась дѣвушка.

«Ребенокъ—совершенное дитя—и между тѣмъ, что она дѣлаетъ со мной!» въ волненіи подумалъ Гранцевъ.

— Какъ же вы меня видѣли, милая дѣвочка?

— Точно—точно какъ папу...

— Вы, значитъ, часто о папѣ думаете.

— Да... А вчера разомъ думала и о папѣ, и объ васъ.

Эти наивные отвѣты ужасно волновали Гранцева, тѣмъ болѣе, что они были такъ неясны и въ то же время какъ бы обнаружи-

[illegible] степени то, о чемъ онъ не смѣлъ и мечтать. [illegible] любить его эта дѣвочка? Она могла, конечно, интересоваться, но никакъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ Саша [illegible] пойманнымъ вчера головлемъ, котораго сегодня [illegible] ѣла. И Саша, вѣроятно, видѣлъ во снѣ и головля, и удочку, какъ дѣвушка видѣла его. Онъ же, Гранцевъ, въ качествѣ того же головля и удочки, напоминалъ ей «папу»—этого достаточно, чтобы думать о немъ и видѣть во снѣ. Она видѣла во снѣ, конечно, и свой букетъ, и промоченный вчера чулокъ. Но онъ одного не зналъ: сегодня, обуваясь утромъ, дѣвушка долго смотрѣла на промоченный вчера блѣдно-розовый чулокъ, задумчиво при этомъ улыбаясь, и сегодня уже не надѣла вчерашнихъ блѣдно-розовыхъ чулковъ, хотя они были еще совсѣмъ чистенькіе, а надѣла синіе; тотъ же чулокъ, который вчера былъ промоченъ, и только этотъ одинъ, бережно свернула, пришпилила къ нему бумажку съ надписью:—«у Старой мельницы»—и спрятала его въ свою шкатулку, въ которой хранились ея «сокровища»: нѣсколько новенькихъ пятачковъ, подаренныхъ ей «папой», и нѣкоторые дѣтскіе сувениры. Къ этимъ «сокровищамъ» она присоединила и вчерашній розовый чулокъ. Еслибъ Гранцевъ это зналъ, то еще болѣе утвердился бы въ мысли, что она совсѣмъ, совсѣмъ таки ребенокъ.

Шли они теперь извилистымъ, очень живописнымъ берегомъ Ротничанки, которая шумѣла и бурлила, точно горная рѣка. Дорожка извивалась то въ тѣни высокихъ старыхъ ольхъ и сосенъ, то выбѣгала на солнце. Они скоро прошли мимо купалень и миновали дачи, расположенныя по ту сторону Ратничанки и осѣненныя красивою зеленью.

— Ахъ, какъ это все красиво! говорила дѣвушка, восхищаясь мѣстностью.

— Точно въ Силламягахъ, подтвердилъ Саша.

— Ну, куда же Силламягамъ до Друскеникъ! возразила Ольга.

— Я съ вами согласенъ, заговорилъ и Гранцевъ:—эта рѣчка, по моему, не менѣе красиво течетъ, чѣмъ Хениль и Дарро, которыя вамъ такъ нравились въ Гранадѣ.

— Да. А помните, какъ вы меня на рукахъ переносили черезъ Дарро и чуть сами не упали въ воду?

— Помню, помню, милая дѣвочка.

— Ну, а теперь бы не перенесли?

— Отчего же, дѣвочка?

— Я такая теперь тяжелая стала: во мнѣ три пуда съ половиной, я недавно вѣсилась.

И она почему-то вдругъ вспомнила свой чулокъ, который сегодня спрятала въ шкатулку съ «сокровищами».—«Надо туда же положить и вчерашнія незабудки».

Скоро миновали и кирпичный заводъ съ грудами кирпичей, сложенными на томъ берегу Ротничанки.

Дѣвушка видѣла, что Гранцевъ опять о чемъ-то задумался. Ее это огорчило.

— Что вы все такой задумчивый сегодня? спросила она, стараясь уловить его взглядъ.—Вамъ скучно съ нами?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, дорогая Ольга Петровна! — А вотъ и дѣдушка.

XI.

«Дѣдушка»—это старая громадная сосна, въ нѣсколько обхватовъ толщины, такая же старая, какъ и «Бабушка», испещренная, какъ и послѣдняя, сотнями и тысячами надписей и инціаловъ, вырѣзанныхъ на грубой, морщинистой корѣ. «Дѣдушка», не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ окруженъ лѣсомъ, кажется одинокимъ гигантомъ—такова величина этого старика въ сравненіи съ окружающимъ его молодикомъ.

— Посмотрите, какимъ онъ кажется одинокимъ,—задумчиво проговорилъ Гранцевъ, окидывая взоромъ дерево отъ корней до нѣсколько склоненной вершины.

— Да. Онъ это какъ будто самъ чувствуетъ, — согласилась Ольга, остановившись передъ гигантской сосной.

— Такова участь старости,—съ прежней задумчивостью сказалъ Гранцевъ:—старость всегда одинока.

Что-то такое послышалось въ тонѣ и въ голосѣ его, когда онъ это произнесъ, что дѣвушкѣ плакать захотѣлось. Она пытливо взглянула на него.

— Не говорите этого, Борисъ Николаевичъ,—съ жаромъ возразила она: — старость не всегда бываетъ одинока. Вонъ тетя Соня.

— Да. Но она все таки не съ нами. Къ старости только снисходятъ, но ее не любятъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—какъ я любила папу! и тетю люблю.

— Это оттого, что они вамъ родные.

— Нѣтъ, не потому только, что родные. Я и другихъ, чужихъ, люблю, когда они добрые, хорошіе.

— Вы славная дѣвушка!—какъ бы про себя произнесъ Гранцевъ.— А Дѣдушка все таки смотритъ одинокимъ. А чего онъ не видалъ! Можетъ быть, подъ нимъ когда-то приносились язы-

ческія жертвы Перуну. Видѣлъ онъ, можетъ быть, и Ядвигу съ Ягайломъ. Много поколѣній прошло мимо него, и всѣ они забыты; а онъ стоитъ—и думаетъ. Да, онъ думаетъ, потому что онъ живетъ и чувствуетъ. Вотъ мы теперь пришли къ нему въ гости. И другіе будутъ приходить, когда насъ уже не будетъ. Грустная исторія!

— Да вы сами сегодня какой-то грустный, Борисъ Николаевичъ. Что съ вами?—участливо спросила Ольга.

— Я ничего. Это вамъ такъ кажется.

— Нѣтъ, я сердцемъ чувствую, что съ вами что-то случилось—вы не тотъ, что́ были вчера. Развѣ получили какое нибудь нехорошее извѣстіе?

— Нѣтъ, вамъ все это кажется; и никакихъ извѣстій я не получалъ. Напротивъ, я радъ, что снова нашелъ мою милую испанскую дѣвочку,—съ улыбкой проговорилъ Гранцевъ.

— Вовсе не рады! Вчера вы были лучше... А все это старый Дѣдушка надѣлалъ, противный! Вы заговорили о старости, объ одиночествѣ. Я не хочу этого! Лучше уйдемте отъ этого Дѣдушки.

— Куда же мы пойдемъ?

— Ведите, куда знаете, только не будьте такимъ букой.

— Хорошо, милая дѣвочка. Такъ я поведу васъ къ новой мельницѣ.

— А есть и новая? гдѣ она?

— Вонъ тамъ дальше. А гдѣ нашъ мальчикъ?

— Онъ камни бросаетъ въ Ротничанку. Саша! иди къ намъ,—позвала она братишку:—мы идемъ дальше—къ новой мельницѣ.

Простившись съ Дѣдушкой, они вышли на болѣе открытое мѣсто и увидѣли мельницу. Черный, неуклюжій остовъ ея не представлялъ ничего живописнаго. На плотинѣ мельницы два литвина пилили брусья, а въ мельничныхъ лоткáхъ однообразно шумѣла вода, вертя массивное, почернѣвшее отъ воды колесо. Далѣе разстилалась однообразная картина полей, засѣянныхъ гречихою. Солнце жгло сильно.

— А вчера было веселѣе,—нарушилъ общее молчаніе Саша.

— Да, правда,—согласилась Ольга.—Да это оттого, что Борисъ Николаевичъ сегодня какой-то невеселый.

— Ничего, милая дѣвочка,—силился улыбнуться послѣдній:—всѣмъ будетъ весело, когда послѣ обѣда поѣдемъ на лодкѣ кататься.

— Я и удочку опять возьму,—оживился Саша.

— А мы съ вами будемъ цвѣты и мохъ собирать, не правда

ли, милая дѣвочка? — обратился Гранцевъ къ Ольгѣ, замѣтивъ, что и она менѣе оживлена. — Тамъ есть превосходные мхи, и изъ нихъ можно будетъ сдѣлать великолѣпное украшеніе въ комнатахъ, убрать ими газоны и все, что́ угодно.

— Въ самомъ дѣлѣ,—оживилась и дѣвушка: — я много наберу мховъ и повезу въ Петербургъ, и тогда вы увидите, какихъ я чудесъ изъ нихъ надѣлаю. Значитъ, я вамъ въ Петербургѣ покажу и Сиріуса, и мои чудеса изъ мха.

— Отлично, дѣвочка.

— Да? Тогда намъ будетъ чѣмъ вспомнить Друскеники и Старую мельницу.

— И Дѣдушку, и Бабушку, и Ротничанку,—добавилъ Саша.

— А эхо забылъ,—напомнила дѣвушка.

— Нѣтъ, Оля, не забылъ: «кто былъ спасенъ волной?» «что вянетъ отъ мороза?» «кто снялъ плодъ съ древа?»

— А главное-то и забылъ,—замѣтила Ольга.

— Что́ главное, Оля?

— А «любитъ воду ракъ?»

— Ахъ, да! правда, правда! это главное!—засмѣялся мальчикъ.

— Вы знаете, Борисъ Николаевичъ, что́ это значитъ: «любитъ воду ракъ?» —спросила дѣвушка Гранцева.

— Нѣтъ, дѣвочка, не знаю,—отвѣчалъ тотъ.

— А вотъ какъ: когда вы тамъ, у трехъ ручьевъ, закричите съ этого берега Нѣмана: «любитъ воду ракъ», то на той сторонѣ эхо отвѣчаетъ очень отчетливо: «дуракъ»!

Гранцевъ невольно улыбнулся. «Совершенный таки ребенокъ! Что́ ее занимаетъ—эхо! Да, ребенокъ, а вонъ у меня, далеко не у ребенка, совсѣмъ отняла разумъ: — чисто голову потерялъ я съ нею!»

— Это очень не любезно со стороны господина эхо, — улыбнулся онъ.

— Отчего же не госпожи эхо?—весело спросила дѣвушка.

— Я думаю, что госпожа эхо не можетъ быть такъ дурно воспитана, чтобъ всѣмъ, кто къ ней обращается съ вопросомъ, кричать «дуракъ!»,—отвѣчалъ Гранцевъ.

Дѣвушка взглянула на него, и въ тотъ же моментъ отчетливо вспомнила свой сегодняшній сонъ; по его губамъ, именно по губамъ вспомнила: она во снѣ цѣловала его вмѣсто папы, и даже припомнила, какъ бы сейчасъ ощутила на своихъ губахъ прикосновеніе его мягкихъ усовъ.

Она невольно покраснѣла.

— Да вѣдь и мужчины же не всѣ грубы, поторопилась она заговорить.

Скоро показались за-ротничанскіе домики и нѣкоторыя дачки. Наши путешественники миновали ихъ и вступили на большой ротничанскій мостъ. Миновавъ мостъ, они вновь спустились внизъ, къ Ротничанкѣ, и продолжали путь по той дорожкѣ, по которой раньше шли къ Дѣдушкѣ. Ходьба по солнцу всѣхъ утомила и разговоръ съ трудомъ поддерживался. Болталъ только одинъ Саша, котораго очень занимало предстоявшее послѣ обѣда катанье на лодкѣ.

— И мы будемъ пѣть, какъ вчера тѣ пѣли, говорилъ онъ весело.

— А вы поете? спросилъ Гранцевъ Ольгу. — Я помню, въ Гранадѣ вы любили напѣвать испанскіе романсы—у васъ отличный слухъ.

— Да, да! помню! весело заговорила дѣвушка: «Pio-Дарро. Pio-Дарро! ты течешь живою кровью—свѣжей кровью христіанской, а не кровью мавританской»... Ахъ, какъ я это помню! Или еще я любила вотъ этотъ старинный романсъ:

El Alhambra era, sennor,
Y la otra la mezquita,
Los otros los Alijares,
Labrados à maravilla.

— Милыя, дорогія воспоминанія! со слезами въ голосѣ продолжала она.—И въ особенности теперь съ вами я такъ ясно все это переживаю: pio-Дарро! pio-Дарро! милая рѣченька! Или это начало романса о кастильскомъ королѣ Донъ-Хуанѣ, когда онъ съ завистью смотритъ на Гранаду, тогда еще мавританскую, и обращается къ мавру Абенамару:

Abenàmar, Abenàmar,
Movo de la moveria...

— Помните, онъ спрашиваетъ—кто построилъ этотъ дивный городъ, «городъ фонтановъ». Неужели я никогда не буду тамъ снова? Ахъ, папа, папа! зачѣмъ онъ умеръ? Только съ нимъ и съ вами я все это видѣла; а теперь все это кажется сномъ... И только вы остались обломкомъ—свѣтлой памятью того чуднаго прошлаго.

Гранцевъ смотрѣлъ на нее въ нѣмомъ восторгѣ и не узнавалъ ея: неужели это та дѣвочка, которая еще сегодня смотрѣла ребенкомъ—и вдругъ!

— Удивительное превращеніе! невольно вырвалось у него.

— Какое превращеніе? спросила дѣвушка, глядя на него полными внутренняго огня глазами.

— Въ васъ, Ольга Петровна, я не узнаю васъ: столько въ вашихъ словахъ и въ голосѣ силы и страсти! О, какъ вы выросли.

— Я же вамъ говорила, что я совсѣмъ большая — старуха, потупилась она, боясь огня своихъ собственныхъ глазъ.

Они были уже въ паркѣ. Слышался стукъ тарелокъ и стакановъ. Наши мечтатели точно съ неба упали.

— Я и забыла, что мы въ Друскеникахъ, тихо сказала дѣвушка.

XII.

Гранцевъ возвращался къ себѣ на дачу окончательно разстроенный. Теперь онъ не сомнѣвался, что любитъ Ольгу. Взрывъ сейчасъ проявившагося въ ней чувства, эта страстность, съ которою дѣвушка отдалась внезапно нахлынувшимъ на нее воспоминаніямъ о Гранадѣ,—все это разомъ преобразило ее, обнаруживъ въ ней возможность проявленія сильной страсти, и — испугало Гранцева: онъ любитъ ее, любитъ безумно!—что́ же можетъ быть для него ужаснѣе этого несчастія!

Но, какъ человѣкъ немало пожившій и еще болѣе передумавшій на своемъ вѣку, онъ не могъ, какъ неопытный юноша, такъ легко отнестись къ тому, что́ произошло, и, очертя голову, кинуться въ водоворотъ страсти. Надо было разобраться въ этомъ ужасномъ положеніи. Какъ же могло такъ случиться, что, побывъ съ молоденькой дѣвушкой, а для него, для его лѣтъ—просто дѣвочкой,— побывъ съ нею вмѣстѣ нѣсколько часовъ, онъ вдругъ почувствовалъ къ ней такое глубокое влеченіе? Тутъ что нибудь одно изъ двухъ: или это внезапное, страстное, но постыдное, безчестное влеченіе къ молодому, невинному и неопытному существу, или—истинное, глубокое, святое чувство. Въ первомъ случаѣ — онъ считалъ бы себя негодяемъ, одна близость котораго должна осквернять дѣвственную чистоту милаго существа; и онъ не признаётъ за собой этого постыднаго влеченія; онъ даже невольно, неумышленно не проявлялъ и не замѣчалъ въ своей душѣ наклонностей подлеца. Ясно, что его влекло къ дѣвушкѣ не это недостойное чувство. А послѣ этого еще яснѣе становится, что онъ полюбилъ ее тою чистою, святою любовью, которой ему, увы! не суждено было узнать, но высокій идеалъ которой былъ для него понятенъ. Это́ та всемогущая любовь, которая осѣняетъ человѣка разъ въ жизни, какъ высшее вдохновеніе, и сопровож-

даетъ его до могилы, а объекту такой любви, избранному существу, заставляетъ оставаться вѣрнымъ даже и тогда, когда это существо, разъ вдохнувшее любовь, будетъ уже и въ могилѣ. Любовь — все равно, что рожденіе: человѣкъ родится разъ—и любитъ только одинъ разъ въ жизни. Такъ Гранцевъ понималъ любовь — иначе онъ и не могъ ее понимать. Увлеченья, даже бурныя—это не любовь: это постыдныя паденія.

Какъ же онъ могъ полюбить эту дѣвушку, почти не зная ея?

Онъ долго думалъ надъ этимъ, долго анализировалъ свою душу, свое прошлое—и не могъ успокоиться. Послѣ мучительныхъ думъ и сомнѣній, онъ построилъ въ умѣ своемъ такой генезисъ зарожденія въ немъ роковаго чувства. Въ первый разъ онъ увидѣлъ ее въ Гранадѣ. Ей было тогда двѣнадцать или тринадцать лѣтъ. Это былъ очаровательный ребенокъ, такъ плѣнившій его своею нѣжной привязанностью къ отцу, къ больному старику, что онъ тогда первый разъ въ жизни почувствовалъ сожалѣніе, даже ѣдкую горечь въ душѣ — отчего онъ не женился въ свое время? — почему онъ самъ лишилъ себя счастья имѣть такое же восхитительное, заботливое дитя, какъ эта прелестная дѣвочка? — почему онъ одинъ оказался такимъ отверженнымъ въ цѣломъ мірѣ? — Потомъ онъ привязался къ этой милой дѣвочкѣ, какъ и она довѣрчиво прильнула къ нему своимъ дѣтскимъ, чистымъ сердечкомъ. Они были почти неразлучны все время, пока оставались въ Гранадѣ. Она часто съ бурной стремительностью врывалась въ его номеръ или чуть свѣтъ стучалась къ нему въ дверь, чтобы «ея лордъ», «соня», скорѣе вставалъ и шелъ бы съ ней лазить по окрестностямъ Гранады. Часто, съ такою же бурной стремительностью, она бросалась къ нему на шею, когда онъ входилъ въ ихъ номеръ, чтобъ узнать о здоровьѣ ея отца и предложить ей какую нибудь новую экскурсію по городу или по окрестностямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда же эта дѣвочка заронила въ его сердце, не знавшее дѣтскихъ ласкъ, зачатки привязанности къ ней «почти какъ къ своему ребенку», въ которомъ ему лично отказала судьба. Потерявъ ее изъ виду, онъ однако въ своемъ одиночествѣ вспоминалъ иногда эту свѣтлую страничку въ своей жизни — пребываніе собственно въ Гранадѣ, и свѣтлый образъ милой дѣвочки иногда невольно вставалъ въ его воображеніи. Говоря языкомъ физіологіи, эта дѣвочка, какъ запахъ фіалки, какъ пурпурно-снѣжный отблескъ солнца на льдистыхъ вершинахъ Сіерры Невады; какъ, наконецъ, незабвенный видъ изъ окна el Tocador de la reyna,—осталась у него въ рефлексахъ мозга, въ рефлексахъ сердца и памяти. И вдругъ онъ ее опять нахо-

дитъ—здѣсь! И то, что оставалось только въ рефлексахъ сердца, вдругъ сказалось глубокою страстью, которую онъ мучительно сознавалъ въ себѣ. Но это уже не дѣвочка, а главное — главное несчастье въ немъ! Она, пожалуй, и теперь готова съ прежнею бурной стремительностью броситься къ нему на шею и играть его сѣдой бородой; она почти готова была сдѣлать это сегодня, когда со страстью въ голосѣ декламировала — «ріо-Дарро, ріо-Дарро!»—но онъ-то этого допустить не можетъ. Теперь ужь онъ не посадитъ ее къ себѣ на колѣни, не позволитъ ей этого сдѣлать, какъ это она въ своемъ дѣтскомъ невѣдѣніи дѣлала тамъ, на крутомъ берегу ріо-Дарро. Нѣтъ, это было бы съ его стороны преступленіемъ: онъ понялъ, что теперь у него на душѣ.

Что же ему остается дѣлать?—Остается одно—бѣжать!—пока въ немъ еще остаются силы это сдѣлать.

Съ такимъ рѣшеніемъ онъ подходилъ къ парому, гдѣ они условились сойтись, чтобъ ѣхать въ лодкѣ за Нѣманъ. Дѣвушка уже ожидала его тамъ. Саша же на берегу толковалъ съ Антономъ, разсказывая ему, какъ онъ вчера поймалъ «большого головля». Еврей паромщикъ былъ тутъ же.

Къ Гранцеву возвратилось прежнее спокойствіе, когда онъ принялъ въ душѣ извѣстное уже намъ рѣшеніе. «Ну, потоскую—думалъ онъ—шибко буду тосковать, а все таки спасу себя:—не судьба — слишкомъ поздно для меня это счастье: теперь оно — величайшее несчастіе. Да, не судьба мнѣ».

— А, мой лордъ,—радостно встрѣтила его дѣвушка: — что — вы опять будете скучнымъ?

Она привѣтливо, но пытливо взглянула ему въ глаза и очень крѣпко, совершенно по мужски, пожала протянутую имъ руку.

— О, нѣтъ! — я готовъ дурачиться, какъ дурачился когда-то съ вами на берегу Хениля, съ напускной развязностью отвѣчалъ Гранцевъ.

— И камушки будемъ бросать въ Нѣманъ?

— Будемъ безпремѣнно. Я такіе рикошеты покажу вамъ!

Съ болью въ сердцѣ онъ замѣтилъ, что дѣвушка, какъ ему казалось, съ каждымъ часомъ хорошѣла. Всѣ эти три дня, что онъ видѣлъ ее, она была въ темномъ платьѣ. Теперь же она, какъ и ея братишка, облеклась въ синее матросское платьице съ широкимъ, откинутымъ назадъ, воротомъ-капюшономъ и нѣсколько открытою шейкою. Этотъ костюмъ необыкновенно шелъ и къ ея прекрасному личику, и къ ея стройненькой фигурѣ. Она была идеально красива., — «Пальмочка, пальмочка», колотилось на сердцѣ у Гранцева.

— Что, мой лордъ, — вы любуетесь моимъ костюмомъ? — Это я нарочно для васъ нарядилась матросомъ, для васъ, для «просвѣщеннаго мореплавателя», весело говорила дѣвушка, сама чувствуя обаяніе своей красоты.

— Благодарю за любезность, раскланялся Гранцевъ: — мы пускаемся въ море и вы одѣты по формѣ. Я же одинъ не гармонирую съ обстановкой, меня окружающей.

— Но вѣдь вы—лордъ Гленарванъ, а не матросъ.

— А я Робертъ Грантъ, вмѣшался Саша: —я сынъ капитана Гранта и мы ѣдемъ отыскивать папу.

— Такъ вы — миссъ Мери? продолжалъ шутку Гранцевъ, обращаясь къ Ольгѣ.

— О, нѣтъ!—я совсѣмъ не хочу быть женой Антона! засмѣялась она.

Въ это время подана была лодка, и они вошли въ нее. Антонъ, знаменитый между друскэникскими любителями катанья, искусно держась за канатъ, на которомъ ходитъ паромъ, быстро перевезъ путешественниковъ на ту сторону Нѣмана, и тамъ, дѣйствуя то весломъ, то шестомъ, направилъ лодку вверхъ по рѣкѣ. Не смотря на быстроту теченія, лодка шла довольно быстро. Вечеръ выдался прелестный—тихій и теплый. Солнце еще высоко стояло надъ друскеникскимъ лѣсомъ, но уже не палило такъ, какъ утромъ, а близость воды и безъ того увеличивала вечернюю прохладу. Нѣманъ былъ гладокъ, какъ зеркало. Съ фермы доносилась музыка, которая въ этотъ вечеръ играла не на эстрадѣ кургауза, а въ лѣсу, около фермы. Правый берегъ Нѣмана, освѣщенный косыми лучами солнца, былъ очень живописенъ.

— Здравствуйте, Бабушка! закричалъ вдругъ Саша, когда лодка поровнялась съ знаменитою друскеникскою сосной.

— А вотъ намъ въ Гранадѣ не удалось покататься на лодкѣ, замѣтила Ольга.

— Но тамъ нѣтъ такой красивой рѣки, какъ Нѣманъ, возразилъ Гранцевъ.

— А Хениль?

— Да, но въ немъ такая мутная вода. — Да и всѣ рѣки въ Испаніи такія мутныя: — что можетъ быть, напримѣръ, грязнѣе поэтическаго Гвадалквивира?

— Да, это правда: — Наши рѣки красивѣе; но все же тамъ больше поэзіи.

И дѣвушка съ силой и страстью, какихъ въ ней Гранцевъ и не подозрѣвалъ, запѣла:

En la Habana nacio
Bajo de una palmera,
Quando veniò la comadre,
Cantabe la partenera...

Въ послѣдній стихъ она, казалось, вложила всю свою душу. Она замолчала и глубоко вздохнула. Грудь ея поднималась высоко подъ свободнымъ лифомъ матроски.

— Сколько прелести въ этой мелодіи!—невольно вырвалось у Гранцева: — и сколько души въ вашемъ пѣніи, несравненная дѣвочка.

Ольга стыдливо покраснѣла.

— А что́ это значитъ, что ты пѣла, Оля?—спросилъ Саша.

— Это пѣсня о странѣ пальмъ и объ одной дѣвушкѣ, — отвѣчала Ольга.

Скоро они миновали одинокую ферму, выглядывающую изъ лѣсу, за Нѣманомъ, и пристали къ берегу.

XIII.

— Куда же мы теперь пойдемъ? — спросила дѣвушка, вступивъ на берегъ.

— Да прямо черезъ эту милую лужайку въ лѣсъ, или куда хотите,—отвѣчалъ Гранцевъ.

— А я съ вами не пойду,—заявилъ Саша:—мы съ Антономъ будемъ рыбу ловить.

— Что жъ, лови, Саша, только будь осторожнѣе.—замѣтила сестра.

— Вы берегите его, Антонъ, — сказалъ Гранцевъ.

— Не безпокойтесь, баринъ, я останусь около панича,—отвѣчалъ Антонъ.

Гранцевъ и дѣвушка поднялись на лужайку. Оттуда былъ великолѣпный видъ на все теченіе Нѣмана, на лѣсъ и выдающіеся дачи Друскениковъ. Съ фермы все еще доносились звуки музыки.

— Какъ здѣсь хорошо, — проговорила Ольга, перенося свои блиставшіе счастьемъ глаза съ Нѣмана на зеленую лужайку, въ глубинѣ засѣянную овсомъ и огородиною, и на сосновый боръ.— Ахъ, Борисъ Николаевичъ, какъ я счастлива эти дни, что вы со мною! Точно и папа опять съ нами, и вы все тотъ же.

— Да и вы все та же, доброе дитя!—взволнованнымъ голосомъ произнесъ Гранцевъ

Дѣвушка порывисто взяла его руку.

— Благодарю васъ, мой хорошій! — съ чувствомъ сказала она. — Еслибъ вы знали, какъ я счастлива, когда вы говорите мнѣ «доброе дитя», точно въ самомъ дѣлѣ вы мой папа!

— Но мнѣ не дано это право,—съ грустью замѣтилъ Гранцевъ.

— Все равно! — горячо сказала дѣвушка: — вѣдь я же не меньше люблю васъ оттого, что вы мнѣ не папа.

— «Люблю!» — съ тоскою подумалъ Гранцевъ: — «мучитель мой—эта дѣвчонка! Она о динаково скажетъ: и «тетю Соню люблю», и «простоквашу люблю».

— Такъ туда въ лѣсъ можно?—весело спросила дѣвушка.

— Конечно. Со мною вездѣ можно—идемъ.

Дѣвушка побѣжала впередъ, точно играя въ горѣлки.

— Догоняйте!—крикнула она.

Гранцевъ побѣжалъ и далеко опередилъ ее.

— Вонъ какой вы! — весело смѣялась она, едва переводя духъ.—А еще называете себя старикомъ: я за вами не угонялась.

Они все подвигались въ глубь зеленой лужайки. Гранцевъ нагнулся, сорвалъ какой-то цвѣтокъ и подалъ его дѣвушкѣ.

— Ахъ, какая прелестная незабудочка! — радостно воскликнула она. — Merçi! очень, очень, beaucoup merçi! Я ее непремѣнно сохраню на память объ этой прогулкѣ. Только теперь я положу ее въ воду, чтобы не завяла.

И она побѣжала къ ручейку, который прихотливо извивался между стволами и корнями сосенъ, окаймленный зеленою осокою и чаканомъ.

— Какъ тутъ хорошо!—радостно говорила она, восхищаясь всѣмъ, какъ ребенокъ.—Это Богъ послалъ мнѣ васъ, мой милый другъ: безъ васъ я бы ничего этого не видѣла. Но тамъ, за ручьемъ, еще лучше, тамъ и цвѣты такіе хорошенькіе.

И она осторожно перебралась за ручей по переброшенному черезъ него стволу дерева.

— Осторожнѣе! осторожнѣе!—кричалъ ей издали Гранцевъ.

— Не бойтесь, это не по вчерашнему. Видите, я и здѣсь ужь. А вонъ сколько цвѣтовъ!

Побѣжавъ впередъ, она вдругъ вскрикнула:

— Ай! спасайте! я въ болото попала, тутъ вода... ай!

Въ одно мгновеніе Гранцевъ перескочилъ черезъ ручей. Дальше, замаскированная зеленью и мхами, была топь.

— Ради Бога, не двигайтесь! не шевелитесь! вы попадете въ грязину!—торопливо говорилъ онъ.

Онъ чувствовалъ, что и его ноги вязнутъ; но онъ тотчасъ же очутился возлѣ дѣвушки.

— Держитесь за меня крѣпче, какъ тамъ, въ Гранадѣ.

И онъ, обхвативъ дѣвушку поперекъ тѣла, понесъ назадъ къ ручью. Ольга, боясь упасть, крѣпко обвилась руками вокругъ его шеи.

— Ахъ, какой вы сильный! какой добрый!

Гранцевъ чувствовалъ, что у него кружится голова. Онъ бережно опустилъ дѣвушку на сухую траву. Лицо его было блѣдно, руки дрожали отъ волненія; онъ еще чувствовалъ, казалось, какъ ея нѣжныя руки обвивались вокругъ его шеи, слышалъ біеніе ея сердца, ощущалъ на щекѣ ея горячее дыханіе.

И дѣвушка была блѣдна отъ волненія.

— Простите меня! -шептала она, положивъ руки къ нему на плечи:—я напугала васъ, простите, мой добрый!

Онъ тяжело дышалъ.

— Я за васъ испугался... Вы были у самой трясины.

— Ахъ, простите, простите! Но я ничего, только въ грязь попала.

И она, приподнявъ платье, показала ноги. Ботинки были всѣ въ грязи.

— Ну, вонъ видите! все еще взволнованно проговорилъ Гранцевъ.—Вы опять промочили ноги. Это, кажется, ваша спеціальность.

— Нѣтъ, нѣтъ! весело возражала дѣвушка:—я вовсе не перемочила ногъ, на мнѣ не туфли, какъ вчера, а кожаныя ботинки.

— Все же вода проникла туда, это очень скверно! Мы сейчасъ должны воротиться домой.

— Ай, нѣтъ! ради Бога не надо! испуганно воскликнула дѣвушка:—я не хочу!

— А я прошу васъ: вытрите сейчасъ ботинки о сухую траву и мы ѣдемъ теперь же домой. Этимъ шутить нельзя, особенно въ вашемъ возрастѣ. Долго ли схватить легочную простуду!

— Да Боже мой! почти со слезами защищалась дѣвушка:—у меня ноги сухія...

— Нѣтъ, какъ хотите, Ольга Петровна, а я требую, памятью вашего отца!

Ольга въ самомъ дѣлѣ заплакала.

— Если не вѣрите, всхлипывала она, я вамъ покажу.

И она торопливо стала разстегивать одну ботинку.

— Вотъ, посмотрите, чулки совсѣмъ сухіе.

Она также быстро сняла и другую ботинку.

— И эта сухая, посмотрите, пощупайте сами, если не вѣрите... Да берите же! щупайте!

Гранцевъ нагнулся и дрожащими руками бережно прикоснулся къ ногамъ дѣвушки, къ подошвамъ и къ пальцамъ. Чулки были дѣйствительно сухи.

— Видите, я говорила, развѣ я лгунья! все еще всхлипывая, ов орила дѣвушка.

Кровь бросилась въ голову и въ лицо Гранцеву. Въ вискахъ у него точно молотками стучало и сердце какъ будто остановилось.

— Да... ваша правда... онѣ сухи... тѣмъ лучше, говорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— А вы думали, что я лгала; я никогда не лгу. Я и папѣ никогда не лгала, и вамъ. Папа говорилъ, что если не хочешь чего сказать, то лучше смолчи, а только неправды не говори... А вы!..

Говоря все это еще обиженнымъ тономъ, она торопливо вытирала травой ботинки и также торопливо застегивала ихъ.

— Ну, простите, простите, смущенно бормоталъ Гранцевъ.

— То-то же! а еще няня...

— Ну, виноватъ, я за васъ же боялся.

— Вотъ и я! съ сіяющими глазами проговорила она, вскочивъ на ноги. Идемъ!

— Куда прикажете?

— Куда хотите! Съ вами я и на край свѣта пойду! Ахъ, какъ хорошо жить! Боже, какъ хорошо!

И она запѣла:

En la Habana nacio
Bojo de una palmera...

XIV.

Осторожно перебравшись черезъ ручей на лужайку, Гранцевъ и Ольга, сквозь чащу кустарниковъ и молодыхъ сосенъ, перемѣшанныхъ съ можжевельникомъ, который росъ по склону горы красивыми купами, вышли на самое возвышенное мѣсто, откуда открывался прелестный видъ на за-нѣманскій друскеникскій лѣсъ, на песчаный берегъ у Трехъ ручьевъ, окаймленныхъ темными ольхами, и на далекія песчаныя кучугуры, испятнанныя темными букетами конусообразнаго можжевельника. Вправо зеленѣлъ огромными лопухами островъ, мимо котораго лентою извивался Нѣманъ, теряясь въ темной дымкѣ далекаго лѣса, золотимаго за-

ходящимъ солнцемъ. Но и сюда слабо долетали звуки Эбановскаго оркестра.

— Слышите?—опять играютъ «Старую мельницу», остановившись, прислушивалась дѣвушка.

— А теперь я попрошу Эбана положить на музыку «Зеленую трясину», улыбнулся Гранцевъ.

— Ахъ, злой!—лучше положить на музыку «Промокшіе чулки».

— И притомъ «синіе».

— Правда, правда—на мнѣ теперь синіе, а не розовые.

— Да, вы вся теперь голубенькая, точно незабудка.

— Ахъ, Боже мой! я и забыла тамъ въ ручьѣ мою незабудку!

— Ничего—мы возьмемъ ее на обратномъ пути.

Продолжая идти по краю обрыва, поросшаго кустарникомъ и высокими соснами, они дошли до того гладкаго, глинисто-песчанаго мѣста, которое называется зеркаломъ вслѣдствіе того, что эта свѣтлая полоса обрыва, вставленная въ темную раму сосенъ, отчетливо отражается на гладкой поверхности Нѣмана, какъ въ зеркалѣ.

— Смотрите, какіе тамъ розовые цвѣты по обрыву, обрадовалась Ольга.—Я хочу сорвать ихъ.

— Но вы можете соскользнуть внизъ—песокъ очень зыбкій, предостерегалъ ее Гранцевъ.

— Не бойтесь, не упаду.

И она упрямо стала опускаться по обрыву. Но Гранцевъ былъ правъ: ноги ея начали скользить по песку, и она стала катиться внизъ.

— Ай! ѣду! ѣду! со смѣхомъ закричала она.

Гранцевъ бросился на выручку, и едва успѣлъ удержать ее за талію; но она все таки тянулась къ прельщавшимъ ее цвѣтамъ.

— Вотъ упрямая дѣвчонка!—да держитесь же за меня! уговаривалъ ее Гранцевъ.

— Ахъ, какой!—а чѣмъ же я цвѣты буду рвать, когда должна держаться за васъ?

И она, съ опасностью скатиться внизъ, нарвала таки порядочный пучокъ; но вверхъ не въ силахъ была подниматься—ноги ея съѣзжали вмѣстѣ съ пескомъ, и Гранцевъ съ трудомъ, поддерживая и подталкивая свою непослушную спутницу за талію, кое-какъ подсадилъ ее на верхъ обрыва. Отъ напряженія и усталости она была вся розовая, глаза горѣли, и Гранцевъ волей-не-

волей долженъ былъ втайнѣ любоваться ею, хотя на сердцѣ у него было очень тяжело.

— Ну, теперь пойдемте мхи собирать, командовала развеселившаяся шалунья, видя около себя такую послушную няньку.

— Идемте, повиновался Гранцевъ, думая съ тоскою въ душѣ, что это послѣднее испытаніе и что какъ ни тяжело будетъ ему разстаться съ этимъ очаровательнымъ существомъ, которое окончательно заполонило всю его душу, но онъ долженъ разстаться для ея же счастія и для спасенія себя отъ опасности совсѣмъ потерять голову.

Они углубились въ чащу. Подъ ногами то и дѣло попадались превосходные букеты мховъ, то ярко-зеленые, то сѣрые, какъ змѣиная чешуя, то серебристые.

— Ахъ, какая прелесть! А это—цѣлая подушка, смотрите!

Ольга была ненасытна. Ворохъ мховъ, сложенныхъ ею у ствола старой сосны, все увеличивался.

— Да какъ же мы ихъ потащимъ? ужасался Гранцевъ.

— Это мое дѣло, отвѣчали ему:—изъ нихъ я выберу самые, самые хорошіе.

— Все же будетъ масса.

— Да они такіе легенькіе, гораздо легче меня, не правда ли?

И она беззаботно смѣялась, сверкая бѣлыми, какъ жемчугъ, зубами.

— Вотъ увидите, какъ я въ Петербургѣ украшу мой будуаръ, болтала она.

«Нѣтъ, дорогое дитя, не увидишь ты меня въ Петербургѣ», съ страшною тоскою думалъ Гранцевъ. И онъ усердно выискивалъ красивѣйшіе экземпляры мховъ съ тихою болью въ душѣ, какъ будто они предназначались украсить его могилу.

«Да могилу же, конечно,—вѣрнѣе, чѣмъ брачное ложе...»

— Довольно! устала!

И дѣвушка, присѣвъ около пирамиды изъ причудливыхъ мховъ, стала ихъ сортировать. Менѣе красивые были брошены; но и отобранныхъ была порядочная горка.

— Вотъ! кончила она.

— Однако! Вѣдь ихъ не донести до лодки, лодка далеко; да еще надо будетъ зайти за незабудкой, подумали вы объ этомъ?

Дѣвушка задумалась; но тотчасъ же воскликнула:

— Нашла! нашла! знаю въ чемъ... Уйдите на минутку вонъ туда въ лѣсъ и не глядите сюда, пока я васъ не позову, говорила она, лукаво улыбаясь.

Гранцевъ повиновался и удалился за густые кусты молодыхъ

сосенокъ. Но еслибъ онъ имѣлъ недобросовѣстность выглянуть изъ-за кустовъ, то увидѣлъ бы слѣдующее:

Едва Гранцевъ скрылся, какъ Ольга, оглядѣвшись кругомъ и видя, что она въ безопасности, торопливо подняла подолъ своей матроски, развязала шнурки нижней бѣлой юбки и спустила ее на траву. Затѣмъ плотно стянула шнурки, и изъ юбки вышелъ отличный широкій мѣшокъ. Въ него она сложила бережно свои сокровища.

— Пожалуйте, лордъ! весело закричала она:—все готово, мы можемъ идти за незабудкой.

Гранцевъ вышелъ изъ засады.

— Глядите, какъ я придумала.

— Что жъ! отлично, ваша юбочка?

— Да,—въ ней удобно нести.

— Такъ позвольте, я понесу.

— Нѣтъ, нѣтъ! это я сама могу, а это—вы.

Она взяла свой узелъ, а Гранцеву передала пучокъ цвѣтовъ Она была весела, какъ никогда; мало того, она была счастлива. Со свойственной женщинѣ психологической тонкостью, она поняла, что любима и что ее въ первый разъ полюбилъ «настоящій мужчина». Она чувствовала глубокое духовное удовлетвореніе — первыя въ жизни, самыя высокія и чистыя наслажденія, которыя придаютъ цѣну жизни женщины. Она можетъ нравиться, и кому еще! кого она считала такимъ высокимъ, такимъ большимъ въ сравненіи съ нею, такою маленькою. Она готова была броситься на шею тому, кто далъ ей эту первую радость въ ея молодой жизни. Въ душѣ у нея все ликовало. Она вспомнила Лонгфелло—«Пѣснь о Гайаватѣ»: и у нея—

„Соловьи запѣли въ сердцѣ!..“

Она не думала о будущемъ. Она жила только настоящею блаженною минутою.

«Ахъ, еслибъ онъ сказалъ! еслибъ только онъ сказалъ *это* слово—одно слово, здѣсь, теперь, въ лѣсу, гдѣ я поняла все — только бы сказалъ! Какъ? какимъ бы голосомъ онъ *это* сказалъ?..»

Но онъ не сказалъ, и они молча спустились на лужайку. Только дорогой, въ кустахъ, онъ нѣжно прикасался къ ея волосамъ, къ растрепавшейся косѣ, и осторожно вынималъ запутавшіяся въ нее сосновыя иглы и пушинки. Она не оглядывалась, но чувствовала на себѣ его взглядъ.

А онъ шелъ грустный, убитый.—«Нѣтъ, она слишкомъ еще ребенокъ: развѣ другая сняла бы съ себя это, показала бы мужчинѣ? Милое, чистое, святое дитя!»

Они достали изъ воды незабудку и направились къ лодкѣ. Саша встрѣтилъ ихъ радостными восклицаніями:

— Три окуня! три окуня!

Стало темнѣть, когда лодка пустилась въ обратный путь.

— Ахъ, какой чудный вечеръ!.. Я никогда, никогда не забуду его—никогда я не была такъ счастлива. А вы?

— И я никогда не забуду, отвѣчалъ Гранцевъ, стараясь не глядѣть на нее.

— Ахъ, Антонъ, не гребите—пускай лодка сама плыветъ. Я бы хотѣла долго-долго такъ плыть. Какъ тихо, какъ хорошо теперь пѣть на водѣ.

И дѣвушка запѣла съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что Гранцевъ затрепеталъ. Она пѣла:

Mas vale Trocar
Placer por dolores,
Que estar sin amores.

— Вы этой пѣсни не знаете, окончивъ куплетъ, сказала она Гранцеву: — я эту слышала уже послѣ васъ, когда мы съ папой были въ Малагѣ.

— Слова я немножко понимаю, отвѣчалъ Гранцевъ: — это, кажется, значитъ: лучше радость промѣнять на горе, чѣмъ жить безъ любви.

— Да, такъ... А дальше — слушайте:

Donde es a gradeciolo
Es dulce el morir.
Mejor es sufrir
Pasion y dolores,
Que estar sin amores!

— Сладко умереть въ счастьѣ,—какъ бы для себя самой уясняла она смыслъ того, что́ пѣла съ такимъ одушевленіемъ: — лучше переносить страданія и горе, чѣмъ жить безъ любви.

Ея задушевный, полный нѣги, голосъ повторяло эхо, когда она съ новою страстью запѣла:

Es vida perdida
Vivir sin amar:
Mejor e penar
Sufviendo dolores,
Que estar sin amores!

— Жизнь безъ любви—пропащая жизнь! закончила она.

Какъ глубоко чувствовалъ теперь Гранцевъ роковой смыслъ этихъ словъ: его жизнь—пропащая жизнь!

XV.

Было уже совсѣмъ темно, когда они пристали къ помосту у перевоза.

— Вонъ и моя счастливая звѣзда, сказала Ольга, показывая на Капеллу.

О «звѣздѣ папы», объ Арктурѣ, на этотъ разъ, она забыла: сегодня въ первый разъ она забыла объ отцѣ...

По пути къ дачѣ Заливиныхъ, когда наши путешественники проходили паркомъ, Ольга, все еще сильно возбужденная, спросила Гранцева: — «А какъ мы проведемъ завтрашній день»?

Вопросъ этотъ привелъ его въ крайнее смущеніе. Въ душѣ онъ уже окончательно рѣшился немедленно уѣхать изъ Друскеникъ. Онъ даже думалъ сдѣлать это завтра, не предупреждая объ этомъ дѣвушку, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, у нея могло бы явиться подозрѣніе: отчего же онъ раньше не сказалъ, что намѣренъ такъ скоро уѣхать. Поэтому онъ и хотѣлъ выдумать предлогъ для такого внезапнаго исчезновенія. Единственный предлогъ — это полученіе яко бы телеграммы, и непремѣнно въ этотъ вечеръ или въ эту же ночь, телеграммы, немедленны вызывающей его изъ Друскеникъ въ Петербургъ по какому нибудь очень важному, рѣшительно неотложному дѣлу, такъ чтобы онъ, за спѣшностью якобы отъѣзда, не могъ проститься съ дѣвушкой и ея семействомъ, а оставилъ бы ей только записку съ выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что не могъ лично этого сдѣлать. Между тѣмъ, когда записка эта была бы получена дѣвушкой, удалая и крайне исхудалая четверка Перлиса уже тащила бы его по пескамъ литовской Сахары. — Вотъ почему такъ смутилъ его неожиданный вопросъ Ольги. Притомъ, ему вдругъ стало невыразимо больно, при мысли, что ужь никогда, никогда болѣе не увидитъ этого милаго, столь дорогаго для него существа. Ему показалось невозможнымъ—вотъ сейчасъ, тутъ же, въ этотъ вечеръ, навѣки проститься съ нею и никогда, никогда въ жизни не видѣть ея. Онъ чувствовалъ, что, по крайней мѣрѣ, сегодня онъ не въ силахъ будетъ оторвать лучшую часть своей души — всю душу, и отказаться отъ мучительнаго счастія хоть еще разъ, именно завтра, увидѣть милую дѣвушку и съ безмолвною тоскою проститься съ нею.

Дѣвушка повторила вопросъ, и, увѣренная въ томъ, что она любима, что теперь ей не откажутъ ни въ чемъ, съ деспотизмомъ этой увѣренности прибавила:

— Знаете, куда мы завтра пойдемъ?—Вокругъ озера!—тамъ, говорятъ, очень хорошо. — А теперь идемте къ намъ чай пить и ужинать: я такъ проголодалась! А вы?

— И я съ удовольствіемъ поужинаю, отвѣчалъ Гранцевъ покорно.

На дворѣ своей дачи, увидя огонь на террасѣ, Ольга весело закричала:

— Чаю, чаю скорѣй, Fräulein! и ужинать! — мы умираемъ съ голоду.

Счастливая и радостная, она вихремъ влетѣла на террасу съ своимъ узломъ, и прямо къ теткѣ.

— Смотри, тётечка милая,—вѣдь это все мхи!

— А въ чемъ ты ихъ притащила? спросила старушка, всматриваясь въ бѣлый узелъ.

— Вотъ, гляди въ чемъ—сама выдумала, тетюня!

Старушка покачала головой.

— Ахъ ты, повѣса! — Вѣдь ужь большая дѣвка, а какъ озоруетъ.

Увидѣвъ импровизированный мѣшокъ и понявъ, въ чемъ дѣло, Fräulein Амалія руками всплеснула въ ужасѣ.

— Ach, mein Gott!—Ach, pfui! Schande!

— Ach, Fräulein! почему же Schande? весело возразила Ольга.

— Ach, pfui!—Unverschämte! продолжала ужасаться нѣмка.

Дѣвушка схватила ее за руки.

— Ну, Fräulein,—а еслибы я сдѣлала мѣшокъ не изъ нижней юбки, не изъ бѣлой, а вотъ изъ этой, изъ матроски, — тоже было бы Schande?

— Ach, mein Kind!—что ви говорійть?—юбка!

— Ну, изъ платья, а не изъ юбки?—не все равно?

— Ach, ach! закатилась нѣмка.

Но спорить было некогда. Самоваръ давно неистовствовалъ на столѣ а Людвися тащила огромный подносъ съ разными холодными и горячими кушаньями.

— И сыръ, и полендвицы, и медъ, и картофель въ мундирѣ! Вы любите картофель въ мундирѣ? весело болтала Ольга, подбѣжавъ къ Гранцеву.

— Очень люблю, отвѣчалъ тотъ.

— Такъ вотъ вамъ тарелка, вотъ ножъ, вилка, вотъ соль, вотъ масло, салфетка, вотъ... И она остановилась, глядя на Гранцева: — что же еще вотъ? — Ахъ, вотъ я сама! — будемте кушать вмѣстѣ. Такъ, тетя?—кушать, а не ѣсть?

— Да ужъ кушай, повѣса, только гостя не тормоши, отозвалась старушка.

— Я не тормошу, а слѣдовало бы!—онъ меня сегодня разувалъ.

— Что ты мелешь, повѣса!—вѣдь не маленькая.

— Я не мелю, тетя:—онъ заставилъ меня разуться—думалъ, что я промочила ноги—въ трясину попала—онъ велѣлъ разуться.

— Что жъ, Борисъ Николаевичъ хорошо сдѣлалъ—тебя же, повѣсу, берегъ.

За общей суматохой совсѣмъ забыли о Сашѣ.

— А гдѣ же нашъ мальчикъ? спохватилась старушка тетя—Саша! Саша!

— Ахъ, молчите! сердито откликнулся тотъ изъ-за зелени сосенокъ, которыми была обставлены снаружи терраса.

— Что ты тамъ дѣлаешь?

— Отвѣта не послѣдовало. Только Людвися лукаво улыбалась.

— Они тамъ кошку подкарауливаютъ, что́ ночью рыбку у нихъ съѣла, сказала она.—Хотятъ ее хворостиной высѣчь.

— А гдѣ твои окуни, Саша? шопотомъ спросила Ольга сквозь вѣтви сосенокъ.

— Ихъ завтра Антонъ въ ведрѣ принесетъ, также шопотомъ отвѣчалъ мальчикъ.

Амалія Карловна принесла и поставила на столъ миску со свѣжимъ готовымъ медомъ.

— Вотъ не хотите ли масла съ медомъ? обратилась Ольга къ Гранцеву.

— Благодарю васъ—я масла съ медомъ ужъ не буду ѣсть, отвѣчалъ тотъ.

— А со мной?—пожалуйста, со мной.

При этихъ словахъ дѣвушки, старушка тетя невольно разсмѣялась.

— Да что ты—медъ что ли, что съ тобой масло ѣсть?—Вотъ сахаръ медовичъ!

— Ахъ, тетя! не меня съ масломъ ѣсть, а со мной вмѣстѣ—я такъ люблю масло съ медомъ. А знаешь, тетя милая, куда мы завтра пойдемъ?—Вокругъ озера.

— Да ты, повѣса, совсѣмъ замучишь Бориса Николаевича, отозвалась старушка.—Онъ и такъ слишкомъ снисходителенъ—балуетъ тебя, а ты этого не цѣнишь, глупая, и мучишь его.

— Да! замучишь его!—онъ меня сегодня, какъ обогналъ на лужайкѣ!—я вся запыхалась, а ему и нипочемъ. Вонъ онъ какой!—онъ очень сильный...

При этомъ дѣвушка вспомнила, какъ Гранцевъ выносилъ ее изъ трясины, точно маленькаго ребенка, какъ она чувствовала біенье

сердца, какъ обвивалась руками вокругъ его шеи; но этого она не сказала своей тетѣ: она почему-то никому, никому не хотѣла бы сказать—это только она должна знать, и никто больше... «Это что-то святое», думалось ей:—«совсѣмъ святое».— Она чувствовала, что грудь ея высоко поднимается, поднимается, точно въ легкихъ воздуху не хватало.—«Это *оно*, то, чего я еще не знаю»...

Она встала и сошла съ террасы на дворъ, чтобъ освѣжить голову, которая, казалось, пылала, и вздохнуть на воздухѣ полной грудью, а изъ души не выходили слова испанскаго романса:

Mejor e penar,
Que estar sin amores.

— Идите сюда, Борисъ Николаевичъ, позвала она.

Тотъ вышелъ. Было совсѣмъ темно, только звѣзды горѣли великолѣпно.

— Я еще не показывала вамъ созвѣздія моей дорогóй мамы, тихо сказала дѣвушка.—Вонъ оно—смотрите—влѣво и выше Арктура.

— Какое же это созвѣздіе? съ дрожью въ голосѣ спросилъ Гранцевъ.

— Сѣверная Корона—вонъ коронка изъ звѣздъ, и внизу одна—больше другихъ.

— Не вижу, отозвался Гранцевъ.

— Лѣвѣе, лѣвѣе еще—выше—вотъ.

Показывая правой рукой въ небесное пространство, Ольга лѣвую руку тихо положила на плечо Гранцеву. Это прикосновеніе прошло электрическимъ токомъ по всему его тѣлу—онъ едва стоялъ на ногахъ—что-то какъ бы заволокло глаза.

— Видите теперь?—Большая внизу—это Гемма.

Онъ ничего не видѣлъ и молчалъ.

— Это моя дорогая мама—она благословляетъ меня каждый вечеръ. Вы дрожите?—вамъ холодно?

— Да, беззвучно отвѣчалъ Гранцевъ, чувствуя, что онъ долженъ былъ употреблять нечеловѣческія усилія, чтобъ не обнять дѣвушку и не привлечь къ себѣ. Его била лихорадка; но онъ осилилъ себя.

— Милая мама, дорогая моя!... Такъ пойдемте на террасу.

Гранцевъ поторопился проститься, отговариваясь спѣшнымъ дѣломъ, которое будто бы ожидало его дома. Онъ чувствовалъ, что дольше оставаться здѣсь было выше его силъ: точно огромная волна захватила его и уносила въ море, а у него не хватало ни воли, ни разсудка, чтобы сопротивляться роковому чувству.

— Приходите раньше! я съ нетерпѣніемъ буду ждать васъ!

закричала дѣвушка, выбѣжавъ на дворъ, чтобъ еще разъ проститься.

Но Гранцевъ былъ уже за калиткой.

XVI.

Ольга тотчасъ же ушла въ свою комнату, сказавъ, что устала и хочетъ спать. Но она спать и не думала, да сонъ и не шелъ ей на умъ. Ей хотѣлось остаться одной.

Защелкнувъ дверь на крючокъ, дѣвушка тотчасъ же упала на колѣни.

«Мама, дорогая мама! благослови меня! благослови на счастье твою Олю!—Папа, папа! еслибы ты зналъ, что̀ съ твоей дѣвочкой! О, мой папа! еслибъ ты только зналъ...

Она долго стояла такъ въ блаженномъ умиленіи, безъ молитвы, безъ словъ. Развѣ эта не высшая молитва изъ всѣхъ, какія она знала, развѣ это не самая чистая и святая? Она любитъ, она любима! Развѣ не онъ, не папа, говорилъ ей, что любовь—самое священное чувство, что это—божественное таинство? И вотъ теперь это таинство совершается въ ней—этотъ божественный актъ любви, это преображеніе человѣка въ божество. Великая тайна!

«Но этой тайны никто, никто не долженъ знать—даже мама; это было бы святотатство!»

Потомъ она присѣла къ своему письменному столику и стала припоминать все, что произошло въ эти два дня. Она вспомнила охватившее ее тамъ, у Старой мельницы, невѣдомое чувство, когда онъ сказалъ ей «доброе дитя!» Она не знала еще, что̀ это было такое; но она только чувствовала, что слова, сказанныя имъ, и голосъ, какимъ они были сказаны, разомъ какъ-то породнили ее съ нимъ, сблизили. А сегодня она уже поняла, что̀ это такое было, и сегодня она узнала, что онъ любитъ ее. Но отчего онъ не сказалъ этого? Боялся развѣ? Да, конечно, боялся. Онъ же самъ говорилъ, что никого не любилъ въ жизни, и ему, слѣдовательно, никто не говорилъ, что любитъ его. Но почему онъ ей не сказалъ, хоть бы тогда, когда держалъ ее на рукахъ, выхвативъ изъ трясины? Вѣдь она тогда всѣмъ своимъ существомъ ощущала, что онъ любитъ ее; ахъ, какъ еще любилъ! Но онъ не сказалъ. Когда же скажетъ? завтра? гдѣ? за озеромъ? А если не скажетъ? Если опять не рѣшится? Что тогда будетъ? Тогда она сама скажетъ ему. Она и сегодня чуть-чуть не сказала, тамъ, въ темнотѣ, на дворѣ, когда они смотрѣли на Сѣверную Корону и когда ея руки лежали на его плечѣ. Она даже въ этой рукѣ

ощущала, что онъ любитъ ее, какъ любилъ тогда, когда несъ на рукахъ: она во всемъ тѣлѣ, въ сердцѣ—вся, вся чувствовала, что онъ любитъ ее. Стоило ей только обнять его, прижаться къ нему въ темнотѣ—никто бы не увидѣлъ—и сказать, все сказать! Онъ бы и лица не увидѣлъ, а только бы услыхалъ.

— Warum schlafen Sie nicht, mein Kind?—послышался вдругъ голосъ Fräulein.

Дѣвушка вздрогнула и словно проснулась.

— Ахъ, я молюсь! раздѣваться сейчасъ буду, — нетерпѣливо отвѣчала она.

— Дѣти должни спайть!—наставительно проговорила нѣмка.

— Ахъ, сама знаю.

Нѣмка ушла, шлепая туфлями.

Да, завтра она сама скажетъ. Отчего же дѣвушкѣ не сказать первой? Вѣдь говорятъ другія. Татьяна первая написала Онѣгину—хлыщъ какой! Вонъ и Елена тоже сама сказала Инсарову. тчего это первые должны говорить мужчины? Вотъ вздоръ какой! Она сама выскажетъ первая, и завтра же. Саша развлечется чѣмъ нибудь, а они уйдутъ въ сторону, и она скажетъ. Но какъ же такъ, ни съ того, ни съ сего? Еслибы можно было опять такъ устроить, чтобы промочить ноги или чтобы онъ переносилъ ее черезъ болото, — еслибы такъ! Тогда она обхватитъ опять его шею, прильнетъ къ нему вся, онъ поцѣлуетъ ее, а она его – и все, все скажетъ!

Mejor e penar,
Que estar sin amores!

Да это непремѣнно будетъ завтра.

Но какое платье завтра надѣть? Ахъ, да! малорусскій костюмъ! Онъ никогда ее въ немъ не видѣлъ. Ему непремѣнно понравится, Кстати же онъ называлъ ее иногда въ Гранадѣ «маленькой хохлушечкой» и «маленькой украинкой», потому что она родилась въ Крыму а въ тамошнемъ ихъ имѣніи живутъ все малороссы. Непремѣнно она будетъ завтра въ костюмѣ, вся въ бусахъ, и всѣ свои ленты вплететъ въ косу. Надо только, чтобы Fräulein хорошенько ее причесала. А чулки какіе? Ахъ, да! тѣ, вышитые, что́ для костюма.

Какъ видитъ читатель, это были совершенно ребяческія мечтанія.

Черезъ нѣсколько минутъ, едва успѣвъ наскоро раздѣться, она уже спала сномъ невинности, подложивъ правую ладонь подъ горячую щеку.

Не спалъ зато Гранцевъ. Чтобъ отогнать отъ себя охватив-

шее его волненіе, онъ сталъ понемногу укладываться въ дорогу; но часто, съ книгой въ рукѣ, или съ ручнымъ сакомъ, или съ сюртукомъ, сложеннымъ для укладки, онъ останавливался среди комнаты надъ открытымъ чемоданомъ, и забывалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Мысль его неудержимо стремилась туда, на уютную террасу, обнесенную зелеными сосенками, или за Нѣманъ, на ту зеленую лужайку.

Онъ въ сотый разъ мучительно обсуждалъ свое положеніе. Что ему дѣлать? Неужели измѣнять разъ принятое рѣшеніе? Нѣтъ, никогда! это было бы безуміемъ. Еслибы даже она и полюбила его, что невозможно съ ея темпераментомъ, съ ея пламенною южною кровью,—вѣдь южные организмы такъ рано созрѣваютъ,—если она и полюбитъ его и скажетъ ему это, онъ тѣмъ болѣе долженъ бѣжать, непремѣнно бѣжать! А иначе, впослѣдствіи, разомъ будутъ двѣ жертвы, двѣ разбитыхъ жизни. Его жизнь разобьется—это еще куда ни шло! да ея и немного ужь остается. А она? что, если молодая жизнь скажется впослѣдствіи и она увидитъ себя связанною со старикомъ? Ей будетъ двадцать, а ему пятьдесятъ три. А развѣ и въ тридцать лѣтъ она не полюбитъ, не способна будетъ? И въ сорокъ можетъ полюбить. Зачѣмъ же ему кандалами висѣть у нея на ногахъ? Нѣтъ, хуже!—камнемъ на шеѣ.

И онъ, какъ она, припоминалъ все, что произошло въ эти два дня; сердце его билось и тревогою въ первый разъ испытываемаго блаженства, и глухою, смертельною тоскою. Всего мучительнѣе было то, что онъ долженъ самъ разбить свое счастье, котораго онъ такъ жаждалъ и которое было такъ близко. Оно было въ его рукахъ, тамъ, за Нѣманомъ, на той зеленой лужайкѣ. Ея сердце стучало тревогою объ его сердце, и онъ могъ совсѣмъ не выпустить ея изъ своихъ объятій. И вотъ сейчасъ тамъ, въ темнотѣ, на дворѣ, когда она показывала ему Сѣверную Корону, —ея рука трепетала на его плечѣ, и онъ не рѣшился обнять ее, унести вотъ сюда, — куда, какъ и въ его одинокій кабинетъ въ Петербургѣ,—еще никогда не переступала нога женщины, да и не переступитъ! Развѣ послѣ того, что онъ узналъ въ эти два дня, могъ онъ уже полюбить другую женщину? Зачѣмъ это случилось не раньше? Зачѣмъ она, эта чистая дѣвушка, не встрѣтилась на его жизненномъ пути лѣтъ двадцать раньше? Зачѣмъ?

Праздные, глупые вопросы!

И онъ опять старался уяснить себѣ разсудкомъ: какимъ это образомъ одно существо, дѣвушка, почти дѣвочка, можетъ ра-

зомъ замѣнить для человѣка цѣлый міръ, вытѣснивъ изъ его души всю вселенную и населивъ эту вселенную только собою, своимъ маленькимъ, почти дѣтскимъ, прекраснымъ тѣльцемъ? Да, въ этомъ чувствѣ — самъ Богъ, потому что сила этого непостижимаго чувства—божественная, недосягаемая для бѣднаго человѣческаго разума: глубочайшая тайна бытія. Тутъ умъ человѣческій безсиленъ: не постигнуть ему ни тайнъ бытія, ни тайнъ этого человѣческаго чувства.

Напрасно!—разсудокъ менѣе всего могъ тутъ ему помочь. И онъ опять склонялся къ мысли, что это—болѣзнь, безуміе. Тогда всѣ люди безумны—всѣ они отдаютъ дань этому ужасному чувству. Между тѣмъ, терзаясь тоскою и сомнѣніями, онъ забѣгалъ мыслью впередъ.—Что-то будетъ завтра?—какъ онъ ее увидитъ?—какъ она будетъ себя вести? И ему казалось, что ночь длится безконечно, что онъ, никогда не увидитъ ея — не дождется желаннаго утра. Онъ вышелъ на балконъ. Ея звѣзда была уже въ зенитѣ. Но созвѣздіе ея матери скрылось за горизонтомъ. Спитъ она?—Конечно, спитъ блаженнымъ сномъ невинности. А въ чемъ же его вина? — Въ томъ, что до пятидесяти лѣтъ прожилъ преступникомъ противъ законовъ жизни, не проникнувъ во святая святыхъ бытія. Вотъ теперь и неси наказаніе—самъ его заслужилъ.

По деревьямъ пробѣжалъ вѣтеръ, и вершины лѣса заговорили. Гранцевъ испуганно посмотрѣлъ вокругъ.—Чего онъ испугался? —Онъ самъ сначала не могъ понять причины испуга. А! понялъ!—Ему страшно стало, что завтра можетъ измѣниться погода, и они не пойдутъ за озеро...

XVII.

Нѣтъ, погода не измѣнилась. Когда Гранцевъ проснулся послѣ тревожнаго сна, яркое солнце уже глядѣло изъ-за лѣсу, а изъ парка неслись звуки утренняго гимна, исполняемаго оркестромъ Эбана:

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ...

Гранцевъ торопливо одѣлся, выпилъ утреннюю порцію молока, только что принесеннаго съ фермы, оглядѣлъ всего себя въ зеркало, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ, тщательно расчесалъ бороду и быстрыми шагами направился къ дачѣ Заливиныхъ.

Ольга уже ждала его на террасѣ, а Саша сидѣлъ на корточкахъ передъ корытомъ, въ которомъ плавали его окуни. Тетя Соня и Амалія Карловна уже заняты были, какъ прилежныя

Пенелопы, не ожидавшія, впрочемъ, своихъ Одиссеевъ, безконечными вязаньями.

Ольга одѣта была такъ, какъ рѣшила ночью—въ малорусскій костюмъ. Гранцеву она показалась еще красивѣе, чѣмъ была вчера и третьяго дня. Это, впрочемъ, привилегія хорошенькихъ женщинъ, которая получается ими помимо министерства финансовъ. Это даже Гранцевъ давно замѣтилъ, хотя онъ совсѣмъ былъ профанъ по части женскихъ костюмовъ, да никогда на женщинъ и не засматривался, хотя и не былъ въ душѣ Шопенгауеромъ. Сегодня барышня одѣта въ матроску, конечно, въ синенькую съ голубымъ, а всегда была въ темненькомъ,—и въ матроскѣ она оказывается вдругъ гораздо красивѣе—что-то особенное появляется въ ея красотѣ. На третій день она является уже въ русскомъ или въ малорусскомъ костюмѣ—и еще красивѣе! Что за пропасть! На четвертый день ее видятъ въ розовенькомъ—еще прекрасивѣе, еще ярче оттѣняется ея нѣжная красота. На пятый день она въ пунцовомъ джерси—никогда, никогда она не была такъ хороша; никогда изящество ея прекрасныхъ формъ не обрисовывалось такъ, какъ въ джерси. И это до безконечности, хотя это только оптическій обманъ, потому что завтра, въ своемъ прежнемъ темненькомъ платьѣ или даже въ утреннемъ пеньюарѣ, будетъ еще красивѣе.

Ольга на этотъ разъ была, дѣйствительно, необыкновенно хороша, потому что со вчерашняго дня она сознала свою красоту и испытала ея чарующую силу. Она видимо похорошѣла—казалось, природа наложила на нее своею волшебною кистью послѣднія чарующія краски и свѣто-тѣни.

Съ какою жгучею тоскою глядѣлъ теперь на нее Гранцевъ!—И это сокровище онъ долженъ будетъ потерять, сегодня же, черезъ нѣсколько часовъ, и потерять добровольно. Онъ готовъ былъ разрыдаться, какъ ребенокъ; но онъ долженъ былъ играть роль—быть веселымъ, беззаботнымъ, даже шутить.

— Вотъ вамъ, вмѣсто «маленькой хохлушечки»,—большая хохлушка! весело сказала дѣвушка, выбѣгая на встрѣчу Гранцеву и крѣпко пожимая его холодную руку.

— Вы все хорошѣете, Ольга Петровна! невольно вырвалось у него восклицаніе; но назвать ее по прежнему «милой дѣвочкой» на этотъ разъ у него языкъ не повернулся.

Передъ нимъ стояла, дѣйствительно, женщина во всеоружіи красоты и женственности! Въ ней онъ видѣлъ что-то идеально-прекрасное.

Дѣвушка какъ бы немножко смутилась, а ничто такъ не кра-

сить женщину—ни изящныя платья, ни великолѣпная прическа, ни золото, ни брильянты, ни всѣ лучшіе косметики, какъ невинное смущеніе.

Гранцевъ видѣлъ эту смущенную невинность, и еще больше терзался въ душѣ.

— Вы сами бывали за озеромъ? старалась прервать это невольное смущеніе дѣвушка.

— Да, я бродилъ тамъ когда-то въ одиночествѣ, отвѣчалъ Гранцевъ.

— Хорошо тамъ?—красивый лѣсъ?

— Да—лѣсъ тамъ чередуется съ буграми и песчаными кучугурами; есть тамъ и другое, совсѣмъ лѣсное озеро съ трясинами.

При словѣ «трясины», у дѣвушки усиленнѣе забилось сердце: она вспомнила вчерашнюю трясину за Нѣманомъ, за лужайкой—и «все-все» вспомнила.

Гранцевъ поздоровался съ обѣими старушками.

— У насъ тутъ и повернуться негдѣ, добродушно улыбалась тетя Соня:—наша повѣса всю террасу заложила своими мхами.

— Сегодня же я ихъ уберу, тетя, какъ только просохнутъ, успокоила ее дѣвушка.

— А удочку надо брать? спросилъ Саша, не отходя отъ корыта съ окунями.

— Нѣтъ, мальчикъ, тамъ рыбу неудобно удить, отвѣчалъ Гранцевъ.

— А мы, Саша, лучше возьмемъ корзинку—грибы будемъ собирать, предложила Ольга.

Она сдѣлала это предложеніе съ тайною цѣлью: когда Саша увлечется собираніемъ грибовъ, «они» останутся вдвоемъ, и она скажетъ ему «все, все!»

Скоро они отправились въ путь. Саша по обыкновенію выступалъ впереди, съ небольшой корзинкой. Шли черезъ запущенный скверъ, потомъ по Садовой, гдѣ въ магазинѣ Сидрянскаго захватили съ собой леденцовъ Конради; затѣмъ, мимо католическаго костела, площадью, и мимо дачи съ аистовымъ гнѣздомъ, вышли къ озеру.

Утопая по щиколотки въ сыпучихъ пескахъ, окружающихъ при-друскеникскіе берега озера, наши путешественники миновали православное и католическое кладбища, разгороженныя одно отъ другаго частоколомъ, какъ два непріятельскихъ лагеря «проклятыхъ латинцевъ» и «przeklętych szyzmatików», и очутились среди песчаныхъ кучугуръ, испятнанныхъ кучами низкаго можжевельника и мелкихъ сосенокъ.

— Ахъ, какъ неловко идти! морщилась дѣвушка.

— А вы идите стороною, кустами, гдѣ меньше песку, совѣтовалъ Гранцевъ.

— Но у меня полны туфли песку—ноги точно гири!

— Такъ вы разуйтесь и высыпьте песокъ.

— Ахъ, Господи! засмѣялась дѣвушка:—вы уже назвали моей спеціальностью промачиваніе ногъ, а теперь назовете спеціальностью—постоянно разуваться!

— Что жъ дѣлать, когда у васъ такая ажурная обувь?

Дѣвушка, однако, воспользовалась совѣтомъ. Она зашла за кусты можжевельника, сѣла на землю, сняла туфли и избавилась отъ песку. При этомъ ей вспомнилось, какъ «онъ» вчера трогалъ ея ноги руками. «Какой онъ добрый, милый!» Но она уже забыла сравнивать его съ «папой»:—«папа» этими днями былъ преданъ забвенію.

Она думала, когда же скажетъ ему «все», и была разсѣянна и неразговорчива. Онъ также только любовался ею украдкой, терзался въ душѣ предстоявшею разлукой и также почти не говорилъ.

Такъ они дошли до маленькой рѣчонки или, вѣрнѣе, до ручья, пробѣгавшаго отъ лѣснаго болотнаго озера съ трясинами къ Друскеникскому озеру. Переходъ и здѣсь былъ примитивный: перекинуты были черезъ ручей зеленыя ольховыя вѣтви; но когда на нихъ спускались ноги, то вода выступала изъ подъ вѣтвей и мочила сапоги. А другаго перехода не было. Тогда Гранцевъ принялся еще ломать вѣтви сосѣдняго ольховника и заваливать ими переправу; но, сколько ни наваливалъ, вода все таки проступала наружу.

Ольга стояла тутъ же и глядѣла на его усилія устроить переправу. При видѣ того, какъ изъ подъ зеленыхъ вѣтвей вода упрямо продолжала выступать, у дѣвушки усиленно колотилось сердце то смутнымъ страхомъ, то такою же смутною надеждой. Если вода будетъ продолжать выступать, и дѣвушкѣ въ ея легкихъ ботинкахъ нельзя будетъ перейти черезъ ручей, то Гранцевъ непремѣнно перенесетъ ее на рукахъ. Она этого страстно желала и въ то же время боялась, потому что наступалъ рѣшительный моментъ: когда онъ возьметъ ее на руки и прижметъ къ себѣ, какъ вчера на лужайкѣ, она должна сказать ему «все» — другаго такого счастливаго момента, можетъ быть, въ жизни не представится. Но теперь на нее нападала робость. Ночью, раздумывая о возможности такого момента, она не боялась; напротивъ, явись онъ ей тогда, ночью, конечно, чудомъ, она, не разсуждая, броси-

лась бы ему на шею съ радостными слезами и сказала бы, пряча лицо на его широкой груди: «я люблю тебя, мой лордъ, мой Борисъ!—я твоя навѣки!..» Но теперь ее брала робость. Чего же, впрочемъ, бояться? Онъ ее любитъ, она знала это, чувствовала всѣмъ своимъ существомъ. Они здѣсь одни — Саша давно убѣжалъ въ лѣсъ за грибами, чего же бояться?—Она скажетъ, скажетъ!

Гранцевъ весь запыхался и раскраснѣлся, наваливая вѣтви на вѣтви; но вода не слушалась.

— Нѣтъ, вѣроятно, намъ придется воротиться, сказалъ онъ съ досадой.

— Зачѣмъ же? дрогнувшимъ голосомъ спросила дѣвушка.

— Вамъ нельзя будетъ перейти—ноги замочите.

— Но вѣдь это моя спеціальность—промачивать ноги, силилась улыбнуться дѣвушка.

— Нѣтъ, какъ хотите, но я этого не позволю, возражалъ Гранцевъ.

— Но вѣдь теперь лѣто, жарко—если немного и промочу ноги, то сейчасъ высохнутъ; и я ни за что не хочу возвращаться домой. Пожалуйста!—вѣдь тутъ воды и по щиколотки не будетъ.

Въ голосѣ ея слышались слезы. Она видѣла, что исчезаетъ послѣдняя надежда—«сказать все». Она больше не могла выносить своего положенія—и заплакала.

Гранцевъ увидѣлъ ея слезы. У него дрогнуло сердце: видѣть въ слезахъ это милое, дорогое, невинное существо, глядѣть на это заплаканное личико—было выше его силъ.

— Какой вы ребенокъ! нѣжно проговорилъ онъ.—Ну, что мнѣ съ вами дѣлать?

Дѣвушка молчала, вытирая заплаканные глаза. Ей страстно хотѣлось сказать: «перенесите меня на рукахъ», но языкъ не поворачивался сказать это, губы не слушались.

— Тогда позвольте мнѣ перенести васъ, сказалъ Гранцевъ—и у самого дрогнулъ голосъ.

— Зачѣмъ же? лучше я сама перейду... (О, женское лицемѣріе!).

— Нѣтъ, какъ хотите—я вамъ этого не позволю, съ досадой произнесъ Гранцевъ.

— Ну, возьмите меня...

И дѣвушка, вся вспыхнувъ, все еще съ заплаканными глазами, потянулась къ нему. Онъ бережно, дрожащими отъ волненія руками приподнялъ ее отъ земли, еще и еще выше, крѣпко прижалъ къ себѣ и понесъ. Дѣвушка обвила его шею руками,

вся прильнула къ нему, и, чувствуя его шелковистую бороду на разгорѣвшейся щекѣ, невольно закрыла глаза въ какомъ-то блаженномъ упоеніи... «Какой вы добрый—какъ я»... шептала она въ сладкой истомѣ—и больше ни слова!—Это было что-то въ родѣ минутнаго обморока.

Она очнулась уже на томъ берегу ручья—онъ стоялъ на землѣ, Гранцевъ глядѣлъ на нее блѣдный, какъ полотно.

Такъ она и не сказала.

XVIII.

Пока наши влюбленные (прибавлю: тайно другъ отъ друга) возились съ переправой черезъ ручей и переживали томительныя ощущенія, Саша успѣлъ порядочно набрать грибовъ, и прибѣжалъ къ нимъ торжествующій.

— Какихъ рыжиковъ и маслянокъ я набралъ! торопливо говорилъ онъ:—и все молоденькіе.

Но нашимъ влюбленнымъ было не до грибовъ. Они были очень смущены, особенно же Ольга. Ей опять хотѣлось плакать. Она видѣла, что потеряла счастливѣйшую минуту въ жизни, не съумѣвъ воспользоваться ею. Она винила себя за непростительную нерѣшительность.

Но тогда — почему «онъ» не сказалъ самъ того, что́ она должна была ему сказать?—Неужели же дѣвушкѣ первой объясняться въ любви? Отчего же и не первой?—Вѣдь ночью она рѣшила этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Зачѣмъ же теперь ломается?

И она стала досадовать на себя, видя его такимъ убитымъ. Она инстинктивно сознавала, что онъ не можетъ высказаться первымъ. Онъ въ первый же день говорилъ и ей, и тетѣ, что его жизнь—проплыла мимо, что если не полюбили его прежде, когда онъ былъ моложе, то какъ же найти это счастье теперь, когда онъ считаетъ себя отжившимъ? А онъ совсѣмъ не отжившій—она это видѣла. Ее же онъ считаетъ дѣвочкой, не парой для себя. Онъ даже тамъ, за ручьемъ, когда она заплакала, сказалъ ей: «какой вы ребенокъ!» Но она совсѣмъ, совсѣмъ не ребенокъ! Какъ эти большіе такъ долго считаютъ дѣвушекъ дѣтьми! Она совсѣмъ не дитя. Она сегодня же докажетъ это. Она не можетъ допустить, чтобъ онъ страдалъ изъ-за нея. А онъ страдаетъ, онъ любитъ ее—онъ даже похудѣлъ за эти дни. И все изъ за нея, изъ-за ея нерѣшительности. Бѣдный! — онъ такой тихій, кроткій, даже робкій—тѣмъ больше его жаль.

Она сорвала полный цвѣтокъ махровой ромашки и стала его ощипывать.

«Любитъ — не любитъ»—«любитъ — не любитъ»—«любитъ!»

Да, она узнала это еще вчера.

А онъ, глядя на ея дѣтскія проказы съ ромашкой, съ болью въ сердцѣ думалъ: «милый ребенокъ! кому-то она осчастливитъ жизнь своею любовью?» И въ душѣ его закипѣла жгучая ревность къ этому невѣдомому врагу, и въ то же время онъ желалъ ей полнаго, полнаго счастья.

А она опять думала о своемъ рѣшеніи. Если она не сказала ему теперь «всего», то она непремѣнно скажетъ, когда они будутъ возвращаться назадъ. Вѣдь онъ опять долженъ будетъ переносить ее черезъ ручей. Тогда она и скажетъ—непремѣнно, непремѣнно скажетъ!

Эта мысль ее успокоила. Она совсѣмъ развеселилась.

— А вы гдѣ живете въ Петербургѣ? вдругъ спросила она его.

— На Васильевскомъ острову, отвѣчалъ Гранцевъ.

— Тоже, значитъ, на Wassili-ostrof, засмѣялась дѣвушка. — А въ которой линіи?

— Въ первой.

— Ахъ, такъ это близко отъ насъ. — И изъ вашихъ оконъ виденъ Сиріусъ?

— Отлично виденъ. Мои окна выходятъ на кадетскій корпусъ и на Румянцевскій сквэръ.

— Да? — А я тамъ часто маленькою играла, въ сквэрѣ; это еще до Испаніи. Такъ въ ваши окна три четверти неба видно.

— Да, не виденъ только сѣверо-западъ.

— Значитъ, ваши окна на солнце—зимой хорошо.

Говоря «ваши окна», дѣвушка чуть-чуть не сказала—«наши». Въ ней, какъ искра, вспыхнула мысль, что зимой она будетъ любоваться на звѣзды изъ этихъ оконъ—«изъ своихъ». И легкій румянецъ разлился по ея нѣжнымъ щекамъ. Она уже думала, какъ разстанется съ тетей Соней. Нѣтъ, зачѣмъ же? Она и ее возьметъ съ собой, и Сашу, и Fräulein, которая будетъ ходить за тетей, и всѣ вчерашніе мхи заберетъ.

— Значитъ, когда я буду кататься на Невѣ на конькахъ, такъ вы будете видѣть меня изъ оконъ? спросила она, вся отдавшись молодымъ грезамъ.

— Вѣроятно, буду видѣть, съ подавленной тоской отвѣчалъ Гранцевъ.

Въ душѣ же у него былъ другой отвѣтъ: — «Нѣтъ, мои окна будутъ завѣшаны шторами и за этими шторами не видно будетъ

сѣдой головы, которую, вѣроятно, въ то время будетъ палить африканское или иное тропическое солнце». Но этотъ отвѣтъ онъ удержалъ про себя.

— А вы любите кататься на конькахъ? вновь спросила Ольга.

— Очень люблю.

— Отчего же я васъ никогда не видала?

— Оттого, вѣроятно, что я катаюсь всегда очень рано, когда дѣти еще спятъ.

— Зачѣмъ же такъ рано?

— Да мнѣ, сѣдой бородѣ, стыдно съ дѣтьми кататься.

Ольга не поняла, какая кровная обида заключалась для нея въ словахъ съ «дѣтьми» (она, значитъ, тоже «дитя»), и быстро возразила:

— Что́ вы! да вмѣстѣ съ нами часто катаются совсѣмъ старички, а вы—еще молодой!

Гранцевъ грустно улыбнулся, но ничего не отвѣчалъ. Перекидываясь такимъ образомъ незначительными фразами, они незамѣтно обогнули озеро, и песчаными кучугурами, между ямъ, вырытыхъ въ пескѣ для храненія картофеля, направлялись къ Нѣману съ другой стороны Друскеникъ.

— Куда же мы идемъ? вдругъ спросила дѣвушка, оглядываясь назадъ.

— Къ Нѣману, къ друскеникскому лѣсу.

— А развѣ мы не тамъ воротимся? Она указала назадъ.

— Зачѣмъ же? Теперь здѣсь ближе.

— Ахъ, нѣтъ! я хочу опять туда.

Она думала о своемъ: «какъ же такъ? значитъ, онъ не будетъ переносить меня черезъ ручей?» Ея сердце сжалось отъ сожалѣнія.

— Тамъ лучше—право же, возражала она.

— Но вѣдь вы тутъ никогда не ходили?

— Никогда... А тутъ будутъ на дорогѣ ручьи, черезъ которые надо переходить?

— Да, тутъ даже три ручья—собственно будетъ три перехода.

При этихъ словахъ Гранцева, дѣвушка успокоилась. Она наивно подумала, что если тутъ три ручья, то, можетъ быть, ее будутъ и переносить черезъ нихъ три раза, и ужь тогда она непремѣнно, непремѣнно скажетъ «все»: она ужь не будетъ теперь такою дурочкой.

Скоро показался и кирпичный заводъ у Трехъ ручьевъ. Показался высокій, покрытый сосновымъ лѣсомъ, за-нѣманскій берегъ, блеснула гладкая поверхность рѣки, песчаная равнина.

— Опять туфли полны песку—противный!

Пришлось опять разуваться и высыпать песокъ изъ туфель. Все это опять сдѣлано было въ сторонкѣ, за кустами.

Рабочіе на кирпичномъ заводѣ тянули какую-то монотонную литовскую пѣсню.

Миновали ряды сѣрыхъ, сырыхъ кирпичей, сушившихся на солнцѣ, которое палило по африкански. Вотъ и спускъ къ ручью между молодыми ольхами.

— Гдѣ же ручьи? спросила Ольга, все еще ожидавшая, что ее будутъ переносить, и у нея уже заранѣе колотилось сердце.

Кстати-же они опять были одни.—Саша съ своею корзинкою убѣжалъ впередъ и уже дразнилъ эхо, вызывая его на отвѣты: «Кто снялъ плодъ съ древа?»—«Кто былъ спасенъ волной?» и т. д.

— Гдѣ же ручьи? повторила дѣвушка, и прижала руку къ сердцу: оно тревожно стучало.

— Вотъ ручей, отвѣчалъ Гранцевъ.

Но это былъ знакомый дѣвушкѣ ручей, который изливался въ Нѣманъ тамъ, гдѣ эхо, и черезъ который была перекинута широкая, толстая доска.

Здѣсь, значитъ, не будутъ ее переносить на рукахъ. Гдѣ же?—Дальше?—Но тамъ на обоихъ переходахъ черезъ ручей мостики.

Дѣвушка поняла свою ошибку, и съ трудомъ удержалась, чтобъ не расплакаться.

Ясно, что и нынѣшняя прогулка пропала для нея. Оставалась еще надежда на будущее; но когда? гдѣ? какъ?—Эти вопросы не давали ей покоя, и она шла задумчивая, грустная. Гранцевъ также сосредоточенно молчалъ.

Такъ они прошли мостики, эхо, лѣсную дорожку до фермы. Даже особенное оживленіе на гимнастикѣ не привлекло ихъ вниманія. Больше всего слышны были добродушныя замѣчанія пана Михала:—«Вяча! дѣлайте змѣйку».—«Wilus!—o, jaka zabka!—«Wandia! Wandia! prędziej!»—«Вяча, вамъ халатъ мѣшаетъ».

— Вы у насъ обѣдаете? послѣ продолжительнаго молчанія спросила Ольга.

— Къ сожалѣнію, не могу, отвѣчалъ Гранцевъ:—у меня есть спѣшное дѣло.

— Когда же мы увидимся, Борисъ Николаевичъ?

Гранцевъ смутился. Но онъ уже раньше готовился къ этому вопросу и заранѣе приготовилъ отвѣтъ.

— Если вамъ угодно, то мы завтра можемъ поѣхать опять

на лодкѣ, но только дальше, на островъ,—съ трудомъ выговорилъ онъ, зная, что завѣдомо говоритъ неправду.

— Ахъ, какъ это весело! обрадовалась дѣвушка.—Ахъ, милый мой лордъ.

Но на душѣ у Гранцева было невыносимо тяжело. Теперь ужь это—дѣйствительно послѣднее свиданье, и никогда уже, никогда больше не увидитъ онъ этой милой дѣвушки. Какъ метеоръ, она промелькнула въ его жизни.—«Отчего не раньше?—Глупый, безсмысленный вопросъ»!

Онъ проводилъ ее до ихъ дачи, до самой калитки. Издали уже слышно было, какъ тамъ, на террасѣ, Саша хвастался своими грибами.

— Все рыжики да маслянки!—все самъ набралъ! раздавался его веселый голосъ.

— Ach, ach, mein kind! слышенъ былъ раскатистый смѣхъ Амаліи Карловны:—все это мухоморъ! Ach, s'ist der Pilz—мухоморъ—Fliegenschwamm.—Ай! ай!

— Нѣтъ, это рыжики!

— Nein, nein!—мухоморскій грибъ!

Ольга, ласково улыбаясь, протянула руку Гранцеву. Онъ взялъ эту маленькую ручку и долго глядѣлъ въ ясные, чистые глаза дѣвушки, какъ бы желая навѣки запечатлѣть въ своей памяти милыя черты.

— До свиданья, сказала она какъ-то особенно.

Гранцевъ ничего не сказалъ—голосъ могъ выдать. Онъ видѣлъ, какъ дѣвушка поднималась на ступеньки террасы, видѣлъ ея темную массивную косу и яркія ленты. Потомъ все исчезло. Съ невыразимой тоскою онъ пошелъ къ себѣ домой.

XIX.

Дома Гранцевъ тотчасъ же началъ укладываться въ дорогу. Много онъ во всю свою жизнь колесилъ по бѣлу свѣту. Не десятки, а сотни разъ приходилось ему укладываться въ путь-дорогу, иногда въ совершенно невѣдомыя страны; но никогда не было у него такъ тяжко на душѣ, какъ теперь. Точно онъ покойника дорогаго снаряжалъ въ путь, откуда нѣтъ возврата. Хуже—онъ снаряжалъ самого себя въ этотъ путь, и не было для него возврата. Птицы съ весной воротятся къ своимъ старымъ гнѣздамъ; деревья весной возвратятъ свою зелень; солнце воротится опять къ весеннему солнцестоянію; только онъ никогда не воротится къ своему солнышку.

Онъ вспомнилъ, какъ укладывался въ Гранадѣ, собираясь ѣхать въ Севилью и Кордову. Стояло надъ Альгамброю такое же жаркое, какъ теперь надъ Друскениками, солнце. Стѣны Альгамбры и башни отбрасывали отъ себя черныя, какъ ножемъ отрѣзанныя отъ освѣщенныхъ мѣстъ, тѣни. Слышенъ былъ тихій шопотъ фонтановъ этого милаго, незабвеннаго «города фонтановъ».

Укладываться ему помогала маленькая очаровательная дѣвочка, тихо напѣвавшая своимъ серебристымъ голосомъ:

Rio-Darro, rio Darro!
Tinto vas en sangre viva?

Вспомнилъ онъ, какъ потомъ эта дѣвочка, когда онъ садился уже въ отельный омнибусъ, чтобъ ѣхать на гору, сильно расплакалась, отвѣчая на всѣ увѣщанія отца: «ахъ, папа, никогда, ни съ кѣмъ не будетъ мнѣ такъ весело гулять, какъ съ моимъ милымъ лордомъ». А вотъ пришлось же съ нимъ снова гулять, только не въ Испаніи, а въ Друскеникахъ. Милая дѣвочка превратилась только въ очаровательную дѣвушку, и этимъ внесла въ его жизнь глубокое горе. Когда укладка была почти кончена, Гранцевъ отправился на почтовый дворъ, чтобы заказать Перлису на слѣдующее утро почтовую коляску съ четверкою лошадей. Проходя къ Перлису, онъ издали взглянулъ на дачу Заливиныхъ: ея окно было раскрыто, и ему показалось, что тамъ мелькнула ея тѣнь—темная коса и цвѣтныя ленты на бѣломъ фонѣ.

Такъ прошелъ остатокъ дня.

Когда уже вечерѣло, Гранцевъ, утомившись послѣдними сборами въ дорогу, вышелъ на балконъ, чтобы вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. Изъ парка доносились звуки музыки: оркестръ Эбана исполнялъ опять «Старую мельницу». Гранцевъ глянулъ вдоль аллеи и увидѣлъ вдали то, что́ онъ желалъ бы видѣть вѣчно, или — никогда не видѣть: то была Ольга и ея братъ, которые, повидимому, возвращались на свою дачу. Гранцевъ догадался, что они проходили мимо того дома, гдѣ онъ жилъ.

Ночью, передъ тѣмъ какъ лечь спать, Гранцевъ сѣлъ къ столу и долго думалъ, ка́къ ему написать дѣвушкѣ о своемъ внезапномъ отъѣздѣ.

Наконецъ онъ обдумалъ, и написалъ слѣдующее:

«Милая дѣвочка! Позвольте по прежнему назвать васъ этимъ именемъ, дорогая Ольга Петровна! Пишу вамъ совершенно неожиданно. Сегодня вечеромъ, когда я собирался идти къ вамъ, чтобъ окончательно условиться насчетъ завтрашней прогулки и провести съ вами нѣсколько часовъ, вдругъ мнѣ подали теле-

грамму. Содержаніе ея таково, что я завтра же чуть свѣтъ долженъ выѣхать отсюда, чтобы въ 9 часовъ поспѣть въ Порѣчье къ петербургскому поѣзду. Немедленное мое присутствіе въ Петербургѣ положительно необходимо. Мнѣ очень грустно и совѣстно, что я по необходимости долженъ измѣнить вамъ на завтра: какъ видите—завтрашняя прогулка наша не можетъ состояться. Мнѣ также очень жаль, что не могу лично проститься съ вами и поблагодарить васъ за то милое вниманіе, какое вы всегда оказывали глубоко уважающему васъ и сердечно преданному вамъ старому «лорду» Г.

«Съ почтеніемъ цѣлуя руку вашей милой тети, сердечно обнимаю дорогаго мальчика и желаю всякаго благополучія почтеннѣйшей Амаліи Карловнѣ».

Кончивъ письмо, Гранцевъ прочиталъ его.—«Сухая, совсѣмъ казенная отписка!» подумалъ онъ:—«да такъ-то лучше; а вѣжливость соблюдена».

Онъ вышелъ на балконъ, чтобъ освѣжить пылавшую голову. Звѣзды блестѣли очень привѣтливо, а Капелла, казалось, дразнила его своею загадочною яркостью. Онъ почувствовалъ, что съ этого дня Капелла получила въ глазахъ его особое, роковое значеніе: она всегда будетъ напоминать одинъ изъ самыхъ грустныхъ эпизодовъ его жизни. Невольно онъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была дача Заливиныхъ.

«Спитъ, конечно, сномъ невинности и не подозрѣваетъ, что разбила мнѣ остатокъ жизни, какъ разбиваетъ куклу ребенокъ».

Но она не спала. Она думала о завтрашней прогулкѣ и вообще о томъ, о чемъ такъ любитъ загадывать молодое сердце. Засыпая уже, она думала также:—«будутъ ли тамъ ручьи?»

Настало и ожидаемое завтра. Рано утромъ, передъ дачею Гранцева стояла коляска, и дворникъ Варѳоломей, вмѣстѣ съ ямщикомъ и горничной Генрикой, укладывали въ нее его пожитки. Скоро вышелъ и самъ Гранцевъ. Попростившись съ прислугой, онъ передалъ Генрикѣ письмо и велѣлъ отнести его, черезъ часъ, на дачу, занимаемую Заливиными, и отдать барышнѣ Ольгѣ Петровнѣ. Затѣмъ онъ усѣлся въ коляску, и лошади тронулись.

Прошло два часа. По сыпучимъ пескамъ, по дорогѣ къ Порѣчью, медленно тащилась одинокая коляска. Утро было тихое, жаркое, и день обѣщалъ быть отличнымъ. Это тащился Гранцевъ, и съ тоскою переживалъ мимолетный, грустный эпизодъ его одинокой жизни, оставившій въ душѣ его неизгладимый слѣдъ. «Что-то она теперь?» думалось ему.—«Да что ей! погорюетъ о томъ, что сегодня не удалось катанье на лодкѣ, а потомъ и забудетъ; скоро утѣшится, какъ скоро утѣшился Саша послѣ того, какъ кошка съѣла его головля. Я въ ея жизни—тотъ же съѣденный кошкою головель».

Но не то бы онъ сказалъ, еслибъ могъ въ эту минуту перенестись въ Друскеники и невидимкой заглянуть за бѣлыя шторы, закрывавшія окна Ольгиной комнаты. Дѣвушка неутѣшно плакала. Глухія, сдержанныя рыданія видимо надрывали ея молодую грудь. Закрывъ лицо ладонями, она качала головой, какъ отъ невыносимой зубной боли, и тихо повторяла: «Боже! зачѣмъ, зачѣмъ я не сказала ему первая! Онъ тогда непремѣнно остался бы—онъ любитъ, любитъ меня! Ахъ, зачѣмъ я ему не сказала, зачѣмъ я сдѣлала это? О, какая я гадкая лицемѣрка! Боже, зачѣмъ же, зачѣмъ!»

Еслибы Гранцевъ видѣлъ это и слышалъ, то, быть можетъ, онъ и остался бы. Но не было ли бы это ошибкой съ его и съ ея стороны?

Прошло нѣсколько недѣль. Пасмурнымъ сентябрьскимъ утромъ, по 1-й линіи Васильевскаго острова, отъ Большаго проспекта къ Невѣ, шла молодая дѣвушка. Дойдя до послѣдняго, до угольнаго дома этой линіи, она взошла на подъѣздъ этого дома и остановилась передъ вытянувшимся при видѣ ея швейцаромъ.

— Господинъ Гранцевъ въ этомъ домѣ живетъ? спросила дѣвушка.

— Такъ точно-съ, былъ отвѣтъ.

— А дома онъ теперь?

— Никакъ нѣтъ-съ: они уѣхадчи.

— Давно?

— Недѣли съ двѣ будетъ-съ.

— А куда?—неизвѣстно?

— Сказывали—куда-то къ ефіопамъ—далеко-съ. За границу выписались.

Дѣвушка пошла дальше. Перейдя къ Румянцевскому скверу, она оглянулась на угольный домъ. Въ той половинѣ третьяго этажа, которая была ближе къ 1-й линіи, всѣ окна были наглухо закрыты шторами.

«Наши окна», горько улыбнулась дѣвушка и смахнула слезу, выкатившуюся изъ подъ вуалетки.

Это была Ольга.

Д. Мордовцевъ.

ОДИНЪ ИЗЪ „БЕЗСМЕРТНЫХЪ“.

Романъ Альфонса Додэ.

(Окончаніе).

VII.

Виконтъ де-Фрейдэ по прежнему оставался въ Парижѣ, подготовляя свою каидидатуру.

«Я все еще не могу вернуться къ тебѣ,—писалъ онъ Жерменѣ,—и мое сближеніе съ академіей подвигается быстрыми шагами. На дняхъ, по иниціативѣ Гаво, мы праздновали девяносто восьмой годъ рожденія маститаго Жана Регю, въ ресторанѣ Вуазена; хотя обѣдъ обошелся мнѣ въ пятьдесятъ луидоровъ, но онъ далъ возможность пересчитать моихъ сторонниковъ. Насъ было двадцать пять человѣкъ за столомъ, все члены академіи, исключая Пишераля, Гаво и меня. Теперь я, кажется, вполнѣ заручился семнадцатью или восемнадцатью голосами въ свою пользу; въ остальныхъ я не увѣренъ, но они также относятся ко мнѣ сочувственно. Обѣдъ былъ удаченъ и отличался оживленіемъ.

«Долженъ тебѣ сказать, что я пригласилъ Гаво въ Кло-Жалланжъ: онъ человѣкъ нужный, хотя не особенно хорошій; это зебръ герцогини. Помнится, я тебѣ писалъ, что современныя свѣтскія дамы называютъ такъ холостаго друга, свободнаго отъ занятій, скромнаго, который всегда готовъ исполнить щекотливое порученіе и оказать услугу; это нѣчто въ родѣ фельдъегеря въ сношеніяхъ между державами. Зебръ, когда онъ молодъ, замѣняетъ иногда отсутствующаго любовника, но, по большей части, это ручное животное не требовательно и довольствуется малымъ мѣстечкомъ на концѣ стола и высокой честью состоять на службѣ у хозяйки дома и ея гостей. Мнѣ кажется, что хитрый Гаво съумѣлъ извлечь болѣе существенную пользу изъ своей должности при герцогинѣ; онъ такъ ловокъ, такъ опасенъ, не смотря на

свой добродушный видъ. Гаво указалъ мнѣ не одну западню и не одинъ подводный камень, которыми усѣянъ мой путь къ институту. Почтенный учитель, Астье, совершенно неопытенъ въ подобныхъ дѣлахъ; этотъ ребенокъ, дожившій до сѣдинъ, шелъ прямо къ своей цѣли, не подозрѣвая опасностей, увѣренный въ своихъ силахъ и въ своемъ талантѣ; бѣдный ученый сто разъ сломалъ бы себѣ шею, еслибъ имъ не руководила, безъ его вѣдома, г-жа Астье, женщина въ высшей степени ловкая, способная провести самого чорта.

«Это Гаво отговорилъ меня издавать «Мысли деревенскаго жителя». —«Вами довольно издано книгъ, сказалъ онъ;—будетъ гораздо лучше, если вы дадите понять, что окончательно исписались и намѣрены оставаться просто свѣтскимъ человѣкомъ... Академія обожаетъ это». Вотъ и Пишераль тоже говоритъ: «не приносите академикамъ своихъ книгъ». Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ меньше напишешь, тѣмъ больше тебѣ почета.

«За обѣдомъ, даннымъ мною, конечно, много говорилось объ академіи, объ ея выборахъ, объ ея обязанностяхъ, о томъ, что думаетъ о ней публика дурнаго и хорошаго. По словамъ нашихъ «безсмертныхъ», ее злословятъ только тѣ, кому не удалось добиться академическаго кресла; что же касается лицъ, обойденныхъ академіей, повидимому, незаслуженно, то ихъ неудачи, оказывается, имѣютъ свои уважительныя причины. Когда я вскользь намекнулъ на Бальзака, романистъ Деминьеръ, бывшій устроитель компьенскихъ шарадъ, возразилъ запальчивымъ тономъ: «Бальзакъ! Да знали ли вы его лично? понимаете ли вы, о комъ говорите?.. Это воплощенная безалаберность! настоящая богема! у этого человѣка, милостивый государь, никогда не бывало и двадцати франковъ въ карманѣ... Я слышалъ это отъ его друга, Фредерика Леметра... Никогда двадцати франковъ!.. А вы еще хотите, чтобы академія...» Тутъ старику Жану Регю послышалось, будто бы дѣло идетъ о жетонахъ и онъ разсказалъ намъ очень интересный анекдотъ о своемъ пріятелѣ Сюарѣ, который пришелъ въ академію 21-го января 1793 года, въ день смерти короля, и, пользуясь отсутствіемъ остальныхъ сочленовъ института, забралъ себѣ всѣ двѣсти сорокъ франковъ, назначаемыхъ за каждое академическое засѣданіе.

«Теперь, въ случаѣ выборовъ, у меня только одинъ серьезный соперникъ—Дальзонъ. Онъ талантливъ, богатъ, очень хорошъ съ вліятельными академиками, имѣетъ превосходный погребъ, но у него есть грѣшокъ молодости, открытый въ недавнее время. Нѣкогда Дальзонъ имѣлъ несчастье написать порнографическое про-

изведеніе въ стихахъ, подъ названіемъ «Совершенно обнаженная». Злополучная книжечка, положимъ, вышла въ свѣтъ безъ подписи автора, но его инкогнито какъ-то открыли. Носятся слухи, что Дальзонъ скупилъ и уничтожилъ все изданіе, однако нѣсколько экземпляровъ съ собственноручнымъ посвященіемъ и подписью еще не удалось изъять изъ обращенія. Бѣднякъ Дальзонъ всячески открещивался отъ своего дѣтища и академія пока не отказала ему еще наотрѣзъ, продолжая наводить справки. Конечно, институтъ обязанъ быть разборчивымъ. Впрочемъ я слишкомъ уважаю самъ себя, чтобы воспользоваться такимъ оружіемъ противъ своего соперника. На дняхъ нѣкто Фажъ, переплетчикъ счетной комисіи, котораго я встрѣчалъ иногда въ мастерской Ведрина, имѣлъ дерзость предложить мнѣ одинъ изъ подписанныхъ экземпляровъ «Совершенно обнаженной»; я порядкомъ отдѣлалъ этого собирателя библіографическихъ рѣдкостей, однако онъ нисколько не смутился и хладнокровно отвѣчалъ: «какъ вамъ угодно; тогда я приберегу любопытную книжечку для господина Мозера».

«Относительно Ведрина я попалъ въ нѣсколько неловкое положеніе. Обрадовавшись встрѣчѣ съ нимъ, я пригласилъ его съ семьей погостить къ намъ въ Кло-Жалланжъ. Что теперь дѣлать, когда у насъ будутъ Астье и Гаво, которые терпѣть не могутъ моего пріятеля. Въ самомъ дѣлѣ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ такой безцеремонный оригиналъ. Ведринъ аристократическаго происхожденія и имѣетъ титулъ маркиза, но еще и въ лицеѣ Людовика Великаго онъ тщательно скрывалъ это, а между тѣмъ другіе готовы были заплатить громадныя деньги за дворянскій гербъ и маркизскую корону во время господства демократіи, когда можно было добиться всего, кромѣ знатности.

«Съ бѣднымъ скульпторомъ случился на дняхъ непріятный казусъ: княгиня Розенъ не хочетъ брать его статуи, заказанной для мавзолея князя, тогда какъ на эту работу возлагались всѣ надежды семьей художника. «Когда мы продадимъ паладина, мнѣ купятъ механическую лошадку», говорилъ мнѣ его сынокъ; бѣдная жена также разсчитывала на паладина, мечтая пополнить скудный гардеробъ семьи; а самъ Ведринъ хотѣлъ отправиться на три мѣсяца путешествовать по Нилу. Теперь его труды пропали даромъ; княгиня заплатитъ не иначе, какъ послѣ процесса, экспертизы и тому подобныхъ проволочекъ. Не думай однако, чтобы это привело въ уныніе художника и его жену. На другой день послѣ непріятнаго извѣстія, я нашелъ моего Ведрина, какъ ни въ чемъ не бывало; онъ сидѣлъ на низенькомъ стулѣ, счастливый, сіяющій, набрасывая на громадномъ полотнѣ рису-

нокъ дѣвственнаго лѣса среди развалинъ сгорѣвшаго зданія, гдѣ помѣщается его мастерская. Жена и сынокъ стояли позади, восхищаясь работой; укачивая на рукахъ своего малютку, г-жа Ведринъ серьезно сказала мнѣ: «какъ мы счастливы теперь; мой мужъ принялся наконецъ писать масляными красками!» — Ну, право, подобная сцена способна вызвать невольный смѣхъ сквозь слезы.

«Мое отрывочное письмо, дорогая сестрица, доказываетъ тебѣ, въ какомъ лихорадочномъ состояніи нахожусь я съ тѣхъ поръ, какъ подготовляю свою кандидатуру. Мнѣ постоянно приходится бывать на журъ-фиксахъ, обѣдахъ; особенно часто меня видятъ въ салонахъ толстушки г-жи Анселенъ и, пожалуй, въ недалекомъ будущемъ я прослыву ея зебромъ. Жаль, что твой братъ слишкомъ неповоротливъ для такой роли. Въ семействѣ Астье, я принятъ, какъ родной; пріятно видѣть ихъ патріархальный бытъ и взаимную любовь; я горжусь ихъ дружбой».

Письмо заканчивалось обѣщаніемъ скоро вернуться въ Кло-Жалланжъ.

VIII.

По волѣ судебъ, Луазильону во всемъ везло слѣпое счастье; онъ даже скончался какъ разъ во-время. Недѣлю спустя, наступилъ бы уже конецъ сезона, когда всѣ салоны закрываются, Парижъ пустѣетъ, въ палатѣ и академіи настаютъ каникулы. Въ ту пору за его гробомъ шли бы только нѣсколько представителей ученыхъ обществъ, гдѣ онъ состоялъ президентомъ или секретаремъ, и немногіе академики, жадные до полученія жетоновъ. Но догадливый Луазильонъ отправился на тотъ свѣтъ какъ разъ наканунѣ раздачи наградъ; онъ выбралъ совершенно свободную недѣлю, когда не было ни убійства, ни дуэли, ни громкаго процесса, ни крупнаго политическаго событія. Такимъ образомъ, торжественныя похороны непремѣннаго секретаря академіи послужили единственнымъ развлеченіемъ Парижу.

Въ полдень происходила заупокойная обѣдня, и задолго до назначеннаго часа толпа народа осаждала церковь Сенъ-Жерменъ де-Прэ; ѣзда была прекращена; допускались экипажи только однихъ приглашенныхъ. Площадь оцѣпили городскіе сержанты; лишь немногіе изъ собравшихся уличныхъ зѣвакъ знали, чѣмъ собственно ознаменовалось семидесятилѣтнее существованіе покойнаго и что̀ значила крупная буква L, вышитая серебромъ на траурной драпировкѣ церковной паперти; но всѣмъ хотѣлось поглазѣть на церемонію. Зрѣлище обѣщало быть очень интерес-

нымъ, потому что полиція хлопотала изо всѣхъ силъ, стараясь доставить больше простора процессіи и сдѣлать ее величественнѣе и внушительнѣе. На похороны ожидали съѣзда актрисъ и знаменитостей, что̀ и привлекало парижскую чернь, толпившуюся передъ церковью.

Здѣсь, на этой паперти, обтянутой чернымъ сукномъ, произносились настоящія сужденія о покойномъ, не похожія на тѣ статьи, которыя появятся о немъ завтра въ газетахъ. Всѣ его произведенія ограничивались «Путешествіемъ въ Андорскую долину» и двумя отчетами, изданными національной типографіей, въ то время, когда Луазильонъ былъ главнымъ смотрителемъ академіи изящныхъ искусствъ. Самъ же онъ представлялъ собою типъ стряпчаго себѣ на умѣ, недалекаго, мизернаго, низкопоклоннаго, который вѣчно гнулъ спину, какъ будто извиняясь передъ всѣми и каждымъ, униженно прося прощенія за свои кресты, за свои пальмы, за свой рангъ въ академіи, куда онъ попалъ, благодаря умѣнью ловко лавировать между самыми разнородными элементами, не сливаясь ни съ однимъ изъ нихъ. Онъ извинялся и за свое состояніе, и за почести, воздаваемыя его ничтожеству и рабской угодливости. Однажды за академическимъ обѣдомъ Луазильонъ хлопоталъ у стола съ салфеткой въ рукахъ и вдругъ сказалъ въ припадкѣ самодовольства: «Какой отличный лакей вышелъ бы изъ меня!..» Вотъ настоящая эпитафія этого академическаго дѣятеля!

Но пока присутствующіе философствовали о ничтожествѣ его существованія, Луазильонъ торжествовалъ даже въ гробу; экипажи одинъ за другимъ подъѣзжали къ церкви; коричневыя и синія ливреи прислуги торопливо сновали туда и сюда, хлопая дверцами каретъ, съ трескомъ откидывая подножки. Группы журналистовъ разступались передъ герцогиней Падовани, подвигавшейся впередъ своей гордой поступью; передъ г-жей Анселенъ, которая цвѣла румянцемъ подъ черной креповой вуалью; г-жей Эвиза съ блестящими глазами, способными совратить съ пути истины даже агента, блюстителя нравственности; однимъ словомъ, всѣ академическія дамы были на лицо. Онѣ явились сюда не столько ради того, чтобъ отдать послѣдній долгъ умершему, сколько съ цѣлью полюбоваться на своихъ идоловъ, на «безсмертныхъ», созданныхъ ихъ собственными ручками, причемъ были пущены въ ходъ всѣ, обыкновенно пропадающія задаромъ, силы женскаго ума: гордость, честолюбіе, хитрость, настойчивость; къ нимъ присоединились и актрисы, ухватившись за ничтожный предлогъ, будто бы покойный предсѣдательствовалъ въ какомъ-то си-

ротскомъ пріютѣ для дѣтей драматическихъ дѣятелей. Въ сущности же, ихъ грызло желаніе показаться передъ толпой, свойственное всѣмъ питомцамъ театральныхъ подмостковъ. Актрисы плакали и держали себя съ такимъ трагическимъ видомъ, что ихъ можно было принять за близкихъ родственницъ Луазильона. Вдругъ подъѣхала еще одна карета, изъ которой вышла женщина, вся покрытая чернымъ крепомъ; ея длинная вуаль развѣвается отъ вѣтра, она едва стоитъ на ногахъ, какъ будто совершенно убитая горемъ. «Кто это? не вдова ли Луазильона?» Нѣтъ, это Маргарита Ожэ, знаменитая драматическая актриса, появленіе которой вызвало глухой ропотъ между народомъ на площади; тамъ поднялась даже давка, потому что всѣмъ хотѣлось взглянуть на нее. Одинъ изъ журналистовъ бросился къ ней на встрѣчу; онъ пожимаетъ обѣ руки Маргариты, ободряя ее.

— Да, вы правы! Не надо поддаваться слабости!

Она глотаетъ слезы, поднося платокъ къ глазамъ, и входитъ въ полутемную церковь, гдѣ мерцаютъ свѣчи. Какое эффектное появленіе!... Она опускается на колѣни возлѣ другихъ дамъ и простирается на коврикѣ, точно подкошенная печалью. Ее поднимаютъ; Маргарита осматривается вокругъ съ томнымъ видомъ и спрашиваетъ одну изъ своихъ товарокъ, стоящую рядомъ: «Ну, какъ шли дѣла вчера въ театрѣ Водевиля»?—Четыре тысячи двѣсти, отвѣчаетъ та, такимъ же тономъ неизмѣримой скорби.

Затерявшись въ толпѣ среди площади, Абель Фрейдэ слышалъ вокругъ себя возгласы: «Маргарита!... это Маргарита!... Ахъ, какъ она эффектно вошла!..» Но, по малости роста, виконту не удавалось пробраться сквозь толпу, какъ вдругъ кто-то ударилъ его по плечу: «Какъ, ты еще въ Парижѣ!... Бѣдная сестра навѣрное скучаетъ по тебѣ». И въ то же время Ведринъ потащилъ пріятеля за собою, работая своими могучими локтями и раздвигая присутствующихъ, надъ которыми онъ возвышался цѣлой головой.—«Пропустите родственниковъ, господа!...»—Такимъ образомъ, ему удалось провести робкаго провинціала въ первые ряды. Фрейдэ былъ въ восторгѣ, но нѣсколько конфузился, потому что скульторъ говорилъ громко и безъ всякаго стѣсненія. «Ай да Луазильонъ! на его похоронахъ не меньше народу, чѣмъ было у Беранжэ. Это должно привести въ энтузіазмъ нашу молодежь. Но что съ тобой? ты самъ на себя не похожъ. Повернись-ка сюда, любезный, продолжалъ Ведринъ, когда виконтъ снялъ шляпу, видя приближеніе процессіи.—Ахъ, несчастный! да вѣдь ты — ни дать, ни взять—похожъ на Луи-Филиппа.—Поэтъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ неузнаваемъ съ обритыми усами, съ тупеемъ на темени;

его добродушное красное лицо смотрѣло такъ забавно, обрамленное сѣдѣющими бакенбардами, а маленькая фигура вытягивалась съ церемонной неподвижностью. Ведринъ расхохотался: «А! понимаю!... ты хочешь понравиться академикамъ-аристократамъ, когда поѣдешь въ Шантильи. Значитъ, академія цѣпко захватила тебя въ свои когти?... Однако, полюбуйся лучше на этотъ маскарадъ».

На просторѣ площади, подъ яркими лучами солнца, двигалась погребальная процессія. За траурной колесницей выступали члены академическаго бюро, которые, какъ нарочно, были выбраны изъ самыхъ безобразныхъ стариковъ, казавшихся еще смѣшнѣе въ костюмѣ, сдѣланномъ по рисунку Давида: во фракѣ съ зеленой вышивкой, въ треуголкѣ и со шпагой, бившей по разслабленнымъ ногамъ, которыхъ Давидъ, конечно, не имѣлъ въ виду. Впереди шелъ Газанъ; шляпа держалась криво на неровностяхъ его черепа, зеленый цвѣтъ мундира оттѣнялъ еще сильнѣе землистое жирное лицо; рядомъ съ нимъ шелъ зловѣщій, длинный Ланибуаръ съ фіолетовыми жилками на щекахъ, съ перекошеннымъ ртомъ, вслѣдствіе апоплексическаго удара. На немъ было надѣто короткое пальто, откуда торчали конецъ шпаги и фалды фрака, придававшіе ему сходство съ факельщикомъ; впрочемъ, онъ далеко уступалъ въ представительности церемоніймейстеру погребальнаго шествія, подвигавшемуся съ тростью изъ чернаго дерева во главѣ бюро. За ними слѣдовали Астье-Регю, Деминьеръ и другіе; они видимо конфузились своихъ нелѣпыхъ костюмовъ, которые еще имѣютъ смыслъ при торжественномъ, холодномъ и, такъ сказать, историческомъ освѣщеніи подъ институтскимъ куполомъ, но подъ открытымъ небомъ, на улицѣ, вызываютъ невольную улыбку, точно потѣшная обезьянья выставка. — Такъ и хочется швырнуть имъ горсть орѣховъ, чтобы они побѣжали ловить ихъ на четверенькахъ,—замѣтилъ безцеремонный товарищъ Фрейдэ; но тотъ постарался уйти отъ скульптора и пробраться въ церковь, между двумя рядами солдатъ съ опущенными ружьями. Смерть Луазильона, конечно, не могла огорчать его; тѣмъ не менѣе, торжественность обстановки подѣйствовала на воспріимчиваго поэта. Какъ всегда въ минуты волненія, у него въ головѣ сами собой стали слагаться риѳмы. Виконтъ былъ уже готовъ оплакать въ звучныхъ строфахъ потерю, понесенную Франціей въ лицѣ Луазильона, какъ тутъ въ церковь явился сильно запоздавшій Данжу; онъ гордо осматривался вокругъ, вызывая одобрительный шопотъ въ дамскомъ обществѣ, и не отвѣтилъ на дружескій кивокъ виконта. «Данжу, вѣроятно, не узналъ меня, подумалъ поэтъ.—Бакенбарды сильно измѣняютъ физіономію». Риѳмы вылетѣли у него изъ головы, и онъ

опять принялся обдумывать свои дальнѣйшія хлопоты. Теперь какъ разъ открывалось вакантное мѣсто въ академіи, но на чье имя подать туда просьбу? Непремѣнный секретарь умеръ; утвердятъ ли въ его должности Леонарда Астье-Регю до каникулъ? — Виконтъ даже сообразилъ про себя, кому заказать академическій фракъ и поставляетъ ли портной вмѣстѣ съ фракомъ треуголку и шляпу?

«Pie Jesu, Domine....» великолѣпный голосъ оперная пѣвца раздался подъ сводами храма, моля за упокой души Луазильона, какъ будто милосердное провидѣніе собиралось подвергать его всевозможнымъ мукамъ. По крайней мѣрѣ, церковь взывала на всѣ лады, хоромъ и соло. «Ниспошли ему успокоеніе, Господи... пусть онъ безмятежно спитъ послѣ тревогъ и житейскихъ треволненій...» Этому печальному пѣнію вторили рыданія женщинъ, которыя были однако заглушены трагической икотой Маргариты Ожэ, ея ужасной икотой изъ четвертаго акта «Мюзидоры». Добродушный кандидатъ былъ потрясенъ до глубины души; ему вспомнились умершіе родители, неизлѣчимо-больная сестра, и онъ заплакалъ.

— Вы черезчуръ пересаливаете, вамъ, все равно, никто не повѣритъ, — прошепталъ надъ его ухомъ голосъ Гаво. Виконтъ съ негодованіемъ обернулся, но въ это время молодой офицерикъ грозно скомандовалъ: «на плечо!» Послышался лязгъ ружейныхъ штыковъ, органъ заигралъ маршъ «На смерть героя»; гробъ понесли изъ церкви. Члены бюро по прежнему двинулись во главѣ, за ними остальные, пропустивъ впередъ своего декана, феноменальнаго Жана Регю въ длиннѣйшемъ пальто. Онъ казался еще выше въ этомъ одѣяніи и гордо держалъ свою маленькую голову, точно выточенную изъ кокосоваго орѣха; его презрительный взглядъ какъ будто говорилъ: «я видывалъ еще и не то».

Дѣйствительно, въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ пользовался жетонами, ему приходилось много разъ слушать погребальные хоры и кропить святой водой траурные катафалки. Но если Жанъ Регю чудеснымъ образомъ оправдывалъ свой титулъ «безсмертнаго», зато другіе академики, шедшіе за нимъ, представляли собою шутовскую и печальную пародію безсмертія, дряхлые, сморщенные, согнутые въ дугу, покрившіеся на бокъ, какъ старыя плодовыя деревья, тащились гурьбою маститые старцы, еле волоча ноги, моргая подслѣповатыми глазами, какъ филины при солнечномъ свѣтѣ. Кто изъ нихъ шелъ безъ посторонней помощи, тотъ инстинктивно протягивалъ руки, ища опоры. Собравшаяся толпа, называя ихъ

по именамъ, вызывала въ памяти давно забытыя произведенія. Рядомъ съ этими выходцами съ того свѣта, «отпросившимися въ отпускъ съ кладбища Пэръ-ла-Шезъ»,—какъ сьострилъ одинъ изъ присутствующихъ,—другіе академики казались молодыми; они гордо выступали, выпрямляя торсъ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства. Женщины провожали ихъ восторженными взглядами сквозь черныя вуали. Эти счастливцы чувствовали себя избранниками, въ любопытной толпѣ, среди солдатскихъ киверовъ и ранцевъ. Двое или трое будущихъ коллегъ опять не отвѣтили на поклонъ Фрейдэ; его душевное состояніе было похоже на тяжелый кошмаръ, когда лучшіе друзья не узнаютъ насъ.

— Ну, теперь, любезный виконтъ, не зѣвайте, — раздался вдругъ надъ нимъ шопотъ Пишераля, когда публика потащила Фрейдэ съ собою къ выходу, посреди сдержаннаго говора и стука отодвигаемыхъ стульевъ. Но едва онъ поровнялся съ катафалкомъ, Данжу, подавая ему кропило, произнесъ, не глядя на него: «теперь держитесь въ сторонѣ и ничего не предпринимайте, это самое главное».

Бѣдный кандидатъ, только что ободренный словами Пишераля, не на шутку пріунылъ. Кого тутъ слушать?,.. одни говорятъ: «не зѣвайте», другіе: «не суетитесь...» Навѣрно самый лучшій совѣтъ можетъ дать добрѣйшій наставникъ, Леонардъ Астье. Фрейдэ попробовалъ приблизиться къ нему, но это было не легко. Похоронный кортежъ формировался передъ церковью; на траурную колесницу поднимали гробъ, засыпанный безчисленными вѣнками. Участники погребальной процессіи всегда выказываютъ лихорадочное оживленіе по выходѣ изъ церкви на свѣжій воздухъ. Повсюду раздаются привѣтствія, завязываются разговоры; не имѣющіе ничего общаго съ мрачной церемоніей; на всѣхъ лицахъ видно облегченіе, каждый старается вознаградить себя за долгій часъ непріятной неподвижности при пѣніи погребальныхъ молитвъ. Жизнь торопится вступить въ свои права, отодвигая память умершаго въ область прошлаго, откуда ему нѣтъ больше возврата. То же самое происходило и теперь. Траурные экипажи выстраивались въ линію, множество каретъ отъѣзжало отъ церкви во всю прыть. Публика глазѣла изъ оконъ, выходившихъ на площадь; на остановленныхъ конкахъ, вдоль Сенъ-Жерменскаго бульвара, громоздились любопытные, взбираясь на верхъ, чтобы взглянуть на процессію. Фрейдэ, ослѣпленный яркимъ солнцемъ, любовался этой картиной, внутренно терзаясь однако невниманіемъ своихъ будущихъ коллегъ; эти люди явно сторонились отъ него, хоть не дальше, какъ третьяго дня пожимали

ему руки послѣ сытнаго обѣда въ ресторанѣ Вуазена, говоря: «Когда же вы примкнете наконецъ къ намъ?»

— Какая потеря, дорогой учитель,—произнесъ виконтъ, добравшись наконецъ до Астье-Регю и желая завязать съ нимъ разговоръ. Но академикъ ничего не отвѣчалъ, перелистывая рѣчь, которую ему предстояло произнести на кладбищѣ. «Какое горе!..» опять повторилъ виконтъ, надѣясь встрѣтить сочувствіе.

— Любезный Фрейдэ, вы неприличны,—громко возразилъ Леонардъ свирѣпымъ тономъ, щелкнувъ челюстью, и снова принялся за чтеніе.

Несчастный поэтъ покраснѣлъ, инстинктивно оглядывая себя со всѣхъ сторонъ. Почему онъ неприличенъ? что такое онъ сдѣлалъ?.. Фрейдэ нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то ошеломленіи; онъ смутно видѣлъ, какъ покачивался гробъ подъ колеблющейся пирамидой цвѣтовъ; видѣлъ зеленые фраки по четыремъ угламъ катафалка; другіе зеленые фраки шли позади; за ними — вся академическая компанія, а сейчасъ за нею, но въ почтительномъ разстояніи, обособленная группа, куда незамѣтно оттерли и его. Тутъ были и молодые люди, и старики, всѣ опечаленные и унылые, съ глубокой морщиной поперегъ лба, съ недовѣрчивымъ и враждебнымъ взглядомъ.

Оправившись отъ своего смущенія, виконтъ узналъ между ними вѣчнаго кандидата, старика Мозера, Дальяна съ его честной миной, Салеля, Герино и другихъ. То была злополучная клика «потопленныхъ рыбъ». Академія забыла о нихъ, но они слѣдовали за ея побѣдоноснымъ кораблемъ, какъ плѣнники за колесницей тріумфатора. Фрейдэ вспомнилъ предостереженія Ведрина; виконтъ втайнѣ давалъ себѣ слово избѣгнуть печальной участи этихъ неудачниковъ, не замѣчая того, какъ крѣпко сидѣлъ онъ самъ на желѣзномъ крючкѣ предательской удочки.

Между тѣмъ погребальная процессія подвигалась впередъ, извиваясь змѣею по улицамъ и собирая толпы любопытныхъ, унизывавшихъ тротуары и окна домовъ. Музыка, отъ времени до времени, принималась исполнять «маршъ на смерть героя». И въ виду этихъ пышныхъ національныхъ похоронъ, этого громкаго протеста со стороны человѣка, униженнаго и побѣжденнаго смертью, но не желающаго примириться со своимъ пораженіемъ, пріятно было сознавать, что все это продѣлывается ради Луазильона, непремѣннаго секретаря французской академіи, т. е. ради ничтожества, ради подкладки ничтожества.

IX.

Ежедневно между четырьмя и шестью часами, раньше или позже, смотря по времени года, Поль Астье принималъ душъ въ водолѣчебницѣ д-ра Кейзера, въ концѣ предмѣстья Сентъ-Онорэ. Послѣ двадцатиминутнаго фехтованія рапирой, боксомъ или палкой, онъ становился подъ холодный дождь; потомъ слѣдовало купанье въ бассейнѣ, затѣмъ, по выходѣ изъ водолечебницы, маленькая остановка у цвѣточницы, гдѣ ему пришивали гвоздику въ петлицу, и прогулка пѣшкомъ до тріумфальной арки Звѣзды, причемъ фаэтонъ, съ грумомъ на козлахъ, слѣдовалъ за нимъ по пятамъ у самаго края тротуара. Послѣ прогулки — катанье въ аллеѣ Акацій, гдѣ Поль Астье плѣнялъ всѣхъ женщинъ прекраснымъ цвѣтомъ лица, которымъ былъ обязанъ своей привычкой къ модной гигіенѣ. Кромѣ того, бывая въ заведеніи Кейзера, онъ не имѣлъ нужды пробѣгать газеты; всѣ новости дня узнавались тамъ налету, въ кабинетахъ для раздѣванья, въ фехтовальной залѣ, гдѣ посѣтители собирались въ гимнастическихъ курткахъ или фланелевыхъ халатахъ, и даже у дверей доктора, въ ожиданіи душа; здѣсь сообщались всѣ парижскія новости, все, что происходило въ клубахъ, въ салонахъ, въ палатѣ, на биржѣ и въ Елисейскомъ дворцѣ. Публика говорила громко, не стѣсняясь, при лязгѣ шпагъ и стукѣ тросточекъ, при хлопаньѣ ладоней массажистовъ по голому тѣлу, дребезжаньѣ креселъ на колесахъ для ревматиковъ и громкомъ плескѣ воды въ бассейнѣ со сводами.

Поль Астье съ наслажденіемъ вертѣлся подъ благодатнымъ дождемъ, оставляя тамъ свой мигрень, уличную пыль послѣ похоронаго шествія и жалкія слова, которыми разразился надъ могилой лицемѣрный Леонардъ Астье-Регю: «пробилъ торжественный часъ, и онъ былъ отозванъ въ лучшій міръ...», «застывшая рука Луазильона...», «осушенъ до дна кубокъ счастья....» О, отецъ! о, драгоцѣнный учитель!» Побольше свѣжей воды! Пусть она льется ручьемъ, хлещетъ каскадомъ, чтобы смыть всякое воспоминаніе объ этомъ погребальномъ краснорѣчіи! Мокрый съ головы до ногъ, Поль столкнулся на лѣсенкѣ съ высокимъ господиномъ; тотъ выходилъ изъ бассейна и кивнулъ архитектору головой, стуча зубами отъ холода; широкій клеенчатый колпакъ закрывалъ ему черепъ и часть лица. Скелетообразная фигура мертвенно-блѣднаго купальщика и неровная, усталая походка заставили молодаго человѣка подумать, что это одинъ изъ не-

счастныхъ невропатовъ, посѣщавшихъ лѣчебницу Кейзера по необходимости. Являясь въ фехтовальную залу вѣшаться на вѣсахъ, они представляли грустный контрастъ съ другими посѣтителями, веселыми и бойкими, звонко смѣявшимися въ избыткѣ здоровья. Между тѣмъ презрительный изгибъ этого большаго носа и брезгливо опущенные углы губъ смутно напомнили Полю что-то знакомое. Придя въ свой кабинетъ, онъ спросилъ купальщика, натиравшаго ему кожу:

— Кто это кланялся со мной сію минуту?

— Князь Атисъ, сударь,—отвѣчалъ тотъ не безъ гордости.— Онъ недавно сталъ ходить къ намъ по утрамъ, но сегодня опоздалъ по случаю какихъ-то похоронъ, какъ говорилъ Жозефъ.

Въ это время, въ кабинетѣ напротивъ одѣвался толстякъ Гаво; въ отворенную дверь виднѣлось его безобразно-ожирѣвшее блѣдное тѣло, пока онъ, сидя, застегивалъ выше колѣна подвязку съ пряжками на длинномъ чулкѣ, какіе носятъ попы и женщины.

— Скажите-ка, Поль, видѣли ли вы Сэми, который собирается съ силами?—спросилъ онъ, лукаво подмигивая.

— Зачѣмъ же ему собираться съ силами?

— А какъ же? Черезъ двѣ недѣли онъ женится. Вотъ бѣдному малому и нужно волей-неволей обливаться холодной водой, чтобы не ударить въ грязь лицомъ.

— Но вѣдь его назначили посланникомъ?

— Атисъ отправится прямо на свой постъ. Княгиня поѣхала впередъ. Они обвѣнчаются за границей.

Поль Астье вздрогнулъ; въ немъ заговорило неясное предчувствіе бѣды.

— Какая княгиня?.. на комъ онъ женится?

— Неужели вы не знаете такой крупной новости? Вотъ уже два дня, какъ весь Парижъ толкуетъ о ней. Ловкій князекъ подцѣпилъ неутѣшную вдовушку, Коллету Розенъ. Хотѣлось бы мнѣ видѣть, какъ бѣснуется герцогиня. На отпѣваніи у Луазильона она держалась отлично, но не откидывала вуали и—ни съ кѣмъ ни слова! Не легко, чортъ возьми, проглотить такую пилюлю!.. Подумайте только: не дальше,. какъ вчера, мы вмѣстѣ выбирали для измѣнника матерію на обивку его мебели въ Петербургѣ.

При первыхъ словахъ Гаво, Поль Астье приблизился къ его дверямъ, чтобъ хорошенько слышать. Вдругъ ему пришло безумное желаніе ворваться въ кабинетъ князя и разругать этого человѣка, отнимавшаго у него богатство; но юноша быстро опомнился, сообразивъ, что онъ стоитъ въ коридорѣ безъ рубашки, и произведенный имъ скандалъ будетъ крайне карикатуренъ.

Кое-какъ подавивъ свое бѣшенство, архитекторъ наскоро одѣлся и поспѣшилъ въ Боннскую улицу. Корентина встрѣтила его съ засученными рукавами, грязно одѣтая; она затѣяла на кухнѣ большую стирку, пользуясь отсутствіемъ барыни.

— Гдѣ обѣдаетъ сегодня матушка, не знаете ли вы?

Служанка отвѣчала отрицательно. Г-жа Астье не сказала ей, куда отправится, но баринъ дóма и роется въ своихъ бумагахъ. Лѣстница на вышку скрипнула подъ тяжелыми шагами Леонарда Астье:

— Это ты, Поль?

Потрясенный случившимся, сынъ не замѣтилъ во мракѣ прихожей разстроеннаго вида отца и страннаго тона, которымъ онъ отвѣчалъ на его вопросъ: «Какъ поживаетъ учитель?... Мамы нѣтъ дома?...»

— Нѣтъ, она обѣдаетъ у г-жи Анселенъ, а потомъ поѣдетъ съ ней въ театръ. Я самъ пріѣду туда къ концу спектакля.

У нихъ обоихъ не нашлось ничего сказать другъ другу, кромѣ этого, какъ у чужихъ людей, не имѣвшихъ ничего общаго между собою. Впрочемъ, Полю Астье хотѣлось спросить, не знаетъ ли что нибудь отецъ насчетъ женитьбы князя, но юноша тотчасъ спохватился, подумавъ про себя: «нѣтъ, старикъ слишкомъ глупъ, чтобы мать могла говорить съ нимъ откровенно». Отцу также вздумалось предложить ему одинъ вопросъ, и онъ нерѣшительно промолвилъ:

— Послушай, Поль, представь себѣ: я никакъ не могу отыскать... Я только что перерылъ всѣ свои бумаги и не нашелъ...

— Чего?

Астье-Регю замялся, разсматривая въ упоръ красивыя черты сына, въ которыхъ никогда не было полной искренности и таилось что-то лживое, благодаря небольшой кривизнѣ носа.

— Нѣтъ, ничего... такъ... ты все равно не поможешь,—сказалъ наконецъ Леонардъ угрюмымъ тономъ.—Можешь идти.

И Поль ушелъ. До спектакля оставалось еще часа два-три. Экипажъ былъ отправленъ домой; молодой человѣкъ медленно подвигался впередъ, хладнокровно обдумывая свое положеніе. Какимъ образомъ онъ проигралъ свою ставку? Какую оплошность сдѣлалъ въ своихъ стратегическихъ разсчетахъ?

Послѣ эпизода на кладбищѣ Пэръ-ла-Шезъ, онъ нарочно не хотѣлъ надоѣдать своими посѣщеніями Коллетѣ, чтобы она успѣла опомниться. Кто могъ предвидѣть ея неожиданное бѣгство? Вдругъ у него блеснулъ лучъ надежды: княгиня, при своей безхарактерности, пожалуй, еще не рѣшилась уѣхать, и онъ найдетъ

ее дома посреди недоконченныхъ сборовъ къ путешествію, въ отчаяніи и горѣ, стоящую передъ портретомъ своего Герберта и взывающую къ покойному герою: «посовѣтуй, что мнѣ дѣлать?» Можетъ быть, не все еще потеряно, и дѣло кончится для него побѣдой.

Поль Астье нанялъ фіакръ въ улицу Курсель, но—увы!—отель Розенъ оказался запертымъ наглухо; по словамъ привратника, Коллета покинула Парижъ въ то же утро. Въ страшномъ унынiи молодой человѣкъ вернулся къ себѣ. Его домъ, напоминавшій какой-то баракъ въ средневѣковомъ стилѣ, похожій съ виду на башню Голода, съ билетиками на окнахъ, окончательно нагналъ тоску на Поля; въ мастерской было еще совсѣмъ темно; архитекторъ бросился на диванъ и заснулъ, спрашивая себя: какой несчастной случайности обязанъ онъ крушеніемъ всѣхъ своихъ плановъ, придуманныхъ, казалось бы, такъ умно и ловко? Два часа спустя, онъ проснулся инымъ человѣкомъ. Какъ наша память изощряется во время сна, такъ его энергія и любовь къ интригамъ не переставали работать во время короткаго тяжелаго отдыха. Въ головѣ юноши созрѣлъ новый планъ, и явилась твердая рѣшимость расквитаться съ врагомъ.

Онъ быстро одѣлся, подкрѣпилъ свои силы легкой закуской и чашкой чая, и поѣхалъ въ театръ, чувствуя еще легкую влажность послѣ горячихъ щипцовъ въ тщательно расчесанныхъ усахъ и бородѣ. Самый проницательный наблюдатель не могъ бы замѣтить на лицѣ этого франта ни малѣйшей озабоченности.

У г-жи Анселенъ, поклонницы официальной литературы, было два храма—французская Академія и Французская Комедія; но такъ какъ первый изъ нихъ открывался для пламенныхъ поклонницъ только въ неопредѣленные промежутки времени, то академическая дама съ ожесточеніемъ набросилась на второй, не пропуская ни одной выдающейся пьесы и ни одного абонементнаго дня по вторникамъ. Еще у входа въ домъ Мольера, передъ статуями Рашели и Тальма, г-жа Анселенъ уже начинала восхищаться вслухъ и актерами, и театральной администраціей; она размахивала коротенькими толстыми руками и, отдуваясь, шла по коридору, причемъ въ сосѣднихъ ложахъ проносился шопотъ: «вотъ и г-жа Анселенъ». По вторникамъ въ особенности, когда Французскую Комедію посѣщаетъ высшій кругъ, экзальтированная барынька бросалась въ глаза; она высовывалась изъ своей ложи, млѣя отъ восторга и громко повторяя: «о, этотъ Коклэнъ! о, этотъ Делонэ!... Сколько въ нихъ юношескаго пыла!... Ну, гдѣ найдешь другой подобный театръ?...» Она не

терпѣла, чтобы въ ея присутствіи велись въ театрѣ посторонніе разговоры, а въ антрактахъ встрѣчала посѣтителей восторженными возгласами насчетъ генія академическаго драматурга и наружности модной актрисы.

При входѣ Поля Астье, занавѣсъ былъ поднятъ; зная причуды г-жи Анселенъ, молодой человѣкъ остался въ аванъ-ложѣ, пока академическая дама слѣдила за ходомъ спектакля, затаивъ дыханіе; рядомъ съ ней сидѣли г-жа Астье и г-жа Эвиза; сзади нихъ помѣщались Данжу и Фрейдэ, пришибленные и несчастные, въ родѣ плѣнниковъ. Аделаида вздрогнула, увидавъ сына; онъ недаромъ пришелъ сюда, въ это убѣжище скуки; вѣрно, опять понадобились деньги. Ахъ, эта проклятая нужда! впрочемъ, скоро ей придетъ конецъ; женитьба Сэми сдѣлаетъ ихъ богатыми. Г-жа Астье сидѣла, какъ на иголкахъ, спѣша подѣлиться съ сыномъ радостной новостью, которой онъ, пожалуй, еще не зналъ; а между тѣмъ ей приходилось вторить г-жѣ Анселенъ, восклицавшей, закатывая глаза: «ахъ, какая дивная игра!... ахъ, этотъ Делонэ!...» Поль, со своей стороны, тоже выдерживалъ жестокую пытку; съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, была видна только ярко горѣвшая рампа, а въ зеркалѣ аванъ-ложи отражалась часть зрительной залы: кресла, ложи и скамейки, ряды физіономій и дамскихъ шляпъ, какъ будто окутанныхъ синеватою дымкой, съ расплывающимися очертаніями, точно предметы, видимые подъ водою. Въ антрактѣ, послѣ обоюдныхъ привѣтствій, г-жа Анселенъ затараторила:

— А, каково платье на Рейхембергъ, г. Поль, видѣли ли вы?.. Этотъ передникъ изъ розоваго стекляруса?.. эта вставка на боку изъ лентъ?.. нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, только въ Парижѣ умѣютъ одѣваться!

Тутъ явились на выручку посѣтители, и г-жѣ Астье удалось приблизиться къ сыну; присѣвъ на диванъ между платковъ и мантилій, они стали перешептываться, близко наклоняясь одинъ къ другому.

— Отвѣчай скорѣй и безъ увертокъ: Семи женится?..

— Да. Герцогиня узнала это вчера, но все таки явилась въ театръ. Какъ же ей не выказать свою корсиканскую гордость!..

— А имя той негодяйки?.. Ты можешь назвать ее теперь?

— Княгиня Розенъ. Ты, вѣроятно, догадывался?..

— Нисколько. А много ли дадутъ тебѣ за хлопоты?

Аделаида прошептала торжествующимъ тономъ:

— Двѣсти тысячъ!

— Ну, а я теряю черезъ твои плутни двадцать милліоновъ и любимую женщину!..

Поль бѣшено стиснулъ руки матери и бросилъ ей въ лицо: «Сводня!»

Дыханіе остановилось у нея въ груди; она тупо взглянула на сына. Такъ, значитъ, это онъ былъ причиной несговорчивости Коллеты! Родная мать употребляла всѣ усилія, чтобы перебить дорогу сыну. Вотъ почему, нѣсколько дней назадъ, эта дурочка отчаянно рыдала въ ея объятіяхъ, когда помолвка съ Атисомъ была уже слажена. Они оба, каждый съ своей стороны, вели подкопы, желая овладѣть богатымъ кладомъ съ такою хитростью, съ такимъ терпѣніемъ. Мать и сынъ молчали, обмѣниваясь нѣмыми, бѣшеными взглядами; ихъ глаза, похожіе, какъ двѣ капли воды, горѣли въ полумракѣ зловѣщимъ огнемъ. Дисциплина свѣтскихъ приличій должна быть всесильна, если она могла удержать эти два существа въ границахъ хладнокровія, когда имъ хотѣлось кричать отъ ярости, топать ногами, ревѣть и вцѣпиться зубами въ своего врага.

Г-жа Астье опомнилась первая и сказала:

— Какъ жаль, что Коллета уѣхала!

Ея губы искривились отъ злобы при мысли, что она сама ускорила этотъ отъѣздъ.

— Ничего! Ее заставятъ вернуться! возразилъ Поль.

— Какимъ это образомъ?

Не отвѣчая матери, онъ спросилъ:

— Сэми въ театрѣ?

— О, я не думаю!.. Но куда ты?.. Что ты затѣваешь?

— Отстань отъ меня, пожалуйста!.. Не суйся не въ свое дѣло! Право, ты поглупѣла!

Онъ вышелъ вмѣстѣ съ другими посѣтителями г-жи Анселенъ, потому что антрактъ близился къ концу. Г-жа Астье заняла прежнее мѣсто, рядомъ со своей экзальтированной пріятельницей, но она ничего не видала и не слыхала изъ того, что̀ дѣлалось на сценѣ, отыскивая глазами сына между зрителями. Ея сердце обливалось кровью. Конечно, Поль вызоветъ князя на дуэль, и все это по ея винѣ. Какъ она была глупа! Какое ослѣпленіе нашло на нее! При выходѣ изъ театра, Аделаида столкнулась въ коридорѣ съ герцогиней Падовани. Величественная Антонія, кутаясь въ длинный плащъ, бѣлый съ золотомъ, спускалась по лѣстницѣ подъ руку съ графомъ Адріани. Она узнала о предательской интригѣ бывшей подруги, и обѣ женщины обмѣнялись при встрѣчѣ холоднымъ, ничего не выражающимъ взглядомъ, который былъ.

однако, страшнѣе всякихъ угрозъ. Теперь онѣ вполнѣ поняли другъ друга и заранѣе были увѣрены, что между ними начнется непримиримая война отравленнымъ оружіемъ, гдѣ каждый ударъ достигаетъ цѣли, потому что враги знаютъ одинъ у другаго каждое больное мѣсто въ сердцѣ, проживъ много лѣтъ въ тѣсной дружбѣ. Но и тутъ свѣтскія приличія были свято соблюдены и не перестанутъ соблюдаться впослѣдствіи; оба врага, одинъ могущественный, другой ядовитый, не выдадутъ явно своей ненависти при случайныхъ столкновеніяхъ.

Г-жа Астье разсѣянно отвѣчала на привѣтствія знакомыхъ, при разъѣздѣ. Внизу, у выхода, ее встрѣтилъ мужъ. Г-жа Анселенъ обрушилась и на него съ изъявленіями своего восторга, но тотъ молча повелъ жену подъ руку, свирѣпо поднявъ воротникъ въ защиту отъ сквознаго вѣтра.

На улицѣ шелъ дождь. Г-жа Анселенъ предложила супругамъ довезти ихъ до дому, но безъ особеннаго радушія, какъ поступаютъ люди, которые боятся утомить своихъ лошадей и разгнѣвать кучера, непремѣнно самаго лучшаго въ цѣломъ Парижѣ. У Леонарда былъ взятъ фіакръ, и онъ поспѣшилъ отказаться отъ любезности г-жи Анселенъ, которая ворковала: «да, да, я понимаю; вамъ хочется остаться вдвоемъ. Счастливое супружество!..» Но академикъ не слушалъ, увлекая жену по галереямъ, забрызганнымъ дождемъ.

Послѣ баловъ и вечеринокъ, когда свѣтскіе супруги уѣзжаютъ домой въ каретѣ, всегда невольно спрашиваешь себя, о чемъ они будутъ разговаривать дорогой? Вѣрнѣе всего, что они молчатъ. Мужъ обыкновенно чувствуетъ себя разбитымъ и утомленнымъ по окончаніи этихъ празднествъ, тогда какъ жена продолжаетъ мечтать въ полумракѣ кареты, сравнивая свой туалетъ и свою наружность съ туалетами и наружностью другихъ женщинъ, встрѣченныхъ ею на балу; перебираетъ въ умѣ обстановку дома, гдѣ происходило торжество. Между тѣмъ люди, появляясь въ общество, надѣваютъ на себя маску такого безстыднаго лицемѣрія, что невольно хотѣлось бы наблюдать ихъ въ тотъ моментъ, когда они сбрасываютъ съ себя личину, обнаруживая свой настоящій характеръ, тайныя пружины своихъ дѣйствій и настоящія отношенія между собою. Въ закрытыхъ экипажахъ, ѣдущихъ послѣ полуночи по заснувшимъ улицамъ города, сверкая своими фонариками, навѣрно разыгрываются самыя любопытныя сцены.

По крайней мѣрѣ, у супруговъ Астье, въ подобныхъ случаяхъ, происходила полная перемѣна декорацій. На глазахъ у людей Аделаида была внимательной и любящей женой, но, оставшись съ

мужемъ наединѣ, тотчасъ принимала рѣзкій тонъ, вымещая на Леонардѣ необходимость выслушивать въ обществѣ съ благосклонной улыбкой его разсказы, вѣчно повторявшіеся и надоѣдавшіе ей до тошноты; Леонардъ, добродушный отъ природы, всегда довольный собою и другими, обыкновенно возвращался изъ гостей въ восторгѣ отъ радушнаго пріема, и каждый разъ его поражало злорѣчіе жены, которая непремѣнно разсказывала всевозможныя гадости о семействѣ, куда ихъ пригласили, о лицахъ, встрѣченныхъ тамъ. Она хладнокровно взводила на нихъ ужаснѣйшія обвиненія, не колеблясь обливать грязью всѣхъ и каждаго. Эта легкость сужденій и безсознательное раздуваніе мелочей до чудовищныхъ размѣровъ составляютъ отличительную черту парижскихъ

Въ такія минуты Астье-Регю обыкновенно умолкалъ, чтобы не раздражать жену еще болѣе, и втихомолку дремалъ въ углу экипажа; въ этотъ вечеръ, однако, Леонардъ рѣшился не спускать ей и не обратилъ вниманія на слова Аделаиды, когда та сказала ему брюзгливымъ тономъ: «Не мните, пожалуйста, моего платья».

— Отстаньте отъ меня съ вашимъ платьемъ! Знаете ли, сударыня, что я обокраденъ?—рявкнулъ онъ такъ громко, что каретныя стекла задрожали.

— Ахъ, Боже мой!.. автографы!.. Она совершенно забыла о нихъ, пораженная новымъ ударомъ судьбы, и потому выказала непритворное изумленіе.

Да, у него украли письма Карла V, три самыхъ лучшихъ документа!.. Но тутъ въ голосѣ Леонарда звучала уже нерѣшительная нотка; онъ нападалъ на жену съ меньшей увѣренностью. Тѣмъ временемъ она успѣла опомниться: «Кого же вы подозрѣваете въ кражѣ?..» Корентина казалась ей дѣвушкой честной... можетъ быть, Тейседръ?... но какъ предположить, чтобы это глупое животное...

— Тейседръ!... Леонардъ опять принялся кричать, до того это предположеніе показалось ему нѣроятнымъ. Недаромъ полотеръ былъ всегда ему ненавистенъ. Дѣло объяснялось очень просто: Астье имѣлъ неосторожность упомянуть за столомъ о цѣнности своихъ манускриптовъ; Корентина подхватила эти слова и, безъ всякаго дурнаго умысла, передала ихъ Тейседру. Ахъ, онъ злодѣй! у него и рожа-то разбойничья: какъ глупо было не довѣрять инстинктивной антипатіи къ нему и не удалить его изъ дому. Въ каторгу его!.. на галеры!.. ахъ, противная обезьяна! онъ не такъ глупъ, какъ казался съ виду. Академикъ хотѣлъ немедленно дать знать о пропажѣ полицейскому комисару; онъ

уже высунулся изъ окна кареты, чтобы велѣть кучеру ѣхать въ полицейское бюро, но тутъ Аделаида насильно оттащила его отъ дверцы и, совершенно измученная волненіями послѣднихъ дней, махнула на все рукой.

— Тейседръ не виноватъ,—сказала она... это сдѣлано мною, если ты хочешь знать!

— И, не переводя духа, несчастная женщина разсказала о своемъ визитѣ къ Болу, о томъ, какъ она достала двадцать тысячъ франковъ для спасенія сына. Ея слова были встрѣчены молчаніемъ до того продолжительнымъ, что она подумала, не сдѣлался ли съ ея мужемъ обморокъ, или ударъ, но эти опасенія были напрасны; бѣдный крокодилъ только безпомощно разинулъ ротъ, чтобы набрать въ себя побольше воздуха и захлебнулся имъ, какъ разревѣвшійся ребенокъ. Наконецъ онъ разразился такимъ рычаніемъ, что оно раздалось по всей площади Карусель, гдѣ въ ту минуту проѣзжалъ фіакръ, далеко разбрызгивая грязь своими колесами.

— Я обокраденъ... меня обокрала жена для сына!..

И этотъ взрывъ бѣшенства перемѣшивался съ бранью овернскихъ крестьянъ и чувствительными восклицаніями изъ классическихъ отрывковъ, которые Астье-Регю читалъ въ былое время своимъ ученикамъ на урокахъ словесности въ лицеѣ Людовика Великаго. «О, праведное небо!... я погибъ!..» и т. д. На большой площади, освѣщенной какъ днемъ, послѣ разъѣзда изъ театра, сновали по всѣмъ направленіямъ омнибусы и кареты, при яркомъ блескѣ электрическихъ фонарей.

— Вы съ ума сошли! Уймитесь ради Бога, — уговаривала мужа г-жа Астье,—вѣдь васъ всѣ знаютъ.

— Только вы не знаете меня, сударыня!

Она думала, что онъ ее побьетъ. И, при томъ невыносимомъ напряженіи нервовъ, это не было бы ей, пожалуй, непріятно; но Леонардъ вдругъ затихъ изъ боязни скандала, поклявшись, въ заключеніе, прахомъ покойной матери немедленно уложить свой чемоданъ и уѣхать въ Саванья, предоставивъ женѣ и негодяю сыну пользоваться плодами своего мошенничества.

Еще разъ высокій сундукъ съ большими гвоздями былъ перетащенъ изъ прихожей въ кабинетъ академика, тамъ оставалось еще нѣсколько полѣньевъ отъ зимней топки, но такое препятствіе не остановило «безсмертнаго» и цѣлый часъ все въ домѣ ходило ходуномъ отъ швырянья дровъ и выдвиганья комодовъ. Леонардъ вытаскивалъ изъ нихъ свои вещи, чтобы свалить въ чемоданъ, засоренный опилками и кусочками древесной коры;

туда пошло и бѣлье, и платье, и обувь, и даже парадный академическій фракъ съ вышитымъ жилетомъ, деликатно завернутый въ бѣлую скатерть. Но, по мѣрѣ того какъ наполнялся сундукъ, гнѣвъ ученаго мало по малу утихалъ; Астье ограничивался теперь глухимъ ворчаньемъ, сознавая свою слабость; его загнали, какъ затравленнаго звѣря въ тѣсный уголъ, откуда не было выхода; онъ чувствовалъ это, но хотѣлъ для виду поддержать свое достоинство. Между тѣмъ жена невозмутимо слѣдила за его сборами, усѣвшись на ручку кресла, въ ночной кофтѣ съ кружевной косынкой на головѣ, и насмѣшливо повторяла посреди зѣвоты: «Послушай, Леонардъ, опомнись!»

X.

Дуэль между Полемъ Астье и княземъ Атисомъ должна была состояться въ окрестностяхъ Сенъ-Клу. Соперникъ подстерегъ жениха Коллеты Розенъ за игорнымъ столомъ въ одномъ изъ клубовъ, ловко затѣялъ съ нимъ пустую ссору, и будущему посланнику пришлось принять вызовъ. Секундантами Поля были виконтъ Фрейдэ и графъ Адріани; однако нунцій не захотѣлъ допустить племянника до новаго скандала и юный Пепино былъ замѣненъ скульпторомъ; Поль не терялъ надежды, что тотъ согласится въ послѣднюю минуту выставить свой титулъ маркиза на протоколѣ, который будетъ перепечатанъ газетами. Молодой человѣкъ, вмѣстѣ со своими секундантами, подъѣхалъ въ открытомъ ландо къ ресторану «Черная голова», гдѣ къ нимъ присоединился докторъ Гомесъ; это былъ маленькій, толстый человѣкъ, имѣвшій когда-то солидную практику, но азартная игра и давнишняя связь съ недостойной женщиной погубили его. Парижскія кокотки фамильярно звали Гомеса «дядюшкой», онъ развратничалъ и опустился до того, что приглашенія на всевозможныя дуэли сдѣлались, такъ сказать, его спеціальностью. Докторъ Гомесъ даже назначилъ особую таксу за это: два луидора и угощеніе.

— Холодное или огнестрѣльное оружіе?—спросилъ онъ, усѣвшись въ ландо противъ Поля.

— Холодное, холодное, докторъ... академическія шпаги. Французская академія сразится съ нравственными и политическими науками.

Гомесъ улыбнулся, укладывая въ экипажъ свой мѣшокъ съ инструментами. Не успѣли они тронуться въ путь, какъ въ первомъ этажѣ, у окна отдѣльнаго кабинета появилась странная па-

рочка: высокая дѣвушка, съ нѣжно-голубыми глазами, въ корсетѣ, съ салфеткой на шеѣ, едва прикрывавшей ея обнаженную грудь и плечи, а рядомъ съ ней отвратительный карликъ, какихъ показываютъ на ярмаркахъ. Изъ-за желѣзной баллюстрады окна выглядывала его напомаженная голова, тогда какъ несоразмѣрно длинныя руки обхватывали талью хорошенькой Маріи Донваль, актрисы на роли наивныхъ дѣвушекъ въ театрѣ Гимназіи. Докторъ громко назвалъ ее по имени.

— Съ кѣмъ это она?

Другіе также обернулись, но красотка исчезла; на подоконникѣ лежала только продолговатая голова горбуна, какъ будто отрѣзанная отъ туловища.

— О, да это старикъ Фажъ!

Ведринъ сдѣлалъ ему привѣтственный жестъ рукою и, забавляясь негодованіемъ Фрейдэ, прибавилъ:

— Вѣдь я тебѣ говорилъ: съ нимъ хороводятся самыя красивыя женщины Парижа!

— Какая гадость!...

— Это васъ удивляетъ, г-нъ де-Фрейдэ?—спросилъ Поль Астье, принимаясь разбирать по косточкамъ женскіе характеры. По его мнѣнію, женщина всю жизнь остается не болѣе, какъ избалованнымъ ребенкомъ. со всѣми его пороками и дурными инстинктами: лживостью, страстью поддразнивать и подличать. Женщина—лакомка, тщеславна, любопытна; она любитъ болтать, но не выскажетъ при этомъ ни одной оригинальной мысли, а когда начнетъ спорить, то противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагу; увертывается, но не докажетъ ничего. Попробуйте потолковать о чемъ нибудь съ женщиной. И вы увидите, что въ ней нѣтъ ни доброты, ни жалости, ни ума, ни даже здоровой чувственности; она обманываетъ мужа ради любовника, котораго также не любитъ, и пуще огня боится материнства. Вотъ вамъ современная женщина. Изъза новой шляпки, изъ-за новаго платья отъ Шприхта, она способна на кражу; единственное искреннее чувство въ ней—это любовь къ нарядамъ. Полю случалось бывать съ самыми элегантными и высокопоставленными женщинами въ салонахъ великаго портнаго; онѣ обожаютъ старика Шприхта не меньше римскаго папы. Маркиза де-Роканера приводила къ нему даже молоденькихъ дочерей чуть не за благословеніемъ. Изъ-за нарядовъ, аристократки дружатся съ хорошими портнихами и сажаютъ ихъ съ собой за столъ въ своемъ за́мкѣ.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ докторъ, привыкшій совсѣмъ соглашаться.

Но секунданты Поля были непріятно изумлены рѣзкой выходкой молодаго человѣка, отличавшагося обыкновенно сдержанностью.

Солнце палило; лошади съ трудомъ поднимались въ гору; колеса скрипѣли по песку.

— А я, напротивъ, видѣлъ, до чего доходитъ женское самоотверженіе,—заговорилъ Ведринъ, откинувъ голову и полузакрывъ глаза, какъ будто погруженный въ воспоминанія.—Это происходило, конечно, не у великаго портнаго, а въ Отель-Дьё, на дежурствѣ доктора Бушеро. Въ баракѣ, выбѣленномъ известью, стояла желѣзная кровать; простыни и одѣяла были сбиты, и на тюфякѣ лежалъ совершенно обнаженный, покрытый потомъ и пѣной паціентъ, при послѣднемъ пароксизмѣ бѣшенства. Онъ бросался въ стороны и корчился, точно клоунъ; его ревъ раздавался по всему двору; у изголовья постели я увидалъ двухъ молодыхъ женщинъ: одну монахиню, другую студентку съ курсовъ Бушеро; безъ малѣйшаго отвращенія и страха, онѣ обѣ наклонялись надъ несчастнымъ, къ которому никто не смѣлъ приблизиться, и вытирали ему со лба капли пота, вызванныя нечеловѣческой пыткой, и пѣну, которая его давила. Монахиня все время читала милитву и обѣ женщины прекрасно понимали одна другую; ихъ маленькія ручки вытирали слюну страдальца даже подъ его зубами, и въ каждомъ движеніи этихъ героинь, въ ихъ неутомимой преданности, сказывалось что-то материнское, что-то безконечно-чарующее. Вотъ какова настоящая женщина. Я готовъ былъ броситься передъ ними на колѣни и зарыдать.

— Спасибо тебѣ, Ведринъ,—прошепталъ взволнованный Фрейдэ, думая о своей Жерменѣ въ Кло-Жалланжѣ.

Докторъ опять утвердительно кивнулъ головой: «О, вы совершенно правы».

— Ну да, онѣ ужасно любятъ ходить за больными, потому что сами постоянно хвораютъ,—рѣзко перебилъ его Поль Астье.—Для нихъ нѣтъ бо́льшаго удовольствія, какъ перевязывать раны, щипать корпію, дѣлать припарки, ванны, потому что обезсиленный болѣзнью человѣкъ по неволѣ покоряется имъ.

Голосъ юноши переходилъ въ непріятный свистъ, какъ у его матери: холодные глаза свѣтились злобнымъ огонькомъ. Что съ нимъ такое? неудомѣвали присутствующіе; а докторъ подумалъ про себя: хотя они и толкуютъ насчетъ академическихъ шпагъ, однако я не желалъ бы очутиться на мѣстѣ князя.

Всѣ четверо заспорили, отъ нечего дѣлать, на неисчерпаемую тему о женщинахъ и любви.

— Постойте, господа,—прервалъ ихъ Гомесъ, который сидѣлъ

спиною къ кучеру и увидѣлъ со своего мѣста два экипажа, поднимавшіеся въ гору крупной рысцой.

Въ открытой коляскѣ сидѣли секунданты Атиса; докторъ привсталъ, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ, и доложилъ почтительнымъ шопотомъ: «Маркизъ Д'Юрбэнъ, генералъ де Бонёйль изъ Жокей-клуба, самый цвѣтъ общества—и мой сотоварищъ Обуи».

Докторъ Обуи былъ также неудачникомъ въ своемъ родѣ, но, имѣя ордена, бралъ по сту франковъ за свое присутствіе на дуэли. За коляской слѣдовала карета, гдѣ сидѣлъ, прижавшись въ уголокъ, рядомъ съ Гаво, князь Атисъ. Нелѣпая исторія съ дуэлью страшно тяготила его. Въ продолженіе пяти минутъ, всѣ три экипажа ѣхали гуськомъ, точно свадебный или похоронный поѣздъ, причемъ слышался только скрипъ колесъ и фырканье лошадей, потрясавшихъ удилами.

— Поѣзжайте впередъ,—раздался сердитый, гнусавый голосъ.

— Тѣмъ лучше, — сказалъ Поль Астье, — они приготовятъ намъ квартиру.

Коляска опередила ихъ, причемъ секунданты обмѣнялись поклонами, а доктора сочувственными улыбками.

Потомъ проѣхало купэ, гдѣ за поднятымъ стекломъ, не смотря на жару, виднѣлся мрачный, неподвижный профиль князя Атиса, блѣднаго, какъ трупъ.

«Онъ не будетъ блѣднѣе этого часъ спустя, когда его повезутъ обратно съ проткнутымъ бокомъ», подумалъ Поль. И онъ ясно представлялъ себѣ, какъ нанесетъ ему ударъ поглубже, между третьимъ и четвертымъ ребромъ. Между тѣмъ воздухъ становился немного свѣжѣе, онъ былъ напоенъ благоуханіемъ липоваго цвѣта, акацій и розъ. За низкой оградой парка разстилались зеленыя лужайки, по которымъ пробѣгали подвижныя тѣни деревьевъ. У рѣшетки гулко зазвонилъ колоколъ.

— Вотъ мы и пріѣхали, — сказалъ докторъ, хорошо знавшій мѣстность.—Здѣсь находился конный заводъ маркиза д'Юрбена, распродававшійся въ теченіе двухъ лѣтъ. Всѣ лошади были оттуда выведены, исключая нѣсколькихъ жеребятъ, прыгавшихъ на лугу, обнесенномъ изгородью.

Противники должны были драться на самомъ краю участка, на широкой площадкѣ, противъ конюшни изъ бѣлаго камня; туда вели аллеи, поросшія травой и мхомъ. Обѣ компаніи, высадившись изъ экипажей, пошли вмѣстѣ, не говоря ни слова и строго соблюдая приличія. Только Ведринъ, тяготясь условными формами хорошаго тона, къ великому отчаянію Фрейдэ, торже-

ственно выступавшаго въ туго накрахмаленныхъ воротничкахъ, воскликнулъ: «Посмотрите-ка... ландыши!...»

Онъ срывалъ вѣтви по дорогѣ и осматривался вокругъ, пораженный спокойнымъ великолѣпіемъ природы, наряду съ глупостью людей, затѣвавшихъ легальное преступленіе.

«Какая чудная картина!... Какая тишь...» прибавилъ художникъ, машинально указывая на горизонтъ кому-то, шедшему позади, поскрипывая изящной обувью. Но какимъ презрѣніемъ былъ обданъ въ ту же минуту неприличный Ведринъ, вмѣстѣ съ живописнымъ пейзажемъ окрестностей Сенъ-Клу и цѣлымъ міроздаміемъ. Позади него шелъ князь Атисъ, а онъ умѣлъ презирать, какъ никто. Презрѣніе выказывалось у него и во взглядѣ, котораго не могъ выносить князь Бисмаркъ, и въ очертаніяхъ длиннаго лошадинаго носа, и въ складкахъ рта съ опущенными углами; онъ презиралъ все и всѣхъ, самъ не зная за что, не говоря ни съ кѣмъ, не слушая, ничего не читая, ни о чемъ не имѣя понятія; а между тѣмъ его дипломатическая карьера была сдѣлана, именно, благодаря этому надменному презрѣнію; и этому же качеству былъ обязанъ князь своими успѣхами въ свѣтѣ и у женщинъ.

Въ сущности, пустоголовый Сэми былъ не болѣе, какъ фантошъ; умная женщина, такъ сказать, изъ сожалѣнія подобрала его на задворкахъ грязнаго притона, гдѣ валялись всякіе отбросы: устричныя раковины изъ ресторановъ и всякій соръ. Она поставила его на ноги и подняла высоко, подсказывая ему, что нужно говорить, а въ особенности о чемъ надо молчать. И князь былъ у нея на помочахъ до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ твердой почвы подъ ногами; но едва это случилось, онъ отшвырнулъ ногой свою опору, въ которой больше не нуждался. Свѣтъ находитъ такое поведеніе очень умнымъ, однако Ведринъ думалъ иначе, и когда Атисъ величественно прошелъ мимо художника, съ надменнымъ видомъ и безукоризненной осанкой, тому невольно пришло на умъ извѣстное выраженіе, относившееся къ Талейрану: «шолковый чулокъ, наполненный грязью».

Очевидно, герцогиня, какъ женщина умная, желала замаскировать ничтожество своего любовника и съ этой цѣлью сдѣлала его дипломатомъ и академикомъ, то есть, облекла въ двойное домино офиціальнаго карнавала — костюмъ давно обветшалый, хотя общество и продолжаетъ еще почтительно передъ нимъ преклоняться. Одно только было непонятно Ведрину: какъ могла прекрасная Антонія любить этого истасканнаго человѣка съ грубой внѣшностью и черствой душой?

Неужели ее прельщалъ княжескій титулъ?... но вѣдь она сама происходила изъ такой же знатной семьи, какъ и онъ. Или ее плѣнилъ этотъ англійскій шикъ, этотъ рединготъ, обтягивавшій его сутуловатую спину, точно у повѣшеннаго человѣка?... Неужели этотъ фанфаронъ Поль Астье правъ, утверждая, будто женщину тянетъ ко всему низкому, ко всему безобразному въ физическомъ и нравственномъ отношеніи?...

Между тѣмъ князь дошелъ до плетня, отдѣлявшаго аллею отъ луга, и остановился въ нерѣшимости передъ этимъ препятствіемъ, не довѣряя своимъ жидкимъ ногамъ или, пожалуй, находя прыжокъ неприличнымъ. Въ особенности смущалъ его этотъ проклятый долговязый художникъ, шедшій за нимъ по пятамъ. Послѣ минуты колебанія, Атисъ предпочелъ обойти преграду; Ведринъ лукаво подмигнулъ, думая про себя: «А-а, другъ любезный, тебѣ хочется оттянуть непріятную минуту, но какъ ты не вертись, тебѣ придется встать къ барьеру, гдѣ съ тобой, пожалуй, раздѣлаются за всѣ твои мошенничества! Ни одинъ человѣкъ, въ концѣ концовъ, не уйдетъ отъ справедливой кары». Дойдя до такого утѣшительнаго вывода, Ведринъ однимъ прыжкомъ перемахнулъ черезъ плетень, даже не дотронувшись до него рукою, и присоединился къ секундантамъ, которые бросали жребій, выбирая мѣста и оружіе.

Ихъ можно было принять за рѣзвыхъ школьниковъ, играющихъ въ орлянку, не смотря на морщинистыя лица и бороды, гдѣ пробивалась сѣдина; они бросали на воздухъ монеты и потомъ бѣжали смотрѣть, какою стороной тѣ падали на землю: орломъ или рѣшеткой. Вскорѣ между ними завязался споръ, и въ эту минуту Поль тихонько окликнулъ Ведрина; молодой человѣкъ раздѣвался за конюшней, опрастывая свои карманы и сохраняя полное хладнокровіе.

— Что за вздоръ мелетъ этотъ генералъ?—спросилъ Поль.— Онъ хочетъ стать рядомъ съ нами съ своей тростью, чтобы не допустить несчастія. Я не хочу этого, слышишь?.. Здѣсь не ребяческая забава, вѣдь мы съ тобой старые товарищи и видали виды,—подшучивалъ онъ,—но зубы у него были сжаты, а глаза злобно сверкали.

— Такъ это вполнѣ серьезно? — спросилъ Ведринъ, устремляя на него испытующій взглядъ.

— Какъ нельзя болѣе.

— А вѣдь я догадывался!

Скульпторъ пошелъ объясняться съ генераломъ, бравымъ кавалеристомъ.

— Согласенъ, милостивый государь, вполнѣ согласенъ,—отвѣчалъ тотъ на его предложенія.

Онъ говорилъ рѣзкимъ тономъ; его слова хлестали, точно удары бича. Разслышалъ ли ихъ Сэми, которому докторъ Обуи помогалъ засучивать рукава рубашки, или на него подѣйствовало появленіе противника, статнаго юноши съ обнаженными полными руками и шеей, съ гибкими кошачьими движеніями и жестокимъ взглядомъ? Такъ или иначе, но Атисъ вдругъ перемѣнился въ лицѣ, которое приняло землистый оттѣнокъ, тогда какъ до сихъ поръ онъ велъ себя спокойно, какъ джентльменъ, которому не разъ приходилось драться на дуэли. Тѣмъ не менѣе, князь выдержалъ характеръ и довольно храбро сталъ къ барьеру.

— Начинайте, господа.

Да, насъ за все ожидаетъ расплата. Атисъ внутренно почувствовалъ это передъ неумолимымъ остріемъ шпаги, которая какъ будто ощупывала его издали, стараясь нанести меткій ударъ. Его хотѣли убить... это несомнѣнно. И пока оружіе скрещивалось, пока звенѣли клинки, князь Атисъ въ первый разъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти за свой недостойный поступокъ противъ герцогини, которая вытащила его изъ грязи и создала ему положеніе въ свѣтѣ. Онъ почувствовалъ, что справедливый гнѣвъ этой женщины принесъ ему проклятіе. Ужасная, неминуемая опасность угрожала теперь его жизни; все вокругъ него приняло страшный колоритъ; небо какъ будто вертѣлось, отступая куда-то въ высоту, фигуры взволнованныхъ секундантовъ казались призраками, доктора стояли въ отдаленіи, а два молодыхъ конюха въ переполохѣ отгоняли фуражками лошадей, прыгавшихъ и рвавшихся къ мѣсту дуэли. Все это князь Атисъ видѣлъ, какъ во снѣ. Вдругъ раздались торопливые, сердитые возгласы: «Довольно!.. довольно!.. остановитесь, говорятъ вамъ...» Что такое произошло? опасность миновала; небо приняло свою обычную неподвижность, а предметы—свойственный имъ свѣтъ! Все оказалось на мѣстѣ. Только у его ногъ, на изрытой почвѣ, стоитъ большая лужа крови, окрашивая въ темный свѣтъ желтый песокъ, и въ этой крови помертвѣвшій Поль Астье; обнаженная шея противника проколота насквозь; кровь бьетъ ключемъ изъ раны. За катастрофой послѣдовало оцѣпенѣлое молчаніе; только насѣкомыя жужжатъ въ травѣ и лошади, оставленныя безъ надзора, сбились въ кучу въ нѣкоторомъ отдаленіи и вытягиваютъ любопытныя морды, точно стараясь обнюхать наподвижное тѣло побѣжденнаго. А между тѣмъ Поль Астье былъ знаменитымъ фехтовальщикомъ, какъ и отличнымъ стрѣлкомъ. Его рука сжи-

мала крѣпко рукоятку шпаги, нанося удары, отъ которыхъ сыпались искры; онъ отлично нападалъ и парировалъ, на перевѣсъ, снизу и сверху, между тѣмъ какъ его противникъ неувѣренно и трусливо махалъ оружіемъ, точно вертеломъ. Какъ же могло случиться, что слабый побѣдилъ сильнаго? Свидѣтели дуэли скажутъ, а въ тотъ же вечеръ газеты повторятъ за ними, и на другой день весь Парижъ узнаетъ, что Поль Астье поскользнулся нападая и накололся самъ на шпагу князя; все это будетъ передаваться точно и подробно; но какъ часто, въ житейскомъ быту, точность нашихъ словъ явно противорѣчитъ нашему внутреннему убѣжденію.

Даже для очевидцевъ, даже для самихъ дерущихся что-то неясное, непроницаемое будетъ всегда окружать рѣшительную минуту, когда въ дѣло вмѣшалась сама судьба, наперекоръ всякимъ разсчетамъ, всякой логикѣ, и собственноручно нанесла послѣдній ударъ, скрытый въ томъ темномъ облакѣ, которымъ непремѣнно окутывается развязка всѣхъ гомерическихъ битвъ.

Перенесенный въ комнатку конюха, прилегавшую къ конюшнѣ, Поль Астье открылъ глаза послѣ долгаго обморока и съ желѣзной кровати, куда его положили, увидалъ прежде всего литографію императорскаго принца, висѣвшую надъ комодомъ, заваленнымъ хирургическими инструментами. Сознаніе вернулось къ раненому, и грустное лицо несчастнаго принца на испорченномъ сыростью портретѣ показалось ему дурнымъ предзнаменованіемъ; но въ этой честолюбивой, хитрой душѣ было немало мужества. Съ трудомъ приподнявъ голову, обвязанную бинтами, Поль спросилъ слабымъ, но по прежнему насмѣшливымъ голосомъ: «Я раненъ огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, докторъ?»

Гомесъ, суетившійся возлѣ больнаго, остановилъ его повелительнымъ жестомъ. «Молчите, пожалуйста, счастливо вы отдѣлались, а были на волосъ отъ смерти. Обуи и я думали, что у васъ повреждена сонная артерія».

Лицо молодаго человѣка оживилось легкимъ румянцемъ, его глаза засвѣтились. Какъ пріятно избавиться отъ смерти!.. Но тотчасъ въ немъ заговорило самолюбіе, онъ захотѣлъ узнать, когда выздоровѣетъ? «Черезъ три недѣли... черезъ мѣсяцъ»... отвѣчалъ докторъ притворно-небрежнымъ тономъ, но въ глубинѣ души огорченный за своего паціента. Поль, отвернувшись къ стѣнѣ, разсчитывалъ: «Атисъ успѣетъ уѣхать, и Коллета обвѣнчается съ нимъ прежде, чѣмъ ему позволятъ встать... Значитъ, все дѣло пропало и надо искать чего нибудь другаго». Тутъ дверь отворилась, наполняя каморку волною свѣта. О, жизнь!.. о, благодатное

солнце!.. Ведринъ вошелъ съ Фрейдэ и приблизился къ постели, радостно протягивая больному руку.

— Однако, ты насъ напугалъ не на шутку!

Незлобивый художникъ въ самомъ дѣлѣ искренно любилъ этого красивенькаго, лѣниваго юношу, дорожа имъ, какъ цѣннымъ произведеніемъ искусства.

— Да, мы испугались,—подтвердилъ виконтъ, вытирая лобъ съ сіяющимъ видомъ.

Полчаса назадъ, Фрейдэ видѣлъ передъ собою крушеніе всѣхъ своихъ академическихъ надеждъ вмѣстѣ съ Полемъ Астье, распростертымъ на землѣ. Его отецъ не захотѣлъ бы ни за что вывести въ люди человѣка, замѣшаннаго въ подобной катастрофѣ. Фрейдэ былъ добрымъ малымъ, но мечта о кандидатурѣ намагнетизировала его, какъ компасную стрѣлку, такъ что, не смотря ни на какіе внѣшніе толчки, онъ вѣчно возвращался къ академическому полюсу.

Пока раненый привѣтствовалъ улыбкой своихъ друзей, нѣсколько сконфуженный тѣмъ, что онъ, хитрый и сильный, оказался побѣжденнымъ, Фрейдэ не переставалъ восхищаться безукоризненнымъ тактомъ секундантовъ противной стороны, съ которыми они только что уговаривались насчетъ протокола. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ превозносилъ и доктора Обуи, предложившаго свои услуги сотоварищу, и самого князя, который уѣхалъ въ коляскѣ, оставивъ къ услугамъ Поля Астье спокойную каретку въ одну лошадь, которую можно было подвезти къ самымъ дверямъ хижины.

— Вотъ истинная порядочность! воскликнулъ наивный поэтъ.

— Ахъ, отстань, пожалуйста! возразилъ Ведринъ, уловивъ невольную гримасу на лицѣ Поля.

— Удивительная вещь... прошепталъ про себя молодой человѣкъ задумчивымъ тономъ.

Значитъ, ему, а не князю, было суждено возвращаться шагомъ въ обществѣ доктора... «Ахъ! изъ-за одного только удара!..» Онъ вдругъ выпрямился, не смотря на запрещеніе доктора, и быстро написалъ карандашемъ на своей визитной карточкѣ. «Судьба также коварна, какъ и люди. Я хотѣлъ отомстить за васъ, но мнѣ это не удалось. Простите...» Поль подписалъ свое имя, пробѣжалъ глазами написанное, подумалъ, снова перечиталъ и заклеилъ карточку въ какой-то ужасный конвертъ съ цвѣточками, купленный, вѣроятно, въ деревенской лавочкѣ и найденный въ пыли на комодѣ. Выставивъ адресъ герцогини Па-

довани, молодой человѣкъ попросилъ Фрейдэ, какъ можно скорѣе, доставить письмо по назначенію.

— Это будетъ исполнено черезъ часъ, мой милый Поль.

Онъ поблагодарилъ и простился съ пріятелями жестомъ руки, потомъ повернулся на постели, закрылъ глаза и оставался въ такомъ положеніи до отъѣзда, прислушиваясь къ жужжанью насѣкомыхъ, гудѣвшихъ на всѣ лады на лужайкѣ, залитой солнечнымъ свѣтомъ. Но ему казалось, что у него шумитъ въ ушахъ отъ начинающейся лихорадки. Опустивъ отяжелѣвшія вѣки, Поль Астье однако не дремалъ, мысленно слѣдя за развитіемъ новой интриги, совершенно не похожей на прежнюю. Но была ли то дѣйствительная импровизація? Честолюбивый юноша могъ ошибиться на этотъ счетъ. Причина нашихъ дѣйствій часто ускользаетъ отъ насъ, замаскированная тѣми чувствами, которыми волнуется человѣкъ въ минуты кризисовъ, подобно тому, какъ зачинщикъ безпорядка исчезаетъ въ толпѣ, вызвавъ ее къ бунту. Человѣка можно сравнить съ толпою: въ немъ также соединяются разнородные элементы, обнаруживаются безсознательные, неясные порывы, но зачинщикъ гдѣ нибудь да кроется, и какъ бы ни казались произвольными и необузданными наши порывы, какъ движенія уличной толпы, они всегда проистекаютъ изъ логическаго источника. Съ того вечера, какъ Гаво, на террасѣ отеля Падовани, совѣтовалъ папскому гвардейцу поухаживать за герцогиней, Полю Астье пришло въ голову, что, въ случаѣ неудачи съ Колетой Розенъ, ему оставалась прекрасная Антонія. Та же мысль мелькнула у него и третьяго дня, въ театрѣ французской комедіи, когда графъ Адріани вошелъ въ ложу Антоніи. Но тогда онъ еще надѣялся поправить дѣло. Теперь же ставка окончательно проиграна, и его первой мыслью, послѣ обморока, была герцогиня.

Получивъ записку, великодушная, пылкая и мстительная Мари Анто, какъ ее прозвали въ родимой Корсикѣ, конечно, немедленно явится къ изголовью раненаго, а тамъ уже отъ него зависитъ удержать ее при себѣ.

Фрейдэ и Ведринъ, усѣвшись въ ландо, обогнали карету князя, которая ѣхала шагомъ, чтобы не обезпокоить больнаго. Между ними, конечно, не прекращались толки о дуэли.

— Странное дѣло! Какъ это могло случиться?.. говорилъ виконтъ. — Всѣ шансы были на сторонѣ Поля; ему выпалъ жребій занять лучшее мѣсто, драться своими шпагами; фехтовальщикъ онъ перворазрядный, а вотъ какая неудача...

Они на минуту замолчали, переѣзжая мостъ.—Рѣка, отливавшая при закатѣ солнца полосами пурпура и зеленоватаго золота,

приковала ихъ взгляды. Потомъ лошади повернули въ Булонскую улицу и побѣжали бойкой рысцой.

— Говоря откровенно, — началъ Ведринъ, продолжая разговоръ, какъ будто онъ не былъ прерванъ долгимъ молчаніемъ; — бѣднаго малаго преслѣдуетъ неудача, не смотря на внѣшній успѣхъ. Уже не въ первый разъ мнѣ приходится видѣть его борьбу съ жизнью при такихъ обстоятельствахъ, которыя служатъ пробнымъ камнемъ человѣческой судьбы; когда становится ясно, родился ли человѣкъ въ сорочкѣ, или нѣтъ. А бѣдный Поль Астье, ужь на что мастеръ хитрить, обдумывать свои планы, подбирать удивительнымъ образомъ краски для своей палитры, но всегда въ послѣднюю минуту у него является какая нибудь зацѣпка и если не губитъ его въ конецъ, то мѣшаетъ достиженію цѣли. Почему? Пожалуй, просто потому, что у него носъ на сторону. Я тебя увѣряю, такія уклоненія отъ симметріи почти всегда служатъ признаками лживости и неправильнаго направленія ума.

Эта идея разсмѣшила собесѣдниковъ. Продолжая толковать насчетъ удачъ и неудачъ, Ведринъ разсказалъ любопытный случай, происшедшій почти на его глазахъ, когда онъ гостилъ въ Корсикѣ у герцога Падовани. Это было въ Барбигаліи, на берегу моря, какъ разъ напротивъ маяка Сангинеръ. На этомъ маякѣ находился старикъ сторожъ, которому оставалось дослужить нѣсколько дней до пенсіи. Въ одну ночь, находясь на дежурствѣ, онъ задремалъ минутъ на пять, не болѣе, и, вытянувъ ногу, нечаянно остановилъ движеніе вращающагося фонаря, который долженъ былъ мѣнять цвѣтъ каждую минуту. Какъ разъ въ эту пору главный инспекторъ, производя, по распоряженію правительства, свой ежегодный объѣздъ, остановился противъ маяка Сангинеръ, замѣтилъ на немъ неподвижный огонь, тщательно провѣрилъ этотъ фактъ и на другой день на островъ прибылъ пароходъ министерства путей сообщенія, привезшій новаго сторожа на смѣну стараго, которому пришлось идти на всѣ четыре стороны. Я полагаю,—заключилъ Ведринъ,—что это рѣдкій примѣръ неудачи, когда въ темную ночь, ни раньше ни позже, бдительный глазъ замѣтилъ издалека минутную небрежность сторожа.

И скульпторъ указалъ внушительнымъ жестомъ на небо, гдѣ, среди наступавшей темноты, зажигались звѣзды. Нѣсколько минутъ спустя, ландо повернуло въ улицу Пуатье и остановилось у высокаго крыльца съ гербомъ Падовани. Всѣ шторы въ окнахъ были спущены, въ саду щебетали птицы. Герцогиня уже уѣхала на лѣто въ свой замокъ Муссо. Фрейдэ стоялъ въ недоумѣніи,

повертывая въ рукахъ объемистый пакетъ; онъ готовился увидѣть прекрасную Антонію и передать ей животрепещущую новость о дуэли, а, можетъ быть, ввернуть словечко о своей будущей кандидатурѣ. Теперь онъ не зналъ—оставить ли ему письмо здѣсь, или передать герцогинѣ лично, черезъ три или четыре дня, когда онъ вернется въ Кло-Жалланжъ. Наконецъ онъ рѣшился на первое, и, усаживаясь въ ландо, произнесъ: «Бѣдный малый!.. Онъ мнѣ сказалъ, что это не терпитъ отлагательства».

— Разумѣется,—замѣтилъ Ведринъ, пока ландо уносило ихъ по набережной, гдѣ зажигались газовые огни, къ мѣсту встрѣчи съ другими секундантами для составленія протокола.—Я не знаю, что въ этомъ письмѣ, но если Поль Астье далъ себѣ трудъ написать его въ такую минуту, значитъ тутъ затѣвается опять что нибудь очень хитрое, какая нибудь удивительная штука... А между тѣмъ и здѣсь явилась зацѣпка—герцогиня уѣхала!

И скульпторъ глубокомысленно потеребилъ себя двумя пальцами за кончикъ носа, говоря: «Вотъ въ чемъ вся бѣда красавчика Поля».

XI.

Ударъ шпаги, едва не отправившій на тотъ свѣтъ Поля Астье, послужилъ къ прекращенію неурядицы въ домѣ академика. Потрясенный до глубины отцовскаго сердца, Леонардъ смягчился и простилъ. Его жена цѣлыхъ три недѣли исполняла обязанность сидѣлки у изголовья раненаго, забѣгая въ Боннскую улицу только на минутку—захватить бѣлье или переодѣться. При этихъ рѣдкихъ встрѣчахъ, супруги обоюдно избѣгали непріятныхъ намековъ и колкостей, способныхъ разжечь непріязнь между близкими людьми, даже послѣ окончательнаго примиренія. Потомъ, когда блудный сынъ сталъ поправляться и уѣхалъ въ замокъ Муссо по убѣдительной просьбѣ герцогини, между примѣрными супругами водворилось согласіе, или, по крайней мѣрѣ, ихъ отношенія снова дошли до обычной температуры, близкой «къ точкѣ замерзанія». Это было тѣмъ болѣе кстати, что давало возможность новому непремѣнному секретарю, почти на другой же день своего избранія, переселиться въ квартиру покойнаго Луазильона, вдова котораго получила мѣсто директрисы въ Экуанѣ и немедленно покинула Парижъ.

Переселеніе совершилось быстро. Супруги Астье такъ давно облюбовали новую квартиру, что успѣли высмотрѣть и оцѣнить заранѣе всѣ ея преимущества. Каждая вещь изъ Боннской улицы

попадала прямо на предназначенное ей мѣсто, точно вся обстановка перевозилась съ дачи въ городъ, чтобъ размѣститься въ обычномъ порядкѣ по угламъ, гдѣ оставались вытертые слѣды на полу и простѣнкахъ. О ремонтѣ не было и рѣчи. Все ограничилось тѣмъ, что спальню умершаго Луазильона почистили, а старинный вильменевскій салонъ оклеили новыми обоями. Здѣсь Леонардъ расположился на свободѣ, обративъ обширную комнату съ прекраснымъ освѣщеніемъ въ свой кабинетъ; она имѣла тѣ преимущества, что находилась въ сторонѣ, и, кромѣ того, къ ней примыкала небольшая, но высокая и свѣтлая пристройка, куда помѣстили драгоцѣнные автографы хозяина, перевезенные со старой квартиры на извощикѣ въ три пріема, при энергичномъ содѣйствіи переплетчика Фажа.

Леонардъ Астье каждое утро съ новымъ восторгомъ осматривался кругомъ, входя въ свои «архивы», почти такіе же удобные, какъ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Теперь онъ уже не рисковалъ стукнуться головою о низкій потолокъ и ему не приходилось лазить по узкой лѣсенкѣ въ свою собачью конуру на антресоляхъ, какъ было въ Боннской улицѣ, о которой академикъ не могъ вспомнить безъ гнѣва и отвращенія. Людямъ свойственно вообще ненавидѣть тѣ мѣста, гдѣ они страдали, и это чувство непріязни неискоренимо. Мы способны мириться съ живыми существами, потому что они измѣняются, являясь передъ нами въ новомъ свѣтѣ, но неодушевленные предметы съ ихъ косностью вызываютъ въ насъ вѣчно одно и то же впечатлѣніе. Ликуя отъ радости по поводу своего новаго переселенія подъ вожделѣнный академическій кровъ, Астье-Регю могъ забыть свой гнѣвъ противъ сына, проступки жены, даже свою антипатію къ Тейсседру, которому было позволено являться, какъ обыкновенно, въ среду по утрамъ для натиранья половъ, но одна мысль о вышкѣ съ полукруглымъ окномъ, куда его загоняли прежде разъ въ недѣлю, приводила почтеннаго историка въ настоящую ярость; тутъ онъ снова принимался скрыпѣть зубами, выпячивая свою безобразную нижнюю челюсть и становясь похожимъ на крокодила.

Но курьезнѣе всего было то, что Тейсседръ нимало не чувствовалъ себя польщеннымъ высокою честью натирать полы во французской академіи, во дворцѣ Мазарини. Онъ съ прежнею непочтительностью толкалъ письменный столъ съ бумагами и безконечными докладами непремѣннаго секретаря, выражая тѣмъ безмолвное пренебреженіе ріомскаго гражданина къ вульгарному уроженцу «Шованья».

Такое подавляющее равнодушіе невольно оскорбляло Астье-

Регю, хотя онъ самъ не сознавался въ этомъ, однако ему иногда хотѣлось дать понять грубому мужику все величіе храма науки, гдѣ ёрзала его половая щетка.

— Тейсседръ, сказалъ однажды ученый упрямому полотеру:— вѣдь эта комната была когда-то гостинной великаго Вильмена... Присмотритесь къ ней хорошенько...

И тутъ же, стараясь задобрить гордаго оверпца, онъ трусливо добавилъ, обращаясь къ Корентинѣ:

— Принесите-ка стаканчикъ вина этому доброму малому...

Удивленная кухарка исполнила приказаніе; а полотеръ залпомъ осушилъ принесенный стаканъ, опираясь на ручку своей щетки и выпучивъ отъ удовольствія глаза. Потомъ Тейсседръ вытеръ ротъ рукавомъ и, ставя на столъ опорожненную посуду, гдѣ остались слѣды его жадныхъ губъ, замѣтилъ:

— Видите ли, г-нъ Аштье, нѣтъ ничего на швѣтѣ лучше штаканчика швѣжаго винца!

Въ его голосѣ слышалось такое глубокое убѣжденіе, во всемъ существѣ чернорабочаго было разлито столько животнаго довольства, что возмущенный академикъ поспѣшилъ удалиться въ пристройку съ архивами, сердито хлопнувъ дверью.

Стоило ли, послѣ этого, такъ много хлопотать, выйти изъ ничтожества и подняться такъ высоко, достичь апогея литературной славы, прослыть знаменитымъ историкомъ Орлеанскаго дома, столпомъ французской академіи, если такое ничтожное благо, какъ стаканъ свѣжаго вина, могло доставить грубому невѣждѣ одинаковую сумму довольства, какъ и всѣ эти громкіе успѣхи? Минуту спустя, до Леонарда долетѣло хихиканье Тейсседра. Онъ, очевидно, пересмѣивалъ барина вмѣстѣ съ Корентиной, потому что сказалъ: «наплевать мнѣ на вашъ вильменевскій штаринный шалонъ!» Услышавъ эту нелѣпость полотера, Астье-Регю пожалъ плечами; его неудовольствіе было обезоружено такой бездной невѣжества, и онъ отнесся къ оверпцу съ презрительнымъ сожалѣніемъ.

Что касается г-жи Астье, выросшей и воспитанной въ академіи, то у нея съ каждой плитой мощенаго двора, съ каждой ступенькой почтенной, покрытой вѣковой пылью, лѣстницы подъ литерою В. были связаны воспоминанія дѣтства; переселяясь на старое пепелище, она какъ будто возвращалась домой послѣ долгаго отсутствія. Аделаида несравненно болѣе мужа смаковала всѣ матеріальныя выгоды, связанныя съ новой должностью. Теперь имъ не нужно платить за квартиру, платить за дрова и освѣщеніе. Зимніе пріемы обойдутся при этомъ гораздо дешевле. А увеличеніе жалованья, а знакомства съ вліятельными лицами?

Сколько пользы можно извлечь изъ нихъ для сына, какіе пріобрѣсти заказы! Когда г-жа Луазильонъ расхваливала въ прежнее время свою превосходную квартиру въ академіи, то постоянно прибавляла съ оттѣнкомъ гордости:

— Я удостоивалась принимать здѣсь даже августѣйшихъ посѣтительницъ.

— Да, за ширмами въ своей уборной! спѣшила возразить ѣдкимъ тономъ милѣйшая Аделаида, вытягивая свою длинную шею.

Въ самомъ дѣлѣ, въ дни торжественныхъ засѣданій, обыкновенно очень долгихъ и утомительныхъ, высокопоставленныя особы: пріѣзжія иностранныя принцессы или вліятельныя свѣтскія дамы изъ министерскихъ кружковъ, нерѣдко позволяли себѣ передъ уходомъ навѣстить супругу непремѣннаго секретаря — съ предвзятой цѣлью... Гостепріимство этого рода доставило вдовѣ Луазильона завидный постъ директрисы акуанскаго училища. Г-жа Астье, при своей ловкости, конечно, могла извлечь не меньше практической пользы изъ своей «уборной». Единственное обстоятельство отравляло торжество этой тщеславной женщины, а именно: ссора съ герцогиней, мѣшавшая Аделаидѣ присоединиться къ сыну въ замкѣ Муссо. Зато ее пригласили погостить по сосѣдству— въ Кло-Жалланжъ, и она не теряла надежды снова войти въ милость у прекрасной Антоніи, къ которой чувствовала опять нѣжную дружбу, благодаря вниманію герцогини Падовани къ Полю.

Леонарда удерживали въ Парижѣ хлопоты по новой должности, такъ какъ больной Луазильонъ сильно запустилъ дѣла. Однако, Астье-Регю охотно отпустилъ жену въ деревню, обѣщая пріѣхать къ Абелю Фрейдэ на нѣсколько дней, хотя въ душѣ былъ твердо намѣренъ не покидать своей любезной академіи. Здѣсь ему было такъ хорошо, такъ спокойно! Два засѣданія въ недѣлю—причемъ секретарю приходилось только перейти дворъ — засѣданія чисто интимнаго, семейнаго характера, гдѣ присутствовало всего какихъ нибудь пять-шесть «жетонщиковъ», не хотѣвшихъ упускать своей выгоды; почтенные академики немного занимались дѣломъ, а больше дремали, пригрѣтые солнышкомъ подъ стекляннымъ академическимъ куполомъ. Въ остальные дни, Леонардъ пользовался полнѣйшей свободой, но трудолюбивый старикъ не сидѣлъ, сложа руки; онъ неутомимо правилъ корректуры своего «Галилея», теперь уже вполнѣ законченнаго и готоваго появиться въ печати при началѣ сезона. Онъ тщательно провѣрялъ свой ученый трудъ, вычеркивая изъ него рѣшительно все, что, по его мнѣнію, могло назваться «сорной травой», т. е. носило отпечатокъ оригинальности. Кромѣ того, Астье готовилъ второе изданіе «Исторіи Орлеан-

ского дома», обогащенное новыми замѣчательными документами, которые удвоивали его достоинство. Міръ старѣетъ; исторія—эта память человѣчества, также подвержена слабости; въ ней встрѣчаются свои пробѣлы и неточности; поэтому въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, она должна опираться на тексты, на оригинальные памятники письменности, освѣжаться, восходя къ непосредственнымъ источникамъ, иначе историкъ рискуетъ впасть въ ошибки или сдѣлаться праздным болтуномъ. Таково было мнѣніе Астье-Регю, и онъ упивался гордымъ самодовольствомъ, перечитывая, въ палящіе августовскіе дни, оттиски своихъ сочиненій, подтвержденныхъ рядомъ несомнѣнно подлинныхъ и вѣскихъ историческихъ документовъ. Затѣмъ оставалось только возвратить ихъ издателю, Пети-Секару, съ заголовкомъ книги, гдѣ впервые подъ фамиліей автора красовалась подпись: «непремѣнный секретарь французской академіи». Его глаза еще не привыкли къ лестному титулу, и онъ каждый разъ ослѣплялъ честолюбиваго оверпца, какъ и залитый яркимъ солнечнымъ сіяніемъ обширный второй дворъ института, гдѣ царила благоговѣйная тишина, изрѣдка нарушаемая только щебетаньемъ воробьевъ и ласточекъ. Особенную торжественность придавалъ этой обстановкѣ колоссальный бюстъ Минервы, стоявшій въ нишѣ; десять каменныхъ тумбъ вытягивались вдоль внутренней стѣны, надъ которой возвышалась гигантская труба монетнаго двора, примыкающаго къ самому зданію академіи.

Около четырехъ часовъ, когда тѣнь отъ шлема воинственной богини начинала удлиняться, по каменнымъ плитамъ гулко раздавались неровные, тяжелые шаги старика Жана Регю. Онъ жилъ надъ квартирою супруговъ Астье и ежедневно выходилъ въ это время изъ дому на продолжительную прогулку; за нимъ, правда, слѣдовалъ слуга, но девяностолѣтній академикъ ни за что не хотѣлъ опираться на его руку и приказывалъ ему идти въ отдаленіи. Глухота и нелюдимость Жана Регю возрастали, а подъ вліяніемъ удушливаго лѣтняго зноя умственныя способности старика слабѣли, особенно память; ей не могли теперь помочь и булавки, которыя онъ имѣлъ привычку вкалывать въ отвороты своего сюртука. Ветеранъ академіи сталъ перепутывать свои неистощимые разсказы, заблудившись въ отдаленныхъ воспоминаніяхъ, какъ почтенный Ливингстонъ среди болотъ центральной Африки; Жанъ Регю не могъ уже собраться съ мыслями безъ чужой помощи. Между тѣмъ, это его оскорбляло; онъ захандрилъ и мало по малу совсѣмъ пересталъ разговаривать съ окружающими, ограничиваясь однимъ безсвязнымъ бормотаньемъ про себя во время ходьбы. По-

рою старикъ неожиданно останавливался, вскидывалъ голову и произносилъ неизбѣжную фразу: «Да, вотъ я видѣлъ это собственными глазами!..» и плелся далѣе. Впрочемъ, уроженецъ Мартиники держался бодро, возбуждая зависть людей, мечтавшихъ о долговѣчности. Они ежедневно осаждали его письмами, прося сообщить имъ секретъ гигіены, которая способствовала поддержанію силъ въ такіе преклонные годы. И старикъ, зараженный страстью къ мистификаціямъ, особенно процвѣтавшимъ въ эпоху директоріи, забавлялся, предписывая этимъ чудакамъ самые невѣроятные режимы. Онъ совѣтовалъ воздерживаться отъ вина, мяса, употреблять въ пищу одни овощи, пить только молоко или сидръ; другимъ же запрещалъ рѣшительно все, кромѣ устрицъ, тогда какъ самъ не отказывалъ себѣ ни въ чемъ и не садился обѣдать безъ хорошей порціи вина, а послѣ обѣда отдыхалъ. Вечеромъ Жанъ Регю опять дѣлалъ моціонъ въ своей комнатѣ, и Леонардъ Астье слышалъ трескъ половицъ надъ своей головой.

Прошло уже два мѣсяца: августъ и сентябрь, съ тѣхъ поръ какъ новый секретарь водворился въ академіи. Это время пролетѣло для него незамѣтно, среди мирныхъ и полезныхъ трудовъ, при затишьѣ удовлетвореннаго честолюбія; едва ли, во всю свою долгую жизнь, почтенный историкъ наслаждался такимъ невозмутимымъ счастьемъ. Наконецъ, г-жа Астье, все еще гостившая въ Кло-Жалланжѣ, стала поговаривать о возвращеніи домой; парижское небо по временамъ подергивалось свинцозою мглою первыхъ осеннихъ тумановъ; нѣкоторые изъ академиковъ явились уже въ столицу; засѣданія утрачивали мало по малу свой интимный характеръ, и Леонарду Астье, занимавшемуся въ старинномъ вильменевскомъ салонѣ, не приходилось больше опускать шторъ въ защиту отъ яркихъ лучей солнца. Однажды онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ послѣполуденное время и писалъ Абелю Фрейдэ, сообщая ему самыя благопріятныя извѣстія о его кандидатурѣ, какъ вдругъ въ прихожей раздался отчаянный звонокъ.

Корентина куда-то ушла; хозяинъ отворилъ самъ и остолбенѣлъ, увидѣвъ передъ собою барона Гюшнара въ сопровожденіи Боса, архивиста-палеографа; послѣдній ворвался въ кабинетъ историка съ растеряннымъ видомъ, размахивая руками и крича; его щетинистые волосы и борода были въ большомъ безпорядкѣ.

— Ваши автографы оказались подложными... У меня есть доказательства... есть доказательства! повторялъ онъ, захлебываясь отъ волненія.

Астье Регю сначала ничего не понималъ. Онъ вопросительно взглянулъ на барона, но тотъ смотрѣлъ въ сторону. Разобравъ

понемногу изъ безсвязныхъ рѣчей Боса, что подлинность собственноручныхъ писемъ Карла V-го, проданныхъ г-жею Астье палеографу и уступленныхъ имъ Гюшнару, подвергается сомнѣнію, секретарь академіи высокомѣрно улыбнулся. Онъ былъ готовъ взять обратно свои драгоцѣнныя рукописи, такъ какъ ничто, рѣшительно ничто не могло заставить его усомниться въ ихъ подлинности.

— Позвольте мнѣ, однако, обратить ваше вниманіе, г-нъ непремѣнный секретарь... началъ тогда баронъ Гюшнаръ, медленно разстегивая свое коричневое пальто.

И онъ вытащилъ изъ объемистаго конверта три пергамента, обмытыхъ, вычищенныхъ и совершенно неузнаваемыхъ. Изъ закопченныхъ они сдѣлались бѣлыми, какъ снѣгъ; на каждомъ изъ нихъ посрединѣ страницы, подъ мнимой подписью Карла V-го, ясно виднѣлся штемпель:

В. В.
Ангулемъ.
1836.

— Это химикъ Дельпешъ, нашъ ученый сотоварищъ изъ академіи наукъ...

Но объясненія Гюшнара сливались въ неясный гулъ для слуха бѣднаго Леонарда; онъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ до конца своихъ толстыхъ волосатыхъ пальцевъ, въ которыхъ дрожали злополучные автографы.

— Двадцать тысячъ франковъ будутъ у васъ сегодня же вечеромъ, г-нъ Босъ,—съ трудомъ проговорилъ старикъ, до того у него пересохло во рту.

Но Босъ жалобно заныл:

— Вѣдь г-нъ баронъ далъ мнѣ за нихъ двадцать двѣ тысячи!..

— Ну, пускай будетъ двадцать двѣ тысячи, отвѣчалъ Астье-Регю.

У него еще достало силы проводить посѣтителей до прихожей. Тутъ, воспользовавшись темнотой, онъ схватилъ Гюшнара за рукавъ и принялся умолять, чтобъ тотъ не разглашалъ скандала, ради чести академіи.

— Охотно, милѣйшій учитель... только съ однимъ условіемъ...

— Говорите, говорите...

— Вы должны поддержать мою кандидатуру на кресло покойнаго Луазильона.

Непремѣнный секретарь выразилъ свою готовность энергическимъ рукопожатіемъ, указавшимъ, что онъ отвѣчаетъ за себя и своихъ друзей.

Оставшись одинъ, несчастный бросился на стулъ передъ пись-

меннымъ столомъ, заваленнымъ корректурами; рядомъ съ ними были брошены три подложныхъ письма къ Рабле. Астье-Регю устремилъ на нихъ растерянный взглядъ и машинально прочелъ: «Наставникъ Рабле, вы съ вашимъ тонкимъ и проницательнымъ умомъ»...

Буквы прыгали передъ глазами Леонарда; чернила расплылись по вымытому пергаменту широкими пятнами окиси желѣза. Историку мерещилось, что они разрастались, поднимаясь все выше, точно волны наводненія, и наконецъ затопили его драгоцѣнную коллекцію въ десять—двѣнадцать тысячъ автографическихъ документовъ, которые, къ несчастью, всѣ были пріобрѣтены изъ однихъ рукъ... Если эти три письма оказались подложными... значитъ, все сочиненіе о Галилеѣ и знаменитая исторія Орлеанскаго дома... и письмо Екатерины Великой, поднесенное герцогу, и письмо Ротру, пожертвованное академіи, не стоили ни гроша. При этой мысли, Астье-Регю не взвидѣлъ свѣта.

— Фажа, сію минуту!.. Мнѣ нужно повидаться съ Фажемъ! пробормоталъ онъ, дѣлая надъ собой невѣроятное усиліе, чтобы подняться съ мѣста.

Его знакомство съ переплетчикомъ продолжалось уже нѣсколько лѣтъ и началось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды горбунъ явился въ отдѣленіе архивовъ иностранныхъ дѣлъ спросить мнѣнія знаменитаго и высокоученаго архиваріуса насчетъ письма Маріи Медичи къ папѣ Урбану VIII съ просьбой о покровительствѣ Галилею. Какъ разъ въ то время, книгопродавецъ Пети-Секаръ опубликовалъ о выпускѣ біографіи великаго астронома, составленной Леонардомъ Астье-Регю, членомъ академіи, для особаго изданія любопытныхъ историческихъ разсказовъ, подъ заглавіемъ «Школьный отдыхъ». Основываясь на своей долголѣтней опытности, Леонардъ подтвердилъ подлинность драгоцѣннаго автографа. Когда онъ узналъ отъ Фажа, что у того есть и отвѣтъ папы Урбана, и благодарственное письмо Галилея къ королевѣ, ему вдругъ пришло въ голову написать прекрасную историческую книгу, вмѣсто прежней «маленькой бездѣлушки».

Но въ то же время честному старику показалось страннымъ, откуда могли взяться у простаго переплетчика такія сокровища. Онъ остановилъ испытующій взглядъ на продолговатомъ безкровномъ лицѣ горбуна съ красными мигающими вѣками, и спросилъ, сурово щелкнувъ челюстью:

— Эти рукописи принадлежатъ вамъ, г-нъ Фажъ?

— О, нѣтъ, дорогой учитель...

По словамъ уродца, онъ былъ только посредникомъ одной особы... старой дѣвицы знатнаго рода, которая отъ нужды продавала одинъ историческій документъ за другимъ изъ богатой коллекціи, принадлежавшей ея семейству еще со временъ Людовика XVI. Фажъ не хотѣлъ содѣйствовать этой распродажѣ, не убѣдившись предварительно въ подлинности бумагъ, и съ этой цѣлью пришелъ просить совѣта самаго опытнаго историка. Теперь, заручившись мнѣніемъ эксперта, горбунъ намѣревался обратиться къ богатымъ составителямъ автографическихъ коллекцій, напр., къ барону Гюшнару.

Астье-Регю покоробило.

— Не дѣлайте этого! перебилъ онъ Фажа:—принесите мнѣ всѣ документы, касающіеся Галилея; я ихъ пристрою...

Въ это время залы архивовъ стали наполняться обычными посѣтителями, которые усаживались за маленькіе столики, принимаясь за кропотливую работу историческихъ справокъ. Отъ ихъ молчаливыхъ фигуръ съ медленными движеніями вѣяло атмосферой катакомбъ, чѣмъ-то затхлымъ, заплѣсневѣлымъ, отжившимъ.

— Другой разъ приходите прямо въ мой кабинетъ на верху... здѣсь неудобно разговаривать... прошепталъ архиваріусъ, наклоняясь къ огромному уху переплетчика.

Тотъ кивнулъ головой и, почтительно раскланявшись, направился къ выходу со свойственнымъ горбунамъ гордымъ самодовольствомъ въ осанкѣ. Его руки были затянуты въ перчатки; волосы тщательно напомажены и раздѣлены на лбу прямымъ проборомъ.

Въ коллекціи Мениль-Казъ, Астье-Регю нашелъ настоящій кладъ. Мениль-Казъ была фамилія знатной особы, распродававшей драгоцѣнные документы; переплетчикъ Фажъ сообщилъ Леонарду ея имя подъ величайшимъ секретомъ. Здѣсь оказался неистощимый запасъ разнообразныхъ и любопытныхъ автографовъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтія, которые бросали новый свѣтъ на прошлое, опровергая иногда однимъ словомъ, однимъ числомъ историческія данныя о людяхъ и фактахъ. Не смотря на ихъ дороговизну, Астье-Регю не упускалъ изъ рукъ ни одного изъ этихъ документовъ, потому что они почти всегда подходили къ его работамъ, уже начатымъ или проэктированнымъ. Каждое слово горбуна безусловно принималось имъ на вѣру; переплетчикъ утверждалъ, что у него въ распоряженіи находятся еще цѣлыя связки автографовъ подъ слоемъ пыли, на чердакѣ старинаго отеля Менильмонтанъ. Если какое нибудь ядовитое замѣчаніе «принца автографиловъ», Гюшнара, и пробуждало нѣкоторое

сомнѣніе въ душѣ Леонарда, то онъ снова успокоивался, видя невозмутимое хладнокровіе Фажа, сидящаго за рабочимъ столомъ или поливающаго салатъ въ маленькомъ огородѣ у своей лачуги. Иногда на листахъ драгоцѣнныхъ рукописей попадались пропуски и выскобленныя мѣста, но, по словамъ переплетчика, эти изъяны ничего не значили; коллекція Мениль-Казъ немного пострадала отъ морской воды при перевозкѣ въ Англію, во время эмиграціи. Послѣ такихъ мирныхъ бесѣдъ, академикъ обыкновенно удалялся съ облегченнымъ сердцемъ. Онъ проходилъ бодрымъ шагомъ заросшій травою дворъ въ развалинахъ, каждый разъ унося съ собою какое нибудь новое пріобрѣтеніе, оплаченное чекомъ въ пятьсотъ, въ тысячу, иногда даже въ двѣ тысячи франковъ, смотря по важности историческаго документа.

Но въ сущности, какъ бы Леонардъ ни старался усыпить свою совѣсть, непростительное легкомысленное мотовство, котораго никто въ немъ не подозрѣвалъ, обусловливалось не гордостью историка, а страстью собирателя рѣдкостей. Внимательный наблюдатель тотчасъ замѣтилъ бы это, не смотря на полумракъ антресолей въ Боннской улицѣ, гдѣ обыкновенно совершались сдѣлки съ переплетчикомъ.

Старика выдавалъ и голосъ, звучавшій притворнымъ равнодушіемъ, и пересохшія отъ волненія губы, когда онъ произносилъ: «дайте-ка сюда посмотрѣть...» Нервное подергиваніе пальцевъ ясно обнаруживало разгорающуюся страсть, которой предстояло вскорѣ обратиться въ манію, въ эгоистическую, застарѣлую болѣзнь, способную истощить весь организмъ ради своего чудовищнаго развитія. Астье мало по малу становился классическимъ, сморщеннымъ гарпагономъ, безжалостнымъ къ своей семьѣ и самому себѣ. Онъ прикидывался бѣднякомъ, ѣздилъ по городу не иначе, какъ въ конкѣ, а между тѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, сто шестьдесятъ тысячъ франковъ секретно перешло отъ него въ карманъ горбуна. Чтобы замаскировать настоящую причину частыхъ визитовъ Фажа отъ г-жи Астье, Корентины и Тейсседра, академикъ отдавалъ ему въ переплетъ объемистые томы, которые уносились и приносились явно для всѣхъ. Оба сообщника прибѣгали даже къ условнымъ выраженіямъ, объясняясь между собою.

Такъ Альбинъ Фажъ писалъ въ открытомъ письмѣ:

«У меня есть новинки: переплетъ шестнадцатаго столѣтія, въ хорошемъ состояніи; любопытная рѣдкость».

Академикъ колебался.

«Благодарю васъ; мнѣ ничего не нужно... Подождемъ»...

Новое явленіе.

— Не стѣсняйтесь, пожалуйста, дорогой учитель... Я могу предложить кому нибудь другому.

Угроза производила желанное дѣйствіе, потому что Астье непремѣнно отвѣчалъ:

— Завтра утромъ пораньше... Приносите свои рѣдкости.

То были горькія минуты для собирателя автографической коллекціи. Ему приходилось вѣчно покупать новые документы изъ боязни, что Гюшнаръ, Босъ и другіе любители завладѣютъ неоцѣненнымъ собраніемъ рукописей. Порой у Леонарда мелькала мысль о грозившемъ ему разореніи и тогда онъ придирался къ уроду, который бѣсилъ его своимъ безстрашнымп и самодовольнымъ видомъ.

— Болѣе ста шестидесяти тысячъ франковъ въ два года, а вы еще увѣряете, что г-жа Мениль. Казъ находится въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ!.. Но скажите на милость, какой образъ жизни ведетъ эта благородная дѣвица?

Въ подобныя минуты академикъ доходилъ до ожесточенія, онъ желалъ смерти старой дѣвѣ, гибели переплетчику, мысленно призывалъ войну, коммуну, вообще какое нибудь страшное общественное бѣдствіе, способное поглотить коллекцію Мениль-Казъ заодно съ его безжалостными эксплуататорами.

И вотъ страшное бѣдствіе надвигалось, но не съ той стороны, откуда видалъ его Астье, потому что судьба никогда не исполняетъ въ точности нашихъ прихотей. Тѣмъ не менѣе, неожиданная роковая развязка стояла у порога; она могла разомъ уничтожить ученыя заслуги Леонарда, покрыть позоромъ его имя, отнять и славу, и состояніе... Онъ направился большими шагами къ зданію бывшей контрольной палаты, блѣдный, какъ смерть, разговаривая самъ съ собою и не отвѣчая на поклоны, которые обыкновенно очень льстили ему въ другое время. Хозяева книжныхъ магазиновъ и торговцы эстампами провожали его недоумѣвающимъ взглядомъ, пораженные страннымъ видомъ популярнаго историка. Но онъ не замѣчалъ никого и ничего. Леонарду мерещилось, будто бы онъ держитъ горбуна за горло, трясетъ его за щегольской галстухъ съ булавкой и, тыча ему въ носъ автографами Карла Пятаго, оскверненными манипуляціями Дельпеша, грозно восклицаетъ: «Ну, что вы скажете на этотъ разъ, посмотримъ?..»

Достигнувъ Лильской улицы, академикъ толкнулъ калитку, кое-какъ сколоченную изъ досокъ; она вела въ деревянную ограду вокругъ полуразрушеннаго дворца; пройдя въ подъѣздъ, Астье-Регю принялся ожесточенно звонить. Мрачный видъ мону-

ментальной постройки, лишенной теперь цвѣтовъ и зелени, производилъ удручающее впечатлѣніе; это была обнажонная, зіяющая развалина, гдѣ изогнутыя скрѣпы перемѣшивались со стеблями ползучихъ растеній безъ листьевъ. Наконецъ, на пустынномъ дворѣ раздалось шлепанье туфель.

Леонардъ увидѣлъ передъ собою привратницу, толстую бабу съ метлой въ рукѣ. Она сказала, не отворяя рѣшотки:

— Вы пришли къ переплетчику... его у насъ больше нѣтъ: выѣхалъ.

Оказалось, что почтенный Фажъ дѣйствительно куда-то исчезъ, не оставивъ даже своего адреса, и служанка убирала опустѣвшую квартиру для его преемника въ контрольной палатѣ; хитрецъ успѣлъ уже подать въ отставку и ликвидировать свои дѣла.

Астье-Регю пробормоталъ изъ приличія нѣсколько словъ, но его голосъ заглушили пронзительные, зловѣщіе крики воронъ, повторяемые гулкимъ эхо подъ сводами.

— Посмотрите-ка, сколько ихъ собралось сюда! Онѣ вьютъ гнѣзда въ саду Падовани, замѣтила женщина, указывая почтительнымъ жестомъ на сѣрыя вѣтви платанъ, торчавшія надъ крышей большаго дома на противоположной сторонѣ улицы.

— Въ этомъ году вороны вернулись раньше герцогини, продолжала привратница: значитъ зима наступитъ скоро!

Академикъ ушелъ, разстроенный до послѣдней степени.

XII.

На другой день послѣ спектакля, на которомъ она хотѣла показаться, прикрывая улыбкой свое горе, и такимъ образомъ дать великій урокъ свѣтской выдержки представительницамъ парижскаго общества, герцогиня Падовани отправилась въ свой замокъ Муссо, какъ дѣлала обыкновенно въ это время года. По внѣшности, складъ ея жизни ничуть не измѣнился. Приглашенія на лѣтній сезонъ были разосланы ею раньше и она не подумала ихъ отмѣнять, но до пріѣзда первой партіи гостей, вмѣсто того, чтобы употребить свободное время на тщательныя приготовленія къ ихъ пріему, какъ это бывало прежде, прекрасная Антонія съ утра до вечера блуждала по обширному парку, разстилавшемуся на необозримомъ пространствѣ вдоль береговъ Луары. Она не ходила, а скорѣе бѣгала, какъ затравленный раненый звѣрь, который на минуту останавливается, готовый упасть отъ изнеможенія, но потомъ опять бѣжитъ впередъ, подстрекаемый болью. «Подлый!.. Подлый!.. Негодяй!..» твердила бѣдная жен-

щина вслухъ, осыпая упреками отсутствующаго измѣнника, какъ будто онъ шелъ рядомъ съ нею, тѣмъ же лихорадочнымъ шагомъ по лабиринту зеленыхъ аллей, спускавшихся къ самой рѣкѣ длинными тѣнистыми просѣками. Она не была въ эти минуты ни герцогиней, ни великосвѣтской дамой, а просто человѣкомъ, и давала полную волю своему отчаянію, пожалуй, менѣе сильному, чѣмъ ея гнѣвъ, потому что оскорбленная гордость говорила въ ней громче всѣхъ остальныхъ чувствъ и даже слезы, проступавшія на ея рѣсницахъ, не текли по щекамъ, а жгли глаза, какъ раскаленное желѣзо. Отмстить, отмстить! Антонія перебирала въ головѣ различные способы кровавой мести. Вотъ хорошо, еслибъ одинъ изъ ея вѣрныхъ слугъ-корсиканцевъ: Бертоли или Сальвіато, всадилъ князю Атису въ лобъ зарядъ дроби въ самый день свадьбы. Или нѣтъ: лучше она поразитъ его собственною рукою. Герцогиня завидовала простымъ крестьянкамъ, которыя подстерегаютъ мужчину за дверью и неожиданно брызгаютъ ему въ лицо купоросомъ, разражаясь при этомъ отчаянной бранью. О, зачѣмъ она не знала отвратительныхъ ругательствъ, площадныхъ проклятій, чтобы прокричать ихъ въ глаза низкому обманщику! Онъ представлялся ей постоянно съ принужденной, лицемѣрной улыбкой на губахъ, какъ въ день ихъ послѣдней встрѣчи; это воспоминаніе доводило ее до бѣшенства. Но даже и на простонародномъ языкѣ корсиканцевъ знатная патриціанка не знала «гадкихъ словъ»; накричавшись вдоволь: «Подлецъ!.. Подлецъ!.. Негодяй!..» она не находила исхода своему негодованію и ея прелестный ротикъ искажался безсильной яростью.

Вечеромъ, послѣ одинокаго обѣда въ обширной столовой, обтянутой старинными кожаными обоями, на которыхъ играло заходящее солнце, опять начинался бѣгъ дикаго звѣря, но теперь уже не въ паркѣ, а по галереѣ, такъ оригинально реставрированной Полемъ Астье, съ ажурнымъ кружевомъ ея аркадъ и двумя хорошенькими башенками по бокамъ. Внизу протекала Луара, разлившаяся, какъ озеро; ея поверхность слегка серебрилась въ полусвѣтѣ сумерекъ и по ней выступали, по направленію къ Шомону, ивовыя заросли, песчаные островки, какіе бываютъ на рѣкахъ съ медленнымъ теченіемъ, въ мягкомъ климатѣ. Но бѣдняжка Мари Анто не любовалась пейзажемъ, облокотившись отъ усталости на перила и неопредѣленно блуждая взглядомъ передъ собою. Ее осаждали мрачныя думы. Собственная жизнь казалась ей теперь такой унылой и безотрадной, тѣмъ болѣе, что въ пожилые годы трудно было искать новаго счастья. Рѣзкіе голоса порою долетали до слуха герцогини изъ деревушки Муссо,

представлявшей только группу низкихъ домиковъ на берегу; корма рыбачьей лодки скрыпѣла, врѣзываясь въ песокъ; воздухъ свѣжѣлъ... Кажется, чего бы проще? Податься немного впередъ, въ порывѣ отчаянія, и полетѣть внизъ головою... Но что́ скажетъ свѣтъ? Женщина въ ея лѣтахъ, ея высокаго званія, доходитъ до самоубійства, какъ послѣдняя гризетка, брошенная любовникомъ!..

На третій день пришло письмо отъ Поля, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ газетахъ появился подробный отчетъ о его дуэли. Герцогиня почувствовала живительный огонь въ своей крови, точно ее сжали въ пламенныхъ, страстныхъ объятіяхъ. Значитъ, она еще дорога́ кому нибудь, если нашелся человѣкъ, готовый отомстить за нее цѣною собственной жизни; въ глазахъ герцогини, то была не любовь; юноша вызвалъ негодяя на поединокъ изъ чувства признательности къ ней за одолженія, оказанныя его родителямъ и ему самому, а, можетъ быть, изъ желанія загладить предательскій поступокъ матери. Благородный, храбрый мальчикъ! Будь Антонія въ Парижѣ, она тотчасъ отправилась бы къ раненому, но теперь, ожидая съ часу на часъ пріѣзда гостей, покровительница могла отвѣтить ему только письменно и послать больному своего доктора.

Приглашенные съѣзжались одинъ за другимъ, кто черезъ Блуа, кто черезъ Онзенъ, такъ какъ Муссо находится почти въ равномъ разстояніи отъ обѣихъ станцій; ландо, коляски и два помѣстительныхъ «брэка» то и дѣло подкатывали къ парадному подъѣзду, гдѣ, не смолкая, звонилъ колокольчикъ. Они подвозили знаменитостей, обычныхъ посѣтителей улицы Пуатье: академиковъ и дипломатовъ, графа и графиню Фодеръ, обоихъ Бретиньи, графа и виконта — послѣдній состоялъ секретаремъ при посольствѣ. Затѣмъ слѣдовали г-нъ и г-жа Деминьеръ, философъ Ланибуаръ, собиравшійся писать въ за́мкѣ свой рапортъ о преміяхъ за добродѣтель; юный критикъ поэта Шелли, встрѣтившій энергичную поддержку своей карьерѣ въ салонѣ Падовани, и Данжу, красавецъ Данжу, совершенно одинъ, безъ жены; она также удостоилась приглашенія, но мужъ не счелъ нужнымъ брать ее съ собою, такъ какъ это противорѣчило нѣкоторымъ планамъ, зародившимся у него въ головѣ. Жизнь въ за́мкѣ тотчасъ устроилась по примѣру прошлыхъ лѣтъ. Поутру—визиты или занятія у себя въ комнатѣ, встрѣчи въ столовой; общія бесѣды; сіэсты; когда жаръ спадалъ, предпринимались отдаленныя прогулки въ экипажахъ по лѣсамъ или по рѣкѣ въ легкой флотиліи, стоявшей на якорѣ на берегу, у опушки парка. На какомъ нибудь островкѣ

дѣлали привалъ и завтракали; потомъ шли всей компаніей на тоню, гдѣ невода постоянно кишили рыбой, заготовленной заранѣе смотрителемъ рыбной ловли. По возвращеніи домой, дамы наряжались къ обѣду, который происходилъ всегда съ большимъ парадомъ; вставъ изъ-за стола, мужчины отправлялись курить въ бильярдную или на галерею и, наконецъ, все общество собиралось въ роскошной гостинной зáмка, служившей прежде «залой совѣта» Екатерины Медичи.

Здѣсь, на обивкѣ стѣнъ, была изображена исторія любви Дидоны и ея отчаяніе при видѣ бѣгства троянскихъ галеръ; странная, ироническая аналогія съ судьбой хозяйки дома! Впрочемъ, никто изъ гостей не замѣчалъ этого; свѣтскіе люди рѣдко всматриваются въ окружающіе предметы, не по недостатку наблюдательности, а по привычкѣ исключительно и постоянно заниматься собою, держать себя съ тактомъ и зорко слѣдить за дѣйствіемъ собственныхъ словъ и малѣйшихъ поступковъ. Впрочемъ, покинутая царица на драгоцѣнныхъ гобленахъ, въ трагическомъ гнѣвѣ, съ поднятыми къ верху руками и глазами, полными слезъ, представляла поучительный контрастъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ герцогини Падовани, которая съ веселой улыбкой занимала гостей, сохраняя отчасти покровительственный тонъ со всѣми присутствующими дамами. Съ ними она разговаривала о туалетахъ или книгахъ, вмѣшиваясь отъ времени до времени въ споры Ланибуара съ молодымъ критикомъ и въ препирательства Деминьера и Данжу насчетъ кандидатуръ на кресло Луазильона. Еслибъ князь Атисъ, измѣнникъ Сэми, о которомъ думалъ каждый изъ гостей, не смѣя упоминать его имени, могъ видѣть въ такія минуты Антонію, его гордость была бы жестóко уязвлена: отсутствіе бывшаго любовника, повидимому, нисколько не огорчало блестящей аристократки, а жизнь въ ея загородномъ домѣ, обставленномъ съ королевскою пышностью, проходила по прежнему шумно и весело; изо всѣхъ оконъ длиннаго фасада, сверху до низу, только въ трехъ были спущены шторы, въ отдѣленіи зáмка, называвшемся павильономъ князя.

«Однако, герцогиня держитъ себя молоддомъ», замѣтилъ Данжу въ первый же вечеръ. Маленькая графиня Фодеръ съ ея заостреннымъ носикомъ, сгоравшая отъ любопытства, и сантиментальная г-жа Деминьеръ, ожидавшая жалобъ на судьбу и дружеской откровенности со стороны хозяйки, не могли опомниться отъ изумленія. Въ глубинѣ души, онѣ обѣ даже были недовольны этимъ, какъ «отмѣной» крайне интереснаго драматическаго спектакля, тогда какъ мужчинамъ такая ясность духа Аріадны су-

лила возможность успѣха, служа для нихъ ободреніемъ. Почти всѣ кавалеры обращались теперь съ красавицей свободнѣе, выказывали больше любезности, больше угодливости и наперерывъ ухаживали за ней, какъ за женщиной, а не какъ за вліятельной особой.

Говоря правду, красота Маріи Антоніи никогда еще не сіяла такимъ яркимъ блескомъ; при входѣ въ столовую, матовая бѣлизна ея лица, обнаженныхъ плечъ и рукъ, выступавшихъ изъ свѣтлаго лѣтняго платья, какъ будто освѣщала всю обстановку вокругъ нея, даже въ присутствіи маркизы Рока-Нэра, пріѣзжавшей изъ сосѣдняго замка по ту сторону Луары. Маркиза была моложе, но, при видѣ ихъ обѣихъ, никто не могъ бы этому повѣрить. Кромѣ того, внезапный отъѣздъ князя придавалъ герцогинѣ особую неуловимую прелесть, дьявольски обольстительную привлекательность женщины, не успѣвшей остыть послѣ страстныхъ объятій, что представляетъ лакомую приманку для многихъ мужчинъ. По крайней мѣрѣ, философъ Ланибуаръ, докладчикъ о преміяхъ за добродѣтель, сильно поддавался этому соблазну; вдовецъ, зрѣлыхъ лѣтъ, съ фіолетовымъ румянцемъ и меланхолическими чертами, онъ хотѣлъ очаровать владѣлицу замка Муссо мужественной граціей и ловкостью спортсмена, однако его попытки не разъ приводили къ плачевнымъ результатамъ. Однажды, во время катанья на лодкѣ, философъ размахнулся изо всей мочи кормовымъ весломъ и полетѣлъ внизъ головою въ Луару. Въ другой разъ, онъ трясся верхомъ у дверецъ ландо, и лошадь съ такою силой прижала его къ колесу экипажа, что ему пришлось просидѣть нѣсколько дней въ комнатѣ, прикладывая припарки. Но интереснѣе всего было видѣть Ланибуара въ гостинной, когда онъ, по выраженію Данжу, «плясалъ передъ ковчегомъ», сгибая и разгибая свой длинный корпусъ. Его любимое занятіе представляли невѣроятные диспуты съ юнымъ критикомъ, свирѣпымъ двадцатитрехлѣтнимъ пессимистомъ, котораго старый философъ сокрушалъ своимъ невозмутимымъ оптимизмомъ. Впрочемъ, это и неудивительно: Ланибуаръ имѣлъ свои причины находить жизнь не только пріятной, но даже превосходной, хотя жена его умерла отъ дифтерита, заразившись страшной болѣзнью у постели своихъ дѣтей; оба малютки померли одновременно съ матерью. И каждый разъ, среди хвалебнаго гимна человѣческому существованію, ученый заканчивалъ изложеніе своихъ доктринъ, указывая краснорѣчивымъ жестомъ на полуоткрытый корсажъ герцогини, какъ на лучшую иллюстрацію собственныхъ словъ: «Попробуйте отрицать радости жизни передъ такими великолѣпными плечами!»

Юный критикъ, со своей стороны, избралъ довольно остроумный и даже отчасти злодѣйскій способъ ухаживанья за соблазнительной хозяйкой. Большой поклонникъ князя Атиса еще въ томъ наивномъ возрастѣ, когда чувство почтенія непремѣнно сводится къ внѣшнему подражанію, онъ съ самаго вступленія въ свѣтъ тщательно копировалъ позы, походку, даже повороты головы знаменитаго Сэми; неоперившійся птенецъ горбилъ спину, точно князь Атисъ, и улыбался тою же неопредѣленной улыбкой, полной молчаливаго презрѣнія; теперь юноша старался подчеркнуть это сходство подробностями туалета, подмѣченными съ ребяческимъ обезьянствомъ, начиная съ манеры закалывать галстукъ въ вырѣзѣ воротничка и кончая рыжеватой клѣтчатой матеріей брюкъ англійскаго покроя. Къ несчастью, обиліе волосъ на головѣ и полное отсутствіе бороды исключали всякое сходство между копіей и отсутствующимъ оригиналомъ. Такимъ образомъ, всѣ усилія молодаго писателя пропадали даромъ; бывшую любовницу князя нисколько не смущали эти «пластическія» напоминанія; она оставалась также холодна къ англійскому сукну въ клѣточку, какъ и къ томнымъ взглядамъ Бретиньи-сына или къ энергическимъ пожатіямъ Бретиньи-отца, когда тотъ велъ ее подъ руку къ столу. Однако, все это поддерживало возлѣ герцогини ту пріятную атмосферу ухаживанья и любезности, къ которой пріучилъ ее Атисъ въ долгіе годы ихъ близости, играя роль влюбленнаго до самаго момента пошлаго разрыва; по крайней мѣрѣ, гордость покинутой женщины менѣе страдала при такихъ знакахъ вниманія.

Но между всѣми претендентами Данжу держался въ сторонѣ; онъ ограничивался тѣмъ, что смѣшилъ Антонію пикантными анекдотами; такой пріемъ, какъ извѣстно, приводитъ у нѣкоторыхъ женщинъ къ блестящимъ результатамъ. Наконецъ, воображая, что его тактика принесла достаточные плоды, старый волокита приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Герцогиня имѣла привычку каждое утро прогуливаться одна по парку со своими собаками. Быстрая ходьба по аллеямъ, гдѣ распѣвали проснувшіяся птицы, помогала ей стряхнуть съ себя накипѣвшій за ночь гнѣвъ, закаляла ее, освѣжала росистыми испареніями зеленыхъ лужаекъ, свѣтлыми дождевыми каплями, падавшими съ древесныхъ вѣтвей. Въ одинъ прекрасный день, гуляя такимъ образомъ, она неожиданно столкнулась лицомъ къ лицу на поворотѣ аллеи съ подстерегавшимъ ее Данжу. Одѣтый щеголемъ, въ бѣломъ шерстяномъ костюмѣ, высокихъ сапогахъ, испанскомъ беретѣ, съ расчесанной бородой, онъ, по его словамъ, придумывалъ

развязку трехъактной пьесы, заказанной ему Французскимъ Театромъ для предстоящей зимы; заглавіе: «Внѣшнія приличія», сюжетъ заимствованъ изъ свѣтской жизни, чрезвычайно трудной для разработки. Вся пьеса уже готова, кромѣ заключительной сцены.

— Отлично, постараемся придумать что нибудь сообща!.. весело сказала ему на это герцогиня Падовани, пощелкивая хлыстомъ съ короткой ручкой и серебрянымъ свисткомъ, которымъ она созывала своихъ собакъ.

Однако, съ первыхъ же словъ драматургъ заговорилъ о любви, о печали одиночества и кончилъ тѣмъ, что предложилъ Маріи Антоніи въ утѣшители самого себя; это было сдѣлано прямо, цинично, совершенно во вкусѣ Данжу. Герцогиня гордо вскинула голову, сжимая хлыстикъ, готовая ударить имъ нахала, который осмѣлился обойтись съ ней, какъ съ первой встрѣчной дѣвчонкой. Но оскорбленіе женскому достоинству герцогини было, въ то же время, данью ея отцвѣтающей красотѣ, и яркій румянецъ, залившѝй ея щоки, былъ вызванъ не однимъ только негодованіемъ! Между тѣмъ Данжу не унимался; онъ настаивалъ, старался ослѣпить Антонію трескучими фразами, прикидываясь, будто бы онъ смотритъ на союзъ между ними болѣе какъ на соединеніе обоюдныхъ интересовъ, чѣмъ на умственную ассоціацію, чѣмъ на дѣло сердечной склонности. Такой мужчина, какъ онъ!... Такая женщина, какъ она!... Да вѣдь они вдвоемъ способны подчинить себѣ весь міръ!

— Благодарю, милѣйшій Данжу; мнѣ хорошо извѣстны эти прекрасныя разсужденія. Я оплакиваю ихъ до сихъ поръ,—отчеканила герцогиня.

Она указала ему надменнымъ жестомъ, не допускающимъ возраженій, тѣнистую аллею и прибавила:

— Поищите здѣсь необходимой развязки, а мнѣ пора домой...

Онъ растерялся и только смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока Антонія удалялась своей красивой, соблазнительной походкой, свойственной женщинамъ высокаго роста.

— Вы не хотите принять меня даже зебромъ?... жалобно крикнулъ наконецъ отвергнутый поклонникъ.

Она оглянулась; ея черныя брови было сердито сдвинуты.

— Ахъ, да! вы правы; эта должность теперь не занята, сказала герцогиня, вспомнивъ неблагодарнаго Гаво, которому сдѣлала столько добра. И она прибавила усталымъ тономъ, безъ малѣйшей улыбки:—хорошо, будьте зебромъ, если желаете.

Съ этими словами Антонія скрылась за кустами желтыхъ розъ;

онѣ были великолѣпны, но уже отцвѣтали, такъ что малѣйшее дуновеніе вѣтерка грозило разнести по вѣтру ихъ душистые нѣжные лепестки.

Данжу былъ доволенъ уже и тѣмъ, что гордая Мари Анто дослушала его до конца. Навѣрно, ни единый мужчина, не исключая самого князя Атиса, не осмѣливался до сихъ поръ говорить съ ней такимъ тономъ. Веселый и радостный, возбужденный прекрасными тирадами, импровизированными передъ герцогиней, драматургъ безъ труда придумалъ заключительную сцену своей пьесы. Возвращаясь къ себѣ съ цѣлью записать ее до завтрака, онъ съ удивленіемъ остановился противъ павильона, гдѣ жилъ прежде Сэми; Данжу увидѣлъ сквозь вѣтви деревьевъ, что окна въ этомъ помѣщеніи отворены настежъ. Для кого оно предназначалось? Какому почетному гостю выпала честь занимать эти роскошныя, удобныя комнаты, съ выходами прямо на берегъ Луары и въ паркъ? Ему отвѣчали, что въ за́мокъ пріѣхалъ для поправленія здоровья архитекторъ герцогини. Въ виду близкой дружбы между семействомъ Астье и хозяйкой дома, было вполнѣ естественно, что Поль встрѣтилъ родственный пріемъ въ за́мкѣ Муссо, который былъ отчасти созданіемъ его рукъ. Между тѣмъ, едва новый гость появился за завтракомъ, его красивое похудѣвшее лицо, казавшееся еще блѣднѣе отъ бѣлаго галстука китайскаго шолка, его дуэль, его рана произвели на присутствующихъ дамъ такое обаятельное впечатлѣніе, сама герцогиня оказывала ему столько искренняго радушія, что красавецъ Данжу, не терпѣвшій чужихъ успѣховъ, почувствовалъ себя оскорбленнымъ. Опустивъ глаза въ тарелку, пользуясь своимъ почетнымъ мѣстомъ на концѣ стола, онъ принялся разбирать по косточкамъ красиваго юношу, котораго такъ безобразилъ унаслѣдованный отъ матери кривой носъ, и поднялъ на смѣхъ его поединокъ съ Атисомъ, когда знаменитый фехтовальщикъ спасовалъ на первомъ же шагу. Въ заключеніе, злоязычный писатель прибавилъ вскользь, вовсе не думая, что въ его словахъ заключается истинная правда:

— Вѣдь ихъ ссора за картами послужила только предлогомъ... Они дрались изъ-за женщины...

— Неужели?

Данжу утвердительно кивнулъ головою: «Я знаю навѣрно!» И довольный своей выдумкой, онъ занялся всѣми присутствующими, угощая ихъ остротами и анекдотами, которыхъ у него былъ всегда неистощимый запасъ, какъ будто драматургъ носилъ ихъ при себѣ, въ видѣ карманнаго фейерверка. Поль Астье не былъ силенъ по этой части, и сочувствіе женской половины общества

тотчасъ перешло отъ него къ знаменитому говоруну, въ особенности, когда тотъ заявилъ, что развязка для его пьесы найдена, и онъ готовъ прочитать вслухъ свое произведеніе въ гостинной, во время дневнаго зноя. Дамы вскрикнули отъ восхищенія; имъ приходилось скучать между завтракомъ и обѣдомъ, среди монотонной деревенской жизни. Кромѣ того, привилегированныя существа, гордившіяся уже тѣмъ, что на ихъ письмахъ стоялъ штемпель Муссо, заранѣе предвкушали удовольствіе послать всѣмъ своимъ отсутствующимъ пріятельницамъ отчетъ о ненапечатанной пьесѣ Данжу, прочитанной имъ самимъ, и затѣмъ имѣть возможность на будущую зиму говорить, когда газеты извѣстятъ о началѣ репетицій: «Ахъ, эта пьеса Данжу! Какъ же, я ее знаю, онъ читалъ самъ ее въ замкѣ»!

Пока гости вставали изъ-за стола, толкуя объ ожидаемомъ развлеченіи, герцогиня подошла къ Полю Астье и, взявъ его подъ руку со свойственной ей, нѣсколько деспотической, благосклонностью, проговорила:

— Пройдемтесь по галереямъ... здѣсь невыносимо душно.

Дѣйствительно, воздухъ былъ удушливъ даже на этихъ возвышенностяхъ; отъ Луары, недвижно разлившейся у подножія холма и сверкавшей, точно растопленное олово, поднимались теплыя испаренія; они окутывали легкой дымкой прихотливые изгибы ея зеленыхъ береговъ и полузатопленные островки. Хозяйка увела молодаго человѣка въ самый конецъ террасы, подальше отъ курильщиковъ, и прошептала, пожимая ему обѣ руки:

— Такъ это я была причиной?.. такъ вы ради меня?..

— Ради васъ, герцогиня...

И онъ прибавилъ, сжавъ губы:

— Дѣло еще не кончено... мы поквитаемся!

— Молчите, бѣдный мальчикъ!

Услышавъ приближающіеся шаги, она прервала сама себя восклицаніемъ:

— Данжу!

— Что прикажете, герцогиня?

— Я забыла свой вѣеръ въ залѣ... не будете ли вы такъ добры принести его сюда?

И когда онъ ушелъ, она продолжала:

— Я запрещаю вамъ, Поль... Прежде всего, съ такимъ негодяемъ не стоитъ драться на дуэли... Ахъ, еслибъ мы были одни... еслибъ я могла вамъ сказать...

Голосъ Антоніи обрывался; ея руки дрожали. Поль Астье не на шутку удивился. Онъ ожидалъ найти ее болѣе спокойной че-

резъ мѣсяцъ послѣ катастрофы. Это охладило его пылъ. Ободренный горячимъ пріемомъ герцогини, молодой человѣкъ, минуту назадъ, хотѣлъ произнести въ порывѣ увлеченія: «я васъ люблю... я васъ давно любилъ...» Но теперь пламенное признаніе застыло на его губахъ, и онъ ограничился только разсказомъ о поединкѣ, который, повидимому, сильно интересовалъ покинутую любовницу князя. Вскорѣ появился академикъ съ вѣеромъ.

— Добрый зебръ, Данжу! съ улыбкой произнесла герцогиня вмѣсто благодарности.

Тотъ слегка скривилъ губы и, подражая ея тону, замѣтилъ вполголоса:

— Да... но съ надеждой на повышеніе... иначе...

— Какъ? вы уже заявляете требованія!

Антонія тихонько ударила его вѣеромъ, но, желая задобрить драматурга передъ чтеніемъ пьесы, пошла съ нимъ подъ руку въ гостинную; здѣсь была уже разложена рукопись на кокетливомъ игорномъ столикѣ у высокаго полуоткрытаго окна, откуда виднѣлся цвѣточный садъ и густая зелень парка.

«Пьеса въ трехъ актахъ... дѣйствующія лица».

Голосъ чтеца, раздавшійся въ комнатѣ, заставилъ дамъ тѣснѣе сдвинуться въ кружокъ; онѣ поводили плечами и усаживались поуютнѣе, заранѣе предвкушая предстоящее удовольствіе. Данжу читалъ, какъ настоящій «комедіантъ», по классификаціи Пиперараля; онъ дѣлалъ остановки, чтобы приложиться губами къ стакану воды, а потомъ вытирался тонкимъ батистовымъ платкомъ. Прочитавъ каждую страницу, величиною въ цѣлый листъ, испещренную мелкимъ почеркомъ, онъ небрежно бросалъ ее себѣ подъ ноги на коверъ. И каждый разъ графиня Фодеръ, мало знакомая съ привычками знаменитостей, наклонялась поднять упавшій листокъ, послѣ чего благоговѣйно укладывала его по порядку на кресло возлѣ себя. Этотъ скромный и восхитительный пріемъ какъ бы приближалъ ее къ жрецу искусства, пріобщалъ къ произведенію знаменитаго литератора, какъ будто Листъ или Рубинштейнъ сидѣли за роялемъ, и она перевертывала имъ страницы нотъ. Все шло прекрасно до конца перваго акта; забавная и разносторонняя картина свѣтскихъ нравовъ была встрѣчена подавленными возгласами восторга, одобрительнымъ смѣхомъ, горячими «браво». Затѣмъ наступила пауза, во время которой можно было разслышать жужжанье насѣкомыхъ въ древесной листвѣ; наконецъ, Данжу возгласилъ, обтирая усы:

— Актъ второй... сцена представляетъ...

Но голосъ измѣнялъ ему, становясь все глуше съ каждой реп-

ликой. Данжу замѣтилъ опустѣвшее кресло въ первомъ ряду, гдѣ сидѣла Антонія. Онъ украдкой искалъ ее глазами, поверхъ пенснэ, въ обширной гостинной, уставленной комнатными растеніями, которыя служили прекрасной ширмой для слушателей, желавшихъ уединиться или втихомолку вздремнуть... Вдругъ, во время паузы, писатель, прихлебывая воду изъ стакана, уловилъ тихій шопотъ; ему бросилось въ глаза знакомое свѣтлое платье, и онъ разсмотрѣлъ въ глубинѣ комнаты на диванѣ герцогиню рядомъ съ Полемъ Астье; они, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали разговоръ, начатый въ галереѣ. Для такого избалованнаго человѣка, какъ Данжу, привыкшаго, чтобъ его носили на рукахъ, подобный ударъ былъ слишкомъ чувствителенъ. Однако онъ продолжалъ читать, съ ожесточеніемъ бросая на полъ листы; они разлетались по комнатѣ, причемъ услужливой графинѣ Фодеръ приходилось ловить ихъ, ползая по ковру на четверенькахъ. Между тѣмъ, шопотъ въ углу гостинной не прекращался; выведенный изъ себя, Данжу прервалъ наконецъ чтеніе, отложивъ его до слѣдующаго дня и оттоворившись внезапной хрипотой. Увлекшись разспросами о дуэли, представлявшими для нея жгучій интересъ, герцогиня не слыхала словъ драматурга и, воображая, что пьеса дочитана до конца, принялась оживленно аплодировать, крикнувъ издали:

— Браво, Данжу!.. Какая эффектная развязка!

Въ тотъ же вечеръ великій человѣкъ почувствовалъ боли въ печени или притворился больнымъ, а на другой день рано поутру покинулъ замокъ Муссо, ни съ кѣмъ не простившись. Трудно сказать, что было тому причиной: оскорбленная авторская гордость или предположеніе, что Поль Астье сдѣлается преемникомъ князя. Впрочемъ, даже недѣлю спустя послѣ отъѣзда Данжу, дѣла Поля почти нисколько не подвинулись впередъ. Прелестная хозяйка была къ нему очень внимательна; она выказывала юношѣ почти материнскую заботливость, постоянно освѣдомлялась о его здоровьѣ, спрашивала, не жарко ли ему въ башнѣ, обращенной окнами на югъ, не утомляетъ ли его качка ландо, не вредно ли оставаться по вечерамъ на рѣкѣ; но стоило Полю заикнуться о любви, какъ герцогиня удалялась прочь, представляясь непонимающей. Однако, она далеко не походила на прежнюю неприступную Антонію. Прежняя герцогиня Падовани, надменная и спокойная, умѣла обуздывать нескромныхъ поклонниковъ однимъ мановеніемъ бровей. Она напоминала собою полноводную прекрасную рѣку, окруженную прочными плотинами. Теперь этотъ оплотъ трещалъ, доказывая, что въ немъ есть

брешь, откуда готова хлынуть черезъ край настоящая натура женщины. У Антоніи обнаруживались порою вспышки недовольства условными приличіями; протестъ противъ свѣтскихъ обычаевъ, которыхъ въ былое время она такъ строго придерживалась; ей хотѣлось перемѣны мѣста, и герцогиня придумывала различныя поѣздки для развлеченія гостей. Въ Муссо обсуждались проэкты предстоящихъ праздниковъ, иллюминацій, большихъ псовыхъ охотъ подъ непосредственнымъ руководствомъ самой хозяйки, хотя она уже давно бросила верховую ѣзду. Поль Астье внимательно слѣдилъ за этими вспышками характера герцогини, твердо рѣшившись уловить благопріятный моментъ и не церемониться съ нею, разводя въ теченіе двухъ лѣтъ любовную канитель, какъ съ Коллетой Розенъ.

Однажды вечеромъ общество въ замкѣ разошлось по своимъ комнатамъ довольно рано, послѣ утомительной прогулки въ экипажахъ и пѣшкомъ. Молодой архитекторъ расположился у себя по домашнему, въ туфляхъ и шолковой рубашкѣ, закурилъ сигару и сталъ писать матери письмо, осторожно взвѣшивая каждое слово. Она гостила у Фрейдэ въ Кло-Жалланжѣ, но рвалась всей душой въ замокъ Муссо, жадно отыскивая глазами на горизонтѣ его островерхія башенки, выступавшія за изгибами Луары. Сынъ старался увѣрить ее въ невозможности, въ данный моментъ, не только примириться съ бывшей пріятельницей, но даже видѣться съ нею. Пронырство г-жи Астье до того надоѣло ему, что онъ старался теперь держать ее подальше отъ своихъ плановъ. Но Полю было необходимо напомнить матери объ уплатѣ его срочныхъ долговъ; кромѣ того, она обѣщала высылать деньги маленькому лакею Стэнну, оставленному въ улицѣ Фортюни для охраны отъ кредиторовъ недвижимаго имущества въ стилѣ Людовика XII. Если Сэми еще не выслалъ обѣщанныхъ денегъ, то г-жа Астье можетъ перехватить нужную сумму на нѣсколько дней у Фрейдэ, которые, конечно, не откажутъ, тѣмъ болѣе, что въ то утро парижскія газеты, въ отдѣлѣ иностранныхъ корреспонденцій, помѣстили извѣстіе о свадьбѣ французскаго посланника въ Петербургѣ. Тамъ были приведены имена высокопоставленныхъ лицъ, почтившихъ своимъ присутствіемъ церемонію, имя польскаго ксендза, вѣнчавшаго новобрачныхъ, а также подробно описывались ослѣпительные туалеты невѣсты. «M'man»—такъ называлъ Поль свою мать—могла себѣ представить, что такая новость дала себя почувствовать въ замкѣ Муссо; хозяйка дома читала ее въ глазахъ своихъ гостей и въ ихъ усиленномъ стараніи говорить о постороннихъ предметахъ. Она не проронила

ни слова за столомъ, а послѣ завтрака предложила обществу, не смотря на страшную жару, поѣхать въ трехъ экипажахъ въ за́мокъ Пуассоньеръ, гдѣ родился поэтъ Ронсаръ. Бѣдной герцогинѣ, очевидно, не сидѣлось на мѣстѣ, и гостямъ, въ угоду ей, пришлось трястись на лошадяхъ цѣлыхъ шесть льё по солнопеку и пыли, чтобы насладиться декламаціей отвратительнаго Ланибуара, который влѣзъ на старый цоколь, облупленный, какъ онъ самъ, и принялся говорить стихи: «Малютка, посмотримъ на розу...» На обратномъ пути, посѣтили земледѣльческую школу для сиротъ, основанную старикомъ Падовани — «m'man», конечно, знала ее—тутъ осматривали дѣтскія спальни, прачешную, земледѣльческія орудія, классныя тетради учениковъ; ото всего ужасно воняло, было нестерпимо жарко, а Ланибуаръ, между тѣмъ, принялся поучать юныхъ земледѣльцевъ, похожихъ съ виду на каторжниковъ, доказывая имъ, что жизнь прекрасна. Этого мало; компанія сдѣлала еще остановку на плавильномъ заводѣ близь Онзена; цѣлый часъ бродила посреди копоти и вони каменнаго угля, извергаемыхъ тремя громадными трубами; топталась по рельсамъ, гдѣ посѣтителей ежеминутно могли задѣть тачки и лопаты съ раскаленной плавильной массой, въ видѣ громадныхъ глыбъ, съ которыхъ сочились огненныя капли; эти куски желѣза казались краснымъ льдомъ, тающимъ отъ жара. Во все это время герцогиня не знала усталости; ея нервное возбужденіе было такъ велико, что она переходила отъ одного предмета къ другому, ничего въ сущности не видя и не слыша, хотя между ней и Бретиньи-отцомъ шли оживленные споры. Антонія притворялась поглощенною этой бесѣдой; опираясь на руку своего кавалера, она неутомимо говорила, однако нетрудно было догадаться, что ея мысли блуждали также далеко отъ плавильнаго завода, какъ отъ поэта Ронсара и земледѣльческаго сиротскаго пріюта.

Затѣмъ Поль принялся обрисовывать самыми мрачными красками непроходимую скуку, царившую въ за́мкѣ Муссо въ настоящій сезонъ. Онъ особенно напиралъ на это изъ боязни, чтобы мать не ухитрилась какъ нибудь пробраться во владѣнія герцогини Падовани. Вдругъ занятіе молодаго человѣка было прервано легкимъ стукомъ въ дверь. Архитекторъ подумалъ, что къ нему стучится юный критикъ или Бретиньи-сынъ, пожалуй даже Ланибуаръ; старикъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ ужасно сообщителенъ и нерѣдко засиживался поздно вечеромъ въ комнатѣ Поля, самой обширной и удобной изо всѣхъ, съ кокетливымъ боковымъ кабинетомъ для куренья. Отворивъ дверь, Астье

сильно удивился: длинная галерея нижняго этажа съ высокими окнами была пуста и безмолвна; въ ней не оказалось живой души до самаго конца, до массивной двери, ведущей въ бывшую караульную залу. Между тѣмъ, при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, на стѣнахъ ясно выступали даже скульптурныя украшенія. Поль вернулся на прежнее мѣсто, но стукъ опять повторился. Онъ долеталъ изъ курильной комнаты, которая соединялась потайной дверью и узкимъ корридоромъ, въ толстой башенной стѣнѣ, съ собственными комнатами герцогини. Этотъ ходъ, существовавшій до перестройки за́мка, былъ хорошо извѣстенъ молодому архитектору.

Ему тотчасъ пришли въ голову безцеремонные разговоры, которые велись на дняхъ въ кабинетѣ между мужчинами, а въ особенности сальные анекдоты Ланибуара. «Чортъ возьми! Неужели герцогиня насъ подслушивала!..» сказалъ про себя красивый повѣса, въ приливѣ невольнаго смущенія. Онъ отодвинулъ задвижку; Антонія молча прошла въ его комнату и положила на письменный столъ связку пожелтѣвшихъ бумагъ, которую нервно мяла ея изящная рука.

— Посовѣтуйте, что́ мнѣ дѣлать, сказала она серьезнымъ тономъ...—Вы—мой другъ; вамъ одному я довѣряю...

Ему одному... Несчастная женщина! какъ будто ей не служилъ предостереженіемъ этотъ хищный, лукавый взглядъ, тревожно переходившій отъ начатаго письма на столѣ, которое Антонія могла прочитать, къ ея обнаженнымъ рукамъ, виднѣвшимся изъ подъ длиннаго кружевнаго пеньюара, и къ пышной массѣ волосъ, скрученныхъ на ночь. Поль въ недоумѣніи спрашивалъ себя: «Что́ ей надо? зачѣмъ она пришла?». Между тѣмъ герцогиня, не помня себя отъ гнѣва, душившаго ее съ самаго утра, вся пылая жаждой мщенія, тихо шептала отрывистыми фразами:

— За нѣсколько дней до вашего пріѣзда, онъ послалъ ко мнѣ Гаво... Да, Атисъ осмѣлился... требовать у меня своихъ писемъ.. Я встрѣтила Гаво, какъ ни въ чемъ не бывало, но съ этихъ поръ онъ не посмѣетъ больше попадаться мнѣ на глаза!.. Какія тутъ письма! Дѣло не въ томъ: вотъ чего онъ добивался.

Антонія подвинула связку Полю. Тутъ была цѣлая хроника ея любви къ князю Атису, въ видѣ собранія его уплаченныхъ долговыхъ обязательствъ; они краснорѣчиво доказывали, во сколько обошелся ей этотъ человѣкъ, какія суммы она переплатила, чтобы вытащить его изъ грязи и поставить на ноги.

— Вотъ, взгляните! сказала герцогиня,—это очень любопытно; не церемоньтесь!

Поль Астье принялся перелистывать странныя бумаги, пропитанныя ароматомъ женскаго будуара, хотя имъ было приличнѣе всего лежать за стекломъ въ магазинѣ Боса. Тутъ были счеты торговцевъ рѣдкостями, брильянтщиковъ, бѣлошвеекъ, строителей яхтъ, поставщиковъ поддѣльнаго шампанскаго; расписки въ полученіи ста тысячъ франковъ отъ знаменитыхъ кокотокъ, теперь уже умершихъ, сошедшихъ съ арены полусвѣта или сдѣлавшихъ богатыя партіи; квитанціи, подписанныя клубными метрдотелями или лакеями. Однимъ словомъ, здѣсь развертывалась самая краснорѣчивая картина безпутнаго мотовства съ одной стороны и алчнаго вымогательства съ другой. Слѣдя за движеніями архитектора, Мари Анно глухо говорила:

— Какъ видите, реставрація князька стоила мнѣ подороже реставраціи замка Муссо. Я хранила эти документы много лѣтъ въ своей шифоньеркѣ, потому что никогда не бросаю нужныхъ бумагъ, но клянусь вамъ, мнѣ не приходило въ голову ими воспользоваться. Теперь я перемѣнила мнѣніе... Онъ разбогатѣлъ, такъ пускай возвратитъ мнѣ мои деньги, да еще съ процентами. Иначе я подамъ ко взысканію. Какъ вы думаете: вѣдь я вправѣ такъ поступить?

— Конечно, вы совершенно вправѣ... однако... — Онъ потянулъ себя за рыжеватый кончикъ бороды и спросилъ:—а развѣ князь Атисъ не былъ подъ опекой, когда подписывалъ эти векселя?.

— Да, да, какъ же... я знаю. Бретиньи мнѣ объяснилъ. Не добившись толку съ помощью Гаво, князь обратился къ Бретиньи, прося его быть третейскимъ судьей... Между академиками, не такъ ли?

Антонія разсмѣялась съ презрѣніемъ, поставивъ посланника и бывшаго министра на одинъ уровень съ академиками, потомъ прибавила съ новой вспышкой гнѣва:

— Разумѣется, я могла бы и не платить, но я нашла, что такъ будетъ чистоплотнѣе... слѣдовательно, чужое вмѣшательство тутъ не причемъ... Я заплатила и требую возмѣщенія убытковъ, въ противномъ случаѣ дѣло поступитъ въ судъ и вызоветъ скандалъ. Имя князя Атиса будетъ запятнано, причемъ пострадаетъ честь французскаго посла при русскомъ дворѣ. Я хочу покрыть позоромъ этого негодяя, больше мнѣ ничего не нужно!

— Разумѣется, сказалъ Поль Астье, незамѣтно пряча письмо къ матери, которое его стѣсняло.—Однако я удивляюсь, какъ рѣшился князь Атисъ оставить по добныя уики въ вашихъ рукахъ!.. Такой ловкій человѣкъ...

— Ловкій? Онъ-то!..

Герцогиня пожала плечами съ видомъ полнѣйшаго пренебреженія. Поль нарочно подстрекалъ ее, знаю по опыту, какъ далеко способна зайти женская мстительность.

—Однако, князь принадлежалъ къ числу нашихъ лучшихъ дипломатовъ... — замѣтилъ онъ.

— Потому что я водила его на помочахъ! Онъ руководствовался исключительно моими указаніями.

— Значитъ, пресловутая легенда о Бисмаркѣ...

— Который не могъ вынести его взгляда?.. ха-ха!! отличная выдумка! Я думаю, всякій по неволѣ отвернется въ сторону, когда Атисъ заговоритъ: у него несетъ изо рта, какъ изъ помойной ямы...

Антонія, какъ будто въ порывѣ стыда, закрыла лицо руками, подавляя рыданія, и простонала:

— Легко сказать: двѣнадцать лѣтъ моей жизни убито на такого ничтожнаго человѣка!.. Теперь онъ меня бросилъ, разлюбилъ... И отъ кого же приходится мнѣ терпѣть!..

Ея гордость возмущалась при этой мысли. Герцогиня ходила большими шагами по комнатѣ, то приближаясь къ широкой и низкой кровати, задернутой занавѣсами изъ старинной матеріи, то вступая опять въ свѣтлый кругъ отъ лампы. Она старалась отыскать причины разрыва, спрашивая себя вслухъ: «Зачѣмъ?.. Почему?» Если князю надоѣла незаконная связь, то вѣдь онъ зналъ, что все это кончится очень скоро и они будутъ обвѣнчаны раньше года... Неужели его прельстило богатство, мильоны этой дуры?.. Какъ будто герцогиня Падовани недостаточно богата! У нея, по крайней мѣрѣ, есть связи, есть вліяніе, о какихъ не могла и мечтать урожденная Совадонъ... Ну, такъ что же могло прельстить Атиса? Развѣ молодость Коллеты? Антонія злобно разсмѣялась...

— Ха-ха, бѣдная малютка!.. На что́ пригодится мужу ея молодость?..

— Я самъ того же мнѣнія... прошепталъ Поль, съ улыбкой приближаясь къ Антоніи.

Здѣсь было больное мѣсто ея сердца, но герцогиня какъ будто нарочно растравляла свою рану.

— Молода!.. молода!.. злобно твердила она.—Но, прежде всего, возрастъ женщины опредѣляется не календаремъ, и г-нъ посланникъ очень можетъ разочароваться...

Антонія быстро распахнула у себя на груди кружевной пеньюаръ, обнаживъ прекрасную шею безъ малѣйшей морщинки и великолѣпныя плечи.

— Вотъ гдѣ у насъ молодость! воскликнула она.

Поль Астье не зѣвалъ. Въ ту же минуту, двѣ сильныхъ руки порывисто обвились вокругъ стана герцогини; кружева, застежки, все трещало и летѣло на полъ; она почувствовала только, что ее схватили и унесли; огонь разлился по ея нервамъ; что-то могучее, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, упоительно-сладкое и неодолимое, о чемъ Антонія до сихъ поръ не имѣла понятія, овладѣло всѣмъ ея существомъ; буря страсти то затихала, то снова поднималась, чтобы задушить ее въ безумныхъ объятіяхъ, поглотить всю, заставить забыться въ бреду безконечнаго упоенія... Ждала ли этого она, входя въ комнату Поля? Затѣмъ ли пришла сюда? какъ долженъ былъ подумать этотъ интриганъ? Нѣтъ; оскорбленная гордость, гнѣвъ, отвращеніе бушевали въ груди осмѣянной женщины, какъ волны въ бурную ночь посреди океана, и она пришла искать поддержки, изнемогая въ непосильной борьбѣ. Всякій разсчетъ и грязныя вожделѣнія были чужды гордой корсиканкѣ.

Поддавшись искушенію, она вырвалась, наконецъ, изъ объятій любовника, опомнилась, встала и старалась собраться съ мыслями. Возможно ли это?.. Она!.. Этотъ юноша!.. Такъ неожиданно!.. Ей хотѣлось зарыдать отъ стыда. Между тѣмъ Поль говорилъ, вздыхая:

— Вѣдь я васъ люблю... вѣдь я васъ любилъ всегда... помните ли вы?..

Онъ покрывалъ поцѣлуями руки ошеломленной герцогини; эти ласки снова зажгли въ ней кровь, и волна страсти подступила ей къ сердцу. Но раздался отдаленный бой часовъ на колокольнѣ; наступало утро; въ чистомъ воздухѣ былъ отчетливо слышенъ каждый звукъ... Антонія вырвалась и убѣжала, не помня себя и оставивъ на письменномъ столѣ даже связку обличительныхъ документовъ.

Мстить? Кому? Зачѣмъ? Въ эту минуту ненависть исчезла въ ея душѣ; она любила. И горячая, пылкая любовь, съ ея бредомъ и порывами, оказалась чѣмъ-то совершенно невѣдомымъ для этой свѣтской женщины; при первомъ объятіи, Антонія наивно подумала, что сейчасъ умретъ. Съ тѣхъ поръ она почувствовала отраду и спокойствіе, какъ выздоравливающій послѣ тяжелой болѣзни. Сладкая истома сказывалась теперь въ ея походкѣ и голосѣ; герцогиня сдѣлалась другою женщиной, именно одною изъ тѣхъ, о которыхъ простонародье говоритъ, видя, какъ онѣ идутъ подъ руку съ любовникомъ или мужемъ, нѣсколько замедленнымъ шагомъ, точно убаюканныя нѣгой страсти: «Вотъ у этой есть все, что ей нужно!» Подобный типъ встрѣчается гораздо рѣже,

чѣмъ думаютъ, особенно въ высшемъ обществѣ. Герцогиня не могла, однако, беззавѣтно отдаваться своему счастію; ей приходилось сохранять свѣтскую выдержку, исполняя обязанности хозяйки дома. Одни гости уѣзжали, другіе являлись имъ на смѣну; вторая партія приглашенныхъ была многочисленнѣе первой; къ ней принадлежали менѣе короткіе знакомые — крупные академическіе тузы въ полномъ составѣ: герцогъ де-Курсонъ-Лонэ, князь и княгиня Фитцъ-Рой, супруги де-Сиркуръ, Гюшнары, Сентъ-Аволь, полномочный министръ, Мозеръ съ дочерью, г-нъ и г-жа Анри изъ американскаго посольства.

Нелегко было накормить всѣхъ этихъ людей, доставлять имъ развлеченія, соединить между собою такіе разнородные элементы.

Никто не могъ справиться съ подобной задачей блистательнѣе герцогини Падовани; но въ настоящее время обязанность радушной хозяйки тяготила ее. Антоніи не хотѣлось двигаться съ мѣста. Она была готова проводить цѣлые часы одна, погруженная въ свои мечты, и потому ей было трудно придумать что нибудь для развлеченія своихъ гостей, кромѣ неизмѣнныхъ поѣздокъ на рыбную ловлю, въ замокъ Ронсаръ или въ дѣтскій пріютъ; когда во время этихъ прогулокъ ея рука случайно касалась руки Поля, влюбленная женщина чувствовала себя вполнѣ довольной.

Однажды они катались въ лодкахъ по Луарѣ; маленькая флотилія изъ замка Муссо скользила по рѣкѣ, пестрѣя въ блескѣ солнечныхъ лучей своими шолковыми навѣсами и флагами съ герцогскимъ гербомъ; благодаря прекрасной погодѣ, прогулка затянулась и суда ушли дальше обыкновеннаго. Молодой архитекторъ, ѣхавшій впереди герцогини, сидѣлъ въ одной лодкѣ съ Ланибуаромъ, который посвящалъ его въ свои тайны. Ему было дозволено остаться въ замкѣ до окончанія своего академическаго доклада. Польщенный такимъ вниманіемъ хозяйки, глупый старикъ былъ на седьмомъ небѣ; онъ, не шутя, воображалъ себя уже преемникомъ Сэми и, какъ это постоянно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сдѣлалъ счастливаго соперника повѣреннымъ своихъ надеждъ. Ланибуаръ передавалъ ему въ подробности свои знаменательные разговоры съ прекрасной Антоніей и нѣсколько разъ спрашивалъ Поля: «Ну, молодой человѣкъ, что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ?» Вдругъ съ сосѣдней лодки раздался звучный окликъ:

— Г-нъ Астье!

— Что угодно, герцогиня?

— Взгляните туда, въ кусты... Не Ведринъ ли это?

Дѣйствительно, Ведринъ сидѣлъ за работой на плоскомъ досча-

никѣ, привязанномъ къ вѣткѣ дерева у берега зеленаго островочка; возлѣ него были жена и дѣти; въ кустарникахъ весело заливались иволги. Лодки тотчасъ повернули въ ту сторону; праздное свѣтское общество обрадовалось неожиданному развлеченію. Герцогиня любезно поздоровалась съ женою живописца, которая гостила у ней нѣсколько дней въ Муссо во время перестройки; остальныя дамы съ любопытствомъ разсматривали интересную чету и красивыхъ малютокъ, привольно расположившихся на отдыхъ въ узкой бухтѣ, посреди зелени, надъ прозрачной гладью рѣки, гдѣ отражалась эта картина мирнаго семейнаго счастья.

Ведринъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, не выпуская изъ рукъ палитры, началъ разсказывать Полю о жизни въ Кло-Жалланжѣ, лежавшемъ по близости. Продолговатый, низкій домъ виконта Фрейдэ, выкрашенный бѣлой краской, съ крышей итальянскаго стиля, виднѣлся съ того мѣста на крутомъ берегу Луары, утопая въ легкой дымкѣ рѣчнаго тумана.

— Представьте себѣ, милѣйшій, говорилъ художникъ Полю:— тамъ всѣ положительно рехнулись. Вакантное кресло Луазильона не даетъ имъ покою. Они только и дѣлаютъ, что строютъ планы будущей аттаки; этимъ поглощены всѣ безъ исключенія: и твоя мать, и Пишераль, и бѣдная больная въ своемъ подвижномъ креслѣ... Жермена также заразилась академической лихорадкой и намѣрена переселиться осенью въ Парижъ, давать обѣды, вечера, принимать гостей, чтобы помочь кандидатурѣ брата.

Такое повальное сумашествіе надоѣло Ведрину. Онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ со своей семьей, занимаясь живописью подъ открытымъ небомъ. Говоря такимъ образомъ, художникъ указалъ на ветхій досчаникъ и прибавилъ, улыбаясь безъ малѣйшей горечи:

— Вотъ видишь, я совершаю на даббіэхѣ свое знаменитое путешествіе по Нилу.

Вдругъ маленькій сынокъ Ведрина, все время пристально смотрѣвшій на одного Ланибуара посреди нарядныхъ и красивыхъ женщинъ, перебилъ отца, звонко крикнувъ:

— Скажите, пожалуйста, вы тотъ самый господинъ изъ академіи, которому скоро минетъ сто лѣтъ?

Старый докладчикъ, только что щеголявшій передъ герцогиней своимъ искусствомъ управлять лодкою, чуть не опрокинулся на скамью, ошеломленный такимъ комплиментомъ. Остальная компанія разразилась неудержимымъ хохотомъ. Когда взрывъ веселости немного утихъ, Ведринъ объяснилъ, что ребенокъ бре-

дитъ Жаномъ Регю, хотя никогда не видалъ его; мальчика сильно интересовало замѣчательное долголѣтіе академика.

Дѣйствительно, красивый малютка ежедневно справлялся о здоровьѣ старика; въ этомъ маленькомъ созданіи вкоренилось почти эгоистическое почтеніе къ жизни, и онъ все твердилъ, что намѣренъ самъ дожить до ста лѣтъ, такъ какъ могли же другіе достичь этого возраста...

Между тѣмъ вѣтеръ свѣжѣлъ; паруса и флаги раздувались; со стороны Блуа неслись тучи, а надъ замкомъ Муссо, съ его четырьмя островерхими башенками, блестѣвшими подъ свинцовымъ небомъ, густая сѣть дождя застилала горизонтъ. Гости герцогини засуетились; произошла толкотня; каждый спѣшилъ на свое мѣсто. И пока лодки уплывали, лавируя между песчаными отмелями, одна за другой, по причинѣ узкости фарватера, Ведринъ залюбовался яркой пестротой маленькой флотиліи подъ нависшими грозовыми тучами. Красивые силуэты лодочниковъ во весь ростъ выдѣлялись на носу шлюпокъ съ длинными шестами въ рукахъ. Живописецъ обернулся къ женѣ; она поспѣшно убирала принадлежности рисованія и закутывала дѣтей, стоя на колѣняхъ въ досчаникѣ.

— Взгляни-ка сюда, мама... началъ онъ. Вотъ передъ тобой картина, которая наглядно объясняетъ мои слова. Говоря о какомъ нибудь товарищѣ, я выражаюсь: «мы изъ одной и той же лодки». Вся эта вереница шлюпокъ, бѣгущихъ на парусахъ, чтобы спастись отъ ночной темноты, представляетъ послѣдовательныя поколѣнія художниковъ... Какъ ни стѣсняйся съ тѣми, съ кѣмъ сидишь въ лодкѣ, все таки они для тебя по неволѣ свои люди, спѣшащіе къ одной и той же цѣли. Но тѣ, которые впереди, загораживаютъ дорогу и насъ сердитъ ихъ медленность. Между ихъ и нашей лодкой нѣтъ ничего общаго. Насъ раздѣляетъ слишкомъ большое разстояніе, и мы не понимаемъ другъ друга. Мы интересуемся ими только потому, что они служатъ намъ помѣхой и заставляютъ насъ кричать: «ну, что же вы зазѣвались, ступайте скорѣй впередъ!» А въ то же время другая лодка сзади, управляемая молодыми силами, напираетъ на нашу все сильнѣе и сильнѣе; тутъ ужь мы сами сердито унимаемъ ихъ: «Нельзя ли потише? Куда вы торопитесь?» Такъ вотъ въ чемъ дѣло... Хоть я принадлежу къ своей лодкѣ и люблю ее,—продолжалъ Ведринъ, выпрямляясь во весь свой ростъ и окидывая взглядомъ берега и рѣку,—но тѣ, которые уходятъ со сцены жизни и которые только что выступаютъ на нее, интересуютъ меня одинаково, какъ и мои сверстники. Я ихъ окликаю, подаю имъ знаки, я пытаюсь под-

держивать общеніе со всѣми, потому что и наши предшественники, и наши преемники подвергаются одинаковымъ опасностямъ; каждой лодкѣ трудно справляться съ теченіемъ, каждую минуту можетъ подняться буря, а сумерки для всѣхъ наступаютъ слишкомъ быстро!.. Ну, теперь, мои дорогіе, поспѣшимъ домой; дождь такъ и виситъ!

XIII.

«Молитесь за упокой души высокаго и могущественнаго вельможи и герцога Карла-Генриха-Франциска Падовани, князя Ольмюцскаго, бывшаго сенатора, посланника и министра, кавалера большаго креста почетнаго легіона, скончавшагося 20-го сего сентября 1880 года, въ своемъ имѣніи, Барбигаліи, гдѣ и погребены его останки. Заупокойная обѣдня будетъ отслужена въ слѣдующее воскресенье, въ капеллѣ зáмка; васъ приглашаютъ присутствовать на ней».

Поль Астье, спускавшійся къ завтраку изъ своей комнаты въ столовую, почувствовалъ приливъ радостной гордости, слыша эту странную прокламацію; ее выкрикивали отъ Муссо до Онзена, по обоимъ берегамъ Луары, комисіонеры Ваффлара, поставщики траурныхъ принадлежностей. Эти люди въ высокихъ шляпахъ, обвитыхъ крепомъ, спускавшимся широкими полотнищами до самыхъ пятъ, расхаживали по окрестностямъ, потрясая въ воздухѣ массивными колоколами. Извѣстіе о смерти герцога дошло до зáмка Муссо четыре дня спустя и произвело здѣсь такое дѣйствіе на собравшееся общество, какъ внезапный ружейный выстрѣлъ на стаю куропатокъ. Вторая партія гостей немедленно разсѣялась по морскимъ купаньямъ и другимъ загороднымъ мѣстамъ, выбраннымъ на скорую руку, хозяйка дома также безотлагательно уѣхала въ Корсику, оставивъ въ зáмкѣ только близкихъ знакомыхъ. Заунывные голоса глашатаевъ и печальный звонъ колоколовъ, доносимые вѣтромъ съ берега Луары, вся торжественная обстановка этой церемоніи, подобающей скорѣе королевскому сану и не похожей на современную простоту погребальныхъ обрядовъ, производила внушительное впечатлѣніе, придавая зáмку Муссо необыкновенный характеръ величія. Казалось, что его стройныя башни и верхушки столѣтнихъ деревьевъ въ паркѣ выросли теперь еще выше, и съ сознательною гордостью поднимались къ небу. И все это сказочное богатство должно въ скоромъ времени достаться ему, Полю Астье! Герцогиня просила молодаго человѣка подождать здѣсь

ея пріѣзда, чтобы потомъ обсудить съ ней сообща нѣкоторые важные вопросы. Онъ заранѣе догадывался, къ чему клонились слова Антоніи, и объявленіе о смерти герцога звучало для него радостнымъ привѣтствіемъ... «Молитесь за упокой души»... доносились отрывки возгласовъ съ Луары. Наконецъ-то у него въ рукахъ громадное состояніе, и на этотъ разъ Поль не допуститъ одурачить себя... «бывшій сенаторъ, посланникъ и министръ»... звучалъ вдалекѣ монотонный голосъ человѣка съ колоколомъ и въ черномъ крепѣ.

— Не правда ли, какъ тяжело слышать этотъ звонъ, г-нъ Поль? спросила юношу мадемуазель Мозеръ.

Она сидѣла уже за столомъ, между своимъ отцомъ и Ланибуаромъ. Герцогиня оставила Мозеровъ въ Муссо отчасти для развлеченія Поля Астье, отчасти же для того, чтобы дать вздохнуть бѣдной Антигонѣ, порабощенной вѣчной кандидатурой своего отца. Ей нечего было бояться соперничества со стороны этой неказистой дѣвушки съ глазами побитой собаки, съ безцвѣтными волосами, которая вся ушла въ заботу заполучить академическое кресло, ускользавшее отъ старика, точно завѣтный кладъ. Однако, въ то утро, Антигона была одѣта тщательнѣе обыкновеннаго, въ свѣженькомъ платьѣ съ вырѣзомъ на груди. Говоря по правдѣ, то, что виднѣлось въ этомъ вырѣзѣ, было черезчуръ худощаво и жалко, но за неимѣніемъ лучшаго... Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Ланибуаръ; онъ смотрѣлъ на свою сосѣдку масляными глазами и позволялъ себѣ вольныя рѣчи... Его нисколько не смущали зловѣщіе звонки и заунывные возгласы, доносившіеся издалека: «молитесь за упокой души»... Напротивъ, жизнь казалась ему еще лучше вслѣдствіе такого контраста; золотистое вино въ хрустальныхъ графинахъ еще соблазнительнѣе; и сальные анекдоты стараго балагура звучали страннымъ диссонансомъ въ громадной опустѣвшей столовой. Кандидатъ Мозеръ съ темнымъ лицомъ, на которомъ застыло заискивающее выраженіе, подобострастно смѣялся его остротамъ; присутствіе дочери, правда, нѣсколько смущало его, но вѣдь философъ былъ такимъ вліятельнымъ человѣкомъ въ академіи!

Послѣ кофе, выпитаго на террасѣ, Ланибуаръ, разрумянившись, точно краснокожій воскликнулъ:

— Приметесь за работу, мадмуазель Мозеръ:—я чувствую себя въ ударѣ и, пожалуй, кончу сегодня свой докладъ.

Кроткая малютка Мозеръ, исполнявшая иногда роль его секретаря, не безъ сожалѣнія встала съ мѣста. Въ такую хорошую погоду, когда первые осенніе туманы умѣряли солнечный зной,

ей было бы пріятнѣе прогуляться въ паркѣ или поболтать на галереѣ съ Полемъ Астье, такимъ красивымъ и благовоспитаннымъ, чѣмъ писать подъ диктовку Ланибуара хвалебные отзывы о старыхъ преданныхъ служанкахъ и образцовыхъ больничныхъ сторожахъ. Однако, отецъ торопилъ ее:

— Ступай, дочь моя... учитель тебя дожидается.

Она повиновалась и пошла за философомъ въ сопровожденіи старика Мозера, собиравшагося вздремнуть до обѣда. Но что произошло вслѣдъ затѣмъ? Какая драма разыгралась въ комнатѣ Ланибуара, который хотя и обладалъ носомъ Паскаля, но не подражалъ ему въ скромности? Поль Астье долго бродилъ по лѣсамъ, стараясь унять сжигавшую его лихорадку нетерпѣнія. Вернувшись въ замокъ, онъ былъ немало удивленъ, увидѣвъ у парадnаго подъѣзда «брэкъ», запряженный парой рысистыхъ коней, храпѣвшихъ и рвавшихся впередъ. Мадмуазель Мозеръ уже сидѣла въ экипажѣ посреди саквояжей и тощихъ чемоданчиковъ, тогда какъ старикъ Мозеръ съ растеряннымъ видомъ рылся въ своихъ карманахъ, одѣляя скудными подачками двоихъ или троихъ лакеевъ съ насмѣшливыми лицами. Поль подошелъ къ брэку.

— Какъ, вы уѣзжаете, сударыня? спросилъ онъ дѣвушку.

Мадмуазель Мозеръ молча протянула ему холодную потную руку безъ перчатки и, не отрывая платка отъ заплаканныхъ глазъ, кивнула въ знакъ прощанья головой, захлебываясь рыданіями. Архитектору не удалось узнать ничего болѣе обстоятельнаго и отъ ея отца. Злополучный кандидатъ, влѣзая на подножку экипажа, пролепеталъ только съ сердитымъ и несчастнымъ видомъ:

— Это она, это она захотѣла уѣхать... Моя дочь говоритъ, будто бы ее оскорбили... но я, право, не могу повѣрить...

Онъ тяжело вздохнулъ; широкая «академическая» морщина поперекъ его лба врѣзалась какъ будто еще глубже и побагровѣла, точно рубецъ отъ сабельнаго удара.

— Да, это ужасно невыгодно отзовется на моемъ избраніи, заключилъ старикъ и безнадежно махнулъ рукой.

Садясь за обѣдъ противъ Поля Астье, Ланибуаръ, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился къ нему:

— Не знаете ли вы, по какой причинѣ наши друзья Мозеры такъ внезапно покинули замокъ?

— Нѣтъ, любезный учитель, а вы?..

— Странно!.. Странно!..

Онъ старался казаться спокойнымъ, чтобы не выдать себя

передъ прислугой, узнавшей о приключеніи, но было видно, что старый волокита не на шутку встревоженъ. Его прежній задоръ прошелъ и смѣнился страхомъ за послѣдствія происшедшаго скандала. Но мало по малу безпредѣльный оптимизмъ этого человѣка восторжествовалъ надъ непріятными опасеніями. Превосходный обѣдъ примирилъ Ланибуара съ жизнью, и наконецъ онъ сознался своему юному пріятелю, что дѣйствительно зашелъ слишкомъ далеко съ милой дѣвочкой.

— Но что прикажете дѣлать? оправдывался онъ.—Вѣдь отецъ самъ навязываетъ ее мнѣ, не даетъ проходу...

Можно быть докладчикомъ о преміяхъ за добродѣтель, но все таки же... чортъ возьми! И Ланибуаръ потрясъ рюмкой съ побѣдоноснымъ видомъ.

— А что скажетъ герцогиня? озадачилъ его Поль.

Мадмуазель Мозеръ, конечно, объяснитъ ей настоящую причину своего отъѣзда.

Философъ поблѣднѣлъ.

— Вы думаете?

Поль нарочно старался запугать его, чтобы избавиться отъ неудобнаго свидѣтеля. Если молодая дѣвушка смолчитъ, то кто нибудь изъ слугъ можетъ проболтаться. И архитекторъ прибавилъ въ подтвержденіе своихъ словъ, подергивая кончикомъ своего лукаваго носа:

— На вашемъ мѣстѣ, любезный учитель...

— Полноте, пожалуйста! Все ограничится небольшой сценой ревности, которая только подвинетъ впередъ мои дѣла... Женщины въ этомъ схожи съ нами: любовныя исторіи только возвышаютъ мужчину въ ихъ глазахъ.

Ланибуаръ храбрился, однако наканунѣ пріѣзда герцогини онъ сталъ отговариваться предстоящими академическими выборами, вечернею сыростью, вредной для ревматиковъ, и обратился въ бѣгство, увезя съ собой въ чемоданѣ доконченный докладъ.

Антонія вернулась какъ разъ къ воскресной заупокойной обѣднѣ, отслуженной съ большой торжественностью въ капеллѣ зáмка. Многосторонній геній Ведрина съумѣлъ придать этому маленькому храму въ стилѣ возрожденія его прежній характеръ; въ особенности здѣсь обращали на себя вниманіе живопись на стеклѣ и скульптурныя украшенія алтаря. Громадная толпа крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень, разряженная въ безобразные сюртуки, въ синія блузы, съ бѣлыми чепчиками на головахъ, съ туго накрахмаленными платками на шеѣ, оттѣнявшими загорѣлыя лица, переполняла церковь, тѣснилась у входа и на парадномъ

дворѣ. Этихъ людей привлекала сюда не религіозная церемонія, не желаніе отдать послѣдній долгъ усопшему герцогу, совершенно незнакомому жителямъ Муссо,—ихъ соблазнилъ обѣщанный послѣ службы поминальный обѣдъ на открытомъ воздухѣ. Въ безконечной главной аллеѣ, ведущей къ замку, были разставлены по обѣимъ сторонамъ скамейки и длинные столы; послѣ богослуженія здѣсь легко могло размѣститься отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ. Сначала величественная обстановка герцогской тризны стѣсняла простолюдиновъ, ихъ смущали проворные лакеи въ траурѣ и лѣсничіе съ крепомъ на фуражкѣ. Крестьяне перешептывались между собою подъ величественной тѣнью вязовъ, однако потомъ вино и вкусное угощенье воодушевили гостей; мало по малу похоронный обѣдъ превратился въ веселое пиршество.

Чтобы не присутствовать на этихъ вульгарныхъ поминкахъ, герцогиня и Поль Астье поѣхали кататься по окрестностямъ въ открытомъ ландо, обтянутомъ чернымъ сукномъ. Высокіе гайдуки съ кокардами и длинная вдовья вуаль на лицѣ герцогини привели на умъ молодому человѣку другія поѣздки такого же рода. Онъ думалъ про себя: «Въ моихъ романахъ, какъ нарочно, всегда замѣшанъ покойникъ». Тутъ ему, не безъ сожалѣнія, вспомнилось личико Коллеты Розенъ, обрамленное короткими кудрями и казавшееся еще свѣжѣе отъ черной одежды. Утомленная путешествіемъ, въ траурномъ туалетѣ, сдѣланномъ на скорую руку, герцогиня хотя и не была особенно интересна, но зато брала перевѣсъ надъ Коллетой своими величавыми манерами, чего совершенно недоставало молоденькой княгинѣ. Кромѣ того, покойный герцогъ Падовани не торчалъ бѣльмомъ на глазу у новаго обожателя: Антонія, при своей прямотѣ, не хотѣла прикидываться огорченной, какъ это дѣлаютъ другія жены, даже въ томъ случаѣ, когда онѣ ненавидѣли и безсовѣстно обманывали умершихъ мужей. Подъ звонкими ударами лошадиныхъ копытъ, дорога разстилалась гладкой скатертью, то поднимаясь на возвышенности, то спускаясь по отлогимъ скатамъ; она извивалась и между дубовыхъ рощъ, и между обширныхъ равнинъ, по которымъ проносились стаи воронъ, кружась возлѣ стоговъ сѣна. Хмурое небо съ нависшими дождевыми облаками иногда на минуту прояснялось, пропуская блѣдные солнечные лучи; въ защиту отъ холоднаго осенняго вѣтра колѣни герцогини и Поля были прикрыты однимъ и тѣмъ же мѣховымъ одѣяломъ. Антонія разсказывала о Корсикѣ и объ удивительныхъ стихахъ, которые импровизировала на похоронахъ ея горничная.

— Матэа?..

— Да, Матэа. Это замѣчательный поэтъ, представьте себѣ.

И герцогиня продекламировала отрывокъ оды на гордомъ простонародномъ языкѣ корсиканцевъ, такъ прекрасно гармонировавшемъ съ ея контральто. Что же касается до обсужденія важныхъ вопросовъ, на которые Антонія намекала передъ отъѣздомъ, то о нихъ не было и рѣчи.

А между тѣмъ они интересовали Поля гораздо сильнѣе, чѣмъ поэтическій даръ камеристки; вѣроятно, герцогиня отложила серьезный разговоръ до вечера. Успокоившись на этой мысли, онъ принялся забавлять ее разсказами о приключеніяхъ Ланибуара и о томъ, какъ ловко удалось ему избавиться отъ академика.

— Бѣдная малютка Мозеръ, говорила, смѣясь, Антонія. — Нужно непремѣнно устроить такъ, чтобы ея отецъ былъ избранъ. Она заслужила это.

Послѣ того, они обмѣнивались лишь короткими фразами, съ наслажденіемъ прижимаясь другъ къ другу, убаюканные мѣрной качкой ландо. Сумерки спускались на окрестныя поля и въ полутьмѣ ярко вспыхивало, похожее на бѣглую зарницу, мерцающее зарево надъ огромными трубами чугуноплавильнаго завода. Къ несчастью, возвращеніе съ прогулки было испорчено: толпы крестьянъ, шедшихъ съ поминокъ, кричали, распѣвали пьяныя пѣсни, бросались подъ колеса экипажа, точно дикія животныя, скатывались въ канавы по обѣимъ сторонамъ дороги; оттуда доносился неистовый храпъ и другіе подозрительные звуки. Такъ простонародье, въ окрестностяхъ Муссо, справляло поминки по «высочайшемъ и могущественномъ вельможѣ и герцогѣ».

Вернувшись въ замокъ, Антонія и Поль Астье бродили, какъ обыкновенно, по галереѣ; она нѣжно прижималась къ его плечу, любуясь ночнымъ небомъ, виднѣвшимся въ пролетахъ между арками, и задумчиво шептала:

— Какъ здѣсь хорошо... вдвоемъ... наединѣ!

Но о томъ, что интересовало Поля, опять таки ни полслова... Онъ старался навести ее на это и, прижавъ герцогиню къ себѣ, касаясь губами ея волосъ, шопотомъ освѣдомился о планахъ Антоніи на предстоящую зиму. Думаетъ ли она вернуться въ Парижъ? О, конечно, нѣтъ; Парижъ ей опротивѣлъ съ его лживымъ обществомъ, которое вѣчно носитъ маску и вѣчно готово на предательство. Но герцогиня пока еще колебалась между двумя проэктами: поселиться затворницей въ Муссо или предпринять далекое путешествіе въ Сирію и Палестину. Что думаетъ объ этомъ Поль? Такъ вотъ въ чемъ заключались важныя рѣшенія, которыя имъ предстояло обсудить! Въ сущности это былъ только

предлогъ удержать любовника возлѣ себя; Антонію пугала мысль, что Поль измѣнитъ ей ради другой женщины, если вернется одинъ въ Парижъ. Но молодой человѣкъ, думая, что она его дурачитъ, только отмалчивался, кусая губы. «А, такъ-то, моя милая!.. Ну, мы посмотримъ!» говорилъ онъ себѣ. Усталая послѣ путешествія и долгой прогулки въ экипажѣ, герцогиня направилась томной, лѣнивой походкой въ свою спальню, многозначительно пожавъ руку Полю; на это онъ обыкновенно отвѣчалъ чуть слышнымъ и нѣжнымъ: «до скораго свиданія!» Потомъ онъ ожидалъ Антонію у своихъ дверей, прислушиваясь къ ея шагамъ... И какъ славно вознаграждали они себя тогда за притворное равнодушіе, которое выказывали одинъ другому при постороннихъ. Условная фраза: «до скораго свиданія!» означала цѣлую ночь упоительныхъ ласкъ. Однако, въ тотъ вечеръ Поль Астье не сказалъ ничего. Не смотря на нѣкоторую досаду, герцогиня увидѣла въ его поступкѣ деликатность и уваженіе къ ея недавней потерѣ. Онъ, очевидно, не хотѣлъ оскорблять памяти усопшаго, по которомъ совершались сегодня поминки. И Антонія спокойно заснула, находя это очень благороднымъ.

На другое утро они не видались вовсе; герцогиня занялась дѣлами, она провѣряла счеты метрдотеля и своихъ фермеровъ къ немалому восхищенію нотаріуса, почтеннаго Годино. Завтракая вдвоемъ съ Полемъ, тотъ замѣтилъ ему съ веселымъ лукавствомъ въ каждой морщинкѣ своего старческаго лица: «Вотъ женщина, которую не проведешь!»

«Ну, это мы посмотримъ!» мысленно возразилъ ему юноша, теребя свою бѣлокурую бородку.

Однако, слыша издали, сколько твердости и хладнокровія было въ нѣжномъ контральто Антоніи, когда дѣло шло о деньгахъ, онъ далъ себѣ слово держаться съ ней на сторожѣ.

Послѣ завтрака, изъ Парижа прибыли ящики; при нихъ находилась старшая закройщица отъ Шприхта и двѣ швеи. Часамъ къ четыремъ хозяйка вышла изъ своихъ комнатъ въ превосходномъ костюмѣ, въ которомъ она казалась совсѣмъ молоденькой и стройной. Герцогиня предложила Полю пройтись съ нимъ по парку. Они шли рядомъ, одинаково быстрой походкой, вдоль широкихъ аллей, обходя тѣ мѣста, гдѣ садовники шумѣли граблями, сгребая сухіе листья. За это занятіе они принимались по три раза въ день, но, не смотря на всѣ усилія, какой нибудь часъ спустя, дорожки и лужайки снова покрывались точно пестрымъ восточнымъ ковромъ роскошныхъ оттѣнковъ, начиная съ ярко-пурпурнаго до золотистаго, зеленаго и свѣтло-коричневаго.

Упавшіе листья шелестили подъ ногами гуляющихъ; а косые лучи мягкаго осенняго солнца освѣщали картину меланхолической природы. Антонія говорила своему спутнику о покойномъ мужѣ, отъ котораго много натерпѣлась въ молодые годы; она хотѣла дать понять Полю Астье, что носитъ по немъ трауръ только изъ приличія, но вовсе не чувствуетъ себя огорченной. Поль прекрасно понималъ ее и улыбался про себя, твердо рѣшившись не измѣнять своей тактикѣ равнодушія.

На самомъ концѣ парка они сѣли возлѣ павильона, обсаженнаго кленами; здѣсь хранились зимою рыболовные снаряды и лодки. Передъ ними разстилались зеленыя лужайки въ видѣ отлогихъ скатовъ, высокія и низкія рощицы, мѣстами позолоченныя солнцемъ, а на заднемъ планѣ возвышался замокъ; теперь почти всѣ окна въ немъ были заперты, террасы опустѣли, но этотъ видъ запущенности придавалъ ему внушительный характеръ стариннаго историческаго памятника.

— Какъ жаль покинуть все это... сказалъ молодой архитекторъ, подавляя вздохъ.

Антонія взглянула на него, сдвинувъ брови... уѣхать, онъ хотѣлъ уѣхать?.. Зачѣмъ?

— Жизнь предъявляетъ свои требованія:.. Къ сожалѣнію, намъ необходимо...

— Разстаться?.. А какъ же я? А далекое путешествіе, которое мы намѣрены предпринять вдвоемъ?

— Я только не хотѣлъ противорѣчить вамъ .. Но развѣ бѣдному художнику возможно на самомъ дѣлѣ отправиться въ Палестину? Все это неосуществимыя мечты!.. Ведринъ также собирался поѣхать на Нилъ, а потомъ ограничился плаваніемъ на досчаникѣ по Луарѣ.

Герцогиня пожала своими прекрасными плечами патриціанки:

— Послушайте, Поль, что́ за ребячество!.. Развѣ все, чѣмъ я могу располагать, не принадлежитъ вамъ?

— По какому праву?

Онъ высказался, но она пока не догадывалась, къ чему собственно клонится его рѣчь. Впрочемъ, Поль боялся испортить дѣло излишней торопливостью и потому поспѣшилъ оговориться.

— Я хочу сказать, въ качествѣ кого, въ глазахъ свѣта, я стану путешествовать съ вами?

— Ну, такъ останемся въ Муссо!

Онъ поклонился съ оттѣнкомъ грустной иронiи.

— Вашему архитектору здѣсь больше нечего дѣлать.

— Пустяки! Для него найдется работа... хотя бы даже съ

этой цѣлью мнѣ пришлось сегодня ночью произвести въ замкѣ пожаръ.

Она смѣялась своимъ красивымъ страстнымъ смѣхомъ, прижимаясь къ Полю, взявъ его за руки и лаская ими свое лицо. Милыя шалости! Однако съ ея губъ не срывалось завѣтнаго слова, котораго онъ жаждалъ и добивался. Наконецъ, молодой человѣкъ пылко замѣтилъ:

— Если я дорогъ вамъ, Марія-Антонія, то отпустите меня; мнѣ нужно работать для себя и для родителей... Свѣтъ не проститъ мнѣ, если я буду жить на счетъ женщины, которая не обвѣнчана со мною и никогда не будетъ моей женой.

Она поняла и закрыла глаза, точно передъ ней разверзлась глубокая пропасть. Среди наступившей тишины, было слышно, при легкомъ вѣткѣ, паденіе листьевъ во всемъ обширномъ паркѣ. Одни изъ нихъ, еще сочные, падали шумно съ вѣтки на вѣтку; другіе, высохшіе, производили чуть замѣтный шелестъ, точно легкое женское платье, и вокругъ павильона, подъ кленами, раздавались какіе-то загадочные, едва уловимые звуки, какъ будто осторожные шаги молчаливой толпы людей. Герцогиня встала съ дрожью во всемъ тѣлѣ.

— Становится холодно, замѣтила она:—пойдемте домой.

Ея рѣшеніе было принято. Антонія пожертвовала своимъ чувствомъ. Пожалуй, это будетъ стоить ей жизни, но свѣтъ не станетъ смѣяться надъ герцогиней Падовани, которая обратилась въ г-жу Поль Астье, выйдя замужъ за своего архитектора.

Поль посвятилъ весь вечеръ на сборы къ отъѣзду. Не спѣша и не волнуясь, онъ отдалъ приказаніе уложить свои чемоданы, наградилъ прислугу съ княжескою щедростью, освѣдомился о часѣ отхода поѣздовъ и все время весело шутилъ, не обнаруживая ни малѣйшей досады. Прекрасная Антонія не говорила съ нимъ ни слова, погрузившись для виду въ чтеніе журнала, хотя не перевернула въ немъ ни одной страницы. Только на прощанье, когда молодой человѣкъ съ чувствомъ поблагодарилъ за оказанное ему продолжительное и радушное гостепріимство, онъ замѣтилъ при свѣтѣ лампы, падавшемъ изъ подъ широкаго кружевнаго абажура, сколько душевной муки было на гордомъ лицѣ Антоніи; ея прекрасные глаза смотрѣли жалобно, точно у смертельно раненной лани.

Придя въ свою комнату, юноша прежде всего удостовѣрился, заперта ли задвижка двери въ курильную комнату; потомъ онъ погасилъ огонь и сталъ дожидаться. Если герцогиня не придетъ, значитъ, онъ ошибся въ разсчетѣ и нужно начинать все съизнова...

Но вотъ послышался тихій шелестъ шолковаго пеньюара въ узкомъ потайномъ проходѣ. Пришедшая хотѣла прямо войти въ маленькую дверь и удивилась, найдя ее запертою; она постучалась, но робко и еле слышно. Поль не двинулся съ мѣста и даже не кашлянулъ; герцогиня ушла обратно нервной, нетвердой поступью.

«Теперь, подумалъ юноша:—она попалась... Я сдѣлаю изъ нея, что́ хочу».

И онъ спокойно легъ въ постель.

«Еслибъ я назывался княземъ Атисомъ, вы, конечно, вышли бы за меня замужъ по окончаніи срока вашего траура... Между тѣмъ Атисъ не любилъ васъ, а Поль Астье любитъ пламенно; гордый своею любовью, онъ хотѣлъ бы объявить о ней передъ цѣлымъ свѣтомъ, вмѣсто того, чтобы скрывать ее отъ людскихъ глазъ, какъ позоръ. Ахъ, Мари-Анто, Мари-Анто!.. какую прекрасную мечту лелѣялъ я... Простите навѣки».

Она прочитала это письмо, только что открывъ глаза, опухшіе за ночь отъ слезъ.

— Г-нъ Астье уже уѣхалъ?

Камеристка, поднимавшая шторы, какъ разъ увидала карету Поля въ концѣ аллеи. Остановить его было слишкомъ поздно. Герцогиня вскочила съ кровати и подбѣжала къ стѣннымъ часамъ.

— Всего только девять часовъ! воскликнула она.

Курьерскій поѣздъ приходилъ въ Онзенъ ровно въ десять.

— Скорѣй послать гонца... Бертоли... на лучшей лошади!

Лѣсомъ, по кратчайшей дорогѣ, можно опередить экипажъ. Пока ея приказанія торопливо исполнялись, Антонія писала стоя, почти совершенно раздѣтая: «Вернитесь обратно... все пойдетъ по вашему желанію». Нѣтъ, такъ слишкомъ сухо! Онъ не вернется изъ-за такой малости. Разорвавъ записку, она набросала другую: «Твоей женой, твоей любовницей, чѣмъ ты хочешь, но только быть твоею!» и подписала свое имя: «герцогиня Падовани». Но тутъ ей опять пришло въ голову, что Поль отвергнетъ ея мольбу.

— Я поѣду сама! неожиданно рѣшила Антонія. Скорѣй — мою амазонку!

И она высунулась изъ окна, приказывая Бертоли, лошадь котораго громко фыркала у параднаго подъѣзда, осѣдлать для нея «мадмуазель Ожэ».

Герцогиня уже пять лѣтъ не ѣздила верхомъ. Корсажъ амазонки трещалъ на ея растолстѣвшей таліи; нѣсколько крючковъ отлетѣло.

— Оставь, Матэа, оставь! говорила она горничной, помогавшей ей одѣваться.

Поддерживая рукою шлейфъ, Антонія съ растерянным видомъ спустилась съ лѣстницы посреди изумленныхъ лакеевъ, вскочила въ сѣдло и помчалась вдоль главной аллеи. Вотъ она уже за воротами, на большой дорогѣ; вотъ надъ ея головою навѣсъ полуобнаженныхъ лѣсныхъ деревьевъ, вотъ снова проселокъ... Смѣлая наѣздница летитъ стрѣлой, не видя ничего передъ собою. Она хочетъ догнать его, онъ ей иуженъ, этотъ юноша, этотъ любовникъ, который заставляетъ ее безъ конца умирать и опять возрождаться! Теперь, когда она узнала любовь, что́ ей за дѣло до всего остальнаго? Пригнувшись къ лукѣ сѣдла, герцогиня всматривается вдаль, нейдетъ ли поѣздъ, и чутко прислушивается къ пыхтѣнью паровоза... Только бы поспѣть во время!.. Бѣдная, безразсудная женщина! Еслибъ она даже ѣхала шагомъ, то и тогда догнала бы красиваго бѣглеца, потому что въ немъ воплотился ея злой рокъ, отъ котораго никуда не уйдешь.

XIV.

«Жерменѣ де-Фрейдэ.
Вилла Босежуръ.
Парижъ-Пасси.

Кафе д'Орсэ. Одиннадцать часовъ. За завтракомъ.

«Каждые два часа, а, если можно, и чаще я буду посылать тебѣ сегодня телеграмму, дорогая сестра, чтобы успокоить твою тревогу и быть съ тобою во весь этотъ длинный день, который я надѣюсь закончить побѣднымъ бюллетенемъ, не смотря на нѣкоторые недочеты, обнаруженные въ послѣднюю минуту. Пишераль сейчасъ передалъ мнѣ ядовитое замѣчаніе Ланибуара: «въ академію входятъ со шпагою на боку, а не въ рукахъ». Это намекъ на дуэль Астье. Конечно, я не дрался на поединкѣ, но противный старикъ, какъ видно, дорожитъ больше своей остротой, чѣмъ даннымъ мнѣ обѣщаніемъ. На Данжу тоже нечего разсчитывать. Столько разъ я слышалъ отъ него фразу: «Примкните къ намъ», а сегодня, въ секретарской, онъ мнѣ шепнулъ уже совсѣмъ иное: «заставьте прежде за собой поухаживать»... Это, пожалуй, самое лучшее словцо изъ его репертуара. Но впрочемъ—все равно! Мои акціи стоятъ высоко. Конкуренты у меня не опасные. Вопервыхъ, баронъ Гюшнаръ, авторъ «Обитателей пещеръ». Да, весь Парижъ возстанетъ, если его изберутъ въ

академики! Что касается Дальзона, то я удивляюсь его смѣлости. Вѣдь у меня въ рукахъ его знаменитая книга! Правда, я колеблюсь пока воспользоваться этимъ орудіемъ противъ своего соперника, но, пожалуй, буду принужденъ прибѣгнуть къ нему».

„Два часа.

„Теперь я въ самой академіи, въ квартирѣ моего добрѣйшаго наставника, гдѣ дождусь результата баллотировки... Не знаю, правъ ли я, но мнѣ показалось, будто бы мой приходъ, о которомъ супруги Астье, впрочемъ, знали заранѣе, произвелъ здѣсь переполохъ. Наши друзья кончали завтракъ. Вдругъ поднялась суматоха, захлопали дверьми: Корентина, вмѣсто того, чтобы отворить передо мной гостинную, втолкнула меня въ архивъ, куда ко мнѣ вышелъ наконецъ почтенный Астье; онъ видимо стѣснялся, говорилъ тихо и былъ очевидно разстроенъ. Старикъ совѣтовалъ мнѣ не волноваться. Я спросилъ, не дошли ли до него неблагопріятные слухи. «Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое»... Онъ пожалъ мнѣ руку и прибавилъ: «Не падайте духомъ». Съ нѣкоторыхъ поръ бѣднякъ сдѣлался самъ не свой. Такъ и видно, что у него на душѣ тяжело и ему ничто не мило. Конечно, у Астье какое нибудь тайное и глубокое горе, которое не имѣетъ ничего общаго съ моей кандидатурой, но, при моемъ теперешнемъ душевномъ состояніи, по неволѣ становишься подозрителенъ.

Еще цѣлый часъ дожидаться! Я коротаю время, разсматривая по ту сторону двора, сквозь громадное окно, въ парадной залѣ ряды бюстовъ академиковъ. «Пожалуй, это счастливое предзнаменованіе? »

„Три четверти третьяго.

«Сейчасъ видѣлъ, какъ проходили мимо мои судьи, числомъ тридцать семь, если я не ошибся въ счетѣ; академія почти въ полномъ своемъ составѣ; не достаетъ только Эпеншара, уѣхавшаго въ Ниццу, Рипо-Бабека, который лежитъ въ постели, и Луазильона, удалившагося на вѣчный покой, на кладбище Пэръ-Лашезъ. Какое великолѣпное зрѣлище представляли собою эти знаменитые мужи, вступая во дворъ академіи! Молодые шли медленно, съ серьезнымъ видомъ, склонивъ голову, какъ будто подъ тяжестью черезчуръ тяжелой отвѣтственности; зато старики держатся молодцами. Нѣкоторые изъ нихъ, подагрики и ревматики, какъ Курсонъ-Лонэ, подъѣзжаютъ въ экипажѣ къ самому входу и поднимаются по лѣстницѣ съ дружеской помощью одного изъ товарищей. Но они не сейчасъ идутъ на верхъ, а разговариваютъ внизу маленькими группами, поводя спиной, плечами и ши-

роко разставляя руки. Чего бы я не далъ, чтобы слышать ихъ споры, отъ которыхъ зависитъ моя участь! Съ этой цѣлью я осторожно открылъ окно, но вдругъ на академическій дворъ въѣхала, тяжело громыхая, карета, нагруженная чемоданами; изъ нея вышелъ путешественникъ, закутанный въ мѣха, въ шапкѣ изъ выдры. Представь себѣ, дорогая, это былъ Эпеншаръ! Онъ нарочно покинулъ Ниццу, чтобы подать за меня голосъ. Вотъ честная душа!... Вслѣдъ за нимъ прошелъ мой учитель, сгорбившись подъ шляпой съ широкими полями; онъ перелистывалъ экземпляръ «Совершенно обнаженной», который я рѣшился наконецъ ему дать, на всякій случай... Что дѣлать? Надо какъ нибудь отстаивать свои интересы. Потомъ мнѣ уже нечего было разсматривать, кромѣ двухъ пустыхъ каретъ, оставшихся у подъѣзда, и бюста Минервы на стражѣ у храма мудрости. Прими меня подъ свою охрану, богиня! На верху начинается теперь перекличка и допросъ, причемъ всякій академикъ долженъ подтвердить директору, что никому не обѣщалъ своего голоса. Пустая формальность, какъ ты можешь себѣ представить; на вопросъ отвѣчаютъ отрицательной улыбкой или киваньемъ головы, по примѣру китайскихъ уродцевъ».

* * *

«Произошло нѣчто неслыханное. Я только что передалъ свою депешу Корентинѣ и высунулся изъ окна съ книгой въ рукѣ, желая освѣжиться, какъ вдругъ изъ сосѣдняго окошка рядомъ со мною показалась голова Гюшнара... Гюшнаръ, мой конкурентъ, заклятый врагъ Астье-Регю, у него въ кабинетѣ!... Пораженные оба такой неожиданностью, мы поклонились одинъ другому и спрятались въ глубину комнаты... Но онъ тамъ, я слышу, я чувствую, что баронъ находится за этой перегородкой. Нѣтъ сомнѣнія, онъ, также, какъ и я, выжидаетъ результатовъ баллотировки, но ему отведенъ просторный вильменевскій салонъ, а мнѣ тѣсный чуланъ, загроможденный старыми бумагами! Теперь я понимаю, отчего мой приходъ произвелъ такой переполохъ... Но съ какою цѣлью это дѣлается? Какимъ образомъ? Дорогая сестра, моя голова идетъ кругомъ. Кто здѣсь служитъ посмѣшищемъ?»

* * *

«Несчастье и предательство! низкая академическая интрига, къ которой пока я не нашелъ ключа!

«Первая баллотировка.

Баронъ Гюшнаръ.	17	голосовъ.
Дальзонъ . . .	15	»
Виконтъ де-Фрейдэ	5	»
Мозеръ	1	»

Вторая баллотировка.

Баронъ Гюшнаръ.	19	голосовъ.
Дальзонъ . . .	15	»
Виконтъ де-Фрейдэ	3	»
Мозеръ	1	»

Третья баллотировка.

Баронъ Гюшнаръ .	33	голоса.
Дальзонъ	4	»
Виконтъ де-Фрейдэ.	0	» (!!)
Мозеръ	1	»

«Очевидно, между второй и третьей баллотировкой экземпляръ «Совершенно обнаженный» циркулировалъ между присутствующими къ выгодѣ барона Гюшнара... Объясненіе! Я хочу его, я требую и не выйду отсюда, пока мое желаніе не будетъ исполнено!»

Четыре часа.

«Можешь себѣ представить, дорогая сестра, мое волненіе, при встрѣчѣ съ дорогимъ наставникомъ. Дѣло происходило такъ: сначала въ сосѣднюю комнату явилось множество посѣтителей съ Жаномъ Регю во главѣ; всѣ они наперерывъ поздравляли автора «Обитателей пещеръ», наконецъ отворилась дверь архива и на порогѣ показался Леонардъ Астье. Онъ протянулъ мнѣ обѣ руки и заговорилъ: «Простите, дорогое дитя»...—тутъ его голосъ прервался отъ волненія—«простите... этотъ человѣкъ держалъ меня за горло... Я былъ принужденъ.... меня поставили въ безвыходное положеніе.... я надѣялся отвратить громадное несчастіе, которое мнѣ грозитъ, но, вѣрно, человѣку нельзя избѣжать того, что́ ему суждено, даже цѣною подлости». Старикъ открылъ объятія, и я бросился къ нему на шею, простивъ его отъ всей души и даже не понимая, на какое таинственное горе намекалъ мой наставникъ.

«Въ концѣ концовъ, я все таки добьюсь своего и очень скоро. Насчетъ Рипо-Бабэна самыя утѣшительныя извѣстія: сомнительно, чтобы онъ дотянулъ до конца недѣли. Тогда придется опять начинать все съизнова, дорогая сестра. Къ несчастью, въ салонѣ

Падовани, по случаю глубокаго траура, не будетъ пріемовъ цѣлую зиму. Значитъ, мнѣ нужно дѣйствовать, пользуясь пріемными днями г-жъ Астье, Анселенъ, Эвиза; ея понедѣльники вошли въ моду, съ тѣхъ поръ какъ великій герцогъ удостоилъ ихъ своимъ присутствіемъ. Но прежде всего, милая Жермена, намъ необходимо перемѣнить квартиру. Пасси черезчуръ отдаленное мѣсто; академія туда не поѣдетъ. Ты скажешь, что я не даю тебѣ покою, но вѣдь это такъ важно! Посмотри на Гюшнара, у него не было другихъ правъ на полученіе академическаго кресла, кромѣ его пріемовъ... Сегодня я обѣдаю у своего дорогаго наставника; не жди меня.

Твой нѣжно любящій братъ,

Абель де-Фрейдэ».

P. S. «Единственный голосъ въ пользу Мозера, при всѣхъ баллотировкахъ, принадлежалъ Ланибуару, докладчику о преміяхъ за добродѣтель. На эту тэму сочинили очень пикантный анекдотъ!... Но Богъ съ ними! Вотъ гдѣ оборотная сторона академическаго купола... Какая комедія»!

XV.

— Это неслыханно!

— Господа, нужно отвѣчать. Академія обязана смыть съ себя пятно.

— Вы такъ полагаете? Напротивъ, академія, изъ уваженія къ себѣ...

Безсмертные, предъ началомъ засѣданія, горячо спорили между собою въ залѣ частныхъ собраній, передъ громаднымъ каминомъ, надъ которымъ красуется портретъ кардинала Ришельё во весь ростъ. Тусклый свѣтъ пасмурнаго и холоднаго зимняго дня, проходя сквозь широкое окно въ потолкѣ, придавалъ особенную ледяную торжественность мраморнымъ бюстамъ, стоявшимъ на консоляхъ по стѣнамъ. Обширный очагъ въ каминѣ, почти такой же красный отъ ярко пылавшаго огня, какъ и кардинальская мантія на портретѣ, напрасно усиливался согрѣть своимъ жаромъ это подобіе парламента въ миніатюрѣ или судейской залы, съ его креслами, обтянутыми зеленой кожей, длиннымъ столомъ въ видѣ полукруга передъ трибуной, и приставомъ въ цѣпи, стоящимъ на стражѣ у двери, недалеко отъ секретаря Пишераля.

Въ обыкновенное время, для академиковъ это самый пріятный моментъ, когда они поджидаютъ опоздавшихъ на засѣданіе,

и, сходясь маленькими группами, дружески болтають вполголоса о томъ, о семъ, спиной къ камину съ приподнятыми фалдами. Но сегодня разговоръ сдѣлался всеобщимъ, и его тонъ повысился до жаркаго спора; вновь прибывшіе спѣшили присоединиться къ нему еще у порога, внося свою фамилію въ присутственный списокъ. Нѣкоторые изъ нихъ, даже не успѣвъ войти и сбрасывая съ себя шубы, теплые шарфы и калоши въ пустынной залѣ академіи наукъ, пріотворяли дверь, чтобы крикнуть: «это гадко! неслыханно!»

Причина такого переполоха заключалась въ слѣдующемъ: одна утренняя газета перепечатала крайне рѣзкій отзывъ флорентинской академіи о «Галилеѣ» Астье-Регю и о приложенныхъ къ нему историческихъ документахъ, завѣдомо вымышленныхъ и смѣхотворныхъ (sic). Эта статья, сообщенная подъ большимъ секретомъ директору французской академіи, возбудила скрытое недовольство «безсмертныхъ»; они, вотъ уже нѣсколько дней, напряженно выжидали, на что рѣшится Астье-Регю. Леонардъ, на всѣ разспросы, лаконически отвѣчалъ: «Знаю, знаю... Я принялъ нужныя мѣры». И вдругъ ѣдкій отзывъ флорентинскихъ ученыхъ, который тщательно скрывали, во избѣжаніе скандала, появился въ то утро на первой страницѣ самаго распространеннаго парижскаго журнала, съ оскорбительными коментаріями насчетъ личности непремѣннаго секретаря и всей академической клики. Это вызвало всеобщій ропотъ, озлобленіе и ярость противъ безсовѣстнаго журналиста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ глупости Астье-Регю, навлекшаго на сотоварищей эти обидныя нападки, прекратившіяся съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ французская академія стала осторожно отворять свои двери дѣятелямъ мелкой прессы. Запальчивый Ланибуаръ, любившій хвастаться своимъ молодечествомъ, собирался отрѣзать уши репортеру, такъ что двое или трое безсмертныхъ едва удержали его отъ такого кроваваго замысла. «Образумьтесь, Ланибуаръ. Шпагу слѣдуетъ носить на боку, а не въ рукахъ; это ваше собственное изреченіе. Чортъ возьми! Хотя онъ и принятъ академіей...»

— Вамъ извѣстно, господа, что Плиній старшій, въ книгѣ XIII своей естественной исторіи...—неожиданно раздался голосъ Газана, ввалившагося въ залу своей неуклюжей походкой, точно неповоротливый гиппопотамъ. Онъ продолжалъ, громко отдуваясь: «Плиній старшій упоминаетъ уже о поддѣлкахъ рукописей, между прочимъ, о подложномъ письмѣ Пріама на папирусѣ...»

— Господинъ Газанъ забылъ расписаться, перебилъ его рѣзкій фальцетъ Пишераля.

— Ахъ, извините...

И толстякъ пошелъ расписываться, продолжая свою исторію о папирусѣ и царѣ Пріамѣ, но его голосъ затерялся въ общемъ спорѣ, гдѣ можно было разобрать только одно слово: «академія... академія...»; всѣ говорили о ней, какъ о живомъ, реальномъ лицѣ, и каждый воображалъ, что онъ умѣетъ понять и выразить ея настоящее значеніе лучше другихъ. Приходъ Астье-Регю положилъ конецъ безпорядочному шуму; вошедшій расписался и съ полнымъ самообладаніемъ положилъ на свое секретарское мѣсто тяжелый портфель; потомъ онъ подошелъ къ товарищамъ, говоря:

— Господа, я долженъ сообщить вамъ непріятную новость... Мною были посланы въ публичную библіотеку для экспертизы отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ автографовъ, составлявшихъ мою, такъ называемую, коллекцію, и вотъ, милостивые государи, все это оказалось подложнымъ, рѣшительно все. Флорентинская академія сказала правду:—я сдѣлался жертвой страшнаго мошенничества.

Пока Астье вытиралъ крупныя капли пота, выступившія у него на лбу послѣ такого признанія, кто-то спросилъ его наглымъ тономъ:

— Ну, и на чемъ же вы порѣшили, господинъ непремѣнный секретарь.

— Мнѣ, господинъ Данжу, не оставалось ничего болѣе, какъ пожаловаться въ судъ, что́ я и сдѣлалъ...

Присутствовавшіе громко возстали, говоря, что подобный процессъ невозможенъ, такъ какъ онъ сдѣлаетъ посмѣшищемъ въ глазахъ общества всю академію.

— Я самъ этому не радъ, вѣрьте мнѣ, почтенные сотоварищи, но мое рѣшеніе неизмѣнно. Виновный уже арестованъ и слѣдствіе началось, отвѣчалъ Астье.

Его слова вызвали цѣлую бурю яростныхъ криковъ, какіе никогда еще не оглашали стѣнъ въ залѣ частныхъ собраній. Ланибуаръ, по обыкновенію, горячился больше всѣхъ, заявляя, что академіи слѣдуетъ избавиться отъ такого опаснаго члена; за эту мысль горячо ухватились нѣсколько человѣкъ и стали громко обсуждать возможность исключенія Астье-Регю. Но, въ самомъ дѣлѣ, имѣла ли право академія, компроментированная однимъ изъ своихъ, сказать ему: «Ступай вонъ, я нарушаю собственный уставъ. Съ этого момента ты лишаешься безсмертія и переходишь въ разрядъ обыкновенныхъ людей». Вдругъ старый Жанъ-Регю, стоявшій вдалекѣ отъ камина изъ боязни удара, неожиданно принялъ участіе въ общемъ спорѣ; можетъ быть, до него

долетѣло нѣсколько словъ или онъ случайно догадался, о чемъ идетъ рѣчь, что́ бываетъ иногда съ самыми безнадежными глухими, но этотъ Маѳусаилъ изрекъ своимъ громкимъ, деревяннымъ голосомъ:

— Во времена реставраціи, мы исключили одиннадцать членовъ, просто изъ-за политическихъ причинъ.

И онъ мотнулъ головою, точно приводя въ свидѣтели своихъ современниковъ той эпохи—бѣлые бюсты съ безжизненными глазами, смотрѣвшіе со своихъ консолей вокругъ залы.

— Одиннадцать человѣкъ!... Однако, чортъ возьми!... проворчалъ Данжу среди гробоваго молчанія.

— Всѣ составныя тѣла подлежатъ разложенію; таковъ законъ природы... надо жить...—вставилъ Ланибуаръ съ присущимъ ему цинизмомъ.

Тогда Эпеншаръ, замѣшкавшійся у входа съ секретаремъ Пишералемъ, подошолъ къ товарищамъ и хладнокровно, не возвышая голоса, заявилъ, что вина въ настоящемъ дѣлѣ падаетъ не на одного непремѣннаго секретаря, какъ это подтверждается протоколомъ отъ 8-го іюля 1879 года, который сейчасъ прочтутъ.

Пишераль принялся за чтеніе. Его торопливая рѣчь, произносимая рѣзкой фистулой, громко раздавалась по всей залѣ. «8 іюля 1879 года, Леонардъ-Пьеръ-Александръ Астье-Регю принесъ въ даръ французской академіи письмо Ротру къ кардиналу Ришельё о статуяхъ, принадлежащихъ обществу. Академія, познакомившись съ этимъ новымъ и крайне любопытнымъ историческимъ документомъ, поздравляетъ жертвователя, постановляя, чтобы письмо Ротру было внесено въ протоколъ. Вотъ его дословное содержаніе»...

Здѣсь быстрое чтеніе секретаря замедлилось, причемъ онъ лукаво подчеркивалъ каждое слово... «дословно, т. е. со всѣми небрежностями, которыя встрѣчаются въ дружескихъ перепискахъ и подтверждаютъ подлинность документа». При блѣдномъ свѣтѣ дня, падавшемъ съ потолка, всѣ присутствующіе слушали, стоя, дзбѣгая смотрѣть другъ на друга.

— Долженъ ли я прочесть также и письмо? спросилъ съ улыбкой Пишераль, забавляясь этой сценой.

— Да, прочтите, отвѣчалъ Эпеншаръ.

Однако, съ первыхъ же фразъ поднялся крикъ: «Довольно... довольно! Совершенно достаточно»... Академики стыдились теперь посланія Ротру; явная подложность документа бросалась въ глаза; это былъ какой-то нелѣпый винегретъ, составленный рукою школьника, съ неподходящими оборотами, причемъ половина

словъ была даже неизвѣстна въ ту эпоху. Какое ослѣпленіе! какъ они могли?...

— Вотъ видите, господа, началъ снова Эпеншаръ: мы не имѣемъ права упрекать нашего несчастнаго товарища.—И, обратясь къ непремѣнному секретарю, онъ принялся уговаривать его отказаться отъ скандальнаго процесса, который задѣваетъ честь всѣхъ членовъ корпораціи и даже профанируетъ память великаго кардинала. Защитникъ Астье говорилъ съ жаромъ, указывая выразительнымъ жестомъ на портретъ основателя, но его убѣдительная рѣчь не могла сломить упрямства Леонарда. Онъ стоялъ, твердо выпрямившись, передъ маленькимъ столомъ посреди залы, служившимъ трибуной для чтеній и рефератовъ. Сжавъ кулаки, какъ будто изъ боязни поддаться увѣщаніямъ, несговорчивый овернецъ твердилъ: «Ничто, слышите ли вы, ничто не заставитъ меня перемѣнить моего намѣренія».—Его толстые, сжатые пальцы съ гнѣвомъ стучали по столу.

— О, господа, говорилъ онъ.—Я слишкомъ долго терпѣлъ, слишкомъ долго уступалъ соображеніямъ подобнаго рода. Поймите же наконецъ, что этотъ Галилей лежитъ у меня камнемъ на сердцѣ; я недостаточно богатъ, чтобы выкупить книгу у издателя, и она бросается мнѣ въ глаза, въ витринахъ всѣхъ книгопродавцевъ, съ моимъ именемъ, какъ будто бы я былъ сообщникомъ негоднаго плута.

Чего онъ, въ сущности, хотѣлъ? Вырвать собственными руками лживыя страницы своего произведенія, публично отречься отъ него, воспользовавшись предстоящимъ судебнымъ процессомъ.

— Вы говорите, что я сдѣлаю васъ посмѣшищемъ,—заключилъ Астье,—но академія стоитъ для этого слишкомъ высоко; только я одинъ буду разоренъ и публично ошельмованъ, но меня поддержитъ сознаніе, что я не торговалъ своимъ именемъ, что я защитилъ свое сочиненіе и достоинство исторіи.

Не смотря на пафосъ этой рѣчи, она звучала искренностью и прямотой, непривычными въ академической сферѣ, подбитой, точно ватой, всякими компромиссами и сдѣлками съ совѣстью, къ ущербу истины.

Вдругъ приставъ возгласилъ:

— Господа, уже четыре часа...

Четыре часа!... а они еще не успѣли переговорить объ устройствѣ похоронъ Рипо-Бабэну.

— Говоря по правдѣ, этотъ бѣднякъ Рипо-Бабэнъ,—заговорилъ Данжу, выразительно подмигивая.

— Онъ умеръ очень кстати! мрачно замѣтилъ Ланибуаръ.

Но его словцо пропало даромъ, приставъ кричалъ: «на мѣста!..» Директоръ потрясалъ колокольчикомъ, имѣя у себя по правую руку своего помощника Деминьера, а по лѣвую—непремѣннаго секретаря, который съ полнымъ самообладаніемъ читалъ рапортъ похоронной комисіи, посреди оживленнаго перешептыванья присутствующихъ и стука мелкаго града въ оконныя стекла.

— Какъ вы сегодня поздно! накинулась на хозяина Коренгина, отворяя дверь.—Она также не питала никакого уваженія къ академіи. Господинъ Поль въ вашемъ кабинетѣ съ барыней. Ступайте черезъ архивъ; гостинная полна народу.

Опустѣлый архивъ производилъ самое удручающее впечатлѣніе: голыя полки шкафовъ смотрѣли уныло, точно послѣ покражи или пожара. Въ послѣднее время, Астье-Регю избѣгалъ туда входить, но сегодня онъ съ гордостью прошелъ черезъ пристройку, ободренный принятымъ рѣшеніемъ и откровенной исповѣдью передъ товарищами. Послѣ такого нравственнаго напряженія, ему было отрадно встрѣтиться съ сыномъ; Леонардъ не видалъ его со дня дуэли, и теперь ему вспомнились страшныя минуты, пережитыя у постели опасно раненаго Поля; высокій юноша лежалъ неподвижно на кровати, едва дыша, блѣдный, какъ смерть... Какъ пріятно будетъ обнять его теперь и прижимать къ груди долго, долго, не говоря ни слова!—Однако этотъ порывъ отеческой нѣжности тотчасъ остылъ при видѣ жены и сына. Они стояли рядомъ, перешептываясь между собой съ таинственнымъ видомъ, съ опущенными глазами, точно заговорщики.

— Да идите же скорѣй, Боже мой!...—сказала г-жа Астье-Регю; она была въ шляпѣ, собираясь куда-то изъ дому. Потомъ Аделаида прибавила, полушутя, какъ будто представляла мужу незнакомое лицо:—мой другъ, передъ вами графъ Поль Астье.

— Учитель!... произнесъ Поль съ ироническимъ поклономъ.

Отецъ смотрѣлъ на нихъ обоихъ, хмуря мохнатыя брови.

— Графъ Поль Астье?...

Молодой человѣкъ, статный и красивый, не смотря на загаръ, полученный имъ во время шестимѣсячнаго далекаго путешествія, отвѣчалъ, что онъ пріобрѣлъ титулъ римскаго графа, не столько ради себя, сколько ради той особы, которая будетъ скоро носить его имя.

— Ты женишься?...—спросилъ отецъ, все болѣе и болѣе тревожась.—На комъ?

— На герцогинѣ Падовани.

— Да ты рехнулся? Вѣдь она старше тобя двадцатью-пятью

годами, и потомъ.. кромѣ того...—Онъ замялся, подыскивая приличное выраженіе, и вдругъ рѣзко замѣтилъ:—развѣ можно жениться на женщинѣ, которая цѣлые годы явно для всѣхъ жила съ другимъ человѣкомъ?

— Что намъ не мѣшало, однако, постоянно обѣдать у нея и пользоваться всевозможными одолженіями!—воскликнула г-жа Астье своимъ шипящимъ голосомъ, выпрямивъ голову, готовая начать ссору.

Ничего не отвѣчая и даже не взглянувъ на жену, какъ будто она не могла судить о вопросахъ чести, старикъ подошелъ къ сыну и заговорилъ убѣдительнымъ тономъ, причемъ его лицо подергивалось отъ волненія.

— Не дѣлай этого, Поль, ради имени, которое ты носишь; не дѣлай этого, дитя мое, прошу тебя!...

Онъ схватилъ сына за плечо, стараясь растрогать его своей мольбой, но юноша, не любившій нѣжностей, освободился отъ руки отца, отдѣлываясь неопредѣленными фразами: «Я не нахожу ничего предосудительнаго... По моимъ понятіямъ...» И передъ его непроницаемымъ лицомъ и уклончивымъ взглядомъ отецъ особенно живо почувствовалъ отсутствіе симпатіи между нимъ и сыномъ; это возмутило старика. Астье-Регю невольно возвысилъ голосъ, опираясь на свое право главы семейства; бѣглая улыбка, которою Поль украдкой обмѣнялся съ матерью, окончательно взорвала его. Очевидно, они дѣйствовали заодно. Отецъ вышелъ изъ себя, кричалъ, грозилъ публичнымъ протестомъ, обличеніемъ въ газетахъ, собирался опозорить ихъ обоихъ, мать и сына, въ своей автобіографіи; это была у него самая страшная угроза. Когда онъ говорилъ о какомъ нибудь извѣстномъ лицѣ: «я его опозорилъ въ своей автобіографіи», ни одна кара не казалась ему равной этому. Однако оба союзника оставались совершенно равнодушными, г-жа Астье давно привыкла къ подобнымъ сценамъ; онѣ пугали ее также мало, какъ и укладыванье знаменитаго чемодана. Она сказала только, застегивая перчатки:

— Помните, что въ сосѣдней комнатѣ все слышно.

Не смотря на запертую дверь и обивку стѣнъ, въ кабинетъ долетали звуки голосовъ изъ гостинной. Тогда, подавивъ свое бѣшенство, Леонардъ произнесъ, задыхаясь и грозя юношѣ пальцемъ, поднятымъ въ уровень съ его лицомъ.

— Послушай меня, Поль; если то, о чемъ ты мнѣ сказалъ, совершится, я тебѣ больше не отецъ. На твоей свадьбѣ я не

буду и не приму тебя въ свой домъ даже на смертномъ одрѣ; ты будешь проклятъ.

Поль немного подался назадъ, уклоняясь отъ руки отца, и хладнокровно отвѣчалъ:

— О, вы знаете, отецъ, что теперь и проклятія, и благословенія уже не въ модѣ: даже въ мелодрамахъ этотъ пріемъ совсѣмъ оставленъ. Родители больше не благословляютъ и не проклинаютъ.

— Но зато наказываютъ такихъ негодяевъ, какъ ты! прохрипѣлъ старикъ, поднимая руку на сына. Жена громко взвизгнула: «Леонардъ!...» между тѣмъ какъ Поль ловкимъ движеніемъ отпарировалъ ударъ, также спокойно, какъ въ гимнастической залѣ Кейзера, и, не выпуская руки отца, прошепталъ:

— Ну, нѣтъ!.. этого я вамъ ужь никогда не позволю!

Старый овернецъ, не помня себя отъ гнѣва, пробовалъ освободиться, но борьба оказалась ему не подъ силу. Въ ту ужасную минуту, когда отецъ и сынъ мѣрили одинъ другаго яростными взглядами, задыхаясь отъ бѣшенства, дверь гостинной пріотворилась и въ кабинетъ заглянула толстая барыня въ шляпѣ съ перьями и цвѣтами. Эта особа, съ лицомъ восковой куклы и глуповатой улыбкой, проговорила добродушнымъ голосомъ:

— Извините, дорогой учитель, я къ вамъ на минуточку!... Ахъ, и Аделаида тоже здѣсь, и милый господинъ Поль! Прелестно!... божественно!...—умилялась г-жа Анселенъ, закатывая глаза, точно во время спектакля во французской комедіи.—Настоящая семейная картина!

Да, въ самомъ дѣлѣ, то была поучительная картина современной семьи, расшатанной въ своихъ основахъ, съ высшихъ до низшихъ слоевъ общества, гдѣ ниспровергнуты всѣ здоровые принципы іерархіи и родительской власти. Но подобный упадокъ семейнаго начала поражалъ еще больше подъ величественнымъ куполомъ, въ почтенныхъ стѣнахъ академіи, призванной увѣнчивать домашнія и традиціонныя добродѣтели.

XVI.

Публика задыхалась отъ тѣсноты въ восьмой камерѣ, гдѣ, наконецъ, было назначено къ слушанію дѣло Альбина Фажа, послѣ безконечнаго судебнаго слѣдствія и всевозможныхъ ухищреній, со стороны вліятельныхъ лицъ, замять скандальный процессъ. Никогда еще эта зала исправительной полиціи съ ея полинявшими голубыми стѣнами и блѣдной позолотой, съ усвоеннымъ ею

букетомъ пригорѣлаго жира и лохмотьевъ нищеты, не видала на своихъ грубыхъ скамейкахъ и въ проходахъ между ними такой избранной публики, столько дамскихъ шляпокъ съ цвѣтами, весеннихъ туалетовъ безукоризненнаго покроя, представлявшихъ рѣзкую противоположность съ матовымъ чернымъ сукномъ судейскихъ тогъ и шапокъ. Между тѣмъ съѣздъ все еще продолжался, публика прибывала. Входныя двери громко хлопали, пропуская новыхъ посѣтителей, толпившихся на площадкѣ, залитой яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

Тутъ попадались давно извѣстныя, примелькавшіяся физіономіи, безъ которыхъ не обходится ни одно парижское празднество, ни одни торжественныя похороны, ни одно первое представленіе крупной пьесы: Маргарита Ожэ въ авангардѣ, и маленькая графиня Фодеръ, и красавица г-жа Анри изъ американскаго посольства. Затѣмъ слѣдовали присяжныя академическія дамы: г-жа Анселенъ въ платьѣ цвѣта мальвы, подъ руку съ адвокатскимъ старшиною Равераномъ; г-жа Эвиза, представлявшая собою цѣлый кустъ мелкихъ розъ и окруженная шумнымъ роемъ юныхъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ; позади судейской трибуны, на особыхъ мѣстахъ, стоялъ Данжу, скрестивъ руки, возвышаясь надъ судьями и публикой; на свѣтломъ фонѣ высокаго окна рѣзко выступалъ его профиль съ твердыми, правильными очертаніями; онъ давно примелькался парижскому обществу, появляясь повсюду въ теченіе сорока лѣтъ и служа прототипомъ свѣтской банальности въ ея неизмѣнныхъ проявленіяхъ. Кромѣ Астье-Регю и барона Гюшнара, вызванныхъ въ качествѣ свидѣтелей, онъ былъ единственнымъ академикомъ, осмѣлившимся открыто выступить на судѣ, не побоявшись защитника Альбина Фажа, злоязычнаго Маржери, которому стоило только произнести въ носъ съ извѣстной ужимкой: «хм!» чтобы заставить фыркнуть отъ смѣха всю залу, вмѣстѣ съ судьями.

Засѣданіе обѣщало выйти крайне забавнымъ; самая атмосфера въ храмѣ Ѳемиды была въ тотъ день какъ будто пропитана веселымъ задоромъ; адвокатскія шапки невольно заламывались на бекрень съ залихватскою удалью; присутствующіе обмѣнивались многозначительными взглядами, подмигиваньями, съ лукавымъ огонькомъ въ глазахъ, съ легкой усмѣшкой, кривившей губы. Въ залѣ передавалось отъ одного къ другому множество разсказовъ о любовныхъ похожденіяхъ горбуна, только что занявшаго мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ. Приподнявъ свою продолговатую напомаженную голову, переплетчикъ бросилъ на собравшуюся публику, изъ-за рѣшетки, одинъ изъ тѣхъ ястребиныхъ

взглядовъ, которые такъ понятны женщинамъ. Говорили о компрометирующихъ письмахъ, о дневникѣ обвиняемаго, гдѣ прямо упоминались имена двухъ или трехъ особъ большаго свѣта, слишкомъ извѣстныя всѣмъ и каждому, такъ какъ онѣ были замѣшаны во многихъ грязныхъ исторіяхъ. Одинъ экземпляръ мемуаровъ Фажа циркулировалъ на скамьѣ журналистовъ; то была наивная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хвастливая автобіографія, гдѣ фатовство уродца удвоивалось еще спеціальнымъ тщеславіемъ рабочаго, который «самъ себя образовалъ»; однако, здѣсь вовсе не оказывалось предполагаемыхъ обличеній. Фажъ только сообщилъ судьямъ, что онъ родился близь Васси (гористая часть департамента Марны) правильно сформированнымъ ребенкомъ — это непремѣнная претензія всѣхъ горбатыхъ—и что паденіе съ лошади въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ изуродовало ему спину. Какъ у большинства калѣкъ, его физическое развитіе сильно запоздало и страсти проснулись въ немъ поздно, но зато съ неслыханною силою; въ то время онъ работалъ у одного книгопродавца въ пассажѣ Панорамъ. Некрасивая наружность, конечно, служила помѣхой его любовнымъ побѣдамъ надъ женщинами, и потому Фажъ сталъ изыскивать средства пріобрѣсти какъ можно больше денегъ; тутъ слѣдовала исторія его любовныхъ похожденій, въ перемежку съ разсказами о поддѣлкахъ, съ объясненіями способовъ, какіе онъ употреблялъ, съ рецептами изготовленія чернилъ и обработки пергамента. Этотъ любопытный документъ раздѣлялся на главы съ особыми названіями: «Моя первая жертва.—Анжелина, брошюровщица.—За ленту огненнаго цвѣта. — Пряничная ярмарка.—Я вхожу въ сношенія съ Астье-Регю.—Таинственныя чернила.—Вызовъ академическимъ химикамъ...—»

Надо было только удивляться, какимъ образомъ непремѣнный секретарь французской академіи, заодно съ официальной наукой и литературой, могли допустить, чтобы водилъ ихъ за носъ, въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, невѣжественный горбунъ, нахватавшійся поверхностныхъ знаній; вотъ въ чемъ заключалась главная соль смѣхотворнаго процесса, привлекшаго такую массу публики. Здѣсь была выставлена на посмѣшище вся академія въ лицѣ Астье-Регю, на которомъ было сосредоточено вниманіе присутствующихъ. Онъ сидѣлъ въ первыхъ рядахъ свидѣтелей, неподвижный, задумчивый, не поворачивая головы и едва отвѣчая на плоскія заискиванія Фрейдэ, стоявшаго позади него въ черныхъ перчаткахъ, съ широкой креповой полосой на шляпѣ: онъ незадолго передъ тѣмъ похоронилъ сестру. Вызванный защитой, добродушный кандидатъ боялся, что это повредитъ ему въ гла-

захъ учителя; онъ просилъ извиненія, объясняя, какъ произошла его случайная встрѣча съ негодяемъ Фажемъ у Ведрина, но шопотъ виконта затерялся въ шумѣ залы, полной народу.

Судебная власть отправляла свои обязанности, вызывая отвѣтчиковъ, истцовъ и свидѣтелей, творя скорый судъ и расправу. Безстрастный возгласъ: «На недѣлю!.. на недѣлю!..» падалъ, какъ топоръ гильотины, прекращая разомъ всѣ возраженія адвокатовъ и жалобныя мольбы бѣдняковъ, которые, стоя за рѣшеткой, красные отъ напряженія, вытирали обильный потъ, струившійся по лицу. «Но, господинъ предсѣдатель...» смущенно бормотали они. «На недѣлю!..» Иногда, въ глубинѣ залы, раздавался громкій вопль; чьи-то руки протягивались изъ толпы по направленію къ судейской трибунѣ: «Я здѣсь, господинъ предсѣдатель... но мнѣ никакъ до васъ не добраться».—«На недѣлю!..» Да, тотъ, кому пришлось видѣть подобныя сцены, когда символическіе вѣсы работаютъ съ такою точностью, можетъ составить себѣ правильное понятіе о правосудіи; впечатлѣніе получается точно такое же, какъ на похоронахъ бѣдняка, когда безучастный священникъ, спустя рукава, отпѣваетъ покойника, стараясь только поскорѣе покончить обрядъ.

Наконецъ, предсѣдатель возгласилъ: «дѣло Альбина Фажа...» Въ камерѣ наступила мертвая тишина, распространившаяся до самаго конца площадки, гдѣ люди влѣзали на скамейки, чтобы лучше видѣть. Потомъ, послѣ непродолжительнаго бормотанья у рѣшетки, свидѣтели потянулись вереницей, между тѣсными рядами судейскихъ тогъ, въ особую комнату, мрачную и голую, съ вытертымъ крашенымъ поломъ, плохо освѣщенную и выходившую окнами въ узкій переулокъ. Астье-Регю, которому предстояло быть вызваннымъ раньше всѣхъ, не вошелъ туда, а прохаживался въ темномъ коридорѣ, между двумя залами. Фрейдэ хотѣлъ остаться съ нимъ, но онъ сухо замѣтилъ ему: «Нѣтъ, нѣтъ, уйдите; я хочу быть одинъ!..» И озадаченный кандидатъ по неволѣ присоединился къ другимъ свидѣтелямъ; они разговаривали, раздѣлившись на группы; тутъ были: баронъ Гюшнаръ, палеографъ Босъ, химикъ Дельпэшъ изъ академіи наукъ, эксперты по части почерковъ, затѣмъ двѣ или три хорошенькихъ кокотки, изъ числа тѣхъ, портреты которыхъ украшали стѣны комнаты Альбина Фажа. Онѣ были въ восторгѣ, что громкій процессъ послужитъ имъ рекламой, и смѣялись очень громко, выставляя на показъ пышные туалеты фасона «директоріи», составлявшіе рѣзкій контрастъ съ полотнянымъ чепцомъ и вязаными полуперчатками привратницы изъ контрольной палаты. Ведринъ былъ также вы-

званъ; Фрейдэ сѣлъ рядомъ съ нимъ на широкій подоконникъ отвореннаго окна. Неодинаковый образъ жизни и различныя житейскія обстоятельства раздѣлили пріятелей; они не видались съ прошлаго лѣта, до недавнихъ похоронъ бѣдной Жермены. Ведринъ сжалъ руки своего друга, освѣдомляясь о его здоровьѣ и о томъ, какъ ему живется послѣ ужаснаго удара.

— Мнѣ, конечно, тяжело, отвѣчалъ виконтъ, — и очень непріятно, но что же дѣлать? Я съ этимъ примирился.

Художникъ вытаращилъ глаза, удивленный такимъ жестокимъ эгоизмомъ.

— Да, чортъ возьми! два раза въ теченіе года они надуваютъ меня, заключилъ поэтъ.

Подъ «ужаснымъ ударомъ» онъ подразумѣвалъ только свою вторичную неудачу въ академіи, когда кресло Рипо-Бабэна ускользнуло отъ него, также какъ и кресло Луазильона. Но потомъ онъ догадался, на что̀ намекалъ Ведринъ, и тяжело вздохнулъ... Ахъ, да... его Жермена... она такъ мучила себя всю зиму, ради этой несчастной кандидатуры... По два званыхъ обѣда въ недѣлю; ей приходилось засиживаться до полуночи, до часу утра, передвигая свое механическое кресло по всѣмъ угламъ гостинной... Она положила на это свои послѣднія силы, относясь къ дѣлу еще съ болѣе страстной настойчивостью, чѣмъ ея братъ... Наконецъ, передъ самой смертью, когда больная не могла больше говорить, ея бѣдные скорченные пальцы чертили что-то на простынѣ. «Да, мой милый, она умерла, дѣлая выкладки, разсчитывая мои шансы на это проклятое кресло; уже для нея одной я долженъ попасть въ академію, не смотря на всѣ интриги, чтобы почтить память дорогой умершей!..»

Фрейдэ вдругъ замолчалъ, потомъ прибавилъ измѣнившимся, упавшимъ голосомъ:

— Въ сущности, я самъ не знаю, зачѣмъ говорю тебѣ это. Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ внушили желаніе попасть въ число безсмертныхъ, я не могу думать ни о чемъ другомъ... Моя сестра умерла, и я даже не успѣлъ ее оплакать; мнѣ нужно было дѣлать визиты, хлопотать; я разстраиваю здоровье, я убиваю себя изъ-за какихъ-то глупыхъ бредней!

Рѣзкость этихъ словъ, нервная порывистость въ голосѣ изумили скульптора, который не узнавалъ въ своемъ другѣ прежняго Фрейдэ, ласковаго, вѣжливаго, дышащаго здоровьемъ человѣка. Разсѣянный взглядъ, морщины на лбу, горячія руки ясно говорили, что его пожираетъ страсть, роковая манія. Однако, встрѣча съ Ведриномъ, повидимому, освѣжила виконта; онъ сталъ

съ участіемъ разспрашивать его: «Какъ поживаешь? что дѣлаешь? здорова ли жена, дѣти?» Художникъ отвѣчалъ ему съ обычной спокойной улыбкой: «Слава Богу, вся семья здорова; маленькую дочку собираются отнять отъ груди; мальчикъ по прежнему хорошѣетъ и дожидается столѣтія старика Регю». Самъ онъ много работаетъ; его двѣ картины имѣли достаточный успѣхъ въ Салонѣ въ настоящемъ году и довольно выгодно проданы. Зато одинъ кредиторъ, настолько же недальновидный, насколько и алчный, арестовалъ «Паладина». Статуя прежде загромождала великолѣпную квартиру въ нижнемъ этажѣ въ Римской улицѣ, потомъ ее перенесли въ конюшню въ Батиньолѣ, а теперь она валяется подъ навѣсомъ у одного содержателя молочной фермы въ Левалуа, гдѣ семья скульптора навѣщаетъ ее отъ времени до времени.

— Вотъ тебѣ слава художника! прибавилъ Ведринъ, смѣясь, между тѣмъ какъ голосъ судебнаго пристава вызывалъ свидѣтеля Астье-Регю. Силуэтъ непремѣннаго секретаря мелькнулъ на минуту въ широкой и пыльной полосѣ солнечнаго свѣта у судейскаго стола; старикъ держалъ себя прямо и твердо, но его спина и широкія плечи вздрагивали, обнаруживая сильное волненіе.

— Бѣдный крокодилъ! прошепталъ художникъ. — Онъ переживаетъ тяжелыя испытанія: эта исторія съ автографами, женитьба сына...

— Развѣ Поль Астье женился?

— Какъ же. Три дня тому назадъ, онъ обвѣнчался съ герцогиней — нѣчто въ родѣ морганатическаго брака. На свадьбѣ присутствовали только маменька жениха и четверо свидѣтелей; я также былъ въ ихъ числѣ, какъ ты, вѣроятно, догадываешься; судьба страннымъ образомъ вѣчно заставляетъ меня участвовать во всѣхъ событіяхъ въ семействѣ Астье.

И Ведринъ разсказалъ, какъ его поразило появленіе герцогини Падовани въ залѣ мэріи; она была блѣдна, какъ смерть, и, не смотря на гордую осанку, казалась разбитой нравственно, безнадежно разочарованной. Ея прекрасные курчавые волосы были сѣды; она больше не занималась собою и не красила ихъ. Рядомъ съ ней шелъ Поль Астье, новоиспеченный графъ, улыбающійся и равнодушный, и по прежнему красивый. Участники церемоніи въ замѣшательствѣ смотрѣли другъ на друга, не зная, что́ сказать; только чиновникъ, увидя двухъ пожилыхъ дамъ, нашелъ нужнымъ замѣтить съ поклономъ и любезной улыбкой:

— Значитъ, мы ждемъ теперь только одну невѣсту?

— Вотъ невѣста! отвѣтила герцогиня, гордо выступая впередъ съ высоко поднятой головой.

Изъ мэріи, гдѣ дежурный помощникъ, къ счастію, догадался обойтись безъ всякихъ привѣтственныхъ рѣчей, компанія отправилась въ католическій институтъ въ улицѣ Вожираръ. Аристократическая церковь, — вся въ позолотѣ, въ цвѣтахъ, залитая огнями, — была пуста; провожатые новобрачныхъ заняли всего одинъ рядъ стульевъ и долго слушали монсиньора Адріани, папскаго нунція, пока онъ бормоталъ безконечное поученіе, напечатанное цѣликомъ въ требникѣ съ раскрашенными картинками. Удивительно интересно было слушать этого свѣтскаго прелата съ большимъ носомъ и тонкими губами, въ фіолетовой пелеринѣ на плечахъ, когда онъ говорилъ о «честныхъ правилахъ новобрачнаго», о «юношеской прелести новобрачной», и въ то же время лукаво косился на бархатные коврики подъ ногами печальной четы. По выходѣ изъ церкви, всѣ холодно раскланялись между собою подъ аркадами маленькаго монастыря; герцогиня вздохнула съ облегченіемъ и прошептала: «Боже мой!.. наконецъ-то это кончено...» Въ ея голосѣ слышалось отчаяніе женщины, которая измѣрила глубину пропасти и бросается туда съ открытыми глазами, чтобы не нарушать обязательствъ чести.

— Да, — прибавилъ Ведринъ, — я видѣлъ много мрачнаго и грустнаго въ моей жизни, но не видѣлъ ничего печальнѣе этой свадьбы.

— Но все таки нашъ юный другъ—ловкій плутъ,—произнесъ Фрейдэ сквозь зубы.

— Да,—это одинъ изъ нашихъ героевъ легкой наживы, рьяныхъ «борцовъ за существованіе».

Скульпторъ язвительно подчеркнулъ это послѣднее слово, обозначавшее новую расу мелкихъ людей, которые оправдываютъ всѣ свои гадости знаменитымъ дарвиновскимъ изреченіемъ: «борьба за жизнь».

— Но все таки онъ добился своего и сталъ богатъ,—сказалъ Фрейдэ.—Кривой носъ, на этотъ разъ, не послужилъ ему помѣхой.

— Подождемъ, что̀ будетъ дальше. Герцогиня — женщина самовластная, а Поль смотрѣлъ на нее въ мэріи не особенно нѣжно! если старуха черезчуръ ему надоѣстъ, эпилогъ ихъ романа, пожалуй, разыграется на судѣ присяжныхъ, гдѣ будетъ фигурировать этотъ сынъ и внукъ безсмертныхъ.

— Свидѣтель Ведринъ!—громко крикнулъ судебный приставъ, и въ то же время въ полуотворенную дверь донесся раскатистый хохотъ публики.

— Однако, тамъ не скучаютъ,—сказалъ городской сержантъ въ коридорѣ.

Въ залѣ свидѣтелей, опустѣвшей во время разговора двоихъ товарищей, остались только Фрейдэ и привратница изъ контрольной палаты; ей было страшно выступить передъ судомъ, и она безсмысленно теребила завязки своего чепчика. Что касается кандидата, то онъ, напротивъ, радовался случаю публично поднести ѳиміамъ французской академіи и ея непремѣнному секретарю въ маленькомъ спичѣ, который навѣрно будетъ перепечатанъ во всѣхъ газетахъ и послужитъ какъ бы прологомъ блестящей рѣчи виконта, послѣ его избранія. Старуху, наконецъ, вызвали. Оставшись одинъ, Фрейдэ сталъ ходить по комнатѣ; онъ останавливался у окна, округляя періоды и дѣлая картинные жесты руками въ черныхъ перчаткахъ. Между тѣмъ, его жестикуляція была ошибочно понята въ домикѣ напротивъ, представлявшемъ неприглядную, мрачную лачугу; отъ нея такъ и несло постыднымъ ремесломъ, ютившимся подъ этой жалкой кровлей. Жирная женская рука, обнаженная до локтя, раздвинула вдругъ ситцевыя розовыя занавѣски и стала подавать двусмысленные знаки. Виконтъ сгорѣлъ со стыда и убѣжалъ въ коридоръ, проклиная въ душѣ парижскій развратъ.

— Теперь обвинительная власть говоритъ заключительное слово,—прошепталъ ему сержантъ, между тѣмъ какъ въ удушливой атмосферѣ залы раздавался голосъ, звучавшій напускнымъ негодованіемъ: «...вы злоупотребляли невинной страстью старика»...

Фрейдэ подумалъ вслухъ:

— А что же я-то? Почему меня не вызвали?

— Вѣрно, про васъ позабыли.

«Должно быть, ужъ такова моя участь!» уныло сказалъ самъ себѣ злополучный провинціалъ.

Разборъ мнимой коллекціи Мениль-Казъ былъ встрѣченъ въ эту минуту взрывомъ гомерическаго хохота; тутъ фигурировали письма королей, папъ, императрицъ, Тюреня, Бюффона, Монтэня, Ла-Боэти, Клемансъ Изоры, и при каждомъ новомъ имени этого фантастическаго собранія ярко выступала безграничная наивность присяжнаго историка, и вся академія оказывалась одураченной уродливымъ гномомъ, сидѣвшимъ на скамьѣ подсудимыхъ. Публика покатывалась со смѣху. Фрейдэ не могъ дольше слушать этого непочтительнаго смѣха, оскорблявшаго его покровителя и почтеннаго наставника, Астье-Регю, тѣмъ болѣе, что обнаруженный скандалъ являлся новой помѣхой его кандидатурѣ. Онъ вышелъ, спустился съ лѣстницы и долго бродилъ по дворамъ зданія суда; потомъ прохаживался по тротуару у воротъ и наконецъ вмѣшался въ толпу при общемъ разъѣздѣ, между сную-

щими ливрейными лакеями, посреди тѣсноты подъѣзжавшихъ экипажей. Эта оживленная картина освѣщалась яркимъ вечернимъ солнцемъ. Пестрые дамскіе зонтики, розовые, бѣлые, лиловые, красные, производили впечатлѣніе крупныхъ цвѣтовъ; взрывы веселости слышались въ каждой группѣ, какъ на театральномъ разъѣздѣ, послѣ забавнаго фарса... «Однако, маленькому горбуну пришлось плохо; пять лѣтъ тюремнаго заключенія и уплата судебныхъ издержекъ, но его адвокатъ ужасно уморителенъ!» Маргарита Ожэ эффектно заливалась смѣхомъ, какъ въ извѣстной сценѣ втораго акта въ «Мюзидорѣ». Данжу, провожая г-жу Анселенъ до экипажа, цинично говорилъ во весь голосъ:

— Это плевокъ прямо въ лицо академіи, посланный ловко и безъ промаха.

Леонардъ Астье, удалявшійся одинъ, не поворачивая головы, слышалъ эти замѣчанія и другія въ томъ же родѣ, не смотря на предостереженія болѣе осторожныхъ: «Говорите потише, господа, вотъ онъ идетъ». Это было для него началомъ позора; бѣдный ученый былъ публично ошельмованъ; теперь развѣнчанному академику предстояло сдѣлаться посмѣшищемъ цѣлаго Парижа.

— Дайте мнѣ вашу руку, добрѣйшій учитель, раздался возлѣ него голосъ Фрейдэ.

Виконтъ догналъ старика, повинуясь чувству глубокой жалости.

— Ахъ, мой другъ, какъ вы меня обрадовали! глухо сказалъ Леонардъ, глотая слезы.

Они шли нѣсколько времени молча. Зеленыя деревья осѣняли набережную, придавая ей праздничный видъ; съ городскихъ улицъ и рѣки доносился оживленный шумъ; въ такіе дни невольно кажется, что на землѣ прекратились всякія бѣдствія людскаго рода.

— Куда мы пойдемъ? спросилъ Фрейдэ.

— Куда хотите, только не домой, отвѣчалъ несчастный. Перспектива встрѣчи съ женой и неизбѣжной супружеской ссоры пугала его, какъ ребенка. Они пообѣдали вдвоемъ въ одномъ изъ ресторановъ, послѣ долгой прогулки по берегу; ласковыя слова ученика и прекрасный вечеръ благотворно подѣйствовали на Леонарда. Онъ возвратился къ себѣ очень поздно, успокоенный и освѣженный послѣ пятичасовой пытки на скамьѣ свидѣтелей въ восьмой палатѣ, гдѣ ему приходилось молча выслушивать обидный смѣхъ толпы и ядовитыя издѣвательства адвоката. «Смѣйтесь, глупыя обезьяны!.. Потомство произнесетъ надо мною свой справедливый судъ». — Такъ утѣшалъ себя Астье-Регю, проходя по широкимъ дворамъ академіи, гдѣ все спало мертвымъ сномъ. Ни въ одномъ окнѣ не свѣтилось огня, подъѣзды лѣстницъ на-

право и налѣво казались громадными черными отверстіями прямоугольной формы. Поднявшись въ свою квартиру ощупью, старикъ на цыпочкахъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, не зажигая свѣчи, какъ воръ. Здѣсь, послѣ свадьбы Поля и разрыва съ сыномъ, онъ устроилъ для себя импровизированное ложе, чтобы избавиться отъ сварливости Аделаиды и ночныхъ споровъ съ нею, въ которыхъ женщина всегда остается побѣдительницей, даже если перестала быть женою. Въ настоящемъ случаѣ, ее поддерживаетъ неутомимая дѣятельность нервовъ, тогда какъ мужчина готовъ на всѣ уступки, только бы ему дали покой и не мѣшали спать.

Никогда еще Астье-Регю не ощущалъ такой потребности въ отдыхѣ, какъ послѣ этого долгаго дня волненій и усталости. Онъ вошелъ въ темную комнату съ чувствомъ отрады, но вдругъ въ углу, у окна, передъ нимъ мелькнули неопредѣленныя очертанія человѣческой фигуры.

— Ну, что же, вы теперь довольны?..

Боже!.. Это была его жена! Она подстерегала мужа, и ея тонкій, свистящій голосъ заставилъ его остолбенѣть посреди кабинета.

— Вы добивались публичнаго скандала на судѣ, продолжала г-жа Астье: вамъ хотѣлось отдать себя на посмѣяніе?.. Такъ вотъ вы теперь покрыты позоромъ съ головы до ногъ, такъ что не можете показаться на глаза добрымъ людямъ! Стоило ли кричать о томъ, что вашъ сынъ запятналъ имя Астье? Вѣдь оно по вашей милости стало синонимомъ невѣжества и глупости; его нельзя произнести безъ смѣха! И неужели вся эта кутерьма затѣяна вами съ цѣлью спасти свое историческое сочиненіе?.. Да кто его знаетъ, позвольте васъ спросить? Кому оно нужно? Повѣрьте, никто не интересуется вопросомъ, дѣйствительны ли ваши документы, или подложны. Вы знаете, что васъ никто не читаетъ...

Аделаида долго изливала свои упреки, возвышая пискливый голосъ до самыхъ высокихъ нотъ.

Для Астье-Регю это было продолженіемъ пытки публичныхъ оскорбленій, которымъ онъ подвергался на судѣ, смиривъ свою гордость, но внутренно сознавая, что его авторитетъ выше всякихъ посягательствъ и внѣ всякаго сомнѣнія. И съ какою жестокостью терзала его эта женщина, стараясь не оставить въ немъ ни одного живаго мѣста, забрасывая грязью его честь, какъ человѣка и писателя. Нечего сказать, хороши его книги; неужели онъ воображаетъ, что ради нихъ попалъ въ академію?.. Нѣтъ, только ей одной мужъ обязанъ академическимъ кресломъ; она всю жизнь интриговала, хитрила, стараясь открыть передъ нимъ

всѣ двери, одну за другой. Вся ея молодость растрачена на то, что она по неволѣ благосклонно принимала безстыдныя ухаживанья, уступая ласкамъ стариковъ, которые внушали ей омерзеніе... «Нечего дѣлать, мой другъ, безъ этого нельзя было обойтись!.. Вѣдь академіи нуженъ талантъ — у васъ его не было... или громкое имя, или высокое положеніе... а вы рѣшительно ничѣмъ не взяли; тогда я сама принялась дѣйствовать»!.. И тутъ изъ боязни, чтобы онъ не усомнился въ ея искренности, чтобъ не приписалъ ея словъ отчаянію женщины, оскорбленной и униженной въ своей супружеской гордости, въ своей слѣпой материнской любви, Аделаида подробно описала исторію избранія мужа и напомнила даже его знаменитое изреченіе о вуалеткахъ жены, которыя пахли табакомъ, хотя онъ никогда не курилъ... «Этимъ словечкомъ, милѣйшій, вы прославились болѣе, чѣмъ своими книгами»...

Астье-Регю глухо простоналъ, какъ человѣкъ, которому вынотрошили всѣ внутренности и который старается ихъ удержать обѣими руками. Между тѣмъ язвительный голосокъ безстрастно продолжалъ: «вотъ теперь вамъ какъ нельзя болѣе кстати уложить свой чемоданъ и провалиться, чтобы васъ поскорѣй забыли!.. Къ счастію, нашъ Поль, въ настоящее время, богатъ... Онъ будетъ посылать вамъ деньги на пропитаніе, потому что, послѣ публичнаго скандала, само собою разумѣется, ни одинъ издатель, ни одинъ журналъ не захочетъ больше печатать вашихъ нелѣпостей и только, благодаря мнимому безчестью сына, вы не умрете съ голоду». — Нѣтъ, это уже слишкомъ, — простоналъ несчастный, повернувшись къ двери; ему хотѣлось куда нибудь убѣжать, спастись отъ своего неумолимаго палача. И, нащупывая въ потемкахъ стѣны, пробираясь по коридорамъ и лѣстницамъ, проходя по дворамъ, гдѣ гулко раздавались его шаги, онъ повторялъ, почти плача: — Нѣтъ, это уже слишкомъ!

Куда онъ шелъ?

Куда глаза глядятъ, какъ во снѣ. Астье-Регю миновалъ площадь и половину моста; свѣжій воздухъ оживилъ его; онъ сѣлъ на скамью, приподнялъ шляпу и вздернулъ къ верху рукава, чтобы успокоить біеніе своихъ артерій. Мало по малу равномѣрный плескъ воды отрезвилъ его; старикъ опомнился, но тѣмъ больнѣе заныло у него сердце... Что за женщина!.. Что за чудовище!.. И онъ могъ прожить тридцать пять лѣтъ рядомъ съ нею, не зная ея! Онъ содрогнулся отъ ужаса, вспомнивъ всѣ низости, которыми хвасталась передъ нимъ Аделаида. Она не пощадила ничего, она постаралась убить въ немъ все, даже гордость, ко-

торая поддерживала еще Леонарда: вѣру въ свое призваніе, благоговѣйное чувство передъ храмомъ науки. Вспомнивъ объ академіи, Астье-Регю машинально обернулся. У конца пустыннаго моста, разстилавшагося широкой аллеей до самаго подножія зданія, массивный дворецъ Мазарини возвышался во мракѣ со своимъ портикомъ и куполомъ совершенно такъ, какъ на книжномъ переплетѣ Дидо, которымъ любовался овернецъ въ юности. О, этотъ куполъ! Эти камни! Обманчивая цѣль, причина его несчастія... Сюда онъ пришелъ искать себѣ жену, безъ любви, безъ сердечной склонности, соблазнившись только перспективой получить за ней въ приданое академическое кресло. Теперь онъ знаетъ, какой цѣной оно ему досталось. Что-жъ! Тѣмъ лучше! Онъ заслужилъ подобную кару...

На мосту раздались шаги; зазвучалъ смѣхъ... все ближе и ближе... Толпа студентовъ возвращалась домой со своими подругами. Изъ боязни быть узнаннымъ, Астье-Регю всталъ и облокатился на перила, и пока молодежь шла мимо, онъ съ горечью подумалъ, что никогда не веселился, никогда не позволялъ себѣ кутнуть съ товарищами, не распѣвалъ юношескихъ пѣсень подъ открытымъ небомъ. Вѣчно напряженное честолюбіе заставляло его неуклонно стремиться къ этому величественному храму, который далъ ему взамѣнъ... что̀ именно? Ровно ничего, одно ничтожество... Еще очень давно, въ день своего вступленія въ академію, послѣ рѣчей и обмѣна лицемѣрныхъ любезностей, Астье-Регю почувствовалъ какую-то пустоту, тоску обманутой надежды. Возвращаясь домой въ наемномъ экипажѣ, чтобы снять съ себя зеленый мундиръ, онъ думалъ: «неужели я достигъ своего? неужели это все»?

Потомъ, обманывая другихъ, повторяя вмѣстѣ съ товарищами, что принадлежать къ числу безсмертныхъ—величайшее благо, высшее наслажденіе, онъ наконецъ повѣрилъ этому. Но теперь завѣса упала; онъ прозрѣлъ, и ему хотѣлось бы крикнуть на сто голосовъ французской молодежи: «Не вѣрьте, васъ обманываютъ... Академія — это одна приманка, одинъ миражъ... Идите своей дорогою, служите наукѣ и искусству внѣ ея стѣнъ... Въ особенности не жертвуйте ничѣмъ этому минотавру, потому что онъ ничего не можетъ вамъ дать самъ отъ себя: ни таланта, ни славы, ни даже нравственнаго удовлетворенія. Академія не убѣжище, не пріютъ!.. Это вывѣтрившійся кумиръ, религія безъ утѣшенія... Жестокія земныя бѣдствія осаждаютъ васъ тамъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ; подъ этимъ куполомъ люди доходили до самоубійства, лишались разсудка, а тѣ, которые въ отчаяніи

обращались къ храму, протягивали къ нему руки, разбитые жизнью, будучи не въ силахъ больше ни любить, ни проклинать, обнимали только одинъ призракъ... и пустоту!.. и пустоту!..»

Астье-Регю говорилъ во весь голосъ, съ обнаженной головой, держась обѣими руками за перила, какъ прежде, передъ своей аудиторіей, опираясь на каѳедру. Внизу плескались темныя, рѣчныя волны, между двумя рядами фонарей; эти огоньки мигали, точно одушевленные какою-то таинственной жизнью, которая невольно дѣйствовала на воображеніе, какъ все, что̀ движется, смотритъ, но остается загадочнымъ. На откосѣ берега, раздалась съ овернскимъ акцентомъ пьяная пѣсня прохожаго:

Когда Купидонъ... поутру... я бужу...

Какой нибудь овернецъ навеселѣ возвращался на свою барку съ углемъ. Это напомнило Леонарду—Тейседра, полотера со стаканомъ свѣжаго вина въ рукѣ. Академикъ какъ будто сейчасъ видѣлъ передъ собою грубаго земляка, вытиравшаго губы рукавомъ и говорившаго: «вотъ это лучше вшего на швѣтѣ!» Астье не испытывалъ даже такого скромнаго наслажденія, и ему приходилось завидовать простому мужику. Онъ почувствовалъ себя окончательно одинокимъ и несчастнымъ; у него не было родной души, готовой раздѣлить его горе. Мало по малу ему стало ясно, что негодная женщина, доконавшая его своимъ безсердечіемъ, была права: ея мужу оставалось только уложить свой чемоданъ!..

На слѣдующее утро, городскіе сержанты нашли на скамьѣ, возлѣ перилъ моста Искусствъ, широкополую шляпу, одну изъ тѣхъ, которыя сохраняютъ въ себѣ отчасти физіономію ихъ владѣльца. Въ шляпѣ лежали массивные золотые часы и визитная карточка съ именемъ Леонарда Астье-Регю, непремѣннаго секретаря французской академіи. Поперекъ этихъ словъ шла строчка, написанная карандашемъ: «Я умираю здѣсь добровольно...» О да, вполнѣ добровольно! Еще краснорѣчивѣе маленькой фразы, начертанной крупнымъ, твердымъ почеркомъ, подтверждало эту истину выраженіе лица утопленника, его сжатые зубы и рѣзко выдавшаяся нижняя челюсть, когда трупъ Астье-Регю былъ вытащенъ матросами. Онъ запутался въ широкихъ петляхъ проволочной сѣтки, окружавшей женскія купальни возлѣ самаго моста. Сначала его снесли на спасательную станцію, гдѣ старика признялъ секретарь академіи.

Не первый «непремѣнный» покончилъ съ собою такимъ образомъ; то же самое случилось во времена Пишераля-отца, и почти при одинаковыхъ обстоятельствахъ.

Поэтому Пишераль-сынъ отнесся довольно хладнокровно къ

катастрофѣ; онъ только съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ по широкому откосу тащили трупъ съ мотавшейся головой, лысой и блестящей, точно академическій жетонъ.

Часы во дворцѣ Мазарини пробили часъ, когда подъ своды академіи внесли на носилкахъ тѣло Астье-Регю; носильщики тяжело ступали по мощеному двору, оставляя за собою зловѣщія струйки воды. Внизу лѣстницы подъ литерою В. сдѣлали передышку; большой квадратъ голубаго неба виднѣлся надъ дворомъ, ослѣпительно блестѣвшимъ отъ солнца. Изъ подъ приподнятаго брезента носилокъ показались въ послѣдній разъ мертвыя черты Леонарда Астье-Регю. Засѣданіе комисіи по составленію лексикона было прекращено по случаю траура; товарищи-академики столпились вокругъ самоубійцы съ обнаженными головами; однако, его смерть скорѣе поразила и возмутила ихъ, чѣмъ опечалила. Эта сцена привлекла также массу посторонней публики: рабочихъ, мелкихъ чиновниковъ, ремесленныхъ учениковъ, такъ какъ дворъ академіи служитъ проходомъ между улицей Мазарини и набережной; въ числѣ ихъ оказался и кандидатъ Фрейдэ; онъ заплакалъ надъ трупомъ своего учителя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у него тотчасъ мелькнула мысль о новомъ вакантномъ креслѣ, хотя виконтъ и упрекнулъ себя въ эгоизмѣ.

Какъ разъ въ ту минуту престарѣлый Жанъ-Регю спускался съ лѣстницы, отправляясь на обычную прогулку для пищеваренія. Старикъ ничего не зналъ; онъ удивился при видѣ толпы у подъѣзда и захотѣлъ взглянуть, что̀ это значитъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ напрасно старались удержать его. Понялъ ли онъ? узналъ ли утопленника?.. Его черты остались неподвижными, а глаза смотрѣли безъ всякаго выраженія, какъ у Минервы подъ бронзовой каской; постоявъ у носилокъ, пока рабочіе покрывали полосатымъ тикомъ жалкое застывшее лицо покойника, Жанъ-Регю, гордо выпрямившись, пошелъ своей дорогой, какъ ни въ чемъ не бывало. Рядомъ съ нимъ шагала его исполинская тѣнь. Этотъ человѣкъ по справедливости заслуживалъ названія «безсмертнаго». Уходя прочь, онъ кивнулъ головой, какъ будто хотѣлъ сказать:

«Вотъ еще что довелось мнѣ увидѣть!»

Конецъ.

НАШИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ НРАВЫ.

I.

«Конечно, во всякой литературѣ, во всѣ времена, есть *подонки*, какъ и самая литература, даже въ свои цвѣтущія эпохи, служитъ зеркаломъ не однихъ только благородныхъ стремленій и сторонъ человѣческаго духа, но также и другихъ. Съ этимъ легко еще мириться, но тяжело переживать такія времена, когда *литературные подонки выплываютъ безъ азорно наверхъ* и претендуютъ на господствующее, хозяйское положеніе въ области печатнаго слова, когда орудуемая ими литература начинаетъ «торговать» лестью и потаканіемъ невѣжеству, надутой глупости, мракобѣсію и дурнымъ страстямъ, когда, вслѣдствіе этого, въ самой пишущей братіи происходитъ деморализація, и созданный добрыми литературными традиціями типъ писателя, уважающаго себя и свою профессію, смѣняется разнузданнымъ писакой-промышленникомъ, у котораго нѣтъ ничего настолько святаго, чего бы онъ не продалъ за хорошую построчную плату».

Такъ писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ В. О. Михневичъ въ «Наблюдателѣ», говоря о литературномъ шантажѣ. Нельзя не видѣть глубокой правды этихъ словъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что почтенный авторъ въ этихъ словахъ коснулся одного изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей литературной современности. Но г. Михневичъ говорилъ только о литературномъ *шантажѣ*, который, правда, практикуется въ настоящее время въ значительныхъ размѣрахъ, составляетъ характеристическую черту современныхъ литературныхъ нравовъ, но который, въ то же время, не есть единственная любопытная особенность этихъ нравовъ. Напротивъ того, мнѣ кажется, что литературный шантажъ есть только незначительная капля въ обширномъ болотѣ этихъ литературныхъ нравовъ, которые и сами по себѣ, помимо литературнаго шантажа, въ другихъ своихъ проявленіяхъ, составляютъ любопытную и, конечно, весьма поучительную сторону нашей русской дѣйствительности. Объ нихъ-то мы и намѣрены теперь побесѣдовать съ читателями.

Недаромъ этотъ «вопросъ» всплываетъ наружу отъ времени до времени въ той же самой печати, которая является и жертвой, и причиной этихъ нравовъ. «Мазура одолѣла», — какъ выражается одинъ знакомый мнѣ беллетристъ. Дѣйствительно, въ современной намъ «литературѣ» *мазура* возникаетъ, размножается, какъ крапива у забора, и торжествуетъ, какъ нахалы только и могутъ торжествовать. Куда дѣвалась *порядочность* литературныхъ кружковъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ? Куда дѣвались высшіе интересы, идеальныя стремленія, которыми было пропитано литературное общество добраго стараго времени? Гдѣ, въ настоящую минуту, тѣ высоко образованные люди, на которыхъ сосредоточивались всѣ лучшія упованія русскаго общества? Конечно, они несовсѣмъ еще исчезли, кое-гдѣ и теперь еще они попадаются, но они видимо пріуныли и, въ большинствѣ случаевъ, остаются посторонними наблюдателями, съ саркастической улыбкой глядя на «подвиги» современныхъ представителей литературнаго шантажа, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

На первый взглядъ все обстоитъ, какъ будто, благополучно. Ежедневная жизнь, съ ея заботами и мелочами, идетъ, казалось бы, своимъ обычнымъ путемъ, принося надежды и разочарованія, радости и печали; казалось бы, все шито и крыто. Такъ, по крайней мѣрѣ, можетъ показаться постороннему наблюдателю, который не углубляется въ предметъ. Но, на дѣлѣ, русская дѣйствительность вовсе не представляетъ такой пасторали. Отъ времени до времени, отвратительный гной этой дѣйствительности вдругъ шибнетъ въ носъ слишкомъ сильно, и тогда поднимаются вопли и сѣтованія, возникаютъ разоблаченія, и въ воздухѣ звучитъ негодованіе. Такое именно явленіе замѣчаемъ мы въ нашей печати. На видъ все идетъ, какъ по маслу: издатели издаютъ журналы и газеты, сотрудники пишутъ статьи, беллетристы увеселяютъ почтенную публику болѣе или менѣе художественными (а то и совсѣмъ не художественными) произведеніями,—и вдругъ, ни съ того, ни съ сего возникаетъ скандалъ,—собственно литературный скандалъ;—люди приходятъ въ нѣкоторый, вполнѣ понятный конфузъ, и въ той же самой печати, которая, по внѣшности, такъ примѣрно ведетъ себя, начинаются сѣтованія насчетъ низкаго уровня нашихъ литературныхъ нравовъ. Эти сѣтованія проявляются періодически, потому что и самые скандалы возникаютъ, такъ сказать, не ежедневно, а тоже періодически. Но въ нашихъ современныхъ нравахъ есть одна особенность, на которую, какъ намъ кажется, до сихъ поръ почти не обращали вниманія. Конечно, въ литературной нашей семьѣ—не безъ урода (безъ этого, какъ извѣстно, уже никакъ нельзя обойтись), но дѣло въ томъ, что самый уровень литературныхъ нравовъ за послѣднее время понизился чрезвычайно, понизился до такой степени, что посторонній зритель, ко-

торый бы познакомился съ современной литературной средой, хотя бы случайно, непремѣнно воскликнулъ бы, вмѣстѣ съ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ Островскаго: «Жестокіе, сударь, нравы въ нашемъ городѣ, очень жестокіе!»

Дѣйствительно, нравы эти жестоки, о чемъ и свидѣтельствуетъ прежде всего сама печать и словами, и фактами. Многіе видятъ причину этого пониженія нравовъ въ литературной *розни*. «Возьмите любую страну, (говоритъ по этому поводу «Петербургская Газета» 1885 г., отъ 12 декабря), приглядитесь къ любымъ литературнымъ нравамъ, никогда особенной чистотой не отличающимся, и все таки нигдѣ не встрѣтите вы такого глумленія надъ самимъ собой, такого самоосмѣянія, которое возникло и процвѣтаетъ у насъ. Повсюду, не смотря на значительно болѣе развитую конкуренцію, не смотря на тѣ же личные счеты, умѣютъ отдѣлять то и другое отъ общихъ интересовъ, отъ сознанія общей связи между всѣми пишущими, отъ сознанія того, что только высоко держа свое общее знамя въ глазахъ общества и читающей публики,—печать сильна, печать во всѣхъ своихъ видахъ только и можетъ достигать полезныхъ и плодотворныхъ результатовъ». Все это несомнѣнно справедливо, хотя, въ данномъ случаѣ, c'est le diable qui prêche la morale. Нашъ литературный персоналъ не составляетъ опредѣленной корпораціи, хоть сколько нибудь организованной, стремящейся къ извѣстной, опредѣленной цѣли, руководящейся стремленіемъ къ извѣстному идеалу, — къ идеалу общественнаго блага или высокой культуры, къ идеалу искусства и науки. Нѣтъ, литературный персоналъ самъ по себѣ, а онъ — русскій литераторъ — самъ по себѣ. Онъ не раздѣляетъ съ своими товарищами ни общихъ стремленій, ни общихъ цѣлей; чаще всего, у него нѣтъ за душой ровно ничего, онъ — промышленникъ, въ самомъ низменномъ значеніи этого слова; онъ пристраивается къ литературѣ, потому что не могъ пристроиться ни къ какому другому дѣлу и, разумѣется, преслѣдуетъ свои личныя цѣли, которыя, въ концѣ концовъ, сводятся на добываніе — не мытьемъ, такъ катаньемъ — рублей и копѣекъ. Онъ — хищникъ, и поступаетъ, какъ хищникъ. При такихъ условіяхъ, у него не можетъ быть ничего общаго съ его товарищами по оружію: они—соперники, они — мѣшаютъ другъ другу, слѣдовательно, враждуютъ между собой, подставляютъ другъ другу ножку, ведутъ мелкую, жалкую войну, стараясь повредить сопернику, а то—и совсѣмъ стереть его съ лица земли, если возможно. Отсюда и рознь. По мнѣнію «Недѣли» (1887 года), эта рознь объясняется страстію перемывать косточки ближняго. Для современнаго русскаго литератора,—по мнѣнію этой газеты, — величайшее счастіе составляетъ возможность уличить своего товарища по перу въ чемъ либо предосудительномъ, и потому, когда подобная возможность является, противъ винов-

наго поднимаютъ въ печати такую травлю, которая всего менѣе соотвѣтствуетъ и важности составляющихъ криминалъ дѣяній, и достоинству печати. Наши дѣятели печати не прочь и выдумывать вины своихъ противниковъ, чтобы имѣть матеріалъ для препирательствъ и возможности обнаружить якобы благородное негодованіе. И что всего печальнѣе,—къ подобнымъ пріемамъ прибѣгаютъ дѣятели печати и органы, которые считаютъ себя заслуживающими особаго уваженія, и для которыхъ тѣмъ обязательнѣе должно бы быть соблюденіе приличій по отношенію къ другимъ. Зло усиливается еще необычайнымъ развитіемъ самолюбія среди литераторовъ, между которыми нерѣдко встрѣчаются личности, мнящія себя необычайными талантами и смотрящія на товарищей, какъ на совершенныя ничтожества сравнительно съ собой». Кромѣ того, прибавляетъ «Недѣля»,—»въ числѣ дѣятелей печати встрѣчаются въ настоящее время люди даже съ *уголовнымъ прошлымъ*, люди, изучившіе искусство писать на сочинительствѣ доносовъ и т. п. Какимъ образомъ могло случиться, что столь благородное дѣло, какъ пользованіе печатнымъ словомъ, могло попасть въ столь нечистыя руки?»

Этотъ вопросъ кажется намъ довольно наивнымъ. Не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ подобные люди проникаютъ въ печать, какъ они проникаютъ и въ другіе слои общества, въ различныя корпораціи (напр., въ адвокатуру), по той простой причинѣ, что для вступленія въ извѣстный слой общества, въ извѣстную корпорацію не можетъ быть установленъ опредѣленный цензъ нравственности. Когда вы приносите статью или романъ для напечатанія въ редакцію журнала, то никому и въ голову не придетъ потребовать вашъ формулярный списокъ или справиться: хорошій ли вы мужъ? добродѣтельный ли чиновникъ? не судились ли вы за воровство?—Но если нельзя установить для вступленія въ литературу нравственный цензъ, то, во всякомъ случаѣ — дѣло самого общества или литературной корпораціи, если таковая существуетъ, оберегать себя отъ подобныхъ личностей, разъ они туда попали. Къ несчастію, вотъ этого-то именно и не дѣлается у насъ въ большинствѣ случаевъ. Понятно, послѣ этого, что люди «съ уголовнымъ прошлымъ» не только вселяются въ литературу, но и забираютъ ее въ свои руки.

Дѣло, слѣдовательно, не въ людяхъ «съ уголовнымъ прошлымъ», а въ чемъ-то другомъ,—въ самой, если можно такъ выразиться, конституціи нашего литературнаго общества. Конституція эта имѣетъ, если не ошибаюсь, одну своеобразную черту, которую едва ли можно встрѣтить въ какомъ либо другомъ, иностранномъ обществѣ. Я говорю о такъ называемой *кружковщинѣ*. Даже самое слово кружковщина не существуетъ ни въ какой другой литературѣ; оно—спеціальное достояніе русскаго языка. Въ европейской журналистикѣ существуютъ партіи, потому что существуетъ политическая,—значитъ, непосредственно практи-

ческая,—дѣятельность. Эти партіи враждуютъ между собой въ вопросахъ политики; каждая изъ нихъ имѣетъ очень строгую политическую организацію; но внѣ политики, въ вопросахъ обще-литературныхъ или вообще культурныхъ, въ вопросахъ науки и искусства, всѣ эти партіи сходятся, какъ люди, поклоняющіеся одному и тому же идеалу; они помогаютъ другъ другу, оберегаютъ себя взаимно. Ренанъ, можетъ быть, очень непріятенъ, въ качествѣ мечтательнаго консерватора, какой нибудь «Justice», радикальной газетѣ Клемансó, но та же газета отзывается съ величайшей похвалой о его историческихъ трудахъ и не разъ горячо защищала его отъ нападеній людей «съ уголовнымъ прошлымъ», ибо и во Франціи эти люди существуютъ,—существуютъ, можетъ быть, въ еще бóльшемъ количествѣ, чѣмъ въ Россіи. Но во французской журналистикѣ или въ какой либо другой европейской вы не встрѣтите такъ называемой кружковщины. *Кружковщина* — исключительная особенность русской жизни.

Понятіе «кружковщины» довольно трудно опредѣлить. Это нѣчто неуловимое и, въ то же время, нѣчто чрезвычайно реальное, ясное въ своихъ очертаніяхъ, и, тѣмъ не менѣе, оно все таки не поддается квалификаціи. Кружковщина похожа на гоголевскую слесаршу. «Побей Богъ тебя, говоритъ слесарша, на томъ и на этомъ свѣтѣ, чтобы и тебѣ, и если есть тетка, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ, если живъ у тебя, то чтобы и онъ, каналья, околѣлъ и поперхнулся навѣки, да чтобы и всей роднѣ твоей не привелось видѣть свѣта божьяго, и если теща, такъ чтобы и тещѣ...» Совершенно также поступаетъ и наша кружковщина. Это, если хотите, нѣчто въ родѣ партіи въ европейскомъ смыслѣ, но выжившей, такъ сказать, изъ ума,—партіи, въ которой общественный идеалъ исказился или, вѣрнѣе, слился съ личностями членовъ кружка. Они, эти члены, мнятъ себя единственными представителями «настоящей» литературы, и не видятъ, что въ дѣйствительности они—только представители своихъ личныхъ мизерныхъ интересиковъ, хотя и думаютъ, что защищаютъ какое-то направленіе... «Всѣ, кто *дружитъ* съ кружковой печатью, съ ея сотрудниками, всегда найдутъ для себя поддержку и защиту, и рекламу; послѣдняя, по глупости, конечно, идетъ иногда въ пересолъ, хватаетъ черезъ край и обращается въ медвѣжью услугу; и наоборотъ, всѣ, кто осмѣливается возвысить голосъ противъ нея, дѣлаются ея врагами, и уличная пресса не останавливается тогда *ни передъ чѣмъ*, чтобы отомстить врагу... Васъ непремѣнно будутъ стараться «прохватить», «продернуть», оболгать; настрочатъ и пасквиль, и оклевещутъ, и выставятъ въ карикатурѣ; словомъ, сдѣлаютъ все, что́ претитъ всякому честному и развитому человѣку, и это вполнѣ на руку этимъ, во истину, прохвостамъ пера и карандаша». («Русскій Курьеръ», 1886 г., 29 августа).

Между прочимъ, такъ смотритъ на литературную кружковщину и г. Скабичевскій, литературный критикъ «Новостей». «Пристанетъ писатель, говоритъ онъ, къ либеральному лагерю, въ консервативныхъ органахъ тотчасъ же начинаютъ затаптывать его въ грязь, отрицать въ немъ не только талантъ, но всякій образъ и подобіе человѣческіе; перейдетъ тотъ же самый беллетристъ въ консервативный лагерь, въ либеральныхъ органахъ, въ свою очередь, подымаются тотчасъ же вопли о паденіи таланта, объ исписаніи и т. п. Я не отвергаю политической критики, имѣющей цѣлью ратовать противъ проведенія писателями какихъ либо вредныхъ и ложныхъ тенденцій; но, при самыхъ ожесточенныхъ нападеніяхъ на писателей, идущихъ по ложнымъ дорогамъ, критики обязаны знать мѣру и, преслѣдуя то, что́ считаютъ ложнымъ и вреднымъ, не доходить до полнаго отрицанія писателя, который, быть можетъ, имѣетъ и свои достоинства, и свое значеніе въ литературѣ».

«*Критики обязаны знать мѣру*», это—по истинѣ великолѣпное изреченіе, съ которымъ, конечно, согласится всякій, ибо оно напоминаетъ такъ называемыя vérités de M. De-la-Palisse, блаженной памяти. Истина, какъ извѣстно, всегда изрекается невинными младенцами, а г. Скабичевскій,—какъ опять таки всякому извѣстно,—несомнѣнно «невинный младенецъ, хотя и въ старческомъ возрастѣ. Но любопытно, что вотъ этотъ невиннѣйшій младенецъ русской печати, изрекающій такія великолѣпныя истины и негодующій на кружковщину, самъ—одинъ изъ древнѣйшихъ и усерднѣйшихъ членовъ этой почтенной корпораціи. Онъ былъ такимъ, когда числился къ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», остался такимъ и теперь, когда сталъ работать въ «Новостяхъ». Во времена «Отечественныхъ Записокъ» онъ *ругалъ* писателей, которые переходили изъ либеральнаго лагеря въ консервативный; всякій литераторъ, не принадлежавшій къ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», подвергался *критикѣ* г. Скабичевскаго, и тогда г. Скабичевскій, въ качествѣ зоила, не считалъ себя обязаннымъ знать мѣру. Съ другой стороны, г. Скабичевскій всегда восхвалялъ (и тоже безъ всякой мѣры) всѣхъ литераторовъ, принадлежавшихъ къ кружку «Отечественныхъ Записокъ». Если г. Скабичевскій забылъ все это, то мы можемъ ему напомнить кое-какіе факты изъ его тогдашней практики. Впрочемъ, и теперь, принадлежа уже къ другому кружку, мало имѣющему общаго (или, вѣрнѣе, не имѣющему ничего общаго) съ кружкомъ «Отечественныхъ Записокъ», къ кружку «Новостей», г. Скабичевскій поступаетъ совершенно также. Онъ, напримѣръ, считаетъ нужнымъ писать цѣлые хвалебные фельетоны о «Любви» г. Нотовича, который тутъ же внизу, въ примѣчаніяхъ, исправляетъ его и доказываетъ ему, что онъ не понимаетъ сущности предмета, о которомъ берется писать. А между тѣмъ, въ брошюрѣ г. Нотовича,—говоря по всей справедливости,—нѣтъ ни «предмета», ни «сущности», а есть только

бездарное, но претенціозное празднословіе «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ»; и вздумай издать такую книжку кто нибудь изъ «нововременцевъ»,—«новостятники» поѣдомъ бы ѣли его цѣлыхъ три года. Повинуясь безпрекословно своему патрону, г. Скабичевскій не смѣетъ даже заикаться въ своихъ теперешнихъ фельетонахъ о журналахъ, почему либо неугодныхъ еврейской кликѣ.

Это послѣднее явленіе принадлежитъ къ такъ называемому *замалчиванію*. Это—то же своеобразная особенность литературныхъ нравовъ. Кому въ европейской журналистикѣ придетъ въ голову донимать своего противника... *молчаніемъ?* Не правда ли, любопытное средство? У насъ оно практикуется давно, съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ, и имѣетъ уже свою исторію. Писатели, которыхъ замалчивали, назывались въ прежнія времена *явленіями, пропущенными русской критикой*, и когда-то въ этихъ явленіяхъ фигурировалъ самъ гр. Л.Толстой. Теперь они никакъ не называются, а просто считаются не существующими. Случается, иной писатель десятки лѣтъ работаетъ въ литературѣ, его труды пользуются извѣстностью во всей Россіи, по временамъ проникаютъ даже въ Европу, русская публика читаетъ егосъ у довольствіемъ, въ нѣкоторыхъ, болѣе безпристрастныхъ органахъ печати онъ считается желательнымъ гостемъ, а между тѣмъ для *критиковъ* онъ какъ бы совершенно не существуетъ: его игнорируютъ, его фамилія предается остракизму, онъ—нѣчто въ родѣ миража, иллюзіи, о которой не стоитъ и говорить. Ругать его—неудобно: онъ кусается, и пребольно, къ тому же, съ какой стати составлять ему, хотя бы и бранью, извѣстность? Гораздо лучше замалчивать его, т. е. ровно ничего не говорить о немъ, *игнорировать* его. И замѣтьте прелюбопытнѣйшую особенность: слово «игнорировать» есть исковерканное на «русскій ладъ» французское слово ignorer (корень его—латинскій, но мы взяли его съ французскаго языка, какъ взяли изъ Франціи и всю свою культуру). На французскомъ языкѣ это слово означаетъ просто *не знать*, въ буквальномъ смыслѣ, безъ всякаго злаго умысла; мы же, перенеся это слово на русскую почву и придавъ ему совершенно особенное значеніе, котораго оно никогда не имѣло по французски, придали ему смыслъ коварный, двуличный; оно у насъ не означаетъ не знать, *а дѣлать видъ, что не знаешь*, съ умысломъ но замѣчать. Это слово даетъ, на мой взглядъ, отличное представленіе и о всей нашей культурѣ, заимствованной съ Запада,—культурѣ искаженной, оподленной, съ гнилью, въ самомъ своемъ младенчествѣ.

Но возвратимся къ «замалчиванію». Въ юридической практикѣ такой пріемъ называется шантажемъ, просто, безъ экивоковъ. Какъ онъ называется въ литературѣ, я не знаю, но думаю, что и въ литературѣ его нельзя причислить къ пріемамъ особенно почтеннымъ. Въ былыя времена покойный «Голосъ», говорятъ, не допускалъ въ своихъ статьяхъ упоми-

нанія фамиліи г. Боборыкина. Г. Боборыкинъ, напримѣръ, напишетъ романъ; романъ читается въ публикѣ, объ немъ говорятъ, имъ интересуются, онъ вызываетъ споры, а подписчики «Голоса», если они не читаютъ другихъ газетъ и журналовъ, такъ и не подозрѣваютъ существованія этого романа, какъ они не подозрѣваютъ и существованія самого г. Боборыкина; а если и услышатъ какъ нибудь случайно эту фамилію, то, вѣроятно, считаютъ ее такъ себѣ, звукомъ пустымъ, не отвѣчающимъ никакому реальному явленію. Но у «Голоса» были, по крайней мѣрѣ, другія хорошія качества, ради которыхъ публика извиняла ему эти странные пріемы. То же самое замалчиваніе, если не ошибаюсь, практиковалось и по отношенію къ покойному Мельникову (Печерскому). Такъ замалчивали и Меня, блеснувшаго въ русской поэзіи блестящимъ метеоромъ. Большинство русскихъ журналовъ и газетъ не помѣстили даже его некролога на своихъ столбцахъ. Съ тѣхъ поръ, въ русской печати не говорилось о немъ ни одного слова, въ теченіе болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ. Онъ былъ забытъ и забытъ такъ радикально, благодаря замалчиванію, что настоящее молодое поколѣніе, вѣроятно, не знало бы и самаго имени его, еслибъ не нашелся храбрый книгопродавецъ, который выпустилъ новое изданіе его сочиненій.

Теперь пріемъ замалчиванія распространяется не только на отдѣльныхъ лицъ, но и на цѣлые органы печати. Какъ видите, мы прогрессируемъ. Г. Скабичевскій придумалъ даже совсѣмъ особое улучшеніе въ замалчиваніи и видимо гордится своимъ изобрѣтеніемъ. Онъ никогда не упоминаетъ (въ послѣдніе годы) названій журналовъ, когда ему приходится говорить о произведеніяхъ, напечатанныхъ этими журналами. У г. Скабичевскаго существуютъ свои симпатіи и антипатіи, какъ и у всякаго человѣка, но у него эти симпатіи и антипатіи выражаются какъ-то особенно своеобразно. Упоминать, видите ли, объ одномъ журналѣ, не упоминая о другомъ,—какъ будто неудобно, непорядочно: вѣдь въ критикѣ—безпристрастіе прежде всего. Вотъ онъ и придумалъ: ни объ одномъ журналѣ не упоминать, а читатель пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ. Иной разъ, прочитавъ разборъ г. Скабичевскаго, хотѣлось бы, изъ любопытства или изъ желанія провѣрить критика, прочитать и разбираемое произведеніе; но гдѣ оно помѣщено, въ какомъ журналѣ? Неизвѣстно; г. критикъ не счелъ нужнымъ указать на это обстоятельство: ищи, гдѣ хочешь. Иной читатель и радъ бы поискать, но какъ искать и гдѣ? Г. Скабичевскій поступилъ такъ іезуитски, что не только не упомянулъ о журналѣ, гдѣ помѣщено произведеніе, но, какъ бы по забывчивости (коварный человѣкъ!) не упомянулъ фамиліи автора и даже заглавія самого произведенія! Читатель поищетъ, поищетъ и броситъ... Такъ иные критики отучаютъ публику отъ чтенія. Еще въ прошломъ году, если не ошибаюсь, г. Михайловскій упрекалъ «Русскую Мысль» въ томъ, что

этотъ журналъ, въ своихъ библіографическихъ обозрѣніяхъ, *никогда не говоритъ* о двухъ журналахъ, имѣющихъ однако свою публику и играющихъ не послѣднюю роль въ русской современной журналистикѣ,—о «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и о «Наблюдателѣ». Но «Русская Мысль» такъ и не отвѣтила на упрекъ г. Михайловскаго; она *умолчала* объ этомъ обстоятельствѣ, и нѣсколько исправилась. Это—то же своего рода замалчиваніе: не отвѣчать, когда отвѣчать неудобно. Въ этомъ отношеніи, особенной виртуозности достигли двѣ газеты: «Новости» и «Русскія Вѣдомости». Эти газеты какъ бы поклялись другъ другу не говорить о «Наблюдателѣ», что̀ бы въ этомъ журналѣ ни появлялось, хотя бы статьи постоянныхъ сотрудниковъ тѣхъ же газетъ. Весьма похвальная твердость «убѣжденій». Нельзя ли эту твердость объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что въ «Новостяхъ» орудуетъ критикой г. Скабичевскій, а въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Введенскій,—два литератора, имѣющіе, какъ извѣстно, очень много общаго между собой и по складу ума, и по нравственнымъ принципамъ, и по образованію?

Въ наше обильное всякими изобрѣтеніями время, пріемъ замалчиванія пріобрѣлъ новое, очень своеобразное примѣненіе: теперь газета замалчиваетъ своего конкурента не только въ текстѣ, не только въ отзывахъ, но и въ объявленіяхъ. Вы издаете, напримѣръ, газету, которая плохо расходится. Редакція другой газеты присылаетъ вамъ объявленіе о своемъ изданіи для напечатанія (понятно, за деньги). Вы денегъ не берете, но не берете и объявленія: проваливай, молъ; мы твоихъ объявленій печатать не намѣрены. Недавно такъ поступилъ «Свѣтъ», отказавшись напечатать объявлоніе объ изданіи газеты «День», хотя, казалось бы,—какъ и замѣтилъ «День» по этому поводу,—«что̀ можетъ быть ближе, какъ *свѣтъ* и *день*». Въ редакціи «Свѣта» такъ прямо и заявили, что никакъ не могутъ напечатать объявленія конкурента. «Достопочтеннѣйшій Виссаріонъ Виссаріоновичъ—прибавляетъ «День»—повидимому, полагаетъ, что этимъ путемъ онъ укроетъ отъ публики свѣтъ «Дня» и оставитъ ее при томъ освѣщеніи, которое изготовляется на Невскомъ, № 118. Желаемъ ему полнаго успѣха. Нѣкогда такимъ образомъ спасались отъ конкурента «Недѣля», «Сынъ Отечества» и «Газета Гатцука», отказавшіеся печатать объявленія объ еженедѣльномъ предшественникѣ «Дня», но увы! достигли какъ разъ противоположныхъ результатовъ. Первый примѣръ этого своеобразнаго замалчиванія подали, какъ кажется, «Новости» (нѣсколько лѣтъ тому назадъ), отказавшись печатать объявленія «Сына Отечества»... Но объ этомъ, въ сущности, и распространяться не сто́итъ; это уже не литературное дѣло, а лавочное. Не любопытное ли, однако, обстоятельство, что нѣкоторыя русскія газеты, отказываясь отъ своего прямаго призванія быть литературными и политическими выразителями русскаго общества, превращаютъ свои редакціи въ мелочныя ла-

вочки, гдѣ ругаютъ своихъ сосѣдей, подобныхъ же лавочниковъ, торгуютъ словомъ и совѣстью, занимаются шантажемъ, распространяясь съ благороднымъ негодованіемъ о гниломъ будто бы Западѣ и о цѣломудренномъ величіи молодой, полной свѣжихъ силъ, русской печати.

II.

Коломенскій Кандидъ, какъ-то въ припадкѣ удачнаго остроумія, сравнилъ нашу литературную братію съ «непокореннымъ» Кавказомъ, гдѣ всѣ аулы находятся во взаимной, перекрестной и непримиримой враждѣ. На мой взглядъ, это сравненіе чрезвычайно удачно: оно совершенно вѣрно изображаетъ *дикость* нашихъ литературныхъ нравовъ. «Каждый кружокъ,—говоритъ Коломенскій Кандидъ»,—каждый органъ считаетъ себя единственно достойнымъ существованія, хвалы и поощренія, и рѣшительно отказываетъ въ правѣ на это всѣмъ другихъ. *И нѣтъ такой клеветы, нѣтъ такой пакости и брани, которыя не нашли бы себѣ примѣненія въ этой осатанѣлой грызнѣ»*. Исполненный альтруистическихъ чувствъ, Коломенскій Кандидъ предложилъ даже организовать литературное содружество, которое бы властно и авторитетно поддерживало всѣхъ, кто нуждается въ поддержкѣ, и ограждало бы молодыя, начинающія силы отъ такой травли, вліяло бы смягчающимъ образомъ на жестокіе литературные нравы и гуманизировало журнальныя отношенія, которыя въ настоящемъ ихъ видѣ носятъ, говоря выраженіемъ лѣтописи, «звѣриный образъ».—Разумѣется, такое литературное содружество организовать нельзя, оно совершенно немыслимо въ нашей русской дѣйствительности. Эти неприглядные литературные нравы являются результатомъ не проникновенія въ литературу разныхъ проходимцевъ,—они зависятъ отъ болѣе глубокихъ причинъ, лежащихъ, можетъ быть, въ самомъ русскомъ обществѣ; слѣдовательно, и всяческія искусственныя мѣропріятія для «укрощенія» русской журналистики, для водворенія въ ней благообразія, для огражденія ея отъ проходимцевъ—во всякомъ случаѣ не помогутъ до поры, до времени.

Ужь не лучше ли было бы устроить нѣчто въ родѣ школы журналистовъ, какъ это устроилъ въ Лондонѣ одинъ очень остроумный и чрезвычайно добродѣтельный англійскій журналистъ? Имя этого благодѣтеля—Давидъ Андерсонъ. Въ теченіе своей продолжительной, тридцатилѣтней журнальной дѣятельности, онъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ много теряютъ газеты вслѣдствіе недостатка спеціальнаго образованія сотрудниковъ. Школа, которую онъ открылъ, имѣетъ въ виду облегчить занятія молодежи, подготовляющейся къ журнальной дѣятельности. Андерсонъ увѣряетъ, что, по окончаніи курса въ его школѣ, который продолжается одинъ годъ, молодой журналистъ, при тѣхъ условіяхъ, въ ко-

торыхъ находится англійская пресса, можетъ разсчитывать на заработокъ отъ 6 до 20 фунтовъ стерлинговъ еженедѣльно. Но зато и гонораръ за годичный курсъ обученія въ его школѣ составляетъ 100 фунтовъ стерлинговъ. Обученіе въ школѣ Андерсона — двояко: научное и практическое. Самъ директоръ исполняетъ обязанности редактора большой политической газеты, а учащіеся исполняютъ обязанности сотрудниковъ. Директоръ ежедневно приходитъ въ редакцію въ 10. часовъ утра, просматриваетъ письма и газеты и раздаетъ темы своимъ ученикамъ; одного изъ нихъ посылаетъ въ картинную галлерею, другаго—на какое нибудь засѣданіе ученаго общества, третьяго—на засѣданіе парламента, четвертому поручаетъ изложить сущность большой статьи какой нибудь заграничной газеты въ 5—10 строкахъ. Кромѣ того, Андерсонъ излагаетъ разные предметы, имѣющіе отношеніе къ прессѣ и согласно требованіямъ журнальнаго дѣла; ознакомливаетъ учащихся съ тѣмъ, какъ должны собираться свѣдѣнія и какъ пользоваться свѣдѣніями изъ заграничныхъ газетъ, какъ телеграфировать, или обращаться съ полиціей и чиновниками разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и проч.

Само собой разумѣется, что въ Россіи такая школа должна имѣть иную организацію и отчасти—иныя цѣли; но за образецъ мы бы все таки могли взять школу Андерсона. Англійская школа имѣетъ цѣлью спеціальное, такъ сказать, профессіональное образованіе журналистовъ; русская школа, не теряя изъ виду этой цѣли, должна быть направлена, прежде всего, на то, чтобы совлечь съ молодыхъ журналистовъ ихъ «звѣриный образъ». Для того чтобы такое учрежденіе имѣло успѣхъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, необходимо сдѣлать его благотворительнымъ, т. е. безплатнымъ или почти безплатнымъ, ибо только при этихъ условіяхъ школа можетъ имѣть учениковъ. Сдѣлайте ее платной—никто и не поступитъ въ нее, ибо начинающій русскій литераторъ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно увѣренъ, что для того, чтобы быть журналистомъ, нужно лишь знать грамоту съ грѣхомъ пополамъ и обладать необходимою смѣлостью писать о чемъ угодно,—преимущественно же о предметахъ, о которыхъ не имѣешь никакого понятія. Есть даже редакціи, которыя такихъ именно сотрудниковъ предпочитаютъ всякимъ другимъ (напр., редакція «Моск. Вѣдомостей»). — Итакъ, школа должна быть безплатной; поэтому во главѣ такого учрежденія долженъ стоять нашъ литературный фондъ. Литературный фондъ, какъ извѣстно, пользуется, по праву, уваженіемъ русскаго общества. Ставъ во главѣ такого благотворительнаго учрежденія, онъ могъ бы примѣнить съ пользою свою дѣятельность, теперь нѣсколько неопредѣленную, къ дѣлу несомнѣнной важности для будущаго русской журналистики. Теперь, въ большинствѣ случаевъ, дѣятельность литературнаго фонда ограничивается солидною денежною помощью

нѣкоторымъ извѣстнымъ русскимъ литераторамъ, которые не нуждаются въ этой помощи, но въ то же время не прочь прогуляться на даровщинку за границу подъ предлогомъ болѣзни, или не любятъ платить въ гимназію за обученіе своихъ дѣтей; затѣмъ, литературный фондъ удѣляетъ отъ себя кое-какія крохи журнальнымъ труженикамъ, которые въ большинствѣ случаевъ пропиваютъ ихъ немедленно по полученіи; устраиваетъ неудачныя литературныя чтенія съ цѣлью увеличенія своего капитала; выступаетъ съ изданіями, плохо редактируемыми, и проч. Вся эта дѣятельность могла бы съ бо́льшимъ успѣхомъ направиться на завѣдываніе школою журналистовъ. Во главѣ литературнаго фонда, къ величайшему нашему счастію, мы имѣемъ широко образованныхъ литераторовъ, извѣстныхъ ученыхъ, многосторонне просвѣщенныхъ адвокатовъ, знающихъ по опыту, какими удивительными бо́лячками страдаетъ нашъ журнализмъ. Кому же, какъ не имъ, управлять дѣлами столь великой общественной важности?

Прежде всего, мы бы однако настаивали на просвѣтительномъ началѣ: русскій образованный человѣкъ (шила въ мѣшкѣ не утаишь!) вообще говоря, плохо образованъ, не смотря на то, что зачастую имѣетъ въ карманѣ кандидатскій дипломъ; а о русскомъ журналистѣ и говорить нечего:—онъ, въ большинствѣ случаевъ, просто круглый невѣжда. Случается даже (какъ это ни странно кажется), что онъ плохо обученъ грамотѣ. Его невѣжество обнаруживается на всякомъ шагу—въ абсолютномъ незнаніи исторіи, въ полномъ незнакомствѣ съ существующими политическими учрежденіями въ Россіи и за границей, въ чудовищныхъ понятіяхъ объ исторіи всемірной литературы, въ совершеннѣйшей невинности относительно самыхъ обыкновенныхъ терминовъ философіи и проч. Въ доказательство этого, по истинѣ, невѣроятнаго невѣжества я могу привести два-три примѣра. Одинъ «извѣстный публицистъ», пишущій статьи по международной политикѣ въ одной большой газетѣ, однажды, въ разговорѣ съ авторомъ настоящей статьи, смѣшалъ функціи нынѣшняго французскаго сената съ функціями русскаго сената; въ невинности души своей, онъ полагалъ, что французскій сенатъ—такое же судебное учрежденіе, какъ сенатъ русскій; о законодательной роли французскаго сената, какъ высшей палаты, онъ, очевидно, не имѣлъ ровно никакого понятія. Другой «передовикъ», тоже довольно извѣстный, до сихъ поръ увѣренъ, что французскій парламентъ до 1789 г. и послѣ 1789 г.—совершенно одно и то же; при такой увѣренности, вы легко можете догадаться, какое понятіе онъ имѣетъ о цѣляхъ и смыслѣ великой французской революціи. Съ другой стороны, одинъ извѣстный критикъ, нынѣ находящійся уже въ пожиломъ возрастѣ, завѣдывавшій критическимъ отдѣломъ въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ изданій, смѣшалъ двухъ писателей, не имѣющихъ между собой ничего общаго:

Фурье и Курье. Одинъ изъ молодыхъ литераторовъ принесъ ему статью о Полѣ-Луи Курье, извѣстномъ французскомъ памфлетистѣ временъ реставраціи; извѣстный критикъ возвратилъ ее, не читавши, говоря, что о Фурье много было уже писано, и къ тому же этотъ предметъ не цензуренъ. Когда «недоразумѣніе» обнаружилось, благодаря робкому возраженію молодаго литератора, извѣстный критикъ чрезвычайно удивился и съ любопытствомъ разспрашивалъ о Курье, о его произведеніяхъ, о томъ, какъ онъ жилъ, и проч. Наконецъ, четвертый примѣръ,—тоже изъ дѣйствительности,—представляетъ уже рѣдко достигаемую вершину самаго чудовищнаго невѣжества и нахальства. Одна извѣстная газета, говоря о «Письмахъ графини Лиды и Надсона», приравняла эту нелѣпую и глупую книжонку къ «Божественной Комедіи» Данте, а графиню Лиду—къ Беатриче. Какое, должно быть, понятіе имѣютъ въ этой почтенной редакціи о величайшемъ поэтическомъ произведеніи среднихъ вѣковъ!—Все это мы не выдумали; все это—несомнѣнные историческіе факты; въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній, я могу указать на фамиліи этихъ удивительныхъ дѣятелей нашей печати.

При этихъ условіяхъ понятно, что *просвѣщать* этихъ дѣятелей печати—священнѣйшій долгъ литературнаго фонда, а стало быть и школы, во главѣ которой онъ долженъ стоять. Въ школѣ, поэтому, непремѣнно долженъ читаться хотя бы самый элементарный курсикъ политической исторіи, государственнаго права; школа должна знакомить съ важнѣйшими политическими и государственными учрежденіями Россіи и Европы, возобновлять въ памяти учащихся кое-какія свѣдѣнія изъ географіи, объяснять, что психологія и психіатрія—двѣ науки разныя и проч. Собственно для беллетристовъ и поэтовъ, можно было бы приспособить крошечный курсикъ риторики и піитики, давать нѣкоторыя элементарныя понятія о томъ, что такое беллетристическое произведеніе, какую цѣль должна преслѣдовать поэзія и т. д. Будущихъ критиковъ можно было бы заставлять почитывать, хотя бы немножко, Лессинга, философскія статьи Шиллера, характеристики Сентъ-Бёва, Тэна, Матью Арнольди и нѣкоторыхъ другихъ; можетъ быть, благодаря этому чтенію, наши аристархи отучились бы думать, что критика есть высказываніе своего личнаго мнѣнія и что критикомъ можетъ быть всякій, умѣющій читать и писать. Не мѣшало бы также прихватить кое-какія общія понятія философіи, чтобы будущій критикъ не смѣшивалъ, напримѣръ, Огюста Конта съ Эмануиломъ Кантомъ, а Гегеля не представлялъ бы себѣ въ видѣ кретина, котораго слѣдовало посадить въ сумашедшій домъ, а не давать каѳедру въ берлинскомъ университетѣ. Эти послѣдніе примѣры я привелъ потому, что все это и много другихъ подобныхъ же курьезовъ мнѣ не разъ случалось встрѣчать въ критическихъ статьяхъ.

Рядомъ съ этимъ просвѣтительнымъ началомъ, школа должна пре-

слѣдовать и этическія цѣли, воспитывать въ учащихся чувство собственнаго достоинства, порядочности, хотя бы и внѣшней только, искоренять самохвальство и самомнѣніе, объяснять, почему самовосхваленіе есть черта въ высшей степени отвратительная, почему въ печати нельзя прибѣгать къ непорядочнымъ средствамъ, почему литературный шантажъ есть преступленіе, хотя прямо и не предусмотрѣнное, но, тѣмъ не менѣе, наказуемое русскими уголовными законами по аналогіи, почему нелицемѣрное товарищество и дѣйствительная порядочность должны составлять всенепремѣннѣйшее свойство всякаго литератора, почему нельзя быть литераторомъ, а тѣмъ болѣе литераторомъ вліятельнымъ, не имѣя за душой ничего, не выработавъ въ себѣ опредѣленнаго общественнаго, политическаго и философскаго міровоззрѣнія, и обладая лишь нахальствомъ и маніей величія.

Но я, очевидно, замечтался и сталъ строить воздушные замки, совершенно непригодные для русской дѣйствительности. Совершенно очевидно, что такое благодѣтельное учрежденіе не можетъ осуществиться и что литературный фондъ не возьметъ на себя иниціативы въ такомъ дѣлѣ: не проще ли устраивать литературныя чтенія, плохо издавать сочиненія лучшихъ русскихъ писателей и давать подачки, не приносящія никому пользы? Гораздо проще, — съ этимъ согласится всякій. Съ другой стороны, необходимо прибавить, что такая школа, не смотря на самую настоятельную потребность въ ней, есть несомнѣнная утопія, ибо какой же начинающій писатель захочетъ чему нибудь учиться, пріобрѣтать нѣкоторыя необходимыя свѣдѣнія и хотя бы внѣшній видъ порядочности,—тратить, слѣдовательно, *золотое* время,—когда онъ и безъ всего этого будетъ принятъ съ распростертыми объятіями многими редакціями, если только у него есть достаточная доза нахальства и развязности?

И въ самомъ дѣлѣ, оставимъ шутки и поговоримъ лучше серьозно о нахальствѣ и развязности. Не посвященный въ тайны русскаго журнализма читатель, можетъ быть, подумаетъ, что ничего подобнаго не встрѣчается, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ русскихъ литераторовъ, и что все это я выдумываю для краснаго словца. Мнѣ приходится поэтому подтвердить мои слова фактами, какъ это ни прискорбно. Но тутъ оказывается такъ много фактовъ, что трудно разобраться въ нихъ, трудно сдѣлать настоящій выборъ, тѣмъ болѣе, что исторія русской журналистики съ этой точки зрѣнія не была еще никѣмъ написана. Поэтому мнѣ приходится указать на нѣсколько фактовъ, случайно оставшихся въ моей памяти.

Г. Скабичевскій, напримѣръ, несомнѣнно развязенъ, хотя въ то же время необыкновенно откровененъ и наивенъ (рѣдкое, по моему, свойство въ русскомъ литераторѣ); онъ называетъ молодыхъ русскихъ поэтовъ

лилипутами, да и себя кстати, въ качествѣ критика, причисляетъ къ самымъ рѣдкостнымъ лилипутамъ нашего времени. Кажется, что въ этомъ отношеніи онъ невзначай сказалъ истинную правду: Онъ пишетъ фельетонъ, озаглавленный: «Къ вопросу о пьянствѣ въ литературѣ», полагая, очевидно, что пишетъ критическую статью. Затѣмъ, онъ сообщаетъ читателямъ свои мысли о назначеніи искусства и о необходимости пересмотра всѣхъ прежнихъ эстетическихъ теорій. По мнѣнію г. Скабичевскаго, объ эстетическія формулы: «искусство для искусства» и «искусство для жизни»,—въ настоящую минуту не состоятельны, ибо появились беллетристы, которые, такъ сказать, разомъ поклоняются обоимъ этимъ богамъ. Къ сожалѣнію, по мнѣнію г. Скабичевскаго, критика продолжала по старой рутинѣ исповѣдывать свои старыя заповѣди и потому была сбита съ толку молодыми беллетристами во всемъ своемъ составѣ: однимъ словомъ, ни входа, ни выхода въ этомъ лабиринтѣ (критикѣ) не найдете, — «и такъ это и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока критика будетъ разбирать писателей не сообразно тому, что они даютъ, а по своимъ собственнымъ требованіямъ отъ нихъ того, что бы ей желалось получать отъ нихъ» (языкъ-то каковъ?!). И это называется пересмотромъ прежнихъ эстетическихъ теорій! Помилосердуйте, г. Скабичевскій, не будьте столь наивны. Какой же это пересмотръ? Все это давнымъ давно уже пересмотрѣно и давнымъ давно сдано въ архивъ. Вы бы хоть заглянули въ сочиненія Бѣлинскаго, что ли, если уже произведенія Сентъ-Бева, Гегеля, Жанъ-Поль-Рихтера и другихъ критиковъ и теоретиковъ искусства вамъ недоступны. Одинъ писалъ въ то время, какъ васъ еще не было на свѣтѣ, а другіе—тогда, когда вы еще лазили подъ столъ и бѣгали въ рубашонкѣ. Чему же вы научились съ тѣхъ поръ какъ выросли? И какъ могло случиться, что вы всю свою жизнь, до самаго послѣдняго времени, придерживались узкой тенденціозной критики, въ то время, когда эта критика еще съ самаго начала нынѣшняго столѣтія была окончательно осуждена въ философіи? И какъ, наконецъ, могло случиться, что вы и теперь, уже сознавъ свои прежнія заблужденія,—продолжаете однако пѣть въ старую дудку и пишете о «сельской общинѣ, по сочиненіямъ г. Златовратскаго»,—какъ вы сами выражаетесь?

Г. Скабичевскій, какъ извѣстно, проповѣдуетъ бережное обращеніе съ печатнымъ словомъ,—говоря проще: литературную порядочность. А между тѣмъ, въ свое время, вниманіе читающей публики было обращено на письмо Г. З. Елисеева, который жаловался на непорядочное къ нему отношеніе г. Скабичевскаго. Г. Елисеева поразилъ одинъ любопытный фактъ, какъ въ Ялтѣ не былъ разрѣшенъ начальствомъ спектакль въ пользу литературнаго фонда. Г. Елисеевъ написалъ по этому поводу статью съ нѣкоторыми любопытными соображеніями. Статья эта попала

въ руки г. Скабичевскаго, который и помѣстилъ ее въ «Новостяхъ», «но—жалуется авторъ — не въ качествѣ корреспонденціи, а въ видѣ передѣланнаго изъ корреспонденціи фельетона, съ придуманнымъ самой редакціей заглавіемъ и съ подписью моего имени, хотя ни на передѣлку корреспонденціи въ фельетонъ, ни на перемѣну заглавія, ни, наконецъ, на подпись моего имени я не давалъ редакціи никакого права». Такова литературная порядочность г. Скабичевскаго и его развязность. Онъ хотя бы вспомнилъ, что не ему исправлять г. Елисеева, который, будучи однимъ изъ соредакторовъ «Отечественныхъ Записокъ», не разъ исправлялъ безграмотныя писанія г. Скабичевскаго.

Читатель, конечно, не забылъ еще исторіи объ Иринархѣ Плутарховѣ. Это прелюбопытная исторія. Г. Максимъ Бѣлинскій написалъ романъ подъ заглавіемъ «Иринархъ Плутарховъ», который былъ напечатанъ въ «Наблюдателѣ». Романъ произвелъ необыкновенную *сенсацію* въ литературныхъ кружкахъ, потому что нѣкоторые догадливые читатели сразу сообразили, что въ этомъ романѣ г. Бѣлинскій выставилъ въ карикатурѣ одного критика; называли даже имя этого аристарха. Кажется, и самъ критикъ сознался, что Иринархъ Плутарховъ есть портретъ, списанный съ него,—однимъ словомъ, «расписался въ полученіи». Въ московской и петербургской печати началась травля г. Бѣлинскаго, хотя несомнѣнно знали, что г. Бѣлинскій никакой конкретной личности не имѣлъ въ виду. Въ особенности г. Скабичевскій оскорбился, когда, въ отвѣтъ на всѣ эти нападенія, г. Бѣлинскій замѣтилъ, что его Иринархъ Плутарховъ не *портретъ*, а *типъ*. «Когда я писалъ этотъ романъ,—говоритъ авторъ,—то у меня передъ глазами стоялъ только Иринархъ Плутарховъ, и мнѣ не было дѣла ни до одного критика, тѣмъ болѣе не одушевляла меня месть. Еслибы я хотѣлъ отомстить какому нибудь критику, я бы написалъ пять строкъ. Этого было бы совершенно достаточно для такого маленькаго и ничтожнаго дѣла, какъ месть. Конечно, можно найти нѣкоторыя общія черты между Иринархомъ Плутарховымъ и гг. великими и славными критиками нашими, наполняющими въ настоящее время своими замѣчательными произведеніями петербургскія и московскія газеты. Да не только можно найти—это должно быть, потому что Иринархъ Плутарховъ—типъ. Я тоже думаю, что единодушныя нападки на меня гг. критиковъ объясняются именно тѣмъ, что *каждый изъ нихъ видитъ въ Иринархѣ Плутарховѣ частицу самого себя*. Не желая, однако, открыто признавать это, они сваливаютъ все съ больной головы на здоровую и хотятъ увѣрить публику, что я изобразилъ не *вообще* столичнаго газетнаго литератора, а какого-то *одного* извѣстнаго критика. Я увѣренъ, что жертвою своей проницательности они избрали какого нибудь полуграмотнаго фельетониста, основываясь на двухъ-трехъ сходственныхъ признакахъ, напр., на созву-

чіяхъ фамилій». Нельзя не признать справедливымъ это объясненіе г. Бѣлинскаго. Дѣйствительно, его Иринархъ Плутарховъ есть типъ, а вовсе не портретъ «полуграмотнаго фельетониста», о которомъ говорится. Иринархъ Плутарховъ гораздо образованнѣе этого фельетониста; и вообще—неизмѣримо выше своего предполагаемаго оригинала. А если это дѣйствительно портретъ, то и фельетонистъ, и другіе, обидѣвшіеся на г. Бѣлинскаго, критики должны были бы радоваться, что они предстали въ произведеніи г. Бѣлинскаго en beau, а не en laid, — ибо такъ въ дѣйствительности и есть. Но извѣстно, до какой степени люди неблагодарны. Чтобы доказать это, я бы посовѣтовалъ г. Бѣлинскому написать другой романъ, въ которомъ Иринархъ Плутарховъ былъ бы изображенъ *фотографически вѣрно*, въ его настоящемъ «звѣриномъ образѣ»,—безъ шаржа, но и безъ прикрасъ. Тогда, можетъ быть, эти господа пришли бы въ ужасъ, увидѣвъ себя въ своемъ дѣйствительномъ видѣ, въ зеркалѣ, такъ сказать, искусства!..

Вижу, къ сожалѣнію, что г. Скабичевскій въ настоящей моей статьѣ занимаетъ, такъ сказать, выдающееся мѣсто. Произошло это рѣшительно помимо моей воли, какъ-то само собой, по той простой причинѣ, что почтенный критикъ въ высшей степени обладаетъ всѣми тѣми свойствами, которыя составляютъ предметъ моей статьи. Онъ, такъ сказать, одинъ изъ лучшихъ представителей тѣхъ журнальныхъ нравовъ, о которыхъ я говорю. Вотъ и теперь, я было думалъ оставить г. Скабичевскаго въ покоѣ, но мнѣ подвертывается еще одинъ фактъ, о которомъ я не могу не упомянуть. Фактъ этотъ—прелюбопытная и прекурьезная полемика, возникшая, если не ошибаюсь, въ прошломъ году, между г. Скабичевскимъ и г. Михайловскимъ. Въ то время оба эти писателя были сотрудниками «Сѣвернаго Вѣстника», значитъ, были, такъ сказать, товарищами, тѣмъ болѣе, что и «Сѣверный Вѣстникъ» допускаетъ въ свое святилище только «своихъ», удерживая въ этомъ отношеніи (и только въ этомъ) «направленіе» «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ, при несомнѣнныхъ достоинствахъ журнала, самая узкая и нетерпимая кружковщина практиковалась весьма упорно. Полемика, о которой мы говоримъ, возникла однако не въ самомъ «Вѣстникѣ»; г. Михайловскій писалъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», а г. Скабичевскій препирался съ нимъ въ «Новостяхъ». Споръ возникъ по предмету очень своеобразному и, такъ сказать, пикантному. Г. Скабичевскій доказывалъ, что амурныя увлеченія позволительны только юношамъ и должны быть совершенно воспрещены людямъ, украшеннымъ сѣдинами и претендующимъ на титулъ «маститыхъ». Г. Михайловскій никакъ не хотѣлъ съ этимъ согласиться и утверждалъ, что «любви всѣ возрасты покорны»... Полемика такъ-таки ничѣмъ и не окончилась. Оно и не мудрено: вѣдь въ сущности оба «маститыхъ» критика правы,—каждый, конечно, по

своему. Совершенно справедливо, хотя и нѣсколько наивно утверждаетъ г. Скабичевскій, что въ почтенномъ возрастѣ довольно неудобно заниматься «амурными дѣлами»; но г. Скабичевскій напрасно припуталъ къ этому «вопросу» Донъ-Жуана; это, вѣроятно, случилось по недоразумѣнію или потому, что у «маститаго» критика отъ времени до времени путаются мысли и тогда онъ пишетъ богъ знаетъ что. Съ другой стороны, и г. Михайловскій, по моему, правъ, ибо почему же, въ самомъ дѣлѣ, амурныя дѣла составляютъ привилегію безбородыхъ юношей и почему сѣдовласый критикъ не можетъ любить, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любятъ? Законъ, «что любви всѣ возрасты покорны»,—можно было бы подтвердить и физіологіей, ноэто, конечно, будетъ лишнимъ. Собственно, этотъ фактъ я привелъ опять таки съ цѣлью подтвердить мое мнѣніе о нашихъ литературныхъ нравахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если и г. Скабичевскій правъ, и г. Михайловскій правъ (каждый по своему), то какъ могло случиться, что эти маститые литераторы заговорили вдругъ о такомъ щекотливомъ (для нихъ) вопросѣ? Неужели они не нашли ничего другаго, болѣе подходящаго для своей полемики, если ужь непремѣнно захотѣлось имъ устроить нѣкій турниръ и явиться въ качествѣ рыцарей передъ публикой. Вѣдь выступили они далеко не въ качествѣ рыцарей, а въ качествѣ легкомысленныхъ мальчиковъ, у которыхъ до сихъ поръ еще амурныя дѣла сидятъ въ головѣ. По поводу такого неподходящаго дѣла, они наговорили другъ другу много колкостей, имѣющихъ совершенно личный характеръ. И это случилось съ «маститыми» литераторами, которые болѣе двадцати лѣтъ работали вмѣстѣ въ одномъ и томъ же журналѣ,—въ «Отечественныхъ Запискахъ»,—и, стало быть, могли узнать другъ друга и спѣться!..

Вообще полемика принимаетъ у насъ по временамъ самыя любопытныя формы. Чаще всего это случается съ «молодыми силами», мнящими о себѣ, какъ извѣстно, чрезвычайно много. Они то и дѣло выступаютъ съ какими-то протестами, препираются между собой и вообще имѣютъ страшно воинственный характеръ. Любопытный образчикъ такой полемики попался намъ недавно, отчасти въ томъ же «Сѣверномъ Вѣстникѣ», отчасти по поводу этого журнала. Въ этомъ журналѣ есть свой присяжный критикъ, уже не г. Скабичевскій, а другой, принадлежащій къ «молодымъ силамъ», г. М. Пр. Въ сущности, эта «молодая сила»—довольно изрядный пустоцвѣтъ, но пустоцвѣтъ съ «направленіемъ», въ стилѣ покойныхъ Зайцева и Писарева. Съ русской литературой, съ русскими художественными произведеніями г. М. Пр. расправляется самымъ развязнымъ образомъ, все подводя подъ *принципы*, не щадя бойкихъ фразъ и уничтожая репутаціи, по истинѣ, съ необыкновенной легкостью сердца. О какомъ нибудь критическомъ пріемѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи; у г. М. Пр. все сводится къ бойкимъ фразамъ, и, по

временамъ, къ удивительному легкомыслію и даже невѣжеству. На этотъ разъ, однако, говоря о Гаршинѣ, онъ взялъ довольно вѣрную ноту. Оно и понятно. О Гаршинѣ, какъ и о Надсонѣ, по поводу ихъ смерти, наговорено было такое громадное количество всякаго вздору, что становилось тошно; ихъ провозгласили чуть ли не геніями, носились съ ними и въ концѣ концовъ вызвали реакцію. Г. М. Пр. попробовалъ было разобраться въ этомъ сумбурѣ и, конечно, принужденъ былъ въ концѣ концовъ увидать во Вс. Гаршинѣ сравнительно крошечный талантъ и очень небольшое содержаніе. Посмотрѣлъ онъ на Гаршина съ точки зрѣнія Писарева. Г. М. Пр., напр., говоритъ, что «человѣкъ съ сердцемъ, переполненнымъ любовью и жалостью къ людямъ, не желающій ничего лично для себя, не дѣлающій никакой карьеры... человѣкъ, который знаетъ одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть: чѣмъ и какъ помочь этимъ несчастнымъ... чѣмъ и какъ остановить эту братоубійственную борьбу»,—что такой человѣкъ, при крупномъ талантѣ, представилъ изъ себя явленіе незаконченное, прерванное самопроизвольною смертью, къ которой онъ пришелъ мучительнымъ путемъ безотрадныхъ размышленій, въ концѣ которыхъ стоитъ выводъ: жить не стоитъ. «И Гаршинъ, неспособный на компромиссы съ своей совѣстью, ушелъ отъ людей безвозвратно». Все это, разумѣется, вздоръ и шумиха фразъ, но съ формальной стороны тутъ нѣтъ ничего нелѣпаго; г. М. Пр. относится съ уваженіемъ къ Гаршину и старается указать на его идейное значеніе. Нашлись однако люди, которые были возмущены этимъ отзывомъ. Въ числѣ ихъ очутился и почтенный Я. В. Абрамовъ. Ему *показалось*, что г. М. Пр. «обругалъ» Гаршина. И вотъ онъ является съ протестомъ въ «Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ». «Нашелся журналъ,—пишетъ г. Абрамовъ,—который не поцеремонился третировать Вс. Гаршина, какъ бездарность и ничтожество въ умственномъ отношеніи. И что всего удивительнѣе, это тотъ самый журналъ, въ которомъ состоялъ покойный сотрудникомъ въ послѣдніе годы»... «Словомъ, журналъ, такъ *опозорившій себя*, есть не какой другой, какъ «Сѣверный Вѣстникъ». Какимъ умственнымъ процессомъ дошелъ г. Абрамовъ до такого удивительнаго вывода изъ статьи г. М. Пр., — рѣшительно невозможно понять; онъ какъ будто и не читалъ статьи, а говоритъ по наслышкѣ, по невѣрной и искаженной передачѣ. Противъ этого протеста выступилъ, тоже съ протестомъ, на этотъ разъ уже въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», г. Вл. Короленко. «Надѣюсь,—говоритъ онъ,—что изъ цитированныхъ мною словъ М. Пр. о Гаршинѣ... видно, что о непризнаніи таланта, названіи не умнымъ человѣкомъ и т. д. въ статьѣ нѣтъ и рѣчи. Безъ всякаго ущерба своему самолюбію,—и я, и г. Абрамовъ можемъ признать, что, напр., Шопенгауэръ гораздо умнѣе насъ обоихъ; и если мы все таки не согласны съ нѣкоторыми его выводами и ска-

жемъ, что, по нашему мнѣнію, онъ невѣрно понялъ жизнь, — то въ этомъ нѣтъ ни заносчивости, ни обзыванія Шопенгауэра дуракомъ, а есть лишь желаніе мыслить и осмысливать жизнь на свой страхъ. Нѣтъ ничего подобнаго и въ статьѣ г. М. Пр. Что въ ней нѣтъ словъ, отмѣченныхъ односторонней кавычкой, это—безспорно. Правда, на стр. 23 есть слѣдующая фраза: «Гаршинъ представляетъ собой одну изъ интереснѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ фигуръ нашей литературы, но собственно его сочиненія не представляютъ большаго матеріала для критической разработки». Эта фраза вѣрна даже и чисто съ формальной стороны: при крупномъ талантѣ (?) Гаршинъ далъ лишь двѣ небольшія книжечки. Безъ сомнѣнія, можно оспаривать кое-какія изъ мнѣній г. М. Пр., можно не согласиться съ нимъ, что сомнѣнія, волновавшія Гаршина, не играютъ уже большой роли въ области человѣческаго смысла, но невозможно увидать въ статьѣ, исполненной симпатіи къ покойному Вс. М—чу, то, что увидалъ г. Абрамовъ. И во всякомъ случаѣ, нельзя искажать чужія слова и ставить свои измышленія въ кавычки, навязывая ихъ другому». Въ свою очередь, и г. Вл. Короленко наговорилъ вздору по поводу Гаршина, но этотъ вздоръ, такъ сказать, вздоръ беллетристической сантиментальности, расходившейся не въ мѣру. Напр., говоря о томъ, какъ потухалъ талантъ Гаршина, снѣдаемый пессимизмомъ, г. Короленко пишетъ: «Въ то время какъ затемненное свѣтило кидаетъ уже слабое и невѣрное освѣщеніе на окружающіе предметы,—само оно еще горитъ (само собой разумѣется, что горитъ, если бросаетъ освѣщеніе; это—тавтологія), и съ поразительной ясностью на немъ выступаетъ то мрачное пятно, которое скоро проглотитъ его (т. е. какъ же это пятно проглотитъ?). И мы съ ужасомъ видѣли (?) какъ весь блескъ таланта уходитъ на освѣщеніе смертельнаго недуга. Вотъ, мнѣ кажется, причина того страстнаго, захватывающаго интереса, съ какимъ читался этотъ разсказъ («Красный цвѣтокъ»). Тутъ Гаршинъ-литераторъ—весь, тутъ вся его исторія, тутъ срединная точка его литературной карьеры. Затѣмъ—мракъ становится гуще, еще нѣсколько брызговъ слабѣющаго свѣта—и нѣтъ его, этого чарующаго таланта». Какъ хотите, не особенно вразумительно. Во всякомъ случаѣ, любопытно вотъ что: Вс. Гаршинъ былъ сотрудникомъ «Сѣвернаго Вѣстника»; послѣ его смерти, г. М. Пр. разноситъ его въ томъ же «Сѣверномъ Вѣстникѣ», а два другіе сотрудника «Сѣвернаго Вѣстника», гг. Абрамовъ и Короленко, разносятъ уже другъ друга въ провинціальныхъ газетахъ, разсыпая взаимныя обвиненія въ искаженіи смысла, въ непониманіи, въ поклепахъ и проч. Развѣ не любопытно *проявляютъ* себя «молодыя силы?» И что еще любопытнѣе: и г. Абрамовъ, и «опозорившій» журналъ г. М. Пр., и защитникъ послѣдняго г. Вл. Короленко—всѣ продолжаютъ мирно работать въ опозоренномъ журналѣ.

«Вопросъ» о Вс. Гаршинѣ разростается, какъ кажется, не въ мѣру, и теперь изъ литературы переходитъ даже въ судъ. Въ «Сынѣ Отечества» мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующую «Судебную хронику»: «Едва успѣли предать землѣ такъ безвременно скончавшагося Всеволода Михайловича Гаршина, какъ между его законными наслѣдниками возгорѣлась борьба изъ-за наслѣдства, заключающагося въ правахъ на сочиненія покойнаго писателя. Покойный Гаршинъ неоднократно выражалъ желаніе, чтобы все, что̀ послѣ него останется (т. е. его сочиненія), перешло въ собственность его жены, какъ слабое вознагражденіе за всѣ заботы и страданія, которыя онъ доставлялъ ей, благодаря своей періодически повторявшейся болѣзни. Но онъ умеръ, не успѣвъ составить требуемаго закономъ духовнаго завѣщанія. Друзья покойнаго, неоднократно слышавшіе отъ него выраженіе указаннаго выше желанія, сочли необходимымъ сообщить объ этомъ его братьямъ, съ которыми онъ подъ конецъ своей жизни совсѣмъ разошелся (одинъ изъ нихъ служитъ *по судебному вѣдомству*, другой—издатель, книжный торговецъ—Евгеній Гаршинъ). Сообщеніе о неоднократно выраженной волѣ покойнаго передать права на свои сочиненія женѣ было передано его братьямъ сначала частнымъ образомъ, отдѣльными лицами, и затѣмъ группой друзей покойнаго въ коллективномъ письмѣ. Однако Гаршины (молодцы!) отказались выполнить волю умершаго брата и пожелали воспользоваться своимъ юридическимъ правомъ на наслѣдство, за исключеніемъ четвертой части, слѣдующей по закону вдовѣ. Тогда друзья покойнаго Гаршина предложили его братьямъ предоставить рѣшеніе возникшихъ недоразумѣній комитету литературнаго фонда, наконецъ третейскому разбирательству, но братья Гаршины отказались отъ того и другаго (!). Затѣмъ оказалось еще одно печальное обстоятельство. Когда Евгеній Гаршинъ сталъ заниматься издательствомъ, Всеволодъ Михайловичъ много разъ выражалъ *опасеніе за возможность того, что его сочиненія будутъ когда либо издаваться его братомъ*. Именно, онъ опасался, что *Евгеній Гаршинъ изъ меркантильныхъ соображеній, помѣститъ въ собраніи его сочиненій всѣ тѣ мелочи*, которыя онъ писалъ, бывши еще юношей, которымъ онъ затѣмъ не придавалъ никакого значенія и которыя не считалъ нужнымъ помѣщать въ собраніи своихъ сочиненій. Послѣ смерти Всеволода Михайловича, опасенія его оправдались. Евгеній Гаршинъ собралъ все, что̀ написалъ когда либо его братъ, и приступилъ къ печатанію третьей книжки «Разсказовъ Всеволода Гаршина», не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вдова покойнаго, какъ соучастница въ наслѣдствѣ, тоже имѣетъ право голоса въ данномъ дѣлѣ. Вдова Всеволода Михайловича, считая для себя обязательнымъ выполненіе воли покойнаго, выразила протестъ противъ включенія въ отпечатанный томъ такихъ сочиненій, которыя въ него не должны были войти.

Г. Евгеній Гаршинъ и на это не обратилъ никакого вниманія. Тогда вдова покойнаго обратилась къ защитѣ суда. Дѣло это недавно разбиралось въ петербургскомъ окружномъ судѣ два раза. Въ первый разъ судъ отказалъ въ исковыхъ требованіяхъ Гаршиной, признавъ ея искъ преждевременнымъ, по слѣдующимъ, крайне характернымъ причинамъ. Хотя спорная книжка была уже отпечатана и даже представлена въ цензурный комитетъ; но г. Евгеній Гаршинъ, на вопросъ суда о томъ, дѣйствительно ли отпечатанъ третій томъ сочиненій Всеволода Гаршина, заявилъ, что онъ отказывается отвѣтить на этотъ вопросъ. А такъ какъ г-жа Гаршина не запаслась доказательствами этого вполнѣ безспорнаго факта, то судъ и не могъ поступить иначе, какъ признавъ ея искъ преждевременнымъ. Черезъ нѣсколько дней, представленъ былъ тотъ же искъ, но уже съ предъявленіемъ официальнаго удостовѣренія цензурнаго комитета объ отпечатаніи третьей книжки спорнаго сочиненія. Судъ, принимая во вниманіе, что распоряженіе имуществомъ, состоящимъ въ общемъ владѣніи, должно производиться по обоюдному согласію всѣхъ владѣльцевъ общаго имущества, а согласія на изданіе третьей книжки сочиненій Всеволода Гаршина отъ вдовы послѣдняго не получено, *призналъ дѣйствія г. Евгенія Гаршина неправильными* и опредѣлилъ наложить арестъ на третью книжку «Разсказовъ Всеволода Гаршина». Такъ закончился печальный инцидентъ по поводу наслѣдства Всеволода Михайловича Гаршина. — Съ формальной стороны, конечно, «братья Гаршины» правы, требуя своей доли наслѣдства послѣ смерти Всеволода Михайловича, но едва ли это можно сказать, разсматривая дѣло съ нравственной точки зрѣнія. Вдова Гаршина, конечно, не получитъ того, что́ желалъ оставить ей мужъ, но, поступая такимъ образомъ, обнаруживая такіе хищные инстинкты, не рискуютъ ли «братья Гаршины»? Одному изъ нихъ, служащему въ судебномъ вѣдомствѣ, конечно, неудобно будетъ остаться на службѣ и встрѣчаться съ своими товарищами, которые не рѣшатся, разумѣется, одобрить такихъ поступковъ. Что касается г. Евгенія Гаршина, то онъ рискуетъ меньше, при нашихъ литературныхъ нравахъ, и можетъ смѣло продолжать плескаться въ своей газетной лужѣ; но будь эти нравы нѣсколько иные, едва ли и онъ могъ бы оставаться въ литературной корпораціи... Эта судебная страничка изъ лѣтописи нашихъ литературныхъ нравовъ очень интересна и въ высшей степени поучительна. Она яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ эти нравы, придаетъ имъ специфическій оттѣнокъ. И въ самомъ дѣлѣ, едва ли подобное «дѣло» могло бы возникнуть въ прежнія времена,—въ тѣ времена, когда печать еще не проникласъ нравами «улицы» и въ ея средѣ еще не было столько странныхъ элементовъ. Тогда и нравы были другіе; *литераторы* не ходили въ судъ, не изворачивались тамъ ужомъ и жабой, подобно г. Евгенію Гаршину;

всѣ подобныя дѣла разрѣшались въ третейскомъ судѣ товарищей, и рѣшенія такого суда считались окончательными. Въ тѣ блаженныя времена, о которыхъ мы говоримъ, сохранялось еще и практиковалось понятіе о томъ, что литераторъ, подобно женѣ Юлія Цезаря, долженъ быть внѣ всякихъ подозрѣній, долженъ «высоко нести свое знамя» и ему неприлично быть сквалыгой и человѣкомъ наживы, безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ. Теперь, какъ читатель видитъ, дѣло пошло иначе; теперь нажива практикуется въ литературѣ съ такимъ же успѣхомъ и также беззастѣнчиво, какъ и въ другихъ слояхъ русскаго общества... Хорошія времена!

III.

Есть, впрочемъ, еще мѣста, гдѣ литературные нравы не имѣютъ этого рѣзко опредѣленнаго характера. Но они—«въ глуши, въ Саратовѣ», однимъ словомъ, въ провинціи. И дѣйствительно, провинціальная печать, за малыми исключеніями, ведетъ себя совершенно иначе, чѣмъ столичная. Въ ней нѣтъ шантажа; провинціальные литераторы не обнаруживаютъ такого непростительнаго невѣжества, какъ литераторы столичные; держатся они значительно порядочнѣе, и въ большинствѣ оказываются людьми принципа. Съ матеріальной стороны, провинціальной ежедневной печати приходится плохо; она еле-еле можетъ существовать; многія провинціальныя изданія такъ и гибнутъ за недостаткомъ подписчиковъ, многія борятся съ этими неблагопріятными условіями и «влачатъ самое тяжелое существованіе», но не сдаются, не пускаются на фокусы, не прибѣгаютъ къ различнымъ видамъ литературнаго шантажа. «На провинціальной печати,—говоритъ г. Абрамовъ, очевидно, хорошо знакомый съ этимъ предметомъ,—за самыми рѣдкими исключеніями, не лежитъ клейма служенія интересамъ сильныхъ міра сего. Капиталъ, покорившій себѣ немало органовъ столичной печати,—до того, что находятся столичныя газеты, утверждающія, что обуздывать эксплуатацію фабрикантами рабочихъ значитъ подрывать основы православія, или оправдывающія банковскихъ воровъ и даже пишущія въ ихъ честь дифирамбы,—до сихъ поръ еще почти ничего не могъ подѣлать съ провинціальною печатью: въ провинціи можно указать развѣ какихъ нибудь 2—3 изданія, которыя рѣшаются, и то не смѣло, съ постоянными оговорками, служить карману. Огромнѣйшее же большинство провинціальныхъ газетъ свободно отъ какой бы то ни было матеріальной зависимости отъ представителей капитала, отнюдь не давая потачки послѣднему и ревниво оберегая интересы трудовыхъ классовъ».

Кажется намъ, что это явленіе,—столь странное на первый взглядъ,—объясняется тѣмъ, что въ провинціи еще не выработано типа профессіональнаго литератора, что тамъ еще нѣтъ *ремесленниковъ отъ лите-*

ратуры, или ихъ очень мало,—ремесленниковъ, подобно многимъ столичнымъ литераторамъ, готовыхъ поносить печатнымъ словомъ всякаго за хорошую плату, свободныхъ отъ всякихъ понятій нравственности и порядочности. Въ большинствѣ случаевъ, провинціальный литераторъ до сихъ поръ еще остается человѣкомъ принципа и за литературу онъ принимается не въ виду наживы, не изъ меркантильныхъ цѣлей, а чтобы дѣло дѣлать, посильно служить обществу, приносить ему пользу. Провинціальный литераторъ вовсе не ждетъ отъ своей литературной дѣятельности какихъ либо благъ земныхъ. Онъ относится съ уваженіемъ къ своему оружію, печатному слову, и обращается съ нимъ осторожно. «Въ большинствѣ провинціальныхъ изданій—продолжаетъ г. Абрамовъ—читатель не встрѣчаетъ ни откровенной разнузданности газетъ столичной печати, готовыхъ издѣваться надъ всѣмъ, что дорого честному человѣку, ни легкомысленнаго отношенія къ личности, которая сплошь и рядомъ, самымъ безцеремоннымъ образомъ, подвергается распинанію въ столичной печати рѣшительно безъ всякихъ основаній, въ силу какой нибудь сплетни, ни употребленія печатнаго слова съ какими нибудь задними цѣлями. Провинціальному литератору сравнительно рѣдко приходится говорить по поводу общихъ вопросовъ; но если онъ говоритъ о нихъ, то съ тою серьезностью, какой они заслуживаютъ. Его не оставляетъ ни на минуту уваженіе къ тѣмъ великимъ принципамъ, которые недаромъ считаются достояніемъ всего человѣчества и которые такъ часто забываются столичными газетными людьми. Приступая къ обличенію личности, провинціальный литераторъ употребитъ всѣ усилія для того, чтобы убѣдиться въ истинномъ значеніи дѣяній этой личности, и, только убѣдившись въ ихъ позорности, обрушивается на личность громами печатнаго слова. Употребленіе печатнаго слова съ шантажною цѣлью,—явленіе, все чаще и чаще повторяющееся въ столичномъ газетномъ мірѣ, почти совершенно неизвѣстно въ провинціи».

Положеніе провинціальныхъ газетъ, какъ мы сказали, чрезвычайно тяжело, и тяжело оно главнымъ образомъ оттого, что провинціальная печать имѣетъ дѣло съ престранной публикой, напоминающей собой, напримѣръ, публику зулусовъ. Какія ненормальныя отношенія устанавливаются въ провинціи, лучше всего видно на судьбѣ провинціальныхъ корреспондентовъ. Положеніе пишущей братіи вообще незавидно, а положеніе провинціальныхъ газетныхъ работниковъ особенно тяжело во всѣхъ отношеніяхъ. Какихъ только разнообразныхъ гоненій не приходится имъ переносить! Вотъ, напримѣръ, нѣсколько фактовъ, которые мы беремъ изъ «провинціальной хроники» г. С. Ш., помѣщенной въ газетѣ «Русскія Вѣдомости».

Въ Белебеѣ невинная замѣтка «Казанскаго Биржеваго Листка» о продѣлкахъ нѣкоторыхъ торговцевъ положительно привела въ ярость одного

изъ нихъ. «Всѣ—мошенники, кто получаетъ газеты, а потому «я» имъ всѣмъ покажу, что про меня писать—плохая шутка. Вотъ я сниму голову проклятымъ писакамъ!» Затѣмъ слѣдуютъ поиски подходящихъ людей, которые помяли бы бока «корреспондентишкѣ» и выбили бы всѣ окна въ его квартирѣ. Въ Царицынѣ, на Волгѣ, мѣстный органъ печати, слѣдящій за разными продѣлками царицынскихъ гражданъ, вызвалъ противъ себя цѣлое гоненіе. Дѣло доходило до того, что одинъ старшина клуба, недовольный отзывами мѣстнаго листка о клубныхъ скандалахъ, публично третировалъ сотрудника этого листка, высовывая ему языкъ на показъ. Въ другомъ случаѣ, весь клубный ареопагъ, преслѣдуя неблагопріятное для него направленіе листка, проэктировалъ подвергнуть остракизму не только листокъ, предлагая отказаться отъ подписки на него, но и сотрудника газеты, считая его недостойнымъ посѣщенія клуба.

Корреспонденты сплошь и рядомъ подвергаются «физическимъ непріятностямъ». Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», напримѣръ, была описана цѣлая возмутительнѣйшая травля, устроенная въ Динабургѣ противъ одного корреспондента, по самому, можно сказать, невинному поводу, за статью, въ которой осмѣивалась страсть динабургцевъ къ лотереямъ. «Сначала обиженные обѣщали, при удобномъ случаѣ, спустить автора статьи въ Двину или расправиться съ нимъ какимъ нибудь другимъ манеромъ. И вотъ, весьма недавно, гуляющаго въ саду автора статьи встрѣчаетъ толпа, человѣкъ въ 20—30, участниковъ въ лотереѣ. Сначала толпа кидала на корреспондента и его спутниковъ недружелюбные взгляды. Затѣмъ, послышался крикъ: «Вотъ доносчикъ! забросайте его камнями!» И на беззащитнаго корреспондента и его товарищей посыпались градомъ камни, кирпичи и куски старой жести, валявшіеся по дорогѣ. Одинъ изъ кирпичей попалъ корреспонденту въ спину, а его спутнику разбили камнемъ палецъ въ кровь. Къ счастію, дача была близка, и они спаслись отъ разъяренной толпы бѣгствомъ». По словамъ «Южнаго Края», одна сельская учительница Лебединскаго уѣзда Харьковской губерніи навлекла на себя подозрѣніе мѣстнаго волостнаго старшины, который является однажды вечеромъ въ училище и заявляетъ: «Такъ какъ вы пишете статьи, въ которыхъ хвалите достоинства бывшаго старшины, то прошу васъ убираться изъ училища». Всѣ увѣренія учительницы, что она никогда не писала никакихъ статей, остаются безъ вниманія. Когда же послѣдовало напоминаніе, что право увольненія принадлежитъ только училищному совѣту, необузданность старшины дошла до крайнихъ предѣловъ. Послѣдовала ругань, топанье ногами и крики: «Сейчасъ же вонъ изъ училища!» Бѣдная учительница съ перепуга заболѣла. Въ фельетонѣ «Одесскаго Вѣстника», появилось нѣсколько неодобрительныхъ выраженій о засѣданіяхъ ученаго бальнеологическаго об-

щества. Въ фельетонѣ приведены были выраженія, слышанныя референтомъ на засѣданіи и шокировавшія членовъ. По словамъ «Одесскихъ Новостей», вмѣсто опроверженія невѣрнаго сообщенія, въ ближайшемъ засѣданіи общества, одинъ изъ членовъ, докторъ Колачевскій, прямо предложилъ собранію «воспретить гг. газетнымъ референтамъ посѣщать засѣданія общества». Это предложеніе было поддержано другимъ членомъ, напр., докторомъ Погребинскимъ, по мнѣнію котораго «одно изъ двухъ: или совершенно не допускать газетныхъ референтовъ на засѣданія, или же позволять имъ составлять рефераты по редактированнымъ членами протоколамъ». Собраніе, однако, поняло всю несообразность такихъ предложеній и перешло къ очереднымъ предметамъ засѣданія.

Въ настоящее время, провинціальная публика прибѣгаетъ къ новому средству преслѣдовать неудобныхъ корреспондентовъ: редакторовъ и газетныхъ сотрудниковъ привлекаютъ къ суду по обвиненіямъ къ диффамаціи. Это «удобное» средство, вѣроятно, предложилъ кто нибудь изъ тѣхъ господъ «аблакатовъ» sans foi ni loi, которыхъ за послѣднее время развелось видимо-невидимо и прекраснѣйшій типъ которыхъ мы имѣемъ въ г. Андреевскомъ-кіевскомъ. Дѣло въ томъ, что ст. 1039 даетъ широкій просторъ каждому, считающему себя обиженнымъ, сажать на скамью подсудимыхъ весь составъ редакціи любой провинціальной газеты, лишая въ то же время обвиняемыхъ всякихъ средствъ защиты и доказательства справедливости инкриминируемыхъ статей. Такимъ образомъ, дѣло выходитъ чисто и благородно, а судъ—«скоръ и милостивъ». Въ газетѣ «Днѣпръ», напримѣръ, въ корреспонденціи изъ Юзова былъ описанъ одинъ любитель чтенія чужихъ писемъ, напоминающій собой гоголевскаго почтмейстера. Нѣкто г. Абришкевичъ тотчасъ же узналъ себя въ этомъ почтмейстерѣ и притянулъ на скамью подсудимыхъ автора замѣтки за диффамацію. Самъ прокуроръ отказался на судѣ отъ обвиненія, признавая, что обвиняемый дѣйствительно доказалъ справедливость своей замѣтки. Отдѣленіе одесской судебной палаты, разсматривавшее это дѣло въ Симферополѣ, оправдало подсудимаго. Въ Самарѣ было даже цѣлое «литературно-уголовное дѣло». Разбиралось сразу цѣлыхъ пять дѣлъ мѣстныхъ газетъ по обвиненіямъ въ диффамаціи. Между прочимъ, тутъ фигурировалъ содержатель садоваго вокзала, признававшій помѣщенную въ «Самарской Газетѣ» замѣтку о плохомъ содержаніи его трактира оскорбительной для чести своего заведенія и лично своей, и равно содержащею въ себѣ клевету, хотя обвиненія за клевету не возбудилъ, ограничившись болѣе удобнымъ преслѣдованіемъ за диффамацію. Напрасно редакторъ газеты заявлялъ, что все описанное—правда, и что онъ, еслибы не обвинялся по 1039 ст., лишающей обвиняемыхъ возможности представлять доказательства справедливости оглашаемаго въ печати, то представилъ бы суду не трехъ свидѣтелей, какъ сдѣлалъ

это частный обвинитель, а сотни, и всѣ они доказали бы справедливость замѣтки. Судъ подвергнулъ его штрафу въ размѣрѣ 15 рублей.

При такихъ обстоятельствахъ, само собой разумѣется, что провинціальная печать лишь съ трудомъ можетъ существовать; ее травятъ со всѣхъ сторонъ, и эта травля напоминаетъ цивилизацію зулусовъ или какихъ нибудь американскихъ краснокожихъ. Наши россійскіе краснокожіе ощущаютъ какую-то необыкновенную любовь къ мраку, они преслѣдуютъ всякій свѣтъ и имѣютъ въ своемъ кодексѣ нравственности золотое правило: «и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти». Дѣло, конечно, трудное по нынѣшнимъ развращеннымъ временамъ, но наши краснокожіе—истинные герои и борятся съ неблагопріятной имъ дѣйствительностью всяческими средствами. Провинціальная печать есть тотъ объектъ, на который россійскіе краснокожіе нападаютъ съ особеннымъ азартомъ, чувствуя, что печать—самый опасный и самый ненавистный для нихъ врагъ.

Но и въ самой провинціальной печати—не безъ урода. И эти уроды—тоже своего рода зулусы или краснокожіе. Замѣчательно, что если ужь въ провинціальной печати заведется уродъ, то онъ не въ примѣръ уродливѣе всѣхъ столичныхъ уродовъ и, кромѣ того, имѣетъ свой, такъ сказать, специфическій характеръ. Въ видѣ образчика, читатели позволятъ мнѣ представить имъ цѣлыхъ трехъ такихъ уродовъ—гг. Кулишера, Андреевскаго и Антоновича.

Въ Кіевѣ издавалась газета—«Заря», издавалась она на деньги, сахарозаводчика г. Бродскаго, мѣстнаго Ротшильда, но номинально принадлежала г. Андреевскому, туземному адвокату. Редактировалъ эту газету г. Кулишеръ, имѣя, кажется, какія-то права и по изданію. Все это я говорю условно, потому что когда разразился скандалъ, то возникли какія-то препирательства между гг. Кулишеромъ и Андреевскимъ о правѣ по изданію. Во время редактированіи «Зари» г. Кулишеромъ, эта газета защищала со рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, нормировку производства сахара и, вообще, интересы евреевъ.. Должно быть, газета вела себя несовсѣмъ акуратно, если кіевскій окружный судъ принужденъ былъ отказать г. Кулишеру въ принятіи его въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, когда онъ заявилъ объ этомъ желаній; впослѣдствіи, правда, это рѣшеніе суда было отмѣнено. Въ настоящее время, г. Кулишеръ устроился въ петербургскихъ «Новостяхъ». Въ Кіевѣ, между гг. Кулишеромъ—редакторомъ «Зари», и г. Андреевскимъ—ея номинальнымъ издателемъ, возникъ какой-то чудовищный скандалъ, окончившійся тѣмъ, что г. Кулишеръ былъ изгнанъ изъ редакціи, а г. Андреевскій, вступивъ въ свои права, заявилъ, что его «Озорница» («Заря»), во время редакторства г. Кулишера, «продавалась жидкамъ, а теперь вернулась къ законному обладателю».

Кто же, однако, этотъ законный обладатель? Г. Андреевскій—адвокатъ; «практикуетъ» онъ въ Кіевѣ, а какъ практикуетъ—лучше всего показываетъ слѣдующее обстоятельство. Въ кіевской судебной палатѣ слушалось дѣло по иску Плятера къ Толли касательно Вишневецкаго имѣнія, купленнаго Толли съ публичныхъ торговъ. Основаніемъ своего иска Плятеръ выставилъ неправильности, допущенныя, по его мнѣнію, при описи и оцѣнкѣ имѣнія. Отвѣтчикъ Толли защищался тѣмъ, что вопросъ о неправильности описи доходилъ до высшихъ судебныхъ инстанцій, и высочайше утвержденнымъ, 11-го октября 1883 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта разрѣшенъ въ смыслѣ отрицательномъ. Истецъ, въ свою очередь, возражалъ, что мнѣніе государственнаго совѣта имѣетъ характеръ частнаго опредѣленія, послѣдовавшаго въ порядкѣ частнаго обжалованія, а не рѣшенія по существу дѣла. Около этого спорнаго вопроса, главнымъ образомъ, и вертѣлось состязаніе сторонъ. Кіевская судебная палата рѣшила дѣло въ пользу Плятера. Допустимъ, что кіевская палата ошиблась и неправильно поняла и примѣнила мнѣніе государственнаго совѣта. Что же изъ этого слѣдовало? Слѣдовало принести сенату кассаціонную жалобу и выжидать судьбы. Таковъ естественный порядокъ движенія гражданскихъ дѣлъ. Что же дѣлаетъ повѣренный Толли, г. Андреевскій? Онъ прибѣгаетъ къ такому средству, къ какому, кажется, до сихъ поръ не прибѣгалъ еще ни одинъ русскій адвокатъ, къ чести русской адвокатуры. Г. Андреевскій помѣщаетъ подъ иниціалами П. А. статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ которой осмѣливается, *перечисливъ поименно* главныхъ членовъ палаты, постановившихъ невыгодное для него рѣшеніе, обвинять ихъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ *государственной измѣнѣ*! Камъ вамъ нравится разнузданность г. Андреевскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и «Моск. Вѣдомостей», потерявшихъ голову со смертью Каткова? Даже «Гражданинъ» возмутился такимъ фактомъ нахальства. Вся русская ежедневная печать квалифицировала какъ слѣдуетъ поступокъ г. Андреевскаго. Но думаете ли вы, что г. Андреевскій смутился? Нисколько. На нападки онъ отвѣчалъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Въ моей статьѣ, я, въ качествѣ корреспондента, сообщилъ фактъ состоявшагося рѣшенія кіевской судебной палаты,—рѣшенія, слишкомъ выдающагося, чтобы на него не обратить вниманія печати, безъ всякой цѣли произвести какое либо «давленіе на судъ».—«Участіе мое въ этомъ дѣлѣ, въ качествѣ повѣреннаго, отнюдь не лишаетъ меня права, въ качествѣ *публициста (?)* высказывать такого рода сужденія о фактѣ, которыя могъ и долженъ былъ высказать самый безпристрастный корреспондентъ». Такъ *оправдывается* г. Андреевскій. «Мы рѣдко,—говорятъ «Русскія Вѣдомости», — встрѣчали болѣе грубое искаженіе и непониманіе и роли адвоката, и роли публициста, чѣмъ то, которое сквозитъ въ этихъ строкахъ. Честная судебная борьба только и можетъ быть ведена открыто,

передъ лицомъ суда, всякій же ударъ, наносимый съ боку, и замаскированнымъ лицомъ—есть ударъ, не соотвѣтствующій правиламъ честной судебной борьбы. Это азбука адвокатской дисциплины. Но и съ точки зрѣнія публицистической, такая двойственность крайне не желательна и зловредна. Вѣдь, если публика довѣряетъ газетнымъ свѣдѣніямъ, то довѣріе это основывается на томъ, что лицо, пишущее корреспонденцію, *незаинтересовано непосредственно и матеріально* въ данномъ дѣлѣ. Такъ ли было въ данномъ слу̀чаѣ? Развѣ безразлично было знать публикѣ, кто авторъ корреспонденціи о дѣлѣ Толли, рѣшеніе по которому, по увѣренію корреспондента, и произвело на всѣхъ присутствующихъ при разборѣ дѣла, *да и на все общество* впечатлѣніе полнаго недоумѣнія и совершенной неожиданностя? Еслибы подъ корреспонденціей значилось имя автора, то всякій имѣлъ бы въ рукахъ достаточно вѣрный критерій для оцѣнки наблюденій и выводовъ корреспондента, и его выходокъ противъ суда и судей».—Къ этому мы прибавимъ еще нѣсколько словъ, сказанныхъ по этому поводу «Волжскимъ Вѣстникомъ»: «Адвокатъ, являющійся врагомъ новыхъ судебныхъ учрежденій, давшихъ жизнь адвокатурѣ; бывшій редакторъ либеральной (?) газеты и адвокатъ, печатающій доносъ на членовъ кіевской судебной палаты; адвокатъ, забывающій, что онъ присягалъ исполнять свои обязанности «честно и добросовѣстно», адвокатъ, который въ интересахъ дѣла, которое онъ ведетъ, слѣдовательно изъ *личныхъ* корыстныхъ интересовъ, пишетъ политическія инсинуаціи противъ членовъ палаты, рѣшившей дѣло не такъ, какъ высказано было ему, адвокату,—что̀ можетъ быть гнуснѣе, что̀ постыднѣе этого»? Къ этимъ словамъ, я думаю, прибавлять нечего.

Наконецъ, скажемъ нѣсколько словъ о третьемъ зулусѣ провинціальной печати,—г. Антоновичѣ. Г. Антоновичъ—профессоръ; происхожденія онъ польскаго и во дни своей юности былъ католикомъ; затѣмъ, увлеченный, какъ казалось, хлопоманствомъ, онъ перешелъ въ православіе и сдѣлался гонителемъ поляковъ. Все это онъ дѣлалъ съ чрезвычайно-либеральной точки зрѣнія, защищая, такъ сказать, южно-русскую народность отъ ополячиванія. Его историческіе труды запечатлѣны тѣмъ же самымъ направленіемъ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло; г. Антоновичъ остепенился, получилъ каѳедру и, въ концѣ концовъ, превратился въ публициста и сталъ издавать «Кіевское Слово». Казалось бы, зачѣмъ профессору, ученому мужу, издавать газетку, да еще провинціальную? Но это только такъ казалось, ибо въ дѣйствительности въ рукахъ профессора газета явилась чудеснѣйшимъ средствомъ... добывать деньгу. Въ дѣйствительности оказалось, что «Кіевское Слово» служитъ интересамъ желѣзнодорожниковъ и находится, такъ сказать, у нихъ на жалованьѣ. Это непріятное для г. Антоновича разоблаченіе было сдѣлано «Русскимъ Курьеромъ». И однако г. Антоновичъ ни единымъ звукомъ

не отозвался на это обвиненіе, не потрудился даже оправдываться, и такимъ образомъ самъ косвенно призналъ справедливость обвиненій, взводимыхъ на него «Русскимъ Курьеромъ».

По этому поводу, въ ежедневной прессѣ возникъ вопросъ о томъ, что́ такое «чумазый» въ литературѣ и гдѣ онъ обрѣтается. Разумѣется, «чумазый» обрѣтается въ ежедневной прессѣ, и столичной, и провинціальной, но представителемъ «чумазаго» въ провинціальной прессѣ несомнѣнно является г. Антоновичъ. По мнѣнію «Русскаго Курьера», «чумазый» это—новоявленный дѣятель, для котораго нѣтъ литературнаго прошлаго, который видитъ въ печати не источникъ честнаго служенія обществу, а источникъ наживы; который охотно играетъ на низменныхъ инстинктахъ общества, ибо игра эта даетъ ему многожеланные пятаки; который съ отмѣннымъ удовольствіемъ облекается въ роль «сумы переметной» и, нимало не женируясь, исповѣдуетъ принципы ласковаго теленка. Затѣмъ, уже прямо обращаясь къ «чумазому», «Русскій Курьеръ» прибавляетъ: «Прошлое и даже недавнее прошлое передало намъ идею честной, чистой, неподкупной печати. Что сдѣлали вы съ нею? Вы загрязнили ее, вы отдали печать на откупъ денежнымъ мѣшкамъ, отдали до циничности явно; вы проповѣдь идей обратили въ проповѣдь наживы; вы возвели цинизмъ и сальность въ перлъ литературнаго созданія и развратили этимъ созданіемъ читателя. Можетъ быть, все это неправда? Можетъ быть, и теперь мы клевещемъ на васъ, стараясь подорвать вашъ «нравственный кредитъ»? Посмотримъ: «Кіевское Слово», не признающее себя «чумазымъ» и смѣло бросающее этотъ эпитетъ другимъ, во-первыхъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ изумительныхъ органовъ печати, которые въ одно и то же время совмѣщаютъ въ себѣ и «патріотизмъ», и отстаиваніе интересовъ духовенства, и преклоненіе передъ желѣзнодорожной кассой, и защиту евреевъ, и заискиваніе передъ поляками; во-вторыхъ, оно принадлежитъ къ числу тѣхъ органовъ нашей печати, которые нисколько не брезгаютъ сами неприличной сальностью, только бы пощекотать дурные инстинкты публики... Если вѣрить опредѣленію нравственной физіономіи публициста, дѣлаемой «Кіевскимъ Словомъ», то окажется, что гораздо приличнѣе, честнѣе и соотвѣтственнѣе литературнымъ нравомъ продавать свою совѣсть желѣзнодорожникамъ, льстить направо и налѣво, мѣшая въ одну доходную кашу и нашихъ, и вашихъ, фальсифицировать «ученые» трактаты, пропагандировать скабрезность къ качествѣ высоко-нравственнаго идеала, нежели честнымъ трудомъ заработывать свой хлѣбъ и говорить громко, умѣло, честно только то, во что́ искренно вѣришь, въ чемъ твердо убѣжденъ»...

IV.

Читатель, конечно, не воображалъ, начиная читать настоящую статью, что получится такая удивительная картина нашихъ литературныхъ нравовъ; онъ увидалъ въ этой картинѣ нѣсколько литературно-культурныхъ типовъ послѣдней, такъ сказать, формаціи: литературнаго шантажиста, замалчивателя, нахала, фальсификатора, человѣка съ «звѣринымъ образомъ», человѣка съ «уголовнымъ прошлымъ», литературныхъ зулусовъ и краснокожихъ, наконецъ; просто литературнаго чумазаго, который сосредоточиваетъ въ себѣ, точно въ художественномъ фокусѣ, всѣ эти разрозненные типы и возводитъ ихъ въ перлъ созданія, по выраженію Гоголя. Всѣ эти типы—увы!—принадлежатъ современной столичной ежедневной прессѣ, но замѣчательно, что лишь провинціальной ежедневной печати дано было создать во всей своей непосредственной красотѣ этотъ перлъ творенія и такимъ образомъ объединить всѣ «стремленія» современной прессы. Не мудрено, это эта пресса, чувствуя въ себѣ такую силу объединяющаго начала, относится недружелюбно и даже враждебно—вѣрнѣе, свысока—къ *ежемѣсячной печати*, собственно къ «толстымъ журналамъ», и объявляетъ ихъ никуда негоднымъ, окаменѣлымъ остаткомъ какого-то допотопнаго состоянія русской литературы, утверждая съ нахальствомъ, по истинѣ свойственнымъ лишь этой печати, что *время журналовъ безвозвратно прошло* и что наступила «великая» эпоха ежедневной газетной сплетни и шантажа. Литературныя традиціи, порядочность тона, просвѣтительныя начала, идеальныя стремленія, безкорыстное служеніе мысли и слову,—разумѣется, упраздняются и на ихъ мѣсто возводятся: нравственное растлѣніе, нажива, нахальство и обманъ. Какъ это называется на языкѣ порядочныхъ людей, я не знаю, но не думаю, чтобы русское общество особенно радостно встрѣчало это появленіе «чумазаго». Не буду также изслѣдовать тѣхъ соціологическихъ причинъ, которыя привели нашу юную ежедневную журналистику къ такому нравственному растлѣнію. Остановлюсь только на одномъ, конечно, частномъ и далеко не исчерпывающемъ вопроса, обстоятельствѣ,—на появленіи въ Россіи *большой* газеты. Оправдываетъ ли такое появленіе наша общественная жизнь? Я понимаю необходимость большой газеты въ такихъ странахъ, какъ Франція, Германія и, въ особенности, Англія. Политическое клокотаніе жизни въ этихъ странахъ, широкія международныя сношенія, чрезвычайная сложность умственной, соціальной жизни; наконецъ, всемірная торговля, заставляющая постоянно соприкасаться эти страны съ остальнымъ міромъ,—вотъ дѣйствительныя объективныя причины появленія въ этихъ странахъ большой газеты, составляющей не только признакъ, но и могущественное средство самой жизни. Ничего

подобнаго у насъ нѣтъ и, вѣроятно, долгое время еще не будетъ. Политической жизни, въ европейскомъ смыслѣ слова, у насъ нѣтъ; политическими событіями мы мало интересуемся, наша «международная» торговля ограничивается торгашествомъ на нашихъ восточныхъ границахъ. Поэтому, и большая газета у насъ—анахронизмъ, нелѣпость, порождающая не пользу, а вредъ. Раскройте какой-нибудь «Times» и посмотрите, какъ составляется каждый номеръ этой всемірной громадной газеты. Въ этомъ номерѣ, составляющемъ изрядный печатный томъ, вы не увидите ни одной лишней, ненужной фразы. Вы тутъ встрѣтите телеграммы со всѣхъ концовъ міра, корреспонденціи, говорящія о дѣлѣ, и только о дѣлѣ, передовыя статьи по самымъ разнообразнымъ текущимъ вопросамъ, написанныя серьозно, дѣловымъ языкомъ, безъ всякихъ стилистическихъ красотъ, наконецъ встрѣтите цѣлые столбцы отчетовъ парламента и извѣстія изъ другихъ государствъ,—вотъ вамъ и весь номеръ такой газеты, какъ «Times». Увидите ли вы тамъ ненужныя рубрики, предназначенныя спеціально для увеселенія праздной публики, въ родѣ: «Что говорятъ», или пошлое гаэрство «вопросовъ», обращаемыхъ къ публикѣ по разнымъ литературнымъ предметамъ, съ приглашеніемъ,—ради даровaго матеріала,—участвовать въ обсужденіи этихъ вопросовъ? Нѣтъ, вы этого не увидите. Англійская газета считала бы себя опозоренной, еслибъ прибѣгала къ такимъ средствамъ добывать дешевый и веселый матеріалъ, неизбѣжно порождающій общественный скандалъ. Но русская большая газета по необходимости должна прибѣгать къ этому матеріалу, потому что безъ него она не въ состояніи заполнить свои столбцы: наша политическая жизнь вся исчерпывается какимъ нибудь десяткомъ крошечныхъ извѣстій административнаго характера. Наша газета можетъ дать только одну, да и то небольшую статью по международной политикѣ, какую нибудь одну или много двѣ статьи по внутреннимъ вопросамъ, остальное—городская сплетня и извѣстія изъ-за границы. Въ передовыхъ статьяхъ она полемизируетъ съ Бисмаркомъ, Криспи, Таафе, одобряетъ или не одобряетъ Буланжэ съ комическимъ видомъ человѣка, который хочетъ показать, что и онъ тоже не послѣдняя спица въ колесницѣ, но въ то же время чувствуетъ, что до этой роли онъ еще не дорось, и что такая роль рѣшительно нейдетъ къ его чумазой физіономіи. Чѣмъ еще заполнить эти безчисленные столбцы, эту громадную простыню скверной бумаги? Остается одно: что либо придумать для увеселенія публики: голь на выдумки хитра. И вотъ появляются эти, своего рода клоуны русской газеты, — сплетники, сквернословы, пошляки, невѣжды, которые такъ или иначе увеселяютъ праздную, умирающую со скуки, толпу, — возбуждая грязную полемику, разсказывая сплетни, накидываясь другъ на друга съ дурацкимъ задоромъ, кувыркаясь и откалывая колѣнца. Вотъ какое поразительное зрѣлище пред-

ставляетъ собою наша юная ежедневная печать. А все отъ того, что желательно намъ походить на европейцевъ, желательно имѣть вонъ какую большущую газетину,—газетину девятистолбцовую. И вотъ появляется девятистолбцовая газета съ кувырканіемъ паяцовъ; но и паяцовъ недостаточно,—мѣста все таки остается много. Тогда прибѣгаютъ къ даровому сотрудничеству публики,—но и этого не хватаетъ. Тогда, знаете ли, что дѣлаютъ? А вотъ что: незамѣтно для публики и даже для сотрудниковъ, упраздняютъ одинъ или два столбца, и девятистолбцовая газета, номинально оставаясь девятистолбцовой, незамѣтно превращается въ восьмистолбцовую или даже въ семистолбцовую; строчка, такимъ образомъ, не въ мѣру удлиняется, а плата за строчку остается все та же. Понимаете результатъ? И дешево, и сердито. Но есть признаки, по которымъ можно заключить, что это «торжество безобразія» не долго продержится. Ненужная «большая газета» начинаетъ уже встрѣчать грозную конкуренцію маленькой газеты, которая, при дешевой подписной цѣнѣ, даетъ ровно столько матеріалу для чтенія, сколько нужно русскому читателю: телеграмму, свѣдѣнія административныя и политическія, легкую передовую статью съ фактическимъ содержаніемъ, иногда фельетонъ, тоже фактическаго содержанія. Вотъ и все, что́ требуется отъ русской газеты въ настоящее время.

Поэтому, я думаю, напрасно «чумазая» печать ежедневныхъ паяцовъ торжествуетъ побѣду надъ ежемѣсячной прессой и надъ «толстымъ журналомъ». Русскій журналъ имѣетъ не только литературное, но и культурное значеніе; онъ является потребностью русской умственной жизни, и не нуждается въ искусственномъ подогрѣваніи своего читателя. Если же и «толстые журналы» заразились отчасти растлѣвающимъ вліяніемъ ежедневной прессы, то это объясняется тѣмъ, что, при большомъ урожаѣ проходимцевъ, не успѣвшихъ пристроиться къ «большой газетѣ» и тамъ примѣнить свои векселедательскія способности, они переступили за тотъ барьеръ и ворвались въ ежемѣсячную журналистику, откуда, впрочемъ, ихъ похищаетъ понемногу скамья подсудимыхъ.

Явленіе это чрезвычайно печально, но отчасти понятно, — понятно уже потому, что теперь появился новый типъ литератора, уживающагося со всякими проходимцами, литератора на всѣ руки: онъ и газетную передовую статью можетъ состряпать, и фельетонъ сварганить, можетъ соорудить и тяжеловѣсную компиляцію для журнала. Однимъ словомъ, чего хочешь, того и просишь. Къ такимъ литераторамъ на всѣ руки можно причислить, напримѣръ, г. Модестова. Г. Модестовъ нѣкогда, въ дни своей юности, былъ гдѣ-то профессоромъ исторіи римской литературы; но уже въ юности его самомнѣніе надѣлало ему много вреда:—съ профессурою онъ распрощался и превратился въ литератора-педагога, пишущаго статьи по педагогическимъ вопросамъ. Примостился

онъ также и къ журналамъ. «Наблюдатель» имѣлъ несчастіе считать его въ средѣ своихъ сотрудниковъ. Особенной пользы,—надо правду сказать,—онъ намъ не приносилъ, но зато надѣлалъ немало непріятностей, какъ и всѣмъ своимъ товарищамъ-профессорамъ. Редакція принуждена была раскланяться съ г. Модестовымъ и отказаться отъ его услугъ. Тогда г. Модестовъ сталъ печатно обвинять издателя и редактора «Наблюдателя» въ какихъ-то «неблаговидныхъ поступкахъ». Какъ отвѣчалъ «Наблюдатель» на инсинуаціи г. Модестова, наши читатели знаютъ: мы ему посвятили нѣсколько назидательныхъ строкъ въ 6-й книгѣ журнала за 1883 г. Любопытныхъ отсылаемъ къ этой книгѣ, не желая снова входить въ какіе либо разговоры съ г. Модестовымъ, который, послѣ этого неудачнаго похода на «Наблюдатель», совершенно распрощался съ ежемѣсячной журналистикой и пріютился въ «Новостяхъ». Тамъ онъ, разумѣется, больше на мѣстѣ. Но любопытно, что и г. Модестовъ, превратившись въ газетнаго сотрудника, по временамъ возмущается въ своихъ фельетонахъ литературными нравами; это ему вовсе не пристало, ибо онъ самъ практикуетъ весьма успѣшно тѣ же нравственные пріемы.

Что и журналы переживаютъ «кризисъ», что и въ нихъ заводятся всякіе чумазые, это видно, между прочимъ, и изъ недавней «исторіи» съ нѣкіимъ г. Бахметевымъ. Этотъ господинъ какъ-то примостился къ «Русской Мысли», орудовалъ всѣмъ въ этомъ журналѣ подъ именемъ секретаря редакціи, произвелъ хорошую «негоцію» съ злосчастными подписчиками «Отечественныхъ Записокъ», причемъ надулъ ихъ дважды—на Щедринѣ и Толстомъ; затѣмъ, для улучшенія своихъ финансовъ, принялся столь же развязно выпускать подложные векселя на крупную сумму отъ имени И. А. Кошелева, одного изъ соиздателей «Русской Мысли». Какимъ, однако, чудомъ могло случиться, что этотъ субъектъ такъ долго могъ совершать свои подвиги безъ вѣдома хозяевъ журнала?

Такъ вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ мы дошли. Идти дальше по этому пути невозможно; не пора ли вернуться на старую дорогу — къ традиціямъ того времени, когда имя литератора носилось «честно и грозно»; когда идеи и принципы руководили дѣятельностью наиболѣе выдающихся публицистовъ? Хотѣлось бы вѣрить, что добрая реакція наступитъ въ недалекомъ будущемъ. О. В.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ г. САМАРЫ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

ПЕРЕДЪ ПОРТРЕТОМЪ.

Передо мною выцвѣтшій портретъ
Малютки-дѣвочки... Тебѣ пять лѣтъ...
На креслѣ бархатномъ, ты, въ позѣ прихотливой
Раскинувшись, глядишь задумчиво-пугливо
Въ какую-то невѣдомую даль...
И свѣтится не дѣтская печаль
Въ лазури глазъ твоихъ, лучистыхъ и глубокихъ,
Какъ будто отъ судьбы ударовъ ждешь жестокихъ
И видишь сквозь грядущаго туманъ
Людскую ложь и счастія обманъ,
Дни одиночества, дни жгучаго страданья,
Безъ материнскихъ ласкъ, безъ искры упованья,
Безъ друга, средь убожества и зла!..
Какъ будто бы все то, что жизнь дала
Тебѣ впослѣдствіи рукой неумолимой,
Ребенокъ угадалъ, предчувствіемъ томимый.
И передъ нимъ тяжелые года
Предстали, словно рядъ покоевъ мавзолея!..
Такъ, передъ бурей птичка изъ гнѣзда
Глядитъ испуганно, какъ по небу, чернѣя,
Ползетъ зловѣщихъ тучъ грядá...

* * *

Безмолвно я смотрю на дѣтскій твой портретъ,
И затуманился мой взоръ слезой невольной...
И сердце сжалося... Досадно мнѣ и больно,
Что я не зналъ тебя на утрѣ юныхъ лѣтъ,
Что первый счастья лучъ и первыя печали
Съ тобой, любимая, не вмѣстѣ мы встрѣчали,
Что лучшій жизни даръ, что вешній мой цвѣтокъ,
Что первую любовь я дать тебѣ не могъ!
Что лаской чистою, что нѣжнымъ братскимъ словомъ
На сердцѣ отогрѣть тебя не могъ, любя,

Когда повѣяла впервые на тебя
Судьба дыханіемъ холоднымъ и суровымъ!
Мнѣ больно, что со мной не раздѣляла ты
Ни молодыхъ надеждъ, ни первыхъ мукъ сомнѣнья
Ни радостей ума, ни сладкаго мгновенья,
Когда въ просторъ небесъ влекли меня мечты,
Какъ птички вольныя, расправившія крылья!
Зачѣмъ же мучиться намъ было суждено
Въ ошибкахъ роковыхъ, средь горя и безсилья,
И безсознательно и тщетно—такъ давно,
Въ томленьѣ тайнаго сердечнаго недуга?
Въ толпѣ, въ чужой толпѣ, искали мы другъ друга
И, наконецъ, нашли... Но что жъ!.. Нашли тогда,
Когда нѣтъ прежнихъ силъ—и въ битвѣ безполезной
Давно потрачены всѣ лучшіе года—
И прошлое лежитъ межъ нами темной бездной!..

Василій Величко.

ПРОБА ВИНА.

Повѣсть Ганса Гофмана.

I.

Знаменитый прелатъ, по имени Марсиліо, былъ посланъ папою въ Корфу, чтобы возобновить тамъ переговоры съ однимъ изъ представителей греческой церкви и приложить всевозможныя старанія къ соединенію двухъ разорванныхъ звеньевъ христіанскаго ученія. Прелатъ былъ избранъ для подобнаго рода миссіи по той причинѣ, что самъ былъ уроженцемъ Корфу и принадлежалъ къ греческому племени, хотя родоначальникъ его, въ самый разгаръ венеціанскаго владычества, отдалъ свои симпатіи и присягнулъ римской церкви. Какъ видно изо всего, Марсиліо склонялся больше на сторону мирныхъ переговоровъ, вслѣдствіе привычки къ совмѣстной жизни послѣдователей обѣихъ религій. Внѣ своего дома онъ былъ услужливымъ и вѣжливымъ собесѣдникомъ и вовсе не былъ настроенъ на воинственный ладъ непримиримаго папства.

Прошло уже около двадцати лѣтъ, какъ Марсиліо глазъ не казалъ на свою родину и всю жизнь свою посвятилъ римской церкви. Какъ умный и благородный человѣкъ, онъ скоро получилъ повышеніе, былъ облеченъ виднымъ званіемъ и, кромѣ того, какъ многосторонній ученый, сталъ на степень самаго крупнаго свѣтила своей родины. Такъ какъ у него всегда было много свободнаго времени на то, чтобы прочесть что нибудь полезное, и притомъ сохранилась отличная память, то онъ наполнялъ свою голову, какъ амбаръ, всевозможнаго рода интересными свѣдѣніями, достойными изученія, и не только не

считалъ для себя зазорнымъ посвящать свой досугъ какой нибудь трудной работѣ по части пріобрѣтенія, критикѣ и приведенія въ порядокъ свѣдѣній, но ему даже очень нравилось скромно поучаться отъ другихъ какимъ нибудь полезнымъ знаніямъ. „Это вовсе не умно, — имѣлъ онъ привычку разсуждать,—что всякій изнуряетъ себя головоломной работой. Работа вообще—вовсе не полезна и не достойна похвалы сама по себѣ, она хороша только по той цѣли, ради которой производится; еслибы, однако, каждый работалъ, и не нашлось бы никого, кто пожиналъ бы плоды этой работы, то цѣль ея была бы потеряна и она была бы ничѣмъ инымъ, какъ пустой игрой, похожей на забаву дѣтей, когда они гоняются другъ за другомъ и ловятъ другъ друга, не зная сами, зачѣмъ они это дѣлаютъ, а единственно ради одной только травли и погони. Неблагоразумно то, что люди, дѣлаясь каменщиками и плотниками, неохотно живутъ въ построенныхъ ими дворцахъ. Строится, напримѣръ, великолѣпное зданіе, чудо знанія и искусства; съ каждымъ днемъ оно увеличивается въ размѣрахъ, прибавляютъ къ нему все новыя украшенія, съ необыкновеннымъ знаніемъ изящнаго; во всей работѣ видна рука замѣчательнаго художника, приглашеннаго затѣмъ, чтобы въ потѣ лица сплотить камень съ камнемъ. Даже надменный Бокачіо и веселый Аріосто произвели на свѣтъ свои драгоцѣнныя творенія не иначе, какъ горячимъ, страстнымъ труженичествомъ въ продолженіе многихъ дней и ночей. Изъ этого слѣдуетъ, что и другія лица должны избрать для себя мѣстомъ жительства это роскошное зданіе. На это, по моему мнѣнію, имѣютъ полное право короли и князья, затѣмъ умныя женщины и, наконецъ, церковные служители. И законъ, и право, въ этомъ случаѣ, прямо на ихъ сторонѣ, такъ какъ во всемъ остальномъ главнѣйшее бремя заботъ и нуждъ возложены на ихъ плечи, и зато они достойны вознагражденія; короли обречены на нелегкую роль; на ихъ рукахъ лежатъ судьба войны и тысячи другихъ непріятныхъ обязанностей; даже самое право свое должны они брать съ бою. Женщины должны рожать и воспитывать дѣтей, и по этой-то самой причинѣ находятся онѣ въ рабствѣ у своихъ мужей; священники же обречены на горестную участь безбрачія и навѣкъ связаны имъ; эта сторона ихъ званія и со-

ставляетъ для нихъ главную непріятность и перенести ее, по ихъ мнѣнію, тяжелѣе, чѣмъ разрѣшать грѣшки мірянъ, иногда даже забавные,—и они вполнѣ заслуживаютъ особаго снисхожденія".

Слѣдуя этому мудрому правилу, Марсиліо вволю наслаждался всѣмъ прекраснымъ; въ веселомъ настроеніи онъ самъ надъ собой слегка подсмѣивался, называя себя, попеременно, то лѣнивымъ животнымъ, то гулякой, попавшимъ за одинъ столъ съ учеными, или похитителемъ розъ изъ сада, представляющаго собраніе всего прекраснаго. Но такъ какъ въ душѣ каждаго почти человѣка существуютъ противорѣчія, трудно поддающіяся анализу, то случалось, что и этотъ веселый прелатъ поглядывалъ сердито и косо, когда кто нибудь другой осмѣливался высказать о немъ его же собственное замѣчаніе. Онъ страстно желалъ, чтобы всякій смотрѣлъ на него, какъ на обремененнаго тяжкой работой, согнутаго подъ бременемъ ежедневнаго труда невольника, съ котораго градомъ катится потъ. Онъ любилъ, чтобы всѣ кричали объ этомъ, и чѣмъ громче льстецы сострадали о его трудѣ, тѣмъ бо́льшимъ благоволеніемъ пользовались они. Во всемъ остальномъ это былъ благодушный человѣкъ, чрезвычайно снисходительный ко всѣмъ бѣднымъ, людямъ низкаго происхожденія, онъ охотно помогалъ въ нуждѣ, особенно же благоволилъ онъ миловиднымъ и молоденькимъ женщинамъ изъ почтеннаго семейства; до нихъ онъ былъ большой охотникъ. Въ то время какъ бурныя волны Адріатическаго моря качали Марсиліо, онъ спокойно предавался ихъ стремительному теченію и даже принялся за изученіе новаго изданія Одиссеи, которое только недавно появилось въ Миланѣ и возбуждало интересъ къ Гомеру.

Какъ только корабль началъ причаливать къ роскошному острову и обрисовался ясно остовъ горы, у подножія которой бился буйный морской приливъ, съ массой высоко вздымающихся темныхъ волнъ, со множествомъ серебристыхъ иглъ на вершинѣ, грусть—проникла въ сердце Марсилио и казалось, что эту грусть принесло дуновеніе благоуханнаго вѣтерка родной страны.

Вспомнилъ онъ о своей юности и прошепталъ: „я въ нѣкоторомъ родѣ тоже Одиссей, возвращающійся, послѣ безконечнаго странствованія, въ унылую родину".

Взглядъ его нѣсколько омрачился, хотя губы уже складывались въ улыбку при видѣ открывшейся предъ нимъ очаровательной картины, и онъ шепталъ: „Навзикая слѣдовала неотступно за мной до тѣхъ поръ, пока я не покинулъ родины, а теперь вопросъ въ томъ, гдѣ я найду свою Пенелопу“.

Пока въ головѣ его быстро проносились эти мысли, корабль приближался къ берегу и торжественно въѣхалъ въ гавань.

II.

Когда окончился пріемъ, и Марсиліо отдохнулъ въ приготовленномъ ему дворцѣ, то, надѣвъ скромный костюмъ, онъ отправился пѣшкомъ, въ сопровожденіи своего приближеннаго слуги Спиридона, чувствовавшаго себя въ Корфу, какъ дома.

Съ трудомъ двигаясь посреди тѣсноты и давки, господствовавшихъ на рынкѣ и на улицѣ, прелатъ заглядѣлся на раскинувшуюся передъ нимъ пеструю картину, которой невольно залюбовался. Онъ припомнилъ, что въ Римѣ ему не приходилось видѣть ни такихъ яркихъ апельсиновъ, ни такой свѣжей зелени, ни такой серебромъ отливающей рыбы, какъ здѣсь, на рынкѣ. Въ особенности забавляла его оживленная дѣятельность торговцевъ, которые, стоя за своими прилавками и корзинами, жестикулировали всѣмъ своимъ туловищемъ, точно рыбы, махали рукавами, взлетавшими, какъ крылья птицъ, извивались всѣми членами, какъ змѣи, и производили такой густой гортанный гулъ, что, казалось, сейчасъ городъ обовьетъ или обвило пламя, что злѣйшій врагъ подступилъ къ воротамъ, или, наконецъ, что всѣ они осуждены на смерть и молятъ о помилованіи. Марсиліо, однако, при видѣ всего этого смѣялся, говоря:

„Еслибы эти люди хоть частичку того труда и пота, которыхъ стоитъ ихъ суета, потратили на спокойную работу, они давно достигли бы благосостоянія и могли бы держать при себѣ слугъ и служанокъ, которые собирали бы плоды съ поля и продавали бы ихъ“. Однако, его растрогали пламенные выклики всякаго товара и онъ, накупивъ разныхъ предметовъ, передалъ покупки своему Спиридону. Но тутъ, за одной изъ стоекъ съ апельсинами и финиками, кинулась ему въ глаза женщина, которая апатично и безпечно, заложивъ руки за

голову, спокойно поджидала, когда ей перепадетъ что нибудь отъ покупателя. Прислонясь головой на заложенныя сзади руки, какъ на подушку, и слегка повернувъ смуглую шейку, нѣжныя линіи которой плѣнительно оттѣнялись, она съ тихой нѣгой отдалась охватившему ее покою, лѣниво блуждая глазами по волнующейся толпѣ; сквозь полуоткрытыя вѣки глазъ мелькалъ какой-то бархатный свѣтъ, причудливая, своеобразная красота котораго привлекла прелата.

Когда Марсиліо увидалъ эту дѣвочку, сердце его дрогнуло и ему почудился запахъ цвѣтка, давно когда-то имъ сорваннаго, но о которомъ онъ, въ силу долгихъ лѣтъ, успѣлъ уже позабыть. И когда онъ былъ близко отъ дѣвочки, притягиваемый къ ней невѣдомой силой, она вдругъ открыла глаза во всю ихъ величину и вскинула на него взглядъ, выражавшій не то страдальческую мольбу о томъ, чтобы купили у нея что нибудь, не то просьбу пощадить ее и оставить въ покоѣ.

Взглядъ этотъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Марсиліо, что онъ отступилъ, стараясь поскорѣе незамѣтно смѣшаться съ толпой.

Онъ поручилъ, однако, Спиридону наблюдать за молодой дѣвушкой и, не возбуждая ничьего вниманія, какъ бы мимоходомъ разузнать объ ея имени и происхожденіи. „Въ душѣ моей лежитъ такое чувство къ ней, какъ будто я давно ее когда-то видѣлъ и зналъ; притомъ взглядъ, брошенный ею на меня, былъ полонъ такого же довѣрія, какъ взглядъ Пенелопы, которая незамѣтно для другихъ жениховъ привѣтствуетъ своимъ взглядомъ избраннаго ею въ мужья“.

Спиридону такая рѣчь показалась просто нелѣпой, такъ какъ ему было очень хорошо извѣстно, что его господинъ уже восемнадцать лѣтъ не былъ на своей родинѣ; однако онъ промолчалъ, не рѣшаясь сказать ему:

— Посмотри, вѣдь для тебя давно уже миновало время первой юности, которою цвѣтетъ эта дѣвочка. Какимъ же образомъ можетъ она тебя привѣтствовать, какъ супруга?

Итакъ, не сказавъ ни слова въ отвѣтъ, служитель отправился исполнять порученіе своего господина.

Дѣвочка отвѣтила нѣжнымъ и томнымъ голосомъ:

— Я Марсилія, дочь Януллы изъ Гастуріи.

Спиридонъ пришелъ въ изумленіе, услыхавъ ея имя, и

когда онъ, проходя мимо торговцевъ, освѣдомился у нѣкоторыхъ изъ нихъ о ея положеніи вообще, то услыхалъ, что она сирота, знающая только имя матери; что же касается остальнаго, оно извѣстно одному только Господу Богу, да духовнику.

Эти свѣдѣнія онъ слово въ слово передалъ своему господину.

Едва Марсиліо услыхалъ имя Марсиліи и другія подробности, какъ сталъ собираться и, надѣвъ плащъ, закрылъ имъ голову. Лицо его сіяло, какъ солнце; онъ мечтательно взглянулъ въ даль и заговорилъ тѣмъ нѣжнымъ пѣвучимъ голосомъ, какимъ имѣлъ обыкновеніе говорить, когда читалъ вслухъ какую нибудь книгу:

„Жила однажды дѣвушка, по имени Янулла, которая всѣмъ была извѣстна, какъ болтунья, потому что она ни о чемъ не умѣла молчать; слышала ли она что отъ другихъ, или испытывала сама, она обо всемъ начинала всѣмъ разсказывать.

„Эта болтливость не только сдѣлала ее чѣмъ-то въ родѣ посмѣшища и приносила ей много стыда, но однажды чуть не довела до большаго несчастія.

„Всегда какъ-то такъ случалось, что человѣкъ, ее полюбившій, увлекшійся ея красотой, очень скоро ее бросалъ, до того умѣла она каждаго оттолкнуть отъ себя своей страстью сплетничать.

„Стоило только шепнуть ей на ухо нѣжное, ласковое слово, неравнодушно взглянуть на нее или излить передъ ней въ пламенныхъ выраженіяхъ свое сердечное стремленіе, какъ она уже спѣшила пересказать все поскорѣе какой нибудь изъ сосѣдокъ и до тѣхъ поръ не успокоивалась, пока не перескажетъ все отъ слова до слова, не исключая даже малѣйшаго жеста претендента.

„А такъ какъ жесты влюбленнаго не были лишены нѣкотораго комизма, то несчастный дѣлался предметомъ насмѣшекъ какъ тѣхъ, которымъ во-время удалось избѣжать подобнаго же непріятнаго положенія, такъ и всѣхъ остальныхъ въ округѣ.

„Это начинало сердить избраннаго Януллою и значительно охлаждало его любовный пылъ. Такимъ образомъ, въ короткое время, Янулла разогнала всѣхъ своихъ жениховъ и очу-

тилась въ опасномъ положеніи состариться одинокой, безъ любви.

„Это привело ее въ отчаяніе. и она горько оплакивала свою участь. Но не смотря на все, она никакъ не могла преодолѣть своей страсти къ болтовнѣ.

„Въ концѣ концовъ, она, внѣ себя отъ горя, удалилась отъ людей и обрекла себя на одиночество, надѣясь отвыкнуть отъ своей злополучной привычки. Весь день сидѣла она въ ущельѣ, близь моря. Но и тутъ не могла она принудить себя къ молчанію, потому что слышала то свистъ вѣтра между деревьевъ, то плескъ морскихъ волнъ, то щебетанье птичекъ. Все это отдавалось въ ея ушахъ, какъ милая болтовня дѣвушекъ, когда онѣ соберутся у колодца. Она никакъ не могла удержаться, чтобы не примкнуть къ ихъ пѣнію, безпрестанно шептала про себя разные забавные анекдоты, игравшіе когда либо роль въ ея жизни, хохотала при этомъ, воображая, что сзади нея стоитъ любовникъ и хочетъ сказать ей что нибудь очень пріятное. Она радовалась только тому, что ея откровенная болтовня никому не могла повредить. Однажды, прохладной весной, выдался одинъ безоблачный знойный день, когда стихнулъ малѣйшій вѣтеръ и солнце немилосердно жгло землю. Когда, въ полдень, Янулла проснулась послѣ короткаго сна, то пришла въ ужасъ, такъ какъ во всемъ лѣсу нельзя было уловить ухомъ никакого шума деревьевъ, плеска волнъ, или жужжанья; все вокругъ нея онѣмѣло, точно вымерло. Царило безпредѣльное молчаніе. Тогда остановился и точно онѣмѣлъ и ея языкъ. Она очутилась въ такомъ положеніи, какъ будто въ цѣломъ мірѣ не осталось ни одного человѣка, который бы не спалъ и могъ слушать ея болтовню; ей казалось, что тотъ, кто нарушилъ бы грандіозное спокойствіе этой знойной южной природы, совершилъ бы преступленіе.

„Вдругъ изъ окружающей ее картинной природы предсталъ предъ ней образъ юноши, одѣтаго совсѣмъ не такъ, какъ одѣваются въ той деревнѣ, изъ которой была она сама. Судя по виду, это былъ иностранецъ. Она не знала, считать ли это явленіе дѣйствительнымъ, или грезой, воздушной, какъ облако.

„Юноша, однако, тоже пришелъ въ ужасъ, вдругъ увидавъ предъ собой обольстительную лѣсную нимфу, и, не въ силахъ оторвать отъ нея своего взора, прислонясь къ дереву, без-

молвно смотрѣлъ до тѣхъ поръ на милое привидѣніе, пока изъ глазъ его не потекли слезы. Тогда онъ подошелъ къ ней и осмѣлился ее поцѣловать. Она только весело расхохоталась надъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это, не спросивъ у нея позволенія, и широко раскрыла свои бархатные глаза. И вотъ, усѣвшись рядышкомъ, начали они безпрерывно цѣловаться среди глубокой, объявшей ихъ, тишины. Съ того самаго часа Янулла выучилась молчать. Когда она вернулась въ свою деревню, то ни разу не разомкнула губъ, чтобы проболтаться о томъ блаженствѣ, которое она испытала; только глаза ея блестѣли до такой степени что окружающіе ее шептали другъ другу на ухо: „Она, должно быть, видѣла бога“. Сама же она очень хорошо знала, что то была любовь, которая, въ тихій знойный день, окутала ее своими чарами, замкнувъ ей уста; старые люди обыкновенно говорятъ, что подобной силой и властью обладаютъ только два бога: Панъ и Эросъ.

„И вотъ, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ замолкла навѣки эта дѣвушка“.

Закончивъ такими словами свою рѣчь, Марсиліо погрузился не то въ раздумье, не то въ воспоминанья. Спиридонъ не осмѣливался нарушить его молчаніе, потому что рѣдко случалось ему видѣть у своего господина такое веселое, сіяющее лицо. Затѣмъ онъ повернулся къ своему служителю и сказалъ съ легкимъ смѣхомъ:

— Дружище Спиридонь, завтра я намѣренъ встать какъ можно раньше и отправлюсь совсѣмъ одинъ въ деревню Гастури, знакомую мнѣ давнымъ давно. Я желаю полюбоваться ея прелестнымъ мѣстоположеніемъ и предаться кое-какимъ воспоминаніямъ, отъ которыхъ сердце мое переполнено радостью. Я слышалъ еще, — прибавилъ онъ шутя,—что тамошніе люди, какъ истые внуки ѳеакійцевъ моего Гомера, прославились своимъ искусствомъ уклоняться отъ работы, и считаютъ ее чѣмъ-то въ родѣ смертельнаго оскорбленія. Это искусство я постараюсь у нихъ перенять, чтобы дополнить свое образованіе.—При этомъ сообщеніи, слуга почтительно поклонился, но глаза его засвѣтились такимъ плутовствомъ и задоромъ, что нетрудно было понять, какія дерзкія мысли зароились въ его головѣ; онъ не смѣлъ только ихъ высказать.

III.

На слѣдующее утро, Марсиліо рано отправился въ путь. Это было зимою, во время перваго сбора маслинъ; воздухъ былъ легкій и пріятный; солнце еще было на восходѣ, когда уже онъ былъ въ деревнѣ, которую разыскивалъ. Она протянулась въ ложбинѣ, какъ въ постели, окаймленная гирляндой изъ оливковыхъ деревьевъ, кипарисовъ и широко раскинувшихся тѣнистыхъ платановъ. Видъ этотъ очень ему понравился, и онъ съ наслажденіемъ протянулся на травѣ, у склона горы, откуда виднѣлась вся узкая долина съ домами, садами, виноградниками; кромѣ того, онъ могъ видѣть и за долиной холмистую мѣстность до самаго спуска къ морю. Марсиліо лежалъ подъ тѣнью масличнаго дерева, сквозь вѣтви котораго проскальзывали солнечные лучи и свѣтлыми пятнами мелькали по газону. Онъ долго пролежалъ, съ наслажденіемъ любуясь всѣмъ, что́ доступно его глазу; и все, на что онъ ни взглядывалъ, восхищало его до такой степени, что онъ готовъ былъ побожиться, что нигдѣ, ни въ какихъ странахъ ему не случалось встрѣчать ничего подобнаго.

Роскошная равнина, украшенная густою зеленью, изобиловала всякой благодатью, а широкій потокъ солнечныхъ лучей щедро изливался на эту картину; между прочимъ, ему кинулось въ глаза масличное дерево, поразительное по своей толщинѣ; такого онъ никогда не видалъ. Всѣ деревья были усыпаны плодами; подъ деревьями же росъ виноградъ и зеленѣлъ богатый дернъ, служившій лакомой пищей для ягнятъ. И весь этотъ пейзажъ составлялъ сочетаніе дикаго лѣса съ городскимъ пышнымъ садомъ. Далеко, за морскимъ лиманомъ, возвышался зубчатый верхъ городской башни, окутанный копотью и дымомъ; надъ заливомъ же выступала гора, увѣнчанная снѣгомъ; оконечности горы были позолочены такимъ изобиліемъ солнечнаго свѣта, что Марсиліо стало казаться, будто сейчасъ явятся олимпійскіе боги и откроютъ шествіе, облеченные въ длинныя священныя покрывала. Онъ долго оставался неподвижнымъ, разлегшись на травѣ, погрузившись въ мечты. Близь него лежала деревня. Онъ вгля-

дѣлся сначала въ глубь ея; затѣмъ, осмотрѣвшись внимательно еще разъ вокругъ, замѣтилъ, что на жирной, наклонной почвѣ работаютъ люди. Онъ раньше еще хотѣлъ посмотрѣть, каковы они за работой. Подъ деревьями толклись женщины и подбирали съ земли сливы, наполняя ими хорошенькія плетеныя корзины, причемъ онѣ, украдкой кивая одна на другую, шушукались и сплетничали. Съ деревьевъ падалъ съ легкимъ стукомъ цѣлый дождь плодовъ, красиво усыпая дернъ.

Ихъ паденіе можно было сравнить съ паденіемъ тяжелыхъ дождевыхъ капель, когда онѣ медленно скатываются съ листьевъ, съ легкимъ журчаньемъ. А если фрукты падали случайно прямо въ разставленный подолъ какой нибудь женщины или въ корзину сборщицы, та радостно смѣялась и, считая это за ниспосланную свыше милость какого либо святаго, закидывала въ безмолвномъ изумленіи голову назадъ и смотрѣла сквозь вѣтви наверхъ; вся поза ея, при этомъ, выражала восторженную благодарность, и въ подобномъ состояніи оставалась она чрезвычайно долго. Занимаясь собираніемъ плодовъ, онѣ принимали щедро бросаемые имъ дары природы, не ища и не желая ничего больше. Самымъ молоденькимъ дѣвушкамъ не довѣрялась подобная работа. Онѣ должны были заниматься другимъ дѣломъ: присматривать за маленькими барашками и въ то же время стричь ихъ, причемъ никто не смѣлъ пугать барана излишней суетой, вертясь около него. Онѣ должны были ухитриться сдѣлать это такъ, чтобы маленькое животное, въ случаѣ надобности, могло сосать свою мать или щипать траву.

У мужчинъ было много работы въ самой деревнѣ, и, покончивъ съ нею, они переходили къ другому дѣлу.

Добрую половину своего времени посвящали они разговорамъ и толкотнѣ на улицѣ. Рѣчи эти, судя по оживленнымъ жестамъ, были, должно быть, очень серьезны и требовали большаго умственнаго напряженія.

Отъ времени до времени, кто нибудь изъ нихъ отходилъ отъ своей группы и шелъ къ женщинамъ, краснорѣчиво и горячо побуждалъ ихъ къ работѣ и затѣмъ снова спѣшилъ присоединиться къ бесѣдамъ товарищей, имѣющимъ, повидимому, цѣлью благоденствіе и благополучіе всей страны. Вотъ какимъ образомъ проводили они время въ это ясное утро; и

солнце уже стояло высоко на небѣ, когда настало обѣденное время. Пришли мужчины и разостлали по травѣ широкія, красивыя скатерти, клали на нихъ хлѣбъ, маслины, лукъ, молодой салатъ, вино, и начинали бражничать подъ оливковыми деревьями, проводя время очень весело за продолжительнымъ отдыхомъ. Женщины, въ свою очередь, сошлись сюда и получили свои порціи. Смуглыя лица пировавшихъ разгорались отъ веселой бесѣды и вина.

Все происходившее было отлично видно Марсиліо изъ его спокойнаго убѣжища и его начала разбирать охота подшутить надъ ними; онъ думалъ: „эти блаженные, повидимому, привыкли уклоняться отъ тяжелыхъ и несовсѣмъ пріятныхъ работъ“.

Среди этой веселой компаніи ему бросился въ глаза человѣкъ, не похожій на остальныхъ; казалось, онъ былъ чрезвычайно недовѣрчивъ и безпокоенъ: онъ постоянно оборачивался на всѣ стороны и старался быть дальше отъ товарищей.

Когда насталъ часъ обѣда, онъ, вмѣсто того чтобы остаться пировать съ пріятелями, ушелъ обѣдать къ себѣ домой и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, прожевывая остатки хлѣба. Товарищи провожали его насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ и, кажется, отпускали на его счетъ легкомысленные намеки. Марсиліо это удивило, потому что этотъ человѣкъ былъ стройный и красивый юноша, и когда мимо прелата проходилъ старикъ, бодрый съ виду, почтенной наружности, Марсиліо спросилъ у него, почему всѣ смотрятъ на красавца юношу, какъ на чудовище?

— Этого юношу зовутъ Гайдари, — отвѣчалъ старикъ, — мы же прозвали его осломъ, потому что онъ также работаетъ и трудится, какъ это животное. Мало того, что онъ самъ собираетъ оливы, но даже, рискуя сломать себѣ шею, взлѣзаетъ на дерево и, обливаясь потомъ, сбиваетъ палкой плоды до тѣхъ поръ, пока на деревѣ ничего не останется. Деревья свои онъ подравниваетъ самъ и сгибаетъ ихъ вѣтви, для того чтобы они давали хорошее масло. И ничего другаго онъ такъ горячо не добивается, какъ улучшенія своихъ виноградниковъ и финиковаго сада. Вотъ почему получилъ онъ прозвище „осла“.

Вѣдь извѣстно, что Богъ создалъ осла для безпрерывной, страшно-тяжелой работы, а не для радости, какъ человѣка.

— На твои слова я ничего не могу возразить, ты совершенно правъ,—смѣясь, сказалъ Марсиліо.—Однако ты долженъ же знать, что оселъ не чувствуетъ особенной страсти къ страшно-тяжелой работѣ, и, чтобы возбудить его горячее рвеніе, слѣдуетъ обыкновенно прибѣгнуть къ понуканію и къ ударамъ палки. Стало быть, что́ же общаго можетъ быть у осла съ Гайдари, который трудится безъ всякаго принужденія? И какое зло причинилъ онъ вамъ своимъ трудолюбіемъ, что вы всѣ такъ преслѣдуете его насмѣшками и презрѣніемъ?

— Это никому неизвѣстно и никого не касается, — отвѣчалъ старикъ: — зла онъ, конечно, никому не сдѣлалъ, и никто отъ него не пострадалъ, но и хорошаго тоже въ его поведеніи ничего не можетъ быть.

Сказавъ это, старикъ вѣжливо поклонился и отошелъ къ товарищамъ, чтобы вволю почесать языкъ насчетъ иностранца и его словъ.

Марсиліо, между тѣмъ, думалъ: какая странность, что человѣкъ, обладающій такой почтенной добродѣтелью, какъ трудолюбіе, отличается этимъ отъ своихъ соплеменниковъ только затѣмъ, чтобы слышать ихъ насмѣшки и пренебреженіе. Неужели и въ городахъ, среди образованнаго класса, существуетъ такого рода безуміе? Вѣроятно, и еретиковъ мы такъ ненавидимъ, преслѣдуемъ и жаримъ на медленномъ огнѣ только потому, что они умнѣе и добродѣтельнѣе насъ самихъ. Подобнаго рода проблемму разрѣшить довольно трудно, и не только трудно, даже опасно, если часто ея касаться.

Чтобы разогнать свои мрачныя мысли, Марсиліо вытащилъ изъ кармана нѣсколько финиковъ, подумавъ притомъ не безъ нѣкоторой гордости, что своей добродѣтелью и воздержаніемъ онъ превосходитъ этотъ народъ; затѣмъ отпилъ немного вина изъ охотничьей фляжки. Послѣ этого пообѣдалъ и ненадолго задремалъ, а когда проснулся, то съ состраданіемъ взглянулъ на цвѣтущую страну и на народъ, обладавшій ею.

И чѣмъ бо́льше онъ успокоивался, тѣмъ веселѣе становилось у него на душѣ. Простыя лица рабочихъ начинали казаться ему совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, и сами они гораздо лучше остальной „меньшой братіи“; даже воздухъ, которымъ они

дышали, показался ему гораздо чище. Хотя они были бѣдно одѣты и лишены всякихъ украшеній, однако удостоились того, что онъ сравнивалъ ихъ платья съ покрывалами олимпійскихъ боговъ, величественно подвигавшихся въ своей процессіи по горѣ, ежедневно встающей передъ ихъ глазами. И вотъ почему такъ невозмутимо шла ихъ жизнь, и все тверже и увѣреннѣе становилось выраженіе ихъ лицъ.

IV.

Вотъ какъ провелъ Марсиліо этотъ чудесный день. Солнце начало уже заходить, когда женщины сбѣжались къ колодцу съ высокими кувшинами, болтали довольно долго и затѣмъ убѣгали живописными группами отъ колодца, держа наполненные до краевъ кувшины высоко надъ головой. Всѣ онѣ, проходя мимо незнакомца, ласково кивали ему головой; мужчины приготовлялись къ вечернему отдыху, а такъ какъ во всѣхъ странахъ у людей любопытство, при видѣ чего нибудь незнакомаго, одинаково, то они стали разглядывать внимательно пришлаго чужеземца, такъ долго отдыхавшаго на ихъ лугу. Сначала они смотрѣли на него издали, затѣмъ стали подходить къ нему все ближе, тѣсно сплотившись въ своемъ кружкѣ. Въ эту минуту они напоминали собой стадо быковъ, угрожающихъ рогами незнакомому человѣку, не находящемуся подъ вѣдѣніемъ ихъ пастуха. Какъ только Марсиліо замѣтилъ это, въ его головѣ промелькнула мысль сыграть надъ ними какую нибудь забавную шутку. Сложивъ руку въ рупоръ, онъ крикнулъ имъ:

— Эй, вы, люди изъ мѣстечка Гастури, послушайте-ка, что́ я вамъ скажу! Въ славномъ городѣ Бенедикѣ, откуда я пришелъ, былъ однажды такого рода случай: одинъ очень умный человѣкъ, проходя вдоль канала, замѣтилъ на камняхъ, разбросанныхъ по берегу, четырехъ сильныхъ мужчинъ, развалившихся на нихъ и подставившихъ свои головы подъ самый солнопекъ. Онъ ласково подошелъ къ нимъ и поклялся дать цехинъ тому изъ нихъ, кто окажется самымъ лѣнивымъ. Тогда они, возбужденные радостною надеждой, наперерывъ стали доказывать, каждый про себя, что онъ-то и есть самый лѣнивый. Только вотъ одинъ, наконецъ, говоритъ: о, госпо-

динъ! посмотри, я лежу неподвижно, солнце бросаетъ свои горячіе лучи мнѣ прямо въ глаза и невыносимо жжетъ ихъ, однако я не обращаю никакого вниманія на боль; мнѣ лѣнь даже сомкнуть вѣки и еслибы вслѣдствіе долгаго лежанья, меня склонило наконецъ ко сну, то и тутъ я полѣнился бы двинуть хотя краешкомъ глаза. Теперь я тебѣ, кажется, доказалъ вполнѣ, что я самый лѣнивый.

— Вижу, вижу. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ты изъ лѣнтяевъ лѣнтяй и вполнѣ заслужилъ обѣщанную награду, а потому протяни руку и спрячь цехинъ къ себѣ.

При этихъ словахъ, лѣнтяй, тоскливо взглянувъ на него, воскликнулъ: ахъ, господинъ, какъ возьму я деньги, не двинувъ при этомъ рукой, положи самъ твой цехинъ ко мнѣ въ карманъ.

Тогда изумленіе мудреца дошло до апогея. Онъ взялъ палку и сталъ бить и толкать лѣнтяя, въ надеждѣ, что тотъ, наконецъ, не выдержитъ и побѣжитъ, но онъ оставался неподвижнымъ, устремивъ на него страдальческій взглядъ.

Растроганный благодѣтель вынулъ другой цехинъ, положилъ передъ нимъ и кротко сказалъ:

— Ну, ты на дѣлѣ показалъ гораздо больше того, что обѣщалъ, а потому заслуживаешь вполнѣ двойнаго вознагражденія.

Послѣ этихъ словъ, мудрецъ пошелъ дальше своей дорогой, глубоко задумавшись.

— Нѣчто въ родѣ разсказанной мною исторіи, задумалъ я примѣнить и къ вамъ, почтенные люди, и, чтобы доказать мнѣ свое расположеніе, смотрите сюда: вотъ очень хорошо вычеканенная серебряная венеціанская монета, она будетъ принадлежать тому изъ васъ, кто окажется самымъ лѣнивымъ въ продолженіе всего дня. А такъ какъ самъ я не могу быть въ этомъ дѣлѣ компетентнымъ судьей, не зная васъ и видя только на работѣ, то прошу васъ посовѣтоваться полюбовно другъ съ другомъ и, затѣмъ, указать мнѣ того, кого вы найдете болѣе достойнымъ этой награды.

Когда онъ кончилъ свою рѣчь, мужчины недовѣрчиво покачали головами и, смущенные и нерѣшительные, не знали, принять ли имъ это предложеніе за серьезное, или за шутку. Имъ отчасти казалась подозрительной его рѣчь, обращенная

къ нимъ такъ торжественно, какъ будто онъ говорилъ съ каѳедры. Когда же они внимательнѣе посмотрѣли на серебряную монету, то почувствовали сладкую надежду пріобрѣсти ее. Они попятились назадъ, плотно прижавшись другъ къ другу и составляя тѣсный кругъ, но затѣмъ кружокъ этотъ раздѣлился на нѣсколько группъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто.

Въ группахъ этихъ замѣтно было сильное оживленіе; вѣроятно, тамъ происходило серьезное совѣщаніе. Такимъ образомъ прошло довольно долго времени, и Марсиліо отъ всей души смѣялся выдуманной имъ шуткѣ; но вотъ они опять приблизились къ нему съ торжественными и нѣсколько печальными лицами, а старикъ, съ которымъ онъ раньше другихъ заговорилъ, обратился къ нему отъ лица всей толпы съ торжественною рѣчью:

— Господинъ! мы долго думали о томъ, что̀ ты намъ сказалъ, и пришли къ слѣдующему заключенію. Сегодня въ нашей деревнѣ дѣйствительно оказался одинъ, самый лѣнивый человѣкъ. Всѣ работали по установленному порядку, въ опредѣленное время, и даже такъ много наработали, точно отъ этого зависѣло все ихъ благополучіе. Единственный человѣкъ, который ничего не дѣлалъ и провелъ время совершенно праздно, это ты самъ, потому что весь день провелъ, въ бездѣйствіи лежа тамъ на травѣ, и даже поѣсть не потрудился такъ, какъ всѣ остальные христіане, но вытаскивалъ пищу и ѣлъ изъ кармана, а пилъ прямо изъ бутылки. Да, ты ни разу не взглянулъ на что нибудь съ дѣловою цѣлью и не приглядѣлъ ни за сливами, ни за другими плодами. А мы всѣмъ этимъ занялись, не смотря на то, что сегодня праздникъ. Больше всего занимала тебя лежащая передъ тобою даль, ты особенно пристально вглядывался въ ея глубь, точно грудной ребенокъ, которому все окружающее представляется въ неясномъ свѣтѣ. Вѣдь не будешь же ты утверждать, что на той голой горѣ, или въ небѣ высматривалъ себѣ какое нибудь дѣло. Такого празднаго времяпровожденія мы не замѣтили ни за однимъ взрослымъ мужчиной во всей деревнѣ, во всей нашей сторонѣ. И мнѣніе у насъ составилось такое, что эта серебряная монета принадлежитъ всецѣло и безраздѣльно тебѣ. Вѣроятно также, что тебѣ не только трудно спрятать ее, но и держать, крѣпко зажавъ въ рукѣ, а потому, если это такъ, то мы съ

удовольствіемъ примемъ отъ тебя въ подарокъ эту монету и сдѣлаемъ изъ нея какое нибудь полезное употребленіе.

Выслушавъ подобное предложеніе, Марсиліо вспыхнулъ отъ гнѣва, потому что не было еще человѣка, который высказалъ бы ему такую правду прямо въ глаза, въ особенности съ такимъ искреннимъ и добродушнымъ выраженіемъ, какое было у старика и его товарищей. Въ первую же минуту прелатъ такъ сконфузился и разсердился, что не нашелся и не зналъ, какъ поумнѣе отвѣтить, чтобы вразумить эти тупыя головы, но все таки постарался скрыть свое смущеніе и досаду, и придумалъ нѣчто другое, желая ихъ отчасти наказать за мудрое рѣшеніе.

— Хорошо, друзья, я возьму назадъ свои деньги и въ другой разъ предложу эту награду уже при совершенно противоположныхъ условіяхъ, а именно: я вручу ее самому прилежному и самому благоразумному въ этой долинѣ, которая по истинѣ можетъ назваться долиной лѣни. Я говорю о томъ человѣкѣ, надъ которымъ вы такъ глупо издѣваетесь и которому дали прозвище Гайдари-осла. Этотъ Гайдари достойнѣе васъ всѣхъ награды.

Затѣмъ онъ предложилъ сконфузившимся крестьянамъ проводить его къ Гайдари и, войдя къ нему, попросилъ ночлега и ужина, за что, въ видѣ возмездія, предложилъ серебряную монету. Становилось уже темно, и Марсиліо показалось неудобнымъ возвращаться такъ поздно въ городъ. У прелата явилась охота сдѣлать еще кое-что въ этой деревнѣ.

V.

Гайдари, настоящее имя котораго было Артемизіосъ, не только не отказалъ Марсиліо въ его просьбѣ, но постарался исполнить какъ можно лучше оба желанія незнакомаго гостя. Марсиліо представился удобный случай наблюдать за его хозяйственными распоряженіями, и онъ видѣлъ, что хозяинъ бросался во всѣ стороны съ какою-то торопливостью, не имѣя времени отдохнуть, потому что не упускалъ ни минуты сдѣлать что нибудь полезное и необходимое. И дѣйствительно, онъ на глазахъ Марсиліо исполнялъ нѣсколько дѣлъ за разъ. Мѣшая кочергой дрова, онъ въ то же время изо всѣхъ силъ

раздувалъ пламя въ печкѣ, нажимая заодно ногой доску, представлявшую родъ тисковъ для выжиманія масла. Точно также, пока онъ лѣвой рукой быстро ощипывалъ курицу, туловище которой было зажато у него въ колѣняхъ, правой онъ звенѣлъ тарелками и блюдами, разставляя ихъ на столѣ, а затѣмъ взглядъ его еще долго съ безпокойствомъ блуждалъ вокругъ съ боязнью найти еще что нибудь несдѣланнымъ. Во время всѣхъ этихъ приготовленій, на лицѣ его замѣтно было такое выраженіе печали, какъ будто онъ хотѣлъ пожаловаться на то, что природа надѣлила его недостаточнымъ количествомъ двигательныхъ членовъ, и что у него ихъ не на все хватаетъ. Когда же онъ приготовилъ все изумительно скоро, то вѣжливо, хоть безъ особеннаго заискиванія и низкопоклонства, пригласилъ высокаго гостя къ столу, а самъ сѣлъ напротивъ, быстро глотая пищу. Во время ужина, онъ торопливо оглядывался и между двумя кусками быстро срывался съ мѣста и спѣшилъ кончить еще какую нибудь работу. Вина онъ налилъ всего двѣ капли на такое большое количество воды, что безвкусная жидкость едва окрасилась розоватымъ налетомъ. Онъ бо́льшею частью молчалъ, не изъявляя особаго желанія занимать гостя продолженіемъ бесѣды. Не смотря на это, гость самъ старался разговорить этого чудака, очень его забавлявшаго. Послѣ разныхъ предисловій, оказавшихся излишними, онъ, наконецъ, прямо спросилъ его, какимъ образомъ Гайдари, живя среди такого лѣниваго народа, который смотритъ, какъ на особенное счастіе, на возможность ничего не дѣлать, какимъ образомъ онъ одинъ не только не заразился лѣностью, а даже съ какимъ-то необыкновеннымъ рвеніемъ принимается за всякое дѣло, хотя оно не доставляетъ ему ни почета отъ окружающихъ, ни удовольствія, а, напротивъ, приноситъ, повидимому, однѣ непріятности.

Гайдари отвѣчалъ съ тѣмъ же мрачнымъ и унылымъ выраженіемъ лица:

— Я къ этому привыкъ. Всякое спокойствіе, исключая того, которое даетъ крѣпкій сонъ, для меня невыносимо.

— И это уже давно? продолжалъ выпытывать Марсиліо.

Тотъ, немного подумавъ, отвѣчалъ:

— Съ тѣхъ поръ какъ мой отецъ отплылъ съ кораблемъ добывать золото и утонулъ.

— И онъ тебя оставилъ на родинѣ одинокимъ?

— Нѣтъ, со мной осталась мать.

— И для нея ты долженъ былъ работать съ ранняго дѣтства.

— Я такъ и дѣлалъ, потому что матери было трудно жить, да и кромѣ того она страшно тосковала по мужѣ. Нѣтъ горя сильнѣе того, когда женщина остается съ ребенкомъ на рукахъ безъ всякаго защитника.

Марсиліо, при этихъ словахъ, вздрогнулъ, затѣмъ обтеръ потъ, выступившій на лбу, и, замолчавъ на мгновеніе, спросилъ:

— А въ то время доставляла ли тебѣ удовольствіе работа?

— О, тогда я пѣлъ и свисталъ, какъ и всѣ другіе.

— Съ которыхъ же поръ пересталъ ты быть веселымъ?

— Съ тѣхъ поръ какъ у меня умерла мать.

— И съ тѣхъ поръ ты неустанно работалъ, безстрастно и угрюмо, потому что тебѣ не о комъ уже было заботиться, не смѣя въ то же время мечтать о лишней каплѣ вина для себя?

— Долженъ же я былъ какъ нибудь убить время.

— Но покой, послѣ умѣреннаго труда, доставляетъ удовольствіе.

— Только не для меня. По моему, нѣтъ ничего несноснѣе, какъ лежать въ состояніи дремоты, когда ждешь забыться окончательно въ крѣпкомъ снѣ.

— Но середина между бодрствованіемъ и сномъ, или то, что мы называемъ грёзами, самое пріятное времяпровожденіе!

— Я не знаю и не желаю знать никакихъ грёзъ, потому что онѣ безполезны и неосуществимы.

— Стало быть, твоему понятію вовсе недоступна мысль, какъ люди по своей собственной охотѣ наслаждаются, отдаваясь всецѣло сладостнымъ грёзамъ, какъ, отдыхая такимъ образомъ, можно вызвать въ своемъ воображеніи волшебныя, восхитительныя картины, и ты не можешь понять, что эти неосуществимыя грёзы, воздушныя, какъ облако, гораздо драгоцѣннѣе для того, кому онѣ являются, всѣхъ сокровищъ и удовольствій, которыя онъ можетъ получить. Есть и еще наслажденіе, имѣющее большое сходство съ этимъ, и вообще близкое къ нему, которое отчасти можно счи-

тать дѣйствительнымъ,—это духовный восторгъ, возбужденный представленіемъ мірскихъ прелестей, насъ окружающихъ, которыя хотя созданы не ради насъ, но все таки радуютъ насъ, какъ, напримѣръ, ясное небо или море, или гора, хотя бы все это было только на картинѣ, передающей эту красоту также живо, какъ и прекрасныя, оживленныя черты человѣка. Есть, наконецъ, третье наслажденіе— но объ этомъ потомъ, а теперь скажи мнѣ только: смотрѣлъ ли ты когда нибудь на прелестную, очаровательную женщину съ чувствомъ благоговѣйнаго восторга, ощущая въ то же время внутреннюю дрожь и весь проникнутый ожиданіемъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ юноша,—ничего подобнаго я за собой не запомню; я вѣдь отлично знаю, что женщины — созданія съ гораздо болѣе низкимъ уровнемъ развитія, чѣмъ мы, мужчины. Зачѣмъ же сталъ бы я такъ внимательно къ нимъ приглядываться?

— Но какъ можешь ты такъ утвердительно разсуждать о томъ, чего не испыталъ? Конечно, богатства этимъ путемъ не добудешь, но зато ты можешь получить другое удовольствіе, которое гораздо драгоцѣннѣе, могу тебя увѣрить. Можетъ быть, это успокоило бы твое сердце, которому теперь все чего-то недостаетъ. Можетъ быть, тогда ты снова принялся бы за работу съ прежнимъ весельемъ и радостью на душѣ, однимъ словомъ, повторилась бы твоя жизнь при матери. Ты пересталъ бы работать съ тою пугливою ненавистью, съ какой работаетъ тяжело навьюченный оселъ. Любовь къ женщинѣ производитъ также чудеса, и въ теченіе долгихъ лѣтъ бьется еще сердце, полное упоительнаго счастья, и долго, долго послѣ того оно какъ будто ждетъ, что опять наступитъ былое счастіе. Что можетъ сравниться съ наслажденіемъ ожидать подобнаго чуда?

— А я видѣлъ совершенно обратныя послѣдствія этихъ чудесъ и этихъ страстныхъ ожиданій; я видѣлъ, что̀ выходило изъ надежды, что былое опять вернется, — возразилъ Гайдари.—Не говорю уже о своей матери, что̀ съ ней было, когда она потеряла мужа, но знаю другую женщину здѣшняго мѣстечка, точно также покинутую своимъ мужемъ, хотя здѣсь никто и никогда не видалъ этого мужа. Тоска и страданіе такъ омрачили ея разсудокъ, что она каждый годъ,

вотъ уже двадцать лѣтъ, всходитъ вонъ на ту гору, за Гастури, и долго слѣдитъ за каждымъ показавшимся вдали кораблемъ, такъ какъ безумная вообразила, что и на такомъ огромномъ разстояніи она непремѣнно должна увидать и узнать его. Поэтому-то всѣ и думаютъ, что у нея голова не въ порядкѣ, хотя на первый взглядъ въ ней нельзя замѣтить никакой странности. Всѣмъ кажутся неестественными ея желаніе увидѣть его и надежда на его возвращеніе, когда онъ, можетъ быть, уже десять разъ забывалъ ее и измѣнялъ ей среди другихъ женщинъ. Теперь ты знаешь, какіе сладкіе плоды любовнаго ожиданія и страсти пришлось мнѣ видѣть, и, право, все это не могло возбудить во мнѣ желанія и охоты испытать то же самое.

Въ продолженіе рѣчи разскащика, Марсиліо не спускалъ съ него пристальнаго взгляда. Затѣмъ онъ спросилъ его тихо:

— Какъ имя этой преданной женщины?

— Ее зовутъ Януллой, — отвѣчалъ Гайдари,—и если ты желаешь ее видѣть, тебѣ стóитъ только постараться завтра пораньше встать.

Марсиліо ничего не отвѣчалъ, а принялся еще усерднѣе за вино, которое пилъ въ такомъ глубокомъ раздумьѣ, какъ будто ждалъ почерпнуть изъ него вдохновеніе.

На другой день Марсиліо всталъ очень рано и поспѣшилъ къ росистой прохладной возвышенности, на которую ему указывалъ вчера Гайдари. Чѣмъ выше онъ взбирался, тѣмъ, казалось, легче становился его шагъ, все больше разгорались его глаза, а сердце точно ширилось и молодѣло, точь въ точь, какъ въ лучшіе дни. Онъ разговаривалъ самъ съ собой: „и—такъ, вотъ еще доказательство, что время не имѣло никакого вліянія на чистое, благородное сердце! Это сердце все еще надѣется насладиться свиданіемъ съ возлюбленнымъ“...

Эти слова весело пронеслись надъ залитою солнцемъ далью, и прелестью молодости повѣяло отъ нея. Вдругъ на томъ мѣстѣ тропинки, на которомъ онъ стоялъ, и которое образовало крутой поворотъ, на приподнятомъ выступѣ явился передъ нимъ образъ женщины; фигура ея отчетливо обрисовалась на ясномъ фонѣ неба. Ему бросилась въ глаза стройная, величавая осанка. Повернувъ голову, она глядѣла внизъ на море. Заслонивъ рукой глаза отъ солнца, она пристально вглядывалась въ

даль; вуаль ея, приподнятая рукой, раздувалась и крутилась отъ вѣтра.

Въ такомъ видѣ предстала передъ нимъ снова женщина, осчастливившая когда-то его молодость. Жаждущее блаженства, сердце его вновь затрепетало отъ восторга. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ дальше, эта женщина вблизи представилась ему совсѣмъ иной, чѣмъ обѣщало его сердце. Когда она обратила къ нему свое лицо, черты котораго онъ зналъ до малѣйшей подробности, ему невольно бросилась въ глаза перемѣна, происшедшая въ его возлюбленной. Прелесть молодости совершенно исчезла, и въ чертахъ лица ея, дышавшихъ теперь однимъ благородствомъ, едва можно было уловить слѣды былой красоты. Молодость исчезла безслѣдно, долговременная тоска безжалостно убила красоту. Только въ бархатистыхъ глазахъ еще, казалось, вспыхивалъ порой огонекъ прежнихъ дней. Марсиліо тяжело вздохнулъ и обратился какъ бы съ жалобой къ кому-то: „о Боже, какъ печально устроено все въ этомъ мірѣ! Зачѣмъ красота и пылкая юность исчезаютъ, какъ дымъ, и то, что еще вчера очаровывало нашъ взоръ, превращается сегодня въ унылый призракъ!“

VI.

Такъ раздумывалъ онъ, взволнованный, смущенный, испуганный. Онъ хотѣлъ даже незамѣтно уйти. Но женщина, завидѣвъ его, упала на подкосившіяся колѣни и вскричала, протянувъ къ нему руки:

— О, мой супругъ и господинъ, наконецъ ты пришелъ за мной!

Тогда онъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти, сильную жалость, и долженъ былъ сдѣлать невѣроятное усиліе, чтобы овладѣть собой. Онъ мысленно призвалъ на помощь такого рода утѣшеніе. „Если сама чадолюбивая мать-природа оказалась такъ вѣроломна, что похитила у бѣдной женщины прелесть молодости и красоту, то какъ могло устоять сердце слабаго созданія ея, человѣка? И какъ поступилъ въ подобномъ случаѣ Одиссей? Былъ ли онъ безусловно вѣренъ своей благородной супругѣ? Нѣтъ, онъ былъ увлеченъ любовью къ оча-

ровательной нимфѣ Калипсо, не взирая на свою супружескую любовь. И вотъ, сегодня я ощутилъ радостное ожиданіе старой встрѣчи, и не только сегодня, а еще вчера, даже раньше. Но милую Навзикаю, искренно любившую Одиссея и сдѣлавшую ему много добра, онъ безпечно покинулъ и не думалъ уже больше о ея дальнѣйшей судьбѣ. Теперь, проводя параллель между мной и Одиссеемъ, я замѣчаю, что я гораздо честнѣе его, но заслугу эту я приписываю не себѣ, а дѣйствію христіанскаго милосердія, которое очищаетъ нашу душу.

„Я покинулъ также, какъ и онъ, дѣвушку, мною любимую, но для того, чтобы вернуться къ моей невѣстѣ и супругѣ — церкви, а теперь пришелъ опять сюда, желая доставить ей благодѣтельное утѣшеніе“.

Такими мыслями ему удалось осилить непріятное чувство, которое поднялось въ немъ съ первыхъ словъ Януллы, и онъ, милостиво благословивъ ее и положивъ руку на ея голову, сказалъ ей тономъ духовнаго отца:

— Добрая женщина, я дѣйствительно пришелъ сюда затѣмъ, чтобъ облегчить скорбь твоей души; но, прежде всего, ты должна знать, что, желая искупить грѣхи свои, я сдѣлался священникомъ, а тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что святая римская религія запрещаетъ намъ вступать въ бракъ съ женщиной, чтобы среди мірскихъ удовольствій не забывать своихъ священныхъ обязанностей. Но еслибы даже и этого правила не существовало, намъ все таки не приходится думать о себѣ и своихъ удовольствіяхъ. Мы оба уже состарились, а старику приличнѣе забыть совершенно свое „я“ и отдаться заботамъ о счастіи юнаго созданія, которому мы должны служить опорой и должны помочь ему подняться на ноги. Всякій отецъ долженъ забыть о самомъ себѣ и собственныхъ удовольствіяхъ, съ того самаго момента, какъ у него родилось дитя, и всю свою жизнь, все счастіе и надежду долженъ посвятить появившемуся на свѣтъ маленькому созданію. Самъ онъ долженъ думать только о своей душѣ и о своемъ ребенкѣ, откинувъ въ сторону всѣ остальные мірскіе помыслы. То же самое чувство самоотверженія должно наполнить и сердце матери. До меня дошло уже пріятное извѣстіе, что ты родила мнѣ дочь и окрестила ее моимъ именемъ.

— Теперь намъ съ тобой предстоитъ подумать о счастіи нашей малютки.

По окончаніи этой великолѣпной рѣчи, Марсиліо охватило такое сильное чувство умиленія отъ сознанія своей доброты и великодушія, что чувство, бывшее вначалѣ только слѣдствіемъ хорошаго расположенія духа, крѣпло по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, и превратилось подъ конецъ въ неизмѣнное рѣшеніе. Любовь къ дочери выросла и расцвѣла въ его груди, подобно цвѣтку, а между тѣмъ онъ видѣлъ эту дочь всего только одинъ разъ, да и то издали, когда она явилась предъ нимъ, цвѣтущая красотой, унаслѣдованной отъ матери. Въ эту минуту онъ далъ клятву пожертвовать всѣмъ для ея счастія.

Его жена, Янулла, стояла предъ нимъ въ глубокомъ безмолвіи, и затѣмъ, взявъ выхоленную красивую руку мужа въ свою, загрубѣвшую отъ тяжелой работы, сказала голосомъ, глубоко прочувствованнымъ:

— Эта рука осталась для меня по прежнему прекрасной, но теперь она можетъ меня только благословить. Я счастлива уже и тѣмъ, что ты не отказываешься быть отцомъ моей дочери.

Въ этихъ немногихъ словахъ выразилось чувство долгаго тоскливаго ожиданія, и затѣмъ она поцѣловала его руку со слезами кроткаго умиленія.

Тогда рѣшеніе его окончательно созрѣло, и онъ уже не такъ величаво, а съ бо́льшею человѣчностью въ голосѣ сказалъ:

— Что́ бы такое дать нашей дочери, что́ могло бы сдѣлать вполнѣ счастливымъ ея невинное дѣтское сердце?

Янулла, не медля, отвѣчала:

— Лучшее сокровище въ мірѣ, какого только можетъ желать женщина, это мужъ, который надолго привязался бы къ ней, былъ бы ей вѣренъ, работалъ бы вмѣстѣ съ ней и былъ бы настоящимъ отцомъ для своихъ дѣтей. Если ты можешь дать ей это счастіе, то бо́льшаго она не смѣетъ требовать.

Марсиліо повернулъ въ сторону свое лицо, покрывшееся краской сильнаго смущенія, и ласково сказалъ:

— Поищу и, можетъ быть, найду ей такого мужа. Пришли завтра дитя ко мнѣ въ городъ. Я хочу вдоволь на нее наглядѣться и вывѣдать между тѣмъ ея сердце. Это мнѣ необходимо для того, чтобы вѣрнѣе устроить ея счастіе. А теперь дай мнѣ хорошенько собраться съ мыслями; встрѣча съ

тобой и воспоминанія, вновь проснувшіяся въ моей душѣ, сильно меня взволновали.

Говоря это, онъ опять положилъ свою нѣжную, бѣлую руку на ея голову, благословилъ ее, и затѣмъ отправился назадъ той же самой дорогой.

Удаляясь, онъ еще разъ обернулся и увидалъ женскую фигуру, которая неподвижно глядѣла внизъ, но не на него, а на море, когда-то унесшее въ далекіе края ея милаго.

Вернувшись къ своему хозяину—Гайдари, онъ выпыталъ у него малѣйшія подробности жизни молодой Марсиліи и между тѣмъ старался замѣтить, какое мнѣніе тотъ о ней составилъ, такъ какъ дорогой ему взбрела на умъ странная мысль, которая даже невозмутимаго Гайдари поразила удивленіемъ и потому онъ сухо и рѣзко возразилъ:

— Я ничего хорошаго о ней не могу сказать. Это такая лѣнтяйка, какихъ еще эта страна не производила. Неспособная ни къ какому дѣлу, она до такой степени неловка, что даже не умѣетъ приманить покупателя. Вѣчно о чемъ-то мечтаетъ, задумывается, изъ чего видно, что и къ ней перешла наслѣдственная меланхолія.

Марсиліо поразилъ такой дурной отзывъ о его дочери, и онъ спросилъ, не виновата ли тутъ мать, которая сама, можетъ быть, подала своей дочери плохой примѣръ; на это Гайдари отвѣтилъ, что Янулла энергичная, трудолюбивая женщина и отличная мать, но что, вѣроятно, тутъ замѣшанъ путешествующій гдѣ-то отецъ, который и передалъ по наслѣдству эту отвратительную наклонность своей дочери. Услыхавъ подобное сужденіе, Марсиліо рѣзко отвернулся и, безъ дальнихъ разговоровъ, быстро покинулъ своего гостепріимнаго хозяина. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и затѣмъ съ еще большимъ рвеніемъ принялся за работу.

Послѣ всѣхъ этихъ приключеній, Марсиліо вернулся домой, въ городъ, и, отдохнувъ хорошенько, откровенно разсказалъ обо всемъ Спиридону, надѣясь услыхать отъ него практическій совѣтъ насчетъ замужства дочери.

VII.

Спиридонъ былъ умная голова, одаренная необыкновенною сообразительностью во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ, и пока его господинъ продолжалъ говорить, въ умѣ его зароились разныя догадки и идейки. А что было бы, думалъ онъ, еслибы я самъ женился на твоей дочери? Во-первыхъ, это было бы благородно съ моей стороны, но, и кромѣ того, выгодно быть зятемъ одного изъ крупнѣйшихъ церковныхъ свѣтилъ, да и дѣвочка хорошенькая, а это для умнаго мужа можетъ составить немалый барышъ, безъ особенныхъ уступокъ противъ совѣсти; да и мнѣ пора же, наконецъ, сдѣлаться осѣдлымъ человѣкомъ, если удастся получить награду за свою долгую службу. Вѣдь можно же устроить такъ, что прелатъ, не смотря на свой безпечный взглядъ и легкомысленное отношеніе къ человѣку служащему, догадается предоставить ему справедливо заслуженную долю барыша. Онъ, какъ вообще всѣ господа, хоть и добръ, но довольно малодушенъ, и, кромѣ положеннаго по условію жалованья, не пожертвуетъ для своего слуги ничѣмъ, а эта плата составляетъ только десятую долю того, что̀ награбилъ бы, безъ его спроса, всякій другой слуга".

Эти мысли раздразнили его и придали еще больше рѣшимости; но онъ побаивался, какъ бы его попытка не оказалась неудачной, а, поразмысливъ, нашелъ болѣе удобнымъ пойти къ своей цѣли окольной дорожкой, а это какъ нельзя больше подходило къ его характеру.

— Не очень-то будетъ легко, предусмотрительно разсудилъ онъ,—заманить жениха для дѣвочки, отецъ которой несовсѣмъ охотно заявляетъ свои отцовскія права; этотъ изъянъ можно починить только очень богатымъ приданымъ.

Марсиліо утвердительно кивнулъ головой, но лицо его при этомъ омрачилось подозрѣніемъ.

— Тебѣ не безъизвѣстно, что я проживаю и раздаю свой доходъ весь, до послѣдней полушки, причемъ нерѣдко приходится прихватывать кое-что изъ кассы сбереженія. Слѣдовательно, что же долженъ я дѣлать, чтобы добыть такое громадное приданое; вѣдь не окунуться же мнѣ для того по уши въ долги?

— Да, это правда, сказалъ Спиридонъ, съ невиннымъ выраженіемъ въ лицѣ; но тогда не мѣшало бы откладывать что нибудь для милаго дитятка, какъ дѣлаютъ это всѣ другіе отцы, когда ихъ дочери достигаютъ совершеннолѣтія. Мы тоже можемъ немножко съэкономить.

— Это мы не только можемъ, а должны сдѣлать. Но въ такомъ случаѣ, съ чего же мы начнемъ нашу экономію? Послѣ самаго тщательнаго изслѣдованія, я никакъ не могу придумать, безъ чего мы могли бы легко обойтись.

— Нельзя ли покупать поменьше на дюжину-другую, книгъ въ новыхъ роскошныхъ переплетахъ, или сократить покупку драгоцѣнныхъ рукописей?

— Но, сынъ мой, знаніе и наука—самая главная вещь въ моемъ положеніи.

— Или не поуменьшить ли вашему преосвященству число картинъ съ портретами хорошенькихъ женщинъ?

— Тогда десятки художниковъ погибнутъ отъ голода, ради прихоти одной дѣвочки.

— Не окажется ли возможность сократить ваши большіе обѣды?

— Неужели я, который долженъ служить примѣромъ для всѣхъ, первый уничтожу принятый хорошій обычай.

— Тогда, наконецъ, вы сами могли бы поудержаться, хоть бы на годъ, отъ употребленія тонкихъ дорогихъ винъ или, по крайней мѣрѣ, пить по глотку.

— Ты дуракъ и невѣжа! Для достойнаго отправленія моей тяжелой обязанности, долженъ же я откуда нибудь почерпать свѣжія силы.

— Въ такомъ случаѣ, надо придумать что нибудь другое.

— Придумай!

Спиридонъ, послѣ нѣкотораго молчанія, отвѣтилъ:—Я придумалъ.

— Ну, говори.

— Приданое мы соберемъ изъ тѣхъ денегъ, которыя получимъ отъ жениховъ вашей дочери.

— Это какимъ образомъ?

Еслибы вы обложили всякаго претендента на руку вашей дочери нѣкоторымъ налогомъ, успѣхъ былъ бы непремѣн-

ный. Всегда почти бываетъ такъ, что чѣмъ больше вы ищете, тѣмъ больше дастся вамъ.

— Это что-то хитро задумано и сейчасъ видно, что мысль вылетѣла изъ неотесанной головы.

— Простите, если я не съумѣлъ облечь въ подобающую форму свою мысль; вы, вѣроятно, согласитесь со мной въ томъ, что у людей все зависитъ отъ формы. Развѣ вы не искренно и пламенно желаете найти для вашей дочери хорошаго мужа, въ особенности если онъ тотчасъ же на ней женится?

— Конечно.

— Но какимъ образомъ отыщете вы жениха въ этой странѣ, когда вы стали въ ней почти чужимъ? Никто здѣсь ничего про васъ не знаетъ. А въ этомъ-то и затрудненіе. Изъ этого слѣдуетъ, что вы сами должны поскорѣе о себѣ заявить, узнать побольше людей и хорошенько испытать ихъ. Кто выйдетъ чистъ изъ испытанія, тотъ и будетъ избранникомъ.

— Курьезная фантазія. Но какого же рода должно быть испытаніе?

— Вѣдь надѣюсь, вы со мной согласитесь въ томъ, что самый надежный и подходящій намъ человѣкъ—тотъ, который способнѣе другихъ къ дѣлу? Не правда ли, что лѣнь, именно, только и есть причина всѣхъ золъ? Между тѣмъ, прилежаніе—основа всякаго благосостоянія и вѣнецъ всего. Человѣку занятому нѣтъ времени думать о пустякахъ, лѣнтяя же грѣхъ всегда подстерегаетъ: несчастіе постоянно сторожитъ его. И развѣ такъ трудно испытать степень прилежанія всякаго? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Дайте выполнить любому претенденту на руку вашей дочери какую нибудь трудную, но полезную работу, и вы увидите, кто лучше всѣхъ ее выполнитъ,—тотъ и будетъ достоинъ ея руки. Не правду ли я говорю? Но, вѣрьте мнѣ, ни одно дѣло не представляетъ такого тонкаго и труднаго исполненія, какъ винодѣліе. Забота объ этомъ драгоцѣнномъ напиткѣ требуетъ массу времени, тутъ надо работать, что называется, не покладывая рукъ. Одна и та же земля и одинъ и тотъ же виноградникъ даютъ и хорошее, мягкое и дурное вино, смотря по искусству и знанію этого дѣла. А стараніе при этомъ должно быть одинаково отъ начала до конца. Вы сдѣлайте такъ. Объявите населенію всего этого острова, что у васъ есть дѣвушка, своими заслугами и добро-

дѣтелями заслужившая вашу особую къ ней симпатію, и что за это вы желаете наградить ее такимъ мужемъ, который во всѣхъ отношеніяхъ подходилъ бы подъ ваши условія. А вы хотите имѣть зятемъ хорошаго винодѣла. Поэтому, въ доказательство своего искусства, всякій, кто изъявитъ желаніе получить руку вашей дочери, долженъ, какъ наступитъ осень, вручить вамъ бочонокъ вина, собственноручнаго издѣлія, а по тщательномъ изслѣдованіи вы рѣшите, кому будетъ принадлежать награда. Вы увидите, что всѣ женихи охотно пойдутъ на это условіе, въ особенности если вы назначите солидное приданое. У вашей дочери не будетъ недостатка въ честныхъ трудолюбивыхъ женихахъ. Часть доставленнаго на пробу вина вы распродадите подъ рукой, но подъ строжайшимъ секретомъ, остальное же пойдетъ на угощеніе, и вотъ у васъ очутятся деньги на приданое, да еще столько вина, что вамъ его хватитъ еще надолго. Къ тому же, вамъ не безъизвѣстно, что вино въ здѣшней странѣ замѣчательнаго качества и если въ старину люди не полѣнились довести выдѣлку его до самой высокой степени, то можете себѣ представить, до чего онъ доведутъ свое искусство теперь. Итакъ, видите, мой совѣтъ вовсе не такъ глупъ, какъ вамъ вначалѣ показалось, а, напротивъ, вполнѣ кстати, чтобы увеличить приданое вашей дочери. Прибавлю еще: вы отъ этого останетесь въ двойномъ барышѣ: во-первыхъ, вы хорошо знаете сердце человѣческое и знаете, что всѣ люди вообще ни къ какой цѣли такъ страстно не стремятся, какъ къ той, которая обставлена препятствіями и конкуренціей, когда эта цѣль представляется имъ въ особенно заманчивомъ, симпатичномъ видѣ. Вѣдь и ревность съ опасеніемъ неудачи производитъ нерѣдко хорошія послѣдствія. Представьте себѣ, какъ поднимется цѣна на вашу дочь, когда она сдѣлается центромъ соревнованія такой огромной толпы жениховъ! Только не слишкомъ стѣсняйте ухаживаніе жениховъ, что́ вамъ будетъ невыгодно. Да, и кромѣ того, вамъ представится чудесный случай отомстить тѣмъ наглымъ крестьянамъ, которые хвалились передъ вами своей лѣностью и, какъ призъ за нее, хотѣли получить отъ васъ награду. Сами они едва ли примутъ горячее участіе въ этой тяжелой, копотливой работѣ и, вѣроятно, послѣдніе придутъ за наградой.

Когда Спиридонъ окончилъ свою длинную хитросплетенную рѣчь, то, приведенный въ благодушное настроеніе духа, прелатъ троекратно благословилъ его и отпустилъ ему всѣ грѣхи.

VII.

Совѣтъ слуги показался ему такъ хорошъ, что онъ рѣшилъ скорѣе послѣдовать ему. Но восторгъ его мгновенно стихъ, когда онъ мысленно произнесъ: „погоди радоваться, вѣдь награда, вѣроятно, достанется тому работнику-труженику, котораго прозвали осломъ. И это было бы отлично въ томъ отношеніи, что, благодаря его рабочимъ рукамъ, благосостояніе будущей хозяйки его дома будетъ улучшаться. Онъ уже доказалъ, какой онъ хорошій семьянинъ. Дочь моя обладаетъ, кажется, достаточнымъ количествомъ лѣни, и они пополнятъ другъ друга, составятъ отличную парочку. Очень можетъ случиться и то, что съ теченіемъ времени противоположныя свойства ихъ уравновѣсятся вслѣдствіе взаимнаго вліянія“.

Марсиліо поручилъ своему служителю какъ можно скорѣе приняться за это дѣло и уже заранѣе радовался будущему успѣху предпріятія. Спиридонъ дѣятельно принялся исполнять данное ему порученіе.

Прежде всего, онъ подъ сурдинкой сталъ разузнавать, въ какомъ мѣстѣ острова находятся лучшіе виноградники и отправился за покупкой ихъ для себя.

Облюбовавъ одинъ участокъ земли, показавшійся ему подходящимъ, онъ купилъ это мѣсто и приставилъ къ нему сторожемъ опытнаго винодѣла. Онъ приказалъ ему какъ можно усерднѣе заняться этимъ дѣломъ, обѣщавъ ему хорошо заплатить въ случаѣ урожая. Затѣмъ онъ секретно выпивалъ изъ Мальвазіи бочонокъ отличнаго вина, съ примѣсью котораго хотѣлъ улучшить свое произведеніе. По окончаніи всѣхъ приготовленій, Спиридонъ повѣстилъ всей странѣ волю его преосвященства, великаго сановника римской апостольской церкви, синьора Марсиліо, и назначилъ на ближайшей недѣлѣ день смотрѣнъ невѣсты. Спиридонъ нашелъ необходимымъ это сдѣлать, чтобы побольше заманить женихов. И дѣйствительно въ этотъ день, холостая молодежь повалила толпами къ жилищу прелата.

Любопытство и удивленіе жителей деревни Гастури было безгранично, когда имъ торжественно была представлена знакомая имъ Марсилія, дочь Януллы; и, не смотря на то, что всѣмъ имъ она была очень хорошо извѣстна, но показалась имъ теперь совсѣмъ другой и такой хорошенькой, что они едва узнали въ ней свою прежнюю простенькую дѣвчонку. Разумѣется, она была разодѣта въ элегантное, роскошное платье, покрой котораго обрисовывалъ ея прелестныя формы и фигуру. Она держала теперь себя величественно, высоко поднимала голову, и эту смѣлую головку обвивали великолѣпныя косы, со вплетенною въ нихъ золотою лентой; губы ея раскрывались въ лукавую усмѣшку, а бархатные глаза горѣли гордымъ огнемъ. Когда собравшіеся толпой юноши поразсмотрѣли эту головку, которая ихъ совсѣмъ очаровала, да хорошенько поразмыслили о приданомъ, то въ нихъ пробудилась сильнѣйшая жажда къ труду и не осталось между ними ни одного, кто бы не волновался отъ сладкой надежды и отъ охватившей его любви къ работѣ. Точно рой пчелъ, потянулись они гурьбой обратно въ деревню и, даже не заходя въ свои дома, накинулись на виноградники и подняли возню съ кирками и лопатами. Все это лѣто господствовала между ними небывалая ревность къ работѣ. Со всѣхъ сторонъ виднѣлось сверканіе виноградныхъ ножей, въ которыхъ отражались солнечные лучи. Виноградныя лозы такъ блестѣли и казались такими нѣжными, точно каждый ихъ листокъ былъ отполированъ, а руки рабочихъ съ каждымъ днемъ дѣлались все грубѣе и и мозолистѣе отъ усиленнаго труда; лица же еще больше потемнѣли. Они вставали съ первымъ солнечнымъ лучемъ, копали, рѣзали, поливали до поздняго вечера, а когда имъ уже ничего не оставалось больше дѣлать, неутомимо сновали взадъ и впередъ вокругъ своихъ владѣній, обходили всѣ виноградныя жерди, щипали каждую кисть, стараясь замѣтить, насколько она увеличилась въ объемѣ. Они почувствовали сильную любовь къ труду и ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался, что превзойдетъ всѣхъ въ усердіи и, какъ побѣдитель, получитъ осенью награду. Марсилія между тѣмъ сидѣла дома, отдавшись совершенно наблюденію за красотой своихъ рукъ, и наивно принимала отъ Спиридона маленькіе подарки, пере-

дававмые ей отъ имени его господина. Спокойствіе и хорошая пища пошли ей въ прокъ.

Съ каждымъ днемъ она все больше **хорошѣла**. Кожа ея лица и цвѣтъ его стали такъ мягки и нѣжны, какъ у принцессы.

Спиридонъ былъ очень счастливъ тѣмъ, что могъ часто ее видѣть и пользовался всякимъ случаемъ польстить ей и ухаживать за ней. Ему казалось не лишнимъ заслужить заблаговременно ея расположеніе. Ему было извѣстно, что молодыя дѣвушки иногда невольно начинаютъ выказывать антипатію къ замужству, отказываютъ лучшимъ женихамъ, и дѣйствуютъ въ этихъ случаяхъ необдуманно, очертя голову. Онъ всѣми силами старался передъ ней выдвинуться изъ толпы крестьянскихъ жениховъ, не представлявшихъ опасной конкуренціи.

Дѣла Спиридона на его виноградникѣ шли отлично, благодаря искусству стараго сторожа. Онъ обѣщалъ отличный урожай.

Въ деревушкѣ Гастури въ это время совершались странныя дѣла; тамъ появился одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ судьба распорядилась нѣсколько иначе, чѣмъ съ его товарищами. Это былъ Артемизіосъ, прозванный вьючнымъ осломъ. Вмѣстѣ съ остальными, отправился онъ на смотрины невѣсты не столько ради дѣвушки, которую онъ хорошо зналъ и считалъ очень обыкновеннымъ существомъ, сколько ради любопытства насчетъ ея приданаго. Но человѣку приходится иногда на одну и ту же вещь смотрѣть разными глазами, судя по обстоятельствамъ. Вернувшись домой, Гайдари какъ бы преобразился отъ овладѣвшаго имъ чувства энергіи; точно на небѣ засвѣтило другое солнце, гораздо ярче того, которое освѣщало его тяжелую жизнь. Съ Гайдари случилось то же, что̀ бываетъ съ каждымъ, взглянувшимъ на яркое солнце, послѣ котораго даже передъ зажмуренными глазами долго еще стоятъ радужные яркіе круги, а остальные предметы точно исчезаютъ съ лица земли.

Куда бы Гайдари ни пошелъ, передъ глазами его неотступно мелькала прелестная головка и онъ бросилъ всѣ остальныя дѣла, о которыхъ когда-то такъ много заботился. Точно опьяненный вернулся онъ домой и съ лѣнивыми роздыхами принялся за свой одинокій обѣдъ, во время котораго не вска-

кивалъ по прежнему и не отрывался отъ ѣды для исполненія какой нибудь работы. Передъ нимъ носились прелестныя грезы и всю ночь манилъ его къ себѣ очаровательный образъ милой дѣвушки.

На другой день онъ замѣтилъ, что проспалъ двумя часами долѣе обыкновеннаго. Вслѣдствіе привычки, но съ новой цѣлью, онъ инстинктивно принялся за работу въ своемъ виноградникѣ. Но, послѣ перваго удара лопатой, ему, при видѣ взрыхленнаго чернаго кома земли, вспомнились, по какому-то странному сопоставленію, пушистые черные локоны Марсиліи, и на мгновеніе онъ пересталъ работать, стараясь яснѣе удержать передъ собой ея образъ.

Онъ закрылъ глаза, но фигура дѣвушка отчетливо рисовалась передъ нимъ, точно живая; она ласково ему улыбалась, дружески кивала головой, говорила съ нимъ такъ любезно, какъ онъ могъ ожидать только отъ невѣсты. Это такъ ему понравилось, что онъ боялся открыть глаза, чтобы не упустить свою мечту. И, такимъ образомъ, онъ добрый часъ простоялъ надъ лопатой, не приводя ея въ дѣйствіе.

Наконецъ у него заболѣла спина, онъ открылъ глаза и мечта его улетѣла — передъ нимъ лежала взрыхленная земля. Теперь эта земляная куча показалась ему отвратительной. Онъ былъ не въ силахъ продолжать эту работу и далеко отбросилъ лопату, а вмѣсто нея взялъ кривой ножъ, желая подровнять виноградныя лозы. Но только что онъ принялся за это, какъ, при видѣ гибкой лозы, мгновенно возникло воспоминаніе о другомъ гибкомъ и стройномъ созданіи; видѣніе вновь повторилось и уже не исчезало.

Придя домой и принявшись за ѣду, онъ выпилъ вина и легъ на постель, чтобы отдыхъ былъ полнѣе. Проснувшись послѣ обѣда, онъ увидѣлъ, что уже поздно, работать нельзя, и отложилъ дѣло до слѣдующаго утра. Но на слѣдующій день было еще хуже. Онъ ничего не видалъ, кромѣ соблазнительной головки, преслѣдовавшей его повсюду. И въ немъ появилась болѣзненная страсть еще разъ увидѣть прелестное созданіе.

Заманчивыя картины, созданныя фантазіей; становились все плѣнительнѣе и полнѣе. Послѣ краткой борьбы съ собою, онъ предоставилъ свой виноградникъ волѣ божьей и робко напра-

вился къ домику, гдѣ жила Янулла. Онъ прокрался незамѣтно къ большому дереву и началъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ внутри домика, въ надеждѣ увидѣть дѣвушку. Надежда его не обманула; вскорѣ мелькнула ея фигура; она шла спокойнымъ шагомъ, безпечно ощипывая лепестки дикой розы. Тутъ еще больше увлекла его ея красота и онъ былъ не въ силахъ оторвать глазъ отъ нея. Всѣ дѣла онъ окончательно забросилъ. Сонъ его уже не былъ невозмутимъ и крѣпокъ, какъ прежде. Томимый безпрестаннымъ желаніемъ увидѣть Януллу, онъ сталъ неутомимо бродить по долинѣ, къ завѣтному домику. Теперь онъ былъ чрезвычайно занятъ собираніемъ цвѣтовъ и въ этомъ выразился остатокъ его былаго трудолюбія. Цвѣты собирались имъ не потому, что были ему необходимы или полезны, а только затѣмъ, чтобы наслаждаться ихъ ароматомъ. Однажды онъ вернулся домой съ такимъ громаднымъ запасомъ цвѣтовъ, что могъ бы накормить ими большую козу. Молва о такой удивительной перемѣнѣ въ его образѣ жизни быстро облетѣла всю деревню. Жители качали головами, хотя въ душѣ были чрезвычайно рады подобному обороту дѣла, такъ какъ имъ всѣмъ именно онъ и казался особенно опаснымъ конкурентомъ. Всѣхъ чрезвычайно забавляли непонятныя выходки чудака, который самъ себя лишалъ обѣщаннаго вознагражденія; но насмѣшники не заходили далеко въ своихъ шуткахъ и громко не высказывали своихъ мыслей. Между собой они осуждали его по прежнему, прибавляя, что и теперь онъ оселъ, только изъ трудолюбиваго превратился въ лѣнивѣйшую тварь, которую можно заставить работать только изъ подъ палки.

Одно было всѣмъ непонятно: что̀ заставляло его прежде работать?

IX.

Подобные толки не миновали ушей Марсиліи, возбудивъ въ ней сильное любопытство, хотя свѣдѣнія эти не только ея не обрадовали, а доставили ей серьезное неудовольствіе.

Досада, волновавшая ее, не была вовсе слѣдствіемъ любви или хотя бы нѣкотораго предпочтенія его другимъ, но скорѣе истекала изъ чувства оскорбленнаго самолюбія: ее заин-

тересовалъ невольно человѣкъ, который съ непонятною цѣлью дѣлалъ все, чтобы остаться въ сторонѣ отъ общаго состязанія, и совершенно уступалъ другимъ поле дѣйствія.

Мотивомъ подобнаго поведенія она не могла прибрать ничего инаго, кромѣ того, что или у этого человѣка натура крайне грубая, или нравственная сторона его на низкой степени развитія.

Проливъ нѣсколько сердитыхъ слезокъ, вслѣдствіе оскорбленной гордости, она рѣшила присмотрѣться внимательнѣе къ этому человѣку, соображая, что это, можетъ быть, просто высокомѣрный, капризный ребенокъ, котораго надо, пожалуй, извинить. При первой же встрѣчѣ съ нимъ, она пристальнымъ гнѣвнымъ взглядомъ уставилась ему прямо въ глаза; но тутъ случилось что-то до такой степени неожиданное и для нея непонятное, что она и впослѣдствіи, вспоминая о томъ, только разводила руками.

Онъ ей очень понравился; ростомъ, лицомъ, всей фигурой. Онъ совершенно отличался отъ Спиридона и другихъ мужчинъ.

Но произведенное имъ на нее благопріятное впечатлѣніе только еще усилило въ ней досаду; единственной мечтой ея стало теперь, какимъ бы образомъ направить его на путь истинный, но, не придя ни къ какому заключенію, она еще разъ всплакнула и возненавидѣла его отъ всего сердца.

Теперь она думала о томъ, какъ бы ему отомстить и чѣмъ бы его хорошенько расшевелить. Провозясь цѣлый часъ надъ этой задачей и видя, что онъ продолжаетъ шататься по долинѣ безъ всякаго дѣла, она пошла посмотрѣть сама, въ какомъ положеніи его дѣла на виноградникѣ. Съ ужасомъ увидала она его въ такомъ заброшенномъ видѣ, какъ даже не ожидала найти. Листья, усики и гроздья были налиты сокомъ, страшно разрослись, переплелись и образовали такую непроницаемую сплошную виноградную стѣну, что сюда не могъ проникнуть ни одинъ лучъ солнца. Все это едва ли могло дать хорошее вино. Потрясенная до глубины души такимъ неоспоримымъ доказательствомъ справедливости своихъ опасеній, она прошла дальше къ самому домику. На мѣстѣ, предназначенномъ для навоза, она увидала груду цвѣтовъ, на половину засохшихъ, на половину свѣжихъ.

„Что это значитъ, и что онъ хочетъ этимъ выразить?“ подумала она съ удивленіемъ. Ужъ не думаетъ ли онъ, что изъ этой цвѣточной ароматной массы можно приготовить особенное вино, для полученія награды? Но она вскорѣ же разсудила, что цвѣточный ароматъ можно только нюхать, а никакъ не пить. Чуткое сердце ея нашло наконецъ путь къ разрѣшенію загадки, и, уразумѣвъ настоящій смыслъ всей этой исторіи, она вдругъ разразилась рыданіями и истерическимъ смѣхомъ. Не зная, что̀ предпринять и какимъ образомъ успокоить свое сердце и мысли, она рѣшила посовѣтоваться со своимъ пріятелемъ Спиридономъ, который, по ея мнѣнію, былъ человѣкомъ очень практичнымъ; тотъ расхохотался, выслушавъ ея откровенныя объясненія, и такъ какъ рѣчь шла о Гайдари, имя котораго она произносила почти враждебнымъ тономъ, то Спиридонъ, успокоенный этимъ и не опасаясь соперничества съ этой стороны, шутливо сказалъ:

— Молодецъ, очевидно, врѣзался въ тебя по уши.

Этотъ отвѣтъ ей очень понравился, хотя и удивилъ; но, не довольствуясь этимъ, она спросила еще: „Да вѣдь тогда онъ непроходимо глупъ, потому что палецъ о палецъ не стукнетъ, чтобы я ему досталась, хоть на это ему дана полная возможность“.

Спиридонъ между тѣмъ раздумывалъ, не изъ тѣхъ-ли умныхъ и осторожныхъ людей этотъ Гайдари, которые любятъ нюхать розы, остерегаясь въ то же время наколоться объ ихъ шипы. Часто многіе влюбляются, охотно смакуя всю сладость этого пріятнаго ощущенія, но какъ дойдетъ дѣло до того, чтобы жениться, то всячески уклоняются отъ счастья супружескихъ узъ, и, какъ истинно благоразумные люди, не воображаютъ попасть такимъ путемъ въ рай и не въ этомъ раю надѣются обрѣсти райское блаженство любви; напротивъ, при мысли о бракѣ, воображенію ихъ невольно представляется чистилище, а часто и настоящій адъ. И многіе считаютъ себя не вправѣ сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, послѣ него признаются, что сотворили непоправимую глупость.

Мужчины въ этомъ случаѣ несправедливо присвоили своему полу названіе неустрашимаго, рѣшительнаго; женщины оказываютъ при этомъ всегда гораздо больше энергіи и страсти.

Слабый полъ въ своихъ аттакахъ на мужскую свободу, бываетъ неподражаемо-воинственнымъ, и слава о слабости и нѣжности этихъ прекрасныхъ созданій совершенно напрасна. Безъ сомнѣнія, тому, кто ищетъ въ бракѣ не только удовольствія, но и пользы—тому чуждо это чувство страха. Въ Марсиліи ненависть къ Гайдари проснулась съ удвоенною силою; въ ней загорѣлось желаніе поскорѣе сыграть съ нимъ злую шутку и посмѣяться. Но Спиридону объ этомъ она ни слова не сказала.

На другой же день, она опять отправилась въ виноградникъ Артемизіоса и занялась страннымъ дѣломъ. Принеся съ собой серпъ, она усердно принялась очищать и подрѣзывать запущенныя виноградныя лозы.

— Еще не все потеряно, говорила она себѣ.—Прежнее прилежаніе этого человѣка вернется опять, и очень можетъ быть, что гроздья вновь примутся, если хорошенько надъ ними поработать.

Но занятіе это, въ концѣ концовъ, не очень пришлось ей по вкусу; она не одинъ разъ вздохнула и съ отчаяніемъ глядѣла на предстоящій ей огромный трудъ; но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она съ новымъ усердіемъ принялась за работу, и, казалось, какая-то чудодѣйственная сила придала ей необходимую энергію. Почувствовавъ въ себѣ приливъ свѣжихъ силъ, она снова склонилась надъ виноградной лозой, начавъ съ такимъ усердіемъ рубить и подрѣзать, что листья съ усиками летѣли во всѣ стороны. Масса всего этого вскорѣ покрыла всю землю вокругъ. Такимъ образомъ, она проработала весь день вплоть до сумерекъ, хотя къ концу дѣла прокляла свою работу и, свирѣпо бросивъ на землю серпъ, громко обругала это „лѣнивое животное“—Гайдари.

На слѣдующій день, она опять пришла въ его виноградникъ, и въ этомъ занятіи проводила всѣ дни, хоть это предпріятіе требовало отъ нея большихъ усилій и стоило ей слезъ. И, право, можно было подумать, что слезы эти содержали въ себѣ особую плодотворную силу; какъ это часто бываетъ съ дѣтьми, которыя быстро выростаютъ послѣ тяжкой болѣзни, усиленно наверстывая долгій срокъ лежанья въ постели во время недуга, и даже дѣлаются гораздо здоровѣе послѣ болѣзни,—то же самое случилось и съ виноградными ло-

зами Гайдари. Какъ только онѣ увидали солнце, то немедленно налились сокомъ, разбухли и черезъ двѣ недѣли успѣхъ предпріятія Марсиліи уже былъ явственно замѣтенъ.

Сердце ея радостно забилось и она, весело хлопая въ ладоши, вскричала: „Подожди же ты, лѣнтяй! Я съиграю надъ тобой забавную шутку. Это будетъ для тебя большимъ сюрпризомъ, когда ты вдругъ получишь награду за вино, противъ своего желанія. И что́ это будетъ за наслажденіе поглядѣть тогда на твою сконфуженную рожу, а когда тебѣ скажутъ: ну, иди теперь скорѣй подъ супружеское ярмо, я, причинившая тебѣ всю эту докуку, закричу: нѣтъ, я теперь тебя не хочу. И будешь ты тогда ходить, какъ оплеванный, а не я. О! этотъ день будетъ торжественнѣйшимъ праздникомъ въ моей жизни!“

Между тѣмъ Гайдари, ничего не предчувствуя, погрузился въ безконечную лѣнь. Онъ точно нарочно избѣгалъ даже смотрѣть на свой виноградникъ, потому что, всякій разъ, какъ взглядывалъ на него, ему что-то больно кололо въ сердце; его начинали грызть тоска и позднее сожалѣніе, что онъ такъ безумно пренебрегъ собственнымъ счастьемъ; онъ сознавалъ, что дѣло непоправимо и что всѣ старанія его будутъ теперь напрасны. Такимъ образомъ, онъ не замѣтилъ затѣй Марсиліи, и лѣто проходило для него какъ во снѣ. Но, по мѣрѣ приближенія осени, Марсилія стала частенько задумываться. Она, конечно, отлично съумѣла ухаживать за виноградникомъ но ее неотвязно преслѣдовала мысль, что въ дѣлѣ выжиманія виноградnаго сока, а затѣмъ въ тонкомъ приготовленіи вина изъ этихъ выжимокъ она ровно ничего не смыслитъ, поэтому она обратилась къ помощи своего пріятеля Сниридона. Но тутъ она нашла необходимымъ схитрить, чувствуя какую-то странную боязнь передъ открытымъ объясненіемъ.

— Я кое-что придумала новенькое, начала она;—развѣ хорошо и справедливо, что меня разыгрываютъ въ лотерею, точно какую-то неодушевленную вещь, а я даже не смѣю высказать, нравится мнѣ это или нѣтъ? Вѣдь легко можетъ случиться, что мнѣ понравится вовсе не тотъ, кто получитъ меня ради того только, что онъ умѣетъ хорошо выдѣлывать вино, да къ тому же, что можетъ имѣть общаго это искусство съ сердечнымъ расположеніемъ и дружбой?

— Приведу въ примѣръ хоть бы тебя. Вѣдь съ давнихъ поръ ты мой лучшій искреннѣйшій другъ, а между тѣмъ, изъ этого я вовсе не вывожу заключенія, чтобъ ты могъ быть и хорошимъ купоромъ. Вѣдь ты не занимался съ малолѣтства этимъ ремесломъ, а, вѣроятно, приготовлялъ себя къ чему нибудь болѣе изящному.

При этихъ словахъ, Спиридонъ не могъ удержаться отъ веселаго смѣха и теперь не сомнѣвался, что онъ-то и есть ея сердечный избранникъ. Онъ сталъ ее увѣрять, что дѣйствительно ему никогда не приходила въ голову мысль пожертвовать свое время этому непріятному занятію и что до конца жизни онъ останется вѣренъ своимъ настоящимъ привычкамъ. Она продолжала:

— Теперь я придумываю средство, какъ бы мнѣ устроить такъ, чтобы, попавъ въ число моихъ искателей, на одинаковыхъ съ ними правахъ, самой выиграть призъ. Я надѣюсь, что тутъ мнѣ поможетъ Богъ, да еще одинъ пріятель. Владѣя маленькимъ виноградникомъ, я отлично постигла искусство тщательнаго за нимъ ухода. Виноградъ поспѣлъ, но я ничего не смыслю въ выжиманіи, отстаиваньѣ вина и броженіи, это просто китайская грамота для меня и теперь я хочу тебя попросить найти мнѣ такого человѣка, который помогъ бы мнѣ осуществить мой планъ.

Очевидно, что если призъ достанется мнѣ, то я буду имѣть полное право свободно располагать своей рукой и никто тогда не посмѣетъ заявлять какія бы то ни было притязанія. Я же выберу себѣ такого мужа, который ясно докажетъ мнѣ свое расположеніе.

„Тысяча чертей, подумалъ Спиридонъ: что за свѣтлая головка! Эта ловко выдуманная ею затѣя такъ мнѣ пришлась по сердцу, точно я уже сталъ ея обладателемъ, а что она предпочтетъ меня, и никого другаго, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, такъ какъ она сама ясно мнѣ дала о томъ понять. Право, такъ гораздо легче получить ея приданое! Эта выдумка будетъ ближе къ цѣли, чѣмъ вся мною задуманная исторія съ виномъ. Вѣдь при обыкновенномъ сватовствѣ мой господинъ, пожалуй, отвергъ бы меня, какъ недостаточнаго искателя, въ особенности, еслибы былъ въ дурномъ расположеніи духа, или на него напало бы раздумье, когда

пришлось бы отказать себѣ въ чемъ нибудь дорогомъ, ради приданаго; теперь же этого не можетъ случиться, тѣмъ болѣе, что она сама страстно хочетъ быть моей женою, а если она честно завоюетъ себѣ это право, что́ можетъ онъ тогда сдѣлать? Итакъ, дѣло пошло на ладъ, и я могу уже теперь смотрѣть на эту прелестную дѣвушку, какъ на свою неотъемлемую собственность".

Послѣ подобнаго заключенія, онъ быстро надавалъ ей всякаго рода совѣтовъ и, наконецъ, признался ей, на какую онъ пустился хитрость, чтобы вѣрнѣе получить призъ, продѣлавъ кое-что надъ своимъ виномъ при помощи мальвазіи. Затѣмъ онъ обѣщалъ отдать ей свой бочонокъ съ этой смѣсью, прибавивъ, что ее ждетъ успѣхъ несомнѣнный. Онъ самъ подсмѣивался надъ своей прежней выдумкой съ брачной лотереей, сочувственно выразивъ дѣвушкѣ, что такой способъ сдѣлаться чьей либо женой, конечно, не могъ показаться ей особенно пріятнымъ. Между тѣмъ пришла золотая осень во всемъ своемъ блескѣ.

Для бѣдной Марсиліи наступила пора особенно тяжкой работы, тѣмъ болѣе, что она должна была соблюдать все въ строгомъ секретѣ. На ея рукахъ были: чистка винограда, прессованіе его, выжиманіе, укладка, отстаиваніе, мѣшаніе, процѣживаніе, окуриваніе и т. д.

Но вотъ работа пошла у нея, наконецъ, гораздо легче, потому что цѣль была уже очень близка; силы ея окрѣпли, вслѣдствіе привычки, руки утратили излишнюю чувствительность. Смѣлая дѣвушка изобрѣла способъ тонкаго смѣшенія благоухающей мальвазіи съ виномъ собственнаго издѣлія. Она отлила часть смѣси въ бочонокъ, затѣмъ вколотила кранъ во втулку. Этимъ завершила она свое дѣло и весело ждала результатовъ пробы вина. Между тѣмъ, пока увеличивалось повсемѣстное движеніе между винодѣлами, приходя уже къ концу, пренія между обѣими церквями, вслѣдствіе безчисленнаго множества обсужденій, диспутовъ, засѣданій, не привели ни къ чему. Марсиліо торопливо приготовлялся къ отступленію. Но на немъ лежала еще обязанность покончить съ замужствомъ дочери, которую онъ потерялъ изъ виду, пока былъ заваленъ дѣлами по своей должности. Онъ думалъ о томъ, какъ придать этому дѣлу болѣе торжественный, блестящій видъ,

а затѣмъ уже, закончивъ пренія, не давшія никакого результата, съ достоинствомъ отретироваться, не роняя себя въ глазахъ сослуживцевъ. Самыхъ знатныхъ изъ нихъ онъ пригласилъ на пиръ, назначенный у него. Спиридонъ въ своихъ распоряженіяхъ пунктуально слѣдовалъ во всемъ заведенному порядку. Важные сановники, при входѣ въ залу, пришли въ немалое удивленіе, увидавъ 400 красивыхъ бочонковъ и услыхавъ, что они приглашены сюда для того, чтобы попробовать вина изъ всѣхъ этихъ бочекъ, вмѣстѣ съ самимъ хозяиномъ, а затѣмъ выразить свое мнѣніе по поводу каждаго бочонка. Гости немедленно принялись за дѣло. Это былъ такой роскошный пиръ, какого обыватели Корфу давно уже не видали. Но больше всѣхъ остался доволенъ Марсиліо; никогда еще не обходилось ему такъ дешево угощеніе, какъ на этотъ разъ, при такомъ огромномъ количествѣ гостей.

Пока онъ пробовалъ вмѣстѣ съ другими вино, женихи собрались на дворѣ, ожидая своей участи. Но въ числѣ ихъ не было Артемизіоса, и всѣ отъ души смѣялись надъ простодушнымъ малымъ, который такъ блаженно предавался все время ничегонедѣланію. Но они просмотрѣли, какъ среди прочихъ пробъ появился бочонокъ и отъ его имени; кто его пронесъ, оставалось тайной.

Марсиліо прежде всего обратилъ вниманіе гостей именно на этотъ бочонокъ, потому что больше всѣхъ могъ расчитывать на этого винодѣла, имѣя уже раньше случай убѣдиться въ его безпримѣрномъ трудолюбіи, о чемъ и поспѣшилъ сообщить своимъ товарищамъ. И, дѣйствительно, ожиданіе его не обмануло. Когда отвернули кранъ, то полилось такое прелестное вино, съ такимъ необыкновеннымъ огнемъ и ароматомъ, какого никто отроду не пивалъ въ здѣшней сторонѣ.

X.

Въ этотъ самый часъ, Артемизіосъ сидѣлъ сгорбившись, на порогѣ своей хижинки, и раздумывалъ, какъ ему лучше распорядиться со своей погибшей жизнью. И онъ придумалъ, что лучше всего ему повѣситься посреди своего садика, на той самой гибкой лозѣ, которая была, по его мнѣнію, первоначальной причиной его гибели. Артемизіосъ рѣшился, наконецъ, посѣтить свой садъ, первый разъ во всѣ эти мѣсяцы.

Удивленію его не было предѣловъ, когда онъ увидалъ свой виноградникъ расчищеннымъ и отлично воздѣланнымъ. На жердяхъ не было однако виноградныхъ гроздій. Сюрпризъ этотъ привелъ его въ неописанное бѣшенство. Онъ сразу отрезвился отъ своей апатіи и принялся бить по чему ни попало своими здоровыми кулаками, желая истребить послѣдніе слѣды чужой работы. Отрѣзалъ онъ гибкую лозу, пустился въ городъ, вбѣжалъ во дворъ дома Марсиліо и врѣзался въ толпу, стоявшую въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Но въ эту же самую минуту изнутри дома раздались радостные крики, и вслѣдъ затѣмъ, появился оттуда Спиридонъ, приглашая всѣхъ крестьянъ въ залу, для выслушанія справедливаго приговора судей о пробѣ вина. Гайдари пробрался сквозь толпу впередъ. Вслѣдъ за женихами, прибыла и невѣста, въ сопровожденіи двухъ подругъ. Она была очаровательна въ своемъ парадномъ костюмѣ. Щоки ея горѣли яркимъ румянцемъ, въ глазахъ свѣтился насмѣшливый огонекъ. Она заранѣе испытывала удовольствіе, которое доставитъ себѣ, поднявъ на смѣхъ отрицателя ея руки. Ужъ, конечно, она постарается уязвить его въ самое сердце. Страстный огонекъ, зажегшійся въ ея глазахъ, придавалъ еще бóльшую прелесть ея хорошенькому личику. Всѣ въ молчаніи ждали рѣшенія своей участи. Наконецъ, изъ среды именитыхъ гостей торжественно выступилъ самъ Марсиліо и голосомъ, отдавшимся во всѣхъ углахъ, возгласилъ: „По общему приговору, награда назначается той бочкѣ, на которой обозначено имя Артемизіоса Гастури, а теперь, по объявленному условію, вышепоименованный юноша можетъ увести съ собой прелестную невѣсту и получить ея приданое“.

По окончаніи этого провозглашенія, всѣ точно окаменѣли, и только обводили глазами другъ друга. Но никто не былъ такъ изумленъ и взволнованъ, какъ самъ Артемизіосъ, къ ногамъ котораго точно съ неба свалилось такое счастіе. Онъ не сразу обратилъ вниманіе на маленькую бочку, хотя голова его быстро работала надъ вопросомъ: какимъ сверхъестественнымъ чудомъ произошелъ съ нимъ подобный казусъ. Онъ стоялъ въ какомъ-то онѣмѣніи, передъ знатными гостями. А эти гости не замѣчали въ этомъ дѣлѣ никакой особенности. Марсилія нѣсколько удивилась, увидѣвъ Артемизіоса, но первой ея мыслью было: „А, ты самъ здѣсь! и прекрасно; по крайней

мѣрѣ я собственноручно дамъ тебѣ хорошій урокъ!“ Но вдругъ она задрожала, поблѣднѣла, вся энергія ея куда-то исчезла и она почувствовала полное безсиліе привести въ дѣйствіе свое намѣреніе. Какъ только увидала она эти загорѣвшіяся отъ блаженства глаза и замѣтила, какое счастіе разлилось по его лицу, которое все точно освѣтилось, она окончательно смѣшалась и стала сама не своя. Но въ это время очнулись и прочіе женихи и, собравшись въ кучу, подняли сердитый ропотъ. „Что это значитъ?“ думали они. Этого человѣка мы хорошо знаемъ; на нашихъ глазахъ онъ все лѣто ничего не дѣлалъ, а во время сбора винограда лежалъ,—такая его обуяла лѣнь. Какъ же, послѣ всего этого, смѣетъ онъ даже думать о наградѣ, принадлежавшей по праву другому, прилежнѣйшему. Какъ могъ онъ приготовить какое бы то ни было вино, когда ни разу не очистилъ ни одной виноградной лозы.

Онъ просто мошенникъ и воръ: или онъ укралъ свою бочку, или перекупилъ у другаго за большія деньги. Нѣтъ, мы не позволимъ совершить безнаказанно грабежъ этому пронырѣ.

Такъ кричали они, со злобно-сжатыми кулаками, а самые отчаянные подступали къ Артемизіосу и уже хотѣли его схватить. Но тутъ послышался вопль Марсиліи, и она, быстро прокладывая себѣ дорогу сквозь бушевавшую толпу, стала между ею и человѣкомъ, которому угрожала опасность.

Когда же толпа попятилась передъ ней, она, рыдая, упала къ ногамъ Марсиліо и молила его выслушать ея тайну. Смѣясь, согласился онъ исполнить желаніе дѣвушки и, пригрозивъ врагамъ Артемизіоса, отвелъ ее въ темный уголокъ. Она призналась ему, какъ устроила, что побѣда осталась за молодымъ человѣкомъ, который не виноватъ въ своей лѣности, потому что ее наслала на него волшебная мечта, сковавшая его, какъ цѣпью. Она разсказала, какъ крѣпко разсердилась на юношу и до сихъ поръ еще на него сердится, но забыла прибавить, какое намѣреніе относительно его таила въ своемъ сердцѣ, какъ собиралась отвергнуть его и поднять на смѣхъ.

Но мудрый Марсиліо отлично понялъ всѣ двигавшіе ею мотивы; ему вполнѣ стала понятна лѣнь человѣка, отличавшагося своимъ трудолюбіемъ и прилежаніемъ, и онъ рѣшилъ сказать рѣчь, чтобы привести все въ должный порядокъ. Умѣньемъ говорить рѣчи онъ давно былъ извѣстенъ. Онъ взялъ дѣ-

вочку за руку, подошелъ къ кружку крестьянъ, среди которыхъ продолжалъ стоять и Артемизіосъ, и повелъ передъ ними такую рѣчь:

— Друзья мои, повидимому, вы правы, обвиняя въ лѣности своего товарища, но отчасти вы же и не правы. Не смотря на все то, что̀ вы о немъ знаете и говорите, прежде онъ все таки былъ прилежнѣе васъ всѣхъ и потомъ, развѣ можете вы утверждать, что онъ не работалъ въ другомъ какомъ нибудь, неизвѣстномъ вамъ, виноградникѣ? Въ выдѣланномъ имъ винѣ видна такая искусная рука и такой тонкій букетъ, который, кажется, не выдохнется никогда. Это такого сорта виноградъ и вино, которые вполнѣ заслуживаютъ награды. Вы, конечно, настолько хорошо исполнили заданную вамъ работу, что, пожалуй, заслуживаете получить въ награду хорошую лошадь или жирную, откормленную свинью. Слѣдовательно, въ вашемъ винѣ нѣтъ ничего особеннаго хотя само по себѣ оно и недурно. Онъ же все свое прилежаніе, о которомъ вамъ всѣмъ хорошо было извѣстно и которое прежде онъ направлялъ на предметы не особенной важности, направилъ теперь на другое, гораздо болѣе важное дѣло, а именно: почувствовавъ въ сердцѣ своемъ святое чувство любви, онъ гораздо больше лелѣялъ его, чѣмъ вы свои виноградники; и не о своемъ одномъ сердцѣ хлопоталъ онъ; онъ постигъ тайну удобренія другаго рода богатой почвы, выростивъ на ней великолѣпную лозу, то есть онъ проникъ въ душу этой милой дѣвушки, о которой вы гораздо меньше подумали, чѣмъ о себѣ. Постарайтесь понять, хоть это трудно вложить въ ваши темныя головы, что на его долю выпало счастіе, не смотря на его мнимую лѣнь, произвести лучшее вино, какъ въ буквальномъ, такъ и въ иносказательномъ значеніи этого слова—такое вино, какого не найдется ни въ одной изъ вашихъ бочекъ. Но какимъ же чудомъ произвелъ онъ его незамѣтно? спросите вы. Чудо—вотъ эта самая дѣвушка. Своими маленькими, нѣжными ручками она приготовила вино такого рѣдкаго, тонкаго вкуса. Но это, повторяю вамъ опять, не ея заслуга, а его, и такъ какъ въ этомъ дѣлѣ господствовала его рука, то онъ и получитъ въ награду ея руку. Здѣсь, какъ вамъ извѣстно, во время скачекъ, въ призы получаютъ не тѣ обладатели рысаковъ, которые сами хорошо бѣгаютъ, а тѣ, у которыхъ лошади быстрѣе другихъ. Понятно,

что призъ такой быстроногой лошади получаетъ хозяинъ ея, потому что только онъ способенъ управлять ею. Итакъ, въ этой исторіи оказался искуснымъ вожакомъ тотъ, кто съумѣлъ вести эту дѣвушку по той самой дорогѣ, по которой ей слѣдовало идти. И если она, какъ выхоленная имъ лошадка, оказалась такой быстроногой, то честь эту можно только приписать ея вожаку. Вотъ почему счастье побѣдителя выпало на долю ему, а его искусство и трудолюбіе признано однимъ изъ первостепенныхъ. Награда принадлежитъ ему, хотя и ваши старанія не останутся безъ похвалы и вознагражденія".

По выслушаніи этой мудрой рѣчи, гости и представители римской церкви такъ единодушно захлопали въ ладоши, что крестьяне сейчасъ же почуяли, что это дѣло рѣшено и ходъ событія имъ не измѣнить. Смыслъ мудрой рѣчи остался для нихъ отчасти непонятнымъ, но они отлично уразумѣли, что бороться имъ со знатными господами будетъ не подъ силу. И они заблагоразсудили тихо и покорно разойтись по домамъ, хотя дали себѣ слово впередъ съ большей выгодой для себя пускать въ ходъ свое прилежаніе. Артемизіосъ одинъ отлично понялъ суть дѣла и оцѣнилъ счастіе, которое онъ едва осмѣливался лелѣять въ тайникѣ своего сердца.

Марсиліо, благословивъ уходившую пару, обратился къ ней съ напутственною рѣчью:

— Теперь, сынъ мой, ты узналъ, что умнѣе всего въ этомъ свѣтѣ обдѣлывать свои дѣла, не хватая черезъ край. Та работа самая полезная и самая пріятная, которую исполняютъ въ положенные для нея часы, безъ вымученнаго, болѣзненнаго усердія, а весело и бодро. Ты же, дочь моя, пріобрѣла убѣжденіе, что работа, отъ которой ты прежде всячески уклонялась, необходима и полезна, особенно когда она ведетъ къ хорошо намѣченной цѣли. Теперь идите съ миромъ, друзья мои, и постарайтесь впредь также благотворно вліять другъ на друга.

Они поцѣловали у него руку и весело пустились въ дорогу, во время которой пришли къ совершенному соглашенію. Радость Марсиліо, такъ торжественно отпировавшаго обрученіе своей дочери, была однако не продолжительна.

Конецъ дѣла оказался для него не такимъ, какъ онъ ожидалъ. Именитые гости, производя не въ мѣру пробу всякаго сорта

вина, такъ обрадовались угощенію, что не сочли за грѣхъ пропировать около бочекъ весь день, а затѣмъ всю ночь.

Приведенный въ отчаяніе такимъ оборотомъ дѣла, хозяинъ попробовалъ было разными намеками положить конецъ пиру, но все таки долженъ былъ сдаться, понявъ, что не можетъ возстать явно противъ обычая гостепріимства.

Что же касается до Спиридона, блестящія надежды котораго подверглись въ этотъ день такому неожиданному посрамленію, онъ ни малѣйшимъ словомъ не посмѣлъ заявить протеста, изъ страха навлечь на себя насмѣшки разсказомъ о своихъ неудачныхъ мошенническихъ продѣлкахъ. Онъ изо всѣхъ силъ старался только, какимъ бы то ни было способомъ, вознаградить себя. Когда гости дошли до такой веселости, что ужь ничего не видѣли и не слышали, что происходило вокругъ, онъ перелилъ изъ мелкихъ бочекъ все вино въ козлиные мѣха, которые съ крайней осторожностью вносилъ и выносилъ. Товаромъ этимъ онъ нагрузилъ телѣгу, а потомъ откатилъ ее въ сторонку, въ укромное мѣстечко. Эта продѣлка удалась ему очень легко.

Передъ тѣмъ временемъ какъ Марсиліо собирался уже вернуться въ Римъ, Спиридонъ обратился къ нему съ просьбою оставить его, за столько лѣтъ вѣрной службы, на родинѣ, гдѣ онъ хочетъ открыть маленькую виноторговлю. Онъ сдѣлалъ необходимыя для этого сбереженія и заручился полезнымъ знакомствомъ съ виноторговцами страны. Онъ прибавилъ, что былъ бы очень польщенъ и счастливъ, еслибы господинъ оказалъ милость и подарилъ ему бочки, опорожненныя для пробы вина — на первое обзаведеніе. Марсиліо милостиво согласился на это и, благословивъ его, отпустилъ.

Когда корабль, на который вступилъ прелатъ, быстро понесся отъ мыса Корфу, Марсиліо бросилъ послѣдній взглядъ назадъ на гору, и вновь увидѣлъ ту, съ которой разстался двадцать лѣтъ назадъ. Былъ ли это обманъ зрѣнія, или дѣйствительность, но ему показалось, что онъ видитъ на верху горы ея фигуру и глаза, страстно устремленные въ море. Онъ видѣлъ ее прежней красавицей, но въ сердце ему что-то больно кольнуло и онъ почувствовалъ, какъ состарился. Въ этотъ день онъ навѣки простился со своей молодостью.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

(шесть стихотвореній).

I.

Свѣтъ во мракѣ.

Отъ милыхъ оторванный грознымъ ударомъ,
Я крѣпко охваченъ мертвящей тюрьмой,
Но въ мірѣ взаимнымъ исполнено жаромъ
Другое горячее сердце со мной.
То кроткое сердце пылаетъ любовью
Ко мнѣ и къ глубокимъ страданьямъ моимъ,
Оно, какъ мое, обливается кровью
И страшное горе витаетъ надъ нимъ.
Я чувствую нѣжнаго сердца біенье,
Къ нему улетаетъ незримо мечта,
И призракъ далекій несетъ облегченье
Въ страдальческой ношѣ земнаго креста.

* * *

Подруга, не бойся: пусть гнетъ и невзгода
Безжалостно гонятъ и давятъ теперь,
Часы пролетаютъ—и снова свобода
Откроетъ неволи упорную дверь.
Бодрись, дорогая! за сумракомъ ночи
Судьба посылаетъ румяный разсвѣтъ,
И слезы покинутъ скорбящія очи,
Минута—и горя глубокаго нѣтъ!
Гдѣ любятъ и вѣрятъ—тамъ воля и сила,
А гдѣ ненавидятъ—тамъ рабство и тьма;
Неволю сносить насъ любовь научила,
А жарче любить приказала тюрьма.

II.

Свиданье.

Нашъ часъ прошелъ. Пора домой,
Не плачь, мой другъ, сдержи рыданья...
Смотри! за нами ждетъ другой
Минутъ желаннаго свиданья;
Мы здѣсь съ тобою не одни,—
Дополнилъ третій нашу встрѣчу...
Ты на меня безъ словъ взгляни—
Я все пойму, на все отвѣчу...
Я все скажу безъ долгихъ фразъ
Руки твоей однимъ пожатьемъ,
Мгновеннымъ взоромъ скорбныхъ глазъ,
Прощальнымъ вздохомъ и объятьемъ.
У скрытой мысли стража нѣтъ,
Ея никто узнать не можетъ...
И я узнаю твой отвѣтъ—
Чѣмъ ты скорбишь и что́ тревожитъ
Сердечко бѣдное. Прощай!..
Промчался нашъ недолгій рай,
Разстаться мы должны съ тобою;
Иди домой, другому дай
Свиданье съ матерью родною,
Съ ея слезой, съ ея мольбою...

III.

Близко!

Все ярче и радужнѣй блещетъ
Свобода моя вдалекѣ,
И пылкое сердце трепещетъ,
Какъ бѣдная птичка въ силкѣ.
Желѣзныя рухнутъ оковы,
И я, какъ орелъ молодой,
Помчуся въ далекія горы,
Гдѣ воля, гдѣ воздухъ другой;
Гдѣ смолкнутъ невольно проклятья
Подъ ласкою жгучихъ небесъ,
Гдѣ приметъ невольно въ объятья
Изгнанника дѣвственный лѣсъ,

Гдѣ быстро бѣгущей волною
Привѣтъ прожурчитъ мнѣ рѣка,
Гдѣ тѣло обниметъ порою
Незримый полетъ вѣтерка...
Пускай я безсильный и хилый,
Пускай я съ чахоткой въ груди,
Пусть сумракъ холодной могилы
Страдавшаго ждетъ впереди.
Зато ужь я выбѣгу въ поле
Одинъ, и рѣзвязь, и шутя,
«На волѣ я снова, на волѣ...»
Я буду твердить, какъ дитя.

IV.
Она идетъ.

Проходятъ дни, проходятъ ночи,
Тоска и скорбь въ плѣну моемъ,
Но мать-свобода смотритъ въ очи
Мнѣ ближе, ближе съ каждымъ днемъ.
Я жду ее, судьбѣ покорный,
Я жду богиню каждый часъ,
И лучъ надежды животворной
Въ душѣ страдальца не погасъ.
Въ сіяньѣ утренней Авроры
Она слетитъ ко мнѣ сама
И ей на встрѣчу всѣ затворы
Откроетъ мрачная тюрьма.
Она придетъ.., съ улыбкой нѣжной
Обниметъ снова сына мать
И мнѣ промолвитъ:—«въ міръ мятежный
Иди бороться и страдать.
Ступай, мой сынъ, не бойся муки,
Борьбы, гоненья и труда;
Пока сильны въ работѣ руки,
Не побѣдитъ тебя нужда.
Дитя! За горестную чашу
Тебѣ награду я даю:
Сначала терніемъ украшу,
А послѣ миртомъ обовью.

Впередъ, мой воинъ, до могилы
Сознаньемъ истины живи
И почерпай благія силы
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви».

V.

Наканунѣ.

Небо лѣтнее прекрасно,
Блещетъ яркой синевой,
Я стремлюсь на волю страстно;
Крѣпко скованный тюрьмой.

* * *

День торжественъ, воздухъ нѣженъ,
Имъ бы радъ и я вздохнуть,
Но жестокъ и неизбѣженъ
Испытаній трудный путь.

* * *

Близокъ часъ, бѣгутъ мгновенья,
День пройдетъ, промчится ночь;
Какъ тяжелыя видѣнья,
Улетятъ невзгоды прочь.

* * *

И ужь шепчетъ мнѣ порою
Перелетный вѣтерокъ:
«Успокойся, Богъ съ тобою —
Часъ свободы не далекъ!..»

VI.

120 дней.

Сто двадцать дней, а тамъ на югъ,
Туда, гдѣ жизнь даруютъ горы,
Гдѣ нѣтъ зимы и снѣжныхъ вьюгъ,
Гдѣ ласки солнца нѣжатъ взоры.

Гдѣ днемъ на небѣ бирюза
И трепетъ звѣздъ во мракѣ ночи,
Гдѣ вольной радости слеза
Повиснетъ съ лаской мнѣ на очи
И гдѣ, какъ къ матери, дитя
Порой бросается на руки,
Къ женѣ я брошусь и, шутя,
У ногъ ея забуду муки.
Ко мнѣ склонится на плечо
Моя желанная подруга
И поцѣлуетъ горячо,—
Такъ горячо, какъ солнце юга;
И припаду я къ ней на грудь,
И трепетъ сердца успокою
Подъ кроткій шопотъ: «все забудь—
Ты вновь со мной, а я съ тобою».
Забуду гнетъ неволи злой
И пережитыя невзгоды,
Благословляя всей душой
Прекрасный часъ моей свободы.
И уврачуютъ мой недугъ
Природы блескъ и милой взоры...
Сто двадцать дней, а тамъ на югъ,
Туда, гдѣ жизнь даруютъ горы.

Л. Медвѣдевъ.

ЧѢМЪ БЫЛА ДЛЯ ПУШКИНА ЖЕНИТЬБА?

Когда рѣчь заходитъ о послѣднихъ годахъ жизни Пушкина, то, обыкновенно, при этомъ вниманіе обращается главнымъ образомъ на недоброжелательство къ нему гр. Бенкендорфа, на вражду нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ кружковъ, на сплетни, на цензурныя притѣсненія... Безъ сомнѣнія, всѣ эти обстоятельства не могли благотворно вліять на чуткую, воспріимчивую душу поэта; безъ сомнѣнія, всѣ эти шпильки и уколы сверху, снизу и изъ-за угла немало отравляли ему жизнь. О вліяніи же семейныхъ обстоятельствъ на поэта, за послѣднія 6 лѣтъ его жизни, или совсѣмъ умалчивается, или упоминается лишь вскользь. Понятно: когда говорятъ о Сократѣ, какъ о великомъ учителѣ, то его домашняя гонительница, его сварливая Ксантиппа, обыкновенно отходитъ на задній планъ, уступая мѣсто его ожесточеннымъ общественнымъ врагамъ, приподнесшимъ ему подъ конецъ чашу съ ядомъ. Ксантиппа, какъ извѣстно, не отравляла Сократа, но только обливала его иногда домашними помоями.

Я же, въ настоящей статьѣ, обращаюсь именно къ семейной жизни Пушкина и ставлю вопросъ: благопріятны ли были для поэта условія его семейной жизни; если «да», то—насколько благопріятны, или же, напротивъ, семейная жизнь повліяла на него деморализующимъ образомъ? Для разрѣшенія этого вопроса, я беру только цифры и подлинные факты. Хотя я стану иногда цитировать слова біографовъ и современниковъ Пушкина, но не на нихъ я буду строить свои выводы; этими цитатами я буду только подтверждать уже доказанное.

Для своихъ доказательствъ я стану пользоваться только тремя непреложными, непререкаемыми источниками, которыми каждый можетъ пользоваться: 1) сочиненіями Пушкина; 2) его же собственными письмами; 3) офиціальными документами (въ родѣ записей о днѣ его рожденія, бракосочетанія и т. под.).

I.

Пушкинъ родился 26 мая 1799 г., умеръ 29 января 1837 г. Жизни его было безъ малаго 38 лѣтъ. Отъ 1812 г., когда Пушкинъ былъ 14-лѣтнимъ мальчикомъ, сохранилось только три стихотворенія («Пѣсня», «Делія», «Измѣны»). Въ первый же разъ въ печати подпись его явилась въ 1815 г. подъ стихотвореніемъ: «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» въ № 4 «Россійскаго Музеума». Въ 1814 г. Пушкинымъ было написано болѣе 20 стихотвореній, (изъ которыхъ одно — романсъ «Подъ вечеръ, осенью ненастной»—обошло всю грамотную и полуграмотную Россію). Поэтому, можно положить, что Пушкинъ началъ свое писательское поприще съ 1814 г. и закончилъ его въ январѣ 1837 г. Слѣдовательно, его литературная дѣятельность обнимаетъ 23 года и можетъ быть естественно раздѣлена на 3 періода: первый съ 1814 по 1821 г,, второй—съ 1822 по 1830 и третій—съ 1831 г. до конца жизни.

Уже раннія его произведенія («Русланъ и Людмила», «Кавказскій плѣнникъ», «Братья-разбойники» и нѣкоторыя элегіи), хотя не всегда выдержанныя, не всегда глубокія по смыслу, но уже несомнѣнно обличающія руку будущаго мастера, блестящія, изящныя, дышущія юношескимъ жаромъ, обратили на себя вниманіе всего русскаго образованнаго общества. Пушкинъ пользовался извѣстностью уже задолго до той поры, «какъ юная Татьяна и съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ явилися впервые» ему, и когда далъ этого романа — по его словамъ — онъ «сквозь магическій кристаллъ еще неясно различалъ». Съ появленія же первыхъ главъ Онѣгина, т. е. съ 1822 г., Пушкинъ уже становится всеобщимъ любимцемъ... Въ переходѣ отъ перваго ко второму періоду дѣятельности замѣчается постепенность въ развитіи творческихъ силъ поэта. Съ 1822 г. онъ даритъ русской литературѣ свои chefs d'oeuvres'ы одинъ за другимъ съ неистощимостью и неутомимостью изумительными. Съ каждымъ годомъ его творческія силы растутъ, крѣпнутъ, мужаютъ—и такъ идетъ вплоть *до 1831 г.*

Этотъ годъ для Пушкина оказался роковымъ. Въ его поэтической дѣятельности въ этомъ году происходитъ переломъ; Пушкинъ, какъ бы подъ вліяніемъ внѣшней силы, вдругъ выбивается изъ своей естественной колеи и совершенно неожиданно въ немъ совершается какой-то загадочный душевный катаклизмъ...

Вообще принято думать, что физическія и духовныя силы человѣка въ возрастѣ приблизительно между 30 и 40 годами полнымъ цвѣтомъ разцвѣтаютъ, достигаютъ своего высшаго развитія; въ эти годы творческая дѣятельность человѣка доходитъ до своего апогея; талантливые и геніальные люди создаютъ въ эти годы свои лучшія, безсмерт-

ныя произведенія. Изучая же творческую дѣятельность Пушкина по его сочиненіямъ, расположеннымъ въ хронологическомъ порядкѣ, мы совершенно неожиданно сталкиваемся съ явленіемъ, прямо противорѣчащимъ только что высказанному взгляду... Въ 1830 г. Пушкину минуло 32 года, и на основаніи общепринятаго физическаго закона можно бы ожидать, что въ послѣдующія 6 лѣтъ творческая дѣятельность поэта если не пойдетъ crescendo, если не дастъ лучшихъ произведеній, чѣмъ «Онѣгинъ» и «Борисъ Годуновъ», то ужь во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, удержится на томъ же уровнѣ высоты, на какомъ была она въ годы созданія «Онѣгина», «Годунова» и «Скупаго рыцаря». Но тутъ безпристрастный, непредубѣжденный наблюдатель, отрѣшившійся отъ всѣхъ предвзятыхъ ходячихъ мнѣній о Пушкинѣ, къ удивленію своему видитъ, что въ творческой дѣятельности поэта, именно съ 1831 г., начинается явный регрессъ, что эта дѣятельность становится и менѣе плодовитою (почти на половину) и менѣе содержательною, причемъ нельзя умолчать и о томъ, что, одновременно съ этимъ упадкомъ, со стороны читающей публики было замѣчено нѣкоторое охлажденіе къ ея любимцу.

Съ 1814 по 1836 г. Пушкинымъ написано въ стихахъ и прозѣ 532 произведенія, не считая черновыхъ набросковъ и отрывковъ различныхъ повѣстей и разсказовъ. Изъ числа ихъ, до 1831 г. написано 439, т. е. почти по 26 произведеній въ годъ; на послѣднія же 6 лѣтъ жизни поэта приходится 93, т. е. приблизительно по 15 въ годъ (среднимъ числомъ). Мнѣ могутъ возразить, что невозможно геніальныя произведенія измѣрять аршиномъ, какъ торговцы мѣряютъ ситецъ, что 93 произведенія могутъ быть въ художественномъ отношеніи гораздо цѣннѣе 439-ти. Конечно, я очень хорошо знаю, что иное стихотвореніе (даже въ прозѣ, какъ нѣкоторыя стихотворенія Тургенева), занимающее на страницѣ пространство не болѣе вершка, можетъ быть несравненно значительнѣе и цѣннѣе десяти поэмъ въ 5 аршинъ длиной каждая — также точно, какъ маленькій брилліантъ цѣннѣе самаго большаго булыжника... И еслибы Пушкинъ съ 1831 г. сталъ давать меньшее число произведеній и притомъ малыхъ по объему, но такихъ, изъ которыхъ каждое являлось бы поэтическимъ брилліантомъ, то въ такомъ случаѣ, конечно, можно было бы только порадоваться, что его поэтическій геній пересталъ разбрасываться и, сознавъ свою силу и мощь, сдѣлался сосредоточеннѣе. Но, къ сожалѣнію, строгій, безпристрастный разборъ его произведеній прямо указываетъ на то, что замѣченный съ 1831 г. регрессъ въ его дѣятельности отразился не только на его плодовитости, но и на внутреннемъ достоинствѣ его твореній. Чтобы читатель могъ легче убѣдиться въ справедливости сказаннаго, для этого стóитъ лишь перечислить изъ двухъ первыхъ періодовъ его дѣятельности тѣ произведе-

нія, о литературномъ достоинствѣ и общеизвѣстности которыхъ не можетъ возбудиться спора, и затѣмъ сравнить ихъ съ тѣмъ, что́ дано Пушкинымъ позже 1830 г.

До 1831 г. Пушкинымъ написаны: «Русланъ и Людмила», «Кавказскій плѣнникъ», «Братья-разбойники», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыгане», «Сцена изъ Фауста», «гр. Нулинъ», «Евгеній Онѣгинъ» (за исключеніемъ нѣсколькихъ строфъ послѣдней главы), «Борисъ Годуновъ», «Арапъ Петра Великаго», «Полтава», «Домикъ въ Коломнѣ», «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный гость», «Пиръ во время чумы», «Исторія с. Горохина», «Повѣсти Бѣлкина», «Утопленникъ», «Бѣсы», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», и затѣмъ изъ мелкихъ произведеній: 19 окт. 1825, id. 1827 г., «Деревня», «Возрожденіе», «Пророкъ», «Анчаръ», «Къ нянѣ», «Къ А. П. Керн», «Зимнее утро», «Зимній вечеръ», «Зимняя дорога», «Осень», «Три ключа», «Посланіе въ Сибирь», «Моя родословная», «Брожу ли я...», «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», «Для береговъ отчизны дальной», «Наперсница волшебной старины», «Къ морю» и много, много другихъ перловъ, которые перечислять излишне. До 1831 г. Пушкинъ вылился передъ нами весь. Еслибы онъ послѣ того не написалъ ни строчки, то все таки остался бы для насъ Пушкинымъ. Все, что́ сдѣлало его великимъ поэтомъ, все, чѣмъ онъ дорогъ и любезенъ нашему сердцу, уже находится въ перечисленныхъ нами созданіяхъ. Тутъ что́ ни произведеніе, то и chef d'oeuvre, что́ ни стихотвореніе, то и поэтическій брилліантъ чистѣйшей воды. Тутъ, начиная съ фантастическаго Руслана, съ Алеко и Заремы и кончая историческимъ Борисомъ Годуновымъ и Пименомъ или посланіемъ «къ нянѣ»—все музыка, все поэзія... А теперь, чтобы читатель могъ яснѣе судить о степени упадка творческой дѣятельности Пушкина, я приведу перечень произведеній, написанныхъ поэтомъ въ 1830 году, т. е. наканунѣ упадка, и затѣмъ списокъ его сочиненій за 1831 годъ, когда сказанный упадокъ явственно обнаружился.

1830.

Отвѣтъ.
Циклопъ.
Стансы.
На переводъ Иліады.
На Булгарина 2 эпигр.
Новоселье.
Къ вельможѣ.
Поэту.
Мадонна.
Къ ***
Цыганы.
Разставаніе.
Пажъ.
Изъ записки къ пріятелю.
Моя родословная.
Стамбулъ...
Стихи, сочиненные ночью.
Начало сказки.
Въ началѣ жизни.
Пью за здравіе Мери.
Отрокъ.
Рифма.
Трудъ.
Герой.
Домикъ въ Коломнѣ.
Скупой рыцарь.
Моцартъ и Сальери.
Каменный гость.
Пиръ во время чумы.
Повѣсти Бѣлкина.
Выстрѣлъ.

Отвѣтъ Анониму.
Бѣсы.
Элегія.
Шалость.
Осень.
Я здѣсь, Инезилья.
Предъ испанкой.
Для береговъ отчизны дальней.
Царскосельская статуя.
Мятель.
Гробовщикъ.
Станціонный смотритель.
Барышня-крестьянка.
Исторія с. Горохина [1]).

1831.

Красавица (въ альбомъ Н. Н. Гончаровой).
Эхо.
Къ тѣни полководца.
Клеветникамъ Россіи.
Бородинская годовщина.
19 октября 1831 г.
Отрывокъ.
Рославлевъ (отрывокъ).
Сказка о ц. Салтанѣ.
Сказка о попѣ.
Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина.
Послѣднія строфы „Евгенія Онѣгина“.

Различіе между поэтическою дѣятельностью Пушкина въ 1830 и 1831 гг. и въ количественномъ отношеніи, и по достоинству произведеній такъ громадно, такъ очевидно для всякаго зрячаго, мыслящаго человѣка, что мнѣ по этому поводу не придется много говорить. Выдѣливъ изъ числа 93 произведеній послѣдняго періода (съ 1831 по 1836) лучшія по общему признанію, мы получимъ въ итогѣ: Русалку, Мѣднаго всадника, Галуба, Анджело, Капитанскую дочку, Египетскія ночи, Пиковую даму, Дубровскаго, Путешествіе въ Эрзерумъ и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній: Пѣсни западныхъ славянъ, 19 окт. 1831, id 1836, Вновь я посѣтилъ (стихотвореніе чрезвычайно мрачное), Когда великое свершалось торжество, Я памятникъ себѣ воздвигъ... А затѣмъ останутся сказки, какъ блестящія бездѣлушки «въ русскомъ вкусѣ», и, въ качествѣ балласта, Исторія Пугачевскаго бунта, Матеріалы для исторіи Петра В., замѣтки въ родѣ: Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина, альбомные стишки, стихотворенія—въ родѣ: Клеветникамъ Россіи, Бородинская годовщина, и различные наброски и отрывки—Юдиѳь, Альфонсъ и т. под. Къ тому же, изъ числа лучшихъ произведеній этого періода приходится еще исключить нѣкоторыя...

Такъ, прежде всего замѣчу, что «Русалка», по всей справедливости, должна быть изъята изъ числа произведеній послѣдняго періода и отнесена къ болѣе раннему времени. Она обыкновенно помѣщается въ числѣ пушкинскихъ произведеній 1832 г. только потому, что на одной перебѣленной копіи ея находится помѣта: «12 апрѣля 1832 г.» Но «Русалка» написана, какъ оказывается, гораздо ранѣе. «Первые стихи, первые зачатки «Русалки»,—говоритъ біографъ Пушкина,—мы

[1]) Въ то же время Пушкинъ продолжалъ „Евгенія Онѣгина“, написалъ массу журнальныхъ замѣтокъ (24) и родословную Пушкиныхъ и Ганибаловъ.

нашли въ тетрадяхъ поэта, принадлежащихъ къ 1829 г.» [1]). Слѣдовательно, можно предположить, что «Русалка» написана вчернѣ еще въ 1830 г., а помѣтка, значащаяся на ней, указываетъ лишь на то, что въ 1832 г. она отдѣлана и переписана набѣло, хотя и не закончена. Если же «Русалка» написана даже и въ 1831 г., то это лишь значитъ, что поэтическое творчество Пушкина, встрѣтившее около того времени неблагопріятныя для себя условія, продолжало иногда проявлять себя съ прежней силой вслѣдствіе инерціи, не смотря на вышеупомянутыя неблагопріятныя обстоятельства... «Галубъ», дописанный въ 1833 г., также начатъ гораздо ранѣе—именно въ 1829 г., но писался, какъ можно судить по рукописямъ, года четыре [2]). «Египетскія ночи», хотя кончены и переписаны набѣло въ 1835, но мысль о нихъ родилась у Пушкина, какъ видно по его рукописямъ, еще въ 1825 г. [3]) Наконецъ, «Путешествіе въ Эрзерумъ» написано вчернѣ еще въ 1829 г., а въ 1835 переписано набѣло въ исправленномъ видѣ [4]).

Теперь—нѣсколько словъ о достоинствѣ тѣхъ произведеній Пушкина, которыя *безспорно* принадлежатъ къ послѣднему періоду его дѣятельности. Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» мѣста описательныя, изображенія Петербурга, Невы и вообще петербургской природы, безъ сомнѣнія, очень хороши; прекрасна и та сцена въ концѣ поэмы, когда Евгенію, бѣжавшему отъ памятника Петра I, почудилось, что

«Озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ...»

Въ поэмѣ, конечно, видна рука мастера, но читатель, вѣроятно, согласится со мной, что все таки эта поэма въ цѣломъ, по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ достоинствамъ, далеко уступаетъ прочимъ поэмамъ Пушкина... «Капитанская дочка», по своему простому, чисто хрустальному, изящному слогу, безъ сомнѣнія, представляетъ собой литературный chef d'oeuvre. Этой повѣстью Пушкинъ показалъ русскимъ литераторамъ: какъ должно писать прозой. Но дѣло въ томъ, что писать прозой онъ научилъ русскихъ еще ранѣе, а именно въ 1827 г., давъ намъ «Арапа Петра Великаго»: стиль этой повѣсти блещетъ такою же хрустальной чистотой и изяществомъ, какъ и стиль «Капитанской дочки».

---

[1]) Соч. Пушкина. Т. 1. Изд. *П. В. Анненкова.* 1855. «Матеріалы для біографіи». Стр. 290.—«А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки его произведеній». *П. В. Анненкова.* 1873. Стр. 354.

[2]) Соч. Пушкина. Изд. Общ. для пособія нужд. л. и уч. 1887. Т. III. Стр. 547.

[3]) Соч. Пушкина. Т. I. Изд. П. В. Анненкова. Стр. 400.

[4]) Соч. Пушкина. Изд. Общ. Т. IV. Стр. 452.

Окончаніе повѣсти «Дубровскій», безспорно отличающейся большими достоинствами,—по сознанію нашихъ критиковъ,—не выдержано. «Пиковая дама» имѣла большой успѣхъ въ свое время, наши дѣды и бабушки ею зачитывались, но теперь она не представляетъ особеннаго литературнаго значенія, по сравненію, напр., съ «Капитанской дочкой», «Станціоннымъ смотрителемъ», «Гробовщикомъ» и др. «Исторію Пугачевскаго бунта» въ настоящее время уже никто не станетъ читать, а «Матеріалы для исторіи Петра Великаго» еще менѣе пригодны для чтенія. Оба эти труда, послѣ капитальныхъ работъ Устрялова, Соловьева и др., рѣшительно потеряли всякое значеніе. Пушкинъ, конечно, не могъ не сознавать, что эти его труды—по отношенію къ остальной его дѣятельности—составляютъ не плюсъ, а минусъ. «Исторія Пугачевскаго бунта»,—писалъ Пушкинъ,—не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, вѣроятно, не будетъ имѣть и втораго изданія» [1]).

Перебравъ произведенія Пушкина за послѣдніе годы его жизни, мы видимъ, что въ эти 6 лѣтъ Пушкинъ дописалъ то хорошее, что̀ имъ было начато ранѣе, а изъ вновь написаннаго за это время мы можемъ поставить наравнѣ съ лучшими его произведеніями предшествующаго періода лишь «Анджело», «Капитанскую дочку» и нѣсколько мелкихъ пьесъ, изъ которыхъ иныя проникнуты чрезвычайно грустнымъ, мрачнымъ тономъ, какъ, напр.: «Когда за городомъ задумчивъ я брожу», «Вновь я посѣтилъ...» и лицейскія годовщины. Сто́итъ лишь напомнить читателю послѣднюю строфу стихотворенія «19 октября 1831 г.»

„И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой»...

Еще яснѣе выразилось мрачное предчувствіе въ стихотвореніи, написанномъ Пушкинымъ къ послѣдней, при его жизни, лицейской годовщинѣ (1836 г.).

«Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался»...

«Теперь не то, далѣе говоритъ поэтъ:—сталъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ и рѣчь не такъ игриво льется,—

«Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.
Всему пора»...

Пушкинъ, при чтеніи этихъ стиховъ за столомъ, отъ волненія не могъ кончить ихъ и, пересѣвъ на диванъ, закрылъ лицо руками. («Пушкинъ, его лицейскія стихотворенія», Я. Грота. Стр. 156).

---

[1]) «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Я. Грота. 1887. Стр. 166.

И біографъ совершенно правъ, называя «Русалку» «лебединою пѣснею» Пушкина [1]). Съ 1832 г. Пушкинъ промѣнялъ свободное поэтическое творчество на работу въ историческихъ архивахъ. Въ теченіе 5 лѣтъ онъ глоталъ архивную пыль и такимъ образомъ отнялъ лучшее время у своего поэтическаго творчества, у своего настоящаго призванія, доставившаго ему славу въ средѣ его современниковъ и въ потомствѣ. На составленіе «Исторіи Пугачевскаго бунта» онъ, по его собственнымъ словамъ, посвятилъ два года. Кромѣ того, онъ собиралъ матеріалы для исторіи Петра Великаго, задумывалъ писать исторію Суворова и съ 1833 года сталъ собирать для нея матеріалы (*Я. Гротъ*. Стр. 161—167). Затѣмъ, Пушкинъ сталъ хлопотать о газетѣ, потомъ задумалъ журналъ 3-мѣсячникъ, который и устроилъ впослѣдствіи («Современникъ»). Изъ рукописей поэта также видно, что съ 1833 г. онъ сталъ изучать повѣствованія Четьи-Минеи и Прологъ и переложилъ на простой языкъ житіе преподобнаго Саввы игумена. Въ 1835 г. онъ участвовалъ и совѣтомъ и, кажется, самимъ дѣломъ въ составленіи «Словаря историческаго о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви», и въ 1836 г. въ «Современникѣ» далъ отзывъ объ этой книгѣ.

Повторяю: въ 1831 г., въ творческой дѣятельности поэта произошелъ переломъ. Пушкинъ съ этого времени напоминаетъ собой птицу съ перебитымъ крыломъ, которая лишь ненадолго поднимается въ высь и снова опускается долу — и тащится по землѣ, безсильно взмахивая крыльями...

II.

Человѣкъ, незнакомый съ біографіей Пушкина, при видѣ такого упадка его поэтической дѣятельности, невольно задалъ бы вопросъ: «Что же такое случилось съ поэтомъ въ 1831 г.? Что́ за катастрофа разразилась надъ нимъ?» Познакомившись по біографіи съ жизнью поэта, нашъ предполагаемый наивный человѣкъ увидалъ бы, что къ Пушкину относился недоброжелательно гр. Бенкендорфъ, что какая-то великосвѣтская дама не долюбливала Пушкина и въ ея салонѣ сплетничали на его счетъ; что его притѣснялъ цензоръ Щегловъ и т. п. Но читатель, какъ бы онъ ни былъ наивенъ, легко могъ замѣтить, что подобныя же (если не горшія) невзгоды преслѣдовали Пушкина и ранѣе 1831 г. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ въ явной опалѣ, скитался въ ссылкѣ и испытывалъ недоброжелательство къ себѣ со стороны новороссійскаго генералъ-губернатора, гр. М. С. Воронцова [2]) и др. лицъ, затѣмъ жилъ также подъ

[1]) *П. Анненковъ*. Соч. Пушкина. Т. I. Стр. 366.

[2]) Пушкинъ писалъ изъ Одессы въ Петербургъ: «Онъ (Воронцовъ) видитъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое». (*Я. Гротъ*. Стр. 137).

надзоромъ въ с. Михайловскомъ; дѣло декабристовъ, ссора съ отцомъ и мн. другое немало горя доставило ему; цензура и прежде притѣсняла его, а великосвѣтскія кумушки—мужскаго и женскаго пола—и раньше сплетничали на него, выдумывая разныя небылицы, въ родѣ, напримѣръ, непріятности, якобы постигшей Пушкина въ стѣнахъ III Отдѣленія. «Если же всѣ эти невзгоды не могли сломить Пушкина ранѣе, то, очевидно, съ 1831 г. къ нимъ присоединилось еще какое нибудь другое, болѣе тяжкое злоключеніе?» сталъ бы размышлять далѣе предполагаемый наивный читатель. «Не заболѣлъ ли въ это время Пушкинъ физически или душевно? Не поразило ли его какое нибудь семейное несчастье?»...

Ничуть не бывало. Пушкинъ въ ту пору былъ здоровъ душой и тѣломъ, полонъ силъ и энергіи. Въ ту пору онъ находился въ апогеѣ своей славы. Государь Николай Павловичъ ласкалъ его; все русское общество съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалось къ каждому его слову,—и въ семьѣ его никакихъ несчастій не произошло... Напротивъ, именно въ это время Пушкинъ долженъ былъ чувствовать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ: онъ полюбилъ, женщина отвѣтила ему любовью; Пушкинъ женился на ней... Однимъ словомъ, все, казалось, соединилось для того, чтобы вдохновить поэта, влить въ него новыя силы и мужество и побудить его къ новымъ безсмертнымъ подвигамъ въ мірѣ поэтическаго творчества... Такъ гдѣ жь причина упадка, сказавшагося въ Пушкинѣ въ 1831 г.? Возьмемъ его письма; письма дадутъ намъ богатый матеріалъ, — и въ нихъ Пушкинъ самъ отвѣтитъ на поставленный вопросъ. Сначала—нѣсколько словъ изъ его біографіи.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Москву, въ 1829 г., Пушкинъ встрѣчается съ молодой дѣвушкой, Нат. Ник. Гончаровой.

«У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ»...

Вотъ такою-то красавицей изъ красавицъ является Пушкину m-lle Гончарова. Пушкинъ влюбляется въ нее, проситъ ея руки, но получаетъ уклончивый отвѣтъ—ни «да», ни «нѣтъ»—и съ горя уѣзжаетъ на Кавказъ, на театръ военныхъ дѣйствій, къ фельдмаршалу гр. Паскевичу. Наконецъ, 21-го апрѣля 1830 г., въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, Пушкинъ получаетъ согласіе Гончаровой...

Прежде всего, письма краснорѣчиво говорятъ намъ о томъ, какою горячею, беззавѣтною любовью любилъ Пушкинъ свою невѣсту, свою милую «Ташу». Въ мартѣ 1830 г., еще до полученія ея согласія, Пуш-

кинъ писалъ [1]): «Сегодня годовщина того дня, когда я васъ впервые увидѣлъ... Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что мое существованіе не можетъ быть отдѣлено отъ вашего: я созданъ для того, чтобы любить васъ... Вдали отъ васъ меня неотступно преслѣдуютъ сожалѣнія о счастьѣ, которымъ я не успѣлъ насладиться... Мысль о томъ днѣ, когда мнѣ удастся имѣть клочокъ земли въ ..., одна только улыбается мнѣ и оживляетъ среди тяжелой тоски. Тамъ мнѣ можно будетъ бродить вокругъ вашего дома, встрѣчать васъ, слѣдить за вами...» (Оттого, что это письмо черновое, оно нимало не теряетъ для насъ своего значенія). Затѣмъ, въ іюнѣ—уже женихомъ—Пушкинъ пишетъ Гончаровой изъ Москвы въ деревню: «И вотъ я теперь въ Москвѣ, грустный и скучающій, когда васъ здѣсь нѣтъ; у меня не хватило смѣлости пойти на Никитскую и справиться о васъ... Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ тяжело переносить ваше отсутствіе и какъ я жалѣю, что я покинулъ Заводъ [2]). Всѣ мои опасенія воскресаютъ съ удвоенной силой и дѣлаютъ меня мрачнымъ... Я считаю четверти часа, отдѣляющія меня отъ васъ»... (Письмо также черновое, но для насъ не интересно знать: было ли оно послано и получено Гончаровой. Это письмо важно для насъ потому, что мы изъ него узнаёмъ: какъ поэтъ страдалъ и тосковалъ по своей невѣстѣ). 30-го іюля Пушкинъ пишетъ ей же: «Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ, какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 р. Аѳанасію Николаевичу (дѣдъ невѣсты) слѣдовало бы вымѣнять ее на свою противную grand'maman [3]), такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы; развѣ только вотъ Наталья Ивановна согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь, пожалуйста»... Въ августѣ онъ пишетъ невѣстѣ, послѣ горячей размолвки съ ея матерью: «Можетъ быть, она (т. е. Нат. Ив.) права—и я былъ не правъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ или никогда не жениться». Изъ с. Болдина въ концѣ сентября онъ проситъ Н. Н. «сохранить ему свою любовь—и вѣрить, что въ этомъ все его счастье».

Въ ту пору въ Москвѣ ждали холеры, и Пушкинъ страшно безпо-

---

[1]) Цитирую письма по второму изд. «Соч. А. С. Пушкина» г. Ф. Павленкова. Т. X. 1887. Разумѣется, я предоставляю себѣ цитировать письма и цѣликомъ, и отрывками, въ томъ порядкѣ, какой я найду для себя болѣе удобнымъ.

[2]) Имѣнье Гончаровыхъ.

[3]) Такъ Пушкинъ называлъ бронзовую статую, о которой еще рѣчь впереди.

ковался за свою «Ташеньку». Это безпокойство высказывается въ каждомъ его письмѣ къ Гончаровой. «Скажите мнѣ, гдѣ вы?—взываетъ онъ къ ней изъ Болдина въ письмѣ отъ 11-го октября.—Оставили ли вы Москву?» И черезъ нѣсколько строчекъ — опять: «Но не правда ли, вы оставили Москву?» Вскорѣ послѣ того Пушкинъ пишетъ: «Письмо ваше отъ 1-го октября получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ. Во 1) потому, что оно шло ровно 25 дней; 2) что вы перваго октября были еще въ Москвѣ, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моихъ писемъ; 4) что письмо ваше было короче визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тѣмъ какъ я—пренесчастное животное ужь безъ того. Гдѣ вы? что вы? Я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ»... 4-го ноября онъ пишетъ: «9-го (октября) вы были еще въ Москвѣ!—мнѣ пишетъ о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась»... Черезъ двѣ недѣли онъ сообщаетъ невѣстѣ: «Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. На дняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову»... Въ томъ же письмѣ онъ съ отчаяніемъ восклицаетъ: «Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился». Пушкинъ два раза выѣзжалъ изъ Болдина, но вслѣдствіе карантиновъ пробраться въ Москву ему не удалось. Любовь Пушкина, какъ читатель увидитъ ниже, выразилась еще ярче и сильнѣе въ письмахъ къ милой «Ташѣ», когда она стала его женою.

Съ того момента, какъ Пушкинъ становится женихомъ, начинается и его дѣловая переписка съ дѣдомъ невѣсты, Аѳ. Ник. Гончаровымъ. Отецъ Гончаровой страдалъ душевнымъ разстройствомъ и главой семьи считался дѣдъ. Для поясненія, здѣсь должно замѣтить, что дѣдушка жилъ въ своемъ помѣстьѣ «Полотняный Заводъ», гдѣ находилась писчебумажная фабрика. Въ этомъ селѣ, въ честь посѣщенія его въ 1775 г. императрицею Екатериною II, былъ воздвигнутъ бронзовый памятникъ,—и этотъ памятникъ, какъ увидитъ читатель, надѣлалъ немало хлопотъ и непріятностей нашему поэту. Здѣсь же кстати замѣчу, что Пушкинъ не однажды гостилъ въ этомъ помѣстьѣ и, по странной игрѣ судьбы, въ томъ помѣщеніи, гдѣ онъ живалъ и создавалъ свои поэтическія произведенія, нынѣ находится питейный домъ... (*Я. Гротъ*. Стр. 180). У Аѳ. Ник. не было возможности дать приданое за внучкой, и онъ, зная, что къ Пушкину благоволили многія высокопоставленныя лица и самъ государь относился къ нему благосклонно, сталъ донимать поэта просьбами, чтобы онъ устроилъ ему выгодное дѣльце—продалъ бы въ казну его бронзовую статую. Старикъ-помѣщикъ, повидимому, воображалъ, что достаточно одного слова Пушкина или мановенія его руки для того, чтобы статую взяли въ казну—на монетный дворъ. И вотъ Пушкинъ от-

писывается, какъ можетъ, но крайне осторожно, изъ опасенія обидѣть старика, въ рукахъ котораго, по словамъ поэта, была «вся его судьба» (т. е. согласіе на бракъ). Онъ умилостивляетъ старика, заискиваетъ въ немъ, «старается быть всячески ему пріятнымъ»... (Ib., стр. 178).

3-го мая 1830 г. Пушкинъ пишетъ ему, вскорѣ по полученіи согласія на бракъ: «Вамъ я обязанъ больше, чѣмъ жизнью». Въ письмѣ отъ 7-го іюня онъ, между прочимъ, сообщаетъ старику: «Что касается до памятника, то я тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю, уѣхалъ ли онъ съ государемъ и гдѣ теперь находится. Отвѣтъ его, вѣроятно, не замедлитъ. Позвольте мнѣ, м. г., Ае. Никол., еще разъ сердечно васъ благодарить за отеческія милости, оказанныя вами Нат. Ник. и мнѣ. Смѣю надѣяться, что со временемъ заслужу ваше благорасположеніе».

Не удовольствовавшись продажей статуи, старикъ заставляетъ жениха похлопотать еще о субсидіи его фабрикѣ отъ казны,—и Пушкинъ хлопочетъ. 28-го іюня онъ пишетъ дѣду: «Только сейчасъ получилъ я бумагу вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ее пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить вамъ то, что уже говорилъ я Золотову: главное дѣло не вооружить противъ себя Канкрина, а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтись. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (2-мя или 3-мя стами тысячъ) хотя вещь и затруднительная, но все легче, ибо зависитъ единственно отъ произвола государева. На дняхъ ѣду въ С.-Петербургъ, и если бумага ваша не будетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа, и у Канкрина»... 30-го іюля, въ письмѣ къ невѣстѣ, Пушкинъ сообщаетъ: «... отправляюсь тотчасъ къ моему кузену, Канкрину, просить у него аудіенціи. Я еще не видѣлся съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой же аудіенціи». Такимъ образомъ, дѣловой элементъ вплетается и въ письма жениха къ невѣстѣ и, признаться, звучитъ довольно странно... А въ дѣловыхъ письмахъ, какъ увидитъ читатель, высказываются иногда нѣжныя чувства нетерпѣливаго влюбленнаго.

«По приказанію вашему,—пишетъ Пушкинъ дѣду 14-го августа,—являлся я къ гр. Канкрину и говорилъ о вашемъ дѣлѣ, т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ министра довольно неблагосклоннымъ. Онъ говорилъ, что это дѣло зависитъ единственно отъ государя; я просилъ отъ него, по крайней мѣрѣ, не прекословить государю, если его величеству угодно будетъ оказать вамъ отъ себя просимое вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово. Что касается до позволенія перелить памятникъ, то вы получите немедленно бумагу на имя ваше отъ ген. Бен-

кендорфа. Судьба моя зависитъ отъ васъ; осмѣливаюсь вновь умолять васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности». Конечно, Пушкину было не весело являться къ «кузену Канкрину» и къ Бенкендорфу, но онъ вынужденъ былъ являться къ нимъ, такъ какъ судьба его зависѣла отъ устройства денежныхъ дѣлъ Гончаровыхъ—отъ продажи статуи и т. п. «Сердечно жалѣю,—пишетъ онъ 24-го августа Гончарову, — что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ. Я бы за счастіе почелъ сдѣлать что нибудь вамъ угодное». Въ письмѣ къ невѣстѣ отъ 9-го сентября, Пушкинъ сообщаетъ: «Сейчасъ же пишу Аѳанасію Николаевичу. Онъ, съ вашего позволенія, *слишкомъ нетерпѣливъ*» [1]). Фраза коротенькая, но бросающая очень яркій свѣтъ на то, съ какимъ азартомъ будущіе родственники напали на Пушкина, пользуясь, съ одной стороны, его любовью къ «Ташенькѣ», а съ другой—его дѣловыми связями и знакомствами. Въ виду устройства своихъ денежныхъ обстоятельствъ, они, повидимому, не давали жениху «ни отдыха, ни срока»...

И дѣйствительно, въ тотъ же день, 9-го сентября, Пушкинъ пишетъ Гончарову: «Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому, что опасался получить отказъ, не въ пору приступая съ просьбою къ государю или министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны весенней погодѣ: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка. Вамъ угодно было спросить у меня совѣта насчетъ пути, по которому препроводить вамъ къ государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и скорѣе чрезъ А. Х. Бенкендорфа»... Пушкинъ былъ вынужденъ постоянно умасливать старика и воздерживаться отъ всякаго рѣзкаго отпора.

24-го февраля 1831 г., черезъ 6 дней послѣ свадьбы, Пушкинъ писалъ дѣду: «Дмитрій Николаевичъ (старшій братъ Нат. Ник.) сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожитесь насчетъ приданаго; моя усиленная просьба состоитъ въ томъ, чтобы вы не разстраивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія: мы же въ состояніи ждать. Что касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго»...

Полагаю, что приведенныхъ выписокъ совершенно достаточно для того, чтобы читатель могъ убѣдиться, какъ дѣдушка, пользуясь своимъ положеніемъ вершителя и разрѣшителя семейныхъ дѣлъ, эксплуатировалъ влюбленнаго поэта, надоѣдалъ ему со своей статуей, съ субсидіей и т.

[1]) Курсивъ вездѣ принадлежитъ мнѣ.

под., и подвергалъ его медленной пыткѣ... «Какъ идутъ дѣла и что́ говоритъ le grand papa?—писалъ Пушкинъ своей невѣстѣ изъ Болдина въ сентябрѣ 1830 г. Знаете ли, что́ онъ мнѣ писалъ? La grand maman, говоритъ онъ, сто́итъ не болѣе 7,000 р., а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи? Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня»... Черезъ нѣсколько дней: «Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю, въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать. Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ!) нашей свадьбѣ не бывать»... Мѣсяцъ спустя (18-го ноября): «Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажите матушкѣ, что этого поста *я долго не забуду*), то я не хочу больше торопиться; предоставляю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки»...

Дѣло въ томъ, что хотя Пушкинъ приданаго не требовалъ, но роднымъ не хотѣлось выдать замужъ свою «Ташеньку» безъ приданаго, а на приданое не было денегъ, и поэтому свадьба, къ неудовольствію жениха, долго откладывалась. Можно даже допустить, что Гончаровы съ умысломъ оттягивали свадьбу, чтобы заставить жениха съ большей энергіей хлопотать по ихъ дѣламъ. Фактовъ у меня нѣтъ, и подобное предположеніе—только моя догадка... Но, зная нѣсколько человѣческую натуру и принимая въ соображеніе, что въ теченіе тысячелѣтій, протекшихъ со временъ Ліи и Рахили, натура человѣческая въ общихъ чертахъ мало измѣнилась, я могу думать, что предположеніе мое—несовсѣмъ фантастично...

Д. Д. Гончаровъ, племянникъ Нат. Ник. Пушкиной, нынѣшній владѣлецъ Полотнянаго Завода, сообщалъ В. П. Безобразову, что «жена Пушкина (при жизни дѣда или послѣ?) не получила никакого другаго приданаго, кромѣ бронзоваго памятника»... «Пушкинъ,—говоритъ г. Безобразовъ,—продалъ памятникъ въ казну для переплава (если я не ошибаюсь) металла на монетномъ дворѣ». (*Я. Гротъ*. Стр. 179). Въ октябрѣ 1832 года (значитъ, довольно времени спустя послѣ свадьбы) памятникъ не былъ еще проданъ, какъ видно изъ письма Пушкина къ П. Нащокину отъ 20-го октября 1832 г. Слѣдовательно, какъ долго Гончаровы ни откладывали свадьбу, все таки имъ пришлось выдать свою «Ташеньку» замужъ безъ приданаго... Между тѣмъ, всѣ эти оттяжки доставляли Пушкину немало горькихъ минутъ. Пушкинъ торопилъ свою будущую тещу, умолялъ ее, бранился, выходилъ изъ себя, — «а она (теща), какъ баба, у которой дологъ лишь волосъ, меня не понимала, да хлопотала о приданомъ: чортъ его побери!» писалъ онъ Плетневу отъ 29-го сентября 1830 г.

Въ то время какъ дѣдушка самымъ безбожнымъ образомъ эксплуа-

тировалъ Пушкина, а Пушкинъ, изнывая по невѣстѣ, принужденъ былъ хлопотать о бронзовой статуѣ, мамаша невѣсты, Нат. Ив. Гончарова,—женщина, повидимому, довольно взбалмошная,—въ свою очередь донимала несчастнаго жениха, по силѣ возможности отравляя ему существованіе болѣе или менѣе крупными непріятностями. Такъ, напр., послѣ одной ссоры съ будущей тещей, Пушкинъ пишетъ невѣстѣ: «Я отправляюсь въ Нижній, безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ *настолько основательны, какъ сцена*, сдѣланная ею мнѣ вчера, и *оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать*». (Москва, въ концѣ августа 1830 г.). Много горечи слышится въ этихъ немногихъ словахъ. 29-го сентября Пушкинъ пишетъ Плетневу: «Теща моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужь, конечно, не я. *Я бѣсился*. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупыя ссоры, и это бѣсило меня. Хандра схватила, и черныя мысли мной овладѣли». Плетневу же 9-го декабря: «Нашелъ тещу, озлобленную на меня, и насилу съ нею сладилъ, но—слава Богу—сладилъ. Насилу прорвался я сквозь карантины»... 13-го января 1831 г. Пушкинъ пишетъ Плетневу: «Я не люблю московской жизни. Здѣсь живи не какъ хочешь—какъ тетки хотятъ. Теща моя—та же тетка. То ли дѣло въ Петербургѣ! Заживу себѣ мѣщаниномъ, припѣваючи, независимо, и не думая о томъ, «что скажетъ Марья Алексѣевна»... Но Пушкинъ жестоко ошибся насчетъ петербургской жизни, ея свободы и независимости. Если у него въ Петербургѣ не было тещи и тетокъ, то зато явились сестрицы-«свояченицы»; о нихъ пришлось заботиться Пушкину, нанимать болѣе просторную и, слѣдовательно, болѣе дорогую квартиру—а впослѣдствіи выдавать замужъ этихъ дѣвицъ; затѣмъ и въ Петербургѣ, также какъ въ Москвѣ, жила своя «княгиня Марья Алексѣевна»...

Пушкинъ всегда чрезвычайно опасался вмѣшательства въ свою семейную жизнь со стороны родственниковъ жены (да и кому же можетъ нравиться это вмѣшательство?). «Все, что ты говоришь о свѣтѣ, справедливо,—пишетъ онъ Плетневу (29-го сентября 1830 г.); тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобъ тетушки да бабушки, да сестрицы не стали *кружить голову* молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ; но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ гуляетъ вольная луна et cetera»... И опасенія его впослѣдствіи оправдались.

III.

Матеріальное положеніе жениха—также какъ и душевное его состояніе.—было незавидно и оказалось бы совсѣмъ безъисходнымъ, еслибы на этотъ разъ не пришелъ на помощь его отецъ. Отецъ выдѣлилъ ему часть своего нижегородскаго имѣнія (с. Болдина) и 220 душъ, и Пушкинъ въ августѣ 1830 г. поѣхалъ въ Болдино для вступленія во владѣніе и вообще для устройства своихъ дѣлъ. Изъ Москвы, 31-го августа, онъ писалъ Плетневу: «Осень подходитъ; это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, а я долженъ хлопотать о *приданомъ*, да о свадьбѣ, которую сыграемъ, богъ вѣсть когда. Все это не очень пріятно. Ѣду въ деревню; богъ вѣсть, буду ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго»... На этотъ разъ Пушкинъ напрасно опасался... Изъ Болдина онъ пишетъ Плетневу уже въ болѣе бодромъ, веселомъ тонѣ: «Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена—свой братъ! при ней пиши, сколько хочешь,—а невѣста пуще цензора Щеглова языкъ и руки связываетъ... Сегодня отъ своей получилъ я премиленькое письмо; обѣщаетъ выйти за меня и безъ приданаго, приданое не уйдетъ»... (9-го сентября). Осень 1830 г. оказалась чрезвычайно счастлива для русской литературы и весьма многознаменательна въ жизни нашего поэта. Изъ Москвы, 9-го октября, онъ извѣщаетъ Плетнева: «Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400 [1]), которую выдадимъ апропуте; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того, написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все... написалъ я прозою пять повѣстей»...

«Каждый день октября мѣсяца, повидимому, преисполненъ былъ неистощимаго вдохновенія»,—замѣчаетъ его біографъ [2]). «Домикъ въ Коломнѣ» помѣченъ: 10 октября, «Скупой рыцарь» носитъ помѣтку: 23 окт., «Моцартъ и Сальери»: 26 окт., «Каменный гость»: 4 ноября. «Все это не болѣе, какъ помѣтки, означающія время окончательнаго исправленія рукописей и нисколько не указывающія настоящей эпохи созданія. Иначе приходилось бы три дня труда для «Моцарта», восемь дней для «Каменнаго гостя», что́, при извѣстномъ, долгомъ осмотрѣ своихъ произведеній у Пушкина, допустить нельзя. Время настоящаго созданія могли бы

[1]) Домикъ въ Коломнѣ.

[2]) Соч. Пушкина. Т. I. Изд. П. Анненкова, стр. 294.

только указать черновыя рукописи его, но ихъ нѣтъ въ бумагахъ поэта... Нѣкоторыя части драмъ, статься можетъ, написаны были имъ вчернѣ ранѣе 1830 г.; къ болдинскому пребыванію относится только ихъ окончательное исправленіе»... [1]).

Можетъ быть, догадки біографа и справедливы, но все таки фактъ остается тотъ, что въ ту осень въ Болдинѣ Пушкинъ, по его собственному сознанію, писалъ такъ, «какъ давно уже не писалъ». Онъ, значитъ, въ то время пользовался, сравнительно, «душевнымъ спокойствіемъ» и поэтому могъ произвести кое-что и другое, помимо «эпиграммъ на Каченовскаго». Еще кстати должно упомянуть, что здѣсь же, въ Болдинѣ, 31 окт., была начата и «Лѣтопись села Горохина» и обѣщала быть въ числѣ лучшихъ прозаическихъ произведеній Пушкина, но, къ сожалѣнію, была *впослѣдствіи* (т. е. послѣ 1830 г.) «пренебрежена и забыта авторомъ» [2]),—ради архивныхъ занятій, добавлю я. Пушкинъ какъ будто предчувствовалъ, что въ слѣдующемъ году въ жизни его долженъ былъ произойти переломъ, что въ ту осень судьба дарила ему въ послѣдній разъ свободныя минуты для его поэтическаго творчества, и онъ съ жаромъ, съ необычайнымъ даже для него увлеченіемъ пользовался этими послѣдними минутами. Осень 1830 г. останется памятною въ лѣтописяхъ русской литературы...

И, дѣйствительно, въ близкомъ будущемъ Пушкину предстояло постоянно хлопотать о деньгахъ, объ «обстановкѣ», для жены, о пособіяхъ, о закладахъ въ ломбардъ и т. п. Уже 13 янв. 1831 г. онъ взываетъ къ Плетневу: «*Деньги, деньги: вотъ главное. Пришли мнѣ денегъ*, и я скажу тебѣ спасибо»... И за два дня до свадьбы онъ сообщалъ ему объ устройствѣ своихъ дѣлъ: «Черезъ нѣсколько дней я женюсь и представляю тебѣ хозяйственный отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ [3]), взялъ 38,000 р. и вотъ имъ распредѣленіе: 11,000—тещѣ, которая непремѣнно хотѣла, чтобъ дочь ея была съ приданымъ: *пиши пропало;* 10,000—Нащокину, для выручки его изъ плохихъ обстоятельствъ, деньги вѣрныя. Остается 17,000 на обзаведеніе и житіе годичное. Въ іюнѣ буду у васъ (въ Пб.) и начну жить en bourgeois, а здѣсь *съ тетками* [4]) *справиться невозможно—требованія глупыя и смѣшныя, а дѣлать нечего.* Теперь понимаешь ли, что значитъ приданое и отчего я сердился? *Взять жену безъ состоянія—я въ состояніи; но входитъ въ долги для ея тряпокъ—я не въ состояніи.* Но я упрямъ и долженъ былъ настоять, по крайней мѣрѣ, на свадьбѣ»... Но впослѣд-

[1]) Ib. Стр. 290.

[2]) Ib. Стр. 293.

[3]) Въ моск. опекунскомъ совѣтѣ.

[4]) Повидимому, должно подразумѣвать тещу. См. письмо Пушкина къ Плетневу отъ 13 янв. 1831 г.

ствіи, какъ увидитъ читатель, Пушкину все таки пришлось «входить въ долги для ея тряпокъ».

Пушкинъ всегда относился къ женитьбѣ съ предубѣжденіемъ и съ тайной тревогой, а иногда съ явнымъ недоброжелательствомъ. Такъ, загадывая объ участи, ожидавшей въ жизни убитаго Ленскаго, поэтъ не преминулъ, между прочимъ, высказать ту догадку, что, можетъ быть,

«Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился»...

Въ воображеніи Пушкина, съ представленіемъ о женитьбѣ связывались и «стеганый халатъ», и «рога», и др. непривлекательныя «возможности» семейной жизни [1]). Для Пушкина, повидимому, «жениться» и «разстаться съ музами» было синонимомъ, и это предположеніе роковымъ образомъ оправдалось и на немъ самомъ. И не однажды въ своихъ произведеніяхъ онъ зло-насмѣшливо и весьма неблагосклонно отзывался о женитьбѣ...

Свои затаенныя тревоги Пушкинъ, прежде всего, довольно категорично высказалъ еще въ апрѣлѣ 1830 г. въ письмѣ къ своей будущей тещѣ: «Я надѣюсь пріобрѣсти ея (невѣсты) расположеніе со временемъ, но во мнѣ нѣтъ ничего, чѣмъ бы я могъ ей нравиться»,—говоритъ Пушкинъ и затѣмъ выражаетъ свои опасенія... «Молодой дамѣ *станутъ внушать, съ видомъ сожалѣнія*, что лишь несчастный рокъ помѣшалъ ей вступить въ болѣе равный бракъ, въ бракъ, болѣе ея достойный и блестящій. Можетъ быть, искренность этихъ сожалѣній будетъ иногда сомнительна, но ей они должны представляться несомнѣнными. Не начнетъ ли она тогда *сама сожалѣть* о сдѣланномъ шагѣ? Не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на препятствіе, какъ на помѣху, какъ на обманщика-похитителя? Не почувствуетъ ли при этомъ отвращенія ко мнѣ?—Богъ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть затѣмъ, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной въ выборѣ, *эта мысль—адъ*. Поговоримъ о состояніи. Я не придаю ему значенія; *моихъ средствъ было достаточно для меня до сихъ поръ. Хватитъ ли ихъ, когда я женюсь?* Я не потерплю ни за что на свѣтѣ, чтобы моя жена узнала лишенія, чтобы она не могла бывать тамъ, гдѣ ей было суждено блистать и наслаждаться. Она имѣетъ полное право это требовать. Чтобы удовлетворить ее, я готовъ пожертвовать всѣми вкусами, всѣми увлеченіями моей жизни, моимъ независимымъ существованіемъ, полнымъ приключеній. Не смотря на это, не станетъ ли она роптать, если ея положеніе въ свѣтѣ будетъ не столь блестящимъ, какъ она того заслуживаетъ и какъ бы я самъ того желалъ?»...

---

1) „Евг. Онѣгинъ". Гл. VI, строфы XXXVIII, XXXIX

Пушкинъ долженъ былъ сильно любить женщину, чтобы ради нея пожертвовать всѣми своими «вкусами» — а, главное, своею «независимостью». Но въ ту пору, когда онъ уже сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе невѣсты и ея родныхъ, когда уже одинъ шагъ отдѣлялъ его отъ брачнаго рубикона, онъ—естественно—долженъ былъ страшно волноваться всякими страхами и сомнѣніями, и подъ вліяніемъ этого душевнаго волненія неминуемо долженъ былъ впадать въ противорѣчія. И эти противорѣчія, вслѣдствіе его пылкой, открытой натуры, ясно отразились въ его письмахъ—по большей части унылыхъ и мрачныхъ. Напр., за недѣлю до свадьбы, Пушкинъ весьма разсудительно, даже какъ-то сухо, пишетъ Кривцову—въ такомъ тонѣ, какъ будто бы дѣло идетъ не о немъ, а о третьемъ лицѣ: «Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведетъ насъ опять, — говоритъ Пушкинъ. Мы не такъ-то легки на подъемъ. *Ты безъ ноги, а я женатъ, или почти.* Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною *передумано*. Я *хладнокровно* взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и *безплодно*. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ 30 лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и, *вѣроятно, не буду въ томъ раскаиваться*. Къ тому же, я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе разсчеты. *Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью*. У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать *моей тоски*. Тебѣ и своей довольно»...

Такъ, обыкновенно, пишутъ самоубійцы передъ смертью.... И не правда ли: странно слышать отъ «счастливаго» жениха, почти наканунѣ свадьбы, что у него—сплинъ, т. е. «короче — русская хандра», какъ говоритъ самъ Пушкинъ въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ». Посмотримъ, не высказалъ ли Пушкинъ гдѣ нибудь причинъ своей хандры... Въ 1830 г., 29 сент., онъ пишетъ Плетневу: «Баратынскій говоритъ, что въ женихахъ *счастливъ только дуракъ*; а человѣкъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ—«я», а тутъ онъ будетъ «мы». Шутка!»... Еще ранѣе, 31 авг., онъ пишетъ тому же Плетневу: «Милый мой, разскажу тебѣ все, что у меня на душѣ: *грустно, тоска, тоска*. Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже «30-ти лѣтъ жизни игрока». Дѣла будущей тещи моей разстроены; свадьба моя отлагается день ото дня далѣе»... По этому приступу можно было бы подумать, что Пушкинъ груститъ и тоскуетъ единственно потому, что свадьба отлагается, но въ дѣйствительности было не такъ... «Между тѣмъ я хладѣю, — продолжалъ Пушкинъ,—думаю о заботахъ женатаго человѣка, о *прелести холо-*

стой жизни. Къ тому же московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери—отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія; словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ, *не счастливъ*»... И далѣе, въ заключеніе письма, онъ говоритъ: «Такъ-то, душа моя. *Отъ добра добра не ищутъ*. *Чортъ меня надоумилъ бредить о счастьѣ*, какъ будто я для него созданъ. Довольно было мнѣ довольствоваться *независимостью*, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ. *Грустно*, душа моя»...

Это письмо въ высшей степени замѣчательно. Оно замѣчательно, во-первыхъ, по силѣ той искренности, при помощи которой даже теперь—полстолѣтія спустя послѣ смерти Пушкина—мы можемъ видѣть умственными очами то тревожное душевное состояніе, въ какомъ онъ находился передъ женитьбой. Затѣмъ, по этому письму мы можемъ съ полною увѣренностью заключить, что Пушкинъ, не смотря на всю свою любовь къ невѣстѣ, страшился этого рѣшительнаго шага; будущее до того пугало его, что онъ уже раскаивался въ томъ, что сталъ отъ добра добра искать и не довольствовался своею независимостью. Такія слова, какъ «чортъ меня надоумилъ бредить о счастьѣ», могли вырваться у человѣка только въ минуты дѣйствительнаго отчаянія. Человѣкъ, вѣрящій въ предчувствія, при чтеніи подобныхъ писемъ, право, могъ бы подумать, что поэтъ уже тогда—за полгода до женитьбы—предчувствовалъ и постигшія его впослѣдствіи напасти, и свой роковой конецъ.

Въ 1836 г. Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Къ женѣ»:

„Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь—все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ»...

«На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля»... Уже передъ самой смертью поэтъ стихами повторилъ то же, что за 6 лѣтъ передъ тѣмъ писалъ Плетневу прозой...

Наконецъ, 18-го февраля 1831 г. въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенія, Пушкинъ обвѣнчался съ Гончаровой.

IV.

По окончаніи медоваго мѣсяца, Пушкинъ (26-го марта) писалъ Плетневу: «О своихъ меркантильныхъ обстоятельствахъ скажу тебѣ, что, благодаря отца моего, который далъ мнѣ способъ получить 38,000 р.,

я женился и обзавелся кой-какъ хозяйствомъ, не входя въ частные долги. На мою тещу и дѣда жены моей *надѣяться плохо*, частію оттого, что ихъ дѣла разстроены, частію и оттого, что на слова надѣяться не должно. По крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я поступилъ честно и болѣе, нежели безкорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь»... Въ апрѣлѣ онъ проситъ Плетнева нанять ему въ Царскомъ Селѣ «фатерку, чѣмъ дешевле, тѣмъ, разумѣется, лучше»... Въ маѣ Пушкинъ уже живетъ въ Царскомъ Селѣ и отсюда 1-го іюня пишетъ Нащокину, что онъ тотчасъ же передалъ бы Горчакову свой долгъ съ благодарностью, «но принужденъ былъ въ эти двѣ недѣли истратить 2,000 р. и потому пріостановился. Теперь, кажется, все сладилъ и буду жить потихоньку, *безъ тещи, безъ экипажа*, слѣдственно *безъ большихъ расходовъ* и *безъ сплетенъ*». Въ этомъ же письмѣ онъ справляется о нѣкоемъ Поливановѣ, любившемся въ одну изъ его свояченицъ, и при этомъ дѣлаетъ замѣчаніе несовсѣмъ-то лестное для его «новыхъ» родственниковъ: «Только я боюсь, чтобъ дѣдушка (Аѳ. Н. Гончаровъ) его *не надулъ*—смотри за нимъ»... Въ іюнѣ, очевидно, денежный вопросъ начинаетъ тревожить Пушкина. «О дѣлахъ жены моей не имѣю никакихъ извѣстій,—пишетъ онъ Нащокину:—и дѣдушка, и теща отмалчиваются: рады, что отъ послалъ ихъ Ташенькѣ муженька такого смирнаго»... Опять освѣдомляется о Поливановѣ и говоритъ: «Воображаю его въ «Заводахъ» en tête à tête съ глухимъ старикомъ, а Наталью Ивановну ходуномъ ходящую около дочерей, крѣпко-на-крѣпко заключенныхъ»... Послѣднія слова могутъ служить образчикомъ того, какъ Пушкинъ былъ въ состояніи одною фразой охарактеризовать человѣка; благодаря одной этой фразѣ, Нат. Ив. навсегда уже останется въ нашемъ воображеніи «ходуномъ ходящею около дочерей» и зорко наблюдающею за своими дѣвственницами.

«Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской», писалъ Пушкинъ Нащокину изъ Ц. Села отъ 11-го іюня. О такой-то «тихой» деревенской жизни и мечталъ поэтъ. Переселяясь изъ Москвы въ Ц. Село, Пушкинъ, какъ видно изъ его писемъ, надѣялся избавиться отъ непріятностей, причинявшихся ему новыми родственниками, и зажить скромно, по его выраженію, «мѣщанскою» жизнью. Но его надежды не оправдались: Нат. Ив., какъ оказывается, и здѣсь не оставила его въ покоѣ, а петербургская жизнь—при посредствѣ его молодой жены, любившей общество, танцы, блескъ бальныхъ залъ—скоро втянула его въ свой мутный водоворотъ, въ которомъ Пушкину и суждено было погибнуть.

26-го іюня Пушкинъ пишетъ тещѣ въ чрезвычайно раздраженномъ тонѣ: «М. г., я вижу изъ письма, которое вы написали Натали, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ Аѳ. Ник.

притязанія г. Поливанова. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это *вовсе не мое дѣло—сватать дѣвицъ*, и будетъ ли предложеніе г. Поливанова принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и, осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его. Я былъ *вынужденъ* оставить Москву *во избѣжаніе разныхъ дрязгъ*, которыя въ концѣ концовъ могли бы нарушить *болѣе* чѣмъ одно мое спокойствіе; *меня изображали моей женѣ*, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; *ей говорили*: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ—презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены—подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства *терпѣнія* и *деликатности*, но, повидимому, я только *напрасно* трудился. Я люблю собственное спокойствіе и съумѣю его обезпечить. При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться насчетъ возможности развода или чего нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, *что предполагалось сдѣлать въ отношеніи Натали*; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, не смотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ взаймы. Я не требую уплаты, и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что́ вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры».

Я привелъ цѣликомъ это письмо, какъ могущее служить обвинительнымъ актомъ противъ родственниковъ Натальи Николаевны... Изъ этого письма читатель ясно видитъ, что добрые люди умудрились отравить Пушкину даже его медовый мѣсяцъ,—затѣвали «разныя дрязги», представляли Пушкина женѣ «презрѣннымъ человѣкомъ», однимъ словомъ, всячески старались возстановить жену противъ мужа и вынудили его, ради своего спокойствія и спокойствія жены, убраться поскорѣе изъ Москвы. Пушкинъ не указываетъ: кто именно возстановлялъ противъ него жену и возбуждалъ ее къ бунту,—онъ только говоритъ: «меня изображали», «ей говорили» и т. д. Но, судя по крайне раздражительному тону всего письма, можно думать, что всѣ эти непріятности происходили не безъ участія мамаши, Нат. Иван. Гончаровой. Изъ этого же письма читатель можетъ видѣть, что Пушкинъ не только не взялъ никакого приданаго за женой, но самъ еще далъ тещѣ взаймы 11,000 р. изъ своихъ послѣднихъ средствъ. Хотя, отдавая тещѣ эти деньги, Пушкинъ и замѣтилъ довольно категорично въ письмѣ къ Плетневу: «Пи-

ши пропало», но, очевидно, въ виду стѣсненныхъ обстоятельствъ, ему было бы чрезвычайно пріятно получить этотъ долгъ. Вообще это письмо прекрасно характеризуетъ отношенія къ Пушкину женинныхъ родственниковъ и убѣждаетъ насъ въ томъ, что женитьба, помимо отягощенія домашняго бюджета, принесла Пушкину немало лишнихъ затрудненій, хлопотъ и непріятностей самаго интимнаго свойства, ибо нельзя допустить, чтобы наушничество и нашептыванья близкихъ людей прошли для его молодой жены совершенно безслѣдно, не оказывая на нее никакого вліянія и не поселяя ни малѣйшей холодности между ею и мужемъ. Уже точно дознано, что какъ бы молоденькая женщина ни любила мужа, но ея мать, любимая сестра или ловкая тетенька почти всегда съумѣютъ найти доступъ къ ея душѣ, съумѣютъ заставить ее слушать себя и незамѣтно вотрутся въ ея семейную, для всѣхъ закрытую, «святую святыхъ». Теперь понятенъ и тотъ фактъ, съ перваго взгляда кажущійся весьма страннымъ, что женихъ иногда съ торжествующимъ видомъ объявляетъ, что у его невѣсты «нѣтъ никого—ни maman, ни сестрицъ, ни тетокъ»... Что съ самаго начала семейная жизнь не особенно улыбалась Пушкину, доказывается уже тѣмъ, что черезъ 4 мѣсяца послѣ свадьбы онъ проситъ свою добрую старую знакомую, П. А. Осипову, увѣдомить его: нельзя ли ему пріобрѣсть Савкино (имѣньице по сосѣдству съ с. Тригорскимъ) и на какихъ условіяхъ. «Я построилъ бы здѣсь избушку,—пишетъ Пушкинъ,—помѣстилъ бы свои книги и *пріѣзжалъ бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ* въ кругу моихъ добрыхъ и старыхъ друзей. Что вы скажете, сударыня, о моихъ воздушныхъ замкахъ, или о моей избушкѣ въ Савкинѣ? Что до меня, я *въ восхищеніи* отъ этой мысли, и она *ежеминутно* приходитъ мнѣ въ голову»... Невольно задаешь себѣ вопросъ: почему эта мысль объ избушкѣ въ Савкинѣ «ежеминутно» приходила ему въ голову и такъ восхищала его? Зачѣмъ онъ намѣревался перетащить въ эту избушку свои книги и проводить въ ней по нѣскольку мѣсяцевъ? Возможенъ только одинъ отвѣтъ: поэтъ не нашелъ для себя въ семьѣ удовлетворенія и того «душевнаго спокойствія», какое было необходимо для его работы? Что же иное могло гнать Пушкина изъ семьи въ первый же годъ его женитьбы?.. Впрочемъ, «избушка въ Савкинѣ» была и осталась однимъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ мечтаній, которыхъ Пушкину не удалось осуществить, но которыя онъ постоянно лелѣялъ въ душѣ.

Почти до конца 1831 г. у Пушкина шли различныя денежныя хлопоты. Въ письмѣ отъ 19-го іюля онъ проситъ Яковлева переслать ему деньги, въ которыхъ «нуждается». Въ августѣ (3-го) онъ проситъ Нащокина узнать отъ Короткаго: сколько онъ долженъ въ ломбардъ процентовъ за 40,000 займа—и когда срокъ къ уплатѣ; пошелъ ли въ ходъ Дороховскій вексель и т. д. Въ тотъ же день Пушкинъ извѣщаетъ

Плетнева о полученіи его письма и 1,500 р. Въ письмѣ къ Нащокину отъ 3-го сентября Пушкинъ, между прочимъ, жалуется на тещу: «Теща моя не унимается: ее не перемѣняетъ ничто, ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur; бранитъ меня, да и только»... Жалуется онъ и на дѣдушку: «Дѣдушка ни гугу. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для Нат. Николаевны»... «Дѣдушка... выдаетъ свою третью наложницу замужъ съ 10,000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12,000 и ничего своей внучкѣ не даетъ... Нат. Ник. брюхата—въ маѣ родитъ. Все это очень измѣнитъ мой образъ жизни, и обо всемъ надо подумать»... (24-го окт.) 7-го окт. онъ пишетъ Нащокину: «Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, *вышло вдесятеро*. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полушки; если буду получать и 4,000, такъ и то слава богу». Въ октябрѣ Пушкинъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и сообщаетъ Нащокину: «Видѣлъ я Жемчужникова. Они согласились взять съ меня 5,000 векселемъ, а 15,000 получить тотчасъ. Какъ же мы сіе сдѣлаемъ? Не пріѣхать ли мнѣ самому въ Москву?.. Я бы самъ кое-какія дѣла обработалъ, напр. (заложенные) брилліанты жены моей, которые стараюсь спасти отъ банкротства тещи моей и отъ лапъ Сем. Ѳедоровича (управляющій Гончаровой)»...

Трудно допустить, чтобы Пушкинъ могъ найти время для созданія великихъ поэтическихъ произведеній посреди всей этой мелочной сутолоки, посреди хлопотъ о ломбардѣ, о какихъ-то векселяхъ, о выкупѣ женинныхъ брилліантовъ и т. п. 14-го ноября 1831 г. Пушкинъ былъ зачисленъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ но 5,000 ассигн. въ годъ, въ видѣ особенной высочайшей милости, и въ то же время ему былъ дозволенъ входъ въ государственные архивы. Пушкинъ въ ту пору и могъ съ успѣхомъ заниматься лишь собираніемъ историческихъ матеріаловъ, да пописывать такія пьески, какъ, напр., «Клеветникамъ Россіи», «Сказка о царѣ Салтанѣ» и т. п.

Въ декабрѣ Пушкинъ по дѣламъ ѣздилъ въ Москву. Въ письмахъ его оттуда мы находимъ доказательство его заботливости о женѣ и намеки на ея легкомысліе. Отъ 6 декабря онъ пишетъ женѣ: «Тоска безъ тебя; къ тому же, съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ, *мнѣ все что-то страшно за тебя*. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лѣстницы. Душа моя, женка моя, ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: *ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ и побереги себя*. Вели брату смотрѣть за собою и воли не давать... Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрилей, не пляши ничего...» Черезъ три дня Пушкинъ пишетъ ей: *Не люблю* я твоей Москвы. У тебя, т. е. въ вашемъ Никитскомъ домѣ, я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холопья ваши

знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Натальи Ивановны, иначе долженъ буду къ ней явиться и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе; да полно, я слушаться ея не намѣренъ. Цѣлую тебя и *прошу ходить взадъ и впередъ по гостинной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать*. Христосъ съ тобой...» 15 дек.: «Распечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста, не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и не дружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьезно и *съ безпокойствомъ*... На хоры не ѣзди—это мѣсто *не для тебя*».

Изъ писемъ видно, что Пушкинъ съ тревогой слѣдилъ за каждымъ шагомъ своей беременной жены и почти все содержаніе его писемъ резюмируется въ двухъ словахъ: «Береги себя...» Онъ упрашиваетъ, умаливаетъ ее быть осторожнѣе, пускается въ самыя мельчайшія подробности гигіеническаго свойства, а жена, какъ мы увидимъ изъ писемъ, не принимаетъ къ свѣдѣнію никакихъ его резоновъ и тѣмъ заставляетъ его безпокоиться и страдать за нее.

«Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что такое vertige? обмороки или тошнота? видѣлась ли ты съ бабкой? пустили кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что *уѣхалъ отъ тебя*. Безъ меня ты что нибудь съ собой да *напроказишь*. Того и гляди выкинешь... зачѣмъ ты *не ходишь? а дала мнѣ честное слово*, что будешь ходить по 2 часа въ сутки. Хорошо ли это?!» (16 дек.) По возвращеніи въ Петербургъ, онъ извѣщаетъ Нащокина: «Жену мою я нашелъ здоровою, не смотря на дѣвическую ея неосторожность. На балахъ пляшетъ, съ г-ремъ любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ...» (5 янв. 1832).

Въ 1832 г. жизнь Пушкина, говоритъ его біографъ, «начинала принимать размѣры, для поддержанія которыхъ требовалась постоянная дѣятельность и усиленная работа... Въ поискахъ своихъ для обезпеченія новыхъ потребностей жизни и покрытія старыхъ недочетовъ, онъ остановился на мысли основать политико-литературную газету... На все это дѣло онъ смотрѣлъ преимущественно съ комерческой стороны и въ поводахъ, изложенныхъ имъ для осуществленія своей мысли, она же стоитъ на первомъ планѣ»... [1]) Также и впослѣдствіи, когда онъ задумалъ издавать «Современникъ, сквозь чисто литературныя цѣли у Пушкина постоянно проглядывала «надежда поправить свое состояніе». [2]) Весь 1832 годъ Пушкинъ рылся въ архивахъ и лишь ненадолго осенью

[1]) Соч. Пушкина Т. I. Изд П. Анненкова, стр. 357.
[2]) Соч. II. 2 изд. Ф. Павленкова. Т. IX, стр. 106.

уѣзжалъ въ Москву по дѣламъ. И оттуда 25 сент. онъ пишетъ женѣ: «Кстати: смотри, не брюхата ли ты, а въ такомъ случаѣ *береги себя* на первыхъ порахъ. Верхомъ не ѣзди, а *кокетничай* какъ нибудь иначе...» Отъ 27 сент.: «Спасибо и за то, что ложишься рано спать.— *Нехорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства; принимать* II ..... а *тебѣ не слѣдовало*, во-первыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, и, во-вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, *но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ*. Вслѣдствіе сего деру тебя за ухо и цѣлую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало...»

Не смотря на «цѣлую нѣжно» и вообще на шутливое заключеніе, легко видѣть, что «кокетство» жены сильно тревожило и мутило его. Онъ «вѣрилъ» женѣ, не боялся за чистоту и неприкосновенность своего домашняго очага, но — опять таки, какъ бы въ предвидѣніи будущаго — опасался, чтобы жена, по своему легкомыслію, не подала повода къ сплетнямъ на свой счетъ и вообще насчетъ его семейной жизни... Этотъ страхъ за жену, за то, чтобы ея кокетство не зашло далѣе того предѣла, какой намѣченъ общепринятыми приличіями, постоянно тревожилъ Пушкина и высказывался въ его письмахъ то въ видѣ шутки, то въ серьезномъ тонѣ. И, очевидно, Пушкинъ бывалъ особенно неспокоенъ душой, когда обстоятельства заставляли его разлучаться съ женой... Въ письмѣ отъ 30 сент. онъ съ горечью говоритъ женѣ: «Я только завидую тѣмъ изъ нихъ (т. е. друзей), у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны et cet. Знаешь русск. пѣсню:

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену *часто въ пиръ зовутъ*.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ»...

Въ 1833 г. петербургскій водоворотъ начинаетъ сильно затягивать Пушкина: мечта объ «избушкѣ въ Савкинѣ» улетаетъ изъ виду вонъ денежныя затрудненія не уменьшаются, а для работы не оказывается времени. «Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія»... (Нащокину 23-го февр. 1833). Дѣйствительно, положеніе трагическое. Жену «часто въ пиръ зовутъ», чему жена, повидимому, и рада, ибо даже въ послѣднее время беременности она прыгаетъ, танцуетъ и кокетничаетъ; на женины наряды нужны деньги и большія деньги, потому что она ѣздитъ не на какіе нибудь soirée или jours fixes'ы своихъ знакомыхъ, а на придворные балы; у мужа только клочокъ земли и 200 душъ да и тѣ заложены въ ломбардѣ; значитъ, онъ долженъ заработать деньги, а для работы у него нѣтъ времени, такъ какъ онъ вынужденъ со-

провождать жену и волей-неволей «кружиться въ свѣтѣ»... И поэтъ естественно долженъ былъ чувствовать неудовлетворенность, быть постоянно раздраженнымъ, и совершенно понятно съ его стороны сожалѣніе «о вольной, холостой жизни, необходимой для писателя»... Конечно, нельзя думать, что писатель непремѣнно долженъ оставаться холостымъ. Для писателя только нужна свобода въ семейной жизни, необходима такая семейная обстановка, которая возможно меньше стѣсняла бы его и ради которой писателю не приходилось бы служить и Богу, и мамонѣ.

Еслибы поэтъ вздумалъ проанализировать себя и все окружающее его, онъ, конечно, скоро убѣдился бы, что не семья, строго говоря, путала и угнетала его; семейная жизнь нимало не противорѣчила его простымъ вкусамъ; онъ могъ быть отличнымъ семьяниномъ, прекраснымъ мужемъ для такой женщины, которая не увлекалась бы тщеславіемъ, желаніемъ блистать и кружить головы всякимъ лоботрясамъ; онъ могъ быть отличнымъ отцомъ, потому что любилъ дѣтей и нѣжно заботился о нихъ. Доказательства сказаннаго—въ его письмахъ. «Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью»,—пишетъ онъ женѣ. Или: «Что ты про Машу ничего не пишешь?»... Или: «А Маша-то? что ея золотуха?..» Письма онъ заканчиваетъ обыкновенно такъ: «Цѣлую тебя и Машу»; «Христосъ съ тобою и съ Машей» и т. п. «Дочь моя потревожила насъ въ теченіе этихъ 5 или 6 дней: полагаю, что у нея прорѣзываются зубы,—пишетъ онъ Осиповой въ маѣ 1833 г. До сихъ поръ еще ни одного нѣтъ. Какъ ни говори себѣ, что это всеобщій жребій, но эти созданьица такія нѣжныя, что невозможно безтрепетно смотрѣть на ихъ страданія». Не семья его угнетала, не дѣти тяготили его (для семьи онъ работалъ бы съ радостью, еслибы семья давала ему покой и отдыхъ отъ трудовъ): угнетало его несходство взглядовъ и вкусовъ со свѣтскими требованіями и замашками его жены, т. е., говоря по просту, онъ съ женой былъ не пара...

Въ одно время съ Нат. Ник. Гончаровой жили-были у насъ и другого сорта женщины, какъ, напр., нѣкоторыя жены декабристовъ, но судьбѣ угодно было столкнуть Пушкина не съ этими женщинами, а именно съ m-lle Гончаровой.

«Не знаю, когда дождусь счастья явиться въ Тригорское, но охота смертная,—пишетъ онъ П. А. Осиповой. Петербургское житье отнюдь *не по мнѣ:* ни мои *склонности*, ни мои *средства* не ладятся съ нимъ. Но года на два, на три, приходится взять терпѣнья». Весной онъ сообщалъ Нащокину: «Лѣтомъ, послѣ родовъ жены, отправляю ее въ калужскую деревню, къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижній, да, можетъ быть, въ Астрахань... Путешествіе нужно мнѣ *нравственно* и физически»... Весну и лѣто 1833 г. Пушкинъ прожилъ на Черной рѣчкѣ,

на Миллеровой дачѣ, но ему не удалось «отправить жену» въ деревню. Шли хлопоты о деньгахъ... 26-го іюля Пушкинъ пишетъ А. Ананьину: «Я собираюсь въ деревню. Вы изволили обнадежить меня, что около нынѣшняго времени можно мнѣ будетъ получить отъ васъ еще 2,000 рублей. По моему счету мнѣ болѣе 1,500 р. не надобно. Смирдинъ готовъ въ нихъ поручиться».

Въ августѣ Пушкинъ уѣзжаетъ изъ Петербурга и совершаетъ путешествіе по Казанской, Симбирской, Пензенской и Оренбургской губерніямъ, т. е. по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда странствовалъ Пугачевъ со своими полчищами. Письма его къ женѣ на этотъ разъ опять дышутъ тою же, какъ и прежде, неизмѣнною заботливостью объ ея здоровьѣ, объ ея удобствахъ, а также опять — безпокойствомъ о деньгахъ. Изъ Торжка 21 авг. Пушкинъ пишетъ женѣ: «Пиши мнѣ о твоей грудницѣ и о прочемъ... береги свое здоровье, не кокетничай. Да, бишь: не съ кѣмъ. Однако, все таки не кокетничай»... Изъ с. Языкова 12 сент.: «Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его — но ужь, по крайней мѣрѣ, усиди въ немъ. Меня очень безпокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди, сдѣлаешь новые долги, не расплатясь со старыми». Изъ Оренбурга 19 сент.: «Какъ ты ладишь своимъ домомъ? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мужчинами какъ тебѣ ладить? Все это меня безпокоитъ»... Изъ Болдина 2 окт.: «Что съ вами? Здорова ли ты? здоровы ли дѣти?... у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что, не нашедъ отъ тебя никакого извѣстія, я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому; то ли дѣло холостому! ни о чомъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься»...

Общая участь всѣхъ человѣческихъ привязанностей: гдѣ привязанность—тамъ и страхъ за то, чтобы не лишиться предмета этой привязанности. Сердечная привязанность доставляетъ человѣку столько наслажденій, что онъ, не смотря на бренность и скоротечность всего существующаго, жадно ищетъ для себя въ жизни этой привязанности и слушать не хочетъ того римскаго философа-поэта, который убѣдительно говоритъ ему:

„Друга себѣ не ищи и ничьимъ не зови себя другомъ.
Меньше ты радостей вкусишь, *меньше узнаешь и горя*“.

Розы быстро увядаютъ; ихъ срываетъ бурей, побиваетъ морозомъ; но всѣ эти обстоятельства не могутъ помѣшать людямъ любоваться на розы, пока онѣ въ полномъ цвѣту, наслаждаться ихъ ароматомъ и видомъ ихъ нѣжныхъ лепестковъ... Конечно, всѣ мы черезъ сто лѣтъ, считая съ сего дня, уже скроемся — въ видѣ праха—въ темныхъ нѣдрахъ земли, но эта мысль о неизбѣжномъ концѣ всего сущаго не мо-

жетъ помѣшать мыслящему, здоровому человѣку пользоваться пролетающимъ мгновеньемъ, подареннымъ ему судьбой.

V.

Пушкинъ на возвратномъ пути съ Поволжья заѣзжалъ въ Болдино и пробылъ здѣсь почти весь октябрь и половину ноября. Только здѣсь, въ Болдинѣ, пользуясь сравнительно душевнымъ спокойствіемъ и не будучи «обязанъ дремать на балахъ да жрать мороженое», могъ онъ написать «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ» (14 окт.), кончить «Мѣднаго всадника» (31 окт.), приготовить для печати «Исторію Пугач. бунта» и (2 нояб.) написать предисловіе къ ней. Но въ 1833 г. Пушкинъ въ Болдинѣ былъ уже не тотъ, что́ за три года передъ тѣмъ—въ памятную осень 1830 г. Тогда онъ безпокоился за *невѣсту*, теперь тревожился за *жену*,—и за жену, очевидно, онъ тревожился сильнѣе, хотя ей и не угрожала опасность заразиться холерой. Онъ опасался теперь другой заразы...

«Смотри, жонка. Того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня—*искокетничаешься*, — пишетъ онъ женѣ изъ Болдина. — Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности»... Въ письмѣ отъ 3 окт. онъ говоритъ ей: «Двѣ вещи меня безпокоятъ: то, что я оставилъ тебя безъ денегъ, а, можетъ быть, и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не стращай меня, жонка, не говори, что *искокетничалась*; я пріѣду къ тебѣ, *ничего не успѣвъ написать* — а безъ денегъ сядемъ на мель. *Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить*»... 11 окт. онъ пишетъ ей: «Что твои обстоятельства? что твое б....? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяцъ, жди меня въ концѣ ноября. *Не мѣшай мнѣ, не стращай меня*, будь здорова, смотри за дѣтьми, *не кокетничай* съ ц—мъ, ни съ женихомъ княжны Любы»... Во всѣхъ этихъ письмахъ, не смотря на ихъ шутливый и даже иногда игривый тонъ, мы можемъ видѣть, какъ у несчастнаго мужа скребутъ кошки на сердцѣ.

Пушкинъ, будучи женихомъ, будучи очарованъ и совсѣмъ «огончарованъ», ставилъ свою невѣсту на пьедесталъ недосягаемой высоты. Въ одномъ сонетѣ («Мадонна») Пушкинъ по ея адресу говоритъ:

„Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя, Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ“.

Въ ея альбомъ онъ пишетъ о ней же:

„Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ".

И восторженно заканчиваетъ:

...„встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты".

Современники Нат. Ник. Пушкиной признаются, что она была очень хороша собой; нѣкоторые прямо говорятъ, что она была красавица. Но душа ея, повидимому, несовсѣмъ гармонировала съ тѣлесной оболочкой. Судя по письмамъ Пушкина къ ней и по разсказамъ о ней же, встрѣчающимся въ его письмахъ къ знакомымъ, можно заключить, что она была женщина не злая, не порочная, но испорченная воспитаніемъ и довольно легкомысленная. Въ письмахъ Пушкина къ ней постоянно слышится тайная тревога, чтобы Нат. Николаевна, по своему легкомыслію, по своей вѣтряности, не сдѣлала безъ него какого нибудь невѣрнаго шага, не поставила бы себя въ неловкое положеніе,—однимъ словомъ, чтобы не скомпрометировала себя и его. Изъ писемъ очевидно, что Нат. Ник. любила свѣтскую, разсѣянную жизнь, любила существованье «на показъ»; была, какъ говорится, безъ ума отъ баловъ и танцевъ; ей нужны были ухаживанья, толпы поклонниковъ; она любила пококетничать и даже увлекалась до того, что позволяла себѣ въ отсутствіе мужа принимать мужчинъ почти не знакомыхъ съ Пушкинымъ, какъ, напр., какого-то П.....а. Нат. Ник., какъ видно изъ писемъ, была одною изъ тѣхъ женщинъ, которымъ нравятся не мирныя радости домашняго очага, не семейное затишье, не кругъ близкихъ, добрыхъ друзей, но шумъ и блескъ свѣтскихъ подмостковъ, дешевый ѳиміамъ и комплименты. Пушкинъ, какъ человѣкъ умный, знавшій ту среду, въ которой ему пришлось вращаться съ женою, знавшій всю фальшь, жестокость и лицемѣріе той среды, изъ мухи дѣлавшей слона, а — когда нужно—слона не примѣчавшей, постоянно предостерегалъ жену, умолялъ ее быть осторожнѣе, не кокетничать или, по крайней мѣрѣ, поменьше кокетничать... Но, повидимому, мольбы его и предостереженія, подобно холостымъ выстрѣламъ, только напрасно сотрясали воздухъ.

21 окт. онъ пишетъ женѣ: «Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничего не помѣшаетъ тебѣ *отличаться* на нынѣшнихъ балахъ. Видно,

Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна, ни покрышки! Кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, *благопристойности*, важности—не говорю уже о *безпорочности* поведенія, которое относится не къ тону, а къ чему-то уже *важнѣйшему*. Охота тебѣ, жонка, соперничать съ гр. С...—Кто еще за тобой ухаживаетъ, кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку»... Иному можетъ показаться, что въ этомъ письмѣ Пушкинъ шутитъ съ женой, но, не смотря на шутку, легко замѣтить, что въ ту пору, какъ онъ просилъ ее прислать списокъ ея поклонниковъ, ему, очевидно, было не по себѣ... Подъ его шутками слышится живѣйшая тревога. Иногда же, когда приходилось невтерпежъ, Пушкинъ начиналъ говорить серьезно, даже довольно рѣзко, что̀ видно, напр., изъ его письма къ женѣ отъ 30 окт.

«Я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, *не путемъ искокетничалась*. Смотри: недаромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнаго тона. Въ немъ толку мало. *Ты радуешься, что за тобою... бѣгаютъ..., есть чему радоваться!* Не только тебѣ, но и Прасковьѣ Петровнѣ легко за собою пріучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; . . . . . Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. *Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь.* Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. «Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ; Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью». Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: «красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьку. Видишь ли? *Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ*». (Онъ никогда еще въ своихъ письмахъ не говорилъ такъ рѣзко съ женой). «Теперь, мой ангелъ, цѣлую тебя, какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ всю безпутную жизнь. Гуляй, жонка; только не загуливайся и меня не забывай»... И черезъ нѣсколько строкъ: «Да, ангелъ мой, пожалуйста, не кокетничай. *Я не ревнивъ*, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что̀ пахнетъ московской барышней, все, что не свыше il faut»...

Это письмо замѣчательно и помимо нѣкоторыхъ рѣзкостей. Въ немъ ясно отражается происходившая въ Пушкинѣ борьба между любовью къ женѣ и негодованіемъ на ея легкомысліе: то онъ «цѣлуетъ» жену, называетъ ее «ангеломъ», благодаритъ за откровенность, то читаетъ ей строгое нравоученіе, дѣлаетъ ей выговоръ... Въ первый разъ въ этомъ письмѣ Пушкинъ упоминаетъ о «ревности», а говоря: «не знаешь, на

кого нападешь», онъ какъ будто уже предвидитъ возможность появленія на сцену Жоржа Дантеса...

Въ слѣдующемъ письмѣ Пушкинъ старается смягчить то впечатлѣніе, которое, по его мнѣнію, должно было произвести на Нат. Ник. его предъидущее посланіе, и говоритъ: «Помнится, я былъ немножко сердитъ, и, кажется, письмо немного жестко. Повторяю тебѣ помягче, что *кокетство ни къ чему доброму не ведетъ*, и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, *безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія*. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; к....., у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью), Ninon говорила: «Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile». Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно... Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ лакостной Москвѣ, которую ненавижу [1])—для чего?—Для тебя, женка, *чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье*, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. *Побереги же и ты меня*. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнью мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc, etc.—не говоря объ cocuage»... (Болдино, 6 нояб.).

Пушкинъ вторично упоминаетъ слово «ревность», но въ иномъ смыслѣ, чѣмъ въ предъидущемъ письмѣ. Въ томъ письмѣ онъ говорилъ: «Я не ревнивъ», а теперь проситъ жену ко всѣмъ его хлопотамъ и непріятностямъ «не прибавлять ревности»... Хотя Пушкинъ ранѣе ничего не говорилъ о ревности, но не трудно убѣдиться въ томъ, что жена своимъ поведеніемъ уже давно стала будить въ немъ это злое чувство. Во всѣхъ его страхахъ и опасеніяхъ за то, чтобы жена «не искокетничалась», въ его вѣчныхъ просьбахъ и напоминаніяхъ ей—«не кокетничать» уже явственно сказывается ревность. По письмамъ можно заключить, что Нат. Николаевна, можетъ быть, безъ всякаго злаго умысла, лишь единственно въ силу своей вѣтрености постоянно разжигала въ Пушкинѣ мучительное чувство ревности, а «въ ревности»—по словамъ Шекспира,—самая бездѣлка,

«Хоть легкая, какъ воздухъ, такъ важна,
Какъ доводы священнаго писанья»...

---

[1]) Изъ этого письма—также какъ и изъ другихъ писемъ—можно заключить, что Пушкинъ сильно не долюбливалъ свой родной городъ и, вѣроятно, не пожелалъ бы, чтобы памятникъ ему воздвигли въ Москвѣ.

Пушкинъ ни на минуту не могъ быть спокоенъ и напрасно умолялъ жену «поберечь» его, напрасно толковалъ ей, что только ради ея же благополучія онъ вынужденъ оставаться съ нею въ разлукѣ... Изъ этого же письма читатель можетъ видѣть, что Пушкинъ былъ вовсе не похожъ на тѣхъ ревнивцевъ—людей глупыхъ и жестокихъ, которые готовы держать своихъ женъ за замкóмъ. Онъ прямо говоритъ, что хлопочетъ ради того, чтобы жена его была спокойна и могла «блистать», какъ прилично въ ея лѣта и съ ея красотою. Казалось бы, что, послѣ всего этого, женѣ можно было бы позаботиться объ его спокойствіи. А она, между тѣмъ, въ то время, какъ мужъ ради нея же скитался въ глуши, позволяетъ себѣ принимать своихъ поклонниковъ, устраиваетъ въ отсутствіе мужа какіе-то «академическіе» завтраки и вообще ведетъ себя — если не предосудительно, то, по крайней мѣрѣ, весьма неосторожно, съ точки зрѣнія великосвѣтскихъ приличій...

По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ 24-го ноября ироническимъ тономъ сообщаетъ Нащокину: «*Дома я нашелъ все въ порядкѣ, жена была на балѣ, я за нею поѣхалъ и увезъ къ себѣ*, какъ уланъ уѣздную барышню съ именинъ городничаго. Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я думаю ихъ распутать».

31-го декабря 1833 г. Пушкинъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и дано ему заимообразно 20,000 р. асс. на напечатаніе «Исторіи Пугачевскаго бунта». Въ мартѣ 1834 г. онъ уже жалуется на свое стѣсненное матеріальное положеніе: «У меня,—говоритъ онъ,—была въ рукахъ, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаяла, и до октября денегъ у меня не будетъ»... «Обстоятельства мои затруднились еще вотъ по какому случаю»... Тутъ онъ сообщаетъ, что имѣніе отца его описываютъ, что отцу и матери нечѣмъ жить до октября, что и въ деревню уѣхать имъ не съ чѣмъ;—и восклицаетъ: «Что дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты»... И въ томъ же письмѣ онъ говоритъ Нащокину: «Вообрази, что жена моя на дняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами: на масляницѣ *танцовали ужъ два раза въ день*. Наконецъ настало послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. *Думаю: слава богу! Балы съ плечъ долой.* Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю—съ нею дѣлается дурно; я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить), слава богу, здорова и ѣдетъ на дняхъ въ калужскую деревню»... Этотъ отрывокъ письма самъ по себѣ до того краснорѣчивъ, до того ярко рисуетъ все легкомысліе молодой женщины, что всякіе коментаріи къ нему совершенно излишни.

Наконецъ, въ апрѣлѣ Пушкину удается благополучно выпроводить Нат. Николаевну въ деревню,—но, зная ея характеръ и замашки, Пушкинъ, понятно, продолжаетъ мучиться страхами за нее. «Сестры твои

тебя ждутъ, воображаю вашу радость,—пишетъ онъ женѣ 19 апрѣля,—смотри, не сдѣлайся сама дѣвочкой, не забудь, что ужь у тебя двое дѣтей, третьяго выкинула, береги себя, будь осторожна, пляши умѣренно, гуляй понемножку, а пуще—скорѣе добирайся до деревни»... А жена, между тѣмъ, доѣхавъ до Москвы, не упустила удобнаго случая покружиться въ свѣтѣ, поплясать и повертѣться, и вовсе не торопилась забираться въ деревню, чего особенно желалъ Пушкинъ. «Пожалуйста, побереги себя, особенно сначала,—опять онъ напоминаетъ женѣ въ письмѣ отъ 20-го апрѣля;—не люблю я святой недѣли въ Москвѣ; не слушайся сестеръ, не таскайся по гуляньямъ съ утра до ночи, не пляши на балѣ до заутрени. Гуляй умѣренно, ложись рано... Пуще береги себя во время болѣзни—въ деревнѣ не читай скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія, жонка. Кокетничать позволяю, сколько душѣ угодно. Верхомъ ѣзди не на бѣшеныхъ лошадяхъ»...

Нат. Николаевна, проживая въ Москвѣ, причиняетъ Пушкину большія непріятности своею безтактностью. «Не утерпѣла ты, чтобъ не съѣздить на балъ кн. Голицыной,—пишетъ ей Пушкинъ 30 апр. *А я именно объ этомъ и просилъ тебя.* Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Ты не m-lle Sonntag, которую зовутъ на вечеръ, а потомъ на нее и не смотрятъ. Московскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднимъ къ тѣмъ, которыя на нихъ и не смотрятъ. Туда имъ и дорога. Жонка, жонка! *если ты и въ этакой бездѣлицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать*... ну, ужь Богъ съ тобой.—Ты говоришь: я къ ней не ѣздила, она сама ко мнѣ подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сдѣлать ей визитъ, потому что она штатсъ-дама, а ты камеръ-пажиха; это дѣло службы. Но на балъ къ ней нечего было тебѣ являться. Ей богу, досада беретъ — и письма не хочу продолжать»... Въ письмѣ отъ 15 мая Пушкинъ говоритъ ей: «Смотри, жонка, надѣюсь, что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно непріятно: тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая скверными и безчестными образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было бы больно. Никто не долженъ знать, что̀ можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни»... Это письмо Пушкина указываетъ намъ еще на одну изъ причинъ его страховъ за жену. Онъ, очевидно, побаивается ея нескромности, проистекающей опять таки изъ ея легкомыслія...

Въ другомъ письмѣ (отъ 13 мая), извѣщая ее объ ожидавшемся тогда пріѣздѣ принца прусскаго и другихъ гостей, Пушкинъ замѣчаетъ: «Надѣюсь не быть ни на одномъ праздникѣ. Одна мнѣ и есть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать да жрать мо-

роженое»... Замѣчательно, какъ одна фраза иногда можетъ приподнять завѣсу съ прошлаго и ярко освѣтить его. Такъ и видишь передъ собой, какъ Наталья Николаевна, цвѣтущая, веселая и нарядная, танцуетъ до упаду, а поэтъ темною тѣнью, скучающій, бродитъ по залѣ, чувствуя себя одинокимъ посреди блестящей, пустоголовой толпы и хмуро, тоскливо посматриваетъ на свою «жонку», порхающую по залѣ въ объятіяхъ кавалеровъ... И при этомъ онъ мучился не отъ одной ревности, но и отъ той мысли, «что вотъ всѣ вокругъ веселятся, счастливые, довольные, обезпеченные, не думая о завтрашнемъ днѣ, а ему предстоитъ завтра ѣхать въ опекунскій совѣтъ послѣднее имѣніе закладывать [1])»... Въ отсутствіе жены Пушкинъ пользовался льготой не таскаться по бальнымъ заламъ.

Пушкинъ, 8 іюня, пишетъ женѣ: «Денегъ тебѣ еще не посылаю. Принужденъ былъ снарядить въ дорогу своихъ стариковъ. *Теребятъ меня безъ милосердія.* Вѣроятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь отъ управленія имѣніемъ. Пускай они коверкаютъ его, какъ знаютъ; на ихъ вѣкъ станетъ, а мы Сашкѣ и Машкѣ постараемся оставить кусокъ хлѣба»... Въ слѣдующемъ же письмѣ онъ пишетъ: «Ужь какъ меня теребили; вспомнилъ я тебя, мой ангелъ. А дѣлать нечего. Если не взяться за имѣніе, то оно пропадетъ же даромъ; Ольга Серг. и Л. Серг. останутся на подножномъ кормѣ, а придется взять ихъ мнѣ же на руки, тогда-то я наплáчусь и наплачýсь, а имъ и горя мало! Меня же будутъ цыганить. *Охъ! семья, семья*»! Изъ послѣднихъ двухъ писемъ видно, что Нат. Ник. совѣтовала мужу отказаться отъ управленія имѣніемъ его отца; она, вѣроятно, не желала, чтобы Пушкинъ входилъ въ лишніе расходы при устройствѣ запутанныхъ дѣлъ его родственниковъ. Можно было бы подумать, что она старается о томъ, какъ бы сберечь деньги и тѣмъ облегчить мужа. Но изъ письма Пушкина къ женѣ отъ 14 іюля оказывается, что Нат. Ник. не желала только, чтобы онъ тратилъ деньги ради *своихъ* родныхъ, т. е., чтобы побольше осталось денегъ для нея самой и для *ея* родственниковъ. Мужъ ей пишетъ: «Если ты въ самомъ дѣлѣ вздумала сестеръ своихъ сюда привезти, то у Оливье оставаться намъ невозможно: мѣста нѣтъ»... Т. е. Пушкину приходилось, ради свояченицъ, нанимать болѣе просторную и, слѣдовательно, болѣе дорогую квартиру. Такимъ образомъ оказывается, что эксплуатація Пушкина со стороны Гончаровыхъ не прекратилась и послѣ женитьбы.

Пушкину, повидимому, несовсѣмъ нравилось переселеніе къ нему въ домъ свояченицъ. «Обѣихъ ли ты сестеръ къ себѣ берешь? спрашиваетъ онъ жену. Эй, жонка! смотри... Мое мнѣніе: семья должна быть

[1]) Соч. Пушкина. Изд. 2-е, Ф. Павленкова, т. IX, стр. 107.

одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти, покамѣстъ малы; родители, когда ужь престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ»... Это письмо—также какъ и многія другія письма, касающіяся дѣловыхъ вопросовъ — обличаетъ въ Пушкинѣ если не тонкаго дипломата и не особенно практическаго человѣка, то во всякомъ случаѣ человѣка проницательнаго, съ большимъ здравымъ смысломъ въ житейскихъ дѣлахъ и притомъ человѣка въ высшей степени искренняго и откровеннаго. При чтеніи его писемъ, можно заглядывать въ его душу... И бо́льшая часть того, что́ Пушкинъ предчувствовалъ и предсказывалъ своей женѣ—сбылось [1])...

Нат. Ник. не только намѣревалась перетащить сестеръ къ себѣ въ Петербургъ, но Пушкину еще предоставлялось удовольствіе похлопотать объ устройствѣ свояченицъ при дворѣ. «Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ,—съ досадой пишетъ онъ женѣ 11 іюня. — Во-первыхъ, вѣроятно, откажутъ; а, во-вторыхъ, коли и возьмутъ, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу.—Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. Погоди: овдовѣешь, постарѣешь—тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ — быть подалѣ отъ двора..... Вы же не богаты. На тетку вамъ нельзя всѣмъ навалиться»...

Нат. Николаевна не высидѣла лѣта въ деревнѣ и задумала съѣздить съ сестрами въ Калугу—поплясать. Пушкинъ, зная легкомысленный нравъ своей жены, старался всячески отговорить ее отъ этой ненужной поѣздки. «Что ты мнѣ пишешь о Калугѣ? говоритъ онъ въ письмѣ отъ 11 іюня. Что тебѣ смотрѣть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая *гораздо гаже* Петербурга. Что же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сестры баломутятъ... Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. Сиди дома—такъ будетъ лучше»... И черезъ нѣсколько строкъ опять: «Пожалуйста, мой другъ, не ѣзди въ Калугу». Но жена, по обыкновенію, не послушалась, когда дѣло шло о балахъ, хотя бы то были провинціальные балы, и, не принимая къ свѣдѣнію никакихъ его резоновъ, укатила въ Калугу. «Описаніе вашего путешествія въ Калугу, какъ ни смѣшно, для меня вовсе не забавно,—говоритъ ей Пушкинъ въ письмѣ отъ 3 августа.—Что за охота таскаться въ скверный городишко, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу когда въ Петербургѣ ты никогда и не думаешь посмотрѣть на Каратыгиныхъ?... Просилъ я тебя по Калугамъ не разъѣзжать, да, видно, *ужь у тебя такая натура*. О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ

---

[1]) Одна изъ свояченицъ, Екат. Ник. Гончарова, вышла замужъ за Дантеса, впослѣдствіи убившаго Пушкина.

сосѣдомъ говорить нечего. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ; не читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно»...

Въ то время, помимо безпокойствъ, причиняемыхъ женой, Пушкину немало доставляло непріятностей и управленіе имѣніемъ. «Грустно мнѣ, жонка,—писалъ онъ Нат. Николаевнѣ отъ 19 іюня. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это все кончится, богъ вѣсть. Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости. И мои долги, и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено и надобно его поправить, уменьшая расходы, а *они* обрадовались и на меня насѣли. То то́, то другое»...

На просьбы жены пріѣхать къ ней въ деревню Пушкинъ отвѣчаетъ: «Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? *что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами?*» (29 мая) «Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія (т. е. печатаніе Исторіи Пугачевскаго бунта). Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія»... (іюнь). Изъ писемъ видно, что жизнь Пушкина въ ту пору шла не весело, тускло и сѣро, посреди мелочныхъ хлопотъ, непріятностей и безпокойствъ за жену, за будущее своей семьи. И поминутно напрашивается все одинъ и тотъ же вопросъ: гдѣ жъ было взять Пушкину душевное спокойствіе, по его словамъ, необходимое для писателя, гдѣ жъ ему было взять время и хоть какую нибудь физическую возможность—создавать поэтическія произведенія?

VI.

Безъ сомнѣнія, Пушкинъ сознавалъ упадокъ своей творческой дѣятельности и ясно видѣлъ причины этого упадка. Но бываютъ въ жизни душевныя страданія до того болѣзненныя, что человѣкъ не только избѣгаетъ говорить о нихъ, но даже старается какъ можно рѣже на нихъ останавливаться, словно боясь анализировать причину этихъ тягостныхъ страданій. Пушкинъ замалчивалъ свою душевную «боль», какъ замалчиваетъ иногда умирающій боль физическую и удерживается отъ стоновъ и оховъ, зная, что всѣ жалобы уже напрасны... Пушкинъ находилъ излишнимъ сознаваться вслухъ (когда дѣло было уже сдѣлано), что женитьба привела за собой матеріальную нужду, а нужда наложила на него зависимость служебную—загнала его сначала въ историческіе архивы, а затѣмъ нарядила въ камеръ-юнкерскій мундиръ, доставившій нашему поэту столько горькихъ минутъ. Придворная служба съ ея формализмомъ и этикетомъ угнетала Пушкина, и вообще то положеніе, въ какомъ онъ очутился, заставляло его страдать невыносимо. Онъ могъ уважать и любить Государя, но чувствовать себя постоянно обязаннымъ—Пушкину, конечно, было тяжело, и тяжело именно потому, что каждое его искреннее слово, каждый душевный порывъ могли быть всегда истолкованы въ дурную сторону...

Съ другой стороны, такой поэтъ, какъ Пушкинъ, долженъ былъ любить природу, простую, деревенскую жизнь и долженъ былъ всей душой ненавидѣть искусственную городскую жизнь со всѣми ея мелочными, условными приличіями, со всѣми пошлыми и зловредными свычаями и обычаями, втискивающими человѣка въ толпу и стирающими съ него печать индивидуальности. Пушкинъ уже давно мечталъ «объ избушкѣ въ Савкинѣ», и изъ писемъ его за 1834 г. мы ясно видимъ, что чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ серьезнѣе подумывалъ онъ снять съ себя камеръ-юнкерскій мундиръ и удалиться въ деревню. О деревнѣ онъ постоянно говоритъ въ своихъ письмахъ съ тайными вздохами и съ умиленьемъ, какъ о своей землѣ обѣтованной, которой достичь, впрочемъ, ему было не суждено. Нельзя читать безъ душевной горечи тѣ письма, въ которыхъ онъ жалуется на свое служебное положеніе и высказываетъ свое горячее желаніе поселиться въ деревнѣ. И многіе изъ писателей мечтали о своей «избушкѣ» въ какомъ нибудь Савкинѣ, но большинству изъ нихъ пришлось довольствоваться могилой на Волковомъ кладбищѣ... Письма же Пушкина на тему «о деревнѣ» производятъ горшее впечатлѣніе, когда вспомнишь, что они писались уже незадолго до трагической развязки...

15 мая 1834 г. онъ писалъ женѣ: «Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость; особенно, когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя»... 29 мая—по тому же поводу: «Съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выйти мнѣ въ отставку... *Зависимость* и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства»... 8 іюня Пушкинъ пишетъ женѣ: «Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей *зависимости*. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и—что́ еще хуже—опутать себя денежными обязательствами». Пушкинъ рѣшительно не хотѣлъ признаться, что женитьба спутала его, но порой, въ трудныя минуты, очевидно, у него вырывались кое-какіе намеки даже въ письмахъ его къ женѣ. Еслибы не прорывались подобные намеки, то чего ради онъ сталъ бы упрашивать жену «не сердиться» на него, «не толковать» его жалобъ въ худую сторону—и зачѣмъ бы ему оправдываться, что онъ вовсе и «не думалъ никогда упрекать ее»... «Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ,—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ.—Зависимость, которую

налагаемъ на себя изъ честолюбія *или изъ нужды*, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виноватъ я изъ добродушія, которымъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни».

11 іюня Пушкинъ писалъ женѣ: «Боже мой! кабы Заводы (имѣніе Гончаровыхъ) были мои, такъ меня бы въ Петербургъ не заманили и московскимъ калачемъ... Но вы, бабы, не понимаете *счастья независимости* и готовы закабалить себя навѣки чтобы только сказали про васъ: «hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal»... «Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!» заканчиваетъ онъ письмо. «Я крѣпко думаю объ отставкѣ,—сообщаетъ онъ ей въ іюнѣ.—Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей... Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость: дай сдѣлаться богатымъ—а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову»... Въ томъ же письмѣ, объясняя причину своей хандры и недовольства, Пушкинъ замѣчаетъ: «Все *тотъ* [1]) виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня восвояси»...

Намъ станетъ понятно невыносимое положеніе Пушкина въ его камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, когда вспомнимъ, что поэтъ постоянно мечталъ о томъ, чтобы «никому отчета не давать...»

> . . . „для власти, для ливреи
> Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шей;
> По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
> Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
> И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
> Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья“...
>
> (Изъ VI „Пиндемонте“).

Наконецъ, Пушкинъ не выдержалъ и въ іюнѣ подалъ въ отставку, а черезъ нѣсколько дней уже просилъ гр. Бенкендорфа не давать его просьбѣ дальнѣйшаго хода. «Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и все», объяснялъ онъ свой поступокъ Жуковскому въ письмѣ отъ 4 іюля. «Домашнія обстоятельства мои затруднительны, положеніе мое *не весело*, перемѣна жизни почти необходима. Изъяснять это все гр. Бенкендорфу мнѣ не достало духа...»—«Я, право, самъ не

---

1) Курсивъ принадлежитъ Пушкину.

понимаю, что со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе—какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все таки не могу»... «Что мнѣ дѣлать? Просить прощенія? Да въ чемъ?»... (6 іюля). Его прошенію объ отставкѣ, поданному «опрометчиво», не было дано дальнѣйшаго хода, Пушкинъ остался на службѣ,—и такимъ образомъ мертвая петля окончательно затянулась на его шеѣ. Возстаніе уже болѣе не повторялось, хотя мысль объ отставкѣ и о деревенской жизни, очевидно, не оставляла его до конца жизни.

Біографъ говоритъ, что Пушкинъ будто бы только потому не вышелъ въ отставку, что не желалъ потерять «право на посѣщеніе архивовъ» [1])... Не думаю, чтобы это «право» было для Пушкина такъ дорого; не думаю, чтобы оно перевѣшивало всѣ невыгоды и непріятности его чиновничьяго существованія. Скорѣе всего—матеріальные недостатки мѣшали ему выйти въ отставку, да отчасти опасеніе, чтобы не попасть въ опалу (какъ видно изъ его письма къ Жуковскому). Спрашивается: чѣмъ бы онъ сталъ содержать семью по выходѣ въ отставку? Что бы онъ, при своемъ незнаніи сельскаго хозяйства, сталъ дѣлать съ разореннымъ имѣньемъ, изъ котораго даже управляющій бѣжалъ? Да и согласилась ли бы его жена, эта блестящая красавица, «похоронить себя» въ какомъ нибудь Болдинѣ? Это еще—большой вопросъ, ибо великосвѣтская атмосфера уже успѣла пропитать молодую женщину своими міазмами.

Изъ Болдина, 15 сент., Пушкинъ писалъ женѣ: «Охъ, кабы у меня было 100,000!... да Пугачевъ, мой оброчный мужичокъ, и половины того мнѣ не принесетъ, да и то мы съ *тобою* какъ разъ промотаемъ; не такъ ли? Ну, нечего дѣлать: буду живъ, будутъ и деньги»... Въ 1835 г. денежный вопросъ еще сильнѣе начинаетъ тревожить Пушкина. «Денегъ онъ (Пугачевъ) мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату»... писалъ онъ 20 янв. Нащокину. Въ іюнѣ Пушкинъ просилъ о дозволеніи отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню, говорилъ о своемъ необезпеченномъ состояніи, о затрудненіи жить въ Петербургѣ, но ходатайство его не имѣло успѣха. 22 іюля онъ писалъ гр. Бенкендорфу: «Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ пребыванія моего въ Петербургѣ [2]), я надѣлалъ долговъ около шестидесяти тысячъ рублей»... Затѣмъ, Пушкинъ объ-

[1]) „А. Пушкинъ". Мат. для его біографіи и оцѣнки его произв. Анненкова. 1873. Стр. 384.

[2]) Т. е. именно со времени женитьбы.

ясняетъ, что для него представляется лишь два исхода: «удаленіе въ деревню или заемъ, единожды и навсегда, значительной денежной суммы». На этомъ письмѣ значится помѣта: «Императоръ предлагаетъ ему 10 тысячъ рублей и шестимѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ—подать ему въ отставку или нѣтъ».—«Графъ! *тяжело* мнѣ, въ минуту полученія неожиданной милости, просить еще о двухъ другихъ... пишетъ Пушкинъ 26 іюля Бенкендорфу.—Изъ 60,000 руб. моихъ долговъ, половину составляютъ долги чести. Для уплаты ихъ я вижу себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ займамъ подъ проценты, что удвоитъ мое затрудненіе или поставитъ меня въ необходимость снова прибѣгнуть къ великодушію императора»... Пушкинъ проситъ заимообразно 30,000 р., съ тѣмъ чтобы получаемое имъ жалованье удерживали впредь до погашенія долга. На письмѣ помѣта: «Императоръ жалуетъ ему 30,000 р. съ удержаніемъ, согласно просьбѣ, его жалованья». Около того же времени Пушкинъ проситъ министра финансовъ, Е. Ф. Канкрина, о содѣйствіи его на принятіе въ окончательную уплату долга 220 душъ, принадлежавшихъ ему, Пушкину, въ Нижегородской губ., изъ коихъ 200 уже были заложены въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ.

Всѣ эти долги, просьбы и ходатайства должны были сильно угнетать Пушкина... Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому говоритъ, что Пушкинъ «весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого либо изгнанника или подать руку падшему», что Пушкинъ, «выжидалъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ несчастномъ»... [1]) Дѣйствительно, многія изъ писемъ свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ участіемъ Пушкинъ относился къ людямъ—даже въ то время, когда его самого обуревали всякія невзгоды. Такъ, онъ помогаетъ какой-то бѣдной вдовѣ, хлопочетъ о Коншинѣ, проситъ Жандра о какомъ-то г. Хя. Но просить за другихъ и просить за себя—двѣ вещи разныя. Какъ тяжело было поэту просить за самого себя, о томъ каждый изъ насъ можетъ легко догадаться, если вспомнитъ о разницѣ въ тѣхъ чувствахъ, съ какими ему приходилось ходатайствовать за другихъ или просить за себя. Въ первомъ случаѣ мы бываемъ очень находчивы и краснорѣчивы, а прося за себя, чувствуемъ, что языкъ нашъ прилипаетъ къ гортани.

Воспользовавшись отпускомъ, Пушкинъ провелъ осень въ Михайловскомъ и писалъ оттуда женѣ: «Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: *чѣмъ намъ жить будетъ?* Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже съ

[1]) Соч. Пушкина. Изд. Общ. Т. II, стр. 120.

половину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30,000. Все держится на мнѣ да на тетушкѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣстъ трудно... (21 сент.). «Канкринъ шутитъ, а мнѣ не до шутокъ. Государь обѣщалъ мнѣ газету, а тамъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ Петербургѣ, а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ... Что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ»... (29 сент.). Въ это же время (26 сент.) онъ пишетъ полное грусти стихотвореніе: «Опять на родинѣ»...

«Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ вамъ, тѣмъ болѣе, что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось,—пишетъ Пушкинъ Плетневу въ октябрѣ. Пишу—черезъ пень колоду валю. *Для вдохновенія нужно сердечное спокойствіе; а я совсѣмъ не спокоенъ*»...

Въ 1836 г. тѣ же денежныя хлопоты и непріятности преслѣдуютъ поэта. Весной онъ ненадолго ѣздилъ въ Москву и оттуда писалъ женѣ: «На дачѣ ли ты? Какъ ты съ хозяиномъ управилась?.. (Пушкинъ въ то лѣто жилъ на Каменномъ Островѣ). Экое горе! Вижу, что *непремѣнно нужно мнѣ* 800,000 *доходу*. И буду ихъ имѣть. Недаромъ же пустился въ журнальную спекуляцію»... (6 мая). За нѣсколько дней до смерти (8 янв. 1837) Пушкинъ писалъ Скобельцыну: «Не можете ли вы, любезный Θ. Аѳ., дать мнѣ взаймы на три мѣсяца или достать мнѣ три тысячи рублей. Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили меня отъ рукъ книгопродавцевъ, которые рады меня притѣснить».. Въ 1836 г., ко всѣмъ непріятностямъ, одолѣвавшимъ Пушкина, еще присоединились слухи и толки объ его женѣ,—т. е. случилось то, чего именно Пушкинъ уже давно опасался и отъ чего постоянно предостерегалъ жену. «И про тебя, душа моя, — писалъ ей Пушкинъ изъ Москвы, — идутъ кой-какіе толки, которые *невполнѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣдніе въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ;* однако жъ видно, что ты довела кого-то до такого отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостью, что онъ завелъ себѣ въ утѣшеніе гаремъ изъ театральныхъ воспитанницъ. *Нехорошо*, мой ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе вашего пола»... (6 мая). Уже и ранѣе, должно быть, тяжко приходилось Пушкину отъ высшаго петербургскаго общества, если въ одномъ изъ его писемъ вырвались такія горькія слова: «Повѣрьте мнѣ, милая m-me Осипова, *жизнь*—при всемъ томъ, что она «сладкая привычка»—содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, *дѣлается противною; свѣтъ же—гнусная, грязная лужа*»... (Окт. 1835).

Въ концѣ 1836 г., какъ видно изъ писемъ Пушкина къ бар. Гек-

керну и гр. Бенкендорфу отъ 21 нояб.,—какой то великосвѣтскій кружокъ повелъ противъ Пушкина интригу. Но эта гнусная, подлая интрига, какъ змѣя, лишенная яда, не достигла бы своей цѣли, еслибы сама Пушкина съ своей стороны не помогла ей своею неосторожностью и легкомыслiемъ. Стоитъ читателю только припомнить письма Пушкина къ женѣ — по поводу ея кокетства и т. п., — и вся картина станетъ для него ясною... Человѣкъ и болѣе спокойный — на мѣстѣ Пушкина—не выдержалъ бы, еслибы его стали, какъ волка, травить со всѣхъ сторонъ. А травля шла систематично: его травили и дома, и въ обществѣ... Вслѣдствіе недовольства самимъ собой и вслѣдствіе донимавшихъ его болѣе или менѣе тяжкихъ невзгодъ, Пушкинъ уже и безъ того былъ сильно раздраженъ,—и нужно было очень немного для того, чтобы окончательно вывести изъ терпѣнія эту горячую, страстную натуру.

Недаромъ же Пушкинъ, какъ помнитъ читатель, такъ часто — то подъ видомъ шутки, то серьезно—просилъ жену поменьше кокетничать. Онъ, словно, предчувствовалъ, что это кокетство погубитъ его; онъ прямо говорилъ женѣ, что «кокетство ни къ чему доброму не ведетъ». Такъ оно и вышло. Кокетство и легкомыслiе сдѣлали Нат. Николаевну басней великосвѣтскихъ кружковъ и затянули Пушкина въ такую трясину, что, увязая въ ней, онъ уже не могъ сладить съ толпой лилипутовъ, напиравшихъ на него со всѣхъ сторонъ, — и лилипуты, какъ случается иногда, одолѣли великана... Напрасно Пушкинъ старался «отдѣлаться» отъ Петербурга, словно въ ожиданіи грозившихъ ему здѣсь напастей, напрасно онъ порывался въ деревню, напрасно умолялъ жену вести себя поскромнѣе: все было напрасно, и «добрые люди» принудили таки Пушкина подставить грудь подъ пулю...

Въ заключеніе я привожу два мнѣнія о Пушкиныхъ, высказанныя ихъ современниками: одно мнѣніе о Пушкинѣ человѣка, нерасположеннаго къ нему, другое мнѣніе объ его женѣ—человѣка, ей сочувствовавшаго.

Въ своей «Запискѣ» графъ М. А. Корфъ, наговоривъ немало дурнаго о Пушкинѣ, между прочимъ, замѣтилъ: «Женитьба нѣсколько его остепенила, но была *пагубна для его генія*. Прелестная жена, которая любила славу своего мужа болѣе для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ, предпочитала блескъ и бальную залу всей поэзіи въ мірѣ... эта жена, съ семейственными и хозяйственными хлопотами, привела къ Пушкину ревность и отогнала его музу... Бракъ не принесъ ему счастія»... (*Я. Гротъ*. «Пушкинъ, его лиц. тов. и наст.» Стр. 279—280). Предоставляю самому читателю—на основаніи приведенныхъ писемъ—рѣшить: насколько правъ Корфъ въ своемъ приговорѣ.

Послѣ смерти Пушкина, княгиня Ек. Ник. Мещерская (дочь Н. М. Карамзина), женщина, очевидно, очень расположенная къ Пушкиной, говоритъ, что «въ сущности она (Нат. Никол.) сдѣлала только то, что

ежедневно дѣлаютъ многія изъ нашихъ блистательныхъ дамъ... но она не такъ искусно умѣла скрыть свое кокетство и, что́ еще важнѣе, *она не поняла*, что ея мужъ былъ иначе созданъ, чѣмъ слабые и снисходительные мужья этихъ дамъ»... Книг. Мещерская старается всячески оправдать или, по крайней мѣрѣ, извинить Пушкину, но въ то же время, какъ женщина правдивая, не можетъ не замѣтить: «Собственно говоря, она виновна только въ чрезмѣрномъ легкомыслiи, въ роковой самоувѣренности и безпечности, при которыхъ она *не замѣчала той борьбы и тѣхъ мученій, какія переносилъ ея мужъ*. Она никогда не измѣняла чести [1]), *но она медленно, ежеминутно терзала воспрiимчивую и пламенную душу Пушкина*; теперь, когда несчастье раскрыло ей глаза, она вполнѣ все это чувствуетъ и *совѣсть иногда страшно ее мучитъ*»... (*Я. Гротъ*. Стр. 290).

Прослѣдивъ шагъ за шагомъ за жизнью Пушкина по его письмамъ съ 1830 по 1837 г., читатель можетъ воочiю убѣдиться, что женитьба самымъ деморализующимъ образомъ повлiяла на творческую дѣятельность нашего поэта. Во-первыхъ, письма убѣждаютъ насъ въ томъ, что Гончаровы, воспользовавшись любовью Пушкина къ невѣстѣ, со дня же помолвки стали немилосердно эксплуатировать его, да продолжали эксплуатировать и впослѣдствiи (стóитъ лишь припомнить хлопоты о продажѣ статуи, о закладахъ, субсидiи; непрiятности съ тещей и т. под.). Затѣмъ, изъ писемъ мы видимъ, что женитьба на Гончаровой сильно стѣснила Пушкина въ матерiальномъ отношенiи, легла тяжкимъ бременемъ на его бюджетъ, а появившiеся вслѣдствiе того дефициты заставили поэта браться за несимпатичныя ему занятiя, вовсе несвойственныя его натурѣ, отвлекли его отъ любимаго дѣла—ради денежныхъ интересовъ, вынудили войти въ долги, заставили его, наконецъ, служить и не давали ему возможности «отдѣлаться» отъ Петербурга. Наконецъ, изъ писемъ мы убѣждаемся въ томъ, что пушкинская прелестная Ксантиппа была женщина вѣтряная, легкомысленная, «ежеминутно терзавшая» поэта и—можетъ быть, безъ умысла—разжигавшая въ немъ чувство ревности.—Такимъ образомъ, у поэта къ мучительнымъ заботамъ объ увеличенiи матерiальныхъ средствъ присоединились еще болѣе мучительныя тревоги за жену, за ея доброе имя.

Вслѣдствiе всѣхъ перечисленныхъ обстоятельствъ, Пушкинъ рѣшительно не находилъ для себя въ семьѣ ни досуга, ни душевнаго спокойствiя, необходимаго для созданiя глубоко задуманныхъ произведенiй,

---

[1]) Что она не „измѣняла *чести*“ въ грубомъ смыслѣ этого слова,—подтверждали мнѣ и другiе современницы Пушкины, княгиня Ольга Степ. Одоевская и А. П. Кернъ. Но обѣ онѣ, также какъ и дочь Карамзина, строго осуждали „легкомыслiе“ жены поэта. *Ред.*

чѣмъ и объясняются, напр., такіе факты, что Пушкинъ могъ кончить «Мѣднаго всадника» лишь въ Болдинѣ, т. е. вырвавшись ненадолго изъ Петербурга. Говоря безъ всякаго преувеличенія, Пушкинъ со дня своей помолвки и до самой смерти бился, какъ рыба объ ледъ, посреди самыхъ неблагопріятныхъ семейныхъ условій—и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Легкомысліе же и кокетство Натальи Николаевны дали поводъ и помогли распространиться великосвѣтской сплетнѣ, окончательно опутавшей несчастнаго поэта.

Однимъ словомъ, всѣ обстоятельства семейной жизни сложились для Пушкина такимъ тягостнымъ, роковымъ образомъ, что они неминуемо должны были привести его къ катастрофѣ 27 января 1837 года.

П. Засодимскій.

ЯКОБИТЫ [1].

Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, ФРАНСУА КОППЭ; переводъ А. СЛѢПЦОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Принцъ Карлъ-Эдуардъ Стюартъ, сынъ претендента Іакова III.
Лордъ Ричардъ Фингаллъ, вождь клана макъ-фингалловъ.
Ангусъ, старый нищій, слѣпой.
Дональдъ Гленгористонъ, Гордонъ Гленкоэ. — вожди клановъ того же имени.
Дунканъ, Робенъ, Энохъ, старикъ — горцы изъ клана макъ-фингалловъ.
Маркизъ д'Эгиль.
Англійскій сержантъ.
Офицеръ арміи Карла-Эдуарда.
Горецъ.
Марія, внучка Ангуса.
Леди Дора, жена лорда Фингалла.
Джоэ, младшій братъ Дункана, дурачокъ.
Руѳь, жена Дункана.
Леди Муррей.

Жители горной Шотландіи, офицеры и солдаты арміи Карла-Эдуарда. Англійскіе солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ Шотландіи въ 1745—46 гг.

---

[1]) Въ предлагаемомъ переводѣ, во вниманіе къ требованіямъ сцены, допущены небольшія сокращенія сравнительно съ оригиналомъ. Сокращенія эти, впрочемъ, не вредятъ драмѣ: напротивъ, благодаря имъ дѣйствіе, не замедленное излишней декламаціей,—идетъ живѣе, естественнѣе. Во всякомъ случаѣ, они не существенны и отнюдь не мѣшаютъ оцѣнкѣ произведенія Коппэ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ сельскимъ, кладбищемъ въ горной Шотландіи. Направо, въ глубинѣ сцены, церковь. Въ низкой, полуразрушенной оградѣ кладбища, которая тоже видна въ глубинѣ сцены, продѣлана дверь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дунканъ, Энохъ, Робенъ.

При поднятіи, занавѣса, группы мужчинъ и женщинъ разговариваютъ у входа въ церковь. На первомъ планѣ бесѣдуютъ: Дунканъ, горецъ лѣтъ тридцати, старикъ Энохъ и Робенъ.

Дунканъ (Робену).

Да слышишь ли—въ Шотландію вернулся!..

Робенъ.

Нѣтъ!
Коль вѣрно то, что я пастухъ Робенъ,
А ты Дунканъ—охотникъ,—быть не можетъ,
Чтобъ принцъ нашъ Карлъ, чтобъ королевскій сынъ
На родину скитальцемъ возвратился.
Бьюсь объ закладъ—быть этого не можетъ.

Энохъ.

Не можетъ быть?.. Чуднѣй видали виды!

Дунканъ.

Молва идетъ, что прибылъ онъ изъ Нанта;
Французовъ горсть—отборныхъ смѣльчаковъ —
Пристали съ нимъ у ближнихъ острововъ,
Пріютъ же онъ нашелъ у Макъ-Дональдовъ.
Къ нему вожди тѣхъ кланoвъ, что не разъ
Стюартамъ дань кровавую платили,
Съ упреками за смѣлый шагъ явились,
Но видъ его невольно пробудилъ
Въ сердцахъ вождей духъ вѣрности забытой:
Предъ юношей, который встрѣтилъ ихъ

Улыбкою довѣрья и привѣта,
Восторженно всѣ пали на колѣни,
И радостно ему лобзали руку,
При возгласахъ: „да здравствуетъ король!“
Да, слышалъ я—кто взглянетъ на него,
Тотъ всей душой готовъ ему отдаться.
Явись онъ здѣсь, увѣренъ я—клинокъ
У каждаго мгновенно обнажится!

Энохъ.

Ну, мой въ ножнахъ останется!

Робенъ.

И мой.

Дунканъ.

Иль вы уже не якобиты?

Энохъ.

Полно!
Всѣмъ памятны ганóверцевъ услуги:
Имъ Англія обязана богатствомъ,
Шотландія—суровой нищетой.
Сердечно мы привязаны къ Стюартамъ,
Георга всѣ глубоко ненавидимъ,
И, будь у насъ малѣйшая надежда
Отдѣлаться отъ клячи неуклюжей,
Которая на пажити родныя
Изъ-за́ моря незванно забрела, —
Куда ни шло,—еще бы попытались,
Взялись бы вновь за брошенныя ружья
Подъ милые напѣвы старины!
Да съ чортомъ, знать, ганóверцы спознались,
А намъ Господь не внемлетъ, горемыкамъ:
Упрямыя попытки возвратить
Отечеству законныхъ королей
Окончились кровавою расправой.
Что́ проку вѣкъ бороться безнадежно!
Вездѣ въ горахъ построены редуты,
Готовые при первомъ же движеньѣ
Народъ громить изъ тысячи орудій;
Куда ни глянь—все красные мундиры —
Проклятые совсѣмъ объѣли насъ!
Готовъ сказать предъ цѣлымъ кланомъ я,
Что всякія возстанья впредь безплодны.
Кровь нашу лить устали мы.

Дунканъ.

Однако,
Бива́ли мы и красные мундиры!

Энохъ.

Да, колется и сорванный репейникъ;
Повыкинетъ и загнанный олень
Собаки двѣ изъ стаи одолѣвшей!
Сомнѣнья нѣтъ:—завяжется борьба,—
Достанется не разъ и англичанамъ,
А дальше что? Взамѣнъ полковъ погибшихъ
Десятками придутъ другіе... Развѣ
Надѣяться на чудеса прикажешь!

Дунканъ.

Что жъ этими разумными словами
И съ лордомъ ты бесѣду поведешь?
Послушаетъ онъ, думаешь, тебя?
Нѣтъ, лордъ Фингаллъ остался якобитомъ,
Стюартомъ онъ душой принадлежитъ.
Когда же вождь, завѣтамъ чести вѣрный,
На бой зоветъ, ослушаться нельзя —
Измѣной я призналъ бы ослушанье!

Энохъ.

Хоть лордъ намъ вождь, онъ намъ не господинъ.
Въ собраніи почетный старшина —
Онъ каждаго о мнѣніи разспроситъ,
Затѣмъ, храня обычай, покорится
Тому, что́ умъ и опытъ порѣшатъ.
Надѣюсь, тамъ мой голосъ пригодится.

(Благовѣстъ. Входятъ новыя группы горцевъ).

Робенъ.

Вотъ благовѣстъ. Чрезъ нѣсколько минутъ
Сюда весь кланъ Фингалловъ соберется.

Дунканъ (отойдя отъ собесѣдниковъ).

О, доблестью прославленное племя,
Славнѣйшее изъ всѣхъ племенъ шотландскихъ
Фингалловъ родъ, потомки королей,
Сподвижники Валласа, Брюса,—вы,
Стяжавшіе незыблемую славу
Отвагою и духомъ непокорнымъ!
Гдѣ вы? Отцы! иль слава вашихъ дѣлъ

Укоръ для насъ, иль мы не дѣти вамъ?
Насъ матери учили на погостахъ
Глубóко чтить могилы, память вашу;
Мы съ трепетомъ ихъ рѣчью проникались,
И въ доблести вамъ слѣдовать клялись.
Неужели нашъ гордый духъ смирился,
И врагъ настолько насъ поработилъ,
Что мы въ ярмѣ сгибать привыкли шею?
О, если такъ, обманомъ насъ прельщали:
И вашихъ женъ, и вашихъ дочерей
Безчестный врагъ насильемъ опозорилъ!
Коль родину, Стюартовъ забывая,
На битву мы не выйдемъ,—нѣтъ сомнѣнья,
Насилія мы отпрыскъ непотребный,
И, прошлое презрѣньемъ заклеймивъ,
Я свой позоръ сумѣю смыть!..

(Слѣпой старикъ, покрытый лохмотьями, опираясь на плечо о чень молодой дѣвушки, сходитъ съ горы по тропинкѣ, ведущей къ церкви. Дунканъ замѣчаетъ его).

Слѣпецъ!..
О, вотъ чья рѣчь въ сердцахъ будить умѣетъ
Привязанность къ отчизнѣ, къ королю!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Ангусъ, Марія.

Ангусъ.

Несчастному слѣпцу подайте!..

Горцы.

Ангусъ!

Ангусъ.

Раскáркались воронóны... не къ добру!..
Иль чуютъ кровь?.. Подайте Бога ради!

Дунканъ.

Зачѣмъ молить о подаяньѣ, Ангусъ?
Тебя согрѣть у очага мы рады;
За трапезой въ кругу любой семьи
Мы старцевъ чтить привыкли, въ ихъ лицѣ
Мы предковъ чтимъ. Прошу, войди въ мой домъ;—
Въ немъ столъ накрытъ, каминъ пылаетъ жарко...
Въ семьѣ моей дожить спокойно можешь

Остатокъ дней, скитанья позабывъ!
Священной ты украшенъ нищетой,
И не тебѣ молить о подаяньѣ:
Всѣ знаемъ мы—твои четыре сына,
Подъ дулами британскихъ ружей стоя,
Оружія сложить не захотѣли,
Безчестью смерть геройски предпочли.
Отъ слезъ по нихъ ты и ослѣпъ, несчастный!
Одна тебѣ опорой служитъ внучка.
Отечеству ты много жертвъ принесъ,
Пора тебѣ и отдохнуть. Нельзя
Протягивать за подаяньемъ руку,
Которой мы касалися съ почтеньемъ!

Ангусъ.

Кто бъ ни былъ ты, спасибо, другъ. Достойно
Шотландіи родной гостепріимство
Сказалося въ словахъ твоихъ радушныхъ.
Но сытый столъ и свѣжая постель
Прельстить меня не могутъ. О, фингаллы,
Скитаніе и нищета—нашъ долгъ:
Къ бездѣйствію склоняющая нѣга
Намъ не нужна; подайте хлѣба намъ
Да гдѣ нибудь въ конюшнѣ пріютите,
И завтра же, едва забрежжетъ день,
Уйдемъ опять. Обѣтомъ Ангусъ связанъ:
Народныхъ бѣдъ живое воплощенье—
Онъ въ хижинахъ и въ замкахъ возбуждаетъ
О лучшихъ дняхъ невольныя мечты.
Пока король въ наслѣдникахъ живетъ,
И Ангусу довольно подаянья;
Пока король скитается въ чужбинѣ,
Спокойный кровъ и Ангусу не нуженъ...
Изгнанникамъ бродяга старый близокъ,
Несчастьемъ онъ съ Стюартами сроднился;
Заслышитъ ли гдѣ благовѣстъ, спѣшитъ
Къ собравшимся у храма съ восклицаньемъ:
„Шотландія томится въ рабствѣ, братья!“
И совѣсть въ ихъ забывчивыхъ сердцахъ
Видъ рубища и взоръ потухшій будитъ.
Вотъ подвигъ мой и спутницы моей,—
Опоры силъ дряхлѣющихъ моихъ...
Счастливые, вамъ зрѣть ее дано!
Воспитана суровою печалью,
Исполнена высокаго призванья,
Въ сіяніи небесной чистоты,—

Стоитъ она предъ вами—образъ вѣрный
Шотландіи. Марія—имя ей
(Несчастную такъ звали королеву).
Религію Стюартовъ соблюдая,
Она за нихъ и молится по четкамъ,
Которыя мной снизаны изъ пуль,
Подобранныхъ на мѣстѣ роковомъ,
Гдѣ съ братьями отецъ ея погибъ;
И ржавчины отъ крови, сердцу близкой,
Рукой она касается, молясь.
Вотъ исповѣдь двухъ нищихъ. О, фингаллы,
Подайте же скитанью обреченнымъ!
Насытившись, они своей дорогой
Опять пойдутъ, васъ щедро наградивъ,—
Оставивъ вамъ отрадную надежду,
Что мести часъ — свободы часъ пробьетъ!

Дунканъ.

Какъ во́-время напомнилъ ты о мести!
Предвидѣньемъ ты свыше одаренъ,
Иль, по-просту, развѣдалъ, что Стюартъ
Въ Шотландію, отваги полный, прибылъ,
Что для него успѣхъ возможенъ только
При помощи фингалловъ, а они,
Смущенные совѣтомъ недостойнымъ,
Колеблются.

Ангусъ.

Кипитъ негодованьемъ
Вся кровь во мнѣ. Возможно ли: фингаллы,
Кланъ, доблестью прославленный когда-то,
Гановерцевъ лютѣйшая гроза,—
При имени законныхъ королей
Къ оружію восторженно не рвется!

Энохъ.

А можешь ли ты, Ангусъ, утверждать,
Что прибылъ принцъ?

Ангусъ.

О, да, шумѣло море,
У берега стояли мы, когда
Причалилъ онъ. Я слышалъ крикъ восторга,
Она же вотъ и видѣла его.

Марія.

Да, дѣдушка; онъ улыбнулся мнѣ,
Червонецъ далъ, и, весело промолвивъ:

„Богъ помочь вамъ и дѣлу моему“!..
Снялъ шляпу, край привѣтствуя родной...
Какъ молодъ онъ, какъ взоръ его горитъ
Спокойною отвагой и весельемъ,—
Какъ чувствуешь въ немъ мощнаго вождя!
Затѣмъ, сорвавъ репейникъ, прикололъ
Себѣ его на шляпу съ восклицаньемъ:
„За родину и наше право, съ Богомъ!“
Движенія исполнены величья...
Ахъ, дѣдушка, сказать я не умѣю,
Что́ чувствую, но... сердцу такъ отрадно
Съ тѣхъ поръ какъ я увидѣла его!

Ангусъ.

Вы слышали: онъ прибылъ, и примкнули
Къ нему уже три клана: Камеро́ны,
Кланра́нальды и фра́зеры... Фингаллы,
Имъ въ доблести уступите ли вы?

(Благовѣстъ).

Энохъ.

Постой, старикъ, вотъ благовѣстъ! Пойдемъ
Мы въ божій храмъ, помолимся, чтобъ намъ
Внушилъ Господь, возможна ли борьба
Съ какой нибудь надеждой на успѣхъ.
Прощай.

(Горцы всѣ входятъ въ церковь).

Дунканъ (уходя въ сторону).

Увы, Шотландія погибла!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ангусъ, Марія.

Марія.

Что, дѣдушка?

Ангусъ.

Отчаянье береть:
Рѣшительно вожди сказали принцу,
Что на успѣхъ разсчитывать нельзя;
Коль лордъ Фингаллъ не выставитъ людей.

Марія.

Стюартамъ лордъ такъ несомнѣнно преданъ.

Ангусъ (указывая на церковь).

А эти-то!...

Марія.

Надежды не теряй:
Глядѣла я; пока ты говорилъ,
У многихъ злость въ глазахъ сказалась ясно,
Рука ножа за поясомъ искала...
Казалось—вотъ, вотъ дрогнетъ все!

Ангусъ (въ изнеможеніи опускаясь на камень).

О, Боже!

Марія.

Какъ, Ангусъ, ты унынью предаешься
Теперь, когда готовъ зажечься бой?
Сбрось, сбрось скорѣй нахлынувшую слабость!..
Иль, лучше, ты прильни ко мнѣ на грудь,
Я ласками унынье разгоню...
Хоть пѣснею любимою потѣшу,
Которою малютку-внучку дѣдъ
Укачивалъ, бывало, въ колыбели,
Прилаженной изъ стараго щита:

(Поетъ).

Замолкли напѣвы родные,
Шотландія въ рабствѣ изныла,
И мечъ свой въ глубокомъ ущельѣ,
Къ подножью утеса зарыла.
Но чутко подъ мшистымъ покровомъ
Онъ дремлетъ съ мечтой постоянной:
«Пробьетъ ли часъ мести, пробьетъ ли
Предвѣстникъ свободы желанной!»
Шотландецъ, какъ ласточка, вѣренъ,
Отважнѣй орла—не напрасно:
Призыва къ святому возстанью
Всѣмъ сердцемъ онъ ждетъ ежечасно,
И вѣритъ, что въ мигъ вождѣленный,
Когда кличъ воинственный грянетъ,
Нашъ мечъ самъ собой изъ могилы
На бой безпощадный воспрянетъ.

Ангусъ (который во время послѣдняго куплета приподнялъ голову).

Такъ, такъ, дитя!... Ты крѣпче, лучше дѣда!
Унынье грѣхъ!... Да, вѣрю старой пѣснѣ...
Послѣднее я испытаю средство.
Авось оно удастся...

Марія.

О, родимый!

Ангусъ.

Здѣсь вѣтеръ свѣжъ, должно быть, море близко...
Мы, кажется, у кладбища фингалловъ?

Марія.

Да, дѣдушка.

Ангусъ.

Могильщикомъ здѣсь Диксонъ?

Марія.

Да.

Ангусъ.

Лучшаго союзника не надо:
Сердечно онъ Стюартамъ преданъ. Близко,
Мнѣ помнится, и хижина его?

Марія.

Да, вотъ она.

Ангусъ.

Веди меня къ нему!
Тяжелое готовлю испытанье:
Неужели когда-то знаменитый,
Великій кланъ фингалловъ такъ упалъ,
Что вынести пощечину способенъ?..
Идемъ...

(Уходитъ съ Маріею направо. Въ то же время слѣва входитъ лордъ Фингаллъ и Дора. Лордъ—человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ напудренными волосами, съ сильною просѣдью. Леди Дора—молодая женщина лѣтъ двадцати, очень хорошенькая блондинка, одѣтая съ самой изящной роскошью).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лордъ **Фингаллъ**, леди **Дора**.

Дора (весело).

Мой другъ, все ясно: жребій брошенъ,
И долгу мы не властны измѣнить!
Сомнѣнія, раздумье неумѣстны,
Осталося призвать людей къ ружью.
Вамъ пишетъ принцъ... и какъ любезно пишетъ!...
Своей рукой: „Вполнѣ на васъ надѣясь,
Онъ черезъ часъ прибыть сюда изволитъ,
И клану смотръ произвести намѣренъ“.
Итакъ, прошу: не хмурьте ваши брови,
Мой милый лордъ! Георга-толстяка
Прогонимъ и гвардейскій полкъ возьмемъ!..

Впередъ!.. Сейчасъ кокардъ я наготовлю,
И горцамъ всѣмъ на шапки наколю.
Нашъ юный вождь не сумрачный папистъ,
Іакову второму не чета:
Іаковъ—тотъ, разсказываютъ, твердо
Обѣдню зналъ, но дрался не отважно;
Напротивъ принцъ, хотя не англиканской,
Ни римскою обѣднею не бредитъ,
А шпагою владѣетъ мастерски.
Къ тому жъ красивъ и молодъ! Ричардъ, да,—
Ревнуйте: онъ моей душой владѣетъ,
Я за него. Иду на англичанъ!
Сажусь въ сѣдло, за поясъ пистолеты!..
Въ восторгѣ я отъ юноши, который
Себѣ престолъ отвоевать явился
Съ безпечною отвагой, будто онъ
Цвѣтокъ сорвать собрался.

Л. Фингаллъ.

Дора, Дора,—
Все мило въ васъ, безумное дитя;
Васъ слушая, нельзя не улыбнуться!
На вѣтряный вашъ лепетъ отвѣчая,
Боюсь прослыть я старымъ ворчуномъ,
Но... не игра раздоръ междоусобный,
И на него рѣшиться не легко.
Вы на войну собрались, какъ на праздникъ:
Въ кокетливомъ костюмѣ амазонки;
Со шпагою и съ розой на груди;
А мнѣ нельзя не вспомнить и Монтроза,
И Донди,—кровь напрасно пролитую!...
Я не собой, конечно, озабоченъ,—
Наслѣдственно я кавалеръ и тори,
(Недаромъ же сложилась поговорка:
„Тамъ сгибъ Фингаллъ, гдѣ пораженъ Стюартъ!“)—
Но бѣдный кланъ! Во что онъ обратился?
Война тяжка, сомнительна побѣда.
Шотландіи кровавыя преданья
Извѣстны мнѣ: при всѣхъ ея возстаньяхъ,
Восторговъ крикъ сначала раздается,
А дальше рядъ суровыхъ казней,—праздникъ
Для воронovъ въ поляхъ опустошенныхъ!
Но рокъ судилъ! Призывъ раздался бранный,
Стюартъ зоветъ,—впередъ за короля!...
И вы со мной, мой храбрый другъ, конечно;
Вашъ старый мужъ подастъ вамъ стремя.

Дора.

Ричардъ,
Вы злой пророкъ! Но, если вы и правы,
Покуда я ликую всей душой.
Не лондонскимъ банкирамъ, торгашамъ,
Съ Шотландіей геройскою бороться.
Мнѣ кажется подчасъ, что Лондонъ взятъ,
Въ смущеніи глубокомъ англичанки
Отъ голыхъ ногъ шотландцевъ; курфюрстъ толстый
Въ Ганноверѣ; я—герцогиня; вамъ
Подвязку далъ король Іаковъ третій...
Онъ царствуетъ... всѣ счастливы!.. Одинъ
Нашъ принцъ-герой печалью отуманенъ:
Въ меня влюбленъ, а я непобѣдима!...
Какъ хорошо!...

Л. Фингаллъ.

Кокетство безъ конца!
Не вѣрь я вамъ такъ беззавѣтно, Дора,
О, какъ бы я страдалъ!... Но нѣтъ... Зачѣмъ?...
Мнѣ радостно припомнить: въ старый замокъ
Пріѣхали ко мнѣ вы, какъ къ родному,
Луга, сады тѣнистые взглянуть,
Потѣшиться охотою веселой...
Глубоко былъ я вами очарованъ,
И вы женой мнѣ согласились быть.
Тогда уже сѣдины пробивались
Въ моихъ вискахъ,—вы не пугались ихъ;
Васъ не страшилъ и ветхій замокъ мой,
Что́ надъ скалой угрюмою вознесся,
Къ порывамъ бурь прислушиваясь гордо.
Какъ вьющійся душистый розанъ, вы
Высокихъ стѣнъ суровость оживили...
О, свѣтлый другъ, избавившій меня
Отъ старости печально-одинокой,
Меня своей любовью воскресившій,
Дай Богъ тебѣ всѣхъ радостей земли:
Рѣзвись, играй, живи, пока живется!
Тѣнистый паркъ и замокъ вѣковой—
Все ожило, подъ твой веселый говоръ,
Твой звонкій смѣхъ. На шалости твои
Съ любовью я гляжу и улыбаюсь,
На склонѣ лѣтъ невольно молодѣя...

Дора.

Мой добрый другъ, я счастлива вполнѣ!..
Но намъ теперь не до признаній нѣжныхъ.

Важнѣе есть забота: слухъ идетъ,
Что въ горцахъ духъ воинственный угасъ,
Что врядъ ли вамъ подъ знамя короля
Десятаго изъ нихъ призвать удастся;
Что кланъ, забывъ старинную покорность,
Отказомъ вамъ отвѣтитъ: принцу даже
Въ глаза готовъ отказъ свой повторить.

Л. Фингаллъ.

Кто смѣетъ?

Дора.

Лордъ, молва людская часто
Обманчива. Попробуйте.

(Колокольный звонъ. Народъ расходится изъ церкви).

Л. Фингаллъ.

А! кстати.
Сейчасъ они изъ церкви выйдутъ всѣ.
Съумѣю я имъ рѣчь держать, и разомъ
Въ глазахъ прочту, что́ на душѣ у нихъ...
Неужели измѣнять мнѣ фингаллы?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лордъ Фингаллъ, леди Дора, Дунканъ, Энохъ, Робенъ, горцы.

Л. Фингаллъ (вслѣдъ расходящимся горцамъ).

Эй!

Дунканъ (оборачиваясь).

Лордъ?

(Толпа собирается съ почтительными поклонами лорду).

Л. Фингаллъ.

Друзья, вы знаете давно,
Что лишнихъ словъ я тратить не люблю,
Итакъ: принцъ Карлъ, въ надеждѣ, что шотландцы
По прежнему вѣрны его знаменамъ,
Оружіемъ рѣшился возвратить
Престолъ отцовъ, похищенный неправдой;
И для того, чтобъ Лондонъ взять, отъ васъ
На тысячу разсчитываетъ ружей.
Безъ васъ успѣхъ немыслимъ. Ожидаетъ
Насъ смерть въ бою иль славная побѣда.
Къ оружію! Я впереди, конечно.
Изъ рода въ родъ отцы и дѣды ваши
Съ моимъ отцомъ и съ предками моими

Въ однихъ рядахъ привыкли драться. Горцы,
Могу ли я разсчитывать на васъ?

Дунканъ.

О, да.

Л. Фингаллъ.

Дунканъ одинъ? А вы, молчите?

Энохъ.

Простите, лордъ; я долженъ передъ вами
Правдивымъ быть: Шотландія устала.
Повѣрьте: васъ ослушаться намъ больно,
И къ Англіи въ насъ сердце не лежитъ,
Но, вспомните, за каждое возстанье
Лѣтъ тридцать мы томились въ нищетѣ.
Враги сильны, ихъ много,—насъ же мало...
Когда нибудь, быть можетъ, выйдетъ случай—
Вотъ Франція вмѣшается...

Л. Фингаллъ.

Довольно!
Позорите меня вы, негодяи!...

Дора.

Опомнитесь, милордъ!...

(Въ эту минуту, въ глубинѣ сцены появляются Ангусъ и Марія. За ними могильщикъ съ лопатою).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣже, Ангусъ и Марія.

Ангусъ.

Дорогу смерти.

Горцы (съ испугомъ и удивленіемъ).

Какая смерть?

Энохъ.

Въ окрестности не слышно,
Чтобъ кто нибудь скончался. На погостѣ
Ни вырытой могилы нѣтъ, ни гроба,
Ни плачущихъ. Кого хоронишь, Ангусъ?

Ангусъ.

Тяжелая постигла насъ утрата:
О, бѣдная Шотландія! твое
Приходится мнѣ знамя схоронить!

(Могильщику):

За дѣло! Рой широкую могилу!

Энохъ.

Бродяга! ты сюда пришелъ...

Ангусъ.

Молчи!..

(Восторженно).

Шотландія, прекрасна ты была,
Когда жила свободно, въ простотѣ,
Преданіямъ своимъ не измѣняя...
Орелъ, носясь надъ горами твоими,
И въ воздухѣ приволье ощущалъ!
Ни озера зеркальнаго поверхность,
Ни снѣгъ вершинъ, ни пѣна быстрыхъ водъ,
Ни зелень травъ, ни блескъ цвѣтовъ въ лугахъ,
Ни солнца лучъ, сквозь розовый туманъ
Свѣтящійся на утренней зарѣ,—
Ничто, ничто, по чистотѣ, съ душою
Сыновъ твоихъ сравниться не могло;
Хранилась честь семейнаго союза,
Честь племени; преданья уважались,
И, воздухъ горъ вдыхая, съ дѣтства каждый
Питалъ въ себѣ любовь къ странѣ родной;
Въ шотландцахъ жилъ незыблемой твердыней
Духъ вѣрности законнымъ королямъ;
По первому призыву горецъ храбрый
Точилъ палашъ о край плиты могильной
Своихъ отцовъ, и въ бой кидался славный,
Не думая о жизни,—беззаботно
Съ ней, какъ съ перомъ отъ шляпы, разставаясь,
Отдать ее готовый за ничто!...
Но то была Шотландія отцовъ...
Была она, и нѣтъ ея! Поникло
То, нѣкогда прославленное, знамя,
Которое оплакиваютъ только
Слѣпой старикъ-скиталецъ, нищій съ внучкой!...
Сказали вы: „могила на погостѣ
Не вырыта?“... За это и берусь...
Широкая, глубокая могила
Нужна, чтобъ въ ней и славу предковъ нашихъ,

И память ихъ страданій схоронить!
Ключи тюрьмы, въ которой ты, Марія,
Томилася, теперь, тебя сразившій,—
Въ могилу, въ прахъ!.. Кровавый призракъ Карла,
Туда же дай засыпать долгой пытки
Священныя орудія; сукно,
Скрывавшее ступени эшафота;
Перчатку дай, которой ты стиралъ
Съ лица плевки толпы освирѣпѣлой;—
Все, все во прахъ!... О, глубже яму ройте:
Оружіе отчизны побѣжденной,
Родную пѣснь, всѣ лучшія надежды,
Изгнанниковъ святыя слезы, кровь
За родину безвинно-пострадавшихъ,—
Схоронимъ все!.. Потомъ утопчемъ землю
Плотнѣй, плотнѣй! Пускай безплодной станетъ
Чтобъ какъ нибудь не выросъ здѣсь репейникъ—
Почившаго отечества эмблема—
Въ укоръ его забывчивымъ сынамъ!...

Робенъ и нѣсколько горцевъ.

Довольно!..
Ты все сердце мнѣ измучилъ!..
Ты, Ангусъ, правъ: какъ трусы, негодяи,
Себя вели мы...

(Падая на колѣни передъ лордомъ).

Лордъ, простите насъ!..
Идемъ мы всѣ за вами вслѣдъ...

Толпа.

И мы!

Л. Фингаллъ.

Итакъ на васъ разсчитывать могу?

Робенъ.

О, да, съ ножемъ, когда не хватитъ ружей,
Съ косой, кто съ чѣмъ, всѣ дружно станутъ горцы,
И ринутся на вражескія пушки,
На конницу, на красные ряды....

Дунканъ.

Воскреснутъ въ насъ дѣянія отцовъ.
Терпѣли мы, какъ подлыя собаки,
Теперь волковъ узнаютъ въ насъ враги!

Л. Фингаллъ.

О, Господи, хвала Тебѣ!.. Итакъ,
Къ оружію!

Толпа.

Ура! Ура!

Энохъ.

Безумцы,
Опомнитесь! Что гонить васъ на гибель?
Пустая рѣчь да призрачное знамя....

Ангусъ.

Молчи ты, трусъ, и робостью своей
Не сдерживай ихъ чистаго порыва!
Лицо твое, безкровное отъ страха,
Сейчасъ стыдомъ зардѣется!.. Не призракъ
Сбирался я зарыть въ могилу,—нѣтъ!
Глядите всѣ: воскресло знамя наше!

(Вынимаетъ изъ подъ рубища красное знамя съ бѣлымъ андреевскимъ крестомъ. На знамени золотомъ вышито: «Tandem triumphans». Ангусъ прикрѣпляетъ его къ своему посоху и развѣваетъ.).

Толпа.

И то!..
Гляди!..
Родное знамя!..
Да!

Ангусъ.

Оно, друзья,—Стюартовъ, мести знамя!
Недаромъ я подъ рубищемъ, на сердцѣ
Хранилъ его, и внучка по ночамъ
Безъ сна надъ нимъ сидѣла, вышивая!
Вотъ, вотъ оно, свободы нашей знамя!

Толпа.

Ура!

Горецъ (вбѣгая на сцену, лорду):

Милордъ, самъ принцъ сюда идетъ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и принцъ Карлъ-Эдуардъ.

(Карлъ-Эдуардъ входитъ съ пудреной прической, въ высокихъ сапогахъ, съ брилліантовой звѣздой св. апостола Андрея на шеѣ. Передъ нимъ волынки и барабаны играютъ маршъ; за нимъ свита изъ вооруженныхъ дворянъ и горцевъ. Лордъ и леди Фингаллъ встрѣчаютъ его съ поклономъ).

Лордъ Фингаллъ.

Наслѣдника и сына короля
Шотландіи и Англіи мы всѣ—
И я съ женой, и кланъ въ составѣ полномъ
Привѣтствуемъ!

Толпа.

Да здравствуетъ король!

Принцъ.

Спасибо вамъ. Нигдѣ меня бодрѣе
Не встрѣтили, а знамя предковъ нашихъ
Вы первые рѣшились развернуть;
И этотъ день я потому началомъ
Отцовскаго правленья признаю.
Да здравствуетъ Іаковъ третій!.. Къ дѣлу:
За родину и наше право—съ Богомъ!..
Одинъ изъ васъ, фингаллы, въ знакъ почета
Всегда при мнѣ пусть будетъ знаменосцемъ!

(Л. Фингаллу): (Кланяется знамени).
А это кто при знамени?

Л. Фингаллъ.

Старикъ,
Которому вы, статься можетъ, принцъ,
Обязаны и арміей! Ему
Послушнѣе, чѣмъ мнѣ, внимаютъ горцы.

Принцъ.

А дѣвушка, стоящая съ нимъ рядомъ?

Л. Фингаллъ.

Единая его опора—внучка.
Она и дѣдъ немало потрудились
Для родины и вашего отца.

Принцъ (Марія).

Приди, дитя. Тебя поцѣловать
Я, какъ женихъ, хочу: въ твоемъ лицѣ
Съ Шотландіей я обручусь. (Цѣлуетъ ее въ лобъ).

Толпа.

Ура!..
Да здравствуетъ король!

Дора (въ сторону).

Почти ревную.

Марія (въ сторону).

Создатель! Онъ меня поцѣловалъ!

Принцъ (Ангусу).

А для тебя что могъ бы сдѣлать я,
Почтенный дѣдъ?

Ангусъ.

Мнѣ ничего не надо...
Будь только добръ, люби народъ свой вѣрный.
Вокругъ тебя мной собраны герои;
Я сѣялъ, ты пожни и побѣди!
Но въ счастіи не позабудь о дѣтяхъ
Бойцовъ, тебѣ отдавшихъ жизнь; о бѣдныхъ
Болѣй душой; будь справедливъ... Тебѣ,
О, юноша, народъ отдался цѣлый...
Когда вѣнецъ надѣнешь, твердо помни,
Что ты его отъ нищаго пріялъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лагерь претендента подъ Эдинбургомъ. Свѣтлая лунная ночь. Вдали, на возвышенности, рисуются очертанія города. Направо палатка принца, внутренность которой видна публикѣ. Въ этой палаткѣ кресло, столъ съ зажженными свѣчами, оружіемъ, планами. Въ глубинѣ драпировка, отдѣляющая другую часть палатки. Остальная сцена занята лагеремъ. Бивачные очаги, составленное оружіе, барабаны и т. д.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дональдъ Гленмористонъ, Гордонъ Гленкое, Маркизъ д'Эгиль, леди Дора, леди Муррей, французскіе и шотландскіе дворяне, горцы, офицеры и солдаты арміи Карла-Эдуарда.

При поднятіи занавѣса, лагерь представляетъ пеструю оживленную картину; мундиры офицеровъ низменной Шотландіи рѣзко отличаются отъ пестрыхъ костюмовъ предводителей горныхъ клановъ. Два горца дикаго вида, вооруженные только косами, прямо наставленными на древко, стоятъ на часахъ у палатки Карла-Эдуарда. Двое изъ горныхъ вождей, Гордонъ Гленкоэ и Дональдъ Гленмористонъ (выдающійся мрачнымъ видомъ и длинными рыжими волосами), стоя, грѣются у бивачнаго огня. Другая группа образовалась изъ маркиза д'Эгиль, одѣтаго по послѣдней версальской модѣ, леди Доры и леди Муррей. На обѣихъ дамахъ фантастическіе военные костюмы: круглыя шляпы съ перьями, пистолеты за поясомъ, коротенькія юбки, высокіе сборчатые сапоги съ золотыми шпорами.

Леди Муррей.

Итакъ, маркизъ, до Франціи дошли
Извѣстія о нашихъ битвахъ славныхъ?

Маркизъ.

О, Франція герою рукоплещетъ;
Миледи, всѣ въ Версали и въ Парижѣ
Безъ умолку о принцѣ говорятъ,
Дивясь его стремительной отвагѣ.
И подвигамъ шотландцевъ... Да и то —
Какой романъ, какая эпопея!
Взять Эдинбургъ, заряда не потративъ...
А этотъ бой при Престонъ-панѣ... диво!
Крестьянскій сбродъ, полунагой, схватился
Съ драгунами, на пушки рвется... Бо́льшей
Я доблести не видывалъ, хотя
Подъ Фонтнуа самъ честь имѣлъ ходить
Съ полкомъ его величества въ аттаку.
Мнѣ пишутъ, что за кофе, услыхавъ

О прѣстонскомъ сраженіи, король
Восторженно воскликнулъ: „молодцы!“
А нашъ король въ восторгъ приходитъ рѣдко.
Но что важнѣй: маркиза принцемъ бредитъ...
Да, каждый день успѣхи вашихъ горцевъ
Булавками на картѣ отмѣчаетъ
Своей рукой маркиза Помпадуръ!..

Дора.

Имъ женщина не можетъ не плѣниться:
Онъ такъ хорошъ, въ немъ столько благородства!—
Но коль она къ нему не равнодушна,
Что стоитъ ей напомнить королю
О высылкѣ обѣщанной подмоги?..

Маркизъ.

Конечно!.. да, миледи, непремѣнно
Черезъ друзей доложимъ фавориткѣ,
Что принцъ собой прекрасенъ. Вѣдь она
О подвигахъ оружія его
Наслышалась, и только. Пусть узнаетъ,
Что и сердца онъ можетъ побѣждать;
Что нашъ Танкредъ свершаетъ свой походъ,
Клориндами, какъ роемъ, окруженный;
Что рядомъ съ нимъ готовы драться дамы.
Старанія маркизы въ пользу принца
Удвоятся безспорно... Вы смѣетесь?..
Напрасно,—я серьезно говорю:
Намъ милъ, кто правъ, но кто красивъ—милѣе;
Узнавъ, что принцъ, помимо правъ державныхъ,
Еще права имѣетъ на любовь,
Привлечь его маркиза поспѣшитъ,
И—вѣрьте мнѣ—готова обѣщать
За ласку—полкъ, и два—за поцѣлуй!

Дора (въ сторону).

Нѣтъ, любитъ онъ меня и не измѣнитъ
Ни для кого! (Громко). Не стыдно ль оскорблять
Напраслиной героя?

Маркизъ.

„Оскорблять?“
Рѣшусь ли я! Во Франціи, миледи,
Успѣхъ у дамъ даетъ почетъ и славу.

Дональдъ (Гордону).

Что этотъ франтъ за вздоръ нахальный мелетъ?
Пора его остановить... (Маркизу). Маркизъ!..

Маркизъ (въ сторону).

Зачѣмъ ему понадобился я? (Оборачивается къ Дональду).

Дональдъ.

Зовутъ меня Дональдъ Гленмористонъ,
И съ вашею версальскою моралью,
Которая монархамъ разрѣшаетъ
Любовницамъ правленье уступать,
Я незнакомъ; но нравы нашихъ горъ
Извѣстны мнѣ, и знаю твердо я,
Что коль жена нарушитъ святость брака,
Не станетъ мужъ титулы разбирать
Любовника, и съ нимъ покончитъ скоро—
Будь онъ хоть лордъ, хоть принцъ, хоть самъ король!
Запомните.

Дора (въ сторону).

Ужель онъ догадался?
Я вся дрожу.

Маркизъ.

Вы, господинъ косматый,
Учить меня хотите?.. Чортъ возьми!..
Я не могу позволить...

Леди Муррей.

Господа,
Опомнитесь, не затѣвайте ссоры!
Шутили вы, маркизъ, не сознавая,
Какъ здѣсь семью и святость брачныхъ узъ
Изъ рода въ родъ ревниво охраняютъ;
А вы, Дональдъ, забыли въ раздраженьѣ,
Что онъ—нашъ гость, къ тому же иностранецъ...
Для болѣе достойныхъ столкновеній
Энергію и жизнь поберегите...

Дональдъ (грубо).

Достаточно!

Маркизъ (недовольнымъ тономъ).

Извольте.

Дональдъ (про себя).

Глупый щеголь!

Маркизъ (про себя).

Скотина!

(Слышенъ барабанный бой).

Дора.

Принцъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Принцъ и лордъ Фингаллъ.

Принцъ въ костюмѣ горца съ перевязью и бѣлой кокардой. За нимъ свита. Лордъ Фингаллъ въ мундирѣ полковника.

Принцъ (лорду).

Согласенъ съ вами, лордъ:
И тактика, и честь повелѣваютъ
Идти впередъ. Стоять подъ Эдинбургомъ
Устали мы, пора взглянуть на Лондонъ. (Прочимъ).
Мнѣ Голирудъ прискучилъ, господа;
Въ Вайтгэллѣ васъ желалъ бы я принять;
Готовьтесь же снять лагерь въ эту ночь.
Не двинемся, конечно, не развѣдавъ,
Гдѣ врагъ и гдѣ удобнѣе дорога,
Но все узнать надѣюсь до разсвѣта!..

Л. Фингаллъ.

Коль скоро вы со мной вполнѣ согласны,—
Чѣмъ я польщенъ, конечно,—надо мнѣ
Немедленно обходомъ поспѣшить,
Приказъ отдать, составить авангардъ.

Принцъ.

Прекрасно, лордъ. Все довѣряю вамъ.
Я каждый день судьбу благословляю
За то, что васъ въ помощники избралъ.
Пусть армія готовится къ походу!

(Ласковымъ движеніемъ отпускаетъ лорда. Л. Фингаллъ уходитъ. Принцъ обращается къ маркизу д'Эгиль).

Версальскій дворъ, я слышалъ, извѣщенъ
О подвигахъ моихъ шотландцевъ... Что же,
Могу ли я разсчитывать на помощь?

Маркизъ.

Покуда, принцъ, все только обѣщаютъ!..
О, еслибы не трудность положенья,
Въ которомъ мы находимся, конечно...

Принцъ.

Мнѣ Франція дала на помощь двадцать
Своихъ дворянъ, и этого немало,
Хорошій полкъ едва ль замѣнитъ ихъ.

(Обращаясь къ вождямъ горцевъ).

Но главная моя опора—вы,
Мои друзья! Недаромъ для похода
Завѣтную одежду я надѣлъ:
Плэдъ клѣтчатый, съ перомъ орлинымъ шапку...
Вѣкъ не забыть, какъ въ этихъ плэдахъ вы
Съ драгунами въ тяжелыхъ латахъ бились,
Какъ ринулись на пушки... Вскорѣ мы
Опять врага бѣгущаго увидимъ,
И чтобъ его настигнуть этотъ разъ,
Одѣлся я полегче, какъ и вы.

Горцы.

Ура, ура! Да здравствуетъ король!

Принцъ (Дорѣ и Л. Муррей).

Предъ доблестью я вашей преклоняюсь:
Какую жизнь, какое обаянье
Вы вносите въ суровый лагерь нашъ!
Почувствуютъ, конечно, англичане
Шипы отъ розъ, мой бѣлый крестъ обвившихъ.

Л. Муррей.

Вы льстите намъ.

Дора (въ сторону).

Какъ я люблю его...
Я вся въ чаду!..

Маркизъ.

Какъ вы любезны, принцъ,
Внимательны...

Принцъ.

О, какъ отрадно—жить!
Какъ радостно въ тревогѣ боевой
Внимать полковъ восторженнымъ привѣтамъ,

И чувствовать всю свѣжесть юной страсти,
Измѣною еще не охлажденной,
И въ свой клинокъ, и въ дружбу близкихъ вѣрить!..
Свидѣтель Богъ—о санѣ королевскомъ
Я не мечталъ: король—туманный призракъ,
Въ дворцахъ своихъ средь родственныхъ тѣней
Блуждающій; презрѣнная игрушка
Любовницы, министровъ, фаворита;
Сегодня—вигъ, а завтра—тори; съ властью,
Которой бы лордъ-мэръ не пожелалъ,
Со скипетромъ, значенія лишеннымъ—
Мишурное, пустое украшенье,
Блестящее надъ зданьемъ государства!..
Нѣтъ, жажду я почета, какъ герой,
Не трепета, какъ грозный властелинъ.
Хочу я жить свободно: то красавицъ
Привѣтствуя шутливымъ поцѣлуемъ,
То нищему бросая на разживу
Съ крамольниковъ полученную дань;
Хочу вождемъ отважнымъ, добрымъ слыть,
Сіяніемъ побѣды окруженнымъ,
Грозою зла, опорой правоты,
Чтобъ нивы тамъ пышнѣе колосились,
Куда мой конь своимъ копытомъ ступитъ.
Мечта моя—промчаться метеоромъ,
Внимая, какъ съ разсвѣта до разсвѣта
Народъ меня въ любимомъ гимнѣ славитъ,
И въ ясный день, въ облитый солнцемъ день,
Въ лихомъ бою погибнуть полнымъ силы,
Оставивъ міръ какъ будто опустѣлымъ...
Небесный сводъ печальнѣе, тѣснѣе,
Когда орелъ могучій пронесется!..

Всѣ.

Ура!

Маркизъ.

Ахъ, принцъ, какъ слышится невольно
Въ васъ Генриха четвертаго потомокъ,
Какъ вамъ присущъ талантъ его—любезнымъ
И храбрымъ быть...

Принцъ (взявъ маркиза подъ руку, ему вполголоса).

И волочиться бойко!
Коль мнѣ везетъ, я маху не даю:
Гдѣ смерть близка, тамъ надо торопиться.

(Оставляя Маркиза, Дорѣ).

Миледи!

Дора.

Принцъ?

Принцъ (шопотомъ, торопливо).

Сегодня... черезъ часъ
Я жду тебя. Мы выступаемъ, Дора.
Кто знаетъ, что́ случится впереди,
Какія насъ преграды ждутъ... Приди,
Обнять тебя я жажду на прощанье.

Дора (въ большомъ смущеніи).

Сегодня же... ты хочешь?

Принцъ.

Умоляю.

Пока принцъ разговариваетъ съ Дорой, офицеръ вводитъ въ палатку Марію, закутанную въ плащъ. Она, видимо, крайне утомлена и опирается на столъ. Офицеръ выходитъ изъ палатки черезъ проходъ, ведущій въ лагерь).

Принцъ (офицеру).

Что?

Офицеръ.

Ждутъ васъ, принцъ.

Принцъ (про себя).

Марія!.. Наконецъ!.. (Офицеру).
Иду сейчасъ... (Прочимъ). Простите, господа...
Итакъ, прошу держаться наготовѣ.

(Поклонившись, входитъ въ палатку. Почти всѣ лица, бывшія на первомъ планѣ сцены, расходятся: одни уходятъ, другіе переходятъ на задній планъ. На первомъ планѣ едва остается нѣсколько горцевъ у бивачнаго огня).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Принцъ, Марія (въ палаткѣ).

Принцъ.

Дитя мое, что скажешь? Поскорѣе!

Марія.

Въ походъ, въ походъ! Сейчасъ же, до разсвѣта:
По прежнему въ Ньюкестелѣ враги.
Минуйте ихъ, ступайте черезъ Твидъ,
И Карлейль вашъ; онъ брошенъ безъ защиты.

Я тамъ была, и видѣла на стражѣ
Испуганныхъ дрожащихъ горожанъ
Съ оружіемъ негоднымъ; на валахъ
Десятка два заржавленныхъ орудій...
Въ базарный день, я къ говору толпы
Прислушалась— всѣ въ голосъ повторяютъ,
Что городъ вамъ противиться не можетъ.
Оттуда я спѣшила день и ночь
Обрадовать васъ, вѣстью драгоцѣнной...
Свободенъ путь—скорѣе выступайте!

Принцъ.

О, да, сейчасъ! И если горожане
Осмѣлятся хоть залпъ единый дать,
За валъ свою я шапку брошу,—тамъ
Ее какъ разъ мои отыщутъ горцы.
За ними вслѣдъ и конь мой выбьетъ искры
Подковами изъ старой мостовой!..

(Видя, что Марія опирается на столъ)

Но что съ тобой, дитя? Ты нездорова?

Марія.

Шла день и ночь, почти не отдыхая...

Принцъ (въ сторону).

Шотландія, какъ ты любить умѣешь!
Ты съ каждымъ днемъ дороже, ближе мнѣ!

(Усаживаетъ Марію на кресло).

Присядь, дитя, мой доблестный развѣдчикъ!
Не армію мнѣ только дѣдъ твой далъ,
Но, родинѣ всѣмъ жертвуя, дозволилъ,
Чтобъ ты, его послѣдняя опора,
Служила мнѣ. По прежнему въ рядахъ
Онъ духъ борьбы поддерживаетъ славной,
А ты имъ путь къ побѣдамъ пролагаешь,
Подъ жалкими лохмотьями скрываясь
Отъ зоркости оплошнаго врага.
Подъ складками дыряваго плаща
Дочь нищаго мнѣ можетъ принести
Стюартами утраченный вѣнецъ...
Стою предъ ней (снимая шапку), привѣтствую ее!

Марія, (бросаясь предъ нимъ на колѣни и цѣлуя его руку).

О, принцъ!

Принцъ (поднимая Марію).

Встань, встань!..

(Успокоивъ Марію).

Но ты сказала:
Сегодня же намъ надо выступать?..
Прощай, дитя. Люблю тебя сердечно...

(Подавая ей кошелекъ).

Возьми себѣ.

Марія.

Какъ, деньги?

Принцъ.

Пригодятся
На службу мнѣ. Но только кошелекъ,
Украшенный гербомъ моимъ и шифромъ,
На память битвъ, опасностей, тревогъ,
Которыя мы пережили вмѣстѣ,—
Храни всегда. Прощай, Марія!..

Марія.

Деньги!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Принцъ, всѣ дѣйствующія лица перваго явленія, Марія въ палаткѣ.

Принцъ (выходя изъ палатки, подзываетъ присутствующихъ).

Прошу, друзья!.. Готовьтесь безъ тревоги,
Безъ шума въ путь. Прибуду въ полночь,
И выступимъ бервикскою дорогой.

(Вожди клановъ и офицеры, поклонившись въ отвѣтъ, совѣщаются между собою группами, потомъ расходятся. Въ то же время принцъ разговариваетъ съ Дорой).

Принцъ (тихо, нѣжно).

Скорѣе!

Дора.

Принцъ!

Принцъ

Колеблешься ты, Дора?

Дора.

Довольно, принцъ. Позвольте въ битвахъ съ вами
Участвовать... и только. Совѣсть давить...

Принцъ (упорно глядя ей въ глаза).

А если я въ бою погибну завтра?

Дора.

Мой мужъ такъ добръ, довѣрчивъ...

Принцъ.

Если завтра
Погибну я?

Дора.

Оставь меня, молю!..
Когда бъ ты зналъ, какою страшной пыткой,
Какимъ стыдомъ терзается душа...

Принцъ.

Но, милая! быть можетъ, завтра... слышишь?

(Молчаніе).

Неужели мы такъ простимся, Дора?

Дора (опустивъ голову).

Вѣдь знаешь ты, что я твоя раба.

Принцъ (радостно).

О, какъ зато люблю тебя я, радость,
Какъ счастливъ я!..

(Офицерамъ свиты, которые ожидаютъ его на нѣкоторомъ разстояніи).

Идемъ, идемъ скорѣе!

Уходитъ со свитою въ глубину сцены, Дора налѣво. Марія, стоя въ дверяхъ палатки, наблюдала за тихимъ разговоромъ принца съ Дорой. Когда сцена пустѣетъ, она отходитъ отъ палатки).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Марія (одна).

Да, женщину я эту ненавижу!..
Какъ ласково глядѣлъ онъ ей въ глаза,
Какъ нѣженъ былъ... въ такой тревожный часъ!..
Создатель мой, какъ больно!

(Садясь у почти потухшаго огня).

Охъ, устала!..

Давно ли я, скитаясь по горамъ,
Въ туманную холодную погоду,
Подъ плащъ прижмусь, бывало, къ дѣду грѣться,
И дѣвичьимъ мечтаньямъ отдаюсь.
Мнѣ думалось бѣднягѣ: будетъ день,
Своей семьей обзаведусь и я.
Мой добрый мужъ, пастухъ иль земледѣлецъ,
И Ангуса слѣпаго пріютитъ.
За дряхлостью скитаніе оставивъ,
Моихъ дѣтей старикъ лелѣять будетъ,
Съ улыбкою ихъ лепету внимая...
Явился принцъ. Онъ голову мою
Къ своей груди прижалъ; мое лицо
Коснулося одеждъ его блестящихъ,
Случайно онъ меня поцѣловалъ...
О, знаю я, что сердце короля
Подъ бархатомъ его одежды бьется
Не для меня... все знаю, знаю... но...

(Встаетъ).

Ужели я люблю его? Возможно ль,
Чтобъ до того безумiе достигло?..
Да, гибну я, но такъ душѣ отрадно,
Такъ чувствую, что сердце расцвѣло!
Тревогою отъ страсти безнадежной
Живетъ оно; меня въ изнеможеньѣ
Цѣлитъ его привѣтливое слово...
Я счастлива, когда онъ, улыбаясь,
Щеки моей рукой своей коснется;
Назвать его безъ трепета не въ силахъ...
И радостно съ безумiемъ мирюсь!
Сегодня мнѣ, однако, тяжко, больно:—
О, знаю я—другую любитъ онъ!..
Забудь себя, несчастная Марiя,
И преданной останься до конца,
Стенанiя и ревность подавляя!
Когда же онъ, въ сiяньѣ торжества,
Побѣдою окончитъ подвигъ славный,—
Бѣги, бѣги съ своей смертельной болью!..
Съ свинцомъ въ груди прострѣленная чайка,
Усилiя послѣднiя сбирая,
Стремится пасть въ просторѣ океана!—

(Помолчавъ).

Уснуть бы мнѣ. Не дастъ ли сонъ забыться!

(Ложится на землю у бивачнаго огня, закутываясь въ плащъ, и смыкаетъ глаза).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Марія лежитъ въ тѣни, лордъ Фингаллъ, Дональдъ и Гордонъ.

Л. Фингаллъ (Дональду и Гордону, входя съ ними, горячо):

Безумцы вы! Я говорю вамъ толкомъ!..

Гордонъ.

Привыкли мы васъ уважать глубоко,
Но въ этотъ разъ я съ мнѣніемъ Дональда
Согласенъ, лордъ; и дѣло разъяснить,
Мнѣ кажется, вполнѣ необходимо.

Дональдъ.

Давно пора. Я прямо заявляю:
Мой кланъ впередъ—ни шагу, не увѣрясь,
Что служитъ онъ достойному вождю.

Л. Фингаллъ.

Но принцъ, никто оспаривать не станетъ,
Уменъ и храбръ, великодушенъ...

Дональдъ.

Такъ;
Но я боюсь, что онъ дрянной развратникъ;
Развратныхъ же намъ королей не надо.

Гордонъ.

Достаточно на дворъ безпутный Карла
И на его любовницъ наглядѣлись;
Добра отъ нихъ немного.

Л. Фингаллъ.

Но, друзья,
Въ чемъ принца вы вините, не пойму?
Въ любезности? Иль это преступленье?
Такъ молодъ онъ, пріѣхалъ съ континента,
Вчера еще въ Версалѣ жилъ.

Гордонъ.

Все такъ,
Но въ Гленкоэ, въ странѣ озеръ прозрачныхъ,

Строги мы. Тамъ, замѣтивъ, что жена
Поласковѣй красавцу улыбнулась,
Не скажетъ мужъ ни слова; а пройдетъ
Денька два—три... и молодца несутъ
Откуда-то съ ножемъ въ груди... хотя
Суровыя расправы эти рѣдки:
Семья крѣпка и женщины скромны.

Дональдъ.

Въ моемъ краю, на Скарпѣ, гдѣ туманы
Свѣтъ солнечный нерѣдко затмѣваютъ,
Герой Гебридъ, мой сильный предокъ, Эвонъ,
Обманутый женой своею, Эльфой
И Цедрикомъ, вождемъ племенъ сосѣднихъ,
Призвалъ жену на судъ народный. Люто
Казнивъ ее, волкамъ онъ бросилъ тѣло,
А голову себѣ оставилъ. Съ нею
Онъ къ Цедрику на пиръ явился; молча
Швырнулъ ее пирующимъ, и тутъ же
Любовника кинжаломъ поразилъ!
И всѣ тогда его признали правымъ.

Л. Фингаллъ.

Съ тѣхъ поръ, Дональдъ, помягче стали нравы.
Конечно, принцъ о нашихъ строгихъ взглядахъ
И не слыхалъ, но чести не измѣчитъ.
Быть можетъ, онъ, по молодости, вѣтренъ,
Но...

Дональдъ.

Вѣтреность мы извинить готовы.
А если онъ—какъ я почти увѣренъ—
Увлекъ жену кого нибудь изъ тѣхъ,
Которые, покой и достоянье
Ему отдавъ, сегодня же, быть можетъ,
Разстанутся и съ жизнью за него?

Марія (которая уже давно прислушивалась къ разговору, про себя).

Неужели?

Л. Фингаллъ.

Опомнитесь, несчастный!
Вносить въ семью безчестіе—преступно,
Сомнѣнья нѣтъ, будь то семья врага.
А вы, Дональдъ—о, Боже всемогущій!—
Рѣшаетесь подозрѣвать, что принцъ
Соратникамъ, друзьямъ, гостепріимству

Способенъ такъ постыдно измѣнить!
Не можетъ быть: пустыя подозрѣнья,
Которыя мы выяснить должны!

Дональдъ.

Намъ надо знать, неужели вѣнецъ
Готовится развратнику дрянному,
Измѣннику? Дѣйствительно ли принцъ
За преданность безчестьемъ воздаетъ?
Изъ подъ знаменъ вождя такого мы

(Указывая на себя и Гордона).

Сейчасъ съ людьми своими удалимся...
О, если я въ догадкахъ не ошибся,
Обиженный не пощадитъ невѣрной
И голову, какъ Эвонъ, принцу бросить!

Марія (про себя).

Предчувствую я, кто преступенъ, знаю—
Она!

Л. Фингаллъ.

На чемъ основаны догадки?

Дональдъ.

Да я давно гляжу не безъ досады,
Что въ Голирудъ, и даже къ намъ въ палатки,
Являются разряженныя дамы....

Л. Фингаллъ (пожимаетъ плечами).

Вы знаете,—я пуританской крови...
Не по сердцу мнѣ также и улыбки,
Которыя имъ расточаетъ принцъ.
Вчера же мнѣ одинъ изъ горцевъ тайно
Сказать пришелъ, что въ городскомъ предмѣстьѣ,
Въ домишка тотъ, къ утесу прислоненный,
Является вечернею порой
Покрытая двойной вуалью дама,
А вслѣдъ за ней туда же входитъ принцъ,
Старательно окутанный плащемъ;
Но горецъ мой узналъ его по шапкѣ,
Съ которой онъ брильянтъ сколоть забылъ....
Да, кажется, я знаю даже, кто
Красавица прельщенная....

Л. Фингаллъ.

Но кто же?..

Дональдъ.

Сомнѣнья нѣтъ,—послѣдній вечеръ принцъ
Съ возлюбленной захочетъ провести.
Идемъ туда. Какъ горецъ доносилъ,
Таинственный любовникъ со свиданья
Всегда впередъ уходитъ. Мы его
Пропустимъ, но когда любовница его
Покажется... вуаль долой!

Л. Фингаллъ.

Дональдъ,
Неужели рѣшитесь вы?..

Дональдъ.

Милордъ,
Красавица отъ взгляда не умретъ,
А выяснить намъ дѣло надо. Даже,
Коль горлица замѣшкаетъ, Гордонъ
(Ударомъ онъ быка убить способенъ)
Плечемъ на дверь наляжетъ...

Л. Фингаллъ.

Господи!
Насиліе такое недостойно!

Дональдъ.

Мнѣ все равно. Мнѣ надо правду знать:
Я не могу народъ вести на бойню
За подлаго измѣнника. Конечно,
Продажное созданье повстрѣчавъ,
Ей брошу я свой кошелекъ—и только;
Но если, лордъ, мы тамъ найдемъ жену
Кого нибудь изъ нашихъ...

Л. Фингаллъ.

Раздѣляю
Вашъ взглядъ, Дональдъ, негодованье ваше;
Но женщину такъ оскорблять...

Дональдъ.

Милордъ,
Вы можете остаться, воля ваша,
Но мы идемъ, съ собою пригласивъ
Свидѣтеля, которому, конечно,
Повѣрять всѣ!

Л. Фингаллъ.

Кого?

Дональдъ.

Тамъ видно будетъ!
Пора, Гордонъ!.. Не упустить бы время!..
Ты въ пригородъ на стражу, я—скорѣй
Свидѣтеля съ собою захвачу
И явимся на помощь... (Лорду). До свиданья!

(Дональдъ и Гордонъ уходятъ въ разныя стороны).

Л. Фингаллъ.

Быть можетъ, мнѣ удастся обуздать
Ихъ дикіе порывы, помѣшать
Несчастію тяжелому?.. За ними!
Тамъ мѣсто мнѣ... (Идетъ за Гордономъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Марія одна.

Она погибла... да!
Тѣмъ лучше!.. Но вѣдь съ ней погибнетъ принцъ?
Заставъ ее... они покинутъ войско...
А лордъ Фингаллъ, узнавъ свой стыдъ... о, Боже!..
Убьетъ его, пожалуй?.. Побѣгу!..
Успѣю я... Но... видѣть Дору съ принцемъ?..
Нѣтъ, нѣтъ должна я ихъ спасти... Скорѣе!..

(Убѣгаетъ вслѣдъ за лордомъ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Внутренность домика, въ которомъ происходили свиданія принца съ Дорой; комната, убранная очень просто; въ глубинѣ дверь и окно; направо другая дверь. Стулья и кресла рѣзнаго дерева, большіе старые часы съ гирями; полки съ оловянной и раскрашенной фаянсовой посудой. Налѣво, на небольшомъ столикѣ свѣтильникъ съ нѣсколькими восковыми свѣчами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дора одна.

При поднятіи занавѣса, она стоитъ у полуоткрытаго окна, въ которое врывается лунный свѣтъ.

Дора.

Ушелъ! (Посылая поцѣлуй за окно). Прощай, мой милый!..
онъ далеко!..
Шаговъ его не слышно даже?.. Нѣтъ!.. (Прислушиваясь).

Ушелъ, а съ нимъ и счастіе! На сердце
Какая-то ложится пустота...

(Отходитъ отъ окна къ авансценѣ).

Едва себѣ я вѣрю... Стала я
Любовницей его?.. Любовницею... Боже!
Блаженство ласкъ и страстныхъ упоеній
Сознаніемъ тяжелаго стыда
Отравлено. (Послѣ минутнаго раздумья).
Невольно возстаетъ
Былое, мужъ... Взявъ за руки меня,
Въ глаза мои съ задумчивостью глядя,
Онъ спрашивалъ: „Еще не поздно, Дора,
Размыслите, мнѣ за сорокъ... Согласны?“
Отвѣтила я: „Да, согласна, Ричардъ!“
Отвѣтила такъ весело и твердо...
Святой обѣтъ въ тѣнистомъ паркѣ эхо
Отчетливо за мною повторило...
И вотъ!.. Гдѣ смѣхъ, гдѣ мой безпечный говоръ?..
Довѣрчивый мой, благородный Ричардъ!..
О, принца я порою ненавижу!..
Въ тотъ вечеръ я въ какомъ-то опьяненьѣ,
Въ чаду была, и онъ поработилъ
Меня своимъ горячимъ поцѣлуемъ,
Котораго съ тѣхъ поръ я жажду!
Боже,
Когда минетъ короткій часъ свиданья,
Когда, одна оставшись здѣсь, невольно
Подумаю, что страсть его, быть можетъ,
Капризъ пустой, горячка юныхъ лѣтъ,
Что, можетъ быть, обманетъ онъ,—боюсь,
Дрожу!.. Пора!.. Какъ холодно сегодня!—
Вуаль мой гдѣ?.. Въ той комнатѣ... скорѣе
Возьму его и убѣгу отсюда.

(Уходитъ направо).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Марія, затѣмъ Дора.

(Не успѣла Дора уйти, какъ Марія показывается у окна въ глубинѣ сцены, быстро впрыгиваетъ въ комнату и торопливо запираетъ ставни).

Марія.

Поспѣла я... я здѣсь! О, слава Богу!
Они за мной невдалекѣ; однако

Не могъ Гордонъ узнать меня, не видѣлъ,
Какъ я въ окно прыгнула. Леди Дора
Въ ужасную попалась западню...
Какъ я ее глубоко ненавижу!..
А выйти ей необходимо. Дверь
Гордонъ и лордъ упорно сторожатъ;
Когда Дональдъ съ свидѣтелемъ придетъ,
Они ее взломаютъ... Какъ же быть?
Какъ вывести несчастную? А надо,
Хочу, должна спасти ее!.. Идутъ?
Она!

Дора (входя, видитъ Марію и вскрикиваетъ отъ ужаса).

Кто тутъ?

Марія.

Миледи, отвѣчайте
Скорѣй, иль вы погибли: есть ли выходъ
На улицу помимо этой двери?

Дора.

Зачѣмъ ты здѣсь?

Марія.

Не время объясненьямъ;
Опомнитесь, старайтесь быть бодрѣе,
Скажите: есть другой изъ дома выходъ?

Дора.

Къ утесу домъ стѣною прислоненъ,
Другаго нѣтъ въ немъ выхода. Въ чемъ дѣло?

Марія.

О, если такъ, погибли вы и принцъ,
И бѣдная Шотландія погибла!
Тяжелою бѣдою разразится
Преступная, предательская связь:
Послѣдствія ея неотвратимы;
Покаетесь и вы, и онъ... но поздно—
Разврату вы иль страсти покорились,
Не знаю я, но знаю, ты сгубила
Шотландію и будущность Стюартовъ!

Дора.

Упреки мнѣ!..

Марія.

Молчи, ты стоишь ихъ!
Подмѣтили, что принцъ сюда ночами

Является, и лучшіе вожди
Узнать хотятъ, не взялъ ли онъ себѣ
Кого нибудь изъ женъ ихъ на потѣху.
Оцѣпленъ домъ, они сейчасъ войдутъ,
Хоть силою. Я слышала ихъ клятву.
Тамъ два вождя могущественныхъ клановъ
И спутникъ ихъ, не вѣрящій навѣтамъ,
Исполненный заботы, какъ бы въ нихъ
Умѣрить гнѣвъ, смягчить негодованье,—
Твой добрый мужъ, почтенный лордъ Фингаллъ.

Дора.

Какъ?.. Господи, пошли мнѣ смерть скорѣе!

Марія.

И средства нѣтъ спастись, бѣжать!.. Что дѣлать?
А каждый мнѣ такъ дорогъ!.. Я готова
Хоть жизнь отдать, чтобъ выручить ее!..

Дора.

Что слышу? Какъ... Не ты ль сейчасъ такъ строго
Упреками меня язвила?.. Ты
Спасешь меня?

Марія.

Не ради васъ, миледи!
Мнѣ что до васъ!!.. Но, оскорбленный вами,
Покинетъ лордъ нашъ лагерь; вслѣдъ за нимъ,
Уйдутъ еще другіе... и опять
Шотландія побѣждена! И снова
Обрушится надъ нею англичанъ
Наслѣдственно-воспитанная месть!
О, сколько жертвъ взойдетъ на эшафотъ
За каждый вашъ постыдный поцѣлуй,
Какъ дорого за страстныя объятья
Заплатитъ принцъ: позорнымъ бѣгствомъ, жизнью
Въ изгнаніи, въ бездѣйствіи ничтожномъ.
Мы радостно знамена развернули—
Шотландіи священныя знамена,—
Лелѣя мысль, что ими осѣнится
Свободный край, ликующій народъ—
Не жалкое, предательское ложе,

Дора.

Они сейчасъ ворвутся... О, Создатель!..
Едва дышу... Молю, спаси меня!

Попасться здѣсь, въ проклятой западнѣ...
Взглядъ Ричарда перенести... при всѣхъ...
И страхъ, и стыдъ!.. О, умереть бы лучше!
Придумай же хоть что нибудь, Марія!
Не для меня... о, нѣтъ, не для меня...
Для родины, для Карла-Эдуарда!..

(Падаетъ предъ Маріей на колѣни въ полномъ изнеможеніи).

Марія.

Спасти ее? (задумывается). О, бѣдная Марія!
Но родину, его ты вспомни...

(Сильный стукъ въ двери).

Дора (вставая въ ужасѣ).

Боже!

Л. Фингаллъ (за дверью).

Гордонъ, сама пусть выйдетъ, подождемъ.

Дора.

Мой мужъ!

Гордонъ (за дверью).

Чего замѣшкался Дональдъ?
Кинжаломъ дверь я отомкну. Пожалуй,
Куда нибудь красотка убѣжитъ!

Марія, все время стоявшая въ тревожномъ раздумьѣ, видимо напавъ на счастливую мысль, схватываетъ Дору за руки. Тихо, но повелительно).

Въ ту комнату войдите, спрячьтесь тамъ;
Я васъ спасу.

(Увлекаетъ Дору въ дверь направо. Дверь въ глубинѣ комнаты поддается напору извнѣ и шумно отворяется. Въ комнату вторгается Гордонъ, за нимъ Л. Фингаллъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Л. Фингаллъ, Гордонъ, затѣмъ Марія.

Гордонъ.

Здѣсь пусто... Домъ обыщемъ!

(Направо, на порогѣ показывается Марія, закрывая лицо рукою).

Гордонъ (увидѣвъ).

А вотъ она!

(Отдергиваетъ руку отъ лица. Взглянувъ на Марію).

Какая-то дѣвчонка...
Ошиблись мы.

Л. Фингаллъ.

Марія? Быть не можетъ.

Марія (вновь закрываетъ лицо).

О, Господи, какъ это тяжело!

Гордонъ.

Ее, милордъ, вы знаете?..

Л. Фингаллъ.

Увы!

Марія.

Какъ стыдно! Смерть, конечно, не страшнѣе!

Гордонъ.

Иль мужъ ея изъ клана макъ-фингалловъ?

Л. Фингаллъ.

Нѣтъ, нѣтъ... Она, пожалуй, и свободна,
Но, думалъ я,—она чиста... Вздохнулъ,
Увидѣвъ въ грязь затоптанный цвѣтокъ.

Гордонъ.

Короче: здѣсь любовная интрижка—
Не болѣе. Вы правы были, лордъ;
Но все еще сомнѣніе беретъ...
Она въ своихъ лохмотьяхъ недурна,
Но странно, какъ съ подобной замарашкой
Связался принцъ? Невольно сомнѣваюсь.

Марія (про себя).

Не вѣритъ онъ. Рѣшусь еще на жертву.

(Беретъ изъ-за пазухи и роняетъ на полъ кошелекъ, полученный отъ Карла-Эдуарда въ предъидущемъ актѣ).

Гордонъ.

А, золото!... Я понялъ.

Л. Фингаллъ. (Поднявъ кошелекъ и разсматривая его).

Гербъ Стюартовъ,
И шифръ его высочества.

(Марія рыдаетъ. Л. Фингаллъ, подходя къ ней, съ презрѣніемъ подаетъ кошелекъ).

Возьми!...

Марія (про себя).

Сказалъ же онъ: „прими ихъ, пригодятся
На службу мнѣ!“

Гордонъ.

Пойдемте, лордъ,—все ясно,
И дѣлать здѣсь намъ нечего.
Идемъ.

Л. Фингаллъ (тихо Маріи).

Теперь одна тебѣ опора—Ангусъ;
Смотри, чтобъ онъ не зналъ твоихъ проказъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже, Ангусъ, Дональдъ.

Дональдъ (на порогѣ).

Преступницу настигли!.. Вотъ судья!

(Вслѣдъ за Дональдомъ, на порогѣ показывается Ангусъ).

Л. Фингаллъ.

Слѣпецъ!

Марія (въ сторону).

Мой дѣдъ! О стыдъ и горе мнѣ!

Л. Фингаллъ (схвативъ Гордона за руку, отводитъ его въ сторону).

Не видитъ онъ... Молчите!.. (Указывая ему и Дональду на Марію).
Дочь его!

Дональдъ.

Неужели? О, Господи!.. Несчастный.

Ангусъ.

Я только что къ бивачному огню
Погрѣться сѣлъ, и думалъ про себя
О счастьѣ тѣхъ, кто видитъ божій свѣтъ,
Какъ вдругъ меня отводятъ къ сторонѣ,
И слышу я: „Намъ измѣняетъ принцъ,
„Молва идетъ—забылъ онъ честь и Бога,
„Жену вождя и друга соблазнилъ.
„Намъ грязный слухъ провѣрить надо. Если
„Все это такъ, его покинемъ мы,
„Пускай бѣжитъ съ проклятьемъ и позоромъ.

„Идемъ, старикъ, преступницу накроемъ,
„У ногъ твоихъ пусть кается въ грѣхахъ.
„Затѣмъ войскамъ ты правду роковую
„Повѣдаешь; тебѣ они повѣрятъ.
„Свидѣтелемъ ты будь и судіей!“
Отвѣтилъ я: „Согласенъ!“ и меня
Сюда привелъ суровый обвинитель.
Онъ правъ: коль принцъ развратенъ—мы свободны
Отъ данныхъ клятвъ, отъ вѣрности престолу:—
Порокъ влечетъ безсмѣнно къ преступленью,
Ручей растетъ въ губительный потокъ—
Развратный принцъ въ развратнаго тирана!
Я здѣсь, и жду: гдѣ подтвержденье слухамъ?

Л. Фингаллъ (съ нѣкоторымъ смущеніемъ).

Напрасною смутили насъ тревогой:
Измѣны нѣтъ и принцъ не виноватъ.

Ангусъ.

Не видѣли, какъ вышелъ онъ отсюда?
И женщины здѣсь не нашли?

Л. Фингаллъ.

Да нѣтъ.

Ангусъ.

Охъ, больно мнѣ тебя обидѣть, лордъ,
Но ты солгалъ!.. И лжешь ты неумѣло.
Замѣна есть утраченному чувству:—
Съ потерей глазъ я слухомъ чутокъ сталъ.
Смущеніе твой голосъ выдаетъ
И, слышу я, здѣсь женщина рыдаетъ.—
Да тамъ, вонъ тамъ!... Потокомъ слезы льются.

Марія (про себя).

О, Господи, дай силы до конца.

Гордонъ (нетерпѣливо).

Вѣдь слышалъ ты—все кончено, старикъ!
Разсѣяны пустыя подозрѣнья.
Попалось намъ несчастное созданье,
Не болѣе... Не такъ ужь мы строги,
На этотъ вздоръ не обратимъ вниманья;
Сегодня же и выступимъ въ походъ.
Насъ лагерь ждетъ... Ступай, и мы съ тобою!

Ангусъ.

„Несчастное созданье“?.. Понялъ я,
И васъ узналъ, надменные вожди!
Сейчасъ меня въ свидѣтели тащили,
Теперь же сбыть хотите съ рукъ. Конечно,
Поругана, рыдаетъ не жена
Кого нибудь изъ лордовъ именитыхъ,
И вы къ ея позору равнодушны.
Сильнѣйшими обиженный владыка
О помощи къ народу вопіетъ,
А самъ спѣшитъ словами убаюкать
Поруганный, обманутый народъ!..
Не выйду я, хочу я правду знать.

Л. Фингаллъ.

Но, Ангусъ, ты...

Ангусъ.

Конечно, не смущаетъ
Начальниковъ и лордовъ благородныхъ
Несчастіе надъ дочерью толпы!
Но если принцъ, которому народъ
Съ довѣріемъ глубокимъ отдается,—
Послѣдняго солдата опозорилъ,
Готоваго погибнуть за него,—
На мнѣ лежитъ обязанность святая
Развратника въ народѣ обличить.
И мы алтарь семейный охраняемъ,
Не меньше васъ дѣтей и женъ мы любимъ...
Дѣтей!.. О да!.. И у меня есть дочь—
Даръ Господа, прекрасный свѣтлый ангелъ;
Назвать ее въ такомъ нечистомъ мѣстѣ,
При женщинѣ при этой не рѣшусь...
Здѣсь, можетъ быть, впервые сознаю
Насколько мнѣ дитя мое священно!
Быть можетъ, дочь онъ отнялъ у отца?—
Судьей меня избрали вы,—и я
Пришелъ судить отъ имени народа!..
Какъ звать ее?.. Фингаллъ, я жду отвѣта.

Л. Фингаллъ (въ сторону).

Несчастный!

Ангусъ.

Какъ? Настолько тяжко, низко
Свершенное злодѣйство, что его
Не смѣете назвать? Моимъ недугамъ

Хотѣли бы воспользоваться?.. Боже!..
Кто, кто она? Сознайся ты сама.
Я много жилъ, страдалъ, ослѣпъ отъ слезъ,
И не могу безжалостно судить.
Приди, свой стыдъ сокрой въ моихъ объятьяхъ
Я чувствую,—ты не изъ женъ распутныхъ,
Торгующихъ постыдною любовью!
Судья смягченъ рыданьями твоими,
Открой ему всю душу, какъ отцу!
Неужели Шотландія ослѣпла,
Подобно мнѣ?.. о нѣтъ, не пустимъ мы
Развратника къ священному престолу!
Все, все скажи, всю правду; пристыди
Начальниковъ надменно-молчаливыхъ
Признаніемъ своимъ великодушнымъ.
Спаси народъ, ты дочь его!..

Марія (въ сторону).

Нѣтъ силы!

Ангусъ.

И ты молчишь? Предчувствую: ужасна
Старательно скрываемая тайна!
О еслибы потерянныя очи
Могли прозрѣть, разсѣять тьму, спасти
Отечество отъ тяжкаго несчастья!
Вы, пыткою преступнаго молчанья
Съ глумленіемъ терзающіе старца,—
Проклятье вамъ!.. Проклятье и тебѣ,
Наложница, въ объятіяхъ безстыдныхъ
Сгубившая народныя надежды!
На исповѣдь я звалъ тебя, какъ дочь,
Молилъ тебя: „откройся!“ все напрасно!
Прими же ты изъ устъ моихъ проклятье
Обманутой Шотландіи!... Не плачь,
Слезамъ твоимъ не вѣрю больше,—поздно!..
Я пережилъ недаромъ столько лѣтъ,
И столько мукъ: ослѣпъ отъ горькихъ слезъ
Надъ трупами героевъ-сыновей;
Напрасно ждалъ, что грозно отомститъ
За нихъ король, тобою развращенный,—
Такъ вправѣ я отъ имени отчизны
Сказать тебѣ: „сіяла чистотой
„Шотландія, какъ снѣгъ ея вершинъ,
„Но ты ее навѣки осквернила,
„И родина моей рукой тебя

„Презрѣнное созданье, изгоняетъ
„Изъ нѣдръ своихъ... Будь проклята!“

Марія.

Родимый!

Ангусъ.

Марія? ты?.. О, ужасъ!.. Дочь моя!!.
Да, голосъ твой... Ошибка невозможна.
О, горе мнѣ, о, верхъ позора!.. Боже,
Задохнусь!.. Кровь мнѣ къ горлу подступаетъ...
О, кажется, сейчасъ раздастся черепъ
И пламенемъ объята голова!..

Л. Фингаллъ.

Ужасно!

Ангусъ.

Какъ? тебя, тебя, Марія, —
Тебя, дитя, онъ гнусно опозорилъ?
Съ ума схожу, не вѣрю, быть не можетъ!

Марія (въ сторону).

До дна испить приходится страданье...

(Громко).

Меня, родной!

Ангусъ.

Она сама созналась...
Мое дитя развратникъ въ грязь втопталъ!
Онъ, принцъ! И тамъ въ палаткѣ спитъ?
Скорѣй, молю, туда меня ведите,
Кинжалъ иль ножъ, иль что нибудь мнѣ дайте,
Чѣмъ могъ бы я пронзить его!.. Но нѣтъ;
Коль дочь проклясть меня вы допустили,
Вокругъ него вы станете стѣной!..
Сгубилъ онъ дочь, послѣднюю опору
Преклонныхъ лѣтъ, чистѣйшее созданье...
О, тяжкое, обидное безсилье...
Отдай же мнѣ, о, Господи, глаза,
Которые я выплакалъ... хоть на день,
Одинъ лишь день!.. Въ твоей десницѣ громы, —
Ты молніей потухшій взоръ зажги,
Чтобъ только мой ударъ направить!.. Чудо
Сверши на мнѣ... иль ты не существуешь!

Л. Фингаллъ.

Несчастный другъ...

Ангусъ.

Пустыя сожалѣнья!
Васъ всѣхъ душой я ненавижу... Прочь!
Ея слезамъ, моимъ богохуленьямъ
Не вамъ мѣшать!.. Оставьте насъ вдвоемъ!

Л. Фингаллъ (Гордону и Дональду).

Онъ правъ, пойдемъ...

(Л. Фингаллъ, Гордонъ и Дональдъ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ангусъ, Марія, затѣмъ Дора.

Марія.

Одни!.. Родной, скорѣе
Сними съ меня тяжелое проклятье!
Они ушли,—теперь могу свободно
Сказать тебѣ:—все ложь, я невиновна!

Ангусъ.

Но ты сейчасъ... Иль это сонъ безстыдный?

Марія.

Все ложь, обманъ!

Дора (выходя изъ правой двери).

Обманъ великодушный,
Святая ложь... О, чистое созданье!

Ангусъ.

Еще кто здѣсь?

Дора.

Я, леди Дора...

Агнусъ.

Кто?

Дора.

Преступница. Меня бы здѣсь застигли,
Марія же (о, возврати ей, Ангусъ,
Любовь свою)... вину, презрѣнье, стыдъ —
Все на себя геройски приняла...

Ангусъ (Маріи).

И этой лжи подъ бременемъ проклятій
Осталась ты вѣрна!..

Марія.

Вождя и войско
Отечеству надѣясь сохранить!

Ангусъ (простирая объятія къ Маріи).

О, понялъ я, дитя мое, все понялъ!

Марія (бросаясь на шею Ангусу).

Родной, прости! Я, родину спасая,
Судить его сурово не могла.
Свой стыдъ узнавъ, лордъ бросить дѣло наше,
Другіе съ нимъ... Принцъ долженъ быть оправданъ!
Я вѣрую: онъ побѣдитъ, онъ дастъ
Шотландіи желанную свободу,
И чести мнѣ утраченной не жаль,
Коль ты меня по прежнему полюбишь.

Ангусъ.

О, въ этотъ мигъ одно я только знаю
И чувствую всѣмъ сердцемъ: ты чиста,
Безумный шагъ твой—подвигъ благородный!
Хвала тебѣ, Всевышній, что въ сомнѣньѣ
Не умеръ я, что снова ощущаю
Величіе души ея невинной,
Что вновь она въ объятіяхъ моихъ,—
Дитя мое прекрасное, святое!

(Слышенъ вдали гулъ толпы и военный маршъ. Шумъ и музыка къ концу акта постепенно возрастаютъ).

Что тамъ за шумъ?.. И музыка?.. Послушай.

Дора.

Снимается нашъ лагерь; выступаютъ
Войска и принцъ. Пережила я много
Сегодня, и переродилась духомъ.
Мой тяжкій грѣхъ вы мнѣ простите, знаю,
Когда его я смертью искуплю. (Уходитъ).

Ангусъ.

Дитя мое, суровымъ приговоромъ
Боюсь спѣшить; но думается мнѣ:
Не тщетны ли надежды наши были
На юношу, который отъ позора
Скрывается безчестіемъ друзей?
Довѣріе слабѣетъ по неволѣ.

Марія.

Нѣтъ, нѣтъ, родной,—прошу, не говори
Такихъ рѣчей... я такъ люблю его!

Ангусъ.

Ты любишь?

Марія.

Да; съ Шотландіей и я
Ему душой навѣки отдалась.

Ангусъ.

Дитя мое, борись съ своимъ безумьемъ!

Марія.

Безсильна я, хотя и ясно вижу,
Что эта страсть меня сгубить должна...
Но радости, блаженство, счастье—все
Я вижу въ ней, и только въ ней одной;
Я за нее и смерть готова встрѣтить
Съ улыбкою...

Голоса (*за сценой*).

Да здравствуетъ король!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната на фермѣ Дункана. Налѣво большая дверь и продолговатое окно; сквозь мелкія рамы окна виднѣется весенній сельскій пейзажъ, залитый солнцемъ. Фруктовыя деревья въ цвѣту. Направо, вдоль стѣны, лѣстница и дверь, ведущая въ верхній этажъ. Въ глубинѣ сцены большой каминъ и рядомъ съ нимъ небольшая дверь. Мебель простая, деревянная. Вообще обстановка крайне бѣдная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Руоь, Джоэ, затѣмъ Дунканъ.

При поднятіи занавѣса, Руоь, одѣтая очень бѣдно, сидитъ за прялкой; Джоэ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, сидитъ у ея ногъ. На немъ рваная блуза, обуви на ногахъ нѣтъ; выраженіе лица его постоянно наивное, взглядъ какъ бы растерянный.

Джоэ (*напѣвая*).

Осенью туманной
Плугомъ, бороною
Поле распашу;
Полною рукою
Въ немъ засѣю рожь ..

Руэ.

Онъ все поетъ, житейскихъ бурь не зная.
Завидовать ему готова я!
Мы тяжкіе переживаемъ дни:
Шотландія опять въ оковахъ стонетъ,
Жестоко мститъ бездушный англичанинъ,—
А онъ—веснѣ цвѣтущей радъ—щебечетъ!

Джоэ (напѣваетъ).

Осенью туманной
Плугомъ, бороною
Поле распашу.

Руэ.

Послушай-ка, безпечное созданье,
Не во-время объ осени поешь,—
У насъ апрѣль... апрѣль? Ты понимаешь?

Джоэ (считая по пальцамъ и стараясь понять, что̀ ему говорятъ).

А! Мартъ, апрѣль... И ласточки вернулись,
Теплѣе дни, вездѣ зазеленѣло...

Дунканъ (входитъ съ топоромъ и связкою дровъ на спинѣ).

Ну, вотъ, жена, и дровъ тебѣ принесъ.
Весенніе прохладны вечера. (Сбрасывая дрова).
О - охъ, усталъ!.. Что, англійскихъ мундировъ
Не видно?

Руэ.

Нѣтъ.

Дунканъ.

Ну, слава Богу!.. Черти
Вездѣ снуютъ, того гляди познаютъ,
Что лордъ Фингаллъ скрывается у насъ...
А мнѣ отъ нихъ и защититься нечѣмъ,
Одинъ топоръ остался...

Джоэ (подходя къ Дункану).

Здравствуй, братецъ.

Дунканъ.

Здорово. Ну, доволенъ ты? Деревья
Стоятъ въ цвѣту, и солнце грѣетъ.

Джоэ.

Солнце?
Да, славно такъ: свѣтло, тепло, поется.
(Напѣваетъ).

Бродомъ шли мы съ Полли,
И она, плутовка,
Какъ бы по неволѣ
Ножку очень ловко
Показала мнѣ. (2)

Вспомнилъ:—для другаго
Сердце Полли бьется,
Изъ кокетства злаго
Надо мной смѣется!
И заплакалъ я. (2)

(Пока Джоэ пѣлъ, Руѳь подложила дровъ въ огонь, который и разгорѣлся. Джоэ, подходя къ камину).

Огонь? Люблю я тоже и огонь!

Дунканъ.

Увы, подчасъ безуміе во благо:
Во всей семьѣ одинъ онъ только счастливъ.
Мы плачемъ—онъ поетъ! (Вздыхая) О, Боже!

Руѳь.

Ты вздыхаешь?
Еще бѣда?
Часъ отъ часу не легче!

Дунканъ.

Особенно неладно въ Инвернесѣ:
Тамъ Кумберлендъ, что твой мясникъ, безъ толку
Виновнаго и праваго казнитъ,
А въ Пертѣ лѣсъ изъ висѣлицъ поставленъ,
И вороновъ откармливаютъ сытно!
Солдаты скотъ крестьянскій бьютъ: не казнью,—
Такъ голодомъ хотятъ народъ сморить.
Пощады нѣтъ, какъ видно, никому...
О, Кюллоденъ, гдѣ безвозвратно, въ прахъ
Развѣяны блестящія надежды
Шотландіи: ея полки, знамена...
И принцъ бѣжалъ!.. Да, горные потоки
Весеннихъ льдинъ такъ скоро не уносятъ!
И я тамъ былъ, я видѣлъ этотъ адъ,
И самъ бѣжалъ, охваченный смятеньемъ,
Какъ прочіе... О слава, слава падшимъ!

Руѳь.

Себя, Дунканъ, ты упрекнуть не можешь:
Нашъ кланъ стоялъ незыблемой стѣной,

И легъ костьми... И еслибъ лордъ на помощь
Тебя позвалъ, и ты бы встрѣтилъ смерть
Съ достоинствомъ.
Да, бѣдный лордъ! Когда
Жену его сразила пуля вражья,
Мнѣ крикнулъ онъ: „спасемъ ее!“—и вмѣстѣ
Мы вынесли несчастную.

Руэь (указывая на большое кресло у камина).

Охъ, помню!
Теперь еще, какъ будто наяву,
Я вижу—здѣсь ее вы посадили;
Сняла съ нея я плащъ окровавленный...
Она, открывъ потухшій взоръ, старалась
Улыбкою утѣшить лорда; въ чемъ-то
Прощенія просила... Въ чемъ? бѣдняжка!
А онъ предъ ней, рыдая, на колѣняхъ
Твердилъ: „о, другъ, о, Дора!..“ Наконецъ
Скончалася... Такъ подъ-вечеръ цвѣтокъ
Закроется иной, не увядая!..
Пришлось ее мнѣ обряжать... Голубка,
Нѣжна, бѣла лежитъ,—такая прелесть!
И волосы спустились до колѣнъ.

Дунканъ.

Гдѣ, кстати, лордъ?

Руэь.

На кладбищѣ, конечно.
По цѣлымъ днямъ проводитъ у могилы.

Дунканъ,

Давно ушелъ онъ изъ дому?

Руэь.

Съ полудня.

Дунканъ.

Напрасно днемъ выходитъ онъ,—опасно.

Руэь.

Узнать его въ пастушескомъ нарядѣ
Не такъ легко.

Дунканъ,

Но тысячу червонцевъ
Обѣщано за голову его.

Руѳъ.

Несчастный.

Дунканъ.

Да, не маленькія деньги!
Настойчиво солдаты рыщутъ всюду,
Найдись одинъ Іуда—лордъ погибъ.
Все думаю, куда бы скрыть его
Надежнѣе.

Руѳъ.

А что о принцѣ слышно?

Дунканъ.

Какимъ путемъ бѣжалъ онъ—неизвѣстно,
Но Кумберлендъ предателя найти
Надѣется, и тридцать тысячъ фунтовъ
Обѣщано тому, кто принца выдастъ.
Вонъ въ Стирлингѣ, я слышалъ, негодяи
Какого-то купца убили спьяну,
Принявъ его за Карла-Эдуарда.
Короче—онъ въ Шотландіи пока.

Руѳъ.

Храни его Господь въ тяжеломъ бѣгствѣ!

Джоэ (который за нѣсколько времени отошелъ отъ огня).

А знаешь, братъ, я вспомнилъ эту даму...
Красивую, больную леди.

Дунканъ.

Ну?..
Такъ что же?

Джоэ.

Вотъ, хотѣлъ сказать я что-то,
И вдругъ забылъ... Да!.. Братъ, коль вещь найдешь
Себѣ ее оставить можно?

Дунканъ.

Полно,
Не до тебя. (Руѳи). Какой-то вздоръ болтаетъ...
(Джоэ). Тамъ, въ маленькомъ лѣсочкѣ, на полянѣ
Подснѣжники, я видѣлъ, разцвѣли.
Не хочешь ли порвать ихъ?

Джоэ.

Хорошо,
Тебѣ букетъ я принесу.

Дунканъ.

Ступай.

(Джоэ убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дунканъ, Руэ, затѣмъ Л. Фингаллъ.

Руэ.

Зачѣмъ его ты гонишь?

Дунканъ.

Утомляетъ
Подчасъ его пустая болтовня!..
Однако лордъ такъ долго не идетъ;
Невольно я тревожусь, какъ бы тамъ
Чего нибудь не приключилось...

(Входитъ Л. Фингаллъ въ крестьянскомъ платьѣ. Онъ очень печаленъ).

Руэ.

Вотъ онъ.

(Лорду).

Все время тамъ вы были?

Л. Фингаллъ.

Да.

Дунканъ.

Милордъ,
Чего нибудь не нужно ль вамъ?

Л. Фингаллъ.

Нѣтъ.

(Садясь въ большое кресло).

Не ей, не ей бы первой умереть!
Когда ея прелестную головку,
Бывало, лучъ полудня освѣтитъ,
Пятнадцать лѣтъ ей можно было дать.
Конечно, я не молодъ, и любви,
Исполненной горячки страстной, ждать
Не могъ; спокойной, нѣжной дружбой

Она меня дарила, и отрадно
Дышалось мнѣ. Не разъ я думалъ даже:
Мой близокъ часъ; она свободна будетъ,
И спутника по сердцу избереть,
Но и меня съ душевной лаской вспомнитъ!
Она и смерть?.. Вѣдь это несовмѣстно,
Чудовищно,—повѣрить не могу!
Сейчасъ еще (апрѣльскій день такъ ясенъ
И солнце такъ привѣтливо играетъ)—
Казалось мнѣ, среди цвѣтущихъ яблонь,
Вотъ, вотъ она появится, какъ прежде,
Подкрадется, и свѣтлою головкой
Прильнетъ ко мнѣ съ улыбкой шаловливой!..
Вдругъ облакомъ заволоклося солнце,—
И предо мной опять ея могила!

Руссъ.

Пожалуйста, старайтесь быть бодрѣе.

Л. Фингалъ.

Война, война!.. Она всегда любила
Верхомъ скакать, охотиться, играть
Оружіемъ... Я долженъ былъ предвидѣть,
Что эта страсть къ добру не поведетъ.
Но такъ къ ней шла отвага юныхъ лѣтъ!..

За сценой раздается нѣсколько отдаленныхъ ружейныхъ выстрѣловъ

Руссъ.

Чу, выстрѣлы!

Дунканъ.

Тамъ что нибудь неладно.
Быть можетъ, мой конецъ насталъ? Тѣмъ лучше!

(Указывая налѣво).

Скорѣй, милордъ, сюда войдите, спрячьтесь.

Л. Фингалъ.

Покоренъ я желанью твоему,
Но знай, Дунканъ, когда настанетъ часъ,
Готовъ его я встрѣтить... Дора, Дора!

(Уходитъ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Дунканъ, Руэль, затѣмъ Карлъ-Эдуардъ.

Дунканъ (прислушиваясь у двери, въ глубинѣ сцены).

Какъ будто все опять затихло.

Руэль.

Страшно!..
За бѣглыми охотятся... Чу, слушай!
Какъ будто крикъ?

Дунканъ.

Не слышу.

Руэль.

Боже, Боже,
Гонимаго къ пристанищу направь,
И насъ отъ бѣдъ тяжелыхъ охрани!

Дунканъ (отходя отъ двери).

Нѣтъ, стихло все!

(Вбѣгаетъ принцъ и, задыхаясь, останавливается, едва переступивъ порогъ. Онъ въ нарядѣ горца, запыленъ, безъ оружія, безъ пледа).

Принцъ.

Пріюта, ради Бога!

Дунканъ.

Принцъ!

Руэль (въ изумленіи).

Принцъ! (Оба почтительно кланяются Карлу-Эдуарду).

Принцъ.

Сынъ вашихъ королей,
Измученный, разбитый, какъ олень,
Собаками безъ отдыха гонимый!
Укрывъ меня, вы жизнью, можетъ быть,
Поплатитесь; коль выдадите—щедро
Заплатятъ вамъ. Я въ вашей власти... Дальше
Не въ силахъ я ни шагу сдѣлать.

Дунканъ.

Принцъ,
Подъ вашими знаменами я дрался
Подъ Престономъ, Фалькаркомъ, Кюллоденомъ;
Мой домъ и я вполнѣ къ услугамъ вашимъ.

Принцъ.

Простите. Я неблагодаренъ: правда,
Не слѣдуетъ мнѣ забывать, что если
Гановерцы, какъ хищники, за мною
Охотятся, то вѣрные шотландцы
Не выдали бездомнаго скитальца,
Хотя его не разъ и узнавали.

(Протягиваетъ руку Дункану, который цѣлуетъ ее).

Дунканъ (Руэ).

Тамъ на верху поубери скорѣе.

Руэ поднимается по лѣстницѣ и уходитъ въ дверь, ведущую въ верхній этажъ).

Принцъ.

Я къ берегу съ друзьями пробирался,
Да встрѣтились намъ красные мундиры.
Не думаю, чтобъ насъ они узнали;
Довольствуясь, однако, подозрѣньемъ,
Они по насъ стрѣляли.

Дунканъ.

Много ихъ?

Принцъ.

Съ десятокъ есть.

Дунканъ.

Слѣдить за ними надо.
Побудьте здѣсь, жена сейчасъ придетъ.

Принцъ.

Спасибо, другъ; тебѣ я довѣряюсь.

(Дунканъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Принцъ (одинъ).

Какая жизнь: бѣжать, таиться... Боже!..
Проигранъ бой, престолъ отцовъ утраченъ.
А за собой я только разрушенье
И горькій плачъ въ Шотландіи оставилъ...
Какъ быстро ты, несчастье, разразилось!
Вездѣ слѣды тяжелаго погрома:
То трупъ въ червяхъ изъѣденный червями,

То висѣлицъ угрюмый встрѣтишь рядъ;
На нихъ—друзей, геройски пострадавшихъ...
А самъ, какъ трусъ, какъ подлый тать, бѣжишь!
Вчера еще, въ какой-то волчьей ямѣ
Заснуть пришлось, и страшный сонъ я видѣлъ:
Страдалецъ Карлъ приснился мнѣ, въ рукѣ
Держалъ свою онъ голову... Такъ блѣдно,
Такъ мертвенно лицо его казалось,
Глаза его безжизненно глядѣли
И голову король мнѣ протянулъ,
И ротъ ея проговорилъ: „до завтра!“
Проснулся я, но грозное видѣнье
Все грезится; какъ пьяница, шатаюсь,
И, кажется мнѣ, въ саванѣ своемъ
Все путаюсь...

(Принцъ опускается на стулъ возлѣ стола въ глубокой задумчивости. Входитъ Джоэ. Онъ что-то прячетъ подъ полою, не замѣчая Карла-Эдуарда).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Принцъ и Джоэ.

Джоэ.

То пѣсни рыбаковъ,
Когда они на ловлю уѣзжаютъ (напѣваетъ):

...Слышишь: чайка кличетъ,
Это не къ добру!

Принцъ.

Прелестное дитя!.. поетъ какъ мило!
Поди ко мнѣ. (Джоэ робко подходитъ).
Вотъ всходы лѣтъ грядущихъ,
Вотъ истители погибшихъ въ эти дни!
Насколько въ нихъ любовь къ отчизнѣ зрѣетъ,
И знаютъ ли они меня? Скажи,
Ты слышалъ ли о претендентѣ?

Джоэ.

Какъ?

Принцъ.

Скажи ты мнѣ—какъ короля зовутъ?

Джоэ.

Вотъ знаю я, какъ звать цвѣты, деревья...

Королю? Да, брать о королѣ нерѣдко
Говаривалъ...

Принцъ.

Объ изгнанномъ, несчастномъ?

Джоэ (какъ бы [illegible]).

А, знаю, да!

(Вынимаетъ изъ кармана [illegible]).

Читать [illegible]
[illegible]

Принцъ (про себя).

[illegible]

Принцъ.

Молчи, дитя! Довольно...
О, сколько гнѣздъ тщеславіемъ моимъ
Разрушено! Уста младенцевъ часто
Всевышняго вѣщаютъ приговоръ:
Мечтая долгъ наслѣдственный исполнить,
Что сдѣлалъ я съ народомъ простодушнымъ,
Какъ чистое, невинное дитя?..

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Принцъ, Джоэ, Руэь.

Руэь (сходя съ лѣстницы).

Пожалуйте, вамъ комната готова,
Въ ней можете спокойно отдохнуть.

Принцъ.

Спасибо вамъ, (Поднимаясь по лѣстницѣ).
Подъ этой кровлей мирной
Авось засну безъ тяжкихъ сновидѣній!

(Входитъ въ верхнюю горницу; Руэь за нимъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Джоэ, затѣмъ Руэь и лордъ Фингаллъ.

Джоэ (одинъ поетъ:)

Ну,—прощай, хозяйка,
Намъ пора давно
Съ якоря сниматься!..
На небѣ темно...
Слышишь—чайка кличетъ,
Это не къ добру!

Лодка, наша грузомъ
До краевъ полна,
А шумитъ погода,
Высока вода,
Слышишь—вѣтеръ злится:
Это не къ добру!

(При послѣднихъ словахъ пѣсни, Руэь выходитъ обратно изъ верхней горницы и спускается по лѣстницѣ).

Л. Фингаллъ (выходя изъ своей комнаты).

Не слышно, Руѳь, по комъ стрѣляли тамъ?

Руѳь.

За принцемъ, лордъ, гналися.

Л. Фингаллъ.

Какъ за принцемъ?

Руѳь.

Опасности онъ избѣжалъ и спрятанъ
Тамъ въ горницѣ!

Л. Фингаллъ.

Какъ, принцъ въ моихъ владѣньяхъ?
Бодрѣй, бодрѣй; онъ гость мой, долженъ я
Себя забыть, заботиться о немъ,
Его беречь!.. А что, каковъ онъ съ виду?

Руѳь.

По прежнему—прекрасенъ; но, конечно,
Оборванъ весь, нечаленъ, поблѣднѣлъ...
Да, горькая ему досталась доля.
Чуть легъ—уснулъ; измаялся, сердечный.

Л. Фингаллъ.

А гдѣ Дунканъ?

Руѳь.

Тревожится онъ сильно;
Пошелъ взглянуть, не бродятъ ли вокругъ!

Л. Фингаллъ.

Прекрасно.

Руѳь.

Лордъ, пойду и я... Позвольте!

Л. Фингаллъ.

Ступай, ступай; а дома я побуду.

(Руѳь уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Л. Фингаллъ и Джоэ.

Л. Фингаллъ садится; Джоэ, положивъ гнѣздо на подоконникъ, подходитъ къ лорду и пристально глядитъ на него).

Джоэ.

Все плачетъ онъ.

Л. Фингаллъ (замѣчая Джоэ).

Ты, Джоэ? Что тебѣ?

Джоэ.

А, знаешь, я люблю тебя. Ты плачешь?
Не плачь, старикъ... Не будешь?

Л. Фингаллъ.

Постараюсь.

Джоэ.

Мнѣ на тебя глядѣть бываетъ стыдно.

Л. Фингаллъ.

Что такъ, дитя?

Джоэ.

Вотъ видишь, у меня
Есть вещь одна. Я слышалъ—дурно прятать
То, что найдешь?..

Л. Фингаллъ.

Да, коль цѣнна находка,
Таить ее совсѣмъ нехорошо.

Джоэ.

Ну, если такъ, послушай: разскажу
Тебѣ я все... да только ты не плачь!..

Л. Фингаллъ.

Ты думаешь, разсказъ твой...

Джоэ.

Онъ напомнитъ
Красавицу ту блѣдную, предъ ней
Стоялъ ты здѣсь и горько, горько плакалъ.

Л. Фингаллъ (про себя).

Зачѣмъ тотъ день тяжелый вспомнилъ онъ?

Джоэ.

Когда ее, ужь мертвую, бѣдняжку
Ты внесъ сюда, я поднялъ на порогѣ...

Л. Фингаллъ.

Что?

Джоэ.

Вещь одну блестящую. Она
Изъ золота, должно быть. Я ее
И взялъ себѣ, да думаю: „пожалуй,
Нехорошо чужія вещи брать?“..
Опять же ты любилъ ту даму,—на!

(Отдаетъ лорду медальонъ съ шейной цѣпочкой).

Л. Фингаллъ (про себя, въ смущеніи).

У Доры я такого медальона
Не видывалъ... и шейная цѣпочка?

Джоэ.

Доволенъ ты?

Л. Фингаллъ.

Спасибо, другъ, спасибо;
Хорошій ты и честный мальчикъ, вижу.

Джоэ.

Ну, вотъ! теперь снесу гнѣздо на мѣсто.

(Беретъ съ окна гнѣздо и уходитъ, напѣвая)

Слышишь, чайка кличетъ,
Это не къ добру.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Лордъ Фингаллъ одинъ.

Нѣтъ, этого я не видалъ у Доры...
Невольная въ душѣ проснулась ревность...
Къ усопшей? Но... вѣдь мнѣ она была
Женой... Открыть? Проникнуть тайну сердца?
Его она носила на груди...
Дрожитъ рука, какъ будто оскорбляя
Ея покой могильный. (Открываетъ медальонъ).
Боже, принцъ?
Его портретъ?.. Но, впрочемъ, передъ нимъ
Она всегда душой благоговѣла,

Какъ предъ вождемъ, и сгибла за него!..
А это что?.. Записка?.. отъ него же?..
Иль я ума лишился?.. Нѣтъ, о, нѣтъ,
Какъ жаръ горятъ проклятыя слова...
Во всей своей ужасной наготѣ,
Дѣйствительность встаетъ передо мною:
Она его любовницей была!
„Люблю тебя!“—его рука и подпись.
Сомнѣнья нѣтъ, не можетъ быть!.. Задохнусь!..
Какъ молніей, внезапно озарились
Минувшаго обманчивые дни!
Отрада ласкъ, разлуки горечь, смерть—
Запятнаны безчестьемъ невозвратно!—
Покоитесь вы, государь, а я ... (Взглянувъ на верхнюю дверь).
Я, вами же поруганный, стою—
Примѣрный стражъ—покой вашъ охраняя...
И тѣшитъ васъ, пожалуй, сонъ, рисуя
Минувшаго безумные восторги,—
Объятія горячей страсти... Глупо!
Совсѣмъ смѣшно...

(Съ горькимъ смѣхомъ опускается въ изнеможеніи на кресло).

И больно.... охъ, какъ больно!

(Послѣ нѣкотораго раздумья, вставая снова)

Безчестное созданье, отомщу я:
Тебя рукой, израненной въ бою
Съ твоими же врагами, задушу!
О, давить злость! Нѣтъ, слишкомъ много чести
Тебѣ—взойти на эшафотъ героемъ,
Въ виду толпы глубоко сокрушенной...
Сейчасъ умри!

(Увидавъ топоръ, оставленный Дунканомъ у дровъ).

Топоръ?.. Скорѣй!..

(Схвативъ топоръ, бросается къ лѣстницѣ, но, едва ступивъ на первую ступеньку, останавливается, какъ бы пораженный внезапною мыслью).

Однако...
Злодѣй—мой гость, въ моихъ владѣньяхъ онъ...
Развратникъ, плутъ, клятвопреступникъ низкій—
Достоинъ онъ лютѣйшей смерти—знаю,
И ненависть мнѣ трудно подавить...
Но помню я Шотландіи старинной
Святой завѣтъ: на гостя безъ защиты,
Въ несчастіи,—злоумышлять преступно!

(Бросаетъ топоръ. Нѣсколько успокоившись).

О, Дора, ты всегда являлась мнѣ

Столь чистою... Зачѣмъ на призракъ свѣтлый
Безчестіе, какъ тѣнь, легло; потокомъ
Отчаянья мнѣ сердце затопило!..
Но клясть тебя, мой бѣдный другъ, не стану;—
Почила ты! Опять же я тебѣ
Не только мужъ: я, какъ дитя родное,
Тебя любилъ; и, чувствую, не гнѣвъ
Душой моей владѣетъ, только скорбь...
И болѣе:—подумавъ о тебѣ,
О мщеніи перестаю я думать:
Съ тобой мирясь, щадя твою могилу,
Преступника карать я не могу,
Другой урокъ я дамъ ему. (Въ бою
Безъ лишнихъ словъ, примѣромъ, старый воинъ
Суровый долгъ насъ учитъ выполнять...)
Пусть вѣдаетъ, какъ клятву соблюдаютъ:
Я знамени Стюартовъ отдался;
Ни мой позоръ, ни тяжкія страданья
Священныхъ узъ присяги не разрушатъ.
Такъ издавна отцы учили. Слову
Останусь я неколебимо вѣренъ,
И этимъ честь фингалловъ охраню!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Л. Фингаллъ, Руэ, затѣмъ Дунканъ, англійскій Сержантъ и нѣсколько англійскихъ солдатъ.

Руэ (вбѣгая въ сильной тревогѣ).

Бѣгите, лордъ, скорѣе!.. Англичане!
Захваченъ мужъ, гнались за мной. Сейчасъ
Сюда войдутъ, спасайтесь же!

(Лордъ Фингаллъ уходитъ налѣво).

А принцъ?

(Стремительно входитъ сержантъ, держа Дункана за воротникъ; за нимъ десятокъ англійскихъ солдатъ).

Ай!.. поздно.

Сержантъ.

Стой! ни съ мѣста!.. Вижу я,
У васъ бѣглецъ скрывается. Дотла
Я выжгу все, коль мертвымъ иль живымъ
Не выдадутъ его сейчасъ же!.. Эй,—
Обшарить домъ!

Л. Фингаллъ (выходя изъ лѣвой двери).

Напрасно, не трудитесь,
Я самъ сдаюсь.

Дунканъ (про себя).

Спасти онъ принца хочетъ...

Л. Фингаллъ (про себя).

Лишенъ тебя, лишенъ твоей могилы,
Встрѣчаю смерть, какъ счастье... Дора, Дора!

Сержантъ.

Ну, это дичь не крупная... Ты кто?

Л. Фингаллъ.

Я лордъ Фингаллъ, вождь клана макъ-фингалловъ;
Имѣлъ я честь командовать полкомъ
Въ войскахъ его величества; я пэръ
Шотландіи, и старшій адъютантъ
Наслѣдника британскаго престола.
За голову мою вамъ тысячу червонцевъ
Обѣщано. Возьмите ихъ—я вашъ.

Сержантъ (трепля его по плечу).

Получимъ ихъ, любезный; не тревожься!

Л. Фингаллъ (въ сторону, бросивъ взглядъ на комнату, въ которой покоится принцъ).

Проснувшись, ты узнай, какъ мстятъ фингаллы.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Скалистый берегъ. Мрачный пустынный пейзажъ. Огромные утесы; вдали море. Осенній закатъ солнца.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Принцъ, Дунканъ.

При поднятіи занавѣса, Карлъ-Эдуардъ сидитъ на обломкѣ скалы въ полномъ изнеможеніи. Его нарядъ шотландскаго горца представляетъ собою лохмотья. Дунканъ, въ такомъ же оборванномъ платьѣ, стоитъ передъ нимъ.

Принцъ.

Дунканъ, Дунканъ,—я голоденъ, замерзъ!

Дунканъ.

Бодрѣе, принцъ; теперь спасенье близко:
Шаговъ семьсотъ до этихъ скалъ, а тамъ

Друзья насъ ждутъ у скрытаго залива.
Крѣпитесь же, молю васъ, государь.

Принцъ.

Насмѣшкою звучатъ твои титулы:
Твой „принцъ“ ступить не въ силахъ; умираетъ
Отъ голода твой бѣдный „государь“.

Дунканъ.

Оставилъ бы васъ въ этихъ скалахъ я,
А самъ сходилъ за хлѣбомъ, да боюсь:
Въ окрестности куда не безопасно—
А у меня ни капли, ни куска.
Бодрѣй, бодрѣй. За этимъ мысомъ встрѣтятъ
Васъ Лоніель, да Макъ-Дональдъ и двадцать
Испытанныхъ, вамъ преданныхъ друзей;
А къ вечеру—попутный вѣтеръ дуетъ—
Обѣщанный изъ Франціи корабль
Покажется, пожалуй; шлюпку спуститъ,
И приметъ васъ. На немъ вы безопасны.

Принцъ (впавъ въ задумчивость говоря самъ съ собою).

Я царствовалъ... почти! На серебрѣ
Къ стопамъ моимъ покорно города
Несли ключи, и гордый англичанинъ
Не разъ меня привѣтствовалъ „регентомъ“,
„Наслѣдникомъ престола“ величалъ.
Къ рукѣ моей склонялися главы
Надменныхъ герцоговъ и скромныхъ горожанъ,
И шествіе побѣдное мое
Знаменами Стюартовъ осѣнялось...
Прекрасный сонъ! теперь еще я вижу,
Какъ наяву... Нѣтъ,—смѣной театральной,
Мгновенною, неуловимой тѣнью,
Скользнувшею по яркой муравѣ—
Исчезло все... Разбилися надежды!
При звукѣ трубъ, при боѣ барабанномъ
Склонялися недавно предо мной
Ряды знаменъ у въѣзда въ Голирудъ;—
Теперь подчасъ въ звѣриномъ логовищѣ
Скрываюсь, радъ—бродяга безпріютный—
Когда пастухъ пригрѣетъ у огня.
Недавній вождь восторженныхъ дружинъ,
Лохмотьями едва прикрытый,—мерзнетъ;
И въ хижинѣ ночлега не даютъ

Тому, кто спалъ въ покояхъ предковъ славныхъ.
Не у меня ль, на дняхъ почти, въ стаканѣ
Французскихъ лозъ чистѣйшій сокъ игралъ,
Сегодня же воды и хлѣба нѣтъ...
Какъ ты, судьба людская, своенравна!
Въ единый мигъ, изъ пышнаго дворца
Я въ грязный хлѣвъ низринутъ. Проведя
Тревожно ночь въ свиной закутѣ, руку
Послѣднему изъ горцевъ подаю,
А онъ ее разглядываетъ, будто
Боясь привить нечистую проказу...
О, Господи, быть можетъ, легкомысленъ,
Развратенъ я, виновенъ былъ, но грозно
Вину мою караешь ты! Фингаллъ
И Дора—вы, которыхъ день и ночь
Съ сердечною печалью поминаю...
Не ваша-ль кровь предъ божіимъ престоломъ
О карѣ мнѣ немолчно вопіетъ?
Внемлите же молитвѣ покаянья,
Простите мнѣ, искупленъ грѣхъ мой тяжкій.
Какъ Лазарь я, какъ Іовъ, изстрадался.
Простите мнѣ, молю васъ, пощадите!

(Во время монолога принца, Дунканъ, послѣ мести состраданья, взошелъ на утесъ и смотрѣлъ вдаль, держа ладонь надъ глазами. Къ концу монолога онъ сходитъ снова).

Дунканъ.

Ужъ меркнетъ день; друзья должны быть въ сборѣ,
Пора идти, запаздывать нельзя.

Принцъ (приподнимаясь съ трудомъ).

Попробую... дай руку... (Уходя, опирается на Дункана).
Хоть бы хлѣба!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ангусъ, Марія.

(Принцъ и Дунканъ уходятъ вправо; въ то же время слѣва входятъ Ангусъ и Марія. Марія осторожно ведетъ старика по утесистой тропинкѣ. Она очень исхудала, очень блѣдна; всякое движеніе ея обличаетъ болѣзнь и изнеможеніе).

Марія (осторожно проводя Ангуса).

Сюда, сюда, родной! не спотыкнись...

Ангусъ.

Пахнулъ въ лицо мнѣ вѣтеръ съ моря; слышу:
Въ ногахъ песокъ сталъ мельче. Берегъ это?
Марія, намъ и отдохнуть бы можно.

Марія.

Да, сядемъ здѣсь. (Помогаетъ Ангусу усѣсться).

Ангусъ.

Устала ты, дитя?

Марія.

Устала. (Садясь). Охъ, совсѣмъ разбита я.

Ангусъ.

Зачѣмъ же ты, голубка, такъ упорно
Идешь, идешь, и отдохнуть не хочешь!..
Захватитъ ночь насъ въ этомъ пустырѣ...
Попросимся къ сосѣднимъ рыбакамъ.

Марія.

Нѣтъ. Слышно, принцъ скитается здѣсь гдѣ-то,
Полуодѣтъ, безъ хлѣба, безъ пріюта.
Изъ Франціи корабль за нимъ идетъ...
О, еслибы увидѣть мнѣ его
Въ послѣдній разъ!

Ангусъ.

Останемся, коль хочешь.
Тебѣ, дитя, послушенъ я, хотя
Совсѣмъ, совсѣмъ ты не разумна. Осень:
И холодно и вѣтряно; тебѣ
Съ недѣлю вновь похуже стало что-то,
И чувствую, ручонка у тебя
Худа, горитъ... Ты кашляешь ночами...
И хоть бы ты поотдохнула!... Нѣтъ!
Въ отчаянье я прихожу порой;
Такъ больно мнѣ...

Марія.

Прости, прости, родимый:
Надеждами тебя баюкать страшно,
Не стану лгать,—недолго проживу!

Ангусъ.

Не хочешь жить ты, бѣдное дитя,
И горькое пророчество упорно
Твердишь, твердишь... Меня-то пожалѣй!...

Марія.

Какъ быть, родной?.. Не виновата я,
Что меркнетъ жизнь. Не самъ ли ты, бывало,
Говаривалъ, что я живу любовью
Къ Шотландіи. Надежда наша—принцъ
Разбитъ, бѣжитъ, отчизна гибнетъ, я...
Я, какъ огонь подъ снѣгомъ, угасаю.
Шотландіи не стало, что же жить?!
Предъ смертью я хотѣла бы, однако,
Еще взглянуть на юнаго героя,
Увѣриться, что онъ успѣлъ спастись.
Предсмертный часъ мнѣ легче пережить,
Отраднѣе, коль, съ палубы взирая
На тонущій родимый берегъ, онъ,
Поверхъ гребня шумящихъ волнъ, увидитъ,
Какъ я ему пошлю рукой—прощальный
Отъ горестной Шотландіи привѣтъ.

Ангусъ.

О, Господи! Я выростилъ ее
И я внушилъ..

Марія, сидѣвшая возлѣ дѣда, мало по малу спустилась на землю и стала на колѣни, прижимаясь къ Ангусу.

Марія.

Какъ холодно, родной мой,
Меня совсѣмъ пронизываетъ вѣтеръ.

Ангусъ.

Возьми мой плащъ, закутайся; онъ старъ,
Но въ немъ тепло.

Марія (кутаясь).

Спасибо!.. Вотъ и лучше.
О, добрый мой! прильну къ твоимъ колѣнямъ,
Твою ладонь подъ голову... Теперь
Шуми, волна, и вѣтеръ дуй, какъ знаетъ,
А я глаза закрою и сосну.

(Ангусъ подымаетъ воротникъ плаща, чтобы защитить голову Маріи отъ вѣтра. Въ то же время справа показывается принцъ, съ трудомъ переступая по скаламъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Принцъ, Ангусъ, Марія.

Принцъ (не замѣчая Ангуса и Маріи).

Дунканъ одинъ ушелъ на розыскъ;—я
Идти не могъ. (Садится). Какъ здѣсь пустынно! Ночь!..
Волна шумитъ и вѣтеръ поднялся!
Охъ, холодно! Дрожу, какъ въ лихорадкѣ...
И голодъ такъ мучителенъ... Заснуть?..
Куда бы здѣсь отъ вѣтра пріютиться?...
(Увидавъ Ангуса).
Но, кажется, тамъ кто-то есть? Бѣгу!...
Вездѣ враги!..
(Еще присматривается къ Ангусу).
Не двигается онъ...
Какъ будто старъ и немощенъ, и бѣденъ...
Всего-то я теперь бояться сталъ!..
О еслибъ мнѣ онъ хлѣба далъ... Спросить?..
О, Господи, велѣніемъ твоимъ
Отцы мои столѣтья управляли
Шотландіей! Стюарты, коль за гробомъ
Вамъ памятна людская спесь... Краснѣйте,—
Потомокъ вашъ о хлѣбѣ проситъ.
(Подходя къ Ангусу, громко). Дѣдъ!

Ангусъ (выходя изъ забытья).

Въ чемъ дѣло?

Принцъ.

Другъ, ты видишь—бѣденъ я,
И голоденъ—дай хлѣба, Бога ради.

Ангусъ.

Ну,—видѣть я не вижу—слѣпъ; а хлѣба
И у меня нѣтъ: нищій я.

Принцъ.

Стюарты,
У нищаго просилъ я подаянья!
(Какъ бы вспоминая).
Но этотъ взглядъ потухшій...

Ангусъ (также).

Голосъ этотъ...

Принцъ.

Ты Ангусъ?

Ангусъ.

Да. Неужли принцъ?. О, Боже!

Принцъ.

Не первый ли мое ты знамя поднялъ!..

Ангусъ.

А вотъ теперь и въ хлѣбѣ отказалъ!..

Принцъ.

Ты армію, престолъ мнѣ далъ когда-то...

Ангусъ.

Сегодня же куска подать не могъ!

Принцъ.

Шотландіей все отдано мнѣ. Что же
Осталось ей въ замѣну?..

Ангусъ (скидывая плащъ съ Маріи).

Умереть
Отъ скорбныхъ слезъ... Взгляни!!.

Принцъ.

Марія? Боже!

Марія (просыпаясь).

Кто звалъ меня?.. А я сейчасъ заснула,
И чудный сонъ приснился: ясный день,
Сіяетъ все—какъ бы надеждой дышетъ...
И вдругъ изъ водъ выходитъ онъ—герой,
Съ своей звѣздой брильянтовой на шеѣ;
Меня беретъ въ объятья, сердце къ сердцу,
И чувствую: горячій поцѣлуй
На лбу моемъ уста запечатлѣли!..
О, сладкій сонъ! Зачѣмъ проснулась я!..

(Говоря, Марія поднялась было, но пошатнулась отъ слабости. **Принцъ** поддерживаетъ ее въ своихъ объятіяхъ).

Принцъ.

Что скажешь ты, когда узнаешь, кто
Тебя теперь въ объятьяхъ держитъ?

Марія (взглянувъ на принца).

Онъ!

(Бросается передъ нимъ на колѣни. Карлъ-Эдуардъ подымаетъ ее).

Принцъ.

О, на груди останься у меня.
Сравняла насъ суровая невзгода...
И даже нѣтъ!—Сегодня ты судьею
Мнѣ можешь быть: я чувствую, дитя,
Въ тебѣ еще отчизны сердце бьется,
Хотя оно и ранено смертельно.
Скажи, скажи: простить ли мнѣ она?

Марія.

Шотландія судить тебя не можетъ,
Она тебя любила горячо.

Принцъ.

Ее въ печаль повергъ я...

Марія.

Не въ унынье!

Принцъ.

Я на нее тяжелыя гоненья
Навелъ.

Марія.

Она тебѣ отпуститъ все!

Принцъ.

Такъ много я напрасной крови пролилъ...

Марія.

Почтитъ она несчастіе героя.

Принцъ.

Она меня глубоко ненавидѣтъ
И клясть должна...

Марія.

Она глубоко любитъ!

Ангусъ.

Повѣрить ей ты можешь. Это голосъ
Шотландіи. Съ душою примиренной
Покинешь ты родные берега...
Къ изгнанію могила милосердна!

Принцъ.

Изгнаніе! Я съ нимъ давно знакомъ;—
Тяжелыхъ дней несчетный рядъ, и съ каждымъ

Туманнѣе виднѣется надежда...
Такъ въ сумеркѣ вечернемъ исчезаютъ
Отъ берега отплывшія суда!

Марія.

О, ты въ краяхъ съ роскошною природой
Шотландію, конечно, не забудешь;
Достойное и преданное сердце
Отраднѣе, чѣмъ солнце юга грѣетъ!
Въ Италіи и Франціи не разъ
Вздохнешь въ тиши благоуханной ночи
По сѣверѣ холодномъ и суровомъ:
И здѣсь луна туманы разсѣваетъ,
На гладь озеръ льетъ мягкіе лучи,
Окрестныя деревья освѣщая,
Вершины горъ, покрытыя снѣгами,
И дикихъ козъ пугливыя стада...
Но слышатся—чего на югѣ нѣтъ—
Изъ хижины убогой доносясь,
Печальные напѣвы якобитовъ.
Глубокою, прозрачною лазурью
Чужихъ небесъ любуясь,—наше небо,
И нашу ночь, и звукъ родной волынки,
Откуда-то несущійся, вспомянешь.
Тогда себѣ скажи ты въ утѣшенье,
Что любимъ мы изгнанника, который,
Внявъ родины священному призыву,
Явился къ ней, и въ полѣ боевомъ
Преданія оставилъ чести, славы—
Сокровища, которыя цѣннѣе
Иныхъ побѣдъ. И гдѣ бы ни былъ ты,
Съ тобою, знай, сердца шотландцевъ крѣпко
Сроднилися; въ часы невзгоды помни,
Что горецъ нашъ на эшафотѣ даже
Про юнаго вождя и государя
Съ горячею любовью поминаетъ.

Принцъ.

О, Господи, какъ, чѣмъ отвѣчу я
На эту рѣчь любви и утѣшенья!
И радостно, и больно... Слезы льются...

Марія (обнимая Принца).

Позволь отдать тотъ чистый поцѣлуй,
Которымъ ты со мною обручился!

Принцъ (цѣлуя ее).

Марія.

Ангусъ.

Принцъ, тебѣ ея устами
Шотландія душою отдается...
Священное храни воспоминанье
Объ этомъ днѣ до гроба.

Принцъ (замѣтивъ, что Марія въ полномъ изнеможеніи опустилась на его руку).

Боже мой,
Что съ ней? Старикъ, ей дурно... Помоги!
Несчастное, прекрасное дитя!
И такъ блѣдна, глаза полузакрыты...

Ангусъ.

Шотландія погибла... и Марія!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже и Дунканъ.

Дунканъ (поспѣшно входя справа).

Спѣшите, принцъ! друзья всѣ въ сборѣ! шлюпки
Причалили у бухты, а корабль
Стоитъ вблизи... скорѣй, вы спасены.

Принцъ (указывая на Марію).

Но какъ ее оставить!.. погляди,
Какъ мертвая!

Дунканъ.

О ней не безпокойтесь,
Съ ней старый дѣдъ... Друзья у веселъ ждутъ,
И лишній мигъ всѣхъ можетъ погубить!
Того гляди, нагрянутъ англичане.

Марія (принцу).

Молю, иди!

Принцъ (увлекаемый Дунканомъ).

Шотландія, прощай!
Прощай, прощай, Марія!

(Уходитъ съ Дунканомъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ангусъ, Марія.

Марія.

Наконецъ.
Ушелъ! его спасутъ они, не правда ль?
Какъ холодно!.. Родимый, обними,
Держи меня... Одинъ ты остаешься!..
Охъ, тяжко мнѣ! Конечно, съ корабля,
Принявъ его, дадутъ сигнальный выстрѣлъ?.
Задохнусь я... Родной мой, поцѣлуй!..
О, Господи, не дай мнѣ умереть,
Пока для нихъ опасность не минуетъ!
Спаси его, спаси, Святая Дѣва!..
Какъ медленно они гребутъ... Скорѣе!

(Раздается вблизи пушечный выстрѣлъ).

Спасенъ!... Прощай!..

(Падаетъ мертвою на руки Ангуса).

Ангусъ (опускаясь на колѣни передъ трупомъ).

Скончалася.!.
О, Боже!

(Долго цѣлуетъ ее въ лобъ).

Духъ праведной прими и упокой!

ИЗЪ СЫРОКОМЛИ.

(ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ).

I.

Вотъ слетѣлъ на землю юный, свѣтлый май—
И она въ роскошный обратилась рай;
Воды, лѣсъ и небо о́жили опять,
Всюду ароматы, миръ и благодать;
Сбросила природа тяжкій зимній гнетъ,
Все цвѣтетъ, сіяетъ, любитъ и поетъ;
Мѣсяцъ свѣтитъ съ неба золотымъ лучемъ,
Соловей защелкалъ подъ моимъ окномъ...
О, поэтъ крылатый, чародѣй лѣсной,
Пой ты безъ умолку въ тишинѣ ночной,
Утѣшай печальныхъ пѣснею своей,
Про любовь и радость пой намъ, соловей!
Воскреси надежду ты въ сердцахъ людскихъ,
Зимніе морозы остудили ихъ;
Слезы всѣ замерзли и застыла кровь—
Пусть растаютъ слезы и польются вновь.
О, поэтъ крылатый, пташка-чародѣй,
Пѣснею своею грудь мою согрѣй!
Пой ты безъ умолку въ тишинѣ ночной,
Возврати мнѣ слезы и восторгъ былой.
Лучше мнѣ жилося въ прежніе года,
Легче бремя горя я сносилъ тогда;
Въ юномъ свѣжемъ сердцѣ била жизнь ключемъ,
Очи молодыя искрились огнемъ;
Коль страдать, бывало, не хватаетъ силъ—
Я въ слезахъ отраду часто находилъ,
Счастіе встрѣчалъ я радостной слезой,
Пѣлъ, любилъ и плакалъ заодно съ тобой.
Но прошло то время, я уже не тотъ:
Пѣсни, страсть и слезы обратились въ ледъ.

О, поэтъ крылатый, чародѣй лѣсной,
Пой ты безъ умолку въ тишинѣ ночной,
Духъ мой утомленный пѣсней пробуди,
Память дней минувшихъ оживи въ груди.
Счастье принеси мнѣ, ты, весны пророкъ,
Пусть, какъ майскій дождикъ, хлынетъ слезъ потокъ:
О, поэтъ крылатый, чародѣй лѣсной,
Я отъ слезъ тѣхъ сладкихъ оживу душой.

II.

Все зазеленѣло: горы и долины,
Распустилась яблонь и цвѣты рябины;
«Хорошо весною,—повторяютъ люди,—
Радуются взоры, легче дышутъ груди».
Больно мнѣ, завидно слушать рѣчи эти,
Тѣмъ, кто радъ веснѣ такъ,—славно жить на свѣтѣ...
Братья, я бы тоже любовался съ вами
Свѣжею листвою, первыми цвѣтами,
Да слезой горючей мнѣ повыжгло очи,
Льются мои слезы, льются дни и ночи;
Мнѣ тоска-злодѣйка не даетъ покою...
Вышелъ бы я въ поле раннею порою
Съ жаворонкомъ вмѣстѣ помолиться Богу,
Посмотрѣть, какъ всходитъ солнце понемногу—
Да не тотъ я пахарь бодрый, какъ бывало,
Мнѣ ходить за плугомъ силушки не стало;
Все то разлюбилъ я, все-то мнѣ не мило,
Жаркая молитва на̀ сердцѣ застыла...
На коня вскочить бы и помчаться въ поле,
Можетъ, я бъ размыкалъ грусть свою на волѣ—
Да въ моемъ любимцѣ нѣтъ огня былаго,
Словно подмѣнилъ кто мнѣ коня лихаго:
Чуть плетется шагомъ, да и то насилу,
Словно трупъ хозяйскій онъ везетъ въ могилу...
Къ людямъ ли пойду я—всѣмъ-то недосужно,
Знать, чужое горе никому не нужно,
Непонятна людямъ, вѣдь, печаль чужая...
Ахъ, возьми меня ты, мать земля сырая!..

В. Н—ая.

РАЗСКАЗЫ ЗАХЕРЪ - МАЗОХА.

I.

Битва подъ Гдовомъ.

Это было вечеромъ, 23 февраля 1846 года. Собравшись въ нашемъ домѣ, въ Львовѣ, мы всѣ находились подъ сильнымъ впечатлѣніемъ совершавшихся въ то время событій. Революція, которую можно было предвидѣть уже задолго до того времени, только что вспыхнула. Отецъ мой, начальникъ полиціи, тщетно предостерегалъ отъ угрожавшей опасности эрцгерцога Фердинанда, намѣстника Галиціи, съ недовѣріемъ относившагося ко всѣмъ подобнымъ указаніямъ. Недальновидный и опрометчивый, притомъ занятый гораздо болѣе ухаживаньемъ за прекрасной княгиней Соплицкой, нежели управленіемъ ввѣреннаго ему края, эрцгерцогъ, въ своихъ донесеніяхъ императору и депешахъ Меттерниху, называлъ возраставшее волненіе безвредной агитаціей незначительной демократической партіи. Каково же было его изумленіе, когда оказалось, что польское дворянство почти поголовно взялось за оружіе и стало во главѣ революціоннаго движенія, направленнаго противъ австрійскаго владычества.

Впрочемъ, сельское населеніе оставалось, какъ было извѣстно, на сторонѣ правительства, во всякомъ случаѣ старавшагося объ улучшеніи его участи; въ Тарновѣ, напримѣръ, крестьяне, съ одними косами и цѣпами, выступили противъ инсургентовъ, перебили ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ, а остальныхъ связали и обезоружили. Но вслѣдъ за такимъ успокоительнымъ извѣстіемъ разнеслись и тревожные слухи. Генералъ Коллинъ вынужденъ былъ очистить Краковское княжество и отступилъ до Водовицъ, тогда какъ инсургенты съ боя заняли Величку, угрожая и Бохнѣ. Говорили, что польская армія насчитываетъ до 20,000 человѣкъ, что она перешла въ наступ-

леніе по всей линіи и что, въ то же время, началась партизанская война и въ Карпатахъ, гдѣ возставшіе, подъ предводительствомъ ксендза Кметовича, овладѣли Хохаланомъ, Витовомъ и Дзяничемъ.

Вскорѣ мы узнали, что возстаніе вспыхнуло уже повсемѣстно и что правительство,—какъ съ искреннимъ огорченіемъ передавалъ отецъ,—рѣшило совершенно очистить восточную Галицію, отведя къ берегамъ Савы всѣ гарнизоны, разставленные по городамъ и мѣстечкамъ. Мы считали себя погибшими и видѣли одно спасеніе въ бѣгствѣ, когда, уже поздно ночью, къ намъ прибылъ Бенедекъ, будущій герой Мортары и Санъ-Мартино, несчастный полководецъ въ войну съ Пруссіей 1866 года. Въ то время Бенедекъ былъ полковникомъ и адъютантомъ эрцгерцога Фердинанда; дружески привязанный къ моему отцу, онъ явился успокоить всѣхъ насъ, и мы приняли его съ радостью и надеждой.

Бенедекъ имѣлъ всѣ свойства истиннаго воина, но не былъ героемъ по наружности. Въ его небольшой, суховатой, нервной фигурѣ не доставало силы и въ лицѣ, съ орлинымъ носомъ и закрученными по венгерски усами, только глаза блестѣли отвагой и энергіей. Въ эту минуту общаго унынія и растерянности, не видя кругомъ ни одного человѣка, энергія и распорядительность котораго стояли бы на высотѣ положенія, Бенедекъ выпросилъ у намѣстника разрѣшеніе, — которое дано было, однако, лишь послѣ долгихъ колебаній, — отправиться къ самому центру возстанія, чтобы познакомиться съ истинными его размѣрами и попытаться сдѣлать что возможно для борьбы со зломъ.

Повѣрьте, другъ мой Захеръ,—говорилъ Бенедекъ, разставаясь съ отцомъ, — меня запугать труднѣе, чѣмъ генерала Коллина. Если борьба съ возстаніемъ еще возможна, я начну ее безъ колебаній. Быстрота и рѣшимость—однѣ могутъ спасти насъ, и я во всякомъ случаѣ дамъ сраженіе, хоть только для того, чтобы не отступать такъ позорно передъ бунтовщиками!

И голосъ его дрожалъ отъ волненія, глаза блестѣли, маленькая фигурка словно преображалась и выростала.

— А ты, — обратился онъ ко мнѣ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, чтобъ успокоиться, — не хочешь ли ѣхать вмѣстѣ со мною?

Мое маленькое сердце билось въ одинъ тактъ съ этимъ храбрецомъ и, вмѣсто отвѣта, я бросился къ моему ружью— первому не игрушечному, подаренному мнѣ отцомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—остановилъ меня Бенедекъ.—Теперь еще рано. Останься съ матерью и защищай свою семью. Впослѣдствіи намъ еще придется сдѣлать вмѣстѣ не одну кампанію.

Эти слова оказались пророческими: я участвовалъ въ двухъ кампаніяхъ подъ его предводительствомъ.

Бенедекъ выступилъ въ ту же ночь, отправившись прямо туда, гдѣ опасность болѣе всего угрожала. Вечеромъ, 25-го февраля, онъ былъ уже въ Бохнѣ, которую только что рѣшено было оставить, отступая все далѣе. Здѣсь съ увѣренностью говорили, что въ Величкѣ у инсургентовъ 10,000 войска, съ превосходною артиллеріею, тогда какъ правительственныхъ войскъ насчитывалось въ Бохнѣ только семь ротъ пѣхоты и шесть взводовъ легкой кавалеріи — всего, значитъ, гораздо менѣе тысячи человѣкъ. Опасность положенія увеличивали еще тѣми соображеніями, что въ городской тюрьмѣ находилось много захваченныхъ передъ тѣмъ инсургентовъ, что симпатіи мѣстнаго населенія на сторонѣ возставшихъ и что, наконецъ, на вѣрность солдатъ, среди которыхъ немало поляковъ, нельзя вполнѣ положиться.

Вѣрилъ ли Бенедекъ, или нѣтъ всѣмъ этимъ зловѣщимъ слухамъ и малодушнымъ совѣтамъ, но онъ немедленно же отправилъ къ генералу Коллину предложеніе, вмѣсто отступленія, итти впередъ ему на подмогу, а самъ, оставивъ часть отряда для охраны Бохны, смѣло двинулся къ Величкѣ, на встрѣчу инсургентамъ, имѣя съ собою всего лишь 320 человѣкъ пѣхоты, 170 кавалеріи и ни одного орудія. Вскорѣ, однако, незначительныя его силы были подкрѣплены мѣстными крестьянами, которые по пути присоединялись къ отряду, вооруженные чѣмъ попало и горѣвшіе желаніемъ не поддерживать, разумѣется, монархическій принципъ, но просто схватиться съ ненавистными имъ панами, предводительствовавшими возстаніемъ. Отъ этихъ крестьянъ Бенедекъ узналъ, что польское войско стянуто въ направленіи къ Гдову и потому, оставивъ лѣвѣе большую дорогу къ Величкѣ, самъ направился къ сказанному мѣстечку, куда, дѣйствительно, еще наканунѣ собрались инсургенты. Когда оказалось, такимъ образомъ, что столкновеніе близко и неизбѣжно, Бенедекъ отправилъ къ эрцгерцогу Фердинанду извѣстное свое письмо, въ которомъ были, между прочимъ, эти строки, дышащія непоколебимой энергіей:

„Я выступилъ противъ непріятеля, силы котораго мнѣ неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ превосходятъ тѣ, что въ моемъ распоряженіи. Конечно, это меня не останавливаетъ, и я буду драться, такъ какъ считаю это своею обязанностью. Бросить беззащитную Бохну и дозволить инсургентамъ свободно владѣть цѣлымъ округомъ—значило бы не думать ни объ отечествѣ, ни о собственной чести и достоинствѣ. Я почти увѣ-

ренъ въ успѣхѣ, но если и нѣтъ, то все же буду сопротивляться, покуда хватитъ силъ. Уступить врагу безъ боя постыдно; пасть въ бою за родину — славная смерть солдата, а покидать трусливо поле битвы меня не учили. Что бы потомъ меня ни ждало, какъ бы ни порицали мое рѣшеніе, но я буду драться: это мой долгъ, и я исполню его до конца".

Начальникъ польскаго войска, генералъ Захежевскій, назначилъ своей главной квартирой небольшой загородный домъ около Гдова. Въ то время какъ въ парадныхъ комнатахъ молодое офицерство играло въ карты, распѣвало патріотическія пѣсни и чаще, чѣмъ было бы полезно, произносило кровавые тосты, запивая ихъ виномъ (въ которомъ, кстати сказать, у инсургентовъ никогда не было недостатка), болѣе опытные и солидные вожди собрались на военный совѣтъ въ отдаленной комнаткѣ. На совѣтъ этотъ, въ виду его несомнѣнныхъ заслугъ для дѣла и огромнаго вліянія среди повстанцевъ, приглашена была и знаменитая Юзефа Налишерская, до фанатизма преданная дѣлу возстанія, отдавшая на него все состояніе, беззавѣтно служившая ему своимъ вліяніемъ, связями... даже своей красотой, какъ прибавляли злые языки. Въ голубой амазонкѣ, въ красномъ ментикѣ на мѣховомъ подбоѣ и традиціонной конфедераткѣ, ухарски нахлобученной на дѣйствительно красивой головкѣ, она была хороша какою-то злобной, полуфантастической красотой.

Въ восемь часовъ утра раздался первый выстрѣлъ. Авангардъ Бенедека, состоявшій изъ нѣсколькихъ кавалеристовъ, наткнулся на передовой постъ непріятеля, выставленный къ сторонѣ Бохны. Обмѣнявшись выстрѣлами, кавалеристы отступили, но одинъ изъ нихъ завязъ вмѣстѣ съ лошадью въ наполненной снѣгомъ канавѣ и былъ взятъ въ плѣнъ. Перестрѣлка эта встревожила все польское войско, и Захежевскій расположилъ свои главныя силы позади Гдова, оставивъ въ послѣднемъ лишь входившій въ составъ арміи кавалерійскій отрядъ.

Въ то же время дѣлалъ свои распоряженія и Бенедекъ. Направивъ конницу для занятія Гдова, а сопровождавшія его войско толпы крестьянъ расположивъ по дорогѣ въ Величку, чтобы отрѣзать инсургентамъ отступленіе въ эту сторону, онъ самъ, съ оставшейся у него пѣхотой, прямо двинулся въ аттаку на повстанское войско.

По умно обдуманному плану революціоннаго комитета, женщинамъ возстанія назначена была особая роль. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ ту самую ночь, какъ рѣшено было поднять знамя бунта, заранѣе были назначены балы въ наиболѣе вид-

ныхъ домахъ польскаго дворянства. Всѣ австрійскія власти и, главнымъ образомъ, офицеры, были приглашены на эти балы и женщинамъ предстояло, усиленно кокетничая съ своими кавалерами, отвлекать ихъ вниманіе до той поры, когда, по условленному заранѣе сигналу, въ залы ворвутся возставшіе и всѣ австрійцы будутъ перебиты. Наиболѣе предпріимчивыя изъ дамъ запаслись даже спрятанными въ складкахъ бальныхъ туалетовъ кинжалами, чтобы принять и личное участіе въ кровавой расправѣ съ врагами „ойчизны". Однако, какъ разъ наканунѣ умеръ герцогъ Моденскій, родственникъ австрійскаго дома; при дворѣ наложенъ былъ трауръ и въ силу этого австрійцы не могли принять участія въ назначенныхъ балахъ, которые и были отмѣнены.

Захваченный повстанцами кавалеристъ былъ приведенъ въ находившуюся при въѣздѣ въ Гдовъ жидовскую корчму и красавицѣ Юзефѣ вздумалось отмстить на немъ за случившуюся такъ некстати смерть герцога, которая спасла столькихъ австрійцевъ и тѣмъ во многомъ способствовала неудачѣ возстанія. Юзефа приказала повѣсить солдата и сама набросила на его шею веревочную петлю своими нѣжными ручками. Но какъ разъ въ этотъ моментъ авангардъ Бенедека ворвался въ Гдовъ и инсургенты поспѣшно отступили къ главнымъ своимъ силамъ. Юзефа дождалась однако, когда солдатъ былъ повѣшенъ, и вскочила на коня, лишь насладившись агоніей несчастнаго. Тѣмъ временемъ, Бенедекъ аттаковалъ уже польскую пѣхоту, и послѣ недолгаго сопротивленія ряды повстанцевъ стали колебаться. Смятеніе еще увеличилось отъ прискакавшей въ безпорядкѣ изъ Гдова кавалеріи, по пятамъ преслѣдуемой конницею Бенедека, а когда стоявшіе на дорогѣ въ Величку крестьяне не выдержали и хотя самовольно, но какъ нельзя болѣе кстати, ударили на поляковъ съ тылу, послѣдніе окончательно смѣшались и бѣжали въ полномъ разстройствѣ. Немногіе, однако, успѣли спастись: большинство было перебито озлобленными крестьянами.

Бенедекъ, замѣтивъ въ числѣ избиваемыхъ инсургентовъ много молодежи, едва вышедшей изъ дѣтскаго возраста, бросился въ середину схватки съ крикомъ: „не бейте дѣтей!" и ударами шпаги плашмя старался разогнать крестьянъ,—но все было тщетно, и цвѣтъ польской молодежи погибъ подъ дубинами презираемыхъ ею „хлоповъ", мстившихъ за многовѣковое рабство и униженіе. Замѣчательно, что удары наносились полякамъ преимущественно по головамъ и когда Бенедекъ, уже послѣ сраженія, спросилъ крестьянъ, почему они это дѣлали,—ему серьезно отвѣчали: „чтобъ не портить хорошаго платья"....

Послѣ Гдовской битвы, другихъ сраженій съ возставшими уже не происходило. Революція была подавлена—Бенедекъ спасъ Галицію.

Столкновеніе подъ Гдовомъ вполнѣ заслуживаетъ названія битвы, если не по размѣрамъ, то по своимъ послѣдствіямъ: она сразу потушила возстаніе, которое иначе могло разгорѣться до огромныхъ размѣровъ. И все это сдѣлала рѣшимость и энергія одного человѣка. 23 февраля эрцгерцогъ Фердинандъ рѣшилъ уже вовсе очистить Галицію, въ виду того, что, какъ говорили, 20,000 инсургентовъ шли на Лембергъ; 25 числа Бенедекъ былъ въ Бохнѣ и получилъ свѣдѣнія, что повстанцы въ Величкѣ, но что число ихъ доходитъ лишь до 10,000; не смотря на то, онъ отправился имъ на встрѣчу, имѣя подъ своей командой всего 500 человѣкъ, а послѣ столкновенія оказалось, что число инсургентовъ немногимъ превышало одну тысячу. И заслуга Бенедека, разумѣется, не въ томъ, что онъ уничтожилъ незначительный непріятельскій отрядъ, хотя и имѣлъ вдвое меньшія силы, но въ томъ, что онъ не колебался въ минуту опасности, не далъ испугать себя преувеличенными слухами о могуществѣ непріятеля и смѣло пошелъ ему на встрѣчу, справедливо предпочтя отважное нападеніе трусливой оборонѣ.

Склонность къ наступательной тактикѣ вообще была основнымъ принципомъ всей военной дѣятельности Бенедека: она сдѣлала его героемъ двухъ кампаній—итальянской 1848 года, подъ начальствомъ Радецкаго, и венгерской, подъ предводительствомъ Гайнау: она дала ему побѣду въ сраженіяхъ при Мортарѣ и при Аксѣ.

И если тотъ же генералъ, съумѣвшій, тотчасъ вслѣдъ за Сольферинскимъ погромомъ, разбить всю итальянскую армію въ битвѣ при Санъ-Мартино, былъ такъ несчастливъ въ прусскую кампанію 1866 года, то въ этомъ слѣдуетъ винить какъ только что введенное у пруссаковъ игольчатое ружье, дававшее имъ громадный перевѣсъ надъ вооруженіемъ австрійцевъ, такъ, главнымъ образомъ, и то, что Бенедекъ далеко не былъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и зависѣлъ отъ приказаній, получаемыхъ имъ изъ Вѣны. Австрійское правительство, никогда не умѣвшее ничему научиться изъ прежнихъ своихъ неудачъ и несчастій, и въ эту кампанію повторило свою постоянную ошибку, заставляя полководцевъ дѣйствовать по указаніямъ военнаго министерства или самого императора. Бенедеку предписана была строго оборонительная тактика и формально запрещено переходить въ наступленіе, не испросивъ на то предварительно разрѣшенія. Но и въ такой подчиненной роли онъ

выказалъ, насколько могъ, свой военный талантъ. Поле битвы подъ Садовой было внимательно имъ изучено и, благодаря вполнѣ цѣлесообразнымъ распоряженіямъ, превосходная числомъ и вооруженіемъ армія принца Фридриха-Карла дрогнула и смѣшалась въ центрѣ и на флангахъ. Король прусскій хотѣлъ уже дать знакъ къ общему отступленію, и только появленіе корпуса наслѣднаго принца въ тылу австрійцевъ вырвало изъ рукъ ихъ почти несомнѣнную побѣду. Но и тутъ Бенедекъ не пришелъ въ отчаяніе, продолжая мужественно бороться, и я какъ теперь вижу его на конѣ, съ вѣчной сигарой въ зубахъ, съ усталымъ, но внимательнымъ видомъ, въ то время какъ непріятельскія пули свистали вокругъ него. Онъ хотѣлъ продолжать битву, бросивъ на отступавшую уже армію Фридриха-Карла всѣ свои свѣжіе еще резервы, но другіе генералы возстали противъ этого; вмѣсто того чтобы дѣйствовать, послана была въ Вѣну телеграмма съ вопросомъ—какъ слѣдуетъ поступать дальше, а когда получился отвѣтъ, сраженіе было проиграно уже безвозвратно.

Но мы всѣ, видѣвшіе дѣло близко, своими глазами, хорошо знаемъ, что если битва и была выиграна пруссаками, то проигралъ ее не Бенедекъ.

II.

Ѳедосья.

Лѣтомъ, въ деревнѣ, я пользовался полной свободой. Нашъ домъ расположенъ былъ среди большаго, полузапущеннаго сада, бывшаго любимымъ мѣстомъ моихъ прогулокъ. Но часто бродилъ я и по дикимъ, пустыннымъ окрестностямъ, съ ружьемъ за плечами, обыкновенно, впрочемъ, и не заряженнымъ, мечтая, фантазируя, мысленно представляя себя героемъ тысячи самыхъ разнообразныхъ приключеній.

Въ одно воскресенье, мнѣ вздумалось дойти до сосѣдней корчмы,—посмотрѣть, какъ танцуютъ крестьяне. На порогѣ корчмы стояла дочь жида-шинкаря въ пестромъ костюмѣ стариннаго покроя, съ жемчужнымъ ожерельемъ и браслетами. Она была красива, и я невольно засмотрѣлся на нее, хоть и былъ почти еще ребенокъ.

— Что вы такъ смотрите на меня, молодой баринъ? спросила она, улыбаясь.

Я покраснѣлъ и отвернулся.

— Лучше подите, полюбуйтесь на Ѳедосью Барбарову,—вотъ это такъ красавица!

Я вошелъ въ корчму. Четыре жида-музыканта наигрывали

плясовой мотивъ на своихъ визгливыхъ инструментахъ, и деревенская молодежь плясала съ увлеченіемъ. Танцоры такъ сильно стучали по полу тяжелыми сапогами, что пыль стояла въ широкой, низкой комнатѣ, какъ густой туманъ. Но и среди этой толкотни и пыли я сразу же замѣтилъ поразительно красивое лицо молодой крестьянки, голубые глаза которой свѣтили, казалось, особымъ блескомъ, а роскошная фигура и гордая поступь принадлежали скорѣе какой-то царицѣ.

— Вотъ она! указала мнѣ корчмарка, вошедшая вмѣстѣ со мною въ комнату.

Ѳедосья танцовала съ высокимъ парнемъ, лицо котораго носило отпечатокъ доброты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рѣшительности. Это былъ Ѳедоръ Король, ея любовникъ.

Вслѣдъ за мною, къ корчмѣ подъѣхалъ, верхомъ на лошади, молодой сосѣдній помѣщикъ Бардіу. Замѣтивъ Ѳедосью между другими танцующими, онъ соскочилъ съ коня и сталъ съ ней любезничать.

Ѳедоръ оставался, повидимому, спокоенъ, но ясно было видно, что онъ сердился; а когда красавица стала отвѣчать веселымъ смѣхомъ на любезности молодаго помѣщика, Ѳедоръ почти выбѣжалъ изъ корчмы, схватившись за ножъ, висѣвшій на его поясѣ.

Бардіу протанцовалъ даже съ Ѳедосьей и подарилъ ей красивый платокъ, который тутъ же купилъ у корчмарки, содравшей съ него истинно жидовскую цѣну. Затѣмъ онъ вскочилъ на лошадь и уѣхалъ, а Ѳедосья подошла къ окну и долго провожала его глазами.

Въ эту минуту подошелъ къ ней незамѣтно возвратившійся Ѳедоръ и съ силой схватилъ ее за руку.

— Что съ тобой? оставь, мнѣ больно! вскричала та съ испугомъ.

— Я убью тебя, если замѣчу еще разъ, что ты съ нимъ разговариваешь!

— А тебя повѣсятъ, возразила Ѳедосья, уже опомнившись отъ испуга и гордо поднявъ голову.

— О, не доводи меня до отчаянія! умоляющимъ тономъ прошепталъ Ѳедоръ.

— Что же я сдѣлала? съ раздраженіемъ произнесла дѣвушка. Мнѣ ужь нельзя ни съ кѣмъ говорить?.... Запретить ты мнѣ не можешь—такъ и знай это.

Ѳедоръ опустилъ глаза и не отвѣчалъ ни слова, а она весело разсмѣялась, обняла его и звучно поцѣловала.

Мѣсяца два спустя, я бродилъ съ нераздучнымъ ружьемъ и незамѣтно дошелъ до Обѣльницкаго замка. Садъ замка выходилъ на дорогу и въ немъ гуляла молодая женщина, красоту которой еще болѣе увеличивалъ роскошный костюмъ зеленаго бархата. Лицо этой красавицы, ея изящная фигура, роскошныя бѣлокурыя косы показались мнѣ знакомы, но кто она—припомнить я не могъ.

— Кто эта дама? спросилъ я у крестьянскаго мальчика, пасшаго корову на лугу у дороги.

— Это совсѣмъ не дама, отвѣчалъ онъ. Это просто Ѳедосья Барбарова. Какъ нашъ баринъ одѣлъ-то ее нарядно!...

Прошло еще нѣсколько времени, и я снова встрѣтилъ Ѳедосью. Я смотрѣлъ на работавшихъ въ полѣ обѣльницкихъ крестьянъ, когда она подъѣхала на лошади, гордая, прекрасная, имѣвшая видъ вовсе не крестьянки, но богатой владѣтельной помѣщицы. Она какъ будто хотѣла сдѣлать какое-то распоряженіе, отдать приказаніе, но изъ толпы крестьянъ вышелъ Ѳедоръ и, взявъ лошадь подъ устцы, повернулъ ее къ дорогѣ.

— Тебѣ нечего здѣсь дѣлать, глухо произнесъ онъ. Ужь не хочешь ли ты намъ приказывать? Поѣзжай лучше домой, скрой свой позоръ, если можешь.

Ѳедосья поблѣднѣла и поникла головой, но въ ту же минуту подняла хлыстъ и, стиснувъ зубы, ударила имъ Ѳедора по лицу. Лошадь рванулась въ сторону и поскакала по дорогѣ.

Въ слѣдующее же воскресенье была сдѣлана въ церкви окличка Бардіу и Ѳедосьи, а еще черезъ двѣ недѣли она повелѣвала всею Обѣльницею, какъ законная жена и хозяйка.

— Да поможетъ намъ Богъ! сказалъ Ѳедоръ, когда это событіе стало извѣстнымъ.—Всѣмъ будетъ худо, а какую она казнь придумаетъ мнѣ—ужь я и не знаю....

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ Ѳедоръ получилъ приказаніе явиться въ замокъ. Бардіу объявилъ ему, что молодая помѣщица назначила его въ дворню, быть въ личномъ ея услуженіи.

— Служи усердно, сурово произнесъ помѣщикъ, видимо противъ него предубѣжденный.—При первомъ же замѣчаніи барыни, я раздѣлаюсь съ тобой, какъ слѣдуетъ.

И Ѳедоръ сталъ слугою Ѳедосьи. Она обращалась съ нимъ, какъ съ рабомъ, била его хлыстомъ и не разъ жаловалась на него мужу, который расправлялся съ нимъ жестоко, какъ обѣщалъ.

Бѣднякъ безропотно и, повидимому, спокойно переносилъ преслѣдованіе, и только взгляды, которые онъ иногда бросалъ изподлобья на новую свою барыню, говорили, что есть ко-

нецъ всякому терпѣнью и что чѣмъ долѣе сдерживается душевная гроза, тѣмъ она вспыхиваетъ ужаснѣе и неудержимѣе. Поняла ли Ѳедосья смыслъ этихъ взглядовъ, или просто насытила свой гнѣвъ и злопамятство, но вскорѣ же она взяла вмѣсто Ѳедора другаго слугу, а его велѣла сдать въ солдаты.

Въ январѣ 1846 года, незадолго до того времени, какъ въ Галиціи вспыхнуло возстаніе, Ѳедоръ окончилъ срокъ службы и вернулся въ свою деревню. Человѣкъ неглупый, рѣшительный, къ тому же побывавшій въ военной службѣ, онъ сталъ пользоваться среди крестьянъ извѣстнымъ вліяніемъ. Помѣщикъ съ женой перестали его преслѣдовать и, повидимому, вовсе о немъ забыли; но Ѳедоръ помнилъ прежнее и избѣгалъ проходить мимо обѣльницкаго замка.

Между тѣмъ, въ народѣ все усиливалось какое-то глухое броженіе—предвѣстникъ скоро разразившагося возстанія. Появились неизвѣстные люди, подпаивавшіе крестьянъ и громко толковавшіе о свободѣ, общности имуществъ и о готовящихся важныхъ событіяхъ; всюду разсыпались и разбрасывались прокламаціи, то „Правда польскому народу“, то „Всѣмъ грамотнымъ полякамъ“; было извѣстно о нѣсколькихъ случаяхъ грубаго неповиновенія властямъ. Крестьяне, однако, туго поддавались новому движенію: они, не отказываясь, пили водку насчетъ таинственныхъ ораторовъ, охотно разбирали прокламаціи, изъ которыхъ тутъ же свертывали самодѣльныя трубочки для своего тютюна, но далѣе этого сочувствіе ихъ къ возстанію и руководившимъ имъ панамъ почти и не шло.

Въ замкѣ тоже происходило какое-то странное, плохо скрываемое движеніе, за которымъ Ѳедоръ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ. Кончилось тѣмъ, что онъ явился въ Лембергъ, къ начальнику округа, и передалъ ему, что въ Обѣльницу то и дѣло пріѣзжаютъ какіе-то подозрительные люди, что въ замокъ по ночамъ провозится оружіе и что дворовыми женщинами приготовлено уже большое количество патроновъ.

Начальникъ внимательно выслушалъ Ѳедора, поблагодарилъ его за преданность правительству и обѣщалъ принять мѣры къ предупрежденію готовящагося бунта. Однако, прежде чѣмъ онъ успѣлъ что либо сдѣлать, возстаніе уже вспыхнуло. 18 февраля, уже къ вечеру, въ замокъ прискакалъ какой-то всадникъ и вслѣдъ за тѣмъ Бардіу, вооруживъ всю дворню, вывелъ ее на село, къ корчмѣ. Здѣсь онъ произнесъ собравшимся крестьянамъ горячую рѣчь, приглашая ихъ присоединиться къ возстанію и обѣщая за то освобожденіе отъ барщины, удешевленіе соли и табаку и прирѣзку земли на каждое тягло.

Крестьяне недоумѣло переглядывались: рѣчь эта ихъ соблазняла, но они несовсѣмъ-то ей довѣряли.

— Не слушайте его, братцы! раздался изъ толпы мужественный голосъ Ѳедора. Мы не поляки, чтобы измѣнять императору. Кто жъ и угнеталъ насъ, какъ не наши паны? Они насъ и за людей не считали, обращались хуже, чѣмъ съ собаками.

— Молчи! крикнулъ ему съ угрозой помѣщикъ, наведя на него пистолетъ.

— Довольно намъ молчать,—на такое дѣло вы насъ не подобьете!....

Выстрѣлъ раздался, и Ѳедоръ съ глухимъ стономъ упалъ лицомъ въ снѣгъ.

Эта жестокость окончательно возмутила крестьянъ: они единодушною толпой набросились на бунтовщиковъ, и тѣ погибли подъ ихъ ударами вмѣстѣ съ помѣщикомъ, кромѣ немногихъ, умолившихъ о пощадѣ и тутъ же обезоруженныхъ и перевязанныхъ.

Убійство не только не утолило озлобленія крестьянъ, но еще болѣе расшевелило долго таившуюся въ нихъ ненависть ко всему, что́ называлось паномъ, называлось полякомъ. Раненый Ѳедоръ былъ бережно перенесенъ подъ навѣсъ и перевязанъ неумѣлыми, но заботливыми руками, а крестьяне бросились къ обѣльницкому за́мку—кто утолить свою мстительность, а кто просто пограбить, пользуясь обстоятельствами, подъ личиной преданности правительству.

Не буду описывать сценъ, происходившихъ въ за́мкѣ: народное возбужденіе всегда одинаково злобно и жестоко. Жену Бардіу, красавицу Ѳедосью, съ побоями дотащили до корчмы, чтобы здѣсь добить окончательно на глазахъ Ѳедора. Этимъ думали доставить послѣднему удовольствіе, зная, какъ преслѣдовала его помѣщица.

— Спаси, прости меня! воскликнула Ѳедосья въ мучительномъ страхѣ, бросившись къ ногамъ Ѳедора, который полулежалъ на подосланной кошмѣ, съ предсмертною блѣдностью на лицѣ.

Ѳедоръ долго и пристально смотрѣлъ на нее, точно желая навсегда запомнить и унести съ собою это прекрасное и досихъ поръ дорогое ему лицо. Крестьяне съ злобнымъ выраженіемъ стояли вокругъ, ожидая лишь знака Ѳедора, чтобы покончить съ своею жертвой.

— Не мнѣ судить тебя—какъ-то странно раздался вдругъ

среди молчанія слабый голосъ умирающаго. Я самъ сейчасъ предстану на судъ Всевышняго; честно исполнилъ я то, что́ считалъ своимъ долгомъ—прости меня Богъ, если я ошибался!... Злобы къ тебѣ я больше не питаю,—если тебѣ нужно мое прощеніе, я тебѣ его дарую.... Друзья мои! уже прошепталъ онъ. обращаясь къ окружавшимъ—оставьте ее, не мучьте; она не пани, она вѣдь наша и ни въ чемъ предъ вами не виновата...

Онъ замолкъ и уже мутнымъ взглядомъ все еще смотрѣлъ на Ѳедосью. Крестьяне сняли шапки, нѣкоторые утирали слезы, клянясь, что оставятъ Ѳедосью живою. Но Ѳедоръ ихъ не слышалъ: честная, кроткая душа его уже оставила свое тѣло.

А красавицу посадили на лошадь со связанными руками и вмѣстѣ съ другими захваченными бунтовщиками погнали въ Лембергъ, чтобъ сдать начальству. И Ѳедосья ѣхала среди проклятій и оскорбленій, въ разорванномъ богатомъ платьѣ, но гордая и красивая, какъ развѣнчанная царица.

БУДНИ.

Ни даже зло, ни даже мука!
А просто мелкій, жалкій вздоръ:
Тупая пошлость, немощь, скука...
И это жизнь,—весь этотъ соръ?
И съ этимъ долженъ я брататься?
Въ подобной лужѣ быть волной?
Грошовыхъ выгодъ добиваться
То ловкой сдѣлкой, то борьбой?..
О, нѣтъ! Охотно и съ улыбкой
Предоставляю ихъ другимъ;
Я въ этотъ міръ забрелъ ошибкой,
И тороплюсь—проститься съ нимъ.

Ѳ. Ремеръ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

«Заговоръ Флокэ»; буланжисты и монархисты; въ чемъ опасность положенія?—Политическіе скандалы; довѣрчивость публики и ея причины.—Французскіе общественные нравы.—Ошибки правящей партіи.—Манифестація 2-го декабря и ея характеръ.

Парижъ, 23 ноября (ст. стиля).

Проснувшись въ одно прекрасное утро, Франція съ изумленіемъ узнала изъ буланжистскихъ и монархическихъ газетъ, что она стоитъ наканунѣ цѣлаго государственнаго переворота, — что правительство собирается заарестовать всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ представителей буланжизма и реакціи и приготовило уже для нихъ мѣсто въ нѣсколькихъ центральныхъ провинціальныхъ тюрьмахъ. Буланжэ и Поль де-Кассаньякъ съ пресерьезнѣйшимъ видомъ увѣряли, что они оба имѣютъ на этотъ счетъ самыя точныя и достовѣрныя свѣдѣнія и что если замыселъ Флокэ не будетъ приведенъ въ исполненіе — такъ только вслѣдствіе того, что они во время разоблачили его. «Достовѣрныя» свѣдѣнія Буланжэ и Кассаньяка оказались, разумѣется, по меньшей мѣрѣ «преждевременными»; но самый фактъ публикаціи ихъ и особенно тотъ шумъ, который по ихъ поводу подняла буланжистско-монархическая пресса, ясно показываютъ, какую тревогу и какого рода опасенія вызываютъ въ буланжистскомъ лагерѣ все болѣе и болѣе враждебное отношеніе къ нему республиканцевъ и рѣзкій тонъ извѣстной части республиканской прессы. Жоржъ Рейнахъ въ «République Francaise» давно уже началъ трубить о новомъ «заговорѣ Катилины» и о необходимости примѣнить къ буланжистамъ требованіе «строгаго, но справедливаго закона», обвиняя теперешнее министерство—за его слишкомъ либеральную политику по отношенію къ буланжистамъ—въ томъ, что оно не хо-

четъ или не можетъ защищать республику отъ происковъ ея злѣйшихъ враговъ. Но сначала онъ въ прессѣ представлялъ явленіе болѣе или менѣе одинокое: его никто не останавливалъ, но не считалъ нужнымъ и поддерживать. Чѣмъ больше однако же развивалось буланжистское движеніе, чѣмъ серьезнѣе становилось положеніе дѣлъ, тѣмъ больше рѣзкій тонъ офиціальнаго органа оппортунизма находилъ себѣ сочувствія и въ прессѣ, и въ обществѣ, и въ настоящее время требованія крутой расправы съ буланжистами раздаются ужъ даже со стороны нѣкоторыхъ изъ наиболѣе передовыхъ фракцій республиканской партіи. Среди французской демократіи еще слишкомъ живы воспоминанія о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались ея представители при прежнихъ режимахъ,—о томъ, какъ при Наполеонѣ III ихъ за мало-мальски рѣзкую статью, за каждое неосторожное слово упрятывали въ тюрьму, обрекали на изгнаніе, и потому ее начинаетъ уже выводить изъ себя широкая терпимость третьей республики, которая допускаетъ существованіе антиконституціонныхъ партій, позволяетъ монархистамъ и буланжистамъ открыто добиваться ниспроверженія существующаго режима, лишь бы только они пользовались для этого одними легальными средствами, т. е. пропагандой въ прессѣ и на народныхъ собраніяхъ и избирательной борьбой. Къ тому же буланжисты съ своими интригами, своими бурными манифестаціями внесли въ общественную жизнь такую страшную рознь и путаницу, производятъ такое вредное вліяніе на общественные нравы, грозятъ такими серьезными опасностями не только республикѣ, но и самой Франціи, что въ извѣстной, довольно значительной части демократіи накипаетъ, наконецъ, страстное желаніе такъ или иначе, но покончить со всей этой возней какъ можно скорѣе,—желаніе, подъ вліяніемъ котораго она, пожалуй, не прочь даже примѣнить къ буланжистамъ «суровые уроки, завѣщанные ей великой революціей».

Вотъ это-то настроеніе извѣстной части республиканской партіи и переполошило буланжистовъ, тѣмъ болѣе, что оно начало уже охватывать такія фракціи республиканской партіи, которыя пользуются довольно значительнымъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ,—и потому они рѣшили позондировать почву, выяснить нѣсколько положеніе и, взволновавъ общественное мнѣніе своими разсказами о «государственномъ переворотѣ Флокэ», показать правительству всю опасность крутой расправы съ ними. Но они сейчасъ же успокоились, такъ какъ правительство, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не считаетъ удобнымъ безъ особенной необходимости прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Не говоря уже

о томъ, что строгая политика по отношенію къ буланжизму была бы нарушеніемъ не только лучшихъ традицій республиканской партіи, но и самаго духа конституціи, допускающей существованіе антиконституціонныхъ партій, лишь бы онѣ ограничивались въ своей дѣятельности средствами чисто легальными, а потому произвела бы очень тяжелое впечатлѣніе какъ во Франціи, такъ и за-границей—не говоря уже объ этомъ, а отчасти даже и поэтому, крутая расправа съ буланжистами не принесла бы республикѣ никакой пользы. Расправиться съ буланжистами и реакціонерами правительству, разумѣется, было бы не трудно. Заарестовать и разсадить по тюрьмамъ, даже спровадить въ Новую Каледонію всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ представителей буланжистско-монархической коалиціи оно могло бы безъ малѣйшаго затрудненія, не рискуя даже встрѣтить особенно рѣзкихъ порицаній со стороны парламентскаго большинства. Безъ шумныхъ манифестацій дѣло, по всей вѣроятности, не обошлось бы; но Франціи къ нимъ уже не привыкать, да и опасности онѣ не представляютъ ни малѣйшей. Но бѣда въ томъ, что такая расправа могла бы только усилить начавшееся движеніе и ускорить ходъ событій въ смыслѣ очень неблагопріятномъ для парламентарной республики. Вѣдь для нея опасны не столько Буланжэ и его разношерстные аколиты, сколько буланжизмъ, т. е. то крайнее недовольство существующимъ, которое охватываетъ теперь Францію и проявляется, между прочимъ, въ быстромъ ростѣ буланжистской партіи. Исчезни со сцены бравый генералъ со своимъ «національнымъ комитетомъ», начатое имъ движеніе измѣнило бы только развѣ свою форму, но не потеряло бы теперешняго враждебнаго для парламентаризма характера и такъ или иначе, а дало бы себя чувствовать очень сильно; это уже неизбѣжно. А между тѣмъ крутая расправа съ Буланжэ только усилила бы недовольство всѣхъ тѣхъ, которые смотрятъ на него теперь, какъ на спасителя отъ внутреннихъ золъ и внѣшнихъ бѣдствій, и способствовала бы быстрому росту двухъ противоположныхъ, но одинаково враждебныхъ теперешнему государственному строю монархической и революціонной партій, рѣзкое столкновеніе между которыми сдѣлалось бы неизбѣжнымъ въ очень близкомъ будущемъ. Правительство Флокэ, разумѣется, отлично понимаетъ все это и потому держится пока довольно твердо за свою либеральную политику, тѣмъ болѣе, что положеніе дѣлъ далеко еще не такъ опасно, какъ можно думать, судя по тону давно уже бьющей въ набатъ антибуланжистской прессы. Еслибы Буланжэ, какъ Наполеонъ III въ 1851-мъ году, былъ президентомъ рес-

публики или, по крайней мѣрѣ, военнымъ министромъ, тогда положеніе дѣлъ было бы, дѣйствительно, критическое, такъ какъ со стороны предпріимчиваго генерала можно бы ждать всего. Но вѣдь теперь у него нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ для государственнаго переворота. Правда, у него осталось еще очень много связей въ арміи, и его имя до сихъ поръ пользуется тамъ большой популярностью; но правительство давно уже очень внимательно слѣдитъ за его сношеніями съ офицерами и старательно удаляетъ изъ Парижа всѣхъ, кто ему особенно симпатизируетъ. Правда, въ его распоряженіи имѣется довольно многочисленная, прекрасно организованная и готовая для него на все лига патріотовъ, да и отношеніе къ нему парижанъ до сихъ поръ еще остается болѣе или менѣе загадочнымъ; но во Франціи всѣ отлично знаютъ, что болѣе активные и рѣшительные элементы парижской демократіи въ серьезныхъ обстоятельствахъ будутъ не за, а противъ «браваго генерала»; попробовать же захватить въ свои руки власть съ одной только лигой патріотовъ было бы чистѣйшимъ безумiемъ, на которое Буланжэ едва ли когда нибудь рѣшится. Такимъ образомъ, буланжистско-монархическая коалиція можетъ быть опасна для республики только до тѣхъ поръ, пока она остается въ предѣлахъ легальности, и только тѣмъ, что на будущихъ выборахъ она могла бы провести въ палату свое большинство, которое передало бы исполнительную власть въ руки генерала и дало бы ему такимъ образомъ средство для государственнаго переворота; но и эта опасность въ сущности далеко еще не такъ велика, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

Дѣло въ томъ, что «національный комитетъ» до сихъ поръ состоитъ главнымъ образомъ изъ старыхъ, величающихъ себя даже радикалами-соціалистами, республиканцевъ и что открыто Буланжэ покровительствуетъ на выборахъ только республиканскимъ кандидатамъ, тогда какъ поддерживающіе его монархисты остаются пока въ тѣни и ограничиваются хотя и очень активными, но второстепенными ролями. Но эта второстепенность положенія имъ начинаетъ уже надоѣдать; они хотѣли бы теперь же пользоваться всѣми преимуществами своей близости къ бравому генералу и начинаютъ уже давить на него въ этомъ смыслѣ, угрожая въ противномъ случаѣ предоставить его собственнымъ силамъ. Больше того, опираясь на поддержку трехъ до такой степени разнородныхъ элементовъ, какъ республиканцы, монархисты и бонапартисты, Буланжэ тщательно взвѣшиваетъ каждое свое слово, каждый шагъ и, все таки постоянно задѣваетъ за живое либо тѣхъ, либо другихъ, либо третьихъ изъ своихъ сто-

роникомъ, а чаще всего—всѣхъ вмѣстѣ. Взять хотя бы его послѣднюю неверскую рѣчь. Посмотрите, какъ тщательно, съ какими предосторожностями она составлена, какъ старательно вычищена отъ всего, что̀ можетъ хоть сколько нибудь шокировать бонапартистовъ, какъ въ ней на долю республиканцевъ отпущено ровно столько, сколько нужно, чтобы показать,—въ виду возможныхъ въ Парижѣ законодательныхъ выборовъ, на которыхъ бравый генералъ собирается поставить свою кандидатуру,—его преданность хотя и совершенно особенной, своей, буланжистской, но все таки республикѣ. Но вся эта дипломатія не привела рѣшительно ни къ чему. Неверская рѣчь не удовлетворила почти никого или, вѣрнѣе, возстановила противъ браваго генерала и бонапартистовъ, и орлеанистовъ, да не особенно привела въ восторгъ и «буланжистовъ-республиканцевъ». И это, однако же, все только цвѣтики, ягодки же начались на другой день по поводу законодательныхъ выборовъ въ Арденскомъ департаментѣ. Тамъ поставилъ свою кандидатуру молодой, блестящій адвокатъ, но клерикалъ и реакціонеръ до мозга костей—нѣкто Оффрей, назвавшій себя буланжистомъ и потому предъявившій право на покровительство браваго генерала и поддержку его національнаго комитета. Монархическая фракція этого комитета, разумѣется, сейчасъ же приняла его подъ свою защиту; но сторонники Буланжэ изъ радикальной партіи, Мишленъ, Боро, даже Вергуонъ категорически заявили, что они сейчасъ же порываютъ съ буланжистами всякія отношенія, если только Оффрей будетъ признанъ официальнымъ кандидатомъ партіи браваго генерала. Ни Буланжэ, ни его ближайшіе совѣтники въ родѣ Накэ и Лагерра не могли, разумѣется, допустить такого скандала, тѣмъ болѣе, что онъ нанесъ бы имъ большой ударъ во мнѣніи парижанъ, а потому официально заявили, что «національный ревизіонистскій комитетъ» будетъ поддерживать только тѣхъ кандидатовъ, которые примутъ пересмотръ конституціи въ республиканскомъ духѣ и при помощи учредительнаго собранія за основное положеніе своей политической программы, что̀, разумѣется, сейчасъ же подняло цѣлую бурю въ бонапартистскихъ и монархическихъ сферахъ. А вѣдь это еще только начало избирательной борьбы. Что же будетъ въ будущемъ году, когда буланжистамъ придется составить свои кандидатскіе списки для цѣлой Франціи? Монархическо-буланжистская коалиція пока еще не настолько крѣпка; она носитъ въ себѣ слишкомъ много зародышей всякаго рода раздоровъ, чтобы грозить особенной опасностью республикѣ. Нѣтъ, серьезность положенія пока не столько тамъ, сколько въ сильномъ раздорѣ

среди самой республиканской партіи, въ той скрытой, но рѣзкой борьбѣ, которая идетъ теперь между оппортунистами и радикалами,—сколько, наконецъ, въ томъ общемъ сильномъ недовольствѣ, которое служитъ основной причиной всѣхъ затрудненій данной минуты, а особенно въ тѣхъ скандалахъ, которые, начавшись прошлый годъ съ легкой руки Лимузенъ и Каффареля, такъ сильно волнуютъ теперь общественное мнѣніе Франціи.

Въ оппортунистскихъ и радикальныхъ газетахъ, часто можно встрѣтить упрекъ общественному мнѣнію за его излишнюю довѣрчивость ко всему, что разсказывается про продажность и нравственную нечистоплотность французскихъ правящихъ сферъ. Въ этихъ упрекахъ есть своя доля правды. Общественное мнѣніе Франціи, дѣйствительно, слишкомъ легко вѣритъ каждому слуху, каждой сплетнѣ, которую падкія до всего скандальнаго мелкія газеты распускаютъ про того или другаго изъ народныхъ представителей; но оно въ свое оправданіе можетъ указать на общественные нравы правящихъ классовъ, которые, дѣйствительно, оставляютъ еще желать очень многаго. Если сравнить общественные нравы теперешней Франціи съ тѣмъ, чѣмъ они были 20—25 лѣтъ назадъ, въ нихъ нельзя не замѣтить громаднаго прогресса: болѣе или менѣе демократическій строй жизни, широкая гласность отправленія всѣхъ ея функцій, полная свобода слова и собраній, наконецъ, успѣли уже сдѣлать очень многое для искорененія того политическаго разврата, если такъ можно выразиться, который царилъ въ правящихъ сферахъ Франціи шестидесятыхъ годовъ. Если сравнить, затѣмъ, эти же нравы съ общественными нравами нѣмецкими или австрійскими,—это сравненіе тоже будетъ далеко не въ пользу послѣднихъ. Тамъ гласность вовсе не такъ широка, какъ во Франціи; тамъ стараются душить въ самомъ началѣ каждый мало-мальски крупный скандалъ, который могъ бы хотя нѣсколько пошатнуть репутацію неподкупной честности такъ называемыхъ classes dirigeantes, — но скандалы все таки прорываются наружу довольно часто, да и притомъ какіе скандалы. И тѣмъ не менѣе, повторяемъ, общественные нравы такъ называемой «правящей Франціи» далеко еще не могутъ похвалиться своей безупречностью. Во французской бюрократіи до сихъ поръ еще продолжаетъ царить, хотя уже и не въ такихъ размѣрахъ, какъ прежде, фаворитизмъ; въ правящихъ сферахъ—кумовство и «рука руку моетъ»; даже прямое взяточничество, какъ то и показываютъ примѣры сенатора д'Андло, Вильсона и Віель-Пикара, который выдалъ расписку въ томъ, что онъ «заплатитъ 20 т. фр. тому, кто первый сообщитъ ему

о награжденіи его орденомъ почетнаго легіона» — еще несовсѣмъ исчезло. Французская публика, разумѣется, отлично знаетъ все это по собственному опыту и потому естественно относится довольно скептически къ гражданской честности своихъ правителей. Но этотъ скептицизмъ дѣйствительно заходитъ слишкомъ далеко, не щадя никого и не останавливаясь ни передъ чѣмъ; развившаяся подъ его вліяніемъ довѣрчивость ко всему, что разсказываютъ про правящія сферы, дѣйствительно не смущается рѣшительно ничѣмъ, не знаетъ никакихъ предѣловъ. За примѣрами такой необыкновенной довѣрчивости ходить не далеко. Годъ тому назадъ, напр., на версальской желѣзной дорогѣ былъ убитъ префектъ деп. Нижней Сены, Борремъ. Не смотря на всѣ старанія полиціи, убійца остался не разысканнымъ и дѣло стало было уже забываться, когда въ одной газетѣ появился слухъ что Боррема убилъ одинъ довольно высокопоставленный чиновникъ м-ва внутреннихъ дѣлъ, знавшій, что онъ везетъ съ собою 40 т. фр. и желавшій воспользоваться этими деньгами. Не смотря на всю невѣроятность этого слуха, онъ поднялъ столько толковъ въ обществѣ, что правительство принуждено было поручить судебному слѣдователю провѣрить его; слухъ оказался, разумѣется, совершенно ложнымъ. Или: сошелъ съ ума владѣлецъ извѣстнаго Луврскаго магазина, Геріо. Его, разумѣется, помѣстили въ отдѣльную комнату и назначили за нимъ особый надзоръ. Но буланжистскія газеты сейчасъ же закричали, что Геріо совершенно здоровъ и что правительство, съ согласія его жены, секвестровало его только потому, что онъ находился въ очень дружскихъ отношеніяхъ съ генераломъ Буланжэ, и кричали такъ долго, что правительство назначило наконецъ экстренную экспертизу изъ «свѣтилъ науки» для изслѣдованія состоянія умственныхъ способностей Геріо. Эксперты, разумѣется, признали его душевнобольнымъ; но многіе изъ парижанъ и до сихъ поръ считаютъ его «несчастной жертвой» борьбы политическихъ партій.

Можно себѣ представить на какую благодатную почву упали, при такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія, какое сильное впечатлѣніе произвели на него «разоблаченія» депутата Гардскаго деп., Нумы Жилли. На этотъ разъ они шли уже не изъ редакціи какой нибудь темной газетки, а отъ народнаго представителя, который долженъ хорошо знать закулисную сторону жизни и дѣятельности правящихъ сферъ, и притомъ отъ человѣка, который пользуется обширной популярностью въ своемъ департаментѣ. Естественно поэтому, что правящія сферы должны бы схватиться обѣими руками за такой прекрасный случай, чтобы разомъ покончить съ

циркулирующими въ обществѣ слухами, тѣмъ болѣе, что Нума самъ приглашалъ затронутыхъ имъ членовъ бюджетной комиссіи объясниться съ нимъ передъ «судомъ народной совѣсти» — передъ присяжными окружнаго суда. Но правительство, во избѣжаніе крайне неудобнаго при настоящемъ положеніи дѣлъ скандала этого рода, попробовало было замять дѣло, что, разумѣется, ему не удалось, такъ какъ, вмѣсто одного, на горизонтѣ виднѣется теперь цѣлыхъ семь или восемь громкихъ политическихъ процессовъ. А между тѣмъ общее впечатлѣніе получилось очень неблагопріятное. Стараются увернуться,—значитъ чувствуютъ за собой какой нибудь грѣшокъ. Правда, появившіеся вслѣдъ за нимскимъ процессомъ «Mes Dossiers» Нумы Жилли нѣсколько ослабили это впечатлѣніе своей легковѣсностью. Отъ нихъ ждали крупныхъ фактовъ и неопровержимыхъ уликъ, а вмѣсто этого получили новый сборникъ такихъ же розсказней, которыя можно было и раньше встрѣчать въ мелкой парижской прессѣ; но общее впечатлѣніе все таки осталось, тѣмъ болѣе, что друзья Нумы заявляютъ, что онъ опубликовалъ документы менѣе важные, болѣе же серьезные сохранилъ про себя, чтобы воспользоваться ими на судѣ для своей защиты.

Между тѣмъ борьба съ буланжистами разгорается все болѣе и болѣе. Въ эту сторону направлены теперь всѣ усилія и правительства, и всей республиканской партіи. Въ интересахъ этой же борьбы была организована парижскимъ муниципалитетомъ и состоявшаяся въ прошлое воскресенье многолюдная манифестація передъ надгробнымъ памятникомъ народнаго представителя Бодена, убитаго 3 декабря 1851 года на барикадѣ, при защитѣ второй республики противъ наполеоновскаго переворота. Эта манифестація задумана была уже давно и подготовлялась съ особенной тщательностью, но она вышла далеко не такой грандіозной и внушительной, какъ можно было думать раньше. На путь, по которому проходила процессія, собралась масса публики, но она играла роль совершенно посторонняго зрителя и относилась къ манифестаціи болѣе или менѣе равнодушно. Ни того возбужденія, которое въ мало-мальски серьезныхъ случаяхъ охватываетъ парижскую толпу, ни обычныхъ въ такихъ случаяхъ дружныхъ и раскатистыхъ восклицаній! Разумѣется, по дорогѣ кортежа безъ криковъ: Vive la République! пѣнія марсельезы и Chant de départ не обошлось; но все это дѣлалось какъ-то отрывочно и безъ малѣйшаго энтузіазма. Да и самый кортежъ былъ далеко не такъ многочисленъ, какъ предполагали сначала. Въ немъ должно было принять участіе до 600 различныхъ муниципалитетовъ, политиче-

скихъ и филантропическихъ обществъ, рабочихъ группъ, масонскихъ ложъ, что по самому слабому разсчету, должно бы привлечь въ число манифестантовъ до 40 т. человѣкъ, а между тѣмъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ полицейской префектурой, было не больше 20. Словомъ, организаторы этой манифестаціи сами находятъ ее не особенно удачной; но заключать отсюда, какъ это дѣлаютъ буланжисты, что парижане не съ Флокэ, а съ ихъ бравымъ генераломъ, было бы уже черезчуръ смѣло. Парижане, насколько намъ удалось это выяснить изъ частныхъ разговоровъ, не придавали этой манифестаціи особеннаго значенія и отнеслись къ ней довольно равнодушно. Они до сихъ поръ еще вполнѣ увѣрены, что положеніе республики чрезвычайно прочно и что буланжизмъ пока не грозитъ ей ни малѣйшей опасностью, а потому не особенно ясно понимаютъ ту тревогу, которую происки буланжистовъ вызываютъ въ правящихъ сферахъ. Немало повредилъ манифестаціи и ея официозный характеръ. Парижанинъ—фрондеръ по природѣ и очень неохотно принимаетъ участіе въ такихъ явленіяхъ общественной жизни, которыя возникаютъ по иниціативѣ правительства. Но зато эта манифестація еще разъ доказала, какъ высоко развито политически парижское населеніе, какъ ясно оно понимаетъ положеніе дѣлъ и какъ умѣетъ сообразоваться съ нимъ въ своемъ поведеніи. При настоящемъ возбужденіи страстей въ активныхъ элементахъ парижскаго населенія, эта манифестація легко могла кончиться очень печально. Столкнись, напр., гдѣ нибудь буланжистъ и антибуланжистъ, и безъ кровавой свалки дѣло навѣрное не обошлось бы. Понимая это, буланжисты постарались на манифестацію не являться, антибуланжисты всячески избѣгали во время манифестаціи всего, что могло бы быть принято за вызовъ ихъ противникамъ. Кромѣ того—парижскіе соціалисты не упускаютъ ни одного удобнаго случая, чтобы прогуляться по улицамъ съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ; но на этотъ разъ и они воздержались отъ всего, что потребовало бы вмѣшательства полиціи, и манифестація, не смотря на возбужденные ею въ консервативныхъ сферахъ всевозможные страхи и опасенія, кончилась къ общему удовольствію самымъ благополучнымъ образомъ.

К. Д—чъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Разногласіе въ политикѣ государства, народа и правителя. — Войны по прихоти монарховъ немыслимы въ наше время. — Войны освободительныя и національныя.—Паденіе личной политики германскаго канцлера.—Наслѣдникъ цесаревичъ въ Берлинѣ.—Юбилей датскаго короля.—Экономическая война Германіи противъ Россіи. — Рѣчь Вильгельма II въ рейхстагѣ и полемика прусскихъ газетъ съ австрійскими. — Венгерскіе жиды. — Сорокалѣтняя годовщина царствованія Франца-Іосифа.—Новый военный законъ въ австрійскомъ парламентѣ.—Итоги прусско-германской политики.—Франція въ борьбѣ съ буланжизмомъ и непопулярнымъ правительствомъ.—Политическое шулерство Милана.—Русская дипломатія, потерпѣвшая пораженіе въ Персіи.

Историки нашего вѣка должны будутъ отмѣтить, въ международныхъ сношеніяхъ великихъ націй, любопытный фактъ, съ особенною силою обнаружившійся въ концѣ настоящаго столѣтія: это раздвоеніе политики въ государствахъ не только на политику монарховъ и народовъ, но и на политику монарховъ и правительствъ. Въ доброе старое время, о такомъ странномъ фактѣ не могло быть и рѣчи. Захотѣлось властителю оттягать у сосѣда малую толику землицы—нраву его никто не препятствовалъ. Онъ спокойно объявлялъ войну и шелъ отбирать Силезію или другую какую провинцію, даже цѣлыя государства, какъ дѣлалъ Наполеонъ. Непочтительно отозвался одинъ монархъ о другомъ или о его фавориткѣ—тотчасъ отправлялись полки распарывать штыками животы подданныхъ непочтительнаго властелина. Это казалось всѣмъ совершенно естественнымъ и волтерьянцы напрасно противъ этого возставали: на то они, впрочемъ, и философы, чтобы соваться не въ свое дѣло. Но всѣ власти въ государствѣ считали своею обязанностью поддерживать претензіи своего властелина, а солдаты — своимъ долгомъ положить животъ свой за эти претензіи. Даже писатели и поэты не находили ничего ненормальнаго въ такомъ порядкѣ вещей, а добродушный Жуковскій, въ своей балладѣ, выражался очень спокойно: «съ императрицею король за

что-то раздружились, и кровь лилась, лилась, доколь они не помирились». Поэту и въ голову, можетъ быть, не приходило, что это «за что-то» повело къ кровопролитной семилѣтней войнѣ, въ которую и мы «за что-то» впутались. Когда окончились наполеоновскія войны, доказавшія, какія страшныя потери приноситъ всему міру неограниченный произволъ одного человѣка, стали догадываться, что вѣдь и народы имѣютъ право не быть только пушечнымъ мясомъ. При установленіи во всей Европѣ представительнаго правленія, войны «за что-то» сдѣлались уже совершенно невозможны—начались драки за освобожденіе. Мы вели войны за освобожденіе славянъ отъ Турціи, Европа объявила намъ войну за освобожденіе Турціи отъ нашего вліянія. Пруссія отхватила полъ-Даніи за освобожденіе горсти голштинцевъ отъ датскаго владычества, потомъ прогнала Австрію изъ Германіи, съ цѣлью освободить ее отъ австрійской гегемоніи. Луи-Наполеонъ выгналъ австрійцевъ изъ Италіи, съ цѣлью ея освобожденія, даже войну съ пруссаками онъ началъ для того, чтобы освободиться отъ ихъ гнета и она кончилась все таки освобожденіемъ Франціи отъ позорнаго режима второй имперіи. Даже Англія, захватывая Египетъ и бомбардируя Александрію, провозглашала, что она освобождаетъ страну отъ Араби-паши, вздумавшаго утверждать такую несообразную аксіому, что Египетъ долженъ принадлежать египтянамъ. Но во всѣхъ этихъ освободительныхъ войнахъ народы дѣйствовали всегда заодно съ правительствами, и если голоса отдѣльныхъ личностей, какъ Тьера въ 1870 году, поднимались противъ войны, большинство парижанъ ревѣло: въ Берлинъ! за что справедливымъ возмездіемъ было вступленіе пруссаковъ въ Парижъ.

Съ водвореніемъ въ Европѣ мира, хотя и вооруженнаго, стало все чаще обнаруживаться разногласіе во взглядахъ иныхъ правительствъ и палатъ народныхъ представителей. Такъ, германскій рейхстагъ, не говоря уже о прусскомъ, не разъ давалъ сильный отпоръ планамъ и замысламъ своего канцлера, потратившаго немало усилій на борьбу съ оппозиціей и достигавшаго своихъ цѣлей только послѣ упорной борьбы и даже послѣ важныхъ уступокъ той или другой парламентской партіи и послѣ отступничества отъ прежней политики. Но, кромѣ антагонизма съ парламентомъ, Бисмаркъ нерѣдко велъ политику, совершенно расходившуюся со взглядами своего императора. Такъ, мы знаемъ теперь, что канцлеру стоило большаго труда убѣдить престарѣлаго Вильгельма I подписать въ 1879 г. договоръ съ Австріей, направленный противъ Россіи. О противорѣчіи во мнѣніяхъ Фридриха III и Бисмарка и говорить нечего. Но и въ новое царствованіе правительство и дворъ оказались далеко не однихъ и тѣхъ же взглядовъ, хотя, какъ кронпринцъ, Вильгельмъ II былъ безусловнымъ поклонникомъ канцлера. Но исторія давно знаетъ, что наслѣдники престола, вступая во власть, очень часто не

оправдываютъ надеждъ, какія на нихъ возлагали. Молодой императоръ, съ первыхъ дней вступленія во власть, началъ дѣйствовать самостоятельно, не слѣдуя постороннимъ указаніямъ. Его визиты ко дворамъ европейскихъ государей и порядокъ, въ какомъ эти посѣщенія слѣдовали одно за другимъ—были дѣломъ его собственной иниціативы. И недаромъ австрійскій наслѣдный принцъ былъ такъ недоволенъ предпочтеніемъ, оказаннымъ Петербургу передъ Вѣной. Органы канцлера не разъ заговаривали о его отставкѣ и, во всякомъ случаѣ, его личное вліяніе на государственныя дѣла, особенно на внѣшнюю политику, замѣтно, уже не прежнее, хотя онъ не отступаетъ отъ своихъ убѣжденій, какъ говорятъ преданные ему публицисты, и употребляетъ большія усилія, чтобы исправлять промахи неопытнаго монарха въ дѣлѣ управленія государствомъ. Такъ, ему не легко было, послѣ недавнихъ заискиваній передъ папою, хоть сколько нибудь сгладить рѣзкость императорскаго визита въ Ватиканъ, когда внезапное вторженіе принца Генриха въ бесѣду съ папою не позволило ему даже хорошенько пожаловаться на свою печальную судьбу. Этотъ недипломатическій визитъ къ ватиканскому узнику и явно высказанное Вильгельмомъ II нерасположеніе къ католической партіи въ парламентѣ сдѣлали то, что партія эта явилась въ прямой оппозиціи съ правительствомъ, и Бисмарку нельзя уже будетъ, съ ея помощью, составлять большинство въ рейхстагѣ для поддержанія канцлерскихъ законопроэктовъ. Враждебное отношеніе императора и къ другой партіи «свободномыслящихъ», которую также канцлеръ привлекалъ по временамъ на свою сторону, поставило и ее въ явную оппозицію, особенно послѣ того, какъ именемъ императора начатъ искъ противъ органа этой партіи «Freisinnige Zeitung» за перепечатку въ газетѣ отрывковъ изъ дневника Фридриха III. Газетѣ, конечно, не слѣдовало перепечатывать этого сочиненія, когда еще не конченъ судъ надъ первымъ виновникомъ обнародованія документа, но по этой же причинѣ врядъ ли слѣдовало начинать второй процессъ, когда и по первому Гефкенъ доказывалъ, что получилъ отъ Фридриха III не только разрѣшеніе, но и приказаніе печатать дневникъ черезъ три мѣсяца послѣ кончины императора. Этотъ доводъ заслуживаетъ, конечно, гораздо больше вниманія, чѣмъ оправданіе «Свободномыслящей Газеты», утверждающей, что право на сочиненіе покойнаго императора переходитъ къ его супругѣ, а не къ сыну.

Но всего рѣзче антагонизмъ политики монарха и правительства высказался въ посѣщеніи Берлина наслѣдникомъ цесаревичемъ, пріѣхавшимъ туда съ юбилея датскаго короля. Отецъ нашей императрицы, греческаго короля и супруги наслѣдника британскаго трона праздновалъ двадцатипятилѣтіе своего вступленія на престолъ, окруженный августѣйшими родственниками и представителями дружественныхъ великихъ державъ, и въ кругу ихъ забывалъ нелегкое бремя своего четвертьвѣковаго цар-

ствованія. Начало его было печально и грозило гибелью маленькому скандинавскому государству. Пруссія только и ждала смерти короля Фридриха VII, чтобы отнять у его наслѣдника Голштинію и Шлезвигъ. Огромныя полчища пруссаковъ и австрійцевъ перешли Эйдеръ 1-го февраля 1864 года и внезапно заняли всю Ютландію, разбивая слабые датскіе отряды, безжалостно бомбардируя и разрушая города, какъ Фредерицію. Сопротивленіе было немыслимо, но нація, въ лицѣ своихъ представителей, долго не соглашалась заключить миръ, и Христіану IX пришлось бороться не только со своими врагами, но и съ парламентомъ, не отдававшимъ непріятелю исконныхъ датскихъ земель. Королю, оставленному европейскими державами, хотя и признавшими его права на Голштинію, Шлезвигъ и Лауенбургъ, пришлось однако уступить эти герцогства Пруссіи, которая ничего не дала изъ своихъ завоеваній союзницѣ своей—Австріи. Это послужило однимъ изъ поводовъ къ войнѣ, возникшей черезъ годъ и между союзницами, но Данія ничего не выиграла отъ ихъ вражды и Христіанъ IX долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы избѣгать новыхъ столкновеній съ Пруссіей, не смотря на то, что достоинство націи было оскорблено. Большаго труда стоило королю сдерживать датскія палаты, утвердившія въ 1866 году новую конституцію королевства. Строго исполняя свои конституціонныя обязанности, Христіанъ видѣлъ однако необходимость увеличить военныя силы страны. Но средствъ на это не было и, чтобы поправить финансы, король продалъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ острова св. Ѳомы, Іоанна и св. Креста и далекія колоніи въ Индіи. Заботами его внутреннее состояніе страны сильно улучшилось и популярность короля въ странѣ увеличилась, не смотря на антагонизмъ радикальныхъ членовъ фолькстинга. Министры Христіана IX почти всегда воюютъ съ этой палатой, но это нисколько не мѣшаетъ правильному ходу конституціонныхъ учрежденій. Народъ особенно сочувственно отнесся къ празднованію годовщины четвертьвѣковаго управленія своего монарха. Нашъ цесаревичъ былъ, понятно, желаннымъ гостемъ на юбилеѣ своего дѣда, но, возвращаясь съ семейныхъ и народныхъ праздниковъ черезъ Берлинъ, онъ и въ столицѣ Германіи былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ почетомъ. Пріемъ цесаревича Вильгельмомъ II сопровождался небывалой и чрезвычайно демонстративной обстановкой. Германскій императоръ сдѣлалъ первый визитъ наслѣднику русскаго престола, остановившемуся въ посольствѣ, чему не было примѣра, такъ какъ дипломатическій обычай требуетъ, чтобы августѣйшій гость первый посѣщалъ вѣнценоснаго хозяина. Не было также примѣра, чтобы къ наслѣднику престола прикомандировывалось первое лицо въ германской арміи, начальникъ генеральнаго штаба, графъ Вальдерзее, преемникъ Мольтке и любимецъ императора. Всѣ подробности пребыванія цесаревича въ Берлинѣ отмѣчены

безпримѣрнымъ и неподдѣльнымъ радушіемъ со стороны германскаго императора,—а въ то же время его правительство, во всѣхъ офиціальныхъ органахъ германской печати, старалось представить русскіе финансы въ самомъ печальномъ, безъисходномъ положеніи, обрушиваясь на русскую администрацію градомъ клеветъ и враждебныхъ инсинуацій.

Это было повтореніе того же маневра, какой употребилъ Бисмаркъ въ прошломъ году, также въ ноябрѣ, когда являлся къ русскому монарху, возвращавшемуся изъ Копенгагена черезъ Берлинъ и опровергалъ взведенныя на него обвиненія въ тайной поддержкѣ принца Кобургскаго, письма котораго, подтверждающія эти обвиненія, обнародовалъ потомъ журналъ «Revue nouvelle». И тогда, какъ теперь, въ то время, когда престарѣлый Вильгельмъ I принималъ съ обычнымъ родственнымъ радушіемъ русскаго императора, канцлеръ употреблялъ всѣ данныя, чтобы подорвать русскіе финансы, подтверждая въ своихъ органахъ имъ же изобрѣтенный парадоксъ, что безпощадная экономическая война, объявленная сосѣду, не должна мѣшать дружественнымъ отношеніямъ. И тогда, какъ теперь, курсъ нашъ сильно упалъ послѣ подобныхъ дружескихъ отношеній. Не ясное ли это доказательство, что никакіе царственные визиты не измѣнятъ бисмарковской политики, которая всегда была враждебна русскимъ интересамъ. И еще послѣ подобныхъ маневровъ канцлеръ, съ видомъ оскорбленной невинности, удивляется, что русское общественное мнѣніе, въ лицѣ представителей печати, относится къ нему недружелюбно. Надо, напротивъ, поставить это въ заслугу нашей печати, раскусившей Бисмарка еще въ то время, когда онъ ухитрялся отводить глаза русской дипломатіи.

Угнетенное положеніе нашей биржи не улучшила и рѣчь, произнесенная Вильгельмомъ II при открытіи парламентской сессіи въ Берлинѣ. Правда, рѣчь эта не оправдала ожиданій, какія на нее возлагали дипломаты—она ничего не разъяснила въ порядочно запутанномъ политическомъ положеніи, но она, во всякомъ случаѣ, вполнѣ миролюбива и если бисмарковская «Post» выводитъ изъ нея заключеніе, что это положеніе ненадежно, то потому, что для канцлера нужно поддерживать тревожныя опасенія въ Европѣ, чтобы играть въ ней прежнюю преобладающую роль «распутывателя дипломатическихъ затрудненій», какъ говорятъ нѣмецкіе органы,—«сѣятеля смутъ», какъ думаетъ русская печать. Она убѣждена, что прочнаго мира не будетъ, пока Бисмаркъ будетъ стоять во главѣ правленія. Нѣмецкая же печать утверждаетъ, что онъ одинъ поддерживаетъ миръ въ Европѣ. Кто правъ, покажетъ, можетъ быть, недалекое будущее. Но какъ вредно дѣйствуютъ на нашу валюту нѣмецкія выходки противъ нашего экономическаго положенія, доказывается тѣмъ, что ее не могутъ поднять даже раціональныя финансовыя мѣры. Во всѣхъ странахъ, во всякое время, заключеніе иностраннаго займа поднимаетъ курсъ.

Между тѣмъ, у насъ, въ первые дни, обнародованіе новаго займа въ 500 мильоновъ франковъ, на льготныхъ условіяхъ для конверсіи невыгоднаго займа 1877 года, не имѣло никакого вліянія на нашу биржу, представляющую въ сущности съ ея нѣмецко-жидовскимъ элементомъ не болѣе, какъ филіальное отдѣленіе биржи берлинской. Правда, берлинскіе жиды имѣли основаніе быть недовольными новымъ русскимъ займомъ. Онъ заключенъ преимущественно при посредствѣ банкировъ Парижа, Амстердама, Лондона, даже Нью-Іорка, хотя въ синдикатъ ихъ принятъ и нѣмецкій жидъ Мендельсонъ, главный посредникъ въ невыносимо тяжеломъ займѣ 1877 года. Не прибѣгали мы только къ содѣйствію пресловутаго Ротшильда, но зато онъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Россію — не Петербургъ, конечно, а Одессу, гдѣ его чуть не разорвали и пархатые, и интеллигентные жиды, въ пылу благоговѣнія къ его высокой особѣ. Изъ Одессы этотъ глава современнаго жидовства отправился на Кавказъ, гдѣ успѣлъ уже захватить въ свои руки всю торговлю нефтью и началъ продѣлывать наглыя штуки съ умышленной задержкой всѣхъ нефтяныхъ транспортовъ своихъ конкурентовъ. Въ другихъ земляхъ за это давно бы выслали такого фокусника, будь онъ хоть архимилліонеръ, но у насъ Ротшильдъ отправился однако дальше, въ Батумъ, гдѣ скупилъ множество имѣній, и въ Среднюю Азію, гдѣ хлопочетъ о пріобрѣтеніи новыхъ громадныхъ пространствъ земли, для захвата въ свои руки хлопчатой промышленности и вообще всей азіатской торговли. Неужели ничто не спасетъ насъ отъ этого новаго жидовскаго ига?..

Рѣчью Вильгельма II, при открытіи германскаго рейхстага, остались довольны въ Вѣнѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, между газетами двухъ столицъ началась странная, ожесточенная перебранка. Сначала думали, что только нѣкоторые органы печати сводятъ между собою какіе нибудь счеты, на основаніи поговорки «милые бранятся—только тѣшатся», но газетная полемика приняла такое рѣзкое направленіе, что потребовались даже офиціальныя объясненія. Въ Вѣнѣ явилась новая газета Schwarz-gelb (цвѣта Австріи), разомъ поднявшая споръ до небывалаго ожесточенія. Хотя и эта газета—жидовская, и деньги на нее дали тоже Ротшильды, въ отместку за нескрываемую Вильгельмомъ II антипатію къ еврейству, но на этотъ разъ новый вѣнскій органъ вступился за честь Австріи, требуя ея возрожденія, съ допущеніемъ полнаго равноправія всѣхъ ея національностей. «Мы господствовали въ Германіи и въ Италіи, говоритъ газета, намъ принадлежало первенство и въ Европѣ, но мы этимъ не злоупотребляли, не пугали весь свѣтъ военными тревогами, не истощали народныхъ силъ на гигантскія и безполезныя вооруженія. Отчего же теперь мы соглашаемся играть роль, несогласную съ нашимъ славнымъ прошлымъ, съ нашимъ настоящимъ значеніемъ? Бранденбургъ и Савойя были

въ полной зависимости отъ Габсбурговъ. Съ какихъ поръ начинается исторія Пруссіи и какое можетъ быть сравненіе между Вѣною и такимъ выскочкой (parvenu), какъ Берлинъ? Намъ ли преклоняться передъ такимъ случайнымъ величіемъ, которое вчера родилось, а завтра можетъ умереть? Кто поручится, что Баварія и Вюртембергъ будутъ вѣчно покоряться Пруссіи? Развѣ Франція будетъ медлить разсчитаться за седанскій позоръ? Мы не хотимъ прусскаго протектората, да и въ Европѣ никогда не чувствовали къ нему симпатіи. Никакой договоръ не въ силахъ создать несуществующихъ между государствами интересовъ. Если князь Бисмаркъ высказался, что положеніе Болгаріи для него вовсе неинтересно, то для Австріи совершенно безразлично, удержитъ ли Пруссія за собою Эльзасъ и Лотарингію. Нынѣшній кризисъ происходитъ отъ непомѣрнаго властолюбія Пруссіи и не прекратится, пока самостоятельность южной Германіи не будетъ обставлена надежными гарантіями, а Франціи не будетъ возвращено ея законное наслѣдіе». Такія горькія истины объединителю нѣмцевъ пришлось слышать впервые отъ нѣмцевъ же. Не мудрено, что берлинскіе рептиліи зашипѣли о неблагодарности Австріи, о томъ, что безъ поддержки Пруссіи имперія Габсбурговъ давно развалилась бы. Стали толковать и о причинахъ такой неблагодарности, и одинъ изъ офиціозовъ канцлера «Deutsches Tagblatt» прямо объявилъ, что наслѣдникъ австрійскаго престола «проявляетъ почти болѣзненное, питаемое ненавистью и завистью, нерасположеніе къ германскому императору». Такое объясненіе поддержали и другія газеты. Начали приводить разные мелкіе случаи, подтверждающіе эти предположенія: на похоронахъ Фридриха III принцъ Рудольфъ былъ въ австрійскомъ, а не въ прусскомъ мундирѣ, что противно всѣмъ династическимъ обычаямъ; при первомъ свиданіи, Вильгельмъ II сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ принца, а когда Рудольфъ подалъ ему свое сочиненіе объ орнитологіи, германскій императоръ замѣтилъ, что наслѣднику престола не слѣдуетъ заниматься сочинительствомъ. Личную вѣрность Франца-Іосифа Германіи германскіе органы ставятъ выше всякаго сомнѣнія, но считаютъ Австрію неспособною выполнять условія союзнаго договора. Въ выходкахъ противъ «законнаго вліянія Германіи» обвиняютъ вѣнскихъ жидовъ, въ рукахъ которыхъ вся австрійская печать. Одни берлинскіе жиды старались защитить своихъ единовѣрцевъ—и это одно уже составляетъ своего рода знаменательный симптомъ.

Еще рѣзче отзываются о Германіи мадьярскія газеты—въ особенности «Pesther Lloyd», — и это понятно, потому что жиды въ Венгріи играютъ еще болѣе значительную роль, чѣмъ въ Австріи. Въ теченіе нынѣшняго столѣтія, число жидовъ въ Венгріи увеличилось въ восемь разъ, тогда какъ общее число жителей въ странѣ даже не удвоилось. По послѣдней переписи, въ ней было 624,680 жидовъ. Въ одномъ Пештѣ

ихъ теперь столько, сколько не насчитывалось во всей Венгріи въ концѣ прошлаго столѣтія. Тогда она славилась своимъ благосостояніемъ; теперь всѣ ея богатства перешли къ жидамъ, безпощадно эксплуатирующимъ крестьянское населеніе, особенно словаковъ. Бѣдняки, тѣснимые жидовствомъ, массами бѣгутъ въ Америку. Еще въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія число переселенцевъ не превышало 600—700 въ годъ. Теперь изъ одного Гамбурга отправляется ежегодно въ сѣверо-американскіе штаты 7,000 венгерскихъ подданныхъ. Дѣло дошло до того, что даже лица, стоявшія всегда за гуманное отношеніе къ еврейству, принуждены были, какъ сдѣлалъ это профессоръ Нейдтвахъ, указать на опасность, какою грозитъ Венгріи размноженіе и хищничество этого племени. «Пештскій Ллойдъ» обвинилъ за это профессора въ диффамаціи. Нейдтвахъ защищался самъ на судѣ и слова его произвели сильное впечатлѣніе: «Я глубоко убѣжденъ, говорилъ онъ, что если не будутъ приняты мѣры, то лѣтъ черезъ пятьдесятъ вся страна перейдетъ въ руки евреевъ и ея коренные жители сдѣлаются рабами этого безнравственнаго, грязнаго, гнуснаго и презрѣннаго народа». И почтенный профессоръ нисколько не преувеличиваетъ: по медицинскому факультету въ Пештѣ 72% жидовъ, въ гимназіи изъ 467 учениковъ 302 жида. Всѣ ремесла въ упадкѣ, потому что монополизированы жидами. Особенно угнетаютъ они хорватовъ, вырубивъ въ странѣ всѣ лѣса и доведя жителей до отчаянія. Наглость венгерскихъ жидовъ доходитъ до того, что они требуютъ, чтобы имъ было поручено воспитаніе христіанскаго юношества, а австрійскіе жиды, взбѣшенные высокомѣрнымъ тономъ берлинскихъ газетъ, выражаются объ нихъ такъ въ своихъ органахъ: «Лакеи германскаго правительства, обливающіе Австрію помоями въ феодальной печати, заслуживаютъ пинка ногою». А чего же заслуживаютъ и вѣнскіе, и берлинскіе лакеи за свои постоянныя клеветы на Россію?

Втораго декабря исполнилось сорокъ лѣтъ со дня вступленія на престолъ Франца-Іосифа. Такое долголѣтнее царствованіе выпадаетъ на долю немногихъ государей. Долѣе австрійскаго императора царствуютъ только императоръ бразильскій, Донъ-Педро, вступившій на престолъ въ 1831 году, шести лѣтъ, да королева Викторія, праздновавшая въ прошломъ году пятидесятилѣтній юбилей своего управленія. Но Францъ-Іосифъ, принявшій корону Габсбурговъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, послѣ отреченія своего отца отъ престола, не захотѣлъ праздновать своего юбилея. Онъ отказался отъ всѣхъ торжествъ, отъ всякихъ манифестацій, адресовъ и заявленій, запретилъ даже церковное празднество и молебны, и предложилъ обратить на дѣла благотворенія всѣ суммы, собранныя для празднованія юбилея, а втораго декабря, оставилъ всю свою семью, весь дворъ, чтобы провести этотъ день далеко отъ столицы, въ уединенномъ замкѣ, вдвоемъ со своей супругой. Желаніе монарха посвятить этотъ

день воспоминаніямъ объ историческихъ событіяхъ его царствованія понятно и естественно. Въ событіяхъ этихъ не было такихъ эпохъ, о которыхъ было бы особенно пріятно вспомнить. Если въ началѣ своего управленія Францу-Іосифу удалось, съ помощью Россіи, побѣдить революціонные элементы, угрожавшіе распаденіемъ имперіи, уладить ея внутреннія неурядицы, то внѣшнее значеніе и могущество ея сильно упали.

Выгнанная навсегда изъ Италіи, потерявшая въ ней всѣ свои владѣнія и все свое вліяніе, Австрія была вытѣснена и изъ Германіи, лишилась въ ней не только гегемоніи, но и всякаго значенія. Правительственную власть въ имперіи Францъ-Іосифъ долженъ былъ раздѣлить не съ родственнымъ ему нѣмецкимъ элементомъ, а съ потомками гунновъ, провозгласившими его низверженіе съ престола въ 1848 году. Заливъ кровью Венгрію, повѣсивъ ея 12 генераловъ, онъ принужденъ былъ тринадцатаго, также осужденнаго на висѣлицу, но спасшагося бѣгствомъ, сдѣлать своимъ первымъ министромъ и раздѣлить съ нимъ управленіе. Правда, въ послѣднее десятилѣтіе ему удалось, взамѣнъ Ломбардо-Венеціи, захватить двѣ славянскія провинціи, но этотъ захватъ повелъ къ столкновенію съ сосѣднею славянскою имперіей, что̀ еще больше расшатало внутреннія и внѣшнія основы имперіи Габсбурговъ. А унизительная зависимость отъ Пруссіи, въ одномъ сраженіи при Садовой уничтожившей почти всю австрійскую армію, не можетъ внушить Францу-Іосифу надежды на благополучный исходъ войны съ другимъ могущественнымъ сосѣдомъ. Правда, въ послѣднія 20 лѣтъ, военныя силы Австріи удвоились, но и это мало успокоиваетъ монарха, понимающаго, что неблагодарность, какою онъ удивилъ весь міръ, не поможетъ ему въ борьбѣ со страною, къ которой тяготѣютъ симпатіи двухъ третей соплеменнаго ей населенія Австріи. Онъ понимаетъ также, что ни одна держава не питаетъ симпатій къ его имперіи, сплоченной изъ разноплеменныхъ, враждебныхъ между собою національностей, и держащейся только конституціею, которая предоставляетъ народамъ Австріи если и не слишкомъ широкую долю самоуправленія, то всетаки ограждаетъ ихъ отъ самоуправства и самодурства административныхъ властей. И только вѣрность основамъ парламентской имперіи и строгое исполненіе обязанностей конституціоннаго монарха пріобрѣли Францу-Іосифу любовь и уваженіе его подданныхъ всѣхъ націй. Но любовь эта едва ли сохранится, если, при вступленіи въ пятидесятилѣтіе своего царствованія, глава Габсбурговъ увлечется авантюристской и агрессивной политикой, и захочетъ разъигрывать роль рѣшителя судебъ Балканскаго полуострова. А его, повидимому, увлекаетъ на этотъ путь, опасный для существованія имперіи, воинственный задоръ мадьяръ, не позабывшихъ потерь и униженій 1849 г., и интриги жидовъ, разсчитывающихъ на выгодный гешефтъ, во время войны. Есть о чемъ подумать въ сорокалѣтнюю годовщину, особенно

когда надежда на помощь Германіи дѣлается съ каждымъ днемъ все болѣе сомнительной, а новый военный законъ, дѣлающій изъ ландвера не вспомогательную, а дѣйствующую часть австрійской арміи, принятъ въ палатѣ депутатовъ австрійскаго рейхстага большинствомъ всего шести голосовъ. Законъ прошелъ только при содѣйствіи обѣихъ чешскихъ парламентскихъ фракцій, высказавшихъ явное неодобреніе всякимъ военнымъ замысламъ. Глава старочеховъ Ригеръ объявилъ, что чешскій народъ не хочетъ сдѣлаться ни русскимъ, ни нѣмецкимъ. Вождь младочеховъ Грегръ сказалъ, что его партія подала голосъ за военный законъ только потому, что желаетъ независимости Австріи, а не подчиненія ея Германіи или Венгріи. И та, и другая партія высказали прямо, что не желаютъ войны съ Россіей. А между тѣмъ новый военный законъ явно составленъ въ виду вооруженной борьбы съ Россіей, и еслибы министерство созналось въ этомъ, законъ никогда не прошелъ бы въ парламентѣ. Такое положеніе дѣлъ представляетъ очень мало шансовъ на успѣхъ замышляемой борьбы, и Францъ-Іосифъ понимаетъ это лучше всѣхъ, припоминая всѣ пораженія и невзгоды, какія перенесъ въ свое сорокалѣтнее царствованіе.

Самолюбіе Австріи, конечно, сильно страдаетъ отъ грубыхъ выходокъ прусскихъ газетъ, не перестающихъ повторять на всѣ лады, что имперія Габсбурговъ существуетъ только благодаря снисхожденію и поддержкѣ Германіи (кстати, недавно одна газета подсчитала, что у канцлера, кромѣ семи главныхъ органовъ печати, получающихъ отъ него внушенія, въ провинціи имѣется еще 143 канцлерскихъ газеты, получающихъ значительныя субсидіи изъ фонда для пресмыкающихся). Но если задорная политика Австріи подвергается осужденію всѣхъ этихъ офиціозовъ, то и германская или собственно прусская политика встрѣчаетъ рѣзкое порицаніе не только въ органахъ свободномыслящей партіи, но и въ парламентѣ. Въ послѣднемъ ноябрьскомъ засѣданіи германскаго рейхстага соціалистъ Либкнехтъ произнесъ, во время обсужденія имперскаго бюджета-рѣчь, продолжавшуюся полтора часа, выслушанную парламентомъ съ большимъ вниманіемъ и возбудившую оживленные толки въ нѣмецкой печати. По мнѣнію оратора, недовольство и броженіе въ Германіи возбуждены военно-консервативною партіей. Созданная грубою силою, германская имперія можетъ держаться только съ помощью военной силы, расходы на которую достигаютъ уже до мильярда марокъ (послѣдній представленный проэктъ увеличенія артиллеріи требуетъ еще 50 мильоновъ марокъ). Правительство подвергаетъ систематическому гнету всѣ политическія партіи, а между тѣмъ онѣ всѣ встанутъ на защиту объединенной Германіи, если на нее нападетъ непріятель. Но правительственная печать осыпаетъ бранью всѣ партіи, не раздѣляющія ея воззрѣній. «Пиндтеръ (редакторъ Norddeutsche Zeitung) былъ бы только смѣшенъ со своею бранью,

но вѣдь никто не знаетъ, гдѣ кончается Пиндтеръ и гдѣ начинается другая особа». Либкнехтъ совѣтуетъ прекратить постоянное натравливаніе на Францію и установить съ ней лучшія отношенія, такъ какъ въ ней никто не желаетъ войны, кромѣ Буланжэ. Но и тутъ ораторъ не могъ не повторить нелѣпаго обвиненія, что Россія не надежна и стремится къ завоеваніямъ. «Нигдѣ нѣтъ такой травли во время выборовъ, какъ въ Германіи: кто не за правительство, того выставляютъ врагомъ имперіи. Тягость налоговъ становится невыносимой, также какъ тягость закона о соціалистахъ, но подавить соціаль-демократовъ не удастся. Внутренніе порядки не представляютъ ничего утѣшительнаго. Личный режимъ доведенъ до той же степени, на которой онъ былъ при Людовикѣ XIV. Приходится подчиняться всякому личному капризу. Не смотря на гордыя слова: мы не боимся никого, кромѣ Бога, народъ держатъ въ постоянномъ страхѣ, то пугая его французами, то возбуждая противъ англичанъ и даже высокопоставленныхъ особъ. Еслибы соціаль-демократическая печать отзывалась объ императорѣ Фридрихѣ такъ, какъ отзывались о немъ консерваторы, то ея редакторовъ приговорили бы, въ общемъ итогѣ, къ сотнямъ тысячъ лѣтъ заключенія. Лучшая политика — гуманность и разоруженіе. Необходимо отмѣнить таможенную пошлину на зерновой хлѣбъ. Вмѣсто того, чтобы прививать культуру въ Африкѣ, провозомъ водки и ружей, лучше было бы серьезно заняться улучшеніемъ быта рабочихъ. Въ Германіи проповѣдуютъ междоусобную войну свыше, а въ пользу такой системы нельзя жертвовать ни однимъ человѣкомъ, ни однимъ грошемъ». Отвѣтная рѣчь министра Беттигера была очень слаба: онъ говорилъ только, что разоруженіе немыслимо, хотя правительство желаетъ только мира, и въ заключеніе пригласилъ соціалистовъ содѣйствовать ему въ соціальной реформѣ. Въ пользу такой реформы, производимой правительствомъ, говорилъ и Бенингсенъ. По его мнѣнію, она должна уничтожить соціализмъ. Внесенный въ рейхстагъ законъ о страхованіи рабочихъ отъ старости и неспособности къ труду составленъ съ этой цѣлью.

Буланжизмъ усиливается съ каждымъ днемъ, а министерство Флокэ и палата, съ ея чуть не ежедневными скандалами, все больше падаютъ въ общественномъ мнѣніи Франціи. Дошло до того, что «Фигаро» сообщилъ о государственномъ переворотѣ, готовившемся 2-го декабря, въ годовщину захвата Луи Наполеономъ верховной власти. Сначала этому не повѣрили, но самъ Буланжэ передалъ въ газетѣ «France» подробности министерскаго заговора. Рѣшено было арестовать не только выдающихся буланжистовъ съ ихъ главою, но и вождей монархической и бонапартистской партій, всего человѣкъ пятьдесятъ. Въ парижскія тюрьмы посадить ихъ боялись, но приготовили для нихъ помѣщенія въ Клерво и Мелёнѣ. Флокэ хотѣлъ возбудить уличные безпорядки въ Парижѣ, подавить ихъ заранѣе подготовленною вооруженною силою, объявить, что

враги республики составляютъ заговоры противъ безопасности республики и потому слѣдуетъ захватить нарушителей общественнаго спокойствія. Планъ этого переворота былъ переданъ съ такими подробностями, что нельзя было сомнѣваться въ существованіи какихъ-то замысловъ противъ генерала, заявившаго, что онъ требуетъ только пересмотра конституціи въ демократическомъ духѣ и «республиканской республики». Потерявшій голову Флокэ, желая удержать за собою власть, могъ легко прибѣгнуть къ мѣрамъ насилія, хотя послѣдствія уличнаго возстанія могли быть гибельны для самого правительства, такъ какъ переворотъ нельзя совершить безъ помощи арміи, а она далеко не на сторонѣ нынѣшняго министерства. День втораго декабря прошелъ, по счастію, благополучно, такъ какъ и сами буланжисты рѣшили не дѣлать никакихъ манифестацій и не давать поводовъ къ обвиненію ихъ въ нарушеніи порядка. Опасность была однако велика, такъ какъ въ тотъ же день крайняя радикальная партія постановила устроить процесію къ памятнику депутата Бодена, убитаго 2-го декабря 1851 года на барикадѣ, при защитѣ народныхъ правъ противъ наполеоновской солдатчины. Тысячъ 15 народа дефилировало мимо памятника, при разнообразныхъ крикахъ, съ красными и черными знаменами, но этимъ и ограничилась демонстрація, если не считать схватки съ буланжистами студентовъ, остановившихъ два омнибуса и поколотившихъ пасажировъ, уже черезчуръ усердно кричавшихъ: «Vive Boulanger!» Было также въ это время нѣсколько буланжистскихъ банкетовъ и сходокъ, на которыхъ ораторствовали все на ту же тему—необходимости прогнать нынѣшнюю палату и созвать учредительное собраніе для пересмотра конституціи. На сходкѣ, устроенной «лигою патріотовъ», Деруледъ заявилъ, что она не требуетъ немедленнаго возвращенія Эльзаса, а должна только готовить все къ этой цѣли. Если къ буланжизму принадлежатъ и монархисты—тѣмъ лучше для республики — потому что такимъ образомъ число ея приверженцевъ увеличивается. Извѣстно, что даже графъ Парижскій разрѣшилъ орлеанистамъ поддерживать Буланжэ, за что герцогъ Омальскій разошелся со своимъ племянникомъ. Но Деруледъ уже слишкомъ рьяно нападалъ на парламентаризмъ, который будто бы является виною всѣхъ неурядицъ въ республикѣ. Парламентаризмъ тутъ ровно не причемъ, а виноваты люди, прикрывающіе имъ свои грязныя продѣлки. И недаромъ депутатъ Жилли насчиталъ въ одной бюджетной комисіи палаты до двадцати Вильсоновъ, когда и вся комисія состоитъ изъ 30-ти членовъ. Изъ нихъ только одинъ, Андріё, бывшій префектъ полиціи, потребовалъ Жилли къ суду за клевету, но потомъ взялъ назадъ свое обвиненіе, а судъ не позволилъ депутату и свидѣтелямъ доказывать справедливость своихъ обвиненій. Скандальное дѣло это, еще больше уронившее палату въ общественномъ мнѣніи, впрочемъ, опять возобновилось, притянувъ къ суду зачѣмъ-то

и Вильсона, осмѣлившагося явиться въ палатѣ депутатовъ, и Жилли, написавшаго памфлетъ о кражахъ и взяткахъ членовъ палаты.

Невмѣняемый Миланъ продолжаетъ выдѣлывать въ своемъ королевствѣ такіе парламентскіе фокусы, которые могутъ имѣть для него очень плачевныя послѣдствія. Это, конечно, никого не огорчитъ, но плохо то, что его продѣлки могутъ вызвать серьезныя усложненія въ дѣлахъ Балканскаго полуострова, и безъ того угрожающихъ кровавыми столкновеніями. Для того чтобы отвлечь вниманіе сербовъ отъ развода съ королевою Наталіею, онъ придумалъ комедію пересмотра конституціи, разсчитывая, что выборы въ великую скупщину отвлекутъ вниманіе народа отъ позорнаго образа дѣйствій короля и ему удастся, можетъ быть, получить одобреніе выборныхъ беззаконному разводу. Но пока вожди партій наивно обсуждали въ Бѣлградѣ проэктъ новой конституціи, министръ Христичъ началъ производить выборы въ скупщину съ такими насиліями и беззаконіями, вербуя клевретовъ правительства, что во многихъ мѣстахъ народъ поднялся въ защиту своихъ правъ противъ жандармовъ и полицейскихъ агентовъ, причемъ схватки не обошлись безъ пролитія крови. Но ни наглый гнетъ правительства, ни всевозможныя мошенничества при собираніи голосовъ не помѣшали получить огромное большинство въ скупщинѣ—партіи радикаловъ, враждебной Милану. Тогда, испугавшись такихъ выборовъ, онъ вдругъ уничтожилъ ихъ, объявивъ недѣйствительными, подъ тѣмъ предлогомъ, что они произошли «подъ незаконнымъ давленіемъ правительственныхъ агентовъ». Такое обвиненіе правительства, то есть самого себя со своими министрами, явленіе небывалое въ исторіи конституціонныхъ державъ, и даже осторожное «Новое Время» называетъ его «нахальнымъ политическимъ шулерствомъ», прибавляя, что Миланъ вступилъ на путь, по которому не рѣшался идти съ открытымъ лицомъ ни одинъ изъ европейскихъ королей, и, очевидно, не чувствуетъ необходимости соблюдать какія бы то ни было приличія, обязательныя для людей въ его положеніи. Сербы, конечно, поняли, какъ ихъ одурачилъ Миланъ своимъ приглашеніемъ помогать ему въ разработкѣ новой конституціи, но принялись за новые выборы, подъ надзоромъ какихъ-то комисаровъ—и результатъ оказался прежній. Страна послала въ скупщину тѣхъ же радикаловъ. Тогда Миланъ бросился за совѣтами въ Вѣну. По секретному договору съ Австріей, ея войска могутъ вступить въ Сербію, когда этого потребуетъ король «для защиты его отъ бунтующихъ крамольниковъ». Рѣшится ли на это Австрія и рѣшится ли, въ виду этого, скупщина прогнать, наконецъ, своего Милана, позорящаго страну и отдавшаго ее въ вассальную зависимость Австріи? Онъ все грозитъ, что отречется отъ престола, и хотя, конечно, обманываетъ и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, потому что добровольно никогда не откажется отъ власти, но отреченіе невыгодно для

Австріи, такъ какъ за нимъ послѣдуетъ регентство королевы Наталіи и уничтоженіе въ странѣ нѣмецкаго вліянія. Миланъ объявилъ, правда, что признаетъ своимъ наслѣдникомъ сына своего—какъ будто къ чему нибудь нужно такое признаніе,—и что онъ не вступитъ во второй бракъ,—когда никто и не призналъ законнымъ расторженіе перваго. Королева Наталія даже напрасно обнародовала полный достоинства протестъ противъ развода, состряпаннаго митрополитомъ Ѳеодосіемъ: никто не признаётъ расторженія брака, затѣяннаго безшабашнымъ властителемъ съ помощью беззастѣнчиваго святителя. Но пусть Австрія серьезно подумаетъ о томъ, какія послѣдствія поведетъ за собою вторженіе ея войскъ, хотя бы и подъ предлогомъ возстановленія власти законнаго государя, который, однако, въ послѣднее время не совершилъ ничего, кромѣ самыхъ вопіющихъ беззаконій.

На нашу дипломатію снова обрушились нареканія нашей печати, и на этотъ разъ, какъ почти всегда, небезъосновательныя. Въ дипломатическихъ сферахъ всѣхъ странъ и эпохъ есть, дѣйствительно, много такихъ пріемовъ и обычаевъ, которые не согласуются съ понятіями о прямодушной и открытой политикѣ государства. Въ посланникѣ каждой державы при любомъ дворѣ всѣ остальные посланники видятъ человѣка, старающагося достигнуть преобладающаго вліянія своего двора, и потому всѣ ихъ усилія клонятся обыкновенно къ тому, чтобы помѣшать ему получить это преобладаніе. Особенно важно оно при дворахъ восточныхъ властителей, гдѣ интересы здравой международной политики отступаютъ часто на второй планъ передъ личными прихотями неограниченнаго монарха. Такой монархъ находится всегда подъ вліяніемъ одной изъ европейскихъ державъ и такое вліяніе принадлежало намъ съ давнихъ поръ въ Персіи, которой мы не разъ оказывали большія услуги, а въ настоящее время избавили ее навсегда отъ разбойничьихъ набѣговъ племени туркменъ, уводившихъ въ рабство тысячи персіанъ, но теперь не смѣющихъ подъ нашимъ владычествомъ производить грабежи и опустошенія. Но Персія забыла и это недавнее прошлое, и тѣ времена, когда мы на-голову разбивали ея жалкую, босоногую армію и простили ей убійство нашего посла. «Царь царей», увѣрявшій еще въ сентябрѣ посланника нашего, уѣзжавшаго въ отпускъ, что никогда не подпишетъ разрѣшенія англійскимъ судамъ плавать по единственной судоходной рѣкѣ Персіи—Коруну—въ октябрѣ далъ это разрѣшеніе и, заодно уже, запретилъ въ пограничномъ городѣ Люфтабадѣ продавать русскимъ хлѣбъ въ Закаспійскій край. Кромѣ того, персидское правительство отказалось признать утвержденное нами генеральное консульство въ столицѣ Хорасана, Мешхедѣ—подъ предлогомъ, что это можетъ возбудить волненія въ фанатическомъ населеніи. А между тѣмъ, въ томъ же городѣ спокойно существуетъ консульство англичанъ, которыхъ персидская чернь

ненавидитъ больше русскихъ. Наконецъ, персіане до сихъ поръ не выстроили давно условленнаго небольшого участка необходимой для насъ и для нихъ самихъ торговой дороги изъ Мешхеда до Асхабада для соединенія съ нашими путями. На это въ казнѣ не находится достаточныхъ средствъ. Все это произошло по наущеніямъ англійскаго посла въ Тегеранѣ, Друмонда Вольфа, устроившаго, уже въ бытность его константинопольскимъ посломъ—революцію въ Филиппополѣ, а въ Египтѣ обдѣлавшаго на славу дѣла англичанъ. Точно также обдѣлалъ онъ ихъ и въ Тегеранѣ, въ два-три мѣсяца—обычнымъ путемъ: подкупомъ совѣтниковъ шаха. Но какимъ образомъ наша дипломатія допустила провести себя? вотъ вопросъ, который задаютъ всѣ наши газеты? Какъ могли мы такъ быстро утратить вліяніе въ странѣ, граничащей съ Россіею на протяженіи полуторы тысячъ верстъ. Лучшія сѣверо-восточныя провинціи Персіи—Гилянъ, Мазандеранъ, Хорасанъ, прилегаютъ къ нашимъ владѣніямъ; Тегеранъ всего въ девяти переходахъ отъ Каспія; Барфрушъ, второй городъ по торговлѣ — расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того же моря; Тавризъ—самый населенный городъ Персіи—въ 130 верстахъ отъ нашей границы. И все это позабыть со всѣми договорами, заключенными съ Россіей, съ усмиреніемъ курдовъ, покореніемъ туркменъ, освобожденіемъ Персіи, отъ набѣговъ кочевниковъ, проведеніемъ желѣзной дороги вдоль ея границы! И находившаяся болѣе полутораста лѣтъ подъ русскимъ вліяніемъ Персія, съ ея никуда не годнымъ государственнымъ устройствомъ, нуждающаяся въ вѣчной опекѣ, вдругъ вполнѣ подчиняется англійскому вліянію. Развѣ это можно допустить?

НОВЫЯ КНИГИ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ шестой. Тифлисъ. 1888.

Изъ всѣхъ нашихъ учебныхъ округовъ, управленіе Кавказскаго округа отличается несомнѣнно бо́льшею и плодотворнѣйшею дѣятельностью. Это зависитъ, конечно, больше всего отъ лица, стоящаго во главѣ управленія, а почтенный попечитель учебнаго округа К. П. Яновскій давно уже пользуется извѣстностью опытнаго педагога и администратора. Не меньше также обязана ему наша литература и наука. Въ октябрьской книжкѣ «Народной Школы» мы дали отзывъ объ образцовомъ отчетѣ попечителя о состояніи учебныхъ заведеній на Кавказѣ за прошлый годъ, а теперь вышелъ другой сборникъ, представляющій богатый матеріалъ по исторіи, археологіи, этнографіи и лингвистикѣ Кавказа. Въ шести книгахъ этого сборника заключается столько данныхъ для изученія племенъ и мѣстностей нашей окраины, что знакомство съ этимъ изданіемъ управленія Кавказскаго округа дѣлается обязательнымъ для всякаго изслѣдователя нашего юго-востока. Въ вышедшемъ нынѣ выпускѣ сборника два отдѣла: одинъ географико-статистическій и топографическій, другой—литературный и филологическій. Въ первомъ описаны во всѣхъ отношеніяхъ станицы Отрадная, Рашеватская, Самурская и Бесленеевская, Кубанской области, сёла—Саровъ и Гадрутъ, Елизаветпольской губерніи и городъ Гори,—послѣдній только въ орнитологическомъ отношеніи. Но села и станицы изслѣдованы такъ подробно, что удовлетворяютъ всѣмъ научнымъ требованіямъ. Такъ, въ описаніи ихъ, кромѣ историческихъ и географическихъ данныхъ, приведены данныя объ общественныхъ учрежденіяхъ по народному образованію, экономическомъ положеніи жителей, образѣ ихъ жизни, о религіи, преданіяхъ, суевѣріяхъ, постахъ, свадебныхъ и другихъ бытовыхъ обрядахъ, праздникахъ и пр. Такое всестороннее изученіе, хотя и незначительныхъ мѣстностей, даетъ полное понятіе объ особенностяхъ края и его отличительной характеристикѣ. Во второмъ отдѣлѣ помѣщены не менѣе интересныя статьи о пѣсняхъ и на-

рѣчіи трапезондскихъ грековъ; «Адемирканъ», кабардинское сказаніе; объ орнаментахъ и формахъ доисторическихъ бронзъ, находимыхъ на одномъ кладбищѣ Терской области; народныя сказки закавказскихъ татаръ; обряды и обычаи города Ейска; народные разсказы жителей селенія Герана, Байнамедлы, Елизаветпольскаго уѣзда; загадки и сказки села Казгулаки. Сверхъ того, въ приложеніи помѣщены абхазскія и удинскія азбуки и сказки. Все это интересно не для однихъ ученыхъ и этнографовъ. Такъ, въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ любопытно сближеніе пришлаго чисто-русскаго, казацкаго племени съ туземнымъ, установившимся въ краѣ съ незапамятныхъ временъ. Многія сказки кавказскихъ татаръ представляютъ варіанты преданій, извѣстныхъ и на Руси. Оригинальны четыре сказки, собранныя въ селѣ Казгулаки, Ставропольской губерніи, но двѣ изъ нихъ записаны со словъ одного разскащика, а въ такой странѣ нельзя довѣрять одному лицу, и если онъ не объясняетъ происхожденія своего разсказа, необходимо провѣрить, извѣстно ли и другимъ содержаніе сказки. Всѣ восточныя преданія, приведенныя въ сборникѣ, не отличаются ни богатствомъ, ни остроуміемъ народной фантазіи. Изъ пѣсенъ довольно любопытны греческія, написанныя на трапезундскомъ, или понтійскомъ нарѣчіи: онѣ доказываютъ, что подданные имперіи Комненовъ довольно своеобразно относились къ религіознымъ предметамъ. Въ одной пѣснѣ, возлюбленный говоритъ дѣвушкѣ: «твое лицо—икона, груди твои—лампадки: я буду прикладываться къ иконѣ и зажигать лампадку». То же сравненіе повторяется и въ другой пѣснѣ. Въ пѣснѣ о волосяномъ мостѣ есть поэтическое чувство; историческое значеніе имѣетъ пѣсня о паденіи Константинополя.

Сибирскіе разсказы изъ жизни пріисковаго люда. Спб. 1888.

Нашимъ окраинамъ какъ-то больше счастливится въ литературѣ, чѣмъ центру Россіи; ихъ больше изслѣдуютъ и описываютъ. Провинціалы наши—надо отдать имъ справедливость—даже поселившись въ столицѣ, остаются вѣрны культу своей родины и, не увлекаясь утонченностями космополитизма, не забываютъ своего муравейника и своихъ земляковъ. Въ газетахъ часто можно встрѣтить приглашенія на разные казанскіе и астраханскіе обѣды, оренбургскіе поминки и т. п. Усерднѣе всѣхъ держатся своей обособленности малороссы и сибиряки. Во главѣ послѣднихъ стоитъ почтенный редакторъ «Восточнаго Обозрѣнія» Н. М. Ядринцевъ, составившій много цѣнныхъ монографій о родномъ краѣ. Принужденный невозможными цензурными условіями края издавать сибирскую газету на невскихъ берегахъ, онъ добился однако возможности перенести ее въ нынѣшнемъ году на берега Ангары и, прощаясь съ Петербургомъ, издалъ здѣсь томъ «Сибирскихъ разсказовъ», составленный изъ очерковъ, уже являвшихся приложеніями къ его газетѣ. Всѣ четыре очерка, помѣщенные въ этомъ томѣ, рисуютъ одну сторону сибирскаго быта—жизнь на

золотыхъ пріискахъ, такъ далеко не похожую на жизнь въ самыхъ дикихъ медвѣжьихъ углахъ обширной Руси, да и вообще на жизнь сколько нибудь разумную и осмысленную. Этотъ страшный трудъ добыванія драгоцѣннаго металла, соединенный съ еще болѣе страшными злоупотребленіями, безпросыпнымъ пьянствомъ и гибелью тысячъ бѣднаго люда для обогащенія десятка кулаковъ и счастливцевъ, составляетъ такую вопіющую аномалію въ ряду соціальныхъ условій народнаго быта, что даже простое, безхитростное описаніе его, безъ изслѣдованія причинъ этого общественнаго зла, приноситъ уже несомнѣнную пользу, помимо интереса подобныхъ картинъ. А картины этого тяжелаго пріисковаго быта, не смотря на ихъ мрачный колоритъ, оставляютъ сильное впечатлѣніе. Таковы очерки пріисковой жизни—«Въ тайгѣ», гдѣ изображены и безсердечные эксплуататоры, и несчастный эксплуатируемый ими людъ, спасающійся только бѣгствомъ или смертью отъ каторжнаго труда и невыносимыхъ лишеній, подрывающихъ самый крѣпкій организмъ. Особенно рельефно окончаніе разсказа, гдѣ описаны: таёжное слѣдствіе, таежныя похороны, бѣгство рабочихъ, гибель части ихъ въ волнахъ рѣки, опрокинувшей утлый челнъ, на которомъ они спасались. Еще образнѣе передана жизнь пріисковыхъ рабочихъ въ разсказѣ «Сибирскіе мученики», написанномъ уже умершимъ интеллигентнымъ священникомъ Срѣтенскимъ, неприглядная жизнь котораго разсказана въ примѣчаніи. Не менѣе интересна картина «Олекминской Калифорніи», похожей на соименный ей сѣверо-американскій штатъ только тяжелыми работами на золотыхъ розсыпяхъ да страстью къ наживѣ въ искателяхъ золотаго песку. Въ послѣднемъ очеркѣ «Амурская Калифорнія» разсказана исторія открытія золотыхъ розсыпей на Амурѣ, въ китайскихъ владѣніяхъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ образовалась десятитысячная колонія изъ русскихъ, китайцевъ, ороченовъ, бродягъ всѣхъ націй и бѣглыхъ каторжниковъ, управлявшихся своими законами и выборными властями. На мѣстѣ пріисковъ выстроилась «Желтугинская станица», существовавшая около двухъ лѣтъ, пока ее не сожгли китайцы, а русскія власти не приняли строгихъ мѣръ противъ переселенія нашихъ подданныхъ на пріиски.

Иванъ Николаевичъ Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837 — 1887. Издалъ Алексѣй Суворинъ. Спб. 1888.

Мы давно привыкли въ нашей журналистикѣ къ жалобамъ на отсутствіе, въ настоящее время, серьезной литературной критики. Но на отсутствіе критики художественной, вѣрной оцѣнки изящныхъ искуствъ—жалобъ не слышно. Никого, повидимому, не интересуетъ почти абсолютный недостатокъ критиковъ этой категоріи. Въ то время, когда періодическая печать насчитываетъ, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, нѣсколько именъ присяжныхъ рецензентовъ, она едва ли можетъ назвать двухъ-трехъ

настоящихъ цѣнителей искусства. Мудрено ли, что публика знаетъ ихъ еще меньше. Въ прошломъ году умеръ скоропостижно, не доживъ до 50-ти лѣтъ, художникъ высокоталантливый, рьяный, энергичный, И. Н. Крамской. Всѣ знали его, какъ выдающагося живописца, любовались его художественными произведеніями. Въ нынѣшнемъ году, Крамской является уже «величайшимъ художественнымъ критикомъ нашего вѣка», то есть не только въ Россіи, но во всемъ свѣтѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ насъ другой, если не величайшій, то неукротимѣйшій критикъ, В. В. Стасовъ, произносящій свои безапеляціонные приговоры не съ спокойной строгостью знатока искусствъ, а съ увлеченіемъ фанатика-сеида. Правда, приговоры эти не подтверждаются общественнымъ мнѣніемъ, не восторгающимся, по примѣру г. Стасова, ни краснымъ носомъ на портретѣ протодьякона, ни барельефомъ жида-портнаго, вдѣвающаго нитку въ иголку, ни даже музыкальными произведеніями «могучей кучки», перелагающей на ноты «Женитьбу» Гоголя. Но такое непониманіе высокаго искусства, свойственное грубой толпѣ, profanum vulgus нисколько не смущаетъ критика, и онъ всѣми средствами, unguibus et rostra, отстаиваетъ свои убѣжденія и увлеченія съ авторитетомъ непогрѣшимаго папы. Такъ, свое мнѣніе о Крамскомъ онъ подтверждаетъ томомъ его писемъ въ 768 страницъ. Письма эти читаются съ интересомъ, но далеко не всѣ. Изъ 374-хъ, для характеристики Крамского достаточно было бы напечатать одну треть, другая треть можетъ еще, пожалуй, интересовать художниковъ по замѣткамъ, относящимся къ исторіи и теоріи искусства, но послѣдняя треть просто балластъ, безъ малѣйшей надобности увеличивающій объемъ, а, стало быть, и цѣну книги. Для кого и для чего нужны, напримѣръ, записки къ П. М. Ковалевскому, помѣщенныя въ числѣ послѣднихъ писемъ? Въ одной сообщается о томъ, что художникъ попробуетъ работать, другая совершенно непонятна безъ коментарій; говорится въ ней о какихъ-то тѣняхъ, о конторкѣ и о «жухлости». Послѣднее слово принадлежитъ, конечно, къ техническимъ терминамъ живописи, но для обыкновеннаго читателя это тарабарская грамота. Правда, записочки эти занимаютъ немного мѣста, въ нихъ всего три-четыре строки, но вѣдь сколько есть въ текстѣ такихъ же въ 30 — 40 и даже въ нѣсколько сотенъ строкъ, ровно ничего не объясняющихъ, никого не интересующихъ. Вообще, при выборѣ для печати писемъ выдающихся лицъ, надо имѣть особый тактъ, какимъ, къ сожалѣнію, не обладаетъ г. Стасовъ, считающій святынею каждую строку, написанную художникомъ, хотя она не имѣетъ ни малѣйшаго значенія не только для потомства, но и для современниковъ. Письма часто пишутся подъ первымъ впечатлѣніемъ, если всегда искреннимъ, то далеко не всегда истиннымъ; пишутся они при извѣстныхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ измѣняться, а съ ними вмѣстѣ измѣняются и убѣжденія писавшаго; наконецъ пишутся

они и къ лицамъ, съ которыми не церемонятся, а въ печати нецеремонность мысли и выраженія можетъ оттолкнуть читателя. Въ теченіе 25-лѣтія когда писались эти письма, Крамской, какъ и всякій человѣкъ, мѣнялъ свои мнѣнія о многомъ, дѣлаясь опытнѣе, ближе узнавая то, о чемъ судилъ прежде по первому впечатлѣнію. Самъ г. Стасовъ говоритъ, что у художника «есть недостатки, заблужденія; встрѣчаются невѣрныя сужденія». Но, называя Крамского величайшимъ критикомъ своего времени, слѣдовало указать, какія изъ его сужденій ошибочны и какія авторитетны и непреложны. Г. Стасовъ защищаетъ только г. Григоровича, къ которому Крамской относится будто бы «несправедливо и враждебно». Но дѣло здѣсь въ мнѣніяхъ не о лицахъ, а о принципахъ искусства, и въ этомъ отношеніи г. Стасовъ не приводитъ ни малѣйшихъ указаній. Онъ не берется, правда, за оцѣнку художника, какъ критика, но, признавая его законодателемъ въ этой области, надо же было подтвердить это мнѣніе какими нибудь доказательствами. Г. Стасовъ сознаётся, что считалъ прежде Иванова, автора картины «Явленіе Христа народу», великимъ и глубокимъ мыслителемъ въ дѣлѣ искусства, хотя онъ не написалъ ни одной статьи, но въ письмахъ его «безчисленное множество такихъ глубокихъ взглядовъ на художество, такая глубокая оцѣнка художниковъ, такая независимость и смѣлость мысли, какихъ я нигдѣ болѣе, раньше его, не встрѣчалъ во всей художественно-критической литературѣ Запада». (Гипербола, какъ извѣстно, любимая форма выраженія г. Стасова и для него дешево стóитъ—ничего не писавшаго, добродушнаго Иванова поставить выше всѣхъ европейскихъ критиковъ). «Но, узнавъ Крамского вполнѣ,—прибавляетъ г. Стасовъ,—я пришелъ къ тому убѣжденію, что въ дѣлѣ художественной критики Крамской еще значительнѣе Иванова: онъ разностороннѣе и *гибче* его, не ограничивается однимъ религіознымъ, идеальнымъ искусствомъ, но глубоко понимаетъ и бытовое, жизненное, реальное искусство». Не говоря уже о томъ, что странно считать великимъ критикомъ художника, признававшаго только одну сторону искусства,—самый переходъ отъ великаго Иванова къ величайшему Крамскому не рекомендуетъ устойчивости художественнаго критеріума г. Стасова. Кто поручится за то, что, познакомившись съ письмами третьяго живописца, хоть бы творца протодьяконовскаго портрета, г. Стасовъ не найдетъ этого художника еще *гибче* Крамского и не признаетъ его критикомъ высочайшимъ, такъ какъ эпитетъ величайшаго уже принадлежитъ Крамскому. Кстати же, этотъ будущій наслѣдникъ критической славы Крамского, въ оцѣнкѣ своего учителя, отнесся къ нему съ такой критикой, какую, конечно, не одобритъ г. Стасовъ, разсыпающій теперь громы своего краснорѣчія противъ газеты, передъ издателемъ которой разсыпался въ изъявленіи благодарности за доставленіе средствъ къ изданію писемъ Крамского. Такіе переходы въ карьерѣ г. Стасова, впрочемъ, не

новость. Отдѣлать сегодня безпощадно своихъ вчерашнихъ друзей—для него рѣшительно ничего не стоитъ. Но отдавая справедливость его стараніямъ собрать всѣ письма и статьи покойнаго художника, мы должны все-таки сказать, что изъ этихъ статей и писемъ немногія останутся въ исторіи искусства и художественной критики. Въ нихъ виденъ несомнѣнно даровитый, самъ себя образовавшій художникъ, обязанный самому себѣ развитіемъ своего таланта, давшій сильный толчокъ русской живописи своею энергичною борьбою съ заплѣсневѣлою академическою рутиною, своимъ вѣрнымъ взглядомъ на искусство и его представителей. Но въ его сужденіяхъ, хотя и высказанныхъ литературнымъ, мѣстами остроумнымъ, языкомъ, нѣтъ никакихъ новыхъ, особенно блестящихъ идей и выводовъ, которые заставили бы признать его не только величайшимъ русскимъ, но и всемірнымъ художникомъ-критикомъ.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Т. IX. Переводъ *Андреева*. Москва, 1888.

Въ то время, когда у насъ выходилъ переводъ этого тома капитальнаго труда, о которомъ намъ приходилось говорить уже нѣсколько разъ, авторъ его умиралъ въ Германіи, провожаемый искренними сожалѣніями друзей науки. Кончилъ ли онъ свой трудъ—мы еще не знаемъ. Девятый томъ останавливается на первой четверти XVI вѣка—и осталось еще разсказать многое, чтобы исторія могла получить названіе «всеобщей». Правда, маститый историкъ, умирая на 81 году своей изумительно трудовой жизни, оставилъ потомству первое полное изданіе этой исторіи, выходившее въ теченіе четверти столѣтія въ 15-ти томахъ (1857—1881), но ея новое, второе изданіе мѣстами до того переработано и пополнено новыми свѣдѣніями, что было бы величайшею потерею для науки, еслибы онъ не успѣлъ привести въ порядокъ и подготовить къ печати, въ исправленномъ видѣ, и послѣдніе томы своей исторіи. Правда, вышедшій нынѣ томъ не носитъ на себѣ слѣдовъ такихъ значительныхъ измѣненій, какимъ Веберъ подвергнулъ древнюю и отчасти среднюю исторію, — такъ, эпоха гуманизма у него осталась въ своемъ первоначальномъ видѣ, уже не удовлетворяющемъ насъ послѣ выхода въ текущее десятилѣтіе сочиненій Кертинга, Бурсіана, Гейгера, особенно Фейгта, переведеннаго даже по русски. Но, зная неутомимую дѣятельность автора въ области историческихъ изысканій, мы могли надѣяться, что и при изложеніи событій новѣйшей исторіи, онъ не оставитъ безъ вниманія и должной оцѣнки изслѣдованій своихъ собратій на томъ же поприщѣ, если только смерть не помѣшаетъ ему воспользоваться послѣдними историческими открытіями. Девятый томъ посвященъ исторіи народовъ и государствъ въ эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, но здѣсь же помѣщено и обширное изслѣдованіе средневѣковой литературы въ послѣдній періодъ ея развитія. Знаменитый авторъ «Исто-

ріи нѣмецкой литературы», выдержавшей 12-ть изданій, остается вѣренъ своему взгляду на исторію, выраженному и въ заголовкѣ перваго изданія его книги: «Всеобщая міровая исторія, гдѣ особенно приняты во вниманіе умственная и культурная жизнь народовъ». Поэтому литература всѣхъ народовъ, во всѣ періоды, занимаетъ первое мѣсто въ книгѣ Вебера, наряду съ передачею историческихъ фактовъ, обиліе которыхъ, вмѣстѣ съ необыкновенною ясностью изложенія, составляетъ отличительную характеристику историка. Объективность сужденій можно было бы также причислить къ заслугамъ автора, еслибы онъ не оставался совершенно безучастенъ къ судьбѣ выдающихся историческихъ дѣятелей и не старался держаться золотой середины, при передачѣ спорныхъ фактовъ. Въ то же время онъ не держится племеннаго безпристрастія и отводитъ во всемірной исторіи гораздо больше мѣста нѣмецкой національности. Такъ, и въ девятомъ томѣ слишкомъ подробно излагается исторія Бранденбурга, Пруссіи, Австріи, Баваріи, Пфальца, когда всѣ эти Гогенцоллерны и Вительсбахи имѣли ничтожное вліяніе на главныя событія этого времени—эпоху открытій въ Новомъ свѣтѣ и возрожденія въ Италіи. Переводу этого тома предпослана статья, не имѣющая къ нему никакого отношенія: «О различіяхъ между народами по національному характеру». Авторъ доказываетъ, что всѣ племена одинаково способны къ цивилизаціи. Если положеніе какого нибудь народа было очень долго бѣдственнымъ, то привычныя желанія его имѣютъ очень небольшой размѣръ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы народъ не могъ желать гораздо большаго, когда первыя желанія его удовлетворены. Это вѣрно, но нельзя доказать, какъ ни старается авторъ, что національности не имѣютъ отличительнаго характера и что развитіе ихъ зависитъ преимущественно отъ потребностей желудка.

Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ. Составилъ *Я. Н. Бутковскій*. Спб. 1888. Два тома.

Для составленія этой книги, авторъ, по его собственнымъ словамъ, пользовался компиляціями, почерпнутыми изъ документовъ, хранящихся въ австрійскихъ архивахъ. Какія это компиляціи—авторъ не называетъ; литература восточнаго вопроса весьма обширна и лучшія сочиненія по этой части давно извѣстны, но врядъ ли слѣдуетъ обращаться къ австрійскимъ источникамъ для уразумѣнія настоящихъ цѣлей австрійской политики, особенно когда объ ней явилось и на русскомъ языкѣ столько замѣчательныхъ сочиненій гг. Татищева, Трачевскаго, Углицкаго («Очерки дипломатической исторіи восточнаго вопроса») не говоря уже о трудахъ С. Соловьева, Ѳ. Мартенса и др. Австрійскую точку зрѣнія на славянъ мы давно знаемъ и, для перечисленія всѣхъ интригъ и обмановъ, какими вѣнская дипломатія столько лѣтъ старалась опутать и провести Россію—не стоило издавать двухтомную компиляцію, не сообщаю-

щую ничего новаго по этой части. Напрасно также авторъ говоритъ о вѣковомъ соперничествѣ Россіи и Австріи изъ-за гегемоніи надъ славянскими племенами. Сто лѣтъ тому назадъ, Австрія и не думала предъявлять никакихъ правъ на славянъ, не входившихъ въ составъ имперіи Габсбурговъ. При Екатеринѣ II, она была нашею союзницею въ войнахъ съ Турціей. При Наполеонѣ I, Габсбурги заботились только о томъ, какъ бы сохранить свою имперію отъ хищничества корсиканскаго завоевателя. Возстанію Сербіи и Греціи они мѣшали не изъ боязни, что эти страны подпадутъ подъ вліяніе Россіи, а изъ боязни, что стремленіе къ освобожденію охватитъ и подвластныя имъ славянскія племена. При Николаѣ I, Австрія заботилась лишь о сохраненіи своей власти надъ Германіею и Италіею, и только выгнанная изъ этихъ странъ, въ шестидесятыхъ годахъ, задумала вознаградить себя пріобрѣтеніями на Востокѣ, куда ее толкалъ канцлеръ новообразовавшейся Германской имперіи. Гдѣ же тутъ столѣтнее соперничество, о которомъ толкуетъ г. Бутковскій? Къ чему онъ увѣряетъ, что Австрія—держава славянская и что ея правительство само сознаетъ это. Хорошо это сознаніе, когда въ одной части имперіи славянъ давятъ нѣмцы, а въ другой мадьяры. Ея спасеніе заключается въ славянахъ, въ ихъ политической и религіозной равноправности съ другими племенами монархіи. А гдѣ же эта равноправность и возможна ли она тамъ, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ не національные интересы, а династическіе, нѣмецкіе? И можно ли, послѣ всѣхъ разоблаченій послѣдняго времени, утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Бутковскій, что «бисмарковская политика не враждебна Россіи и канцлеръ не разъ оказывалъ ей услуги». И потомъ, гдѣ какъ не въ австрійскихъ компиляціяхъ, могутъ встрѣтиться подобныя фразы, приводимыя авторомъ, какъ выводы, въ заключеніе его книги. «Европа инстинктивно боится славянства, оно представляется ей грубою силою, грозящей поглотить ее. Слѣдовательно, Австрія, захватывая въ свое распоряженіе часть этихъ силъ, оказываетъ племенамъ германскому, латинскому, англо-саксонскому и финскому (?!) двойную услугу: она раздѣляетъ силы славянъ, удаляя ихъ отъ Россіи и въ то же время является орудіемъ братоубійственной войны въ случаѣ единоборства съ Россіей. Къ сожалѣнію, въ славянахъ дѣйствительно коренится залогъ ихъ гибели и безопасности прочихъ племенъ: славяне поѣдятъ другъ друга». Такимъ утѣшительнымъ пророчествомъ г. Бутковскій заканчиваетъ свои политическія измышленія, напрасно стараясь смягчить ихъ картиною дѣлежа австрійскихъ владѣній, которыя неминуемо должны развалиться при столкновеніи съ Россіею... И съ какою цѣлью пишутся и издаются подобныя сочиненія?...

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Къ вопросу о земскомъ элеваторѣ въ Ельцѣ.—Ожидаемыя выгоды.—Хлѣбная инспекція и ея устройство.—О чемъ должно заботиться теперь елецкое земство?—Отношенія министра народнаго просвѣщенія, графа И. Д. Делянова, къ студентамъ.—Заботы его объ улучшеніи матеріальнаго положенія университетскихъ преподавателей.—Какъ слѣдуетъ рѣшить вопросъ о гонорарной системѣ, введенной университетскимъ уставомъ 1884 года?—Мѣры, проэктируемыя главноуправляющимъ С. Е. И. В. канцеляріею по учр. Импер. Маріи, статсъ-секретаремъ И. Н. Дурново для улучшенія участи незаконнорожденныхъ дѣтей въ провинціи.—Наши замѣчанія по этому вопросу.—Нѣсколько словъ по поводу конверсіи 5% займа 1877 г. на новый 4% заемъ.—Ожидаемое сбереженіе для казны.—Удачно проведенная техника займа.

Въ прошлой книгѣ нашего журнала мы уже упомянули о томъ, что на долю елецкаго земства выпалъ завидный починъ въ дѣлѣ благоустройства нашей хлѣбной торговли, а именно—сооруженіе, земскаго элеватора. Постройка этого зернохранилища обошлась по сообщеніямъ газетъ, въ 150 т. рублей, и элеваторъ уже съ осени нынѣшняго года работаетъ по пріему и отпуску зерна. Результатъ очистки, не смотря даже на несовершенство машинъ, превзошелъ, какъ говорятъ, ожиданія. Рожь, поступившая въ элеваторъ натурой въ 114 и 116 ф., вся была сдана при погрузкѣ въ 119 ф. и продана въ Ригѣ (71½ коп.) на 2½ коп. за пудъ выше противъ существующаго уровня биржевыхъ цѣнъ. Овесъ точно также, какъ и рожь, выходитъ изъ элеватора чистый, щеголеватый зерномъ. Отбрасывается немного, не болѣе 6—7 пудовъ на вагонъ,—что̀ составляетъ 1 процентъ, — но зато какая огромная разница въ добротности!—По поводу этихъ свѣдѣній одна провинціальная газета совершенно справедливо замѣтила, что уже теперь, по незначительному примѣру, можно судить, какова будетъ заграницей репутація нашего высокаго по своимъ природнымъ качествамъ хлѣба, когда элеваторы появятся въ портахъ и главныхъ пунктахъ хлѣбнаго производства. Это блаженное время, прибавимъ мы, настанетъ еще не скоро; но, во всякомъ случаѣ, примѣръ елецкаго земства наглядно доказываетъ, что и наши самоуправляющіеся органы способны на полезныя

дѣла, когда, во-первыхъ, среди земскихъ дѣятелей появляются энергичные люди, желающіе и умѣющіе безкорыстно трудиться на пользу своей родины, и, во-вторыхъ, когда этимъ безкорыстнымъ дѣятелямъ не мѣшаютъ проявить свою энергію разные народившіеся у насъ, за послѣдніе годы, «консервативные *новаторы*», которые, увлекшись—искренно или неискренно,—мыслью о необходимости «поворота назадъ», третируютъ безъ разбора всякое проявленіе общественной самопомощи. Къ счастью, однако, въ правительственныхъ сферахъ далеко не раздѣляютъ всѣхъ вожделѣній этихъ фанатиковъ, и на пользу, которую при благопріятныхъ условіяхъ могутъ приносить наши общественныя учрежденія, отнюдь не смотрятъ съ такимъ же безотраднымъ пессимизмомъ. Наилучшимъ доказательствомъ того, что подобное настроеніе удерживается въ нашихъ правящихъ сферахъ, служатъ, по нашему мнѣнію, недавно распубликованныя временныя правила относительно учрежденія при товарномъ складѣ (элеваторѣ) того же елецкаго уѣзднаго земства хлѣбной инспекціи [1]).

Надобно замѣтить, что уже ранѣе обнародованія этихъ правилъ, именно 30 марта текущаго года, послѣдовало высочайшее утвержденіе другаго, въ высшей степени важнаго для Россіи, закона о товарныхъ складахъ съ правомъ выдачи складочныхъ и закладныхъ свидѣтельствъ, извѣстныхъ въ финансовой практикѣ подъ именемъ «варрантовъ», разсчитанныхъ главнымъ образомъ на подъемъ нашей хлѣбной торговли и, вслѣдствіе этого, разрѣшающихъ въ принципѣ вопросъ о возможности обезличенія зерна, сдаваемаго на храненіе въ товарныхъ складахъ. Весьма естественно, поэтому, возникъ и другой вопросъ: какъ установить надлежащій надзоръ за сортировкой хлѣба, поступающаго на храненіе въ товарный складъ. Этотъ вопросъ, прежде всего, пришлось возбудить елецкому уѣздному земству,—и вотъ, въ упомянутыхъ нами выше временныхъ правилахъ, содержится отвѣтъ на сказанный вопросъ. Существенныя черты возникающей хлѣбной инспекціи опредѣляются во временныхъ правилахъ слѣдующимъ образомъ: опредѣленіе достоинства какъ подлежащаго обезличенію, такъ и принадлежащаго каждому отдѣльному хозяину зернового хлѣба, обращающагося въ земскомъ товарномъ складѣ, возлагается: 1) на комитетъ для надзора за сортировкой хлѣба и 2) на инспектора склада и его помощниковъ. Комитетъ образуется изъ разнаго числа членовъ отъ мѣстнаго земства и биржеваго общества, подъ главенствомъ предсѣдателя земской управы или особаго лица, избраннаго для того земствомъ. Въ случаѣ разрѣшенія товарному складу выдачи ссудъ изъ государственнаго банка и его конторъ, подъ выдаваемыя управленіемъ склада простыя складочныя свидѣтельства, въ составъ комитета войдетъ и представитель этого банка съ правомъ голоса. На обязанность комитета возлагается: общій надзоръ за правильностью дѣйствій инспектора склада; установленіе ежегодно для каждаго рода хлѣба «нормальныхъ сортовъ», сообразно его достоинствамъ, въ зави-

[1]) Собр. узак. и распор. прав. за текущій годъ, № 93 (23 сент.) ст. 871.

симости отъ урожая того года; разрѣшеніе жалобъ на неправильную сортировку хлѣба инспекторомъ склада, а равно и на другія его неправильныя дѣйствія; составленіе инструкцій для инспектора склада, и, наконецъ, привлеченіе инспектора и его помощниковъ за неправильныя дѣйствія къ суду, чрезъ мѣстный прокурорскій надзоръ. На должность инспектора, тѣмъ учрежденіемъ, которое будетъ завѣдывать, по порученію елецкаго земскаго собранія, всѣми дѣлами, до склада относящимися, назначается лицо, представившее залогъ, размѣръ котораго опредѣляется означеннымъ учрежденіемъ. Избранное на должность инспектора лицо утверждается департаментомъ торговли и мануфактуръ и допускается къ отправленію своихъ обязанностей не прежде, какъ по приведеніи его къ присягѣ. Помощники инспектора, число которыхъ опредѣляется учрежденіемъ, завѣдывающимъ складомъ, назначаются инспекторомъ, но утверждаются въ этомъ званіи упомянутымъ учрежденіемъ. Увольненіе инспектора и его помощниковъ также зависитъ отъ учрежденія, завѣдующаго складомъ, съ тою только оговоркою, что для увольненія инспектора требуется постановленіе комитета и разрѣшеніе департамента торговли и мануфактуръ. Вообще же надобно сказать, что, на основаніи разсматриваемыхъ нами «временныхъ правилъ», вся дѣятельность вновь создаваемой у насъ хлѣбной инспекціи поставлена подъ исключительный контроль елецкаго земства. Подобная постановка такого важнаго для всей Россіи вопроса, какъ способъ организаціи хлѣбной инспекціи, и даетъ намъ право утверждать, что въ правительственныхъ сферахъ, очевидно, не только не питаютъ ни малѣйшаго недовѣрія къ выборнымъ общественнымъ учрежденіямъ, а, напротивъ того, вполнѣ признаютъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ общественная самопомощь крайне необходима, что безъ нея даже трудно обойтись. Это тѣмъ болѣе отрадно, что вновь создаваемое учрежденіе, которое должно послужить образцомъ этого рода учрежденій и въ другихъ центрахъ хлѣбной торговли, требуетъ, по самой природѣ своей, особо «нѣжнаго» ухода за нимъ со стороны того органа, который призванъ контролировать его дѣятельность. Правда, что, для предупрежденія возможныхъ злоупотребленій со стороны инспекціи, «временныя правила» воспрещаютъ инспектору и его помощникамъ производить хлѣбную торговлю или участвовать въ ней и заниматься маклерствомъ по этой части, а также принимать отъ представляющихъ къ досмотру хлѣбное зерно подарки или вознагражденіе свыше установленной таксы. Но подобныя мѣры едва ли достаточны для предотвращенія злоупотребленій со стороны хлѣбной инспекціи, для которой, по самому характеру этой дѣятельности, злоупотребленія легко доступны и трудно уловимы, между тѣмъ какъ со стороны хлѣбовладѣльцевъ, складывающихъ свои зерновые продукты въ элеваторъ, надобно ожидать всевозможныхъ уловокъ въ «искушеніи» хлѣбныхъ инспекторовъ. Гораздо надежнѣе, поэтому,—какъ справедливо замѣтила одна петербургская газета,—предупреждать злоупотребленія осторожнымъ выборомъ лицъ и дѣйствительнымъ, неусыпнымъ надзоромъ за ихъ дѣятельностью. Во всякомъ случаѣ,

нельзя не пожелать, вмѣстѣ съ названной газетой, чтобы елецкое земство, приложившее столько стараній для благоустройства хлѣбной торговли своего округа, не слагало рукъ при завершеніи его трудовъ. Именно теперь-то, когда новыя учрежденія только что начинаютъ свою дѣятельность, елецкому земству необходимо быть на-сторожѣ, чтобы какія нибудь злополучныя случайности не скомпрометировали не только этихъ учрежденій, но и самой идеи ихъ. Это съ одной стороны; а съ другой—и это, пожалуй, имѣетъ еще болѣе важное *общегосударственное* значеніе—пускай тѣ, которые огульно осуждаютъ наши самоуправляющіяся учрежденія, убѣдятся, что они глубоко ошибаются и что у насъ, какъ вездѣ въ мірѣ, органы самоуправленія во многихъ отрасляхъ государственнаго хозяйства могутъ функціонировать съ огромною пользою для дѣла, и часто способны даже осуществить извѣстныя мѣры съ бо́льшей энергіею и бо́льшимъ умѣньемъ, чѣмъ органы бюрократическаго характера; что, наконецъ, если въ дѣятельности того или другаго общественнаго учрежденія по временамъ обнаруживаются недочеты непригляднаго свойства, то въ этомъ виноваты *не учрежденія* и не тѣ писанные уставы, на основаніи которыхъ они дѣйствуютъ, *а люди*, которые заправляютъ дѣлами, входящими въ кругъ вѣдомства этихъ учрежденій.

Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать однако, что у насъ нѣтъ людей, способныхъ служить на пользу своей родины. Напротивъ, мы всегда были того мнѣнія, что такихъ людей въ нашемъ обширномъ отечествѣ очень много, что ихъ можно встрѣтить и въ общественныхъ, и въ казенныхъ учрежденіяхъ. Но дѣятельность ихъ весьма нерѣдко парализуется установившеюся рутиной, которая убиваетъ ихъ энергію и предпріимчивость въ самомъ зародышѣ. Поэтому, отъ «власть имущихъ» требуется главнымъ образомъ осторожный выборъ людей, призываемыхъ къ управленію извѣстнымъ дѣломъ. Это, конечно, задача весьма нелегкая, но нельзя сказать, чтобы она была недостижима, особенно при дружномъ содѣйствіи нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Мы уже имѣли случай высказаться на этомъ мѣстѣ по вопросу о необходимости расширенія въ нашей школѣ *воспитательнаго* начала. Эту же мысль намъ приходится повторить и на этотъ разъ, благо г. министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ, возведенный на дняхъ, по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея, въ графское достоинство, самъ недавно публично затронулъ этотъ вопросъ. Мы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за рѣчами, которыя И. Д. Деляновъ, во время посѣщенія имъ разныхъ университетовъ, говорилъ студентамъ въ присутствіи начальства и профессоровъ, и—говоримъ прямо—онѣ производили на насъ одинаково отрадное впечатлѣніе. Въ словахъ И. Д. Делянова слышатся не упреки и не строгія внушенія молодежи, а чисто отеческія наставленія истинно благодушнаго человѣка, проникнутыя любовью и уваженіемъ къ молодымъ людямъ, въ которыхъ онъ видитъ будущихъ преподавателей, профессоровъ, начальниковъ учебныхъ заведеній, членовъ судебныхъ учрежденій и проч. до высшихъ государственныхъ

сановниковъ включительно. Но именно потому г. министръ и совѣтовалъ имъ быть въ постоянномъ общеніи съ университетскими руководителями.

«Сомнѣнія и недоумѣнія—говорилъ онъ московскимъ студентамъ—свойственны молодости, но за разрѣшеніемъ этихъ сомнѣній и недоумѣній не должно обращаться къ людямъ, которые боятся говорить открыто, шепчутъ свои наставленія на ухо, заводятъ неопытныхъ и нравственно безоружныхъ молодыхъ людей въ трущобы для сообщенія своихъ плановъ, а должно обращаться къ тѣмъ, которые надъ вами поставлены, какъ начальники и руководители, а равно и къ наставникамъ вашимъ, которые, посвятивъ жизнь свою наукѣ и образованію ума учащихся, конечно, столько же заботятся и объ образованіи ихъ сердца и желаютъ, чтобы наставляемые ими достигли возможнаго совершенства въ наукѣ и жизни».

«Но для молодежи—продолжалъ министръ—есть одно великое искушеніе, отъ котораго я считаю долгомъ васъ предостеречь. Вы встрѣтите людей взыскательныхъ, относящихся строго къ своимъ и вашимъ обязанностямъ. Не бѣгайте ихъ, а почитайте истинными вашими друзьями и доброжелателями».

Еще большей задушевностью отличалась рѣчь И. Д. Делянова, произнесенная имъ 9 ноября передъ студентами петербургскаго университета. Изъ этой рѣчи студенты узнали, что государь императоръ былъ тронутъ теплымъ, живымъ, единодушнымъ участіемъ студентовъ харьковскаго, московскаго и петербургскаго университетовъ въ торжественной встрѣчѣ ихъ императорскихъ величествъ. При этомъ министръ сказалъ, «что студенты, какъ истинные сыны отечества, составляютъ часть русскаго народа, и если что нибудь случится съ Россіей, то студенты станутъ грудью за государя и отечество».

То же самое, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, сказалъ студентамъ въ свое время бывшій ректоръ петербургскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ И. Е. Андреевскій, и, конечно, къ подобнымъ руководителямъ и представителямъ народнаго просвѣщенія студенты всегда отнесутся съ подобающимъ уваженіемъ и любовью. Нельзя, поэтому, не пожелать, чтобы такое гуманное и согласное съ высшей государственной мудростью отношеніе къ учащейся молодежи сдѣлалось достояніемъ всѣхъ лицъ, призванныхъ служить дѣлу народнаго образованія.

Тогда и сомнѣваться нечего, что у насъ никогда не окажется недостатка въ людяхъ, хорошо подготовленныхъ къ занятію различныхъ должностей, и можно будетъ съ увѣренностью сказать, что и казенныя, и земскія, и городскія, и всякія иныя общественныя учрежденія будутъ одинаково ровно и хорошо функціонировать.

Заговоривъ объ университетахъ и учащейся молодежи, мы не можемъ обойти молчаніемъ и вопроса объ улучшеніи матеріальнаго положенія профессоровъ. Этотъ вопросъ также выдвинутъ на очередь самимъ министромъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, весьма серьезнаго вниманія.

Надобно замѣтить, что, на основаніи университетскаго устава 1884 г., въ нашихъ университетахъ введена, на подобіе порядка, существующаго въ германскихъ университетахъ, система гонораровъ. По этой системѣ, студентъ можетъ записываться на лекціи того или другаго профессора по своему усмотрѣнію, внося за каждый предметъ, который онъ желаетъ слушать въ теченіе извѣстнаго семестра, опредѣленный гонораръ. Цѣлесообразное и справедливое распредѣленіе этого гонорара между отдѣльными профессорами и составляетъ теперь серьезный вопросъ въ нашей университетской жизни. По самому характеру своему, система гонораровъ дала у насъ, конечно, тѣ же результаты, какъ и въ германскихъ университетахъ, т. е. на извѣстныхъ факультетахъ и у извѣстныхъ профессоровъ, у которыхъ много слушателей, оказались гонорары больше, нежели у тѣхъ, у которыхъ слушателей мало. Такимъ образомъ, талантливѣйшій и ученѣйшій профессоръ какого нибудь слишкомъ спеціальнаго предмета долженъ весь вѣкъ свой просидѣть почти исключительно на скромномъ казенномъ окладѣ, который не даетъ возможности даже внимательно слѣдить за развитіемъ науки.

Этотъ порядокъ И. Д. Деляновъ справедливо признаетъ ненормальнымъ, а потому онъ, между другими вопросами, предложенными имъ на обсужденіе факультетовъ, поставилъ также и вопросъ о распредѣленіи гонораровъ. По этому поводу, въ печати появилось извѣстіе, что предполагается распредѣлить вносимую студентами сумму не по числу слушателей, а по числу часовъ, читаемыхъ профессорами. Подобное рѣшеніе намѣченнаго вопроса едва ли, однако, можетъ быть признано удовлетворительнымъ, хотя оно все таки будетъ справедливѣе теперешняго порядка. Одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ университетскаго устава 1863 г. составляло, какъ извѣстно, то обстоятельство, что въ немъ главное вниманіе обращено было на *штатный* составъ преподавателей, и только вскользь упоминалось о такъ называемой приватъ-доцентурѣ, которая, между тѣмъ, составляетъ питомникъ профессуры, напр., въ германскихъ университетахъ, славящихся своими приватъ-доцентами. Новый университетскій уставъ 1884 года отчасти пополнилъ этотъ пробѣлъ и ввелъ у насъ институтъ приватъ-доцентовъ,—нововведеніе несомнѣнно удачное въ принципѣ, которое могло бы со временемъ доставить русской наукѣ весьма надежный контингентъ дѣятелей. Оно должно бы вызывать конкуренцію между университетскими преподавателями, побуждать профессоровъ слѣдить за движеніемъ науки, обновлять и переработывать свои лекціи, не довольствуясь разъ навсегда составленными курсами, какъ это бывало прежде, ибо каждый изъ профессоровъ вынужденъ былъ бы опасаться, что въ случаѣ, если его лекціи потеряютъ интересъ для слушателей, то послѣдніе перейдутъ къ другому, конкурирующему съ нимъ, преподавателю. Но для того, чтобы вновь нарождающійся институтъ приватъ-доцентовъ получилъ надлежащее развитіе, необходимо было сразу поставить его въ условія, благопріятствующія росту. Между этими условіями не послѣднее мѣсто принад-

лежитъ вопросу объ обезпеченіи приватъ-доцентамъ возможности спокойно заниматься наукой, избавивъ себя отъ назойливыхъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ. А между тѣмъ, если допустить разрѣшеніе вопроса о распредѣленіи гонораровъ между преподавателями университета по количеству читаемыхъ каждымъ лекцій, то приватъ-доценты несомнѣнно получатъ самое мизерное вознагражденіе, такъ какъ штатные профессоры всегда имѣютъ возможность занять для своихъ лекцій бо́льшую часть времени, опредѣленнаго для студенческихъ занятій. Не говоримъ уже о томъ, что въ случаѣ установленія правила, что гонорары распредѣляются между профессорами по числу читаемыхъ ими часовъ, все соревнованіе между университетскими преподавателями обратится на количество часовъ, а не на полноту преподаванія, въ ущербъ, конечно, интересамъ науки и университетскихъ слушателей.

Съ другой стороны, нельзя также допустить, чтобы гонорары шли преимущественно въ пользу приватъ-доцентовъ, такъ какъ нынѣ получаемое штатными профессорами жалованье въ сущности крайне незначительно. Совершенно вѣрно указываютъ при этомъ, что еще при изданіи университетскаго устава 1863 г., комисія, опредѣлявшая вознагражденіе для профессоровъ, пришла къ той мысли, что жалованье, нынѣ существующее, можетъ быть признано достаточнымъ только въ томъ случаѣ, «если профессоръ и его семья никуда не будутъ выѣзжать на лѣто изъ города, если ни онъ не будетъ бывать ни у кого, ни у себя не будетъ никого принимать». Теперь жизнь стала еще дороже и къ числу ограниченій можно отнести еще и другія условія—не покупать книгъ, не занимать квартиру болѣе 3-хъ комнатъ, не держать болѣе одной прислуги, не воспитывать дѣтей въ гимназіи; да и очень возможно, что директоры гимназій призна́ютъ, что профессоры не могутъ, по неимѣнію средствъ, воспитывать своихъ дѣтей въ гимназіяхъ.

Какъ же, спрашивается, разрѣшить эту дилемму? По нашему мнѣнію, всего лучше рѣшить ее въ томъ смыслѣ, чтобы гонорарная система оставлена была только въ примѣненіи къ приватъ-доцентамъ, причемъ часть вносимыхъ студентами гонораровъ пріобщалась къ общей суммѣ спеціальныхъ средствъ даннаго университета; содержаніе же штатныхъ преподавателей слѣдуетъ увеличить на общемъ основаніи, тѣмъ болѣе, что подобное увеличеніе, повидимому, имѣлось въ виду самими составителями университетскаго устава 1884 г., положившими, что установленные ими штаты должны считаться *временными, примѣрно на два года*. Найдутся, конечно, люди, которые возстанутъ противъ такого новаго «обремененія» государственнаго казначейства, благо вопли о нашей бѣдности далеко еще не прекратились. Но едва ли такое возраженіе умѣстно въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ не о сооруженіи какихъ нибудь фантастическихъ рельсовыхъ путей въ интересахъ ненасытнаго «всероссійскаго» купечества, а объ обезпеченіи матеріальной участи профессоровъ и наставниковъ нашихъ же дѣтей, наилучшее воспитаніе которыхъ

конечно, должно интересовать каждаго изъ насъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. Мы впрочемъ увѣрены, что, при добромъ починѣ въ этомъ дѣлѣ министерства народнаго просвѣщенія, оно не встрѣтитъ никакихъ препятствій со стороны нынѣшняго министра финансовъ, который, какъ извѣстно, самъ долгое время числился въ рядахъ профессуры. Вообще теперь, какъ можно судить и по другимъ фактамъ, въ правительственныхъ сферахъ, повидимому, не прочь приложить особыя старанія къ обезпеченію участи подростающаго поколѣнія, хотя бы это и было сопряжено съ извѣстными матеріальными жертвами.

Мы говоримъ это по поводу извѣстія, сообщеннаго недавно газетами, что главноуправляющій собственною его императорскаго величества Канцеляріею по учрежденіямъ императрицы Маріи, статсъ-секретарь И. Н. Дурново обратилъ должное вниманіе на давно назрѣвшій у насъ вопросъ о необходимости болѣе раціональной организаціи призрѣнія подкидышей и незаконнорожденныхъ дѣтей въ провинціи. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ такъ называемые «воспитательные дома», куда принимаются свободно всѣ, безъ исключенія, дѣти, существуютъ только въ столицахъ, въ провинціи же, не смотря на то, что первый воспитательный домъ въ Россіи былъ основанъ еще въ 1706 году (основателемъ его былъ знаменитый своею благотворительностью новгородскій митрополитъ Іовъ) нѣтъ пока ни одного воспитательнаго дома. Между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сосредоточеніе призрѣнія незаконныхъ дѣтей въ двухъ столичныхъ воспитательныхъ домахъ составляетъ явленіе крайне ненормальное. Въ запискѣ, разосланной И. Н. Дурново губернаторамъ, съ просьбой высказаться о мѣрахъ къ улучшенію системы призрѣнія подкидываемыхъ дѣтей, справедливо говорится по поводу упомянутаго обстоятельства, что уже одна необходимость доставленія незаконнаго дитяти въ одну изъ столицъ изъ отдаленныхъ пунктовъ—является фактомъ, рѣшительно ни съ чѣмъ несообразнымъ. Не говоря уже о способахъ доставки этихъ несчастныхъ, легко можно себѣ представить, въ какомъ положеніи они поступаютъ въ воспитательные дома, измученныя и ослабленныя неправильнымъ питаніемъ и непосильною тягостью дальнихъ переѣздовъ. Воспитательный домъ принимаетъ всѣ мѣры, отвѣчающія послѣднимъ требованіямъ науки, для поддержанія этихъ полумертвыхъ дѣтей, и, не смотря на то, ихъ вымираетъ громадный процентъ. (Этотъ ужасающій процентъ—85, даже 90 изъ ста—выяснился печатно, лѣтъ 16 тому назадъ, въ полемикѣ между А. П. Пятковскимъ и правленіемъ с.-петербургскаго воспитательнаго дома). Пріисканіе громаднаго числа кормилицъ въ столицахъ составляетъ для воспитательныхъ домовъ непреодолимыя затрудненія. Этотъ недостатокъ кормилицъ имѣетъ гибельное вліяніе на сохраненіе младенцевъ.

Въ видахъ устраненія этого ненормальнаго порядка вещей, статсъ-секретарь И. Н. Дурново признаетъ необходимымъ децентрализовать дѣло призрѣнія незаконнорожденныхъ дѣтей. При этомъ предполагается, что за дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, долж-

на взяться частная благотворительность, безъ возложенія его обязательно на мѣстныя общественныя учрежденія, хотя, конечно, послѣднимъ не должно быть возбраняемо ассигновать на содержаніе учреждаемыхъ въ губерніи пріютовъ извѣстныя пособія, взамѣнъ средствъ, издерживаемыхъ ими на этотъ предметъ въ настоящее время. Предвидя, однако, щекотливость возбуждаемаго имъ вопроса, статсъ-секретарь Дурново счелъ нужнымъ иллюстрировать его слѣдующей, весьма любопытной исторической справкой, въ то же время свидѣтельствующей не только о вѣрномъ пониманіи трактуемаго предмета, но и о заслуживающей уваженія гуманности, которой проникнутъ авторъ записки. «На первыхъ порахъ учрежденія воспитательныхъ домовъ—говорится въ цитируемомъ нами документѣ—во всѣхъ мѣрахъ, относящихся до способовъ пріема и призрѣнія младенцевъ, проявилось одно: стремленіе уберечь и сохранить ихъ какъ можно дольше, и въ возможной степени облегчить такое тяжелое и горькое дѣло, какъ подкидываніе дѣтей. Такъ, у петербургскаго воспитательнаго дома (помѣщавшагося въ зданіи нынѣшняго Смольнаго института) устроена была особая потайная пристань, куда матери могли привозить дѣтей водою, тайно ночью, дабы никто не могъ досаждать имъ своимъ пустымъ или враждебнымъ любопытствомъ. По повелѣнію императрицы, строго было поручено полиціи, чтобы тѣхъ, которые несутъ дѣтей въ воспитательный домъ, ни въ какомъ случаѣ ни полицейскія, ни рогаточныя, ни дозорныя команды не смѣли останавливать, ни разспрашивать, кто они, а, напротивъ, защищать отъ всякихъ обидъ, оскорбленій и насмѣшекъ; если кто либо изъ боязни или по чувству стыдливости не рѣшался приносить дѣтей самъ, то могъ отдавать ихъ приходскимъ священникамъ, которые въ тотъ же день обязаны были отправлять ихъ въ воспитательный домъ. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ мѣрахъ проглядывало одно: сознаніе необходимости преклониться передъ совершившимся фактомъ появленія въ мірѣ человѣческаго существа и всѣми силами стараться оберечь и сохранить «будущаго человѣка» для общества и государства, не вдаваясь въ обсужденіе безнравственной стороны незаконнаго рожденія и мѣръ къ пресѣченію этого недуга, уврачеваніе коего, по справедливости, признавалось задачею особой отрасли общественной заботливости.

Съ теченіемъ времени, вѣдомство, управлявшее воспитательными домами, *отступило отъ своей первоначальной задачи—служить исключительно дѣлу призрѣнія незаконнорожденныхъ дѣтей*, и средства его стали отвлекаться на другія потребности, преимущественно на устройство учебно-воспитательныхъ заведеній. Вслѣдствіе этого, въ обѣихъ столицахъ и въ разныхъ мѣстахъ имперіи возникла цѣлая сѣть мужскихъ и женскихъ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, которыя причислялись къ вѣдомству императорскаго воспитательнаго дома, преобразованному впослѣдствіи въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, такъ что нынѣ въ этомъ обширномъ вѣдомствѣ воспитательные дома занимаютъ незначительное мѣсто.

Поэтому къ почину статсъ-секретаря И. Н. Дурново нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ, и мы увѣрены, что наше *общество*, отзывчивое на всякое доброе дѣло, не преминетъ откликнуться на зовъ И. Н. Дурново. Мы подчеркиваемъ слово «общество», потому что самъ статсъ-секретарь И. Н. Дурново ставитъ намѣченный вопросъ именно на почву частной благотворительности, и это, по нашему мнѣнію,—одна изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ предположенной реформы въ дѣлѣ призрѣнія незаконнорожденныхъ.

Въ предъидущемъ обозрѣніи, по поводу проэкта объ отмѣнѣ ссылки и «перевоспитаніи» въ такъ называемыхъ исправительныхъ тюрьмахъ, мы уже высказались, какъ несправедливо и неразсчетливо было—устранить отъ этого дѣла людей «человѣколюбивыхъ», въ родѣ членовъ высочайше учрежденнаго Попечительства надъ с.-петербургскою исправительной тюрьмой, безкорыстно желавшихъ посвятить свое время и труды на дѣла благотворительныя,—и эту же мысль мы повторяемъ въ настоящемъ случаѣ, отъ души радуясь, что ее раздѣляетъ и государственный дѣятель, статсъ-секретарь И. Н. Дурново.

Но мы считаемъ необходимымъ оговориться, что хотя въ принципѣ вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе статсъ-секретаря Дурново, что учрежденіе губернскихъ и уѣздныхъ пріютовъ для незаконнорожденныхъ дѣтей должно быть дѣломъ частной благотворительности, тѣмъ не менѣе полагаемъ, что иниціатива этого безспорно добраго дѣла должна принадлежать самому правительству, и при томъ не только иниціатива нравственная, но и матеріальная. По нашему мнѣнію, участіе правительства не должно ограничиваться простымъ laissez faire, т. е. разрѣшеніемъ частнымъ лицамъ учреждать народные пріюты на свой счетъ, а должно выразиться принятіемъ на себя *первоначальнаго* устройства ихъ если, не на полномъ казенномъ иждивеніи, то при пособіи отъ казны, ибо нельзя упустить изъ виду, что въ Россіи съ давнихъ временъ привыкли, чтобы всякія начинанія исходили отъ самого правительства. Недаромъ еще Петръ Великій писалъ въ одномъ изъ своихъ распорядительныхъ указовъ: «что мало охотниковъ, и то правда, понеже нашъ народъ, яко дѣти, неученія ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ» [1]). Съ того времени, конечно, утекло много воды, и мы во многомъ сдѣлали значительный шагъ впередъ, но едва ли кто нибудь станетъ спорить противъ того, что предпріимчивость далеко не въ нашемъ характерѣ вообще, а въ дѣлѣ благотворительности и подавно. Поэтому, разсчитывать и въ данномъ вопросѣ объ учрежденіи пріютовъ для незаконорожденныхъ дѣтей въ провинціи на частную иниціативу—крайне рискованно, а между тѣмъ разрѣшеніе этого вопроса въ скорѣйшемъ времени весьма важно, тѣмъ болѣе, что отъ этого въ значительной степени зави-

[1]) Этотъ указъ приведенъ въ историческомъ очеркѣ фабричнаго законодательства, Л. Н. Нисселовича, часть I, стр. 33.

ситъ участь незаконнорожденныхъ дѣтей и въ отношеніи ихъ правъ состоянія по выходѣ изъ проэктируемыхъ пріютовъ. Но объ этомъ вопросѣ мы поговоримъ въ другой разъ подробнѣе. А теперь пока замѣтимъ, что статсъ-секретарю И. Н. Дурново слѣдовало бы обратить также вниманіе на давно назрѣвшую потребность въ пересмотрѣ нашего законодательства касательно гражданскихъ правъ незаконнорожденныхъ дѣтей, благо, что этотъ предметъ можетъ считаться весьма серьезно и основательно обработаннымъ въ нашей юридической литературѣ.

Этимъ мы заканчиваемъ на сей разъ нашу бесѣду насчетъ «убогихъ» и «несчастныхъ», и обратимся къ другой матеріи, интересующей теперь наши состоятельные классы. Мы говоримъ о новомъ 4% займѣ на золотую волюту. Съ подробностями этого займа читатели наши, конечно, уже познакомились изъ газетъ. Поэтому мы не будемъ касаться подробностей, а поговоримъ лишь о принципіальной сторонѣ. Съ этой точки зрѣнія, насъ, конечно, долженъ интересовать прежде всего вопросъ: для какихъ цѣлей въ настоящее время,—когда наше финансовое положеніе, благодаря двумъ большимъ урожаямъ, находится въ благопріятныхъ условіяхъ,—предпринимается эта новая финансовая операція. Изъ именнаго высочайшаго указа на имя министра финансовъ, отъ 8 ноября, мы узнаёмъ, что назначеніе новаго займа двоякое: 1) для выкупа остающихся еще въ обращеніи облигацій пятипроцентнаго внѣшняго займа 1877 года, на нарицательную сумму 263.814.000 марокъ, и 2) для предоставленія государственному казначейству средствъ къ окончательному разсчету съ государственнымъ банкомъ по временно выпущеннымъ, на потребности войны 1877 г., кредитнымъ билетамъ, изъ которыхъ государственному казначейству остается еще погасить, согласно указу 1881 года, 50.000,000 рублей. Въ виду этого, посмотримъ сначала, какія выгоды повлечетъ за собою предпринятая конверсія. Выгоды эти, какъ оказывается, двоякаго рода: съ одной стороны, путемъ конверсіи 5% займа 1877 г., изъ котораго остается еще въ обращеніи значительная часть, подлежавшая погашенію въ теченіе еще 26 лѣтъ, на новый 4% заемъ съ обязательнымъ погашеніемъ въ теченіе 81 года, получится извѣстная экономія въ ежегодныхъ платежахъ, вслѣдствіе, такъ сказать, *разсрочки* долга на болѣе длинный срокъ; а съ другой стороны, благодаря конверсіи 5-проц. займа на четырехъ-процентный, получится извѣстное сбереженіе въ ежегодно платимыхъ процентахъ. Что касается первой изъ указанныхъ выгодъ отъ предпринятой конверсіи, то она, какъ всякій понимаетъ, имѣетъ чисто временный характеръ, такъ какъ, хотя *ежегодныя* погашенія будутъ производиться въ меньшихъ противъ прежняго размѣрахъ, но зато въ теченіе гораздо *большаго* числа лѣтъ, такъ что государственное казначейство въ сущности получитъ *временно* нѣкоторое облегченіе, но зато ему въ *будущемъ* предстоитъ довольно щедро оплачивать это облегченіе.

Словомъ, данная выгода отъ предпринятой нынѣ конверсіи 5% займа 1877 года на новый четырехъ-процентный совер-

менно та же, какъ и при всякой *разсрочкѣ* какого либо долга: она доставляетъ должнику облегченіе въ *настоящемъ* на счетъ *будущаго*. Подобное облегченіе, конечно, можетъ быть иногда весьма желательнымъ, напримѣръ, во время тяжелаго финансоваго кризиса, но когда такого экстраординарнаго мотива на лицо нѣтъ, подобное облегченіе—довольно призрачно, особенно, если принять во вниманіе слѣдующее весьма существенное обстоятельство. Дѣло въ томъ, что, по сообщенію газетъ, выпускной курсъ новаго четырехъ-процентнаго займа составляетъ $83^1/_2\%$, т. е. за каждые 100 рублей новаго долга государственное казначейство получитъ 83 рубля 50 копѣекъ. Далѣе, курсъ 5% займа 1877 г. стоитъ на $97^1/_2$, считая купонъ, а безъ купона—около $95^1/_2$. Чтобы расположить владѣльцевъ 5% займа къ обмѣну на новый 4% заемъ, имъ придется назначить нѣкоторую прибавку, примѣрно, не менѣе 1—$1^1/_2$ процента; такимъ образомъ, прежній 5% заемъ 1877 г. придется выкупить приблизительно за 97%, такъ что получится сбереженіе въ 3%. Присовокупляя это примѣрное сбереженіе, которое даетъ выкупъ прежняго 5% займа 1877 г., къ выпускному курсу новаго 4% займа ($83^1/_2$), можно считать, что отъ обмѣна пяти-процентнаго займа 1877 г. на новый 4% заемъ, государственное казначейство получитъ за каждые 100 рублей новаго долга около 86,5 руб. наличными, такъ что, хотя размѣръ ежегодныхъ процентовъ нѣсколько уменьшится, но зато значительно увеличится размѣръ капитальнаго долга. Желательна ли, при такихъ условіяхъ, конверсія? Вмѣсто прямаго отвѣта на этотъ крайне интересный вопросъ, мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ петербургской корреспонденціи, напечатанной два года тому назадъ въ «L'Economiste Francais» [1]) по общему вопросу о своевременности конверсій русскихъ государственныхъ займовъ. «Для совершенія конверсіи,—было сказано въ цитируемомъ письмѣ,—которая уменьшила бы на $^1/_2$ процента расходы на уплачиваемые нами проценты, необходимо, чтобы наши 5-ти-процентные займы поднялись до 110, и не искусственно, а естественно, что́ и позволило бы предложить взамѣнъ ихъ новый $4^1/_2$ процентный по 100. Ожидать же такого повышенія пока нельзя. Если же конвертировать, когда, пяти-процентные займы, какъ въ настоящее время—стоятъ 96, пришлось бы пускать въ обращеніе $4^1/_2$ процентный заемъ по $82^1/_2$. Государство выиграло бы $^1/_2$ процента на интересѣ, но потеряло бы $17^1/_2$ процент. на капиталѣ! При такихъ условіяхъ, конверсія не будетъ; казна никогда не согласится увеличить сумму капитальнаго долга. Лучше сдѣлать заемъ $4^1/_2\%$ al pari, возможный въ настоящее время, чѣмъ тревожить теперешнихъ владѣльцевъ нашихъ фондовъ; лучше всего воспользоваться нашимъ хорошимъ кредитомъ, чтобы сдѣлать большой заемъ 4-хъ-процентный, около пари, не для выкупа прежнихъ займовъ, но для усиленія металлическаго фонда до того, чтобы онъ покрывалъ вполнѣ наше бумажное обращеніе, каковой фондъ, однимъ

1) Отъ 6 ноября 1886 г., № 45.

своимъ существованіемъ, поднялъ бы нашу валюту до пари, еще до возстановленія самаго обмѣна».

Это письмо—тогда же воспроизведенное вкратцѣ въ газетѣ «Гражданинъ» [1]), которую ужь, конечно, никто не станетъ заподозривать въ нерасположеніи къ нынѣшней финансовой администраціи,—сопровождалось слѣдующими не лишенными интереса коментаріями, свидѣтельствующими о близкомъ знакомствѣ ихъ автора (скрывшагося подъ иниціалами Л. А. Р.) съ трактуемымъ предметомъ.

«Что касается собственно конверсіи—сказано въ этихъ коментаріяхъ,—то, въ общемъ, мы раздѣляемъ мнѣніе автора письма. Дѣйствительно, конверсія для Россіи въ настоящее время немыслима и нежелательна. Конверсія подразумѣваетъ естественное удешевленіе капиталовъ въ странѣ; а у насъ—какъ совершенно правильно сказано въ письмѣ—такого удешевленія вовсе нѣтъ. Предположимъ, что можно помѣстить по $82^1/_2$ не $4^1/_2$-процентный заемъ, а даже 4-процентный. Тогда, при согласіи владѣльцевъ нашихъ фондовъ на редукцію,—а согласія никоимъ образомъ нельзя ожидать,—придется выкупить прежніе займы al pari. Для того же, чтобы выкупить al pari одинъ милліонъ 5-проц. займа, за который мы платимъ ежегодно 50,000 руб., нужно по предположенному, но недостижимому курсу $82^1/_2$ (и не считая расходовъ на операцію), выпустить 1.210,000 руб., за которые, по 4 проц., будемъ платить ежегодно 48,400 рублей. Такимъ образомъ, на каждый милліонъ долгъ увеличится въ 210,000 руб., т. е. на 21 проц., а платимые ежегодно проценты уменьшатся на 1,600 рублей, что́ на одинъ милліардъ составитъ 1.600,000 руб.! Капитальный же долгъ увеличится на 210.000,000 руб.! Результатъ, какъ видно, сомнительный! Сто́итъ ли изъ-за этого хлопотать?! Если принять во вниманіе, что у насъ есть немало крайне необходимыхъ, общеполезныхъ воспитательныхъ, благотворительныхъ, богоугодныхъ и другихъ учрежденій, существующихъ почти на суммы и капиталы, помѣщенные въ государственныхъ бумагахъ, дающихъ имъ опредѣленный доходъ, то станетъ еще болѣе очевиднымъ, что конверсія въ настоящее время еще не представляется цѣлесообразной».

Спрашивается, измѣнились ли наши обстоятельства съ того времени въ ту сторону, на которую указываютъ цитированные авторы, дабы можно было признать конверсію своевременной? Едва ли. Правда, что наше финансовое положеніе вообще стало, подъ вліяніемъ двухъ большихъ урожаевъ, болѣе благопріятнымъ. Но капиталы тогда были въ изобиліи и потому дешевы, а теперь они, наоборотъ, очень до́роги. Недаромъ же осенью нынѣшняго года министерство финансовъ вынуждено было два раза выпустить временно въ обращеніе по 15 мил. кредитныхъ билетовъ для усиленія оборотныхъ средствъ государственнаго банка на нужды торговли и промышленности. 5% наши займы и теперь стоятъ значительно ниже пари. Наконецъ—потребности различныхъ нашихъ учреж-

[1]) Отъ 6 ноября 1886 г., № 90.

деній въ солидныхъ процентныхъ бумагахъ существуютъ и теперь. Стало быть, трудно сказать, какими иными соображеніями оправдывается конверсія. Обращаясь затѣмъ къ вопросу о количествѣ сбереженія въ ежегодныхъ процентахъ, которое даетъ предпринятая конверсія 5% займа 1877 года, мы должны замѣтить, что разсчеты, которые дѣлаютъ нѣкоторыя газеты, нѣсколько преувеличены. Такъ, напримѣръ, по разсчету одной московской газеты, при обманѣ 5% займа 1877 г. на новый 4% заемъ по курсу 86 руб., вмѣсто 5 руб. % на 100 р. капитала казна будетъ платить 4 руб. % на 86 руб. капитала, что̀ составитъ около 0,35% выигрыша въ платежѣ процентовъ на занятый капиталъ. Но при этомъ названная газета совершенно упускаетъ изъ виду, что во 1-хъ, новый заемъ *навсегда* освобождается отъ всякихъ русскихъ пошлинъ и налоговъ, что составляетъ уже, по теперешнему размѣру купоннаго налога, потерю для казны около 0,20%, а впослѣдствіи, быть можетъ, и болѣе; во 2-хъ, проценты по новому 4% займу, какъ извѣстно, будутъ выплачиваться не два, а четыре раза въ году, слѣдовательно казна будетъ пользоваться половинной суммой самихъ процентовъ на $^1/_2$ года меньше, что̀ также составитъ (на сумму около 2.500,000) нѣкоторую потерю, и, наконецъ, въ 3-хъ, нельзя забывать и того, что новый 4-хъ-проц. заемъ подлежитъ тиражу, а при этомъ казна должна будетъ приплачивать разницу между курсомъ, который установится на новый 4-хъ-проц. заемъ, и номинальной стоимостью тиражируемыхъ бумагъ,—разницу, которую теперь и опредѣлить нельзя. Такимъ образомъ, выходитъ, что сбереженіе въ ежегодныхъ процентахъ едва ли даже покроетъ потерю казны въ другихъ отношеніяхъ.

Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что *техника* новаго 4-хъ-проц. займа проведена прекрасно, и хотя въ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, намъ еще неизвѣстенъ результатъ подписки, мы, тѣмъ не менѣе, не сомнѣваемся, что успѣхъ ея будетъ полный. Этому содѣйствуютъ, во 1-хъ, упомянутое уже нами освобожденіе новаго займа отъ всякихъ русскихъ пошлинъ и налоговъ; во-2-хъ, указанное выше удачное нововведеніе относительно трехмѣсячной оплаты купоновъ, разсчитанной на обычай французскихъ капиталистовъ, которые привыкли получать проценты на свои бумаги каждые три мѣсяца, и, наконецъ, въ 3-хъ, другое, не менѣе удачное нововведеніе,—что купоны будутъ оплачиваться и въ Нью-Іоркѣ долларами, чѣмъ, быть можетъ, новый 4-хъ-проц. заемъ пріобрѣтетъ новый рынокъ—сѣверо-американскій. Вообще, надобно отдать справедливость нашей финансовой администраціи, что она, повидимому, задалась весьма похвальной цѣлью: освободиться отъ исключительной, тяжкой зависимости нашего денежнаго рынка отъ Берлина, благодаря чему мы, быть можетъ, въ будущемъ получимъ возможность осуществить болѣе выгодныя финансовыя операціи.

Но, помимо выкупа стараго 5-ти-проц. займа 1877 г., новый 4-хъ-проц. заемъ имѣетъ еще цѣлью пріобрѣсти для государственнаго казначейства 50.000,000 рублей, для того чтобы, согласно

указу 1881 г., *окончательно разсчитаться съ государственнымъ банкомъ по временно выпущеннымъ въ 1877 году кредитнымъ билетамъ*. Эта цѣль безспорно полезная, и намъ пріятно убѣдиться, что нынѣшній министръ финансовъ, вопреки разглагольствованіямъ «Московскихъ Вѣдомостей», въ данномъ вопросѣ дѣйствуетъ совершенно также, какъ и его предшественники, А. А. Абаза и Н. Х. Бунге, не отрицая ни теоріи финансовъ, ни европейской практики. Впрочемъ, о вредномъ вліяніи «бумажныхъ денегъ», не обезпеченныхъ размѣннымъ фондомъ, въ нашемъ журналѣ достаточно говорилось уже въ статьяхъ академика В. П. Безобразова—и толковать подробно объ этомъ предметѣ нѣтъ надобности. Можно порадоваться только, что взглядъ г. Безобразова раздѣляется и нашимъ министерствомъ финансовъ, и что намъ не предстоитъ опасности въ чрезмѣрномъ распложеніи бумажныхъ денегъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1889.—ИЗДАНІЕ СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1812 ГОДА.—1889.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ и ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

ГАЗЕТА СЪ ПЕРЕХОДОМЪ КЪ НОВОМУ ИЗДАТЕЛЮ и ПРИ НОВОМЪ СОСТАВѢ РЕДАКЦІИ ДОПОЛНЕНА НОВЫМИ ОТДѢЛАМИ И УВЕЛИЧЕНА ВЪ ФОРМАТѢ ДО РАЗМѢРА

БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ БЕЗЪ ПОВЫШЕНІЯ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ

и по своей обширной программѣ, всесторонней обработкѣ современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политики, науки, искусства, внутренней и заграничной жизни, а также своевременному сообщенію всѣхъ выдающихся новостей дня, можетъ вполнѣ замѣнить собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ и ЕЖЕНЕДѢЛЬН. ЖУРНАЛЪ

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты годовой подписчикъ получаетъ:

1) По воскресеньямъ, отпечатанный на зеленевой и глазированной бумагѣ нумеръ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

въ который входятъ: эпизоды изъ исторіи Русскаго государства, историческіе и современные романы, повѣсти и разсказы. Болѣе 300 рисунковъ, а именно: портреты историческихъ и современныхъ общественныхъ дѣятелей; историческія, бытовыя и современныя иллюстраціи, преимущественно изъ русской жизни, шахматныя и шашечныя задачи, каррикатуры и проч.

2) Въ теченіе года, чрезъ каждые два мѣсяца, годовымъ подписчикамъ будутъ выданы, выпусками, сброшюрованные и въ изящной обверткѣ

ШЕСТЬ КНИГЪ новыхъ большихъ РОМАНОВЪ.

3) „ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“, отпечатанный въ три краски (при первомъ нумерѣ).

4) Двѣнадцать нумеровъ „МОДЪ и РУКОДѢЛІЙ“ съ образцами вышивокъ, вязаній, мѣтокъ и т. п., а также выпиловочныхъ работъ.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, выславшія сполна подписную сумму ИМѢЮТЪ ПРАВО получить ОДНО изъ ДВУХЪ художественныхъ приложеній:

5) Олеографическую копію съ картины художника С. И. Верещагина, отпечатанную въ 20 красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкою и рельефомъ

„ІОАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ“

Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, а также роскошная обстановка, яркіе костюмы, вѣрные данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ эту картину очень интересною.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ:

6) **„СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ“**

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ СОРОКА КАРТИНЪ этого АЛЬБОМА, есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.; Гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковскаго, Вѣнига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топорикова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и друг. Картины АЛЬБОМА отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ изящную обертку.

Гг. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, желающіе получить вышеозначенную КАРТИНУ или АЛЬБОМЪ, благоволятъ высылать ОДИНЪ РУБ. за экз. (съ пересылкою).

Гг. подписчики могутъ получать съ уплатою 80 к. за экз., а не подписчики по 2 р. (съ перес.) прежнія картины: 1) „Крещеніе Кіевлянъ при кн. Владимірѣ“ В. Дмитрашко; 2) „Смерть Ивана Сусанина“ (2-е изд.) и 3) „Проводы новобранца на службу“ Рѣпина (оригин. состав. собств. Е. И. В. Вел. Кн. Владиміра Александровича).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ежедневной газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА» съ еженедѣльными и ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями:

На годъ: съ доставкою и пересылкою 8 руб.—На полгода 4 руб.

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору.

Адресъ Конторы: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

1889. —— ИЗДАНІЕ СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1835 г. —— **1889.**

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, отъ 2-хъ до 3-хъ листовъ текста, съ 7—10 рисунками альбомнаго размѣра.

КРОМѢ ТОГО ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:

I. **ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ** „Романовъ и Повѣстей“ (съ иллюстраціями), выходящихъ въ видѣ изящныхъ книжекъ ежемѣс., отъ 10 до 15 листовъ.

II. **ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ** „Новѣйшихъ Парижскихъ Модъ“, выходящихъ ежемѣсячно, въ видѣ спеціальнаго моднаго журнала (500 рисунк.).

III. **ДВАДЦАТЬ ОБРАЗЦОВЪ** разныхъ изящныхъ дамскихъ работъ: Выкройки въ натуральную величину. Рисунки для разнаго рода изящныхъ вышивокъ и вязаній, русскаго шва (крестиками), отпечатанные въ нѣсколько красокъ, буквы и монограммы, выпиловочные работы разныхъ стил. и пр. и пр.

IV. **ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫЯ КАРТИНЫ** съ оригиналовъ извѣстныхъ русскихъ художник. акварел. (новое и цѣнное художественное приложеніе).

V. **ДЕСЯТЬ** большихъ гравюръ-копій съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ (отдѣльными листами), отпечат. на эстампной бумагѣ.

VI. **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ,** отпечатанный золотомъ и въ пять красокъ.

ПРЕМІЯ: на выборъ одна изъ 4-хъ олеографич. картинъ или Альбомъ.

1) Большая эффектная художественно-исполненная олеографія съ картины, написанной проф. Ригеромъ въ пандантъ выданной преміи за 1886 г.—„БОСФОРЪ“

«ПРЕДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЕМЪ»

Размѣръ картины, какъ „БОСФОРЪ“ (длина полтора арш., высота 1 арш. и 1 верш.).

2) „ІОАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ“ (художника О. И. Верещагина). Размѣръ картины: длина 19 вершковъ, высота 14 вершковъ.
Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, яркіе костюмы, вѣрные данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ эту картину очень интересною.

3) „Босфоръ при лунномъ свѣтѣ“, профессора А. Ригера. 4) „Закатъ солнца въ зимній день“, русскаго художника А. Шильдера.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ

5) „СОРОКЪ КАРТИНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ“

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ СОРОКА КАРТИНЪ этого Альбома есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ, напр.: Гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковскаго, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Толоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Оѣдова, Творожникова и др.

Всѣ предлагаемыя въ премію картины высылаются НЕМЕДЛЕННО по подпискѣ.

Гг. годовые подписчики, желающіе получать въ премію олеографическую картину или Альбомъ „Сорокъ картинъ изъ русской исторіи“, уплачиваютъ одинъ рубль за экз. (съ пересылкою).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ (съ перес.) 8 р. Безъ дост. въ Спб. 6 р. 60 к.
Въ Москвѣ (безъ доставки); 7 р. Книжн. магаз. Папкова, Тверская, д. Полякова.

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ, НО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЧРЕЗЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ.

Адресъ Конторы: Спб. Невскій пр., у Аничкина моста, д. 68-40.

СОДЕРЖАНІЕ № 12-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

		стр.
I.	Измѣна. Повѣсть І. І. Ясинскаго	5
II.	Два сонета. Стих. Д. Мережковскаго	38
III.	Поѣздка въ Королевскую Монцу. (Изъ воспоминаній объ Италіи). Вас. И. Немировича-Данченко	39
IV.	Фантазія. Стих. К. М. Фофанова	63
V.	Колдунья. Разсказъ Рони	64
VI.	Наша комерція передъ лицомъ юстиціи. М. Г. Гребенщикова.	86
VII.	Поздняя любовь. Повѣсть Д. Л. Мордовцева	103
VIII.	Одинъ изъ «безсмертныхъ». Романъ А. Доде	156
IX.	Наши литературные нравы. О. В.	252
X.	Передъ портретомъ. Стих. В. Величко	286
XI.	Проба вина. Повѣсть Ганса Гофмана	*288*
XII.	Изъ дневника (шесть стихотвореній)	333
XIII.	Чѣмъ была для Пушкина женитьба? П. Засодимскаго	338
XIV.	Якобиты. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Франсуа Коппэ; переводъ А. А. Слѣпцова	383
XV.	Изъ Сырокомли. (Два стихотворенія). В. Н—на	458
XVI.	Разсказы Захеръ-Мазоха	460

Современное обозрѣніе.

XVII.	Парижскія письма Н. К. Д—ча	1
XVIII.	Политическая хроника	10
XIX.	Новыя книги	25
XX.	Внутреннее обозрѣніе	33
XXI.	Объявленія: «Сынъ Отечества», «Нива», «Всемірная Иллюстрація», «Полное собраніе», «Повѣсти и разсказы І. Ясинскаго», «Русскія Вѣдомости», «Новый Русскій Базаръ», «Модистка», «Модный Свѣтъ», «Осколки», «День», «Орловскій Вѣстникъ», «Вокругъ Свѣта», «Новороссійскій Телеграфъ», «Будильникъ», «Историческій Вѣстникъ», «Самарская Газета», «Сверчокъ». «Одесскій Листокъ», «Русскій Курьеръ», «Новости Дня» и «Живописное Обозрѣніе»	

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„НАРОДНАЯ ШКОЛА"

въ 1889 году.

(XXI ГОДЪ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ, и почетнаго диплома — отъ комисіи экспертовъ на Славянской педагогической выставкѣ въ Чехіи.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1889-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ—кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій—систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1889 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», на углу Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6, кв. 14; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая, противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія линіи. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1880, 1881, 1884, 1885 и 1886 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно; вмѣсто 22 р. 50 к. за пять лѣтъ—**по 15 руб. съ пересылкою.**

Первыя три книжки **«НАРОДНОЙ ШКОЛЫ»** за текущій годъ разошлись по подпискѣ.— *Новымъ подписчикамъ журналъ будетъ высылаться только съ 4-й* (апрѣльской) *книжки*, всѣ статьи которой имѣютъ самостоятельный интересъ и могутъ читаться независимо отъ предъидущихъ книжекъ. *Взамѣнъ же недостающихъ нумеровъ, подписчики получатъ, подъ заказной бандеролью, историческій романъ Георга Эберса:* **«СЕРАПИСЪ».** Книга эта *одобрена ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Годовая цѣна **4 р. 50 к.** съ перес.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ВЪ 1889 ГОДУ (ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Журналъ будетъ издаваться въ 1889 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Для будущаго года, въ распоряженіи редакціи находятся уже: 1) **Свѣтъ погасъ!** романъ *І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)*, 2) **Свѣжіе побѣги**, повѣсть въ 2-хъ частяхъ *Ф. Д. Нефедова*, 3) романъ *Д. И. Стахѣева*, 4) **Исходъ**, драма *Н. Съверина*, 5) **Бѣлый левкой**, повѣсть *П. В. Засодимскаго (Вологдина)*, 6) повѣсти и разсказы *Д. Сибиряка*, *К. В. Назарьевой*, *К. Ѳ. Дубровиной* и др., 7) **Вѣкъ сеадонства** (черты нравовъ XVIII в.), рядъ статей *В. О. Михневича*, 8) статьи и изслѣдованія *Я. В. Абрамова*, *И. Е. Андреевскаго*, *В. П. Безобразова*, *Г. П. Сазонова*, *В. В. Чуйко* и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій, подписная же цѣна остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1—6, кв. 14; **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшавѣ**—въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ лицами, подписавшимися въ Главной конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, съ часу до двухъ.

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

5.-